К 9
М 91

Муров
По русскому Дальнему Востоку
Т II.

БЕРЕГИ КНИГУ

Книга—лучший друг человек

- Не перегибай книгу
во время чтен

Не загибай углов.

– Не делай надписей на книге.

– Не мусоль пальц
перелистывая книг

При утере и порче книги читатель
обязан уплатить ее стоимость.

JUL 29 1934

R

Wm E
1682

1941 г.
9(с 19)
М 91
8335
Рабочих и Служащих Гл. Б.
Харбинских Мастерских Кит.
Вост. жел. дор.
1944

По русскому Дальнему Востоку.

9(47) 308(57.31)
М 91

ЛЮДИ, ИХЪ ЖИЗНЬ и НРАВЫ.

ПРОВЕРКА
1933 ГОДА

Дневникъ странника.

Томъ II.

Книгохранилище

Соч. Г. Т. Мурова.

Читинская Окр. Центр. Библиотека
Отд. 308(57.31) Шифр. М 91
Инвентар № 91197
1955
1950

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій пер., д. № 5.
1911.

Чит. Обл. Библиотека
Фонд
краеведения

К9+
М91
9(С19)

1933

О-во Библиотек-Читаленъ
Рабочих и Служащих Главных
Харбинских Мастерских Кит.
Вост. жел. дор.
8335
4217

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

(Нѣсколько словъ о своихъ дѣлахъ. Расположеніе Хабаровска. Климатъ).

Мая 24 д. Проснулся я поздно, часовъ въ 10. Первое, на что обратилъ вниманіе, это тишина и, повидимому, неподвижно стоящій пароходъ.

— Гдѣ мы и что съ нашимъ суденышкомъ? — невольно задалъ я вопросъ самому себѣ.

Кончивъ свой скромный туалетъ, я вышелъ на палубу.

Пароходъ дѣйствительно стоялъ на якорѣ около берега. На пристани суетились немногочисленные китайцы и корейцы. Относительно узкая береговая полоса, немного покатая къ водѣ, опирается на высокій, почти отвѣсный яръ. Наверху его—бесѣдка. Отъ нее—широкая лѣстница до береговой полосы. На половинѣ послѣдней—другая бесѣдка. Юго-восточная часть полосы, служащей единственнымъ путемъ сообщенія пароходной пристани съ городомъ, въ 20 саженяхъ отъ пристани круто поворачивается на востокъ и, огибая мысъ, съ небольшимъ домикомъ наверху, исчезаетъ изъ глазъ стоящаго на пристани. Сѣверо-западная же, съ длинными и высокими зданіями продовольственнаго магазина военнаго вѣдомства, тянется дальше, саженъ 200, 250; потомъ поворачивается на западъ и, въ видѣ узкой тропинки, огибаетъ каменную глыбу утеса. На послѣднемъ бронзовая фигура Муравьева-Амурскаго, всматривающагося въ даль, съ подзорной трубой. Дальше, на сѣверъ...

Тутъ мой осмотръ окрестности неожиданно былъ прерванъ китаенкомъ, состоящимъ на пароходѣ въ качествѣ прислуги.

• Капитана велѣла отдать, — сказалъ онъ, подавая мнѣ письмо.

Мой спутникъ, интендантскій комиссіонеръ, извиняясь, что оставилъ меня на пароходѣ не дождавшись моего пробужденія, просилъ посѣтить его въ гостиницѣ сегодня же.

Итакъ, я въ Хабаровскѣ! Потребовавъ чаю и спустившись въ каюту, сталъ собираться. Пока укладывалъ свои пожитки, былъ поданъ чай. Удовлетворивъ аппетитъ, разсчитавшись съ буфетомъ парохода и распростившись съ китаенкомъ, я вышелъ на пристань.

Около берега противъ сходней двѣ-три телѣги. Возницы вопросительно смотрятъ на меня.

Вступивъ на берегъ, я остановился въ нерѣшительности.

— Куда же мнѣ ѣхать? Въ гостиницу? Но всей суммы въ моемъ карманѣ около 14 руб. Этихъ денегъ хватитъ мнѣ тамъ дня на три, на четыре. Какъ говорили на пароходѣ, въ хабаровскихъ гостиницахъ дешевле 4 руб. въ сутки невозможно прожить. Истративъ эти деньги, чѣмъ стану жить? Благо, если найду занятіе. А если нѣтъ?..

—Господинъ, не увезти ли васъ? — неожиданно прервалъ мои размышленія одинъ изъ возницъ, подъѣхавшій ко мнѣ.

— Пожалуй. Только куда?

— Въ гостиницу васъ?

— Нѣтъ, надо бы на квартиру, на недорогую.

— Можно и на квартирку.

— А можно найти ее?

— Утрось мой товарищъ грилъ: „Взялъ бы себѣ“, гритъ, „постояльца-нахлѣбника“. Вотъ и можно къ нему.

— А кто онъ?

— Изъ мѣщанъ, тутошный. Прежде былъ хрестьянинъ.

— Состоятельный?

— Ничего, справный хозяинъ. Животишко имѣетъ. Да и домишко у него ничего себѣ. Чалѣкъ—трезвый.

— Вези къ нему.

И мы поѣхали.

Не стану теперь описывать Хабаровскъ. Описаніе его отлагаю до слѣдующихъ главъ.

Чрезъ четверть часа мы въѣзжали во дворъ небольшого домика, выходящаго на улицу тремя окнами. Около низенькаго крылечка играли трое дѣтей. Тутъ же лежали въ лужѣ двѣ свиньи и рылись въ сору куры. Хозяинъ дома, бородатый мужикъ, высокаго роста, съ сильной мускулатурой, встрѣтилъ насъ на крыльцѣ.

— Добро пожаловать, гости! Спасибо товарищъ, что не забылъ,—благодарилъ онъ возницу, энергично потрясая его руку.

Мы вошли въ жилище. Невысокой перегородкой оно раздѣлено на три комнатки Первая—свѣтлая, въ четыра окна, называется заломъ, вторая боковая конурка однимъ окномъ—спальней; а третья съ русской пекарной печью—кухней. Тутъ возилась съ горшками женщина, хозяйка дома.

Усѣвшись въ „залѣ“, около передняго стола, мы стали уговариваться относительно квартиры и харчей. При началѣ бесѣды подсѣла къ намъ и хозяйка.

Уговоръ былъ непродолжительный: не прошло и 15 минутъ, какъ я уже былъ здѣсь постояльцемъ-нахлѣбникомъ, съ платою по 25 р. въ мѣсяцъ.

Главныхъ условій было три: 1) я не препятствую хозяину принимать гостей въ „залѣ“ на Пасхѣ, на масленицѣ и въ Р. Х.; 2) довольствоваться долженъ тѣмъ, что кушаетъ и хозяинъ съ семействомъ, и 3) особаго приготовленія не долженъ требовать.

Черезъ часъ я уже шагалъ по Хабаровскимъ улицамъ, розыскивая гостиницу, гдѣ остановился мой спутникъ.

Къ сожалѣнію, не засталъ его тамъ. Пришлось прождать часа полтора.

— Ну-съ, Гавріилъ Тимофеевичъ! — встрѣтилъ меня комиссіонеръ, входя въ номеръ,—опять вамъ работа!

— Очень пріятно,—сказалъ я.—На сколько мѣсяцевъ?

— Недѣли на двѣ. Сегодня нечего и думать о занятіи. Завтра тоже—праздникъ, а послѣ завтра понедѣльникъ.

— Значитъ, занятіе начнется у насъ со вторника?

— Да, да! А теперь пообѣдаемъ.

— А о мѣстечкѣ мнѣ ничего не слышали?

— Пока ничего. Ну да вѣдь и необходимости то нѣтъ пока. А потомъ пристроимъ васъ куда-нибудь.

Итакъ, обстоятельства пока благопріятствовали мнѣ. Въ эти два дня я постараюсь познакомиться съ Хабаровскомъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороной его. Начну это съ сегодняшняго же дня.

Мая 30 дня. Если встать у подножія памятника Муравьева-Амурскаго и смотрѣть на западъ, то передъ глазами открывается довольно однообразный и скучный ландшафтъ.

Подножіе скалы омываютъ тихія грязно бурыя волны Амура. Послѣдній окаймляетъ низменную равнину, покрытую кустарникомъ. Она простирается какъ будто до самаго горизонта, гдѣ вздымаются двѣ сопки, подернутыя синевой. Наискось равнины, съ юго-востока на западъ, пересѣкаетъ ее свѣтлая линія Амура. Мѣстами эту линію затемняютъ береговыя поросли густого кустарника. Въ полноводье почти вся эта какъ бы безпредѣльная равнина заливается водою. Тогда зеленоватый цвѣтъ ея принимаетъ другой видъ: зеленыя мѣста чередуются со свѣтлыми, съ поверхностью водъ, и предъ глазами зрителя словно шахматная доска.

Когда Амуръ убываетъ до обычныхъ своихъ границъ русла, на равнинѣ еще долго остаются безчисленныя, свѣтлыя пятна.—Это озера и большія лужи, надѣляющія Хабаровцевъ ароматами болотныхъ пространствъ.

Бросая взглядъ направо, вижу ту же равнину. Но чѣмъ ближе къ линіи горизонта, тѣмъ болѣе и болѣе она возвышается и доходитъ до широкой и невысокой гряды, покрытой уже не кустарникомъ, а дѣвственными лѣсами.

Съ октября до мая зеленый цвѣтъ этой словно безконечной равнины замѣняется сѣрымъ, съ бѣлоснѣжными просвѣтами. Скованныя морозомъ воды Амура, покрытыя бѣлой пеленой, служатъ какъ бы продолженіемъ ихъ (просвѣтъ).

Все это въ теченіе 7—8 мѣсяцевъ лишено даже малѣйшихъ

признаковъ жизни: ни деревеньки, ни одинокаго человѣческаго жилья ни вдали, ни вблизи. Эта безотрадная картина навѣваетъ безысходную тоску. Такъ и хочется вырваться отсюда и умчаться на далекій западъ.

Если взглянуть налѣво, то видна совершенно другая картина.

На югѣ и юго-востокѣ стѣной вздымается къ облакамъ хребетъ Хехцырь. Покрытый сплошными лѣсами, онъ представляетъ мрачную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величественную область тайги, съ ея уссурійскимъ тигромъ, медвѣдемъ, кабаномъ и прочими дикими звѣрями, водящимися въ южной части Приморской области. Поднимаясь изъ равнины крутымъ, громаднымъ утесомъ, вершина его сравнительно ровной линіей тянется на востокъ, поднимаясь въ высь на 4000 фут. Подернутый синевой, на первый взглядъ онъ представляется дѣйствительно колоссальной стѣной безъ выступовъ и отроговъ. Но, направивъ на эту стѣну подзорную трубу, разсмотримъ отроги, такіе же массивные и лѣсистые, какъ и главный хребетъ. Между ними (отрогами)—лѣсистыя пади. У подножія онѣ широки. По мѣрѣ приближенія къ вершинѣ хребета, пади все болѣе и болѣе суживаются, поднимаясь всей поверхностью къ высшей линіи хребета.

Нѣкоторые изъ этихъ отроговъ вѣерообразно простираются и на сѣверъ на сто и болѣе верстъ. Отъ главныхъ кряжей—отроговъ, идутъ въ обѣ стороны второстепенные отрожки, словно вѣточки отъ главныхъ вѣтвей дерева-великана. Одна изъ такихъ горныхъ вѣтвей съ вѣточками доходитъ и до береговъ Амура подъ тупымъ угломъ. Современный видъ этого крайняго отрога съ развѣтвленіями слѣдующій.

Вершина его полукруглая, съ небольшими уклонами на сѣверъ и югъ. По ней кое-гдѣ глыбы почернѣвшихъ отъ времени камней, нагроможденныхъ другъ на друга и вросшихъ въ землю. На каменистой почвѣ, съ примѣсью суглинка, кое-гдѣ кустарники и бархатистый коверъ полевыхъ растеній. Спускаясь по небольшому уклону на юго-западъ къ Амуру, протекающему въ $1\frac{1}{2}$ верст. отъ этого мѣста (отъ

вершины третьестепеннаго отрожка), встрѣчаемъ маленькіе овражки. Вотъ одинъ изъ нихъ. Бока его тоже пологіе. Они покрытыя кустарникомъ и травой. Понижаясь, онъ все болѣе и болѣе увеличивается. Элювіальная почва его поросла густымъ кустарникомъ и лѣсомъ. Вотъ примкнулъ къ нему одинъ овражекъ справа, а вотъ примкнулъ и другой слѣва.

Въ полверстѣ отъ вершины, онъ уже не оврагъ, а падь, покрытая лѣсомъ и кустарникомъ. И здѣсь почва тоже элювіальная, состоящая изъ темнокоричневой глины. Каменистая подпочва встрѣчается только внизу пади, въ руслѣ ручейка. Подходя къ Амуру, падь превратилась уже въ небольшую долину, а возвышенныя мѣста по сторонамъ въ холмы. Послѣдніе имѣютъ форму грядъ, съ осыпавшимися, полукруглыми краями. Въ образованіи тѣхъ и другихъ принимали участіе всѣ главные дѣятели рельефа земли: дождевыя воды, морозъ, солнечная теплота, растенія, дождевыя черви и даже Nitromonas. Благодаря всѣмъ этимъ дѣятелямъ полевошпатовыя горныя породы вывѣтривались и разлагались. Продуктъ разложенія—глина, отлагалась по уклонамъ и по вершинамъ холмовъ. Такихъ холмовъ при впаденіи Уссури въ Амуръ нѣсколько. Три, четыре изъ нихъ параллельны другъ-другу и отдѣлены долинками. Какъ уже сказалъ я, отъ своего основанія до р. Амура—по берегу котораго они какъ будто срѣзаны—версты полторы, двѣ. На трехъ изъ нихъ и по долинкамъ расположенъ Хабаровскъ.

Іюня 10. Эта статейка о климатѣ написана годъ спустя послѣ моего пріѣзда въ Хабаровскъ. Данныя ея—результатъ моихъ наблюденій.

Рельефъ мѣстности, гдѣ расположенъ этотъ городъ и сосѣднее Японское море, съ его холоднымъ, полярнымъ теченіемъ, омывающимъ наше прибрежье, неотразимо вліяютъ на климатъ края. Но эти факторы не единные. Не менѣе ихъ вліяютъ: близость необозримыхъ тундръ, болотъ и почвы, никогда не оттаивающей; свободный доступъ полярныхъ воздушныхъ теченій; наконецъ, необозримое, почти нетронутое

человѣческой рукой, пространство тайги. Все это, составляя неизбѣжныя, естественныя условія края, вліяетъ на количество теплыхъ и морозныхъ дней въ году, на степень тепла и холода, на сухость и влажность воздуха, на степень и время произростанія флоры и т. д.

Начну съ новаго года. Съ 1-го по 15 января температура стоитъ между 28° и 36° по Реомюру. Съ 20 января стала понижатся и къ 1 февраля дошла до 19° и 20°. Вѣтровъ не было. Небо безоблачно почти весь январь. Снѣгу болѣе полторы четверти. Утрами туманъ. Впрочемъ, онъ только до восхода солнца.

Нѣкоторые изъ моихъ хорошихъ деревенскихъ и городскихъ знакомыхъ въ концѣ января видѣли орла-беркута, другіе ястреба-голубятника. Въ началѣ февраля стало облачно почти ежедневно. 10-го была пурга. Вѣтеръ не унимался въ теченіе нѣсколькихъ дней. Во многихъ мѣстахъ сумёты. Во всю недѣлю, послѣ этой бури, стояли морозы, доходившіе до 35°. Впрочемъ, въ первый день послѣ бури доходило въ 6—7 час. утра до 38°. Только къ 20 февраля дошло до 20°. Снѣгу значительно прибавилось. Къ 1 марта морозы дошли до 10°. Съ 8 марта наступила оттепель. На солнцепекѣ таялъ снѣгъ. Съ 1 марта зимняя дорога стала портиться. Съ 21 марта по улицамъ ручьи. Снѣгъ остался кое-гдѣ только на тѣневой сторонѣ. Послѣ 18 марта появились много подорожниковъ (семейства овсянокъ), утки. На осинѣ и ивѣ большія почки, вотъ-вотъ распустятся. Къ 27 марта снѣгъ почти растаялъ, сохранился только тамъ, гдѣ были глубокіе сумёты, да по лѣсамъ и рощамъ. Видѣлъ синичку, чибиса. Съ 1-го апрѣля стали преобладать пасмурные, холодные и вѣтренные дни. 9-го выпалъ большой снѣгъ, сталъ весь только дня черезъ 3-4. Съ 4-го апрѣля появились дрозды и начали концерты. Видѣлъ гуей, летѣли на сѣверъ. Въ рощахъ и лѣсахъ снѣгъ кое-гдѣ растаялъ, но не весь. Появились листики на нѣкоторыхъ кустарниковыхъ деревьяхъ, напримѣръ, на смородинѣ, на мелкомъ орѣшникѣ. 12 апрѣля послѣ полудня былъ снѣгъ. На другой день утромъ былъ

дождикъ. Дня чрезъ два опять снѣгъ, растаялъ только на другой день. На улицахъ грязь. Въ воздухѣ дымъ. Сильный вѣтеръ свирѣпствуетъ уже пятый день. Появился и легкій морозъ. Вода замерзла въ ушатахъ, въ лужахъ. На тротуарахъ гололедица. Видѣлъ кулика, чайку. Летятъ гуси, лебеди. 20-го апрѣля сильный вѣтеръ. Появился дымъ. Это признакъ лѣсныхъ пожаровъ. Послѣ 20-го стала появляться зелень на лугахъ, въ рощахъ тоже. Конецъ апрѣля. Ледъ на Уссури и Амурѣ почернѣлъ, вотъ-вотъ двинется. Не ѣздятъ и не ходятъ по немъ. 28 шелъ дождь. Говорятъ—это поздняя весна. Бываетъ значитъ ранняя.

Если въ средней полосѣ Россіи весна начинается съ марта, то въ Хабаровскѣ она вступаетъ въ свои права съ средины апрѣля несмотря на то, что этотъ городъ по широтѣ причисляется къ южной полосѣ (48° 28′). Тѣмъ не менѣе и въ апрѣлѣ въ окружающихъ Хабаровскъ лѣсахъ лежатъ еще цѣлыя пространства снѣга, только сверху немного подтаявшаго, не говоря уже о почвѣ, которая оттаиваетъ только въ маѣ. Амуръ противъ Хабаровска проходитъ въ концѣ апрѣля и то не весь. Берега же до средины мая остаются подъ льдомъ. Флора въ апрѣлѣ здѣсь только-только проявляетъ свою жизнь.

Обыватели безъ ватнаго или мѣхового верхняго платья еще не выходятъ со двора. Хотя нѣкоторые смѣльчаки, заложивъ теплое платье, и рѣшаются гулять по лѣтнему, но увы! впослѣдствіи жестоко раскаиваются въ этомъ. Не проходитъ дня, чтобъ не бушевала буря, продувающая и леденящая хижинки и культурные дома зажиточныхъ жителей города. Въ ясный день надвинется тучка и хлынутъ снѣжныя крупинки, а то и хлопья снѣга.

Вотъ и май. Сначала день былъ ясный, теплый и тихій. Всѣ состоятельные обыватели считали своимъ долгомъ встрѣтить весну на лонѣ природы. Вотъ общество интеллигентовъ и полуинтеллигентовъ, забравъ съѣстное и выпивку, двинулись въ поле.

Опытные забрали шубы, теплыя шали и одѣяла, неопытные всю дорогу смѣялись надъ ними. Не успѣли закусить на лужайкѣ, какъ неожиданно надвинулась тучка, поднялась буря и повалилъ снѣгъ до утра. Къ обѣду слѣдующаго дня снова разъяснило, но снѣгъ растаялъ только на 4-й день, такъ какъ выпало его около четверти. По мѣрѣ приближенія іюня, дни все болѣе и болѣе стоятъ теплые. Вѣтерокъ хотя и дулъ, и довольно часто, но онъ былъ теплый.

Съ средины мая распустились черемуха, береза, ива, тальникъ.

Всѣ эти признаки весны являются или ранѣе, или позднѣе указаннаго времени.

Вотъ и іюнь. Я подвожу итогъ своимъ весеннимъ наблюденіямъ.

	Количество дней.	Осадки въ мм.	Температура
Ясныхъ дней	21		
Пасмурныхъ дней	53		
Облачныхъ дней	16	105,8	+5,9°
Снѣжныхъ дней	36		
Съ бурею и вѣтромъ	82		

Лѣто чрезвычайно жаркое и удушливое. Небо ясное почти весь мѣсяцъ. Даже по ночамъ душно. На окраинахъ города свирѣпствуютъ комары и мошки.

Къ 20 мая весь пернатый міръ, водящійся во второй, южной, половинѣ Приморской области, былъ уже налицо: ласточки, ястребы, вальдшнепы, орлы, соловьи, кукушки и т. д. До конца іюня стояли ясные дни. Въ концѣ же этого мѣсяца были двѣ-три грозы, съ сильнымъ, кратковремен-

нымъ дождемъ. Съ средины іюля пошли частые продолжительные дожди. Въ августѣ появился и вѣтеръ. По ночамъ обильные росы.

1 сентября. Я подвожу итогъ своимъ лѣтнимъ наблюденіямъ.

	Количество дней	Осадки въ мм.	Средн. температура.
Л Ѣ Т О:			
Ясныхъ дней	34		
Пасмурныхъ дней	24	310,2	+21°
Облачныхъ дней	34		
Бурныхъ и вѣтреныхъ	12		

Наступила осень. Въ началѣ сентября ясные и тихіе дни, нежаркіе и неудушливые. По утрамъ и вечерамъ прохладные. Хабаровцы благодушествуютъ.

Съ конца сентября вѣтеръ все чаще и чаще посѣщаетъ Хабаровскъ. 18 сентября былъ первый иней. Въ октябрѣ было уже прохладно. 3 октября былъ снѣгъ. 7 тоже. 10 дождикъ, уже послѣдній. 12 опять снѣгъ, всѣ сняли лѣтнее платье и ходятъ въ ватныхъ и даже въ легкихъ мѣховыхъ. Ясныхъ дней что-то маловато. Въ концѣ октября выпалъ опять снѣгъ. Но къ полдню слѣдующаго дня его уже не было. Какъ и въ началѣ этого мѣсяца, съ 12-го или съ 15-го октября все чаще и чаще вижу стаи перелетныхъ птицъ. Иногда перелетъ ихъ бываетъ позднѣе, иногда раньше этого времени. Въ ноябрѣ все чаще и чаще идетъ снѣгъ. Теперь онъ уже не таетъ. Вѣтеръ то и дѣло мѣняется съ бурею. Съ 10 ноября Амуръ уже скованъ льдомъ.

Вотъ и зима. Подвожу итогъ осени.

	Количество дней.	Осадки въ мм.	Средн. температура
Ясныхъ дней	41		
Пасмурныхъ дней	38		
Облачныхъ дней	11	540,5	+9,2°
Снѣжныхъ и дождевыхъ.	43		
Вѣтреныхъ	72		

Зима была снѣжная. Изъ числа снѣжныхъ дней $^3/_4$ были одновременно и вѣтрены. Морозъ въ декабрѣ былъ свыше 20°. Весь декабрь былъ особенно пасмурный, снѣжный и вѣтренный. Въ концѣ морозы доходили до 25°.

Въ мартѣ подвожу итогъ зимы:

	Количество дней.	Осадки въ мм.	Средн. температура
Ясныхъ дней	48		
Пасмурныхъ дней	30		
Облачныхъ дней	12	530,7	—23
Вѣтреныхъ дней	69		
Снѣжныхъ дней	57		

Въ дополненіе къ вышеизложенному о климатѣ, привожу выводы о погодѣ въ Хабаровскѣ изъ брошюры д-ра Гарба-

цевича. Наблюденіе эти были произведаны имъ года четыре—пять тому назадъ.

Тихіе дни въ Хабаровскѣ бываютъ чаще зимою и лѣтомъ. Вѣтреные—весною и осенью. Въ это время (весною и осенью) бываютъ частыя бури (22 м. въ секунду). Самый сильный вѣтеръ сѣверо-юго-западный, хотя бываютъ вѣтры и сѣверо-восточные. Въ сентябрѣ и апрѣлѣ дуетъ сѣверо-западный муссонъ, но чаще его дуетъ юго-западный. Лѣтомъ же сѣверо-восточный.

Вотъ окончательный выводъ д-ра Гарбацевича о погодѣ въ Хабаровскѣ за нѣсколько лѣтъ.

Совершенно ясныхъ дней въ году 86, совершенно пасмурныхъ 117, облачныхъ 162. Число дней съ осадками 123. Изъ нихъ дождевыхъ 77 и снѣжныхъ 46.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

(Число жителей въ Хабаровскѣ. Рождаемость и смертность. Факторы, вліяющіе на смертность).

Мая 26. Первая перепись населенія Хабаровска была произведена въ 1884 г. Вотъ результаты ея.

Мужчинъ . . .	3023	(изъ нихъ воинск. зв. 1700).
Женщинъ . . .	870	
Дѣтей	914	
Итого	4807 душъ.	

Домашнихъ животныхъ у Хабаровцевъ насчитано въ 1884 г.

Лошадей	544
Рогатаго скота . .	241
Свиней	438

Въ числѣ мужчинъ и нижніе чины квартировавшихъ здѣсь въ то время войсковыхъ частей, и китайцы и корейцы. Впрочемъ, послѣднихъ было немного.

Слѣдующая перепись была въ 1889 г. Она была произведена весьма подробно.

Мужчинъ	3817
Женщинъ	1476
Дѣтей	1646
Итого	6939.

Съ 1884 по 1889 гг. прибыло населенія 2132. Изъ нихъ:

Мужчинъ	794
Женщинъ	606
Дѣтей	732

Въ числѣ 3817 мужчинъ было иностранцевъ 762. Изъ нихъ:

Китайцевъ	702
Японцевъ	38
Нижнихъ чиновъ	1585
Каторжныхъ и арестантовъ . . .	228

Въ числѣ 1476 женщинъ было женъ:

Нижнихъ чиновъ	445
Каторжанокъ	26

Въ числѣ 1646 дѣтей было:

Солдатскихъ	383
Каторжныхъ	15

У Хабаровцевъ было домашнихъ животныхъ:

Лошадей	807
Скота рогатаго . .	498
Свиней	412

Въ Хабаровскѣ было зданій:

Жилыхъ	855
Не жилыхъ . . .	599
Число квартиръ занятыхъ . . .	882
„ „ свободныхъ	55

Одна изъ слѣдующихъ переписей, болѣе заслуживпющпхъ вниманіе, по полнотѣ, была произведена въ началѣ 90-хъ гг. Общее количество населенія города исчислялось—7960 душъ. Изъ нихъ:

Мужчинъ . . .	5520
Женщинъ	2440

Въ числѣ 5520 было дѣтей мужскаго пола 746, а въ числѣ 2440 женщинъ было дѣтей женскаго пола 861, солдатокъ 630.

Слѣдующая перепись была произведена въ 1897 г. Вотъ ея данныя:

Мужчинъ . . .	11674	д.
Женщинъ . . .	3259	„
Итого	14933	д.

Въ числѣ мужчинъ, мѣщанъ города . .	1168	д.
Войскъ	400	„
Инородцевъ	1500	„
Каторжныхъ	370	„

Наконецъ, по послѣднимъ даннымъ, относящимся ко времени послѣ Японской войны, жителей въ Хабаровскѣ считаютъ уже свыше 24.000. Увеличеніе ихъ стало возрастать послѣ рѣшенія соорудить Амурскую ж. д. Увелпчиваются здѣсь и японцы, и китайцы, и каторжные-сахалинцы. Тѣхъ и другихъ уже по нѣсколько тысячъ. Но главный увеличивающійся контингентъ—это войско. Затѣмъ увеличиваются другіе хабаровскіе гости—китайцы, корейцы и японцы. Въ 1889 г. тѣхъ и другихъ было 740 д. Въ началѣ 90 хъ гг. ихъ уже около 1500 душъ. Наконецъ увеличивается персоналъ сахалинской каторги, приписываемой въ Хабаровскъ на жительство. Въ 1889 г. ихъ было 228, да поселенцевъ-сахалинцевъ 291. Итого 519 д. Въ началѣ 90-хъ гг. первыхъ было 334, а послѣднихъ 300, итого 634. Въ концѣ 19 в., тѣхъ и другихъ около 900, а въ настоящее время болѣе тысячи. Современемъ все коренное населеніе Хабаровска бу-

Читинская Окр. Центр. Библиотека
Отд. ..... Шифр. .....
Инвентар № 91197

детъ состоять изъ каторжныхъ и ихъ потомства. Почти всѣ они бѣдняки. Большую часть времени проводятъ праздно у воротъ, или слоняясь на рынкѣ или на пристани, высматривая, что плохо лежитъ. Чѣмъ они живутъ—неизвѣстно, такъ какъ ремеслами почти не занимаются. Впрочемъ, часть ихъ имѣетъ землянки и лачуги, гдѣ и отдаютъ въ кортомъ углы. Этимъ они и существуютъ. Кромѣ того, разные плутни, воровство, запрещенныя игры—все это ихъ коренная спеціальность.

Увеличиваются и служащіе государства. Въ 1889 г. военныхъ и гражданскихъ служакъ было 129+220 д. Въ началѣ 90-хъ гг. уже 440+224. Нынѣ къ 1910 году тѣхъ и другихъ около 2000 обоего пола.

Не менѣе интересны цифры и коренного населенія города: торговцевъ, промышленниковъ, отдѣльныхъ хозяевъ, ремесленниковъ, чернорабочихъ и прочихъ представителей свободнаго труда.

Въ 1889 г. ихъ насчитывалось болѣе 4000 д. Въ началѣ 90-хъ гг. ихъ только 3381. Слѣдовательно коренное населеніе уменьшилось почти на тысячу. Этотъ отплывъ обусловливался отмѣною желѣзной дороги изъ Хабаровска до Срѣтенска. Съ постройкой Амурской желѣзной дороги, количество ихъ снова стало повышаться и къ 1910 г. дошло до 5000.

Изъ этого слѣдуетъ, что Хабаровскъ пока городъ служащихъ государства и сахалинцевъ-каторжныхъ. Послѣдніе, съ немногочисленными торговцами-мѣщанами существуютъ на счетъ офицерства и чиновничества города. Это тѣмъ легче для нихъ, что послѣдніе ежегодно мѣняются: одни узжаютъ, другіе пріѣзжаютъ, чтобы также исчезнуть отсюда при первой возможности. Другихъ источниковъ существованія у этого коренного населенія не существуетъ. Что этотъ выводъ правильный, доказываетъ состояніе Хабаровской фабрично-заводской промышленности. Эта промышленность въ зачаточномъ состояніи.

Въ заключеніе, по поводу вышеприведенныхъ данныхъ, стоитъ сказать нѣсколько словъ о мастеровыхъ и ремесленникахъ. Тѣхъ и другихъ въ 1889 году числилось 637. Ка-

кихъ только не было тутъ спеціалистовъ: и столяры, и портные, и золотыхъ дѣлъ мастера, и ювелиры и т. д. и т. д. Въ началѣ 90-хъ гг. ихъ немного увеличилось, всего на 11 человѣкъ. И то цифра внушительная—648 спеціалистовъ-ремесленниковъ! Между тѣмъ и въ Хабаровскѣ, и въ другихъ населенныхъ пунктахъ Дальняго Востока единодушно жалуются всѣ на недостатокъ тѣхъ же спеціалистовъ-ремесленниковъ.

Какъ же это такъ—съ одной стороны—чувствуется нужда въ нихъ, а съ другой—ими хоть прудъ пруди? Ларчикъ открывается очень просто: весь персоналъ этихъ мастеровъ-ремесленниковъ состоитъ изъ господъ сахалинцевъ и запасныхъ. Первые, какъ уже говорилъ я, приписаны сюда, а послѣдніе остались здѣсь на жительство, позарившись на единовременное сторублевое пособіе. По переписи 1889 г. поселенцевъ изъ Сахалина сосчитано было 291, да запасныхъ 402 д.=693. Весь этотъ людъ только числится ремесленниками и мастеровыми.

Надо вѣдь придумать какую-нибудь спеціальность при опросѣ счетчика: „Чѣмъ занимаешься?“

Въ дѣйствительности же у рѣдкаго имѣются соотвѣтствующіе инструменты. Даже и съ послѣдними они плохіе ремесленники. Заказы же какъ служащихъ, такъ и частныхъ лицъ исполняются большею частію въ мастерскихъ при мѣстныхъ баталіонахъ и тюрьмѣ, и то благодаря приказанію начальства.

Послѣ топографическаго описанія мѣстности, на которой расположенъ Хабаровскъ, уясненія климата края и численности населенія возбуждается вопросъ: какое вліяніе оказывали и оказываютъ на населеніе физическія условія края? Ни въ чемъ это вліяніе не проявляется такъ сильно, какъ въ количествѣ родившихся, умершихъ и въ характерѣ заболѣваній.

Данныя для рѣшенія этого вопроса собраны д-мъ Гарбацевичемъ (объ умершихъ и заболѣвавшихъ въ войсковыхъ частяхъ города) и г. Колбасенко (о родившихся, умершихъ и численности населенія). Статистика эта убогая.

Однако займемся ею. Съ 1858 по 1894 гг. родившихся въ Хабаровскѣ было 5926 д. обоего пола. Изъ нихъ мальчиковъ 3079, и дѣвочекъ 2847. По мѣсяцамъ выведены цифры родившихся, только съ 1861 по 1894 гг. Вотъ онѣ:

Въ Январѣ	501.
„ Февралѣ	417.
„ Мартѣ	397.
„ Апрѣлѣ	337.
„ Маѣ	381.
„ Іюнѣ	520.
„ Іюлѣ	539.
„ Августѣ	476.
„ Сентябрѣ . . .	470.
„ Октябрѣ . . .	553.
„ Ноябрѣ	536.
„ Декабрѣ . . .	542.
Итого .	5649.

Умершихъ съ 1858 по 1860 гг.—181 душъ обоего пола, а съ 1860 по 1894 гг. 3467 душъ обоего пола. Изъ нихъ мужчинъ 2153 и женщинъ 1314. По возрастамъ:

до 5 л.	1865 д.
отъ 5 до 20 л. . .	143 „
„ 20 „ 30 „ . .	458 „
„ 30 „ 40 „ . .	361 „
„ 40 „ 50 „ . .	263 „
„ 50 „ 70 „ . .	293 „
„ 70 „ 80 „ . .	56 „
„ 80 „ 100 „ . .	25 „

Общая смертность по мѣсяцамъ съ 1858 по 1894 гг.

Въ январѣ	228 д.
„ февралѣ	197 „
„ мартѣ	224 „
„ апрѣлѣ	242 „

Въ маѣ	257 д.
„ іюнѣ	317 „
„ іюлѣ	475 „
„ августѣ	405 „
„ сентябрѣ	291 „
„ октябрѣ	280 „
„ ноябрѣ	267 „
„ декабрѣ	264 „

Смертность отъ болѣзней за 25 лѣтъ: отъ желудочно-кишечнаго катарра 638 (изъ нихъ: въ іюнѣ 69, іюлѣ 159, августѣ 153, сентябрѣ 71), отъ воспаленія легкихъ 439 (большая смертность въ январѣ, мартѣ и апрѣлѣ), отъ легочной чахотки 121 *); отъ дифтерита и крупа 128 и отъ брюшного тифа 65.

Для уясненія причинъ смертности беру цифры слѣдующаго 1895 года.

Въ этомъ году населеніе города исчислялось 8300 душъ.**) Изъ нихъ мужчинъ 6400, и женщинъ 1900. Родившихся было въ этомъ году 417, умершихъ 302.

Изъ нихъ:

До 5 лѣтъ 163 (почти половина родившихся).

Отъ 5 до 10 лѣтъ	9
„ 10 „ 15 „	1
„ 15 „ 20 „	3
„ 20 „ 25 „	17
„ 25 „ 30 „	19
„ 30 „ 35 „	5
„ 35 „ 40 „	17
„ 40 „ 45 „	12
„ 45 „ 50 „	13
„ 50 „ 55 „	8
„ 55 „ 60 „	12

*) За 13 лѣтъ, т. е. 1881 по 1894 гг.
**) Въ томъ числѣ войскъ 3600 душъ.

Отъ	60	до	65	лѣтъ	5
„	65	„	70	„	4
„	70	„	75	„	4
„	75	„	80	„	4
„	80	„	85	„	4
„	90	„	95	„	2

Теперь остается только внимательно приглядѣться къ приведеннымъ выше цифрамъ и сдѣлать кое-какія заключенія.

Первоо, что бросается въ глаза въ первой табличкѣ: „О родившихся съ 1858 по 1894 гг.“, это максимумъ ихъ въ іюнѣ и въ іюлѣ, въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ. Явившіяся въ свѣтъ въ іюнѣ и іюлѣ, зачаты въ сентябрѣ и октябрѣ. А явившіяся въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ зачаты въ декабрѣ, январѣ и февралѣ. Какія условія благопріятствуютъ здѣсь обилію зачатія? Несомнѣнно, это обиліе пищи, изолированность паръ въ холодное и вѣтреное время года; затѣмъ жизнерадастное (въ святки и на масленицѣ) настроеніе, вызванное обильнымъ праздничнымъ столомъ, отсутствіемъ труда и заботъ и лучшей, праздничной внѣшностью паръ. Благодаря осеннему ходу кэты, хабаровцы имѣютъ возможность дѣлать большіе запасы рыбной пищи до весны. И дѣйствительно, въ августѣ и сентябрѣ этой рыбы на рынкѣ до такой степени продается много, что сотня ея покупалась прежде отъ 1 р. 50 к. до 2 р. Только съ 1903 г. цѣна на нее значительно поднялась до 2 р. за сотню. А сотней кэты можно наполнить бочку средней величины. Заготовляетъ эту рыбу на зиму все населеніе. И рѣдкіе ограничиваются одной бочкой: большинство обыкновенно засаливаетъ ее по нѣсколько бочекъ. Начиная съ первыхъ чиселъ августа, кончая мартомъ, кушаютъ ее во всякое время дня—и утромъ, и днемъ, и вечеромъ, во всѣхъ видахъ и формахъ. Въ праздничные же дни для разнообразія является на столъ говядина. Поэтому неудивительно, что на Амурѣ не такъ важенъ хлѣбъ, какъ важна рыба, какъ наиглавнѣйшій продуктъ питанія (въ Пріамурьѣ).

При разсмотрѣніи второй таблички: „Объ умершихъ съ 1858 по 1894 гг.“ бросается въ глаза большая цифра умер-

шихъ дѣтей до 5 лѣтняго возраста—54%! Почти столько же умершихъ малютокъ и въ 1895 г. (см. послѣднюю табличку). По мѣсяцамъ, максимумъ умершихъ дѣтей въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, этотъ максимумъ умиравшихъ въ Хабаровскѣ—у бѣдняковъ: у поселокъ, солдатокъ и крестьянокъ. Въ особенности громадная убыль дѣтей у вторыхъ. По переписи 1889 г. солдатскихъ женъ сосчитано около 445, да дѣтей ихъ 383. А въ 90-хъ гг. солдаточекъ было 630, а въ концѣ уже до 800. Всѣ они жили и живутъ въ маленькихъ землянкахъ по три, по четыре семейства въ одной. Эти жилища темны, сыры, душны и холодны. Онѣ наполнены всевозможными насѣкомыми... Оказывается рѣдкая солдатка не рожаетъ и не хоронитъ ежегодно. По словамъ знакомаго мнѣ священника три четверти всѣхъ похоронъ малютокъ въ Хабаровскѣ—это солдатскихъ грудныхъ дѣтей. И неудивительно, такъ какъ матеріальное положеніе ихъ—самое безотрадное. Отъ казны онѣ получаютъ только провіантъ, котораго далеко не хватаетъ имъ на прокормленіе. Что касается до приварка, чаю и проч., то онѣ сами должны зарабатывать его. И онѣ зарабатываютъ его и честно и безчестно. При этомъ грудныя дѣти оставляются въ землянкахъ на попеченіи одной изъ сожительницъ по землянкѣ, по очереди. Осенью и въ началѣ зимы солдатки питаются обильно благодаря свѣже-просольной дешевой кэты. Съ середины зимы питаются уже „пополамъ съ грѣхомъ“ и живутъ впроголодь. Наступаетъ лѣто и для бѣдняковъ „напасть“. Рыбы нѣтъ. Если и продается она, то очень дорого. А говядина и молоко (не говоря уже о сахарѣ и крупчаткѣ) доступны только состоятельнымъ и богатымъ офицерамъ, чиновникамъ, торгующимъ мѣщанамъ и купцамъ. Остается одно: кирпичный чай съ чернымъ солдатскимъ хлѣбомъ и каша. О маслѣ и даже о свиномъ салѣ къ ней нечего и думать. Мать голодуетъ, и дѣти тоже, въ особенности грудныя. Благо, если солдатка найдетъ работу, доступную ей. А доступна солдаткѣ, поселкѣ и крестьянкѣ одна,—мыть полы. И то съ трудомъ достается

она этимъ женщинамъ: предложенія въ двадцать, тридцать разъ превышаютъ спросъ. Впрочемъ, у этихъ женщинъ есть еще заработокъ, хотя и нищенскій: стирать солдатское бѣлье. Платятъ солдатики за стирку почти однимъ черствымъ хлѣбомъ и то по самой низшей цѣнѣ: по копѣйкѣ за штуку. Къ недостаткамъ пищи добавляется вода рѣчушекъ, изъ которыхъ бѣднота береть воду. Во 1-хъ эти рѣчушки у бѣдняковъ подъ-бокомъ, а во 2-хъ, онѣ горны, слѣдовательно воды ихъ, по мнѣнію всѣхъ, должны быть чисты. Къ сожалѣнію горожане, по указанію санитарной комиссіи, вывозили отбросы и содержаніе сортировъ и помойныхъ ямъ за городъ, въ верховья долинъ и этихъ рѣчушекъ. Кромѣ того, на верхней площадкѣ военной горы, имѣющей склонъ къ городу, устроено кладбище, обнесенное глубокой канавой. Стокъ отъ него опять-таки къ городу, въ одну изъ рѣчушекъ, изъ которой берутъ воду и солдатки, и др. бѣдняки города. Воды обильныхъ дождей размываютъ кучи отбросовъ и проч., пропитываются органическими веществами ихъ и, не проникая въ глинистую почву, стекаютъ по склонамъ параллельныхъ холмовъ въ эти же рѣчушки.

Кромѣ плохого питанія и нездоровой воды рѣчушекъ, существуетъ и третья немаловажная причина сильной дѣтской смертности. Эта причина—невѣжество матерей. Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ въ Хабаровскѣ обыкновенно сильныя жары. Дѣти, кромѣ голода, чувствуютъ и сильную жажду. И матери поятъ ихъ сырой водой изъ рѣчушекъ. Надо матери бѣжать на работу, искать ее или итти на свиданіе съ однимъ изъ многочисленныхъ любовниковъ и дѣти остаются, какъ уже было говорено, на попеченіи одной изъ ея сожительницъ-солдатокъ. Обыкновенно набирается у такой домовницы-солдаточки на попеченіи около десятка малышей, одинъ меньше другого. И съ грудными, и съ вышедшими изъ этого періода у такой попечительницы единственный способъ попеченія: загнуть рубашонку малыша на грудь и голымъ, потливымъ животомъ положить на прохладную и сырую землю земляники. Если онъ заплачетъ, солдаточка бросаетъ ему кусокъ солдатскаго хлѣба,

а то пажуетъ сама этого же добра и насуетъ грязнымъ пальцемъ эту жвачку малышу полонъ ротъ. Нерѣдко у такой кормилки во рту сифилитическія язвы или опухшія десны отъ цинги.

Вдумываясь въ цифры о причинѣ высокой смертности въ Хабаровскѣ въ теченіе этихъ 25 лѣтъ, могу на основаніи ихъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: всего больше умирали отъ желудочно-кишечнаго катарра. Причину эту легко усмотрѣть: хроническій алкоголизмъ и погрѣшности въ питаніи. Въ такой медвѣжьей дырѣ, какъ эта столица Пріамурья, отсутствовали и отсутствуютъ всѣ удовольствія культурнаго и цивилизованнаго міра, всѣ интеллектуальныя потребности. Что остается обитателямъ этой дыры, какъ ни животныя удовольствія—обжираться и опаиваться!

Другая преобладающая причина переселенія хабаровцевъ въ лучшій изъ міровъ—воспаленіе легкихъ. Тутъ дѣйствуютъ климатическія условія: рѣзкіе переходы отъ теплой погоды къ холодной, отъ тихой къ вѣтреной. Тотъ же алкоголизмъ вліяетъ и здѣсь: напившемуся „вдрызгъ“ и море по колѣно. Онъ не остерегается, игнорируя возможность простудиться.

Наконецъ еще одно явленіе въ области вышеприведенныхъ цифръ привлекаетъ вниманіе. Это немалый процентъ старожиловъ, доживающихъ здѣсь до 90 и даже до 95-лѣтняго возраста. Несмотря на малочисленность населенія города, количество 80—90-лѣтнихъ старцевъ здѣсь, повидимому, не малое. Какъ по моимъ наблюденіямъ, такъ равно и по мнѣнію компетентныхъ лицъ — старожилы на Дальнемъ Востокѣ почти всѣ столѣтніе старцы или поселенцы, или крестьяне. Тѣ и другіе, терпя въ жизни всевозможныя лишенія, волей-неволей закалились: имъ не страшны ни зимніе морозы, ни лѣтніе жары, ни быстрые переходы отъ послѣднихъ къ первымъ, и наоборотъ. Кромѣ того, терпя недостатокъ въ пищѣ и принужденные поэтому вести умѣренный образъ жизни, они обладаютъ вполнѣ здоровымъ желудкомъ, никогда не страдающимъ ни одной желудочно-кишечной болѣзнью. Немалую роль играетъ въ этомъ рыбная и расти-

тельная пища. Наконецъ благодаря тѣмъ же лишеніямъ и непрерывнымъ житейскимъ невзгодамъ они равнодушны къ жизни и на приближающійся „смертный часъ“ смотрятъ совершенно спокойно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(Достопримѣчательности города. Музей. Николаевская библіотека и проч.)

Мая 28. Познакомившись съ мѣстоположеніемъ и окрестностями Хабаровска, собравъ нужныя свѣдѣнія письменныя и устныя, о числѣ жителей и проч., я занялся его достопримѣчательностями. Изъ числа ихъ, первое мѣсто принадлежитъ музею.

Основатель его генералъ-губернаторъ Духовской. Первоначально было возбуждено ходатайство объ открытіи въ Хабаровскѣ Пріамурскаго отдѣла географическаго общества. Главнымъ мотивомъ открытія отдѣла было слѣдущее: „Въ краѣ имѣется достаточное число лицъ, интересующихся наукой“... Благодаря имъ положено начало музеямъ въ Читѣ, въ Нерчинскѣ, во Владивостокѣ“. Когда отдѣлъ общества пересталъ быть мечтою и осуществился, понадобился и музей. На осуществленіе его была испрошена субсидія. Дали и ее въ декабрѣ 1893 г. и въ довольно крупномъ размѣрѣ = 10,000 р. Чрезъ три мѣсяца послѣ этого—19 апрѣля 1894 г., былъ открытъ музей. Благодаря имени высокопоставленнаго основателя и покровителя новорожденнаго музея, въ Хабаровскъ отовсюду полились пожертвованія на имя самого генералъ-губернатора. Большая часть этихъ пожертвованій была отъ лицъ, проживающихъ въ пріамурскомъ генералъ-губернаторствѣ и состоящихъ на государственной службѣ. Жертвовали и жертвуютъ: деньги и предметы: одежду инородцевъ, ихъ

идоловъ, ихъ утварь, шкуры дикихъ звѣрей и проч., и проч. Имена жертвователей и наименованіе пожертвованнаго помѣщались на страницахъ „Пріамурскихъ Вѣдомостей“.

— Знаете,—говорилъ мнѣ одинъ изъ жертвователей,—какъ пріятно прочесть свое имя въ такой газетѣ какъ „П. В.“! Вѣдь главный редакторъ и цензоръ ее—самъ Его В-ство! Лукъ съ колчаномъ стрѣлъ, преподнесенный мною Его В-ству для музея, достался мнѣ за рюмку водки. Пользу же себѣ, благодаря этому подношенію, извлекаю громадную.

— Какую же именно?—полюбопытствовалъ я.

— А вниманіе такой особы, какъ главный начальникъ края? Благодаря чему я получилъ нынѣ тепленькое мѣстечко, какъ не этому подарку? Предъ этимъ назначеніемъ онъ удостоилъ меня однажды слѣдующимъ вопросамъ: „Не вы ли пожертвовали лукъ съ колчаномъ?“ Какая, знаете, геніальная память!

Не всѣ жертвователи съ подобными надеждами. Одна сотая часть и безъ оныхъ. Тѣмъ не менѣе, музей быстро обогащался и обогащается, такъ что въ настоящее время онъ уже, по полнотѣ, весьма солидный.

Въ текущемъ году въ немъ предметовъ по этнографіи, антропологіи и археологіи около 2,500 номеровъ; по промысламъ, сельскому хозяйству и торговли около 1,200 номеровъ; по зоологіи 1,100; по ботаникѣ и дендрологіи около 600; по геологіи и доисторической археологіи 450.

Какъ по этимъ цифрамъ музей ни кажется богатымъ, однако, онъ требуетъ еще много трудовъ и расходовъ. Напримѣръ, каталога нѣтъ. Большая часть предметовъ хранится не такъ, какъ слѣдовало бы. Затѣмъ нѣкоторые отдѣлы не полны и даже пусты. Напримѣръ, по зоологіи, по ботаникѣ, по минералогіи Сибири вообще и Пріамурскаго края въ особенности. Имѣющіеся же нѣсколько предметовъ не полны, разрозненны и представляютъ не цѣлые экземпляры, а части ихъ. Нѣсколько удовлетворителенъ отдѣлъ по этнографіи края, хотя и по этому отдѣлу есть весьма существенные пробѣлы.

Другая достопримѣчательность города—Николаевская библіотека. Мысль объ учрежденіи ея явилась между передовыми интеллигентами города еще при жизни барона Корфъ. Для осуществленія же выжидали удобнаго момента, а главное затруднялись надъ рѣшеніемъ вопроса о средствахъ. По пріѣздѣ же въ край генерала Духовскаго проектъ о библіотекѣ сразу пошелъ къ исполненію, одновременно съ учрежденіемъ отдѣла и музея. Проѣздъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, далъ окончательный толчокъ и этому дѣлу. Нашлись и средства. Самъ генералъ-губернаторъ отчислилъ изъ денежныхъ источниковъ, находившихся въ его распоряженіи, 2,300 р. Затѣмъ Хабаровская городская дума единовременно ассигновала 600 р., а въ послѣдующіе годы пообѣщала по 300 р. ежегодно.

А главное—фундаментъ ее образовался изъ книгъ, пожертвованныхъ самимъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ. Затѣмъ поступили пожертвованныя книги отъ Ея Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны. Вслѣдъ за этими крупными пожертвованіями стали поступать книги, журналы, и газеты со всѣхъ концовъ Россіи. Почти всѣ ученыя общества и учрежденія въ Россіи и Сибири прислали и свои изданія, и членовъ обществъ. Не отставали отъ нихъ и частныя лица. Эти изобильныя пожертвованія поступаютъ и до настоящаго времени. Нечего и говорить, что большая часть ихъ отъ лицъ, состоявшихъ и состоящихъ на службѣ въ Пріамурскомъ округѣ. И объ этихъ приношеніяхъ точно такъ же печаталось въ„ Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ“, съ именами жертвователей.

Въ настоящее время библіотека состоитъ приблизительно изъ 40,000 томовъ да дубликатовъ около 7,000. Кромѣ книгъ, собрано много портретовъ, автографовъ замѣчательнѣйшихъ лицъ, старинныя періодическія изданія, географическія карты, гравюры... Обозрѣвая книгохранилища, наполненныя умственнымъ богатствомъ, я припоминалъ о десяткахъ другихъ подобныхъ же учрежденій въ Россіи и Сибири. Нѣкоторыя

изъ нихъ существуютъ не десять лѣтъ, а цѣлыя столѣтія. Между тѣмъ какъ онѣ еще бѣдны... Какое громадное значеніе имѣетъ у насъ покровительство высокопоставленныхъ лицъ!

Для публики библіотека была открыта 15 февраля 1895 г. Въ первые 14 мѣсяцевъ, до 15 апрѣля 1895 г., посѣтителей было 3276. Каждый расписывается въ книгѣ, въ передней. Разсматривая ее, я убѣдился, что посѣщали читальную залу все одни и тѣ же лица. Напримѣръ, въ извѣстный день посѣтили 4. На другой, на третій, на четвертый и т. д., цѣлый годъ, посѣщали они же.

Вниманіемъ подписчиковъ, въ числѣ 247 человѣкъ, пользовались больше романы. Спрашивали Боккачіо, „Землю“ Золя, Поль-де-Кока. Затѣмъ журналы, газеты и дѣтскія изданія.

Что касается до научныхъ книгъ, то требовались онѣ весьма мало.

Съ научными книгами знакомились только офицеры, подготовлявшіеся въ академію да готовившіе статьи для прочтенія въ военномъ собраніи.

Тѣмъ не менѣе число подписчиковъ библіотеки и посѣтителей съ каждымъ годомъ увеличивается.

Всѣ абоненты и посѣтители исключительно офицеры и чиновники, ихъ жены, дочери и сыновья. Изъ нижнихъ чиновъ посѣщали только юнкера.

Ни мѣщане, ни крестьяне, ни солдаты не посѣщали ее, не брали и книгъ. Исключеніе составляли только двое-трое временно проживавшихъ здѣсь. Впрочемъ, нѣкоторые изъ первыхъ и послѣднихъ пробовали посѣщать. Придетъ разъ, другой и ужъ больше не заглядываетъ.

О причинѣ этого явленія мнѣ удалось услышать отъ одного изъ запасныхъ солдатиковъ. На мой вопросъ, почему онъ не посѣщаетъ библіотеку, любя чтеніе, мой знакомый запасный сказалъ слѣдующее:

— Неловко. Когда придешь, всегда сидятъ тамъ (въ читальной залѣ) большіе господа, генералъ или кто изъ прочяго офицерства. Нѣтъ-нѣтъ да и взглянутъ на меня, такъ что

поджилки затрясутся. Пошевелишься или возьмешь какую газетину, съ картинками, всѣ смотрятъ, не прячетъ ли, молъ, въ карманъ.

По словамъ другого бывшаго посѣтителя библіотеки, мѣщанина:

— Однажды я туда пришелъ и просто, скажу вамъ откровенно, не радъ сталъ, что я зашелъ. Въ передней велятъ ноги вытереть. „Опачкаешь, грятъ, полы. Да и, грятъ, кустюмъ твой не порядочный. Вишь, грятъ, тамъ большіе господа сидятъ". А когда я поворотилъ оглобли назадъ, то и неладно: „Зачѣмъ же, грятъ, вошелъ сюда, ежели не хошь читать?" „Да вѣдь вы, молъ, сами грите, что сапоги мои грязны да одежа худа"... „Да это, грятъ, мы такъ только для порядку, значитъ, чтобы знали вы, мужичье, куда заходите". „Нѣтъ, молъ, пустите, лучше уйти отсюда". Для господъ эта библіотека, а не для насъ, мужиковъ.

Я вполнѣ согласенъ съ моимъ послѣднимъ собесѣдникомъ—не для народа Николаевская библіотека. Почему бы не устроить тутъ же безплатную народную читальню съ главнѣйшимъ условіемъ, чтобы никто не стѣснялъ сѣрыхъ посѣтителей.

Послѣ музея и Николаевской библіотеки слѣдуетъ упомянуть о нарождающемся музеѣ художественныхъ произведеній. Иниціаторъ и устроитель его бывшій генералъ-губернаторъ Гродековъ. Благодаря его просьбѣ въ 1901 г. было получено изъ Академіи Художествъ первыя 7 картинъ, 7 гипсовыхъ фигуръ и 27 гравюръ. На ежегодныя ассигнованія по 1000 р. [1]) получаются такія произведенія послѣ каждой продажи ихъ въ академіи (съ аукціона, какъ барахло). Кромѣ этой ежегодной ассигновки поступили на этотъ музей и частныя пожертвованія. А отъ генерала Гродекова есть и особая сумма на постройку особаго зданія для этого музея. Къ 1909 г. такого рода произведеній собрано уже нѣсколько

---

[1]) Изъ крупной суммы, ежегодно ассигнуемой въ безотчетное распоряженіе генералъ-губернатора.

десятковъ. Имъ отведено временное помѣщеніе до постройки спеціальнаго.

Но этого, говорятъ, мало. Пройдутъ еще не мало годовъ прежде чѣмъ сформируется этотъ музей.

Слѣдовательно, онъ еще въ будущемъ. Хабаровцы пока мечтаютъ о немъ. Но они не объ одномъ этомъ музеѣ создаютъ планы.

Ихъ замыслы гораздо шире. Кто бы могъ подумать, что они почти помѣшались на мечтѣ превратить Хабаровскъ въ портовый городъ. Между тѣмъ это правда.

Вотъ какъ возникъ этотъ воздушный замокъ.

3-го августа 1903 г. въ Хабаровскѣ произошло весьма важное событіе. Прибылъ сюда морской великанъ—транспортъ „Камчадалъ"!

Благодаря открытію въ Амурскомъ лиманѣ сѣвернаго прохода, достаточно глубокаго даже для морскихъ судовъ, съ осадкою 18 футовъ, „Камчадалъ" прошелъ этотъ проходъ хорошо. Пробывъ около Николаевска нѣсколько часовъ, отправился далѣе вверхъ по Амуру и чрезъ 4 дня благополучно прибылъ въ Хабаровскъ.

Нечего и говорить, что къ прибытію этого необычайнаго гостя собралось на пристанѣ почти все населеніе города.

Простоялъ онъ здѣсь дня три и ушелъ обратно. Также благополучно вышелъ и въ Татарскій проливъ.

Послѣ этого почти недѣлю исключительно толковали здѣсь о блестящей будущности, ожидаемой Хабаровскъ.

— Что не толкуйте, а Хабаровскъ будетъ морскимъ портомъ. Торговыя суда и военныя всѣхъ государствъ міра станутъ приходить сюда. Разовьется торговля и промышленность и мы перещеголямъ Одессу. Такъ говорили хабаровцы.

Потомъ явились скептики.

— Жаль, стоять этимъ судамъ будетъ негдѣ. Даже нынѣ тѣсно: придутъ 4 парохода, а пятому ужъ нѣтъ мѣста. Затѣмъ, что будутъ вывозить отъ насъ? Одинъ лѣсъ. Но и теперь его нѣтъ (въ концѣ 1908 г.) въ окрестностяхъ Хабаровска на 50, на 70 верстъ въ окружности. А по Амуру

и по Уссури еще того меньше. За нимъ надо ѣхать отъ рѣкъ вглубь края верстъ за 100. А ко времени открытія порта и совсѣмъ его не будетъ. И это время недалеко. Лѣтъ десять и мы станемъ нуждаться въ привозномъ лѣсѣ. Это истина и всѣ амурцы согласны съ нею. Транзитъ по Амуру невозможенъ. По цѣлымъ недѣлямъ амурскіе пароходы сидятъ на мелях. Весь сезонъ ходятъ пустые, терпя убытки. Только лѣто 1908 г. было удачливо для нихъ: возили желѣзно-дорожный грузъ. Почти въ два мѣсяца, въ іюнь и въ іюль, перевезли отъ Срѣтенска до ст. Часовой 560,000 пудовъ этого груза. Но построятъ желѣзную дорогу и пароходы совсѣмъ будутъ не нужны.

— Станутъ доставлять намъ товары. Устроимъ склады.

— Но, куда и кому продавать мы его станемъ? Вѣдь нашъ городишко не отправляетъ, какъ Благовѣщенскъ, свои и чужіе товары на многочисленные пріиски и не развозитъ ихъ по селамъ и деревнямъ всей области. Отсюда некуда отправлять товаръ. А потребитель онъ самый мелкій: $^1/_4$ населенія каторжные-сахалинцы, $^1/_6$—манзы и корейцы, остальные—военные и гражданскіе служащіе. У первыхъ свой магазинъ.

Затѣмъ съ открытіемъ въ Хабаровскѣ морского порта, рѣчная пароходная линія Николаевскъ—Хабаровскъ будетъ отнята отъ рѣчной флотиліи. Для послѣдней останется рѣчной путь Срѣтенскъ—Хабаровскъ — самый неблагодарный. Обмелѣніе Амура уже началось. Его замѣтили еще въ 1901 г. Причина, по мнѣнію компетентныхъ лицъ, уничтоженіе прирѣчныхъ лѣсовъ на разстояніи 50 до 100 верстъ. Напримѣръ, на Сычевскомъ перевалѣ, между Благовѣщенскомъ и Поярковой, ежегодно сидятъ нѣсколько пароходовъ въ одно время и даже въ половодіе. Мелководіе замѣтно на сотни верстъ между Благовѣщенскомъ и Хабаровскомъ. Уссури у Хабаровска тоже обмелѣла: появились отмели, песчаныя косы, открылись островки [1]). Съ того времени пароходы все

---

[1]) См. мѣстныя газеты.

чаще и чаще стали сидѣть на многочисленныхъ меляхъ. Прежде ихъ считали по пальцамъ, нынѣ же не сосчитать, такъ ихъ много.

Слѣдовательно мелѣетъ и низовье.

— Такъ что о морскомъ портѣ нечего и мечтать!

— Ужъ чего мечтать намъ о морскомъ портѣ, когда мы не можемъ завести даже рѣчную охрану. Сколько десятилѣтій обѣщаютъ намъ рѣчныхъ канонерокъ? Шесть!! Блаженной памяти Муравьевъ хотѣлъ дать Амуру эту охрану. Съ того времени прошло 60 л. Наконецъ-то дождались и этого. Въ 1907 г. 14 іюля прибыла въ Хабаровскъ первая канонерская лодка съ пушками и осталась здѣсь. Но эта лодка для всего края. Къ 1910 г. пришли на Амуръ еще нѣсколько. А вотъ чѣмъ обзавелся въ послѣдніе годы XX вѣка Хабаровскъ, это другое дѣло. Объ этомъ слѣдуетъ поговорить подробно. Начну съ меньшаго.

Въ послѣдніе годы съ 1900 по 1908 гг. Хабаровскъ украсился многими каменными большими зданіями. Напримѣръ, много новыхъ большихъ казармъ, церковь на Артиллерійской горѣ, кадетскій корпусъ, реальное училище, техническое и др. Затѣмъ устроены бульвары на нѣкоторыхъ главныхъ улицахъ. А Муравьево-Амурская даже замощена.

Затѣмъ къ бывшему здѣсь опытному полю *) Управленіе государственными имуществами прибавило складъ сельско-хозяйственныхъ орудій, машинъ и сѣмянъ. Онъ открытъ въ 1903 г. Нечего и говорить, что это полезнѣйшее учрежденіе было не на томъ мѣстѣ, гдѣ ему слѣдовало быть. Будь этотъ складъ и опытное поле въ Благовѣщенскѣ, тогда другое дѣло: они были бы полезны народу.

На мой вопросъ завѣдующимъ складомъ:—Посѣщаютъ ли кто-нибудь изъ крестьянъ послѣднее и берутъ ли изъ склада что-нибудь?—получилъ лаконическій отвѣтъ:

— Изъ крестьянъ пока очень мало.

— Но все это мелочь. А главное—у насъ, какъ не въ

---

*) Теперь (въ 1909 г.) оно переведено отсюда.

одномъ еще сибирскомъ городѣ, и электрическое освѣщеніе!— съ гордостью говоритъ хабаровецъ.

— А въ не далекомъ будущемъ будетъ и трамвай,—хвастаетъ другой. Нынѣ устраивается уже. Укажите мнѣ на другой сибирскій городъ, гдѣ бы былъ онъ?

Да, удостоился видѣть и электрическое освѣщеніе и устраиваемый трамвай въ Хабаровскѣ. То и другое соорудило и сооружаетъ акціонерное общество „Артуръ Копель“. Первое открыто съ 1 сентября 1907 г. Пока функціонируютъ только 100 большихъ дуговыхъ фонарей для городскихъ улицъ и 10,000 лампочекъ накаливанія для домовъ. Удостоились этого освѣщенія только главныя улицы и площади. Что касается до окраинъ, гдѣ ютится бѣднота, то эти трущобы пользуются свѣтомъ только дневного свѣтила. То же общество сооружаетъ здѣсь и трамвай. Главные пути—отъ вокзала и товарной станціи до набережной Амура. Затѣмъ отъ Техническаго училища вѣтвь къ интендантскому магазину и др. На этомъ протяженіи будутъ ежедневно ходить 48 товарныхъ поѣздовъ. Каждый состоитъ изъ электрическаго локомотива и 2-хъ товарныхъ вагоновъ на 250 п. груза каждый. Пассажирскіе состоятъ изъ 16 рейсовъ самодвигающихся вагоновъ.

Мнѣ кажется, гораздо важнѣе электрическаго освѣщенія и трамвая—общественный банкъ, открытый въ 1908 году. До него весьма трудно было небогатымъ домовладѣльцамъ (какихъ здѣсь $^3/_4$ всего населенія) достать деньги. Одно время, когда существовалъ здѣсь городской староста (въ девятидесятыхъ гг.), управою давались ссуды и бѣднымъ домовладѣльцамъ. Затѣмъ одно время онѣ были прекращены, будто бы за непмѣніемъ особыхъ суммъ. Миновало это время и выдача ссудъ снова возобновилась. Тѣмъ не менѣе вопросъ объ открытіи кредитнаго учрежденія возбуждался не разъ. Откладывался за непмѣніемъ суммъ. Нынѣ, говорятъ, онѣ имѣются, благодаря отчасти крупнымъ пожертвованіямъ. Только эта наличность и дала возможность открыть общественный банкъ.

Нечего и говорить, что своимъ существованіемъ онъ обя-

занъ всецѣло городскому головѣ. Послѣдній искренно заботится о благѣ общества. Нельзя было того же сказать о прежнемъ, чиновникѣ канцеляріи генералъ-губернатора.

Хотя онъ именовался головой, но игралъ жалкую роль... Верховодилъ въ городѣ не онъ, а военное начальство.

— Хабаровскій голова совсѣмъ былъ не голова, а нѣчто другое, мягкое... Въ минуту жизнерадостнаго настроенія его гладили, а въ минуту гнѣва: „того... мало-мало больно...“ Впрочемъ, почти также обстоитъ дѣло и нынѣ. Такъ говорятъ многіе хабаровцы... Военная власть, напримѣръ, пожелала превратить свою резиденцію въ европейскій, культурнѣйшій городъ. И исправляющій должность головы (но не голова въ дѣйствительности) изъ кожи лѣзетъ, чтобъ осуществить желаніе начальства.

Пожелало оно адресный столъ. Поспѣшили устроить его съ 1 января 1908 г., хотя въ немъ совсѣмъ нѣтъ надобности. Въ теченіе 1908 г. въ немъ почти никто еще не о комъ не справлялся.

Пожелало электрическое освѣщеніе.

Понатужились и явилось электрическое освѣщеніе.

Пожелало телефонъ и трамвай.

Понатужились и это явилось. Благо, что городишко малосенькій, не важный. Двѣ, три улицы украсилъ этими благами новѣйшей, высшей культуры и ладно, достаточно. Не украшать же ими части города, состоящія изъ лачугъ, избушекъ на курьихъ ножкахъ и землянокъ, гдѣ ютится голь: солдатки, корейцы, манзы, каторжные-сахалинцы. Вотъ причина, почему на эту „роскошь“ достаточно и такого скромнаго бюджета какъ, хабаровскій. Посмотрите, развѣ благоразумному хозяину придетъ въ голову тратить свои скромныя, мизерныя средства на подобное. Напримѣръ, на 1907 г. ожидаемыхъ доходовъ здѣсь 262,955 р. На 1908 г. ихъ уже больше—374,620 р. Изъ числа расходовъ въ 1907 г. было: на народное образованіе 43,608 р. 80 к., на электрическое освѣщеніе 20,000 р. (въ 1906 г. на него было отпущено 5000 р.), на содержаніе и ремонтъ телефонной сѣти 23,500 р.,

на медицинскую и санитарную части 60,620 руб. Въ 1908 г. расходы были: на образованіе 56,478 р., на благоустройства города 64,624 р. (на электричество, водопроводы, трамвай, телефонъ), на медицинскую и санитарную части и т. д. Несмотря на эти культурнѣйшія нововведенія, Хабаровскъ никакъ не похожъ на европейскій городъ. Его можно сравнить съ прінсковымъ рабочимъ. На нечесанной и давно немытой головѣ—соболья шапка. На грязной шеѣ—разноцвѣтный новый шарфъ. Чуйка оборвана, съ заплатами и грязна. Штаны широкіе, выцвѣтшіе, съ заплатами и грязнѣйшіе. Сапоги дорогіе, новенькіе, съ лакированными голенищами. Немытая, нагло-ухмыляющаяся рожа—пропойца, алкоголика. Въ широкомъ рту, окаймленномъ усами и бородой, никогда нечесанныхъ и немытыхъ—дорогая 10-рублевая гаванская сигара.

Благо, что хабаровскій муниципалитетъ сознаетъ недостатки города.

— Надо бы пообчиститься, пообстроиться, завести и для бѣдноты кое-что посущественнѣе. Увы, не на что! Денегъ нѣтъ и не предвидится скоро. У насъ нѣтъ ни ночлежнаго дома, ни народнаго дворца, гдѣ бы давать простому люду увеселенія, а бездомному ночлегъ,—говоритъ членъ управы У.

Въ 1901 г. разрѣшена въ Хабаровскѣ ярмарка Никольская, съ 9 мая по 1 іюня, и Воздвиженская, съ 14 сентября по 1 октября. „Вотъ и надо бы кое-что соорудить для ярмарочныхъ гостей. Надо бы замостить улицы, убрать кое-гдѣ безобразія... Не на што! До 1909 г. все еще объ этомъ мечтаютъ. И долго еще будемъ мечтать".

А вотъ если начальство пожелаетъ что-нибудь, тогда и деньги найдутся.

— Всѣ надежды возлагаемъ на хабаровское отдѣленіе русскаго техническаго общества,—говоритъ другой членъ управы.

Открыто это отдѣленіе въ январѣ 1907 г.

— Какъ свои люди, станутъ подешевле сооружать и въ кредитъ для города. А главное помогутъ рѣшить вопросъ о водоснабженіи.

Этотъ вопросъ самый старый здѣсь, и рѣшеніе его уже поглотило много денегъ и силъ. Тѣмъ не менѣе пользы для города никакой, и вопросъ этотъ попрежнему не разрѣшенъ.

Одно время, въ началѣ 1900 г., было проектировано вырыть артезіанскій колодецъ. Ассигнована была солидная сумма и выбрано мѣсто на городской площади, противъ строющагося тогда, а нынѣ давно оконченнаго, зданія реальнаго училища. Отслужили молебенъ, выпили и закусили... На другой день приступили къ работѣ. Инженеръ раза два, три въ день пріѣзжалъ смотрѣть...

Работали долго и основательно. На 32 сажен. глубины появилась вода. На другой день она поднялась на $16^1/_2$ саж. Попробовали: увы и ахъ—вода негодная. Стали продолжать работу въ надеждѣ на полученіе лучшей. Но и это не помогло: вода прежняя. Оставили этотъ проектъ, придумали другой: посредствомъ особаго устройства брать воду для питья на срединѣ рѣки. Осуществить этотъ планъ думаютъ не такъ скоро...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

(Рынокъ. Улицы. Генеральскій проспектъ).

Наконецъ, вотъ еще достопримѣчательность Хабаровска. Не мало городовъ и мѣстечекъ я объѣздилъ на св. Руси, но, признаюсь, такого рынка еще не видалъ.

Это замѣчательное торжище недалеко отъ зданія музея и библіотеки. Оставивъ послѣднюю, я пересѣкъ площадь, спустился внизъ по набережной улицѣ къ юго-востоку саженъ 50 и очутился на рынкѣ. Чтобы получить правильное понятіе о немъ, надо припомнить мѣстоположеніе города. Какъ уже говорилъ я въ 1 главѣ, Хабаровскъ расположенъ на трехъ грядообразныхъ холмахъ и по ихъ склонамъ. Юго-во-

сточный склонъ средняго, начиная отъ самаго мыса, составляющаго часть возвышеннаго берега Амура, скопанъ на протяженіи 30—40 саженъ. На образовавшейся такимъ образомъ площадкѣ въ 10 саж. ширины и въ 30—40 саж. длины и расположенъ рынокъ. Онъ состоитъ изъ двухъ рядовъ маленькихъ лавченокъ и балагановъ, почти квадратныхъ, отъ $1^1/_2$ до 2-хъ саж. длины и ширины. Передняя сторона ихъ, обращенная къ другому ряду лавченокъ—открыта. Между ними закоулочки. Довольно узкій проходъ между этими двумя рядами лавочекъ и балагановъ—единственный проѣздъ на пароходныя пристани и обратно въ городъ. Этотъ же узкій проѣздъ служитъ и толкучкой для публики. За крайнимъ рядомъ лавченокъ рѣчушка Плюсинка, впадающая въ Амуръ. Почти на самомъ руслѣ этой рѣчушки, на задахъ второго ряда лавченокъ, недалеко отъ берега Амура, былъ большой сортиръ для публики, только нынѣ онъ убранъ. Что касается до самыхъ торговцевъ, то они пользуются для своихъ естественныхъ нуждъ своими закоулочками. Неудивительно, что въ теплое время года невообразимое зловоніе стоитъ надъ рынкомъ. Къ сортирнымъ міазмамъ примѣшивается еще противный запахъ тухлой рыбы и др. прелестей. Владѣльцы этихъ „торговыхъ заведеній“ (лавченокъ и балагановъ)—китайцы, корейцы и русскіе. Первыхъ больше половины всѣхъ торговцевъ. Вторыхъ около одной четверти послѣднихъ. Здѣсь можно купить все, что угодно. Напримѣръ, печеный хлѣбъ, булки, квасъ, пиво и говядину продаютъ преимущественно русскіе, мануфактурные и галантерейные товары и посуду продаютъ китайцы. Что касается до корейцевъ, то они продаютъ преимущественно свои сельско-хозяйственныя произведенія: картофель, огурцы, дыни, арбузы, морковь, лукъ, капусту, свои національные костюмы. Впрочемъ нѣкоторые торгуютъ квасомъ и пивомъ.

Благодаря русско-китайскому договору, заключенному въ 1881 г., подданные сосѣднихъ государствъ, Россіи и Китая, могутъ свободно торговать всѣми товарами и продуктами въ районѣ 50-ти верстной сухопутной государственной границы.

Этой прерогативой китайцы пользуются какъ нельзя быть лучше. На джонкахъ, по Сунгари, они привозятъ всевозможные товары и въ Хабаровскъ и въ другіе населенные пункты по Амуру. Освобожденные упомянутымъ договоромъ отъ платежа пошлинъ, они весь товаръ продаютъ дешевле, чѣмъ крупные торговцы въ большихъ магазинахъ. Напримѣръ, въ ихъ лавченкахъ, на хабаровскомъ рынкѣ, товары китайско-англійскихъ мануфактуръ обыкновенно покупаютъ на половину дешевле, чѣмъ въ магазинахъ Эмери, Кунстъ и Альберса и др. Крупные торговцы это прекрасно знаютъ и на всѣ лады вопятъ о контрабандѣ, о зловредности китайцевъ, о полномъ застоѣ и даже объ упадкѣ русской (американско нѣмецкой) торговли на Дальнемъ Востокѣ. Между тѣмъ простой русскій народъ (но не инородцы)*), пользуясь дешевизной товара китайской торговли, другого мнѣнія объ этомъ возрождающемся коммерческомъ вопросѣ...

Однако, возвращаюсь къ хабаровскому рынку.

Не разъ возбуждался вопросъ о перенесеніи рынка на другое мѣсто. Пустырей въ Хабаровскѣ множество, можно изъ чего выбрать. Напримѣръ, по обѣимъ сторонамъ рынка немного покатые склоны сосѣднихъ холмовъ представляютъ довольно помѣстительныя площадки. Но въ случаѣ переноса будутъ поставлены въ затруднительное положеніе мелкіе торговцы (они же производители сельскихъ съѣстныхъ продуктовъ) и покупатели. Дѣло въ томъ, что большую часть этихъ продуктовъ (напр. овощи, битую птицу, яйцы, рыбу) доставляютъ на рынокъ исключительно на лодкахъ корейцы, китайцы, гольды и отчасти русскіе крестьяне. Въ теченіе дня, преимущественно утромъ, то и дѣло пристаютъ къ рынку лодки, нагруженныя этими продуктами.

Не успѣютъ онѣ причалить къ берегу, какъ навстрѣчу имъ сбѣгаются и русскіе и инородцы, скупщики и покупатели.

---

*) Большинство инородцевъ (тунгусы, гольды, гиляки, орочоны и др.) находятся въ вѣчной кабалѣ у торговцевъ. Объ этомъ будетъ сказано подробно ниже.

Въ случаѣ переноса рынка на другое мѣсто, въ сторону отъ берега, какъ станутъ перетаскивать свои товары лодочники-продавцы съ лодки на рынокъ?

Съ другой стороны, и оставить его на этомъ мѣстѣ тоже неудобно, говорятъ другіе. Дѣло въ томъ, что берегъ Амура, гдѣ расположенъ рынокъ, почти единственное удобное мѣсто для водовозовъ и водоносовъ. Тѣ и другіе исключительно въ этомъ мѣстѣ (около рынка и пристани) и берутъ воду, хотя этотъ пунктъ рѣки самый загрязненный. И дѣйствительно, въ этомъ не трудно убѣдиться, припомнивъ мое описаніе рынка. Кромѣ того, около послѣдняго, на рѣкѣ, стоятъ и баржи, и джонки, и пароходы, еще больше загрязняя воду. Наконецъ, въ первой части этой книги, я уже говорилъ о прелестяхъ нашего берега Уссури: противъ каждой станицы онъ заваленъ и навозомъ и другими нечистотами. Впадая въ Амуръ, воды этого берега Уссури, противъ рынка, образуютъ полукруглый заливчикъ. Находясь въ сторонѣ и отъ главнаго теченія и даже отъ берегового, вода въ этомъ пунктѣ имѣетъ самое слабое теченіе и всѣ нечистоты уссурійскія и хабаровскія, растворенныя въ водѣ, скопляются здѣсь и не уносятся тотчасъ же, а забираются водовозами и водоносами для жителей города. Кромѣ того, какъ уже говорилъ я, часть жителей беретъ воду и изъ рѣчушекъ, верховья коихъ заваливаются городскими сортирочными нечистотами.

Существующіе колодцы, среди жилыхъ построекъ, тоже не могутъ имѣть хорошую воду для питья.

Изъ этого понятна и усиленная смертность Хабаровскаго населенія, и желаніе городской управы устроить лучшее водоснабженіе.

Осмотрѣвъ рынокъ, я отправился знакомиться съ городскими улицами. Знакомство вообще съ городомъ надо начать съ его окраинъ, такъ какъ правильное понятіе о немъ можно составить только осмотрѣвъ второстепенныя части его, думалъ я, медленно шагая по берегу Плюснинки. Берега этой рѣчушки завалены нечистотами. Вотъ, между кочками въ водѣ падаль. Вотъ, солдатикъ стираетъ бѣлье. Тутъ же и баба за-

черпаетъ воду. Немного дальше купаются маленькіе ребятишки. Въ костюмѣ прародителей, они бѣгаютъ по берегу, бросая другъ въ друга пескомъ. Вотъ мостъ.

Фу, какой запахъ! Закрывъ ротъ и носъ, я поспѣшилъ скорѣе обойти его. Пѣшеходы устроили подъ мостомъ нужное мѣсто... Самое подходящее. Вотъ нѣсколько свиней. Развалившись въ лужахъ, около рѣчушки, онѣ обильно испускаютъ свои ароматы... Вотъ стая гусей. Они плещутся въ водѣ, оглашая воздухъ пронзительными криками. Вотъ опять свиньи. Онѣ кушаютъ нечистоты. Я быстро шагаю впередъ. Вездѣ падаль и нечистоты. По мѣрѣ того, какъ я подвигаюсь къ городской окраинѣ, это добро все болѣе и болѣе увеличивается. Нестерпимое зловоніе! Нѣтъ, не могу итти дальше! Съ этими словами я свертываю въ улицу и поднимаюсь на холмъ.

По обѣимъ сторонамъ лачуги и землянки. Между ними изрѣдка попадаются и хорошенькіе домики. Гдѣ есть и тротуаръ, а гдѣ и совсѣмъ его нѣтъ. По улицѣ гуляютъ гуси, куры и стада свиней. То и дѣло изъ калитокъ выскакиваютъ бабы съ лоханками, выливаютъ помои съ соромъ среди улицы и, оглядѣвъ меня; исчезаютъ.

Поднявшись на холмъ, перехожу главную улицу и спускаюсь съ холма. Внизу, въ долинкѣ, другая рѣчушка Чердымовка. Тѣ же пейзажики и ароматы... Зажимаю носъ и скорымъ шагомъ пересѣкаю долинку. Опять поднимаюсь: теперь уже на другую, военную гору. Тѣже лачуги, гуси, куры, свиньи и бабы съ лоханками. Все чаще и чаще попадаются солдатики. Вотъ и военная гора. Улица вдоль ея называется кажется тоже военной. Повидимому начальство заглядываетъ сюда частенько. Кругомъ чистота, бульваръ, каменныя казармы. Вездѣ солдатики. Вотъ зданіе кадетскаго корпуса, вещевой и медицинскій склады. За ними опять казармы. Онѣ деревянныя, ветхія и грязноватыя. Вся улица предъ ними заставлена кроватями съ тюфяками и подушками, набитыми соломой. Наволочки на тѣхъ и на другихъ тоже грязны. Поверхъ одѣяла—на однѣхъ сѣрыя изъ солдатскаго шинельнаго

сукна, на другихъ байковыя. Простынь нѣтъ.—Что это значитъ? — спрашиваю одного солдатика, кивая на кровати. — Чаво? — Отчего кровати стоятъ на улицѣ?— Суббота. Чистка и мытье казармъ.—А! вотъ оно что. А кто моетъ?—Чаво?— Я повторилъ вопросъ.—Мы же...

Пройдя казармы, свертываю налѣво на среднюю гору, которую пересѣкалъ, направляясь отъ Плюснинки.

По сторонамъ лачуги и кое-гдѣ порядочные домики и дома, даже изрѣдка каменные. Тѣ и другіе въ перемежку. Есть и тротуаръ. Около нихъ канавы, заваленныя соромъ. Вотъ падаль: пара—щенокъ и кошка. По улицѣ тѣ же свиньи, гуси, куры. Тѣ же и бабы, выливающія помои съ соромъ, только не на средину улицы, а въ канаву, около тротуаровъ. Все чаще и чаще попадаются китайцы, то съ корзинами, наполненными овощами, то съ банками изъ-подъ керосина. Вотъ и средняя гора, а вдоль ея главная Муравьево-Амурская улица. Это центральная часть города, показная сторона его. По этой улицѣ ежедневно ходитъ начальство Пріамурскаго генералъ-губернаторства и военнаго округа. Постройки солидныя, бульваръ, тротуары. Ни сору, ни падали, ни помоевъ, ни гусей, ни куръ, ни свиней. Пѣшеходы преимущественно чиновники, офицеры и дамы. Послѣднія въ самыхъ модныхъ костюмахъ. Вездѣ и всюду полицейскіе, что называется, во всѣ глаза оглядывающіе по сторонамъ „Ей ты, мужланъ, зачѣмъ соришь? Здѣсь нельзя сорить! Сейчасъ изволятъ выйти на прогулку ихъ превосходительства!“ раздался окрикъ одного изъ нихъ. „Подними, что бросилъ и спрячь себѣ въ карманъ“, крикнулъ онъ еще разъ. Мужиченко поднялъ брошенный имъ лоскутокъ.

Навѣрное они строги только съ простымъ народомъ, а пѣшеходы въ обще-европейскихъ костюмахъ пользуются обычнымъ снисхожденіемъ, подумалъ я, и бросилъ бумажку, застрявшую въ карманѣ моего пальто.

— Господинъ, здѣсь нельзя сорить. Ежеминутно ходитъ начальство по эфтой улицѣ,—крикнулъ мнѣ другой полицейскій, поднимая мою бумажку. Вотъ и площадь. Тутъ соборъ,

домъ генералъ-губернатора, военное собраніе, музей, библіотека и магазины. Чистота и порядокъ идеальные. На каждомъ шагу полицейскіе. А вотъ даже самъ приставъ. Оглядѣвъ своихъ подчиненныхъ, онъ исчезаетъ.

Но бываютъ моменты въ теченіе дня, когда ни чиновниковъ, ни полицейской стражи на этихъ мѣстахъ не дозовешься. Эти моменты отсутствія чиновъ „надзора и порядка“ совпадаютъ со временемъ, когда генералы обѣдаютъ и затѣмъ почиваютъ часа полтора-два. Въ это время я не разъ наблюдалъ такія сцены на этихъ „генеральскихъ“ проспектахъ.

Время сцены ноябрь 1906 года. Дѣйствующія лица: двое мужчинъ, очень хорошо одѣтые, повидимому полуинтеллигентные. Съ ними хорошо одѣтая женщина, молодая и красивая. Первые тихо о чемъ-то спорятъ и тащатъ послѣднюю. Женщина, повидимому, нежелаетъ итти съ ними. Она кричитъ о помощи. Но проходящая публика глуха и слѣпа въ подобныхъ случаяхъ. Споръ между мужчинами вскорѣ переходитъ въ драку. Дама продолжаетъ взывать о помощи. Между тѣмъ мужчины серьезно дерутся. Собравшаяся публика и дама единодушно зовутъ полицію; ни свистки, ни командировки за нею не имѣютъ успѣха. Драка и крики на главной улицѣ Хабаровска продолжались часа полтора. А полиціи все-таки нѣтъ.

Но вотъ наступилъ часъ выхода на прогулку хабаровскихъ генераловъ. И полицейскіе, съ чиновникомъ во главѣ, какъ изъ земли вынырнули.

Итакъ, я прогуливаюсь по генеральскому проспекту. Чрезъ каждые 50 шаговъ стоитъ чинъ.

Раздался благовѣстъ.

Я вошелъ въ соборъ. Храмъ довольно благолѣпный: иконостасъ золоченый, полъ застланъ недорогими коврами. И здѣсь нѣсколько полицейскихъ.

— Господинъ, здѣсь нельзя вамъ стоять, потому сейчасъ пожалуютъ сюда ихъ превосходительства!—обратился ко мнѣ одинъ изъ нихъ.

— Гдѣ же должны стоять частныя лица?

— Обыкновенно частныя стоятъ у дверей.

Я вышелъ изъ собора.

— Должно быть здѣсь много начальства, — обратился я къ одному обывателю въ шляпѣ, входящему въ соборъ.

— Здѣсь восемнадцать генераловъ! — съ гордостію крикнулъ онъ, презрительно оглядывая меня.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

(Постройка города. Капиталъ на постройки домовъ служащихъ и пользованіе имъ. Аферы. Кто строилъ дома для служащихъ. Казенныя постройки).

Апрѣля 15. Эта глава дневника писана годъ спустя, послѣ того, какъ явилась третья. Помѣщена же впередъ только для дополненія описанія о Хабаровскѣ.

Познакомившись съ городскими зданіями, я раздѣлилъ ихъ на три разряда. Зданія перваго разряда—казенныя, преимущественно каменныя, крытыя цинкомъ, двухъэтажныя, большія и просторныя. Зданія втораго разряда—отъ трехъ до восьми саженъ длины и до полутора высоты, преимущественно одноэтажныя, съ небольшими окнами, тоже достаточно помѣстительныя.

Большая часть ихъ принадлежитъ военно-служившимъ и служащимъ. Почти всѣ они, за исключеніемъ десятка, небольше, построены весьма неудовлетворительно, что называется „на скорую руку“. Зимою чрезвычано холодны, лѣтомъ жарки отъ пекарныхъ печей. Вентиляціонныхъ приспособленій никакихъ. Даже традиціонныхъ форточекъ не имѣется. Нужныя мѣста примитивны. Помойныхъ ямъ нѣтъ. Внутри эти зданія весьма неудобны. Напримѣръ, жилыя комнаты (спальни, дѣтскія) на сѣверъ. Спальня хозяйки дома большею частію смежна

съ комнатами, которыя отдаются подъ квартиры нахлѣбникамъ, а комната хозяина въ сторонѣ. Кромѣ хозяевъ и квартирантовъ, въ этихъ зданіяхъ обитаютъ въ громадномъ количествѣ и паразиты (тоже въ своемъ родѣ квартиранты, только не они платятъ хозяину, а наоборотъ): клопы, блохи, тараканы, мухи, крысы. Повидимому они нисколько не стѣсняютъ людей. Не стѣсняютъ ихъ и люди...

Другое дѣло зданія купцовъ и торгующихъ мѣщанъ города. Хотя ихъ жилища и безъ притензіи на шикъ и аристократизмъ, но удобны, теплы и больше приспособлены для обитателей дома. Во всемъ видна рука хозяина и его расчеты.

Что касается до построекъ третьяго разряда, то преимущественно это лачуги, деревенскія постройки. Онѣ низки съ маленькими окнами, съ одной пекарной печью и двумя, тремя конурами. Чѣмъ больше послѣднихъ, тѣмъ выгоднѣе для хозяина, такъ какъ онъ больше квартирантовъ можетъ держать. Изъ трехъ комнатъ самая большая—съ печью. Въ ней одной и живетъ хозяинъ съ семьей. Всѣ эти домики сыры и холодны, зимою угарны, въ теплое время года чрезвычайно жарки и душны, темны и тѣсны. Всевозможныхъ паразитовъ—милліарды. Не говоря уже о вентиляціонныхъ приспособленіяхъ, эти человѣческія жилища неудовлетворительны, даже въ санитарномъ отношеніи. Напримѣръ, нужныхъ мѣстъ не имѣется. Этому назначенію удовлетворяютъ закоулочки или просто весь дворъ. Помойныхъ ямъ нѣтъ. Какъ уже замѣтилъ я, хозяйки выливаютъ помои и выбрасываютъ соръ или на середину улицъ, или въ канавы. Кромѣ людей и паразитовъ, въ этихъ жилищахъ обитаютъ и куры, и гуси, и даже поросята. Необширные земельные участки хабаровцевъ раздѣлены на двѣ половины: меньшая—дворъ, а большая—огородъ, а у меньшинства и садикъ. Всѣ эти невзрачныя избушки строились съ великимъ трудомъ. У поселенца, у запаснаго солдатика или у крестьянина изъ переселенцевъ денежныя средства почти ницейскія. Три четверти работъ, заготовку и вывозку матеріаловъ для этихъ построекъ, они производили сами, своими неумѣлыми руками. Постройки возводили безъ всякой помощи извнѣ; ни

совѣта, ни указанія, ни гроша ни отъ кого не получали. А копейка, какая была сбережена на черный день, хранилась „на обзаведеніе“. Безъ сомнѣнія, каждый изъ нихъ (поселенецъ, запасный и крестьянинъ) построилъ бы свое жилище и „въ лучшемъ видѣ“, если бъ позволили ему средства.

Другое дѣло военно-служившіе и служащіе, которыми воздвигались три четверти порядочныхъ на видъ построекъ. Тѣ и другіе строили себѣ жилища на ссуду, весьма щедро выдаваемую имъ на этотъ предметъ. Капиталъ, изъ котораго выдавалась и выдается она, состоитъ изъ 25000 руб., отпущенныхъ Государемъ Императоромъ Александромъ III изъ собственныхъ средствъ на постройки домовъ въ Хабаровскѣ офицерами и чиновниками в. в. Эта царская милость дана была при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ 1884 г. февраля 22-го было учреждено Пріамурское генералъ-губернаторство, и первый генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ, прибывшій на Амуръ въ концѣ лѣта того же года, и избравшій своей резиденціей станицу Хабаровскую, доносилъ въ Петербургъ, между прочимъ: „Служащіе, въ особенности в. в., за неимѣніемъ квартиръ, должны жить въ палаткахъ... Наступающая осень ставитъ меня въ чрезвычайно критическое положеніе: гдѣ устроить в.-служащихъ на зимы?“ Отвѣтомъ на эту телаграмму и была вышеупомянутая милость Государя Александра III. Кромѣ того въ 1892 г. приказомъ по военному вѣдомству отъ 7 іюля за № 177 была дана новая привилегія в.-служащимъ Пріамурскаго округа. На основаніи этого приказа каждому в.-служащему округа, желающему обзавестись домомъ, отпускается ссуда изъ экстраординарныхъ суммъ смѣты В. Министерства. Въ томъ и въ другомъ случаяхъ (изъ капитала ли Александра III, или изъ суммъ Министерства) в.-служащій, семейный, долженъ подать рапортъ по командѣ о выдачѣ ему извѣстной суммы на постройку дома. Такого рода просителямъ ведется списокъ, и первенство въ удовлетвореніи этихъ ходатайствъ назначается по времени подачи рапорта. Просятъ отъ 8000 до 500 рублей. Чѣмъ меньше чинъ и должность у просителя, служащаго, тѣмъ меньше и сумма, которую онъ полу-

часть. Выдаютъ ее по мѣрѣ накопленія изъ вычетовъ съ лицъ, ранѣе получившихъ. Прежде чѣмъ выдать слѣдующую часть, комиссія должна удостовѣриться личнымъ осмотромъ, въ какомъ положеніи возводимый домъ у просителя. Просятъ и получаютъ эти ссуды и совсѣмъ не имѣющіе домовъ, и имѣющіе ихъ, и даже по нѣсколько. Получаютъ даже не уплатившіе первоначально выданную имъ ссуду. Послѣднюю операцію могутъ продѣлать только служащіе, имѣющіе крупный чинъ и большую должность. Изъ числа многочисленныхъ примѣровъ приведу хоть два. М., не уплативъ 1550 руб. изъ числа прежней ссуды, получилъ новую 1200 р. на ремонтъ домовъ В., не уплативъ 4150 р. изъ числа прежней крупной ссуды, получилъ новую 1450 р. Между тѣмъ многіе изъ мелкой сошки нѣсколько лѣтъ ожидали очереди и накопленія суммы изъ вычетовъ...

На погашеніе долга ссуды, на постройку дома, удерживаютъ не менѣе $^1/_3$ мѣсячнаго содержанія. Съ важныхъ лицъ $^1/_4$ или $^1/_5$ мѣсячнаго содержанія. А то и совсѣмъ не производятъ удержанія съ нихъ, напримѣръ предъ Пасхой или Рождествомъ Христовымъ. Другое дѣло мелкая сошка—съ ними, какъ обыкновенно, не церемонятся.

Получивъ ссуду, приступаютъ къ постройкѣ дома. Молодые строители (мелкая сошка тожъ), какъ неопытные въ жизни вообще, совершаютъ это обыкновеннымъ способомъ. Покупаютъ лѣсной строительный матеріалъ и нанимаютъ плотниковъ,—китайцевъ. Въ большинствѣ случаевъ у такихъ домостроителей полученной ссуды далеко не хватаетъ на окончаніе постройкъ и они задалживаются „по уши“: берутъ и третное жалованье и въ капиталѣ, занимаютъ подъ векселя... Такіе служащіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣсячное содержаніе получаютъ въ размѣрѣ суммы, достаточной только доѣхать на извощикѣ до своей квартиры.

Другое дѣло опытные въ жизни. Они не проживаютъ при домостроительствѣ, а напротивъ—наживаютъ. Такія лица, съ крупнымъ чиномъ и солидной должностью,*) созидаютъ свои дома

*) Даже изъ мелкой сошки есть вліятельные люди, которые строятъ тоже этимъ хозяйств. способомъ.

хозяйственнымъ способомъ. Этотъ способъ настолько интересенъ, что стоитъ разсказать о немъ подробно.

Получивъ ссуду на постройку дома, такой солидный служащій формируетъ рабочую артель. Если онъ важный баринъ и завѣдуетъ раб., то выбираетъ изъ среды „своихъ“ расторопныхъ и здоровыхъ молодцевъ „штуки три-четыре“. Если онъ персона, да кромѣ того мѣстечко занимаетъ тепленькое, то ему полагается... два, три раб..., а потому брать другихъ ему нѣтъ надобности. Другое дѣло если онъ важный ноёнъ и на солидной должности. Ему полагается только одинъ, который и имѣется у него. Взять еще двухъ, трехъ онъ можетъ безъ всякихъ съ его стороны просьбъ и хлопотъ. Для этого стоитъ ему только намекнуть своимъ холостымъ сослуживцамъ, состоящимъ на службѣ въ его вѣдѣніи, что онъ желалъ бы взять къ себѣ на время раб. Тогда каждый изъ мелкой сошки, разсчитывая на протекцію и вліяніе своего непосредственнаго начальника, старается угодить ему, предлагая своего... Такимъ способомъ и ноёнъ можетъ раздобыться двумя, тремя. Сформировавъ рабочую артель изъ раб.,домостроитель снаряжаетъ ее въ путь-дорогу, на два, на три осенніе мѣсяца въ тайгу заготовлять лѣсной строительный матеріалъ. Впрочемъ сборы артели невелики: каждый изъ рабочихъ беретъ принадлежащій ему провіантъ (печенымъ хлѣбомъ на недѣлю) крупу, соль и кирпичный чай. А баринъ покупаетъ имъ отъ своихъ щедротъ сушеной рыбки фунтика три, четыре и махорки по фунтику на рыло—и сборы готовы.

— Надо бы полушубки, Вапродіе, на всякій случай,—говоритъ ноёну старшій артели.

— Ладно я самъ съѣзжу возьму ихъ и привезу вамъ вмѣстѣ съ провіантомъ, говоритъ баринъ. Въ большинствѣ случаевъ это обѣщаніе, привезти полушубки, такъ и остается безъ исполненія.

Вотъ артель и въ тайгѣ. Наскоро строится землянка или избушка и артель приступаетъ къ работѣ: рубитъ лѣсъ, очищаетъ его отъ коры, часть бревенъ перепиливаетъ на плахи и т. д. Въ два, три осенніе мѣсяца артель обыкновенно успѣ-

вастъ заготовить весь строительный матеріалъ. Баринъ-домостроитель каждый праздникъ навѣщаетъ ихъ и привозитъ имъ водки по чаркѣ и говядинки на одинъ праздничный день для поощренія.

Заготовка кончена въ самую пору: зимняя дорога налицо. Надо приступать къ вывозкѣ строительнаго матеріала изъ тайги. У барина-домостроителя и до заготовки лѣса были двѣ лошади. Теперь же, съ окончаніемъ ея, покупается имъ третья.

Вывозка производится тѣми же даровыми рабочими въ теченіе зимы.

Весь лѣсной матеріалъ на мѣстѣ постройки. Наступила и весна. Надо приступать къ домостроительству.

Первымъ дѣломъ къ этому надо замѣнить всѣхъ трехъ-четырехъ раб. другими, умѣющими плотничать. Для крупнаго ноёна сдѣлать это „сущій пустякъ“. Самъ онъ съѣздитъ куда слѣдуетъ и выберетъ любыхъ. Тѣ же изъ мелкой сошки, которымъ принадлежатъ раб., работавшіе у барина въ тайгѣ, подаютъ своевременно рапорта о замѣнѣ ихъ раб. другими. Причинъ, побуждающихъ къ этому, не трудно придумать: нерадивъ, пакостливъ, былъ пьянъ и нагрубилъ, ушелъ безъ разрѣшенія и т. д., и т. д. О послѣдствіяхъ для нихъ этой барской лжи интеллигентный ноёнъ и не помышляетъ. Для него ясно только одно: собственная его польза и выгода.

Такимъ способомъ прежняя артель рабочихъ замѣняется новой—плотничной, и работа по постройкѣ началась. Теперь баринъ все свободное время проводитъ на постройкѣ. Если рабочіе лѣнивы, онъ грозитъ имъ каталажкой на недѣлю на самомъ строгомъ положеніи (на одномъ хлѣбѣ и водѣ). А по окончаніи ареста запишутъ ихъ въ штрафной журналъ, потомъ высѣкутъ и въ концѣ-концовъ отправятъ въ земной адъ... Старательно работаютъ раб... баринъ поощряетъ ихъ: покупаетъ для одного праздничнаго обѣда говядинки по фунтику на рыло и водки по чаркѣ, и много-много по одной четверти махорки. Кромѣ того обѣщаетъ похлопотать о повышеніи ихъ... Благодаря этому, работа подвигается довольно хорошо и скоро.

Готовъ и остовъ зданія. Надо класть печи. Артель плотниковъ указаннымъ выше способомъ замѣняется новой: часть раб. кирпичники, а часть печники. Берутся за дѣло сначала первые. Когда кирпичники налицо, принимаются за дѣло послѣдніе. Печи готовы, всѣхъ раб. обратно, а вмѣсто нихъ берутся новые, знающіе столярное ремесло. Послѣднимъ суждено совсѣмъ закончить постройку. Они сдѣлаютъ рамы, филенчатыя двери, кое-какую мебель, выкрасятъ все это и полы. Точно такимъ же способомъ ноёны производятъ и ремонтъ своихъ домовъ, получивъ 1,500 р. ссуды.

По словамъ нѣкоторыхъ изъ такихъ домостроителей они платили своимъ раб. условленную плату. Въ дѣйствительности же за эти постройки раб. обыкновенно никто не платитъ ни гроша.

Мнѣ удалось бесѣдовать объ этомъ щекотливомъ предметѣ со многими. По ихъ словамъ, они были на постройкахъ у ноёновъ, и получали отъ нихъ только или зуботычины или плюхи. Всѣ обносились какъ нельзя быть хуже.

Было нѣсколько случаевъ постройки такихъ домовъ арестантами мѣстной тюрьмы. Нечего и говорить, что и имъ не платятъ.

Такъ вотъ какъ гг. ноёны изъ числа солидныхъ (по чинамъ и должностямъ) строятъ въ Хабаровскѣ свои дома. А имѣя домъ, онъ ждетъ случая, чтобы пустить его въ оборотъ. Изъ многихъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ такого выгоднаго оборота разскажу о двухъ.

Нѣкто А., израсходовавъ на постройку $^1/_{20}$ часть ссуды, продалъ выстроенный такимъ способомъ домъ, по случаю отъѣзда изъ Хабаровска, по переводѣ въ другую часть. Но купатель былъ тоже ноёнъ, ожидавшій ссуду. Плата за домъ равнялась ссудѣ, выданной первому, хотя этотъ домъ не стоилъ даже одной четверти ея. На погашеніе ссуды платилъ ужъ купившій эту постройку. Благодаря даровому способу постройки А. нажилъ крупную сумму. Затѣмъ, черезъ полтора года, онъ снова прибылъ на службу въ Хабаровскъ и опять подалъ рапортъ о выдачѣ ему ссуды на постройку

дома. Чрезъ два года онъ получилъ ее и тоже выстроилъ домъ съ помощью раб., какъ и въ первомъ случаѣ. Года черезъ три вышелъ въ отставку, продалъ и эту постройку за крупную сумму, а три четверти долга за эту ссуду взялъ покупатель на себя.

Вотъ и другой случай. Нѣкто П., получивъ крупную ссуду, выстроилъ нѣсколько домовъ на одномъ большемъ земельномъ участкѣ. Говорятъ, постройка ихъ обошлась ему чрезвычайно дешево: работали одни раб. и даромъ. Когда постройки были закончены, П. отдѣлилъ каждый домъ заплотомъ и продалъ ихъ по разнымъ цѣнамъ, весьма крупнымъ, нѣсколькимъ лицамъ. Этимъ оборотомъ онъ нажилъ весьма крупную сумму. Послѣ продажи, онъ уѣхалъ изъ Хабаровска. Поселившіеся же въ купленныхъ отъ П. домахъ, зимою принуждены были оставить ихъ, такъ какъ эти зданія совсѣмъ не годились для жилья.

О постройкахъ казенныхъ зданій отлагаю до удобнаго случая.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

(Поиски занятій. Три способа найти ихъ. Многочисленные литераторы. Утки въ Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ. Общій фонъ Хабаровской жизни).

Іюня 1. Едва я успѣлъ осмотрѣть городъ и добыть цифровыя данныя о населеніи, изложенныя въ первыхъ главахъ этой части, какъ мои личныя дѣла отвлекли мое вниманіе отъ изучаемаго населеннаго пункта. Занявшись ими, я неожиданно натолкнулся на совершенно новое для меня явленіе Хабаровской жизни, явленіе—по своей оригинальности—достойное описанія. Начну съ того, что натолкнуло меня на это открытіе.

Вторая недѣля моего пребыванія въ Хабаровскѣ приходила къ концу. Недалекъ былъ и день, когда мои занятія у коммиссіонера должны были окончиться. Мысль, что я скоро останусь безъ всякихъ средствъ и заработка—все больше и больше овладѣвала мною. Не одинъ разъ я заводилъ бесѣду съ коммиссіонеромъ по этому, очень серьезному для меня, вопросу. И, увы, каждый разъ неудачно. Онъ былъ такъ поглощенъ своими отчетами, что не имѣлъ ни времени, ни желанія думать или бесѣдовать о чемъ-либо другомъ. Наконецъ, за два дня до окончанія занятій мнѣ удалось изъ первой бесѣды узнать по интересующему меня вопросу больше, чѣмъ я ожидалъ. Случилось это въ одинъ вечеръ. У комиссіонера, кромѣ меня, только что кончившаго занятія, были гости. Въ числѣ ихъ были два его сослуживца, интендантскіе чиновники, одинъ офицеръ штаба и чиновникъ канцеляріи генералъ-губернатора. Съ нѣкоторыми, познакомившись, я бесѣдовалъ въ отдѣльной группѣ. Предметъ бесѣды — былъ Хабаровскъ и его скука. Разсѣянно отвѣчая на вопросы, я горѣлъ отъ нетерпѣнія заговорить по поводу степени вѣроятности найти занятіе. Наконецъ, воспользовавшись общей минутной паузой, я спросилъ своего ближайшаго собесѣдника, чиновника канцеляріи генералъ губернатора.

— Скажите, пожалуйста, можно ли найти здѣсь письменныя занятія?

— Для кого?

— Для себя, конечно.

— Можно. Только сначала найдете со скромнымъ вознагражденіемъ.

— Напримѣръ?

— Рублей за 20, 25.

— Мало.

— А вамъ сколько нужно?

— Да по крайней мѣрѣ рублей 40—50.

— Такое вознагражденіе сразу не дается. Надо послужить нѣсколько мѣсяцевъ на этомъ низшемъ окладѣ.

— Въ такомъ случаѣ, какъ же я жить стану здѣсь?..

— А вы нашли квартиру? — спросилъ меня другой собесѣдникъ.

— Да, за 25 рублей. Но вѣдь надо и на платье и на табакъ. Кромѣ того, необходимо откладывать и на черный день.

— А на бѣлье? Забыли?

— Да, на бѣлье рубля 3 все надо. Скверно.

— Кто ищетъ письменныхъ занятій?—спросилъ офицеръ, подходя къ намъ съ другими своими собесѣдниками.

Я сказалъ.

— Да! Забылъ! Простите, голубчикъ,—крикнулъ мнѣ коммиссіонеръ. — Господа, примите участіе! Прошу васъ всѣхъ.

— На какое вознагражденіе желаете вы поступить?

Я повторилъ.

— А вашъ цензъ? Извините за нескромный вопросъ.

Я сказалъ.

— Батенька, — обратился офицеръ къ чиновнику канцеляріи,—вотъ вамъ находка. Лучшаго и желать нечего.

— Да, да. Но сначала надо бы диссертацію для Пріамурскихъ Вѣдомостей.

— Какую именно и что это за Пріамурскія .. Впрочемъ, знаю: это оффиціальный органъ Пріамурскаго генералъ-губернаторства?

— Видите ли... Дѣло вотъ въ чемъ... — началъ съ замѣшательствомъ чиновникъ канцеляріи, первно дергая свои усы.

— Позвольте, я объясню,—сказалъ офицеръ, усаживаясь около меня.—Но прежде чѣмъ начать закуримъ.

Закурили.

— Итакъ, дѣло вотъ какого рода. Со времени перваго выхода въ свѣтъ Пріамурскихъ вѣдомостей для редакціи понадобились сотрудники. Сначала главныхъ требованій отъ нихъ были два: извѣстный университетскій, цензъ и новизна матеріяла ихъ статей. Этотъ матеріалъ долженъ быть непремѣнно цѣннымъ и касающимся обширнаго края Пріамурскаго округа. Потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ первое требо-

ваціе о цензѣ было измѣнено: главные заправилы нашего органа рѣшили, что доставить требуемый матеріалъ можетъ и полуобразованный человѣкъ, прекрасно знающій одну изъ частей округа. Благодаря этому измѣненію, въ теченіе перваго года существованія газеты наплывъ матеріала для нея былъ большой и достаточно цѣнный. Каждый порядочный офицеръ или чиновникъ считалъ долгомъ написать статейку или замѣтку о чемъ-либо интересномъ. Впослѣдствіи этихъ статеекъ значительно поубавилось и были моменты, когда нечѣмъ было наполнить недѣльный номеръ. Для устраненія въ будущемъ этого нежелательнаго обстоятельства, стали пользоваться пріѣзжими изъ края, въ особенности пробывшими тамъ достаточное для ознакомленія время. Обыкновенно прибывшему предлагалось подѣлиться своимъ знаніемъ о краѣ.

Первое время это предложеніе не всегда имѣло желательный результатъ. Тогда стали поощрять авторовъ: удовлетворялись ихъ желанія о тепленькомъ мѣстечкѣ, о выгодной командировочкѣ и проч. Съ одной стороны это было недурно, такъ какъ сочиненіе есть лучшій критерій степени развитія и образованія автора. Но есть и оборотная сторона, весьма нежелательная,—какъ скажу потомъ... Въ теченіе нѣкотораго времени это вошло въ обычай и въ большинствѣ случаевъ для полученія желаемаго надо было только одного: лично представить начальнику свою диссертацію, предварительно передѣлавъ, исправивъ канцелярско-безграмотный слогъ и дополнивъ ее съ помощью энциклопедій или извѣстнѣйшаго сочиненія. Этотъ капитальнѣйшій ремонтъ созданій нашихъ доморощенныхъ литераторовъ дѣлалъ кое-кто изъ членовъ редакціи вѣдомостей...

— Конечно не даромъ,—сказалъ кто-то.

— Такимъ образомъ,—продолжалъ офицеръ,—хабаровская литература стала средствомъ для достиженія завѣтныхъ желаній авторовъ-служащихъ. Каждый сочинитель умѣло вставлялъ нѣсколько фразъ, которыми восхвалялъ своего патрона. Это отлично помогало достигнуть желаемаго...

— Къ сожалѣнію, этотъ способъ достиженія своей цѣли не единственный...

— Да? Слѣдовательно есть и другія средства для этого?— спросилъ я.

— Есть, не менѣе вѣрныя.

— Напримѣръ?

— Играете вы въ карты?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ нечего и говорить объ этомъ.

— Во всякомъ случаѣ, скажите пожалуйста. У меня сильное желаніе научиться здѣсь работать за зеленымъ столомъ. Навѣрно плоды этого труда будутъ весьма существенны?

— Извольте. Вамъ слѣдуетъ сойтись съ однимъ изъ членовъ военнаго собранія. Благодаря ему вы можете быть гостемъ нашего клуба и ежедневно отъ зари до зари трудиться съ картами въ рукахъ.

— При этомъ совѣтую вамъ добиться во что бы то ни стало великой чести поиграть съ одной изъ вліятельныхъ особъ нашего града.

— И проиграть ему кругленькую сумму. Благодаря этому васъ удостоятъ милостивой улыбкой и вниманіемъ. Если вы неглупый малый (извините), то воспользуетесь этой благопріятной минутой и тогда устроить свои дѣлишки для васъ плевое дѣло.

— А какъ же узнать вліятельную особу?

— Около такой особы обыкновенно увиваются всѣ наши неудачники и жаждущіе?

— Очень благодаренъ за совѣтъ. Быть можетъ есть и третьи?

— Есть. У насъ имѣются два полугенерала, вѣчно нуждающіеся въ благородномъ металлѣ. Къ ихъ счастію, они пользуются вліяніемъ и вѣсомъ, такъ что устроить какого нибудь неудачника на теплое мѣсто, или удовлетворить жаждущаго, для нихъ все равно, что плюнуть. При этомъ не забывайте, что эти особы взятки не берутъ, но занимаютъ

подъ векселъ или на честное слово. Если же вы одолжили одному изъ нихъ, то одинъ-на-одинъ должны, для успѣха своего дѣла, уничтожить векселъ и всунуть ему бумажку съ вашей надписью о томъ, что эта особа не должна вамъ ни гроша и т. д.

— Выбирайте любой изъ трехъ, по желанію и склонности.

— Для меня самый подходящій это первый.

— Я тоже думаю,—сказалъ комиссіонеръ.

— Да, отозвался офицеръ.

— Напримѣръ про уссурійскихъ казачковъ, тѣмъ болѣе мы только что проѣзжали по ихъ станицамъ.

— Подумаю.

— Если будете писать, то постарайтесь расхвалить и казаковъ и ихъ станицы. Премилый, молъ, народъ эти казачки. А какъ войско, эта уссурійская кавалерія самый главный, молъ, оплотъ нашей силѣ на Дальнемъ Востокѣ. Ха, ха, ха!

— Въ заключеніе прибавьте курсивомъ: „подъ вѣдѣніемъ, молъ, такого наказнаго атамана они, молъ, какъ Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ“.—Ха, ха, ха!

— Однимъ словомъ берите примѣръ съ нашихъ многочисленныхъ литераторовъ. Пусть произведенія ихъ будутъ вашими великими классиками и авторитетами. Ха, ха, ха!

— Значитъ здѣсь гг. литераторовъ...— началъ было я, но былъ прерванъ.

— Хоть отбавляй.

— Вотъ какъ!

— Отчасти это хорошо, господа.

— Но есть и оборотная сторона, такъ сказать домашняя, закулисная—весьма и весьма неприглядная и нежелательная.

— Напримѣръ?

— Представляются для помѣщенія въ вѣдомостяхъ не статьи, а белиберда, годная только на топку камина.

— Навѣрно грамматикальная,—сказалъ я.

— Читая эту белиберду, невольно является вопросъ: „Да существуетъ ли грамматика? Не упразднена ли?“.

— Въ такомъ видѣ конечно не печатаются такія произведенія?

— Конечно. Для капитальнѣйшаго исправленія многочисленныхъ произведеній нашихъ пріамурскихъ ученыхъ, публицистовъ и литераторовъ при нашихъ канцеляріяхъ, военныхъ и гражданскихъ, состоятъ тайные редакторы, зарабатывающіе этими исправленіями порядочныя деньги.

— Если только въ этомъ состоитъ оборотная сторона мѣстной литературы, то это пустякъ, свойственный каждой провинціальной редакціи.

— Къ сожалѣнію не въ этомъ состоитъ эта оборотная сторона.

— А именно?

— Редакція нашей газеты разводитъ въ обширныхъ размѣрахъ утокъ. Ха, ха, ха!

— Такъ вотъ что!

— Депо жирныхъ утокъ. Ха, ха, ха!

— Напримѣръ?

— Все будете знать, молодой человѣкъ, скоро состаритесь. Ну-съ, господа, пора и по домамъ.

Всѣ разошлись. Ушелъ и я. Мое желаніе поймать за хвостъ хоть одну уточку Пріамурскихъ вѣдомостей въ этотъ разъ не удалось.

Октября 13. Наконецъ-то я узрѣлъ этихъ знаменитыхъ утокъ. Но съ одной стороны, гдѣ нѣтъ этихъ газетныхъ птицъ, какой печатный органъ, не исключая и столичныхъ, можетъ сказать, что онъ чистъ въ этомъ отношеніи и вполнѣ застрахованъ отъ нихъ; съ другой стороны, что можетъ быть общаго между программой этой книги „Люди и нравы“ и невольными, вполнѣ извинительными, прегрѣшеніями провинціальной прессы... Кто только не оплевывалъ ее, насчастную... Другое дѣло познакомиться со взглядами мѣстной интелигенціи на этого представителя печатнаго слова. Этотъ взглядъ— немаловажный критерій степени просвѣщенія и серьезности интеллигентовъ на Дальнемъ Востокѣ. Но прежде чѣмъ познакомиться съ этими общими взглядами на „П. В.“, скажу о немъ нѣсколько словъ.

Какъ официальный газетный органъ, онъ нѣмъ и глухъ

къ недостаткамъ мѣстной администраціи. Зато по силѣ возможности и средствамъ, онъ освѣщаетъ этотъ отдаленный округъ, знакомитъ читателя и съ прошлымъ этого края*) и съ настоящимъ его положеніемъ, серьезно обсуждая нужды этой окраины. Онъ не чуждъ игривыхъ фельетоновъ и безсодержательной провинціальной беллетристики. Прежде и теперь почти въ каждомъ номерѣ—восхваленія высшихъ администраторовъ Пріамурскаго края. И теперь эти похвалы многочисленнымъ превосходительствамъ на страницахъ „П. В.“ все еще попадаются. Вотъ, напримѣръ, одно изъ подобныхъ произведеній ко дню рожденія генералъ-губернатора (1903 года, стр. 211).

Въ день Вашего рожденья
Шестого декабря,
Прославляю я героя
И нашего вождя... и т. д.

Или вотъ образчикъ подобнаго же. Въ залѣ общественнаго собранія повѣсили портретъ (въ то время намѣстника) Алексѣева. На другой же день въ „Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ“ на первой страницѣ была уже статья объ этомъ важномъ событіи. Одинъ титулъ его былъ напечатанъ на пяти строкахъ.

Теперь о мнѣніи интеллигентовъ объ этой газеткѣ.

По мнѣнію ихъ, „П. В.“ белиберда, „сплошное вранье“. Но вѣдь это ихъ же созданіе!, Затѣмъ, по словамъ одного высокопоставленнаго лица, ежегодно объѣзжавшаго Пріамурскій край для ревизіи подвѣдомственныхъ ему учрежденій, выписываемыя въ округѣ „П. В.“ за всѣ года хранятся (въ этихъ учрежденіяхъ) неразрѣзанными и не сшитыми. Въ одномъ управленіи въ Забайкальской области было даже ему доложено о необходимости имѣть особаго чиновника, обязанностью котораго было бы исключительно вѣдѣніе „Пріамурскихъ Вѣдомостей“, подшивать ихъ, разрѣзывать и изучать для докладовъ начальству, на ихъ частые вопросы по поводу

*) Напримѣръ: „Воспоминанія амурскаго казака“ —Богданова.

приказовъ, циркуляровъ, замѣтокъ и статей, помѣщаемыхъ въ ней. Что касается до содержанія, то было проектировано этому „газетному“ чиновнику около 1200 р. въ годъ. Изъ одного этого можно видѣть, какъ непріятно и тяжело для служащаго возиться съ этой газетой.

Останавливаясь нѣсколько подробно на „П. В.“, я имѣю въ виду познакомиться съ просвѣщенной дѣятельность пріамурской интеллигенціи. Большинство послѣднихъ съ высшимъ и военнымъ, среднимъ, образованіемъ.

По пословицѣ: „По одежѣ встрѣчаютъ...“, начну съ ихъ внѣшняго вида, которому и посвящаю послѣднія строки этой главы.

Чтобы видѣть это блестящее общество, этотъ осколокъ столичной бюрократіи, надо побывать въ военномъ собраніи или на одномъ изъ раутовъ генералъ-губернатора. Первое, что бросается въ глаза, это ихъ олимпійство. И въ самомъ дѣлѣ, какая осанка, гордая, властная, неприступная!.. Какія манеры, чрезвычайно сдержаныя съ равными, и презрительныя съ низшими! Какая великолѣпно-изящная и блестящая оболочка! У каждаго академическіе и университетскіе значки. (По крайней мѣрѣ всѣ эти значки такими кажутся моимъ близорукимъ глазамъ). Такъ и кажется, что это боги съ Олимпа. Они прилетѣли сюда, въ Хабаровскъ, и облеклись въ современные изящнѣйшіе костюмы и мундиры, чтобы научить дикарей и полудикарей изяществу и просвѣщенію.

Безъ сомнѣнія, они конкурютъ столичныхъ аристократовъ, любимцевъ фортуны.

— Навѣрно и въ столицѣ играли всѣ они роль олимпійцевъ, наравнѣ съ аристократами,—сказалъ я одному изъ нихъ, близко познакомившись съ нимъ.

— Нѣтъ, въ Питерѣ мы играли ту же роль, какую здѣсь играютъ чиновники изъ недоучекъ, изъ кантонистовъ, изъ фельдшеровъ.

Какую же роль играютъ здѣсь послѣдніе? Роль ихъ немудрая. Всѣ они (кантонисты, фельдшера и уѣздники *), до-

*) Державшіе экзаменъ на чинъ въ уѣздныхъ училищахъ.

стигшіе въ теченіе двадцати-двадцатипяти и тридцатилѣтняго сидѣнія на канцелярскихъ стульяхъ до сравнительно солидныхъ чиновъ и должностей,—увиваются и низкопоклонствуютъ предъ этими представителями столичной бюрократіи. Добиваясь всѣми способами милостивой улыбки и даже дружества этихъ избранниковъ и любимцевъ жестокой и сердитой для нихъ (ея бывшихъ пасынковъ) судьбы, они, казалось мнѣ, видятъ въ этихъ улыбкахъ и въ привѣтливомъ обращеніи наивысшее благо на землѣ. „Всѣ эти аристократы ума и происхожденія близки къ сильнымъ міра сего и при случаѣ могутъ замолвить доброе слово, если оно будетъ заслужено". Вотъ она—затаенная мысль и причина ихъ низкопоклонства.

Другое дѣло съ низшими себѣ. Съ этой мелкотой они такіе же олимпійцы. Подражая и копируя первыхъ, представителей столичной бюрократіи, они съ этой мелкотой, канцелярско-субальтерно-строевой, такая же недоступная олимпійская сфера, какъ и первые для вторыхъ. Въ свою очередь и эта мелкота подражаетъ олимпійцамъ, подражаетъ и копируетъ во всемъ: и въ одеждѣ, и въ образѣ жизни.

Какъ подражаютъ сильнымъ міра сего въ столицахъ Стараго и Новаго Свѣта, точно такъ же подражаютъ имъ и въ этомъ медвѣжьемъ углу...

Дальнѣйшая характеристика олимпійцевъ и ихъ подражателей въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

(Мои попытки имѣть уроки. Почему они не удались. Домашнія сцены моихъ учениковъ. Упражненіе одного изъ послѣднихъ. Бесѣды прислуги. Мнѣніе Олимпійцевъ о сѣрыхъ раб.

Сентября 14. Благодаря содѣйствію комиссіонера и его пріятелей я нашелъ письменныя занятія здѣсь. Только жаль—вознагражденіе за нихъ было назначено самое скромное: 30 р.

въ мѣсяцъ. На мои сожалѣнія объ этомъ, я получалъ отъ всѣхъ одинъ и тотъ же отвѣтъ.

— Не послушались нашего совѣта написать статейку про Уссурійцевъ, теперь пеняйте на себя. Получили бы занятіе съ окладомъ рублей въ 60—70.

Для увеличенія своихъ денежныхъ рессурсовъ я задумалъ поискать уроковъ. Для этого сдѣлалъ публикацію въ „П. В.“. Ждать уроковъ пришлось недолго: дня черезъ четыре, послѣ появленія въ газетѣ моей публикаціи, заявился ко мнѣ „раб.“ съ приглашеніемъ отъ своего барина „пожаловать къ нему“...

Захвативъ необходимое въ этомъ случаѣ, я отправился къ барину.

Вотъ и собственный домъ его. Чистый, обширный дворъ, садъ, службы... Въ домѣ множество комнатъ, съ прекрасной обстановкой. Мебель мягкая, дорогая.

Баринъ—петербурженъ, въ солидномъ чинѣ и должности, съ крупнымъ окладомъ содержанія и образованнѣйшій. Барыня красивая дама, нарядно одѣтая.

Не вдаваясь въ подробности, скажу только о результатѣ этого визита. За два рубля, за урокъ, я согласился приготовить 9—10-лѣтняго мальчугана въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Уроки начались на другой же день. Сначала все шло благополучно. Но потомъ, во время пятаго урока, случился неожиданный инцидентъ. Начался онъ обычной въ семейныхъ домахъ распекаціею барином своего „раб“. Первый раздражительно кричалъ и топалъ ногами. Хотя это происходило за нѣсколько комнатъ отъ учебной, гдѣ занимались мы, тѣмъ не менѣе все случившееся тамъ было прекрасно слышно до малѣйшаго звука. Крики раздавались недолго. Вдругъ они были прерваны не менѣе громкими звуками пощечинъ... Одинъ, два, три, четыре. Послѣ каждой плюхи раздавалось паденіе кого-то, вѣроятно битаго. Я не въ состояніи былъ продолжать урокъ. Безсознательно вскочивъ, хотѣлъ бѣжать въ кухню, гдѣ происходила эта сцена.

— Ха, ха, ха! Какъ вы испугались... Ха, ха, ха!—засмѣялся мой ученикъ, схвативъ меня за руку.

— Что это такое? Кого бьетъ вашъ папа?

— Ваньку! Это ничего, ничего Онъ часто его бьетъ. Папа говоритъ: „Его не бить надо, а драть“... Вотъ мама объяснитъ вамъ все,—сказалъ мальчуганъ, вскакивая навстрѣчу входящей дамѣ.

Послѣдняя была тоже въ возбужденномъ состояніи. Ея красивое лицо было залито краской не то стыда, не то негодованія, а маленькія, изящныя ручки нервно дрожали.

— Вы уже кончили урокъ? Да?

— Нѣтъ еще. Но въ настоящую минуту я не могу заниматься.

— Отдохните немного, а ты Костя иди побѣгай.

Костя убѣжалъ. Я и барыня остались одни.

Я вопросительно смотрѣлъ въ глаза этому прекрасному существу, желая вызвать ея объясненіе слышаннаго.

— Вамъ непріятно это слышать?— заговорила она, поймавъ мой взглядъ. Къ сожалѣнію, эти сцены у насъ нерѣдки. Избѣжать ихъ никакъ нельзя. Сколько мы перебили этихъ хамовъ, всѣ на одинъ покрой.

— Въ чемъ же дѣло?

— Дѣло въ томъ, что всѣ они негодяи. Чрезвычайно грубы, неуклюжи и рѣшительно ничего не умѣютъ дѣлать. Къ этому же надо прибавить еще общій ихъ недостатокъ: любятъ выпить и накостить. Мы совершенно измучились съ ними.

— Я полагаю, ласковымъ словомъ можно гораздо больше сдѣлать въ такихъ случаяхъ, чѣмъ побоями.

— Попробуйте-ка! Это говоритъ можетъ только человѣкъ, никогда не имѣвшій дѣла съ такими людьми, какъ эти сибирскіе мужланы. Во-первыхъ, если съ ними говоришь ласково, они становятся своевольны и дерзки, на каждомъ шагу станутъ говорить дерзости. Однажды, какъ-то на прошлой недѣлѣ, я ласково стала выговаривать одному изъ нихъ относительно его неуклюжести. Ну и что же онъ отвѣтилъ мнѣ на это, какъ вы думаете? „Это самое, говоритъ, и съ тобой барынька случится“. Каково! Главно „съ тобой“ и „барынька“.

Конечно я не могла вынести отъ такого хама эту дерзость и пожаловалась мужу.

— И вашъ супругъ, вѣроятно, избилъ его?

— Конечно! А въ первое время, какъ дали намъ этихъ, они совершенно ничего не хотѣли дѣлать. Напримѣръ, я одного заставила мыть полы, а другого бѣлить кухню. Вмѣсто того, чтобы исполнить мое приказаніе, они стали разсуждать. Одинъ говоритъ: „Наняла бы бабъ“... А другой: „Хошь, барыня, я схожу за манзой? Онъ выбѣлитъ тебѣ въ лучшемъ видѣ. Мы же не умѣемъ. Только испохабимъ твою стряпущу“. Каково слышать это „хощь,“ „тебѣ“, „твою“!... А главное, эти разсужденія?

— Вы, конечно, пожаловались и они были избиты?

— Да, да. Барыня улыбнулась.

Я ушелъ. На пути я старался рѣшить щекотливый для меня вопросъ: продолжать ли уроки въ этомъ семействѣ или отказаться и поискать другіе... Если продолжать... Но вѣдь барыня сознается, что у нихъ „эти сцены не рѣдки и ихъ никакъ нельзя избѣжать“. Слѣдовательно, мнѣ придется ежедневно, во время урока, слышать плюхи... Сдерживать себя и прятать свои чувства и настроеніе я не могу. Не научился еще этому. Впрочемъ, можно перенести уроки на другое время, напримѣръ, немного ранѣе, или позднѣе, чѣмъ теперь. Но можно ли поручиться, что этого избіенія не случится и въ это время... А если отказаться... Вѣдь два рубля за урокъ—60—въ мѣсяцъ! Еще вопросъ, найду ли другіе, такіе же выгодные...

Не рѣшивъ этого вопроса, на слѣдующій день я снова отправился туда же. Вотъ и калитка. Отворяю ее, чтобы войти. Но не вхожу, а останавливаюсь при видѣ сцены, происходившей во дворѣ барскаго дома. Сначала опишу обстановку ея. Довольно обширный дворъ раздѣленъ низенькою загородкою на двѣ половины. Первая—представляетъ площадку двора, съ выходомъ изъ него на улицу чрезъ ворота и калитку. Другая половина двора—огородъ. Артистовъ, разыгрывавшихъ сцену, двое: „Ванька, раб. барина, и маль-

чуганъ, сынъ послѣдняго и мой ученикъ. Первый въ огородѣ выкапывалъ овощи, а второй во дворѣ. На землѣ, около его ногъ, куча замерзшаго, гнилого картофеля. Время отъ времени мальчуганъ поднималъ картофелину, приказывалъ раб. „стоять прямо“ и бросалъ гнилушку въ эту живую мишень, стараясь попасть, повидимому, прямо въ лицо. Послѣ нѣсколькихъ промаховъ, наконецъ онъ попалъ ему въ носъ. Этотъ удачный пріемъ привелъ мальчугана въ неописанный восторгъ: отъ радости онъ заскакалъ и захлопалъ въ ладоши, повернувшись къ окнамъ дома. Оглянувъ ихъ, я замѣтилъ красивую фигуру барыни. Ея прекрасное лицо озарено тоже блаженнѣйшей улыбкой.

— Ну-ка еще. Стой прямо!—крикнулъ снова мальчуганъ, топнувъ ножкой и поднимая картофелину.

Въ этотъ мигъ я уже не могъ сдерживать свое негодованіе. Очутившись около своего ученика, схватилъ его за руку и быстрымъ движеніемъ повернулъ къ себѣ лицомъ.

— Ты что это дѣлаешь. Въ кого цѣлишь? А!?—крикнулъ я, встряхивая барченка.

Мальчуганъ заплакалъ, вырвался изъ моихъ рукъ и убѣжалъ жаловаться. Плюнувъ кучу картофеля, я взглянулъ на Ивана. Все лицо его, шея и грудь были облѣплены гнилымъ картофелемъ. Значитъ мальчишка упражнялся въ этомъ спортѣ продолжительное время.

— Какъ же ты позволяешь такъ обращаться... началъ было я, но не кончилъ. Изъ дверей дома вышелъ самъ баринъ и подошелъ ко мнѣ.

Вы какъ смѣли такъ грубо обращаться съ моимъ сыномъ?!—крикнулъ онъ, замахиваясь на меня. Но я предупредилъ его. Быстро отскочивъ и вынувъ карманный револьверъ, я поднесъ дуло его къ лицу барина.

— Драться съ тобой я не могу и не желаю! Ты плебей! Пошелъ вонъ!!!

— Миша, Миша! Вѣдь надо же уплатить ему за уроки, раздался обворожительный и благозвучный голосокъ барыни.

— Ахъ, да. Постой! Получи деньги!—крикнулъ баринъ.

Но я, не останавливаясь, вышелъ на улицу и продолжалъ свой путь...

Чрезъ два дня снова появилась въ „Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ“ моя публикація объ урокахъ.

Жду недѣлю, жду и другую. Наконецъ приходитъ ко мнѣ точно такой-же раб., какъ и въ первомъ случаѣ.

— Ея высокоблагородіе госпожа барыня проситъ васъ пожаловать на квартиру его высокоблагородія господина барина сказалъ онъ.

— Когда?

— Саводни, до обѣда.

— Значитъ госпожа барыня вдова?

— Никакъ нѣтъ. Госпожа барыня мужнина жена.

— Значитъ мужъ ея, баринъ, живъ?

— Точно такъ, живы-съ. Въ добромъ здоровьи.

Иду на квартиру барина.

Большой домъ. На небольшомъ дворикѣ сѣрый раб. и рабыня возятся съ поросятами. На крыльцѣ, подбоченясь, стоитъ полная дама, въ нарядномъ платьѣ. Грязный, широкій фартукъ, съ нагрудникомъ и съ двумя карманами, плотно обхватывая переднюю часть ея фигуры, рельефно обрисовываетъ выдающійся впередъ животъ. Волосы, зачесанные по модѣ, съ серебряными нитями...

На ея лицѣ, гладкомъ, кругломъ и румяномъ, ни одной морщинки.

Спрашиваю барыню.

Къ вашимъ услугамъ. Пожалуйте въ гостинную, я сейчасъ приду.

Вхожу. Полъ застланъ коврами, мебель мягкая, дорогая. Статуэтки, вазочки, японскія вещицы. По стѣнамъ двѣ, три большія фотографіи. На круглыхъ столикахъ альбомы.

Чрезъ четверть часа входитъ сама хозяйка. Теперь она была одѣта еще лучше, но безъ фартука. Воздухъ комнатъ, пропитанный духами, еще больше насытился ими... Не стану передавать всю нашу бесѣду. Ограничусь о ней только нѣсколькими словами. Мнѣ предложили заниматься съ мальчи-

комъ и дѣвочкой по рублю за каждый урокъ. При этомъ, онъ долженъ продолжаться не менѣе двухъ часовъ. Эта цѣна, за 2-хъ часовое занятіе, показалась мнѣ чрезвычайно низкой и я предложилъ прибавить еще рубль. Барыня, конечно, не соглашалась. Послѣ продолжительныхъ преній, мы уговорились: за 1 руб. 50 к. я буду заниматься съ ея двумя дѣтьми, ежедневно, по два часа.

Уроки начались на другой же день. Первые прошли благополучно. А во время третьяго произошелъ такой же казусъ, какъ и у петербуржца, съ той только разницею, что активную роль играла госпожа-барыня, а вмѣсто паденія раб. послѣ каждой плюхи слышались крики:

— Не буду, барыня, ей-Богу не буду!...

— Нечаянно, Ваше Высокородіе!...

Предположивъ, что этотъ казусъ весьма рѣдкое явленіе въ этомъ семействѣ, я „скрѣпя сердце“ продолжалъ заниматься здѣсь съ увѣренностью, что ничего подобнаго уже не услышу больше. Но, къ моему сожалѣнію, на одиннадцатомъ урокѣ, повторился тотъ-же казусъ и даже на моихъ глазахъ.

Во время моего занятія съ дѣтьми, въ гостиную, гдѣ мы занимались, заявился „Ванька“ и сталъ обтирать пыль съ роскошной мебели грязной тряпицею. Не успѣлъ онъ кончить это занятіе, какъ явилась сама барыня и наградила „хама“ четырьмя плюхами. Въ заключеніе вырвала у него грязную тряпицу и обтерла ею потливое лицо русскаго раб. Конечно я отказался отъ уроковъ съ дѣтьми этой воинственной барыни. Исчезло и желаніе публиковать о своей готовности давать уроки...

Августа 9. Могъ ли я ожидать, что на Дальнемъ Востокѣ мнѣ придется торговать говядиной! О чемъ, а объ этомъ занятіи я никакъ не помышлялъ. Между тѣмъ это случилось. Впрочемъ, мое занятіе въ мясной лавкѣ продолжалось всего четыре дня и только рано утромъ отъ—5 до 8 часовъ.

Случилось это весьма просто. Переходя съ квартиры на квартиру (объ этомъ будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ), между прочимъ я перешелъ на квартиру къ мяснику, кресть-

яшину Харьковской губ. Хотя о мясникахъ и говорятъ, что всѣ они состоятельные люди, но мой хозяинъ былъ еще бѣднякъ, такъ какъ посвятилъ себя этой торговлѣ недавно и, не имѣя запаснаго капитала, даже самаго скромнаго, перебивался кое-какъ.

Однажды онъ захворалъ и совершенно не могъ идти въ свою лавочку, чтобы торговать. Не могла идти туда и жена его, такъ какъ на ея попеченіи было полдюжины маленькихъ ребятишекъ, изъ которыхъ самый младшій, недавно родившійся, былъ еще грудной. Нанять приказчика было не на что. Оставить торговлю до выздровленія было немыслимо: всѣ покупатели его перешли бы къ другому мяснику, а запасъ говядины, составлявшій единственный капиталъ этого бѣдняка, дня въ два испортился бы и пришлось бы выбрасывать его. Однимъ словомъ, ему грозило полное разореніе. Какъ и всякій другой на моемъ мѣстѣ, я не могъ быть равнодушнымъ зрителемъ предстоящей катастрофы въ семьѣ этого бѣдняка.

Мнѣ представлялись двѣ перспективы: или предложить денегъ на наемъ приказчика, или самому сѣсть за прилавокъ мясной лавки. Такъ какъ денегъ у меня не было ни одного рубля, а мои занятія должны были продолжаться всего три часа въ день, то я и избралъ второй способъ помощи.

Такъ вотъ какія обстоятельства вынудили меня сѣсть за прилавокъ мясника. Сидѣлъ я за нимъ, какъ уже сказалъ, только четыре дня. Но и этого короткаго времени было достаточно для пріобрѣтенія матеріала, нѣсколько характеризующаго служащихъ въ г. Хабаровскѣ. Дѣло въ томъ, что три четверти всѣхъ покупателей говядины въ лавочкѣ моего хозяина были „раб.“ олимпійцевъ и ихъ поклонниковъ-подражателей. Обыкновенно каждое утро вся лавочка была биткомъ набита этимъ сѣрымъ людомъ. Всѣ они отлично знали другъ-друга, были между собой въ пріятельскихъ отношеніяхъ и дѣлились другъ съ другомъ своими радостями и невгодами. Первыхъ—по слышанному—не было ни у кого изъ нихъ, зато послѣднихъ было чрезвычайно много. Нисколько не будетъ преувеличено, если сказать, что вся ихъ жизнь

состояла изъ непрерывной цѣпи невзгодъ. Не могу записывать подробно о всѣхъ бесѣдахъ, слышанныхъ мною здѣсь. Записываю только наиболѣе характерныя и выдающіяся сообщенія о ихъ невзгодахъ.

— Страсть какъ плохо живется намъ съ Митькой,—говоритъ одинъ „раб“ другому. Другой годъ живемъ въ тайгѣ, рубимъ дрова и пилимъ. Нашъ каждое воскресенье пріѣзжаетъ къ намъ, повѣряетъ сколько дровъ заготовили въ недѣлю. Если покажется ему мало дровъ, бьетъ насъ. Харчи плохи, питаемся своимъ пайкомъ да приваркомъ. Никакой прибавки отъ себя ни гроша не дастъ намъ. Мерзнемъ какъ тараканы. Ни теплой одежи, ни обуви у насъ. Хуже каторги.

— А чаво дѣластъ онъ съ дровами то?

— Продастъ! Тыщи наживастъ на этомъ.

— Совсѣмъ, паре, надорвался я съ этими бревнами,—говоритъ третій „раб.“ четвертому. Приходится одному все—и рубить, и накладывать на телѣгу, и возить и сбрасывать. Говорю, говорю своему: „Не могу такъ, потому бревна матеры, трехъ-четырехъ саженныя, да до 8 и 10 вершковъ въ отрубѣ. Надо-бы, молъ, другого въ помощь“ говорю ему. Не вѣритъ: „Одинъ, гритъ, справишься...“ Совсѣмъ надорвался, паре. Хочу въ больницу—не пускаетъ: „Вывези, гритъ, весь лѣсъ, тоды иди въ больницу.“ А когда я вывезу, коли лѣсу то еще много.

— А на что ему бревны-то?

— Другой домъ хочетъ строить; фатерантовъ станетъ держать или съ барышемъ продастъ.

— Не жизнь, а каторга у насъ, говоритъ пятый „раб.“ шестому. Съ самаго ранняго утра до поздняго вечера ни присѣсть мнѣ, ни поѣсть нельзя Все бѣгаешь какъ угорѣлый. Фатерантовъ-нахлѣбниковъ набралъ уйму. Всякому подпеси да угоди. Если-бъ всѣмъ угождалъ—ничего бы. А то тому не ладно, другому не такъ. Жалобятся. А мой мнѣ зубы чиститъ. Вишь трехъ нѣтъ—онамедни выбилъ. Каженный день чего-нибудь да выйдетъ.

— Мой характерный и вышивастъ,—говоритъ седьмой восьмому.—Придетъ изъ гостей—взыскиваетъ: „Мухъ расплодилъ, грить, таракановъ тожъ“. „Печку нажарилъ, кушанье испортилъ, а то сожралъ“, грить; засунетъ самъ куда-нибудь вещь, а грить на меня: „Потерялъ или укралъ“, грить; выпьетъ самъ водку, а опосля хватится ее и валитъ на меня: „Выпилъ“ грить. За каждую пустяковину бьетъ. Вишь волдырь, а вотъ и другой. Не сойдетъ одинъ, награждаетъ другимъ и третьимъ. Такъ изъ волдырей да фонарей не выхожу.

— Всю зиму возилъ изъ тайги лѣсъ,—говоритъ девятый десятому.—Всю весну рубилъ его на дрова. Потомъ возилъ дрова покупателямъ. Потомъ маялся одинъ съ громаднымъ огородомъ. Теперь третій мѣсяцъ на покосѣ, заготовляю ему сѣно на продажу. И въ праздники велитъ робить. А харчи плохи: одна вонькая рыба да наша размазня, чай да нашъ хлѣбъ—вотъ те и харчи мои. Совсѣмъ, паре, измучился. Вѣдь все одинъ! Хоть бы въ помощь нанялъ манзу. Ни-ни! И говоритъ не велитъ. Вишь какъ обносился. Другой оборванецъ лучше меня. Что слѣдуетъ мнѣ, по закону значитъ, все беретъ себѣ... А на дровахъ да сѣнѣ тыщи не наживешь...

— Онъ у меня добрый, воды не замутитъ — говоритъ одиннадцатый двѣнадцатому – Зато она—чистая язва. Все, что ни сдѣлаю, все неладно да скверно. То, грить, „пересолилъ“, то „не досолилъ“; то, грить, „упрѣло“, то „не доварилось“; то, грить, „укралъ“, то„ потерялъ“; то, грить, „слопалъ“, то „собакамъ да своимъ гостямъ хамамъ скормилъ“. Отъ звѣзды до звѣзды только и работы у ней меня пилить. То и дѣло жалобится на меня моему начальнику. А тотъ ужъ, знамо дѣло, не помилуетъ: велитъ явиться, а приду—накладутъ и въ носъ, и въ рыло, и въ зубы такъ, что все опухнетъ. Горе, не житье, паре; каженный день слезами умываюсь, а пятернею обтираюсь. Обносился донельзя. Драть собираются, потому штрафной ужъ я. За что—не знаю, сей Богу. Думаю себѣ, паре, тягу дать куда-нибудь.

— А поймаютъ?

— Такъ што жъ! Не убѣгу—плохо, арестантскихъ да лозняку не миную, и убѣгу—плохо. Батъ не поймаютъ на мое счастье.

— Куда же думаешь?

— Не знаю. А какъ посовѣтуешь?

Пріятели пошептались.

— И право слово тамъ не сыщутъ. Спасибо за совѣтъ.

— Дуй, паре, только скорѣй, а то смотри отпорютъ.

— Ты отъ кого, землякъ? Отъ Павлова?

— Отъ Изюмова.

— Вѣдь у Изюмки Митька жилъ?

— Жилъ, да въ больницу отослали.

— А пошто?

— Надсадился. Перетаскивались на фатеру.

— Разе много у него?

— Два дня таскали.

— А почему не на лошадяхъ?—вмѣшался я въ бесѣду двухъ раб. Вѣдь у Изюмова, кажется, двѣ лошади?

— Наши завсегда перетаскиваются людьми. Это по всей Расеи такъ. Какія-бы огромадныя вешши не были, все мы...

— Мнѣ кажется на лошадяхъ лучше.

— Мало ли што! Лошадьми дорожатъ, а нами ни крошечки. Мы для нихъ люди што ли?

— И такъ далѣе, и такъ далѣе, все въ этомъ родѣ.

Сентября 13. Положеніе нашихъ раб. самое незавидное. Кромѣ разсказанныхъ эпизодовъ изъ жизни этихъ мучениковъ земли русской, я старался собрать мнѣнія олимпійцевъ и ихъ подражателей о нихъ вообще. Сдѣлать это было нетрудно, такъ какъ въ обществѣ и въ канцеляріи, гдѣ я занимался, они частенько бесѣдуютъ по поводу прислуги. Пріѣдетъ въ Хабаровскъ новый баринъ и первый вопросъ его своимъ новымъ товарищамъ о прислугѣ.

— Дрянь сибирскіе раб.,—слышу я въ сотый разъ.—Грубы, дерзки, непослушны, въ особенности съ нашимъ братомъ мелкимъ чиновникомъ *). Что ни заставишь дѣлать—не умѣютъ. Учишь—не понимаютъ.

— Лупить и лупить надо ихъ за всякую малость и почемъ попало,—слышу я въ двухсотый разъ.—Иначе такъ будутъ дерзки съ вами, что роли перемѣнятся; вы, баринъ его, станете прислугою своего раб.

— И лупцовкой не подѣлаешь ничего съ ними. Надо жаловаться въ часть, откуда онъ командированъ къ вамъ, и просить чтобъ ему задали порку,—слышу въ пятисотый разъ.

— Мужикъ—это грубое, двуногое животное. Для того, чтобъ онъ понималъ, надо дѣйствовать на него не словами, а кулакомъ и березнякомъ,—слышу я въ шестисотый разъ.

— Нечего и говорить о моихъ убѣжденіяхъ о равенствѣ людей,—говоритъ олимпіецъ.—И я, и мужикъ, и поселенецъ, и тунгусъ—всѣ мы братья. Но по уму и по наслѣдственнымъ достоинствамъ мы величины далеко-далеко неравныя. Возьмемъ нашихъ раб. Обращаться съ нимъ какъ съ равнымъ, Боже сохрани, онъ приметъ это за вашу слабость и станетъ считать васъ такимъ же мужикомъ, какъ онъ... Если онъ накоститъ и прочее—надо, чтобъ онъ почувствовалъ, что дѣлать это худо. Иначе станетъ повторять это. А для того, чтобъ онъ почувствовалъ, надо дѣйствовать на него не словами. Слова, какъ горохъ, только отскакиваютъ отъ него, какъ отъ стѣны, не производя ожидаемаго результата.

Наконецъ, записываю мнѣніе доктора Н**, старожила и опытнѣйшаго человѣка. На мой вопросъ о степени распространенія кулачнаго права между гг. служащими въ отношеніяхъ съ ихъ раб. я получилъ слѣдующій отвѣтъ этого почтеннѣйшаго старичка.

— Занимаюсь я врачебной практикой уже 32 года. Около

---

*) Девять десятыхъ чиновниковъ въ Пріамурскомъ округѣ изъ нижняго воинскаго званія, изъ писарей и фельдшеровъ, не менѣе грубыхъ и невѣжественныхъ, чѣмъ ихъ прислуга. Послѣдніе прекрасно понимаютъ, кто ихъ господа.

4 лѣтъ возился съ крестьянами, а остальные 28 л. съ раб. Откровенно и положа руку на сердце скажу вамъ: изъ десяти двое, или много-много трое обыкновенно секретно жаловались мнѣ на увѣчье со стороны ихъ господъ. Девять десятыхъ этихъ господъ, по моимъ наблюденіямъ какъ врача, оказывались каждый разъ люди ненормальные: они были или алкоголики и страдали время отъ времени приступами бѣлой горячки; или неврастеники—чрезвычайно раздражительны; нѣкоторые грубы какъ невоспитанные не обладали выдержкой и не могли сдерживать свои порывы, дикіе и грубые, какъ большая часть здѣшнихъ чиновниковъ. Вообще же, исключая этихъ 2% изъ 10-ти, положеніе раб. у насъ довольно удовлетворительное. Доказательствомъ этого служитъ тотъ, извѣстный каждому барину, фактъ, что многіе желаютъ попасть въ раб., въ особенности къ молодымъ и холостымъ... Все это касается Европейской Россіи. Другое дѣло въ Пріамурскомъ округѣ. Каждый изъ служащихъ, пріѣзжая сюда, стремится нажить что-нибудь, чтобъ не съ пустыми руками и карманами возвращаться на родину или встрѣтить старость. А право имѣть раб. и содѣйствіе своей супруги даетъ ему возможность, не нарушая закона заниматься между служебными обязанностями разнаго рода аферами. Послѣднія ведутся отъ имени жены...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

(Надежды и упованія олимпійцевъ. Ихъ препровожденіе времени. Женщины, карты и вино. Забавы молодежи).

Августа 31. Ни въ чемъ не выражается такъ рельефно степень умственнаго развитія, просвѣщенія и культурности субъекта, какъ въ его взглядѣ на своего меньшаго, сѣраго брата, въ его обращеніи съ нимъ, въ характерѣ его, желаніи и въ препровожденіи имъ свободнаго времени. Относительно

взгляда и обхожденія съ меньшимъ братомъ хабаровской аристократіи и ея подражателей я уже говорилъ въ послѣдней главѣ. Теперь займусь выясненіемъ ихъ желаній, стремленій и препровожденія ими свободнаго времени.

По прибытіи въ Хаборовскъ, я задался, между прочимъ, мыслью познакомиться покороче и съ тѣми. и съ другими. Сначала мнѣ казалось это дѣломъ весьма труднымъ. И дѣйствительно, чтобы изучить такъ основательно этихъ господъ, надо перезнакомиться съ ними, принимать къ себѣ и т. д. Осмотрѣвшись, я нашелъ, возможнымъ избѣжать и короткаго знакомства съ ними, и визитовъ. Слѣдовало только почаще посѣщать дома, гдѣ собираются они, внимательно прислушиваться къ имъ бесѣдамъ и наблюдать за ихъ удовольствіями. Привести въ исполненіе эту программу не требовалось ни особаго усилія, ни расходовъ. Гг. олимпійцы и ихъ подражатели проводятъ время большею частію въ собраніяхъ. Кромѣ того, нерѣдко устраиваются вечера, карточные и танцевальные. Затѣмъ по случаю именинъ, крестинъ, производства и награжденія устраиваютъ званые обѣды*). Первое время, благодаря содѣйствію своихъ сослуживцевъ учрежденія (гдѣ занимался) и пріятелямъ, все свободное время до поздней почи я проводилъ то въ собраніяхъ, то на вечерахъ, то на званыхъ обѣдахъ. Однихъ изъ гг. олимпійцевъ, такъ сказать, хабаровскихъ аристократовъ, мнѣ приходилось наблюдать и слушать только въ . . . . . собраніи, другихъ—въ общественномъ.

Въ бесѣдахъ тѣхъ и другихъ наблюдателю бросается одно общее явленіе—клубничка. И въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе почти двухлѣтняго пребыванія въ Хабаровскѣ, мнѣ ни разу не приходилось слышать бесѣду на серьезную тему. Впрочемъ, были два случая, что бесѣды были сначала о серьезныхъ предметахъ. Одна началась о значеніи растительной и животной пищи, но черезъ пять-шесть минутъ бесѣдующіе перешли на клубничку. Точно такъ же и во второмъ случаѣ: стали говорить о военной подготовкѣ японцевъ, а чрезъ чет-

*) „На пирогъ“, какъ выражаются здѣсь. „Прошу васъ къ себѣ да пирогъ“—обычная хабаровская пригласительная фраза.

верть часа перешли на японокъ и вообще на амурныя дѣлишки Большею частію къ послѣдней темѣ переходятъ прямо, безъ предисловій. А если ужъ начали объ этомъ толковать, то толкуютъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, съ упованіемъ, съ увлеченіемъ, позабывши все на свѣтѣ и не уклоняясь отъ этого предмета на посторонніе. При этомъ разсказываются и анекдоты. Въ хабаровскомъ обществѣ есть анекдотисты, у которыхъ неизсякаемый запасъ анекдотовъ и вообще клубничнаго матеріала. Слушателей этихъ бесѣдъ каждый разъ бываетъ масса и всѣ слушаютъ съ величайшимъ интересомъ. Горе нарушителю гробовой тишины, прерываемой только голосомъ разсказчика. Молніеносные взгляды летятъ на такого нарушителя, мѣшающаго публикѣ дослушать что-либо клубничное изъ разсказываемаго. По пословицѣ: кто чѣмъ болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, по словамъ доктора-старожила малочисленность дамскаго персонала въ Хабаровскѣ порождаетъ въ мужчинахъ извѣстное психическое разстройство и даже, у нѣкоторыхъ субъектовъ, манію...

Вторая животрепещущая тема постоянныхъ бесѣдъ хабаровскихъ олимпійцевъ и ихъ подражателей—поклонниковъ—это деньги. Не менѣе клубнички приходится слышать бесѣды слѣдующаго содержанія.

— Вотъ бы теперь командировочку заполучить,—говоритъ одинъ другому.

— Да, да, недурно бы. Я тоже подумываю объ этомъ. Хорошо бы.

— Въ Японію бы зевернуть по спопутности.

— Вы желаете въ Южно-Уссурійскій край? Знаете, мало выгодъ отъ такой командировки. Другое дѣло на западъ, хоть въ Амурскую область. Напримѣръ, въ Михайло-Семеновскъ. *)

— Даже до первой станціи, благо, что Хабаровскъ расположенъ на самой границѣ Приморской области. Ха, ха, ха! Дѣйствительно, превосходная командировка **). Ха, ха, ха!..

---

*) Михайло-Семеновскъ въ 180 в. отъ Хабаровска.

**) При командировкахъ въ другую область, даже на разстояніе

— Можно и въ Забайкальскую область, напримѣръ, въ Кяхту.

— Ишь вы! Оказывается, однимъ выстрѣломъ хотите убить двухъ зайцевъ—и деньжищъ, молъ, заполучу, и съ прекраснымъ поломъ позабавлюсь.

— Я думаю. Иначе для чего же и командировка? Вѣдь и вы это же имѣете въ виду?

— Конечно.

— Подалъ рапортъ о переводѣ въ Портъ-Артуръ. Долго думалъ, наконецъ собрался.

— И прекрасно сдѣлали. Все-таки хоть деньжищъ порядочно получите.

— А во-вторыхъ, разнообразіе и, въ-3-хъ, больше шансовъ схватить отличіе и выдвинуться.

— Конечно. Главное деньги. Можно кое-что завести.

— Напримѣръ, подругу, хоть на годъ или на полгода. Ха, ха, ха!..

— Вотъ, вотъ. И билетъ 5-го займа.

— Нѣтъ. Подругу лучше временную. А потомъ можно и остальное, что поглянется. Ха, ха, ха...

— Ну, да вѣдь вы получите больше двухъ тысячъ.

— А путевые расходы? Вы игнорируете ихъ.

— Думаете большіе эти расходы?

— Ну 500 р. надо.

— Перестаньте! Довольно сотни.

— Ну и славу Богу. Чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. А вы никуда не думаете?

— Я вѣдь недавно здѣсь. Надо по крайней мѣрѣ прослужить года два, чтобъ сослаться на разстроенное здоровье вслѣдствіе нездороваго климата.

— Да, да. Къ сожалѣнію, кажется ваше здоровье никогда не разстроится. Ха, ха, ха!...

---

10 в. отъ мѣста выѣзда, командируемому выдаются двойные прогоны, $^1/_2$ годового жалованья и суточныя по чину.

— Это все равно. И слову повѣрятъ, а наши эскуланы всѣ хорошіе ребята—не выдадутъ.

— У насъ есть прекрасная пословица на этотъ счетъ: Воронъ ворону глазъ не выклюетъ.

— Безъ сомнѣнія.

— Завтра самый счастливѣйшій день въ моей жизни!— восторженно, жизнерадостно говоритъ третій.

— Оканчиваете десятилѣтіе! Да, это дѣйствительно счастливѣйшій день въ жизни служаки-пріамура.

— До могилы буду получать Амурскую пенсію въ размѣрѣ полугодового оклада жалованья. Ха, ха, ха!

— Дослужили таки! Славу Богу. Какъ то я скоротаю,— задумчиво говоритъ собесѣдникъ 3-го.

— А сколько остается вамъ до десятилѣтія?

— Много: почти половина.

— Ну какъ нибудь. Здѣсь одно скверно: скучище страшное.

— То-то и есть. Одна бѣда. Не знаешь на что и время употребить.

— Проситесь куда-нибудь въ переводъ, или въ командировку.

— Да, это единственная пріятная перспектива. Думаю, сначала рекогносцировочку учинить.

— Чтобъ вѣрнѣе осуществить свой замыселъ. И то. Вижу, вы отличный стратегъ.

— Надо же какъ-нибудь коротать эту службу въ отдаленнѣйшемъ изъ краевъ Россійской имперіи.

— Ура! Ура!—кричитъ восторженно четвертый.—Завтра получаю прогоны и пособіе до мѣста первоначальнаго выѣзда!

— Счастливчикъ!—не безъ зависти говоритъ ему его собесѣдникъ. Порядочный кушъ заполучите?

— 4500 рублей. Ха, ха, ха!

— Плюсъ амурская пенсія?

— Да, 900 р. ежегодно до могилы.

— Счастливчикъ, ей-ей. Можете выйти въ отставку, забраться куда-нибудь на югъ и плевать въ потолокъ.

— Нѣтъ, я сначала пошляюсь по свѣту. Если свобода наскучитъ, возвращусь обратно и стану выслуживать дальнѣйшія прибавки и полную пенсію въ размѣрѣ годового оклада. А тамъ, при отставкѣ эмеритура тысяча...

— Прекрасно. По случаю этой получки надо съ васъ пирогъ.

— Извольте, друзья. Чалѣкъ! Полдюжины шампанскаго и два гамбургскихъ пирога!!

Въ читальномъ залѣ собранія за столомъ олимпіецъ, просматривающій газеты. Изъ всѣхъ отдѣловъ офиціальныхъ газетъ имъ интересенъ одинъ: О производствѣ въ чины, о назначеніи и наградахъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ внимательнаго просмотра, какъ ужаленный онъ вскакиваетъ и съ номеромъ газеты поспѣшно идетъ въ картонный залъ къ членамъ собранія и ихъ гостямъ.

— Представте себѣ, какая неожиданная новость оказалась въ послѣднихъ номерахъ этой газеты,—говоритъ онъ, подходя къ одной изъ группъ.—П** оказался индейскихъ пѣтухомъ!

Въ его голосѣ слышится и удивленіе, и разочарованіе, горечь.

— Съ какой стати! Вѣдь онъ нашъ однокашникъ: одновременно съ нимъ мы выпущены и произведены,—говоритъ одинъ изъ группы.

— То-то и удивительно. Какъ же это такъ! Кыркалъ *) безъ году недѣлю, въ карантинѣ не былъ...

— Чтобъ онъ сталъ индейскимъ пѣтухомъ нужно...

— Да нѣтъ, господа, быть не можетъ... Невозможно, чтобъ насъ игнорировали.

— Позвольте, господа, да не былъ ли онъ въ командировкѣ за индюшками?

---

*) „Кыркать“ значитъ приказывать, дѣлать выговоры, замѣчанія.

И такъ далѣе, начинается продолжительное преніе по поводу Н**.

— Господа! Интересная и вмѣстѣ съ тѣмъ досадная для насъ новость,—сообщаетъ другой въ томъ же собраніи, но въ другое время,—О** получилъ св. Владиміра 3-ей степ.!!

— Навѣрно какой-нибудь однофамилецъ, а уже никакъ не нашъ О**.

— Да что вы, господа, читайте. Тутъ и имя его есть.

Номеръ газеты пошелъ по рукамъ.

— Дѣйствительно странно.

— Навѣрно, имѣетъ вліятельную тетеньку или дяденьку. Или женился на любовницѣ своего патрона...

— Навѣрно! какъ обыкновенно и водится у насъ.

— Такой, откровенно сказать, недальній субъектъ, не умѣетъ написать двухъ-трехъ словъ, сравнительно молодъ— и вдругъ ему св. Владимира 3-й степени!

— То то и удивительно.

— Связи, родня или супруга...

— А мы старше его всѣмъ, имѣемъ больше время выслуги— тѣмъ не менѣе дальше Станислава 2-ой ст. не выдвинулись. Досадно, ей-ей.

— Да какъ еще досадно...

— Нѣтъ, господа, позвольте. Кажется, онъ раньше васъ вступилъ въ кыркапье. Кромѣ того онъ, говорятъ, дѣльный прохвостъ и многократно исполнялъ весьма трудныя порученія за индюшечками.

— Да что вы толкуете! Это не тотъ и т. д. и т. д.

Поднимается споръ по поводу полученія О** ордена св. Владимира 3 степ.

Въ этомъ спорѣ принимаютъ участіе не одни пріятели сообщившаго эту новость: стали спорить и другіе, знакомые ихъ. Одновременно со словопреніями, во всѣхъ углахъ и группахъ слышались „ахъ“ и тяжелые вздохи обиженныхъ и обойденныхъ...

— Дѣйствительно досадно. Служишь, служишь на Дальнемъ Востокѣ, терпишь невзгоды и въ службѣ, и въ обы-

денной личной жизни, и вдругъ такая новость — обошли. Ну какъ не выпьешь, съ досады... слышится повсюду.

— Нѣтъ, надо уходить отсюда...

— Или обзавестись тетенькой!

— Проситесь въ переводъ, въ Портъ-Артуръ...

— А еще лучше женится на гражданской супругѣ нашего начальника.

— Или на дочкѣ его.

— Если-бъ была другая.

— Знаете, а нашъ cher colonel великолѣпно сдѣлалъ, что сочетался бракомъ съ дочкой нашего главаря.

— Ну, знаете, я не завидую ему: безобразна какъ смертный грѣхъ.

— Зато въ гору пошелъ.

— Непремѣнно, завтра же подамъ рапортъ. И вы тоже? И я тоже и т. д. и т. д.

— Видѣли счастливчиковъ? Получаютъ по нѣсколько тысячъ и уѣзжаютъ отсюда въ злачныя мѣста, гдѣ хорошенькихъ женщинъ непочатые углы и, какъ галушки, сами валятся въ ротъ.

— Да, да. Не повѣрите, дружище, сердце готово разорваться на мелкія части отъ досады и зависти, глядя на этихъ любимцевъ фортуны.

— Нехорошо чувствуется и мнѣ. Пойдемте хоть въ буфетъ—выпьемъ съ досады.

И пошли собесѣдники въ буфетъ. Выпили по нѣсколько рюмокъ, закусили.

— Ну что теперь станемъ дѣлать?

— Развѣ покатаемъ шары?

— Гадость. Надоѣло. Лучше засядемъ за картишки. Все-таки всецѣло поглащаешься интересомъ и скучище хоть на время покидаетъ.

— Пойдемте. Наши ужъ засѣли.

Пошли въ большую залу, уставленную столами съ зеленымъ сукномъ. За каждымъ было масса гг. олимпійцевъ и

ихъ подражателей-поклонниковъ. Одни играли, другіе внимательно слѣдили за игроками. Тѣ и другіе время отъ времени выпивали и закусывали. Послѣ каждаго „робера“ всѣ поднимались. Одни страстно спорили, другіе восхищались, что удалось имъ „околпачить“ своихъ противниковъ. Поспоривъ, выпивъ и закусивъ, снова усаживались за столы, чтобы продолжать игру до утра. Утромъ расходились по домамъ, чтобъ соснувъ, идти на службу часовъ въ 11—12. Здѣсь первую новость, которую они сообщали своимъ пріятелямъ-сослуживцамъ—это объ удачной и счастливой игрѣ...

Если искусный игрокъ, сообщающій эту новость, вліятельная особа и съ вѣсомъ, то пріятели-сослуживцы, обыкновенно, единодушно и радостно восхищаются геніальной способностью игрока. Впрочемъ, не желая ударить въ грязь лицомъ, вспоминаютъ и свои подвиги за зеленымъ столомъ.

Послѣ занятій, пообѣдавъ, соснувъ часа два-три и напившись кофе (по столичному), гг. олимпійцы и ихъ подражатели-поклонники выходятъ на хабаровскій проспектъ или въ городской садъ... Потомъ заходятъ въ собраніе. Тамъ снова встрѣчаютъ все общество. Послѣ нѣсколькихъ единодушныхъ восклицаній: „Скучища“!.. „Тоска“!.. „О какая скучища!“—усаживаются за столы и играютъ въ карты...

Пока въ карточной залѣ зубятся въ картишки отъ зари до зари, въ другой, „Бильярдной“, катаютъ шары...

Иногда проѣзжая труппа дастъ въ залѣ этого собранія два-три спектакля, или концерта. Нерѣдко одинъ изъ олимпійцевъ читаетъ членамъ собранія и гостямъ что-либо интересное, касающееся злобы дня.

Такъ проводятъ время въ собраніи гг. олимпійцы и нѣкоторые изъ числа крупныхъ поклонниковъ-подражателей ихъ. Другія картины дастъ общественное собраніе. Насколько однородный составъ членовъ и гостей перваго, настолько разнообразный составъ ихъ въ послѣднемъ, общественномъ.

Кого только тутъ нѣтъ! Тутъ и купцы, и приказчики: русскіе, японцы, китайцы; и чиновники всѣхъ вѣдомствъ и національностей: изъ корейцевъ, изъ бурятъ, изъ армянъ, изъ

татаръ, изъ евреевъ; наконецъ тутъ же и хабаровскіе состоятельные торгующіе мѣщане и служащіе въ частныхъ конторахъ, изъ крестьянъ.

Однимъ словомъ посѣтители хабаровскаго общественнаго собранія самый разнокалиберный элементъ. Про нихъ можно сказать словами поэта: Я изъ Камы многоводной, и т. д. Все это винегретное общество почти такъ же проводитъ время, какъ и „благородное“ въ своемъ собраніи: отъ зари до зари катаютъ бильярдные шары, зубятся въ картишки, въ шахматы...

Но не столько играютъ, сколько выпиваютъ. Когда бы я не посѣщалъ это общественное собраніе, хоть въ праздникъ, хоть въ будни, хоть днемъ, хоть поздно вечеромъ—всегда встрѣчалъ много посѣтителей совершенно пьяныхъ. Очень часто мнѣ приходилось присутствовать и при баталіяхъ. Пьяные или просто выпившіе бойцы, при борьбѣ, пользовались обыкновенно всѣмъ, что попадало имъ подъ руку: стульями, бильярдными шарами, бутылками, рюмками, тарелками, графинами...

Такія баталіи большею частію зарождались за карточными столами. Тутъ я видѣлъ такихъ счастливцевъ, которые постоянно выигрывали въ карты. Въ концѣ партіи игры, когда карманы неудачныхъ игроковъ опоражнивались, а сами игроки отъ этихъ неудачъ зѣло насыщались „съ горя“ очищенной и столовой, завязывалась сначало перестрѣлка.

— Вы кажется... того... плутусте, милостивый государь,— говоритъ неудачникъ, послѣ короткаго предисловія о своихъ проигранныхъ деньгахъ и о каждодневныхъ большихъ выигрышахъ счастливаго противника.

— Какъ вы смѣете говорить это? Я честный чалѣкъ!

— Чортъ васъ чесалъ, да чесалку потерялъ! Сокола видно по полету.

— Не смѣйте меня оскорблять, иначе въ морду заѣду!!!

— У морды хозяинъ есть, который можетъ сдѣлать изъ тебя все, что угодно!

— Повѣжливѣе!

— Плевать!

— Чтооо! и т. д. и т. д.—и баталія начинается.

У воюющихъ всегда бываютъ союзники. Нерѣдко и они принимаютъ участіе въ битвѣ. И тогда завязывается генеральное побоище. Воюющихъ разнимаютъ или прислуга собранія, съ помощью трезвыхъ и нейтральныхъ посѣтителей, или полиція. Рано утромъ, послѣ такихъ битвъ, все поломанное вывалвается въ сорную яму, а бойцы нѣсколько дней ходятъ съ повязками...

Молодежь изъ чиновниковъ и частно-служащихъ обыкновенно не засиживается долго въ собраніи. Выпивъ, закусивъ и немного позабавившись въ картишки, или на бильярдѣ, они обыкновенно отправляются въ дома терпимости. На пути частенько куралесятъ, опрокидываютъ фонарные столбы, разбрасываютъ тротуары, накидываются на полицейскихъ или ночныхъ караульщиковъ: связываютъ ихъ, или поятъ водкой до положенія ризъ, и т. д.

Наблюдателю сценъ какъ въ этомъ собраніи, такъ и при путешествіи по городскимъ улицамъ хабаровской молодежи, бросается въ глаза одно явленіе: инициаторы попоекъ, побоищъ и ночныхъ похожденій и приключеній—одни и тѣ же лица. Въ этомъ отношеніи, они самые вліятельные и предпріимчивые люди. Кругомъ ихъ, какъ свѣтилъ, вращаются и топчутся всѣ остальные участники скандальныхъ дѣяній. Ихъ вліяніе распространяется и на обитательницъ притоновъ разврата, тайнаго и явнаго.

Этимъ героямъ я и посвящаю слѣдующую главу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

(Отпрыски столичныхъ чиновныхъ и титулованныхъ особъ въ медвѣжьихъ углахъ Сибири.

Апрѣля 11. 190* г. Первоначально, въ этой главѣ дневника, мною были намѣчены нѣкоторыя черты немногихъ хабаровскихъ отпрысковъ столичныхъ особъ. Впослѣдствіи, оставивъ Хабаровскъ и побывавъ въ другихъ городахъ Сибири, я и тамъ встрѣчалъ подобныхъ же субъектовъ. Познакомившись съ нѣкоторыми изъ нихъ, я былъ крайне удивленъ почти полнымъ подобіемъ общаго характера ихъ натуры и единообразной ихъ біографіей. Впрочемъ, въ жизни каждаго изъ нихъ существуютъ отличительныя детали. Но онѣ незначительны. Затѣмъ нѣкоторые титулованы, сыновья аристократическихъ и богатыхъ родителей столицъ. Выбравъ изъ собраннаго мною въ городахъ Сибири матеріала, касающагося этихъ изгнанниковъ, по волѣ родителей, я раскажу здѣсь біографію одного изъ нихъ, наиболѣе типичную. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могу сказать ни о мѣстослуженіи, ни о мѣстожительствѣ его. Къ сожалѣнію, долженъ даже скрыть имя, отечество и фамилію.

Александръ Ивановичъ Петровъ, молодой человѣкъ лѣтъ 24-хъ. Высокій, стройный, прекрасно развитый физически и блондинъ, онъ весьма недуренъ собой. Цвѣтъ лица розовый, губы пунцовыя, глаза свѣтло голубые. Общее выраженіе лица гордое и надменное. Одѣвается въ обычные дни въ изящный смокингъ, всегда новый. Старое и даже немного поношенное платье не носитъ. Въ торжественные же случаи онъ въ модномъ, съ иголочки, сюртукѣ или во фракѣ. Крахмальные воротнички и манжеты всегда чистые и свѣжіе. Розовые ногти рукъ держитъ чисто. Руки горячи, пухлы, мягки и тоже чисты, и безъ мозолей. Зубы блестящіе и бѣлые. Усики нафабрены и завиты въ ниточку. Шевелюра всегда гладко причесанная. И по утрамъ, и по вечерамъ онъ всегда надушенъ. На свой будничный туалетъ ежедневно, по утрамъ, тратитъ

полчаса,—а на праздничный—три четверти часа. Эта во всѣхъ отношеніяхъ приличная внѣшность рѣзко отличаетъ его отъ прочихъ товарищей-сослуживцевъ и знакомыхъ, одѣтыхъ всегда небрежно и неряшливыхъ. Куритъ онъ всегда хорошія сигареты, которыя носитъ въ золотомъ портсигарѣ; на крышкѣ послѣдняго корона и вензель его. Обыкновенно, куритъ сигарету недолго, и не докуривая, небрежно бросаетъ ее, куда попало. Сморкается не въ ладонь и не на полъ, прижавъ пальцемъ одну ноздрю (какъ обыкновенно очищаютъ свои носы нѣкоторые его товарищи и знакомые сибиряки), а въ носовой платочекъ, всегда бѣлоснѣжный, надушенный, съ вензелемъ и короною.

Квартирка его состоитъ изъ большой, свѣтлой комнаты, перегороженной ширмою на двѣ половины. Первая, меньшая, съ однимъ окномъ, служитъ ему спальней. Тутъ желѣзная кровать, туалетный столикъ, съ зеркаломъ, съ батареей духовъ, со всевозможными порошками, щеточками, гребенками и проч. Въ этой спальнѣ царствуетъ вѣчный хаосъ. Подушка большею частію лежитъ подъ кроватью, дорогое пуховое одѣяло на полу, простыня изъ тонкаго голландскаго полотна, съ вензелемъ и короною, скомкана и засована подъ розовый, сафьяновый матрасъ. На дорогомъ и массивномъ комодѣ груда бѣлья—чистаго и грязнаго. Въ его ящикахъ тоже. Два стула ломятся подъ тяжестью принадлежностей костюма хозяина. Такія же принадлежности валются и на полу около туалетнаго столика...

Другая половина комнаты, съ тремя окнами, служитъ Александру Ивановичу кабинетомъ. Средину ея занимаетъ большой письменный столъ. На немъ пара свѣчь въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, масса блестящихъ бездѣлушекъ, статуэтокъ, большіе золотые часы, блестящая фигурная чернильница, полдюжины изящныхъ ручекъ съ перьями, столько же цвѣтныхъ и черныхъ карандашей, резинъ и коробки съ почтовой бумагой и конвертами. На тѣхъ и на другихъ большіе вензеля Александра Ивановича, съ коронами. На стѣнѣ, между двумя окнами, барометръ, ниже его двѣ большія фо-

тографіи, въ одной роскошной рамѣ. Первая изображаетъ важнаго пожилого мужчину, въ генеральской лентѣ чрезъ плечо, съ массою крестовъ и звѣздъ. Вторая изображаетъ моложавую даму, полную, красивую, изысканно-одѣтую. Это родители Александра Ивановича. Ниже фотографіи отрывной календарь. Около стола небольшая этажерка, отличной работы. На ней два альбома и нѣсколько книгъ въ дорогихъ переплетахъ. Тутъ же нѣсколько номеровъ газеты, дорогой и распространенной между столичнымъ чиновнымъ и аристократическимъ людомъ. Александръ Ивановичъ не любитъ читать. Много, много, если раза два-три въ недѣлю просмотритъ нѣсколько новыхъ номеровъ этой газеты. И то больше для того, чтобъ узнать не померъ ли кто изъ важныхъ чиновныхъ друзей, пріятелей и знакомыхъ его папы и мамы.

Родился Александръ Ивановичъ въ столицѣ, тутъ же росъ и возмужалъ. Оставилъ Петербуръ съ небольшимъ года два тому назадъ. Уже при рожденіи Саши, отецъ его былъ солиднымъ чиновникомъ, на крупной видной должности. Большая квартира, съ роскошной обстановкой; многочисленная прислуга, свои экипажи и лошади; балы и вечера, пикники и рауты, привольная дачная жизнь и поѣздки съ родителями на югъ Россіи и за границу—все это оставило замѣтный слѣдъ и въ характерѣ и въ воспоминаніяхъ дѣтства Саши. Какъ единственное „дитя“ въ семьѣ, его баловали родители и прислуга, друзья и пріятели отца, подруги и пріятельницы матери. Короче сказать, онъ былъ идоломъ и въ семьѣ, и въ обществѣ, собиравшемся въ парадныхъ родительскихъ комнатахъ. Ничего не было въ мірѣ, въ чемъ бы отказывали любимцу. Когда мальчику было около 8 лѣтъ, въ семьѣ появилась гувернантка. Но ея педагогическая дѣятельность съ Сашей была почти безъ результата: онъ не желалъ учиться. Тѣмъ не менѣе, она продолжала заниматься съ нимъ, хотя и безъ особыхъ успѣховъ. Чрезъ годъ ей отказали и мальчикъ сталъ заниматься со студентомъ. Чрезъ шесть-семь мѣсяцевъ онъ былъ уже въ первомъ классѣ гимназіи.

Прошло года два. Благодаря обширному знакомству роди-

телй, онъ сошелся съ юными аристократами и потянулся за ними. Тѣ безъ особыхъ препятствій приняли его въ свой кругъ. Между тѣмъ ученіе Саши шло плохо. Благополучно перешелъ только во второй классъ. Просидѣвъ здѣсь два года, былъ переведенъ въ третій. Пробывъ и тутъ два года, Саша былъ исключенъ изъ гимназіи: „за худое поведеніе". Дѣло въ томъ, что несмотря на свой юный возрастъ, онъ уже сталъ вести образъ жизни „золотой молодежи": кутилъ, посѣщалъ красавицъ, гулялъ по ресторанамъ, устраивалъ пикники... О шалостяхъ своего идола родители даже и не подозрѣвали. А лаконическое опредѣленіе „худое поведеніе" признали обыкновенными невинными шалостями отрока въ стѣнахъ заведенія. Напримѣръ: нарушеніе тишины, выпячиваніе языка наставникамъ и проч. По исключеніи Саши, родители взяли въ домъ преподавателя, съ которымъ перезрѣлый 17-ти лѣтній юноша и сталъ готовиться къ испытанію на аттестатъ зрѣлости. Чрезъ года два Саша приступилъ къ испытанію въ одной изъ гимназій столицы. Но, увы, не выдержалъ.

Одновременно съ этимъ, случился въ семьѣ другой непріятный инцидентъ по поводу его же. Съ 12-ти лѣтняго возраста отецъ обыкновенно выдавалъ своему любимцу-сыну карманныя деньги. До знакомства съ юными аристократами этихъ денегъ было достаточно для мальчика. Послѣ знакомства же, потребовалось удвоить ихъ. Но и этого стало не достатачно. Мать стала добавлять рессурсы сынка изъ своихъ... По выходѣ изъ гимназіи, потребовалось утроить и даже учетверить сумму, получаемую имъ отъ родителей разъ въ мѣсяцъ. Получивъ отказъ, Саша нашелъ кредитъ помимо ихъ и продолжалъ гулять... Кончилось это тѣмъ, что одновременно съ проваломъ на экзаменѣ, явился предъ родителями кредиторъ съ нѣсколькими счетами. Сумма долга была крупная. Отецъ ахнулъ и чуть-чуть не схватилъ его кондрашка, а мать отъ горя слегла въ постель.

Когда первыя острыя и тяжелыя впечатлѣнія семейнаго горя улеглись и мать поправилась, родители стали обсуждать щекотливый вопросъ;

— Что же станемъ дѣлать съ Сашей?

Подробности относительно обсужденія этого вопроса Александръ Ивановичъ любезно сообщилъ мнѣ. Хотя онъ, по его словамъ, и не присутствовалъ при совѣщаніи родителей, но прекрасно слышалъ все, что говорилось о немъ. Въ данномъ случаѣ, я интересовался сущностью бесѣды, а не тѣмъ какъ удалось этому блудному сыну слышать то, что совсѣмъ не слѣдовало ему знать.

Итакъ, между родителями Александра Ивановича былъ поднятъ вопросъ—„что же станемъ дѣлать съ Сашей?“ Учиться больше не хочетъ. Ни юнкерскаго училища, ни техническаго-ремесленнаго и знать не желаетъ. Ему дороже всего свобода, какъ говоритъ онъ.

— Пусть такъ поживетъ, отдохнетъ,—предложила мама.

— Вотъ это-то и нужно ему—жить ничего не дѣлая и не учась, чтобъ продолжать свои попойки и развратничать по притонамъ.

— Не будетъ онъ больше этого дѣлать. Денегъ мы не станемъ ему давать.

— Не бозпокойся—достанетъ *).

— Нельзя же и запрать его.

— Кто же говоритъ объ этомъ?! По настоящему, слѣдовало бы угостить его березовой кашей и запрятать, куда прячутъ подобныхъ...

— Въ наше то время?! И у всѣхъ на глазахъ?!

— Въ томъ то и дѣло. Оттого то и нельзя, что у всѣхъ на глазахъ... Попадетъ въ какую-нибудь газету и позоръ. Могутъ меня отставить отъ этой должности: ретроградъ молъ... Самъ же Сашка напишетъ „О деспотизмѣ родителей“. Или попроситъ кого изъ друзей. Не столько напишутъ истину, сколько преувеличатъ.

---

*) Мнѣ кажется, достопочтенный Александръ Ивановичъ, разсказывая свою автобіографію, кое-что утаилъ, кое-что разсказалъ въ преувеличенномъ видѣ. Напр. утаилъ про векселя, а преувеличилъ обстановку родителей, кромѣ того неизвѣстно, есть ли братья у него. А это очень важно. Иначе какъ рѣшились они на ссылку единственнаго своего сына...

— Надо пристроить его куда нибудь на службу.

— Куда же именно? Безъ диплома ему не дадутъ никакой должности. Да и нельзя.

— Пока такъ... Какъ это называется у васъ?..

— Въ штатъ хочешь сказать? Но вотъ вопросъ—куда же именно?

— А къ себѣ не можешь?

— Боже меня сохрани отъ этого! Если бъ и можно было, я бы все таки не взялъ его къ себѣ. Однимъ словомъ оставить его здѣсь невозможно: онъ еще не такъ опозоритъ насъ и разоритъ.

— Куда нибудь въ другое мѣсто. Напримѣръ къ Алексѣю Ѳедоровичу.

— Но вѣдь достаточное содержаніе для его кутежей и любовницъ онъ ему не можетъ назначить! Да возметъ ли онъ еще его, вотъ тоже вопросъ.

— Интересно, куда онъ пристроилъ своего Колю? Тотъ еще похуже нашего.

— Да, да—въ самомъ дѣлѣ! Надо съ нимъ побесѣдовать. Онъ и въ этомъ отношеніи весьма опытный.

Первое совѣщаніе этимъ и закончилось. По слышанному, родители были въ крайне затруднительномъ положеніи и ничего не могли предпринять.

Ждать другого совѣщанія пришлось недолго. Однажды, послѣ званнаго обѣда, когда разъѣхались всѣ гости, кромѣ Алексѣя Ѳедоровича, тріумвиратъ открылъ свое засѣданіе.

— Прежде чѣмъ разсказывать вамъ объ этомъ совѣщаніи, считаю своею обязанностью помянуть этого Алешку Ѳедоровича, чтобъ ему въ аду горѣть вѣчно. Если въ настоящее время я прозябаю въ этой отдаленнѣйшей дырѣ, безъ всякой надежды выбраться отсюда, то этимъ я обязанъ ему, будь онъ проклятъ трижды триста разъ. Итакъ, продолжаю. Тріумвиратъ открыль свое засѣданіе, послѣднее и роковое для меня. Это было въ 2 часа ночи. Прислугѣ велѣно было ложится спать. Мнѣ тоже. Хотя я и отправился въ свою спальню, но тотчасъ же возвратился таинственнымъ путемъ въ

свой уголокъ, одкуда прекрасно было слышно все, что говорилось въ смежной комнатѣ. А говорилось тамъ вотъ что.

— Ну-съ, о чемъ станемъ бесѣдовать,—сказалъ Алексѣй Ѳедоровичъ, смотря на свои дорогія часы.

Предметъ предстоящей бесѣды весьма щекотливый,—проговорилъ отецъ, закуривая съ гостемъ сигары.

— А именно?

— Мы не знаемъ, что намъ дѣлать съ нашимъ Александромъ.

— А что съ нимъ? Небось свихнулся?

— Да какъ еще свихнулся...

И отецъ разсказалъ гостю о всѣхъ злоключеніяхъ своего потомка.

— Точная копія съ исторіи моего Коли! Ха-ха-ха!

— Интересно, какъ вы пристроили его, или вообще—чѣмъ закончили свою исторію о свихнувшемся Колѣ?

— Кончилъ я свою исторію весьма просто. Долги, которые онъ надѣлалъ, я уплатилъ. Истцовъ, которые привлекли его въ судъ, упросилъ за извѣстную (впрочемъ не малую) сумму покончить міромъ.—Тутъ гость замолчалъ, усиленно потягивая сигару.

— А съ Колей какъ?

— А Кольку отправилъ на службу въ отдаленнѣйшій край Россійской имперіи. Самое главное затрудненіе для меня было—уговорить его ѣхать туда. Дѣло въ томъ, что онъ не желалъ и слышать о поѣздкѣ туда на службу. Даже мой авторитетъ, какъ отца, не могъ помочь сломить его. Тогда пришлось идти на хитрость. Во 1-хъ, я пересталъ давать ему деньги на расходы. Когда сумма долговъ накопилась и кредиторы, что называется, прижали его въ уголъ, угрожая судомъ,—тогда онъ заявился ко мнѣ и на колѣняхъ сталъ выпрашивать Христомъ-Богомъ необходимую сумму для уплаты долговъ. При этомъ высказалъ свое горе: Ему „закрыли кредитъ“.

Какъ мнѣ ни жаль было его, но я выдержалъ характеръ и ни гроша ему не далъ. При этомъ сказалъ ему, что онъ

получитъ отъ казны сумму въ пять-шесть разъ больше, чѣмъ требуется ему теперь. Кромѣ того и отъ меня получитъ порядочную сумму, равную всѣмъ его долгамъ, получитъ какъ подарокъ. Но для этого, онъ долженъ ѣхать въ отдаленнѣйшій край на службу. Мой Колька призадумался. Тогда я сталъ расписывать ему прелести и заманчивыя перспективы службы въ отдаленнѣйшемъ краю. Въ заключеніе, пообѣщалъ взять его къ себѣ, если жизнь тамъ будетъ ему невтерпежъ.

— Однако вы не исполнили своего обѣщанія?

— Съ какой же стати? Пусть живетъ тамъ, пока не научится жить какъ слѣдуетъ. Благодаря моему предложенію его начальству, ему дали должность съ приличнымъ окладомъ содержанія, дали сразу, до прибытія туда. Наградъ получаетъ онъ много и часто, благодаря мнѣ, такъ какъ я высшее начальство—его начальства. Ха-ха-ха! Что жъ ему еще?! Жизнь въ такихъ дырахъ прекраснѣйшая школа для подобныхъ свихнувшихся молодыхъ людей. А для того, чтобъ онъ не вздумалъ взять отпускъ, для прибытія сюда, я сдѣлалъ соотвѣтствующее приказаніе. Въ виду всего этого, и вамъ совѣтую то же сдѣлать со своимъ Александромъ. Тѣмъ болѣе не вы первые, не вы и послѣдніе. Знаю здѣсь многихъ довольно почтенныхъ людей, тоже высокихъ по положенію и по чинамъ, и даже родовитыхъ, которые еще раньше меня отправили своихъ блудныхъ сыновей для исправленія въ отдаленнѣйшія дыры Россійской имперіи, дыры—откуда безъ нашего родительскаго и главенствующаго участія и помимо нашей воли имъ невозможно выбраться оттуда.

Вотъ точно-такимъ же порядкомъ, съ небольшими измѣненіями въ деталяхъ, очутился здѣсь и я,—закончилъ свой разсказъ Александръ Ивановичъ.—И знаете, не могу забыть время поѣздки сюда: самая блаженнѣйшая пора моей жизни,—со вздохомъ заговорилъ онъ снова. Дѣло въ томъ, что ѣхалъ я сюда изъ Питера кругомъ свѣта ровно годъ. Со мной была моя любовница, француженка Жюли, замѣчательная личность: цѣлые дни кушала дорогія конфекты, запивая ихъ шампанскимъ.

— Гдѣ же она теперь? Что то не видно ее здѣсь.

— Вынужденъ былъ прогнать ее во Владивостокъ. Связалась, гадина, съ однимъ морскимъ офицеромъ. Впрочемъ, хорошо и сдѣлала. Во-первыхъ, успѣла надоѣсть мнѣ, а во-вторыхъ, дочиста очистила всѣ мои карманы.

— Съ того времени вы и служите здѣсь?

— Да, около 3-хъ лѣтъ.

— Нравится вамъ жизнь здѣсь?

— Первое время меня мучила тоска. Теперь немного попривыкъ и-нахожу, что въ нѣкоторомъ отношеніи здѣсь и недурно. Главное—всегда въ кошелькѣ есть деньги, какъ ни расходуются онѣ *). Кромѣ того, удовольствія стоятъ мнѣ здѣсь дешево.

— А служба вамъ нравится?

— Не скажу, чтобъ она нравилась мнѣ... Если чѣмъ хороша она, такъ это легкостью, по крайней мѣрѣ для меня.

Да, для Александра Ивановича и ему подобныхъ служба дѣйствительно легка. Вотъ трудовой будничный день его.

Встаетъ онъ часовъ въ 8, а нерѣдко, послѣ кутежей и гулянокъ, весьма нерѣдкихъ, въ 11 и 12. Въ первомъ случаѣ, послѣ кофе (по столичному), идетъ на службу часовъ въ 10 или 11. Въ послѣднемъ же совсѣмъ не идетъ... Ходитъ туда и обратно непремѣнно съ портфелемъ. Въ немъ лежатъ, взятыя наканунѣ, кое-какія бумаги: рапорты, предписанія, отчетъ. Хотя онъ на квартирѣ у себя и не занимается этой, по его словамъ, „ерундистикой“ и даже не имѣетъ привычки вынимать ихъ оттуда, тѣмъ не менѣе считаетъ своимъ долгомъ ежедневно таскать ихъ, по примѣру своего родителя.

Итакъ, этотъ юный администраторъ идетъ на службу. Не успѣетъ онъ переступить порогъ передней управленія, какъ швейцаръ со всѣхъ ногъ бросается къ нему. Близость и родство Александра Ивановича съ высшими столичными чинов-

---

*) Александръ Ивановичъ, не довольствуясь порядочнымъ содержаніемъ и крупными денежными наградами, постоянно занимаетъ деньги у кого попало: у чиновниковъ, купцовъ и т. д. Но долги не платитъ.

ными людьми—вотъ сила, притягивающая къ нему всѣхъ, начиная съ начальника учрежденія, гдѣ онъ служитъ, кончая этимъ швейцаромъ. Небрежно кинувъ шинель на руки швейцара, онъ медленно и величественно вступаетъ въ раіонъ „своихъ владѣній", какъ онъ любитъ выражаться. Всѣ его подчиненные почтительно встаютъ и кланяются. Юное начальство обыкновенно подаетъ руку только своему помощнику, весьма опытному и прекрасному работнику. Небрежно кивнувъ прочей мелкотѣ, начальство садится на свое мѣсто, вынимаетъ изъ стола канцелярскія принадлежности и пересматриваетъ входящія бумаги дня, положенныя его помощникомъ. Пересматриваетъ не такъ, какъ обыкновенно принято: не читаетъ ихъ, и даже не интересуется заключеніемъ, изложеннымъ въ бумагѣ. Для него интересно только одно: отъ кого она. Для этого въ одно мгновеніе обозрѣваетъ печатный заголовокъ входящей. Пересмотрѣвъ, такъ же быстро забираетъ и отдаетъ ихъ въ руки помощнику.

Покончивъ „съ ерундой", Александръ Ивановичъ уходитъ въ другія комнаты управленія, чтобы поболтать съ барышнями канцеляристками и со своими товарищами, такими же столоначальниками, какъ и онъ. Впрочемъ, удостаиваетъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ тѣхъ и другихъ послѣ того, какъ поздоровается и поболтаетъ съ начальниками отдѣленія. Въ такой болтовнѣ проходитъ часа три-четыре, пока не явится предъ ясные очи Александра Ивановича помощникъ его съ докладомъ, что: „бумаги для подписи и доклада готовы". Услышавъ эту радостную вѣсть, юный столоначальникъ садится на свое мѣсто, не читая подписываетъ бумаги, кладетъ ихъ въ особую папку, самъ уноситъ ее своему начальству для подписи, кстати же прощается съ нимъ и со своимъ помощникомъ; затѣмъ беретъ отъ послѣдняго портфель съ бумагами и, небрежно кивнувъ своей мелкотѣ, уходитъ домой пообѣдать. Послѣ обильнаго и вкуснаго обѣда съ изрядной выпивкой идетъ гулять.

Возвращается съ гулянки послѣ полночи или рано утромъ. Нерѣдко его приводятъ подъ руки, или приносятъ на коврѣ, какъ трупъ.

Такъ проходитъ жизнь нѣкоторыхъ изъ этихъ „благородныхъ“ изгнанниковъ въ далекой Сибири.

Совершенно иначе проводятъ время службы здѣсь большинство изъ нихъ. Вотъ, напримѣръ, нѣкто Е., тоже чиновная, столичная особа.

Изъ 12 мѣсяцевъ, девять онъ проводитъ въ отпуску, въ столицѣ или заграницей. Во все время этого продолжительнаго отпуска получаетъ полное содержаніе. Послѣ восьми или девятимѣсячной гулянки возвращается на мѣсто службы, въ одну изъ сибирскихъ дыръ. Но не на долго. Мѣсяца чрезъ полтора, два „службы“—ничего недѣланья, опять беретъ отпускъ „для поправленія въ сущности—крѣпкаго здоровья“ и уѣзжаетъ въ столицу мѣсяца на четыре. По прошествіи этого срока изъ столицы увѣдомляютъ губернское начальство (гдѣ числится на службѣ Е.), что послѣднему отпускъ отсроченъ для поправленія здоровья еще на три мѣсяца съ содержаніемъ и т. д., и т. д.

Такъ онъ служитъ уже 10 лѣтъ. Изъ нихъ восемь пробылъ въ отпускахъ и только два былъ на службѣ, занимаясь „ничегонедѣланьемъ“. Высшее „справедливо“ цѣнитъ его заслуги и наградило уже тремя орденами, да 16 разъ денежными, по крупной суммѣ „на поправленіе здоровья“.

Такихъ счастливчиковъ, имѣющихъ въ столицахъ титулованныхъ дядюшекъ и тетенекъ на русскомъ Дальнемъ Востокѣ не мало.

Какъ ни легко служится здѣсь этимъ счастливцамъ, однако участь нѣкоторыхъ изъ нихъ не особенно завидная. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Одинъ изъ нихъ застрѣлился. Обезоруживъ полицейскаго на посту и поколотивъ его при публикѣ—онъ, по приговору суда, подлежалъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и тюремному заключенію. Ни деньги, ни вліяніе мѣстнаго начальства не могли замять это дѣло. Не помогло и смягчающее обстоятельство, что юный администраторъ былъ выпивши. Убоявшись позора и тюрьмы, онъ счелъ за лучшее покончить свое существованіе. Мѣстное начальство, убоявшись гнѣва и разслѣдованія столичной чиновной особы,

родителя застрѣлившагося изгнанника, сообщило ему, что послѣдній скончался отъ воспаленія мозга.

Трое отпрыска чиновныхъ особъ столицы померли отъ хроническаго алкоголизма.

Четвертый зажпво изгнилъ въ сифилисѣ...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

(Загадочные люди: Шиковъ).

Февраля 3. 190* г. Около шести мѣсяцевъ не заглядывалъ я въ этотъ дневникъ. Все это время, вращаясь въ обществѣ привилегированныхъ, старался изучить ихъ. Нынѣ я совсѣмъ оставилъ эту среду, полагая, что достаточно познакомился съ ними. Теперь обратилъ все свое вниманіе на непривилегированныхъ обывателей Хабаровска. Чтобы достаточно ознакомиться съ ними, мнѣ кажется необходимо чаще мѣнять квартиру и выбирать домохозяевъ, преимущественно хлѣбосоловъ, принимать участіе въ ихъ жизни, знакомиться съ ихъ родственниками, друзьями и проч. Кажется этотъ способъ и дастъ мнѣ возможность наблюдать и изучать какъ людей, такъ и нравы ихъ.

Теперь же я запишу результаты своихъ наблюденій надъ двумя оригинальными субъектами: Шиковымъ и Вѣрниовымъ. При этомъ заранѣе оговариваюсь, что несмотря на старанія узнать отдаленное прошлое этихъ людей, ихъ настоящее званіе, имя, отчество и фамилію каждаго—это мнѣ никакъ не удалось. Не удались всѣ попытки даже рѣшить вопросъ: кто и что они, и откуда именно! На все это—никакого отвѣта! Это обстоятельство еще больше возбуждаетъ къ нимъ интересъ. Однако не хочу забѣгать впередъ. Начну съ Шикова.

Познакомился я съ нимъ весьма обыкновенно: перемѣнивъ квартиру на другую, я очутился въ сосѣдствѣ, подъ одной крышей и у одного хозяина, съ субъектомъ, который на пер-

вый взглядъ не представлялъ ничего оригинальнаго. Это былъ высокій, плотно сложенный и мускулистый мужчина, блондинъ, съ небольшой свѣтлорусой бородкой, длинными волосами, тщательно зачесанными на затылокъ. Ходилъ онъ дома въ блузѣ, черныхъ брюкахъ и въ ботинкахъ. На первый взглядъ онъ казался не то учителемъ низшей сельской школы, не то ремесленникамъ. Впослѣдствіи, коротко познакомившись съ нимъ, я убѣдился, что недалекъ былъ отъ этого первоначальнаго взгляда. И дѣйствительно, Никонъ Антоновичъ Шиковъ (не такъ онъ звалъ себя въ Хабаровскѣ) былъ и то, и другое, былъ субъектомъ самыхъ разнообразныхъ профессій. Онъ прекрасно и быстро дѣлалъ папиросы, превосходно переплеталъ книги, былъ обойщикъ и футлярщикъ... Обладая отличнымъ почеркомъ, писалъ быстро, превосходно и грамотно, что давало ему возможность зарабатывать хорошія деньги въ качествѣ писца. Кромѣ того, обладая хорошимъ голосомъ и слухомъ, и знакомый съ нотами, былъ регентомъ хора. Наконецъ былъ гдѣ-то и когда-то учителемъ сельской школы въ Сибири, въ Хабаровскѣ же давалъ кое-кому уроки. Эти разнообразныя профессіи давали ему возможность прекрасно приспособляться къ житейскимъ условіямъ.

— Иногда,—говорилъ онъ мнѣ,—судьба забрасывала меня въ такую глушь, гдѣ ни переплетомъ, ни перепиской, ни папиросами не заработаешь. Напримѣръ въ какую-нибудь деревню вдали отъ тракта, или отъ сплавочной рѣки. Тогда одно средство не пропасть съ голоду учить деревенскихъ ребятишекъ за одинъ харчи. А попадешь въ городишко, безъ особаго труда найдешь письменныя занятія, или переплетную работу“.

Кромѣ этихъ профессіональныхъ искусствъ онъ обладалъ еще умѣньемъ измѣнять свою внѣшность. И надо отдать долю справедливости Никону Антоновичу, дѣлалъ онъ это артистически. Кромѣ обыденнаго вида, въ какомъ я видѣлъ его всегда, онъ показывался мнѣ еще въ трехъ видахъ: 2-хъ „джентльмена“ и 1 го „мужика“. Облекшись въ ту, другую или третью форму, онъ исчезалъ изъ квартиры на нѣсколько

дней. Куда и зачѣмъ? Не знаю. Что касается до того, какъ онъ выглядитъ въ этихъ формахъ, то откровенно сознаюсь— если бъ я не наблюдалъ за тѣмъ, какъ производилъ онъ надъ собой операціи метаморфозъ, то никакъ не узналъ бы его въ этихъ формахъ.

Передъ тѣмъ, какъ принять 1-ый видъ джентльмена, Никонъ Антоновичъ отпускалъ баки, которыя обыкновенно онъ брилъ. Дней черезъ пять, баки отростали у него почти на полвершокъ, и соединялись съ усами. Послѣдніе онъ натиралъ и фабрилъ. Затѣмъ брилъ бороду и подстригалъ волосы, зачесывая ихъ съ проборомъ посрединѣ. Для окончательной отдѣлки своей физіи, онъ красилъ всю свою растительность въ рыжій цвѣтъ, натиралъ лицо, шею и руки порошкомъ и надѣвалъ очки. Наконецъ, облекался въ бѣлую сорочку, съ крахмальными стоячими воротничками и манжетами, въ новую прекрасно сшитую черную сюртучную пару и въ жилетъ съ открытой грудью. Затѣмъ надѣвалъ цилиндръ, клалъ въ жилетный карманъ часы новаго золота, бралъ тросточку—и джентльменъ 1-й степени былъ готовъ.

Третья форма: „джентльменъ 2-ой степени“—наиболѣе любимая имъ. Превращался онъ въ нее такъ. Отпуститъ эспаньолку и сбрѣетъ баки и бороду; взъерошитъ усы, концами вверхъ; зачешетъ волосы кверху, дыбомъ, и окраситъ всю эту растительность въ темнорусый цвѣтъ; надѣнетъ пенснэ, пиджачный модный костюмъ, сорочку съ отложными воротничками; повяжетъ шею ярко-голубымъ галстукомъ и повѣситъ на животъ часы новаго золота на шейной цѣпочкѣ изъ такого же металла; наконецъ беретъ перчатки, тросточку и шляпу-котелокъ.

Четвертый видъ, въ который онъ измѣнялъ себя, это „мужикъ“, какъ уже говорилъ я. Для этого Никонъ Антоновичъ отпускалъ всю свою растительность на физіи. Благодаря этому, борода превращалась въ длинную и окладистую, баки закрывали обѣ щеки, не доходили до носа только на полвершка. Длинные усы частію свѣшивались надъ губами, закрывая ротъ, частію торчали въ разныя стороны. Волосы

зачесывались на лобъ и подстригались скобкой, немного выше бровей. Наконецъ, для окончательной отдѣлки своей мужицкой физіи, мылъ ее и мочилъ волосы, усы и бороду водою, куда предварительно клалъ изрядный комъ глины и сыпалъ чашку сажи. Въ заключеніе отдѣлки физіи, клалъ на ладони нѣсколько соломинокъ и крошечныхъ клочковъ шерсти и взъерошвалъ съ ними всю свою растительность. Благодаря этому соломинки и шерсть запутывались и въ волосахъ, и въ бородѣ. Затѣмъ надѣвалъ бродни и широкіе штаны. Послѣдніе были грязны и въ заплатахъ. Изъ черныхъ, повидимому плисовыхъ, они превратились въ грязно-сѣрые; надѣвалъ длинную кумачевую отцвѣтшую рубаху-косоворотку, съ широкой, до половины спины, подоплекой. Рубаха эта тоже была въ заплатахъ. На рубаху надѣвалъ жилетъ, со свѣтлыми пуговицами. На спинкѣ этого жилета, къ задней сторонѣ, укрѣплена довольно толстая подушечка. Благодаря ей, онъ казался сутулымъ. Весь этотъ костюмъ былъ пропитанъ специфическимъ мужицкимъ потомъ. Въ заключеніе надѣвалъ небольшую войлочную шляпу, а въ карманъ штановъ клалъ кисетъ съ табакомъ и трубкой.

Мнѣ кажется, эти костюмы и формы у него непостоянны. По слышанному мною отъ него, заключаю, что тѣ и другія онъ мѣняетъ... Затѣмъ у него есть: значки двухъ высшихъ учебныхъ заведеній, офицерскіе погоны, эполеты, двѣ, три звѣзды, кресты... Всѣ эти вещи „позолоченыя“, хранятся въ особой шкатулочкѣ. Мнѣ кажется, онъ иногда пользуется и этими вещами. Одѣться офицеромъ или чиновникомъ со значкомъ высшаго учебнаго заведенія да явиться куда нибудь въ медвѣжій уголъ! Вѣдь это равносильно обрѣсти кладъ. Не даромъ онъ говорилъ мнѣ много разъ, что иногда онъ „не знаетъ куда и деньги дѣвать“.

— И часто вы облекаетесь въ эту форму? — спросилъ я однажды Никона Антоновича, указывая на его чемоданъ съ офицерскими вещами и съ академическими значками.

— Смотря какъ... Нерѣдко случаются со мной такія обстоятельства, это эту форму я не мѣняю нѣсколько мѣся-

цевъ. Иногда же ношу нѣсколько дней, сообразно условіямъ...

— Какія же эти условія!—спрашивалъ я, съ возрастающимъ любопытствомъ.

— Все будете знать, скоро состарптесь. И то много лишняго я сказалъ вамъ.

Послѣ подобной фразы и моихъ вопросовъ, онъ обыкновенно цѣлыя недѣли былъ несообщителенъ. О чемъ бы съ нимъ ни заговаривалъ, онъ или молчалъ, или отдѣлывался несложными отвѣтами.

Послѣ подобнаго періода молчанія наступалъ снова другой, кратковременный, который можно опредѣлить „сообщительнымъ“. Въ такую пору мы долго бесѣдовали. Предметъ этихъ бесѣдъ—разныя мѣстности Россіи. Я былъ пораженъ его знаніемъ обо всѣхъ главныхъ и даже второстепенныхъ особенностяхъ этихъ частей нашего отечества.

— Гдѣ же вы читали обо всемъ этомъ?

— Читать книги я не люблю,—сказалъ онъ.

— Значитъ путешествовали?

— Да, по образу пѣшаго хожденія исколесилъ всю Россію вдоль и поперекъ.

Несмотря на чрезвычайно возбужденное любопытство, я не безъ труда воздержался отъ вопросовъ... За это вынужденное свое молчаніе, я былъ вскорѣ вознагражденъ нижеслѣдующимъ открытіемъ. Случилось оно при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Однажды, перекладывая свои вещи въ новый чемоданъ, только-что вымѣненный имъ на толкучкѣ, Никонъ Антоновичъ обронилъ на полъ три письма. Несмотря на видимое стараніе самому скорѣе поднять ихъ, я, подстрекаемый любопытствомъ ко всему, что принадлежало этому живому сфинксу, предупредилъ его и, собирая съ полу эти письма, моментально прочелъ ихъ адреса на комвертахъ. Вотъ они: „Въ село А. Николаю Александровичу Шляндину“. „Въ г. Б. Никифору Алексѣевичу Шубкину“. „Въ посадъ В. Пилу Аполлоновичу Шумову“...

— Какимъ образомъ къ вамъ попали эти чужія письма?

— Почему вы думаете, что онѣ чужія? Это мои.

Но безъ усилій я воздержался отъ вопросовъ, возбужденныхъ этими письмами.

— Такого любопытнаго человѣка, какъ вы, вижу въ первый разъ, — сказалъ онъ.—А вотъ это старье надо продать на толкучкѣ,—прибавилъ онъ, бросая въ сторону свой старый, сильно поврежденный чемоданъ.

Въ этотъ моментъ случилось одно неожиданное явленіе: отъ паденія дно чемодана раздвоилось и изъ потайника его вывалились нѣсколько паспортовъ и десятка два фотографическихъ карточекъ нарядныхъ, видимо молоденькихъ, женскихъ лицъ. Побуждаемый тѣмъ же неугомоннымъ и жгучимъ желаніемъ разгадать его, я бросился поднимать пачку паспортовъ и фотографій. Но Никонъ Антоновичъ предупредилъ меня: схвативъ первые, онъ собралъ и большую часть послѣднихъ. Оставшіяся попали и въ мои руки. Къ сожалѣнію, онѣ оставались въ моихъ рукахъ меньше минуты. Но и въ это короткое время я успѣлъ прочесть надписи на двухъ изъ этихъ карточекъ. Женскимъ ученическимъ почеркомъ было написано на одной: „Моему милому, драгоцѣнному жениху и любовнику Колѣ“... На другой карточкѣ тоже женскимъ ученическимъ почеркомъ, не похожимъ на первый, было нацарапано: „Моему жениху, ясному соколу и дорогому сполюбовнику Пилушкѣ“...

— Отдайте же пожалуйста мои карточки!—сердито крикнулъ сфинксъ, вырывая изъ моихъ рукъ свои реликвіи.

Я взглянулъ на него и былъ удивленъ страшной перемѣной его лица: отъ сильнаго возбужденія и ярости оно исказилось въ ужасную гримасу, подергивалось и тряслось...

Не говоря ни слова, я ушелъ въ свою комнату.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца дулся на меня Никонъ Антоновичъ. Наконецъ горизонтъ прояснился и между нами возобновились прежнія пріятельскія отношенія. Но къ моему сожалѣнію, прежнія бесѣды уже не возобновлялись. Онъ старательно избѣгалъ оставаться со мною одинъ на одинъ.

Кромѣ того, повидимому, онъ собирался покинуть квартиру. Да и мое любопытство, относящееся къ его особѣ, потеряло свой острый характеръ: не надѣясь разгадать этого таинственнаго субъекта, я рѣшился прекратить попытки изслѣдовать его. Но, какъ часто случается въ подобныхъ обстоятельствахъ, неожиданно я узналъ то, что никакъ не удавалось мнѣ раньше, несмотря на всѣ мои старанія.

По случаю дня своего рожденія я устроилъ пирушку. Купивъ кое-какую закуску и нѣсколько бутылокъ вина, я пригласилъ между прочимъ и Ипкона Антоновича. Онъ пришелъ первымъ.

Сначала мой пріятель отнѣкивался отъ рюмки, ссылаясь на нездоровье. Потомъ сталъ жаловаться на свой скверный характеръ въ пьяномъ видѣ. Убѣдившись, что никакими отговорками не отдѣлается отъ меня, мой гость взялъ наконецъ рюмку, оговариваясь, что больше ни одной пить не станетъ. Но, проглотивъ рюмку этого напитка, онъ уже пересталъ отговариваться. Забыто и нездоровье, и скверный характеръ и даже единственный пунктъ устнаго условія— „больше ни одной".

Чрезъ полтора часа онъ уже былъ пьянъ.

—Посмотрите на людей, — невнятно говорилъ онъ, едва ворочая языкомъ,—всѣ гонятся за одними деньгами. Деньги, деньги! Вотъ что имъ надо. Исключеніе составляю кажется только одинъ я. Какъ предъ Богомъ скажу—деньги не привлекательны для меня, ей-ей. Не въ деньгахъ счастье, вотъ что!

— А въ чемъ же именно? Научите меня уму-разуму!

— Научу, научу! Потому я досконально изучилъ это искусство.

— Какое же именно?

— Любить и быть любимымъ,—вотъ оно, это искусство. Видѣли у меня фотографіи? Всѣ эти дѣвицы были моими невѣстами, и знаете что, скажу вамъ чистосердечно, какъ на

исповѣди: при началѣ знакомства со мной всѣ онѣ были, какъ изъ купели, отъ младенчества... Потому молоденькія, ни одна не была старше 17 лѣтъ. А разстались со мною всѣ женщинами.

— Что же вы на всѣхъ женились, что ли?

— Нп, ни! Въ томъ-то и состоитъ достоинство знающаго это искусство: пожениховаться мѣсяца два-три — и удрать!

— Чтобъ снова найти невѣсту,—дополнилъ я.

— Вотъ, вотъ!

— А чтобъ не поймали—надѣть другую форму и перемѣнить имя, отчество и фамилію.

Перемѣнить — это такъ. Но и тутъ надо соблюсти хитрость. Угадайте-ка?

— Чтобъ имя и отчество имѣли тѣ же начальныя буквы, что и на вашей именной печати.

— О, да вы тоже со смекалкой! Кромѣ того, знаете что? Если вы поступаете учителемъ, или писарькомъ, или личнымъ секретаремъ къ кому-нибудь и гдѣ нибудь, да если дочка хозяйская отдается вамъ, не заикаясь о замужествѣ, тогда нечего и заводить рѣчь объ узахъ гименея. Для васъ же лучше.

— Меньше, молъ, хлопотъ, а главное не надо удирать во всѣ лопатки.

— Слушайте! Да вы тоже оказываетесь дока по этой части. Не для этого ли и вы тоже странствуете по Россійской имперіи, мѣняя мѣстожительство — иногда раза два-три въ годъ? Голубчикъ, да мы оказывается два сапога—пара!!

— Значитъ вы для этого-то и странствуете?

— Да, да, какъ вы же, чтобъ почаще жениховаться. Болѣе 15 лѣтъ мыкался по Россіи. Нѣсколько разъ сидѣлъ за рѣшеткой. Надоѣло жить подъ страхомъ, что вотъ вотъ сцарапаютъ васъ. Перекочевалъ сюда. И вотъ здѣсь, въ Сибири, шестой годъ мыкаюсь.

— И все благополучно?

— То-то и есть. Этимъ-то главнымъ образомъ и хороша она, родимая Сибирь. Кромѣ того здѣсь вотъ чѣмъ еще хорошо: деньги, какъ галушки, сами валятся вамъ... Бываютъ времена, и довольно часто, когда я не знаю, что и дѣлать съ рублями. Ей-ей!

— Бери, молъ, гдѣ плохо лежитъ. Да?

— Положимъ, что это такъ, но знай мѣру и строго соблюдай...

На этомъ интересномъ мѣстѣ наша бесѣда была прервана приходомъ хозяина. Шиковъ распрощался со мной и ушелъ.

На другой день, рано утромъ, онъ снова заявился ко мнѣ. Лицо его было сумрачно и озабочено.

— Гавріилъ Тимофеевичъ! Кажется я вчера наговорилъ столько лишняго про себя, что и...

— Нѣтъ, ничего лишняго не говорили. Успокойтесь,—прервалъ я его.

— Нѣтъ, мнѣ помнится, какъ будто я наговорилъ много лишняго. Будьте великодушны, забудьте слышанное отъ меня! Дайте мнѣ, ради Бога, свое честное слово, что никому не скажете про меня, что слышали! Ради Христа!—просилъ меня умоляющимъ голосомъ Никонъ Антоновичъ.

— Начальству и полиціи конечно не скажу про васъ...

Чрезъ дня два онъ перешелъ на другую квартиру, а чрезъ недѣлю и совсѣмъ исчезъ изъ города, превративъ одну молоденькую дѣвицу въ женщину. Родители ея подали было жалобу, но поздно. Никона Антоновича даже „слѣдъ простылъ“: ни въ Хабаровскѣ, ни въ другихъ городахъ, селахъ и станицахъ Дальняго Востока его не могли розыскать. Словно провалился сквозь землю.

Шиковы временные гости въ Пріамурьѣ. Сотворивъ въ Россіи какую-нибудь пакость, они „хоронятся“ на нѣсколько лѣтъ въ глубочайшихъ нѣдрахъ Сибири. Изъ всѣхъ мѣстъ самое подходящее, по ихъ мнѣнію, это Восточная Сибирь. „Здѣсь можно и схорониться, и пожить всласть, и потолкаться между народомъ“—говорятъ они. По словамъ одного

опытнаго полицейскаго чиновника: „этихъ одинокo странствующихъ артистовъ въ Пріамурьѣ, да и вообще въ Сибири, множество. Нѣкоторые болѣе искусные и опытные превосходно и быстро мѣняютъ свою наружность и мѣстожительство, такъ что нѣтъ человѣческой возможности услѣдить за ними. Попадаются въ руки только малоопытные и менѣе искусные въ этомъ превращеніи".

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Загадочные люди: Вѣриновъ.

Съ Вѣриновымъ я познакомился не случайно. Побуждаемый желаніемъ собрать побольше матеріала, касающагося населенія Хабаровска, я оставилъ четвертую квартиру и перемѣстился на пятую, въ другой части города. Хозяинъ новой квартиры и былъ Вѣриновъ. Домъ его довольно помѣстительный, удобный, съ небольшими окнами, низкій и теплый. Въ большомъ дворѣ былъ погребъ, сарай, сѣновалъ, баня, садъ и большой огородъ. Изъ домашнихъ животныхъ у него двѣ коровы, лошадь, десятка два куръ, пять гусей, двѣ собаки, кошка. Семья состоитъ только изъ двухъ членовъ: его самого и жены его. Оба пожилые люди, высокаго роста и полные. Въ будничное время оба ходятъ весьма неряшливо, въ особенности Вѣринова. Къ числу оригинальныхъ особенностей, рѣзко отличающихъ самого Вѣринова отъ сосѣдей,—это его внѣшность. Дѣло въ томъ, что онъ носитъ длинные волосы. Въ будни заплетаетъ ихъ въ двѣ косы, а въ праздники расплетаетъ и расчесываетъ. Своимъ волосамъ, повидимому, придаетъ большое значеніе: холитъ ихъ и завиваетъ въ кудри. Благодаря этому, они имѣютъ блестящій видъ и лежатъ по плечамъ. Обычный его костюмъ черный, грязный подрясникъ — въ будни, щегольской и новый — въ

праздникъ. Кромѣ этого костюма, въ обширныхъ четырехъ сундукахъ его хранится все облаченіе священника и кое-какая церковная утварь.

Его прошлое покрыто мракомъ непзвѣстности. По его словамъ, онъ былъ протодіакономъ одного пзъ московскихъ соборовъ. Въ другое время объявлялъ мнѣ, что былъ онъ священникомъ въ Москвѣ. Кромѣ того, были минуты, когда онъ оповѣщалъ, что былъ псаломщикомъ... Жена его увѣряла меня, что они изъ купцовъ, что въ Кіевѣ у пихъ громадные дома и магазины, а въ Крыму большое помѣстье.

Совершенно иное разсказывали про него сосѣди. По ихъ словамъ: „это цыганъ, сосланный за конокрадство“. Въ доказательство этого, они приводятъ фактъ, что онъ превосходнѣйшій коновалъ. Въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться самому. Мало этого, у него имѣются всѣ инструменты по этой части.

Но Вѣрпновъ, кромѣ того, хорошій работникъ и по другимъ профессіямъ. Напримѣръ, онъ отличный плотникъ, пахарь, жнецъ, косецъ, дроворубъ, прекрасно читаетъ по славянски, знаетъ хорошо церковную службу, поетъ и читаетъ молитвы и акаопсты. Тѣмъ не менѣе, сосѣди увѣряютъ, что онъ только цыганъ, коновалъ и конокрадъ.

Доказательствомъ этого, по ихъ мнѣнію, служитъ его неравнодушіе къ лошадямъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ большой любитель этихъ домашнихъ животныхъ. Вотъ одинъ изъ нѣсколькихъ подобныхъ примѣровъ.

Однажды, въ лѣтній день, въ его дворъ забѣжала чужая лошадь. Моментально онъ заперъ ее въ сарай и не выпускалъ въ теченіе трехъ недѣль. Между тѣмъ хозяинъ лошади не переставалъ розыскивать ее. Неизвѣстно, самъ ли нашелъ ее въ сараѣ Вѣрпнова, или кто изъ сосѣдей послѣдняго сказалъ ему объ этомъ, только онъ нашелъ свою потерянную лошадь. Взять же ее у Вѣрпнова было не особенно легко: потребовался полицейскій разборъ относительно возвращенія потери настоящему хозяину. Кончилась эта исторія уплатою Вѣрпнову 10 р. за прокормъ. Только послѣ этого совершенно истощенная лошадь была возвращена хозяину.

Впрочемъ, онъ неравнодушенъ вообще къ чужой собственности, въ какой бы формѣ она ни была и кому бы она ни принадлежала. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ многихъ случаевъ. Въ окрестностяхъ города была часовня. Кромѣ двухъ-трехъ иконъ, стѣнъ, крыши, потолка и дверей, былъ и полъ, прекрасный и прочный, изъ полубревенъ въ 8—10 вершковъ ширины. Отцу Іосифу (такъ звалъ себя Вѣриновъ) понравился этотъ полъ и онъ перевезъ его къ себѣ, употребивъ на постройку амбара. Вытаскивалъ изъ часовни и перевозилъ ночами, вмѣстѣ со своей женой.

Въ особенности отецъ Іосифъ любилъ чужія дрова и сѣно. Весьма рѣдко покупая и совсѣмъ не заготовляя первыхъ въ лѣсу, какъ обыкновенно дѣлаютъ это прочіе обыватели города, отецъ Іосифъ однако не сидѣлъ безъ нихъ. Раза два въ мѣсяцъ, по ночамъ, онъ запрягалъ своего копя въ телѣгу или въ кошевку, и безъ топора отправлялся за дровами. Часа чрезъ два-три возвращался домой съ дровами. Къ сожалѣнію, эти поѣздки не всегда оканчивались благополучно. Однажды лошадь съ телѣгой, нагруженной дровами, возвратилась домой весьма оригинально. Хозяинъ ея, отецъ Іосифъ, не шелъ около воза, какъ обыкновенно случалось, а лежалъ на немъ, привязанный спиною вверхъ. Все платье его было изорвано въ клочки, а на спинѣ были сплошные подтеки и кровавыя полосы. Нѣсколько дней лежалъ онъ послѣ этой поѣздки. Точно также онъ не былъ равнодушенъ и къ сѣну. Къ веснѣ обыкновенно заготовленнаго сѣна не хватало и онъ или покупалъ его, или находилъ гдѣ-то за городомъ. Подобныя находки дровъ или сѣна онъ опредѣлялъ какъ подарокъ ему отъ Бога.

— Господь далъ мнѣ дровецъ сегодня (или сѣнца) за мою праведную жизнь, — говорилъ онъ, возвращаясь съ Божьимъ подаркомъ.

Не былъ онъ равнодушенъ и къ заработкамъ ближнихъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Однажды нѣсколько рабочихъ возводили ему постройку. Когда послѣдняя была окончена, отецъ Іосифъ остался недоволенъ сю: по его сло-

вамъ, рабочіе только испортили лѣсъ. Начался споръ. Отецъ Іосифъ не хотѣлъ платить рабочимъ заработанныя ими деньги. Онъ доказывалъ, что постройка ни на что негодна, испорченъ только лѣсъ. Рабочіе же старались доказать ему, что она сдѣлана какъ слѣдуетъ и добросовѣстно. Кромѣ того, говорили они, и цѣна за работу взята пустяшная, вдвое меньше, чѣмъ слѣдовало по работѣ. Кончилось это тѣмъ, что они все-таки ушли съ пустыми руками.

Дней чрезъ пять-шесть послѣ этого, мнѣ удалось встрѣтить о. Іосифа и его жену около новой постройки. Оба улыбались, обозрѣвая послѣднюю. Я остановился, чтобъ тоже полюбоваться.

— Хорошо сдѣлали...—сказалъ онъ.

— И даромъ,—тихо отозвалась она.

— Если вы находите, что постройка возведена хорошо, такъ почему же не уплатили деньги рабочимъ?— сказалъ я, подходя къ нимъ.

О. Іосифъ пришелъ въ ярость. Въ такихъ случаяхъ, разсерженный, онъ совершенно не владѣлъ собою. Кто бы ни былъ собесѣдникъ, разсердившій его, жена ли, или квартирантъ-нахлѣбникъ, отецъ Іосифъ одинаково разражался отборной русской бранью, схватывалъ что попало ему подъ руку и бросался на собесѣдника. Если же разсердило о. Іосифа одно изъ домашнихъ животныхъ, лошадь или корова, онъ немилосердно истязалъ ее. Къ его благополучію онъ скоро остывалъ: страшное бѣшенство переходило въ обыкновенную раздражительность. Въ такой моментъ она жаловался на чрезмѣрную людскую злость и на преслѣдованія его, преслѣдованія злостныя и несправедливыя, такъ какъ онъ, по его словамъ, всегда велъ и теперь ведетъ самую праведную жизнь.

Странно, что онъ считаетъ себя праведникомъ. Признаюсь, мнѣ казалось это весьмане обычайнымъ. И дѣйствительно, несмотря на частыя кражи чужой собственности и другія весьма тяжкія прегрѣшенія, онъ считаетъ себя праведникомъ! Первое время я долго не могъ понять эту противоположность

между характеромъ сознанія о. Іосифа и жизнью его вообще. Послѣднюю можно сравнить съ длиннымъ листомъ бумаги. Весь этотъ листъ испачканъ. Тутъ и чернильныя пятна и жирныя. Такъ что чистаго мѣста на этомъ листѣ совершенно нѣтъ. Несмотря на это, ему кажется, что эта бумага совершенно чистая, безъ пятнышка. Для уясненія этого необычайнаго явленія, я рѣшился побесѣдовать съ нимъ, развѣдать его убѣжденія и вѣрованія. Но несообщительный и недовѣрчивый, онъ, въ обычное время и настроеніе, былъ всегда молчаливъ и не было особенной надежды, чтобъ онъ раскрылъ предо мною уголокъ своей души.

Надо было ждать удобнаго момента, благоріятнаго для откровенной бесѣды. Вооружившись терпѣніемъ, я сталъ ожидать этого момента. Ожидая, тщательно наблюдалъ за нимъ.

Первое, что я подмѣтилъ, это его набожность. Она выражается въ слѣдующемъ. Каждое утро онъ молится. Въ будни по полчасу, а въ праздники по часу, и даже дольше. На молитвѣ, въ особенности по праздникамъ, читаетъ акаѳисты. Молится съ нимъ и жена его. Но прежде чѣмъ встать на молитву, Вѣрниовы ставятъ на столъ графинъ съ водкой и рюмку. Время отъ времени они пьютъ по рюмочкѣ. Въ теченіе всей молитвы, обыкновенно выпивали рюмокъ по пяти. По объясненію о. Іосифа, это общеупотребительный способъ, при богослуженіяхъ, промачивать горло отцовъ православной церкви; въ городскихъ храмахъ для этого употребляютъ будто-бы красное вино, въ сельскихъ же—воду, или водку, для подкрѣпленія силъ. Насколько это правда—не знаю.

Еще одна особенность молитвы этой четы. Время отъ времени онъ бьетъ себя въ грудь и дѣлаетъ видъ, что рветъ свои прекрасные кудри. Подражаетъ ему и она. Но ея движенія руками не такъ энергичны, какъ его. Когда она дѣлаетъ подобіе біенія себя въ грудь, первое время мнѣ казалось, что она какъ будто чѣмъ то подавилась. А когда рвала на себѣ волосы, то казалось будто чешетъ голову.

Въ праздничные дни онъ читаетъ церковно-славянскія

книги. Но дѣлаетъ это по своему: ложится на кровать послѣ обѣда или завтрака, беретъ книгу и разсматриваетъ буквы ея нѣсколько минутъ, пока не заснетъ.

Затѣмъ, онъ придаетъ громадное значеніе произношенію въ обыденной рѣчи именъ злыхъ духовъ. По его словамъ (своей женѣ) „эти существа невидимо и кишмя-кишатъ около человѣка и его жилища. Поэтому достаточно произнести имя одного изъ нихъ, и онъ будетъ около произнесшаго и даже невидимо войдетъ въ него на долгое время и даже навсегда. Въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ уже во власти нечистой силы. Тогда прощай добродѣтель. Всѣ помыслы и поступки будутъ грѣховны. И нѣтъ того преступленія, на какое не рѣшился бы такой человѣкъ. Поэтому, никогда, никогда не произноси нечистую силу“,—наставлялъ о. Іосифъ свею жену. „Я никогда не произношу ихъ имена“. Дѣйствительно, въ обыкновенное мирное настроеніе его я ни разу не слышалъ, чтобъ этотъ почтенный праведникъ произносилъ сатану и его адскую свиту. Другое дѣло, когда онъ разсерженъ. Тогда изъ его устъ слышатся имена всѣхъ злыхъ духовъ, въ перемѣшку съ матерью противника или собесѣдника. Въ свое оправданіе онъ говоритъ слѣдующее:

— Когда я въ гнѣвѣ, мною овладѣваетъ онъ, источникъ всяческаго зла. И чтобы я ни сотворилъ отъ злобы, виноватъ въ этомъ не я, а онъ: невидимо поднимаетъ мою руку на противника, овладѣваетъ моимъ языкомъ и моими говорильными препаратами дѣйствуетъ, какъ своими срамными. Одно слово, хозяйничаетъ во мнѣ, какъ ему, злодѣю, угодно. Ангелъ же мой, потатчикъ на все хорошее, далеко, далеко удаляется отъ меня. И вотъ главнѣйшая забота этой праведной четы,—отгонять отъ себя этого виновника всякаго зла.

— А отогнать можно только однимъ крестнымъ знаменіемъ да пасхальной молитвой,—говоритъ о. Іосифъ.

И они старательно отгоняютъ этимъ способомъ злую, адскую силу. Затворяютъ ли окна ставнями, запираютъ ли двери, ставятъ ли самоваръ, запрягаютъ ли лошадь, даютъ ли кормъ домашнимъ животнымъ—никогда не забываютъ

рекреститься и прочесть начальныя два-три слова молитвы, которой боится этотъ источникъ зла. Но, какъ уже говорилъ я, не всегда удается этотъ способъ и довольно часто случаются „оказіи“, когда чета находится въ полномъ владѣніи адской силы.

Такъ вотъ какія убѣжденія и вѣрованія у отца Іосифа. Но мнѣ казалось собраннаго здѣсь матеріала недостаточно, и я старался найти удобный моментъ для откровенной бесѣды съ нимъ. Случай наконецъ представился. Въ одинъ изъ торжественыхъ праздниковъ, когда былъ прочтенъ предъ иконами длиннѣйшій акаѳистъ, выпито во время этой молитвы по шести рюмокъ водки, а послѣ молитвы выкушаны этой четой по десяти большихъ, жирныхъ пирожковъ съ осердіемъ—о. Іосифъ былъ въ самомъ жизнерадостномъ, возбужденно-благочестивомъ настроеніи. Все утро, послѣ этой торжественнѣйшей молитвы, онъ умильно смотрѣлъ на меня, наставляя и поучая благочестію. Почтенный праведникъ былъ вполнѣ увѣренъ, что я, не озираясь по сторонамъ и не сожалѣя о своемъ прошломъ „сатанинскомъ житіи“, твердыми шагами иду вслѣдъ за нимъ, по пути благочестія и праведной жизни.

Побуждаемый надеждою увеличить „стадо и еще одной изъ заблудшихъ овецъ“, онъ съ энтузіазмомъ проповѣдывалъ мнѣ о значеніи молитвы и т. п. божественныхъ предметахъ. Желая со своей стороны вполнѣ удовлетворить свое любопытство относительно содержимаго тайниковъ его души, я не переставалъ время отъ времени задавать ему все новые вопросы.

Наконецъ задалъ ему и главный:

— А скажите, о. Іосифъ, что вы чувствуете и дѣлаете въ случаяхъ, когда сознаете о многочисленныхъ грѣхахъ, вами сдѣланныхъ?

— Въ такихъ случаяхъ чувствую радость, что дѣлаюсь дорогимъ пріобрѣтеніемъ для неба. И вотъ почему, слушайте,—началъ онъ.

— Жить въ мірѣ безъ грѣха нельзя. Человѣкъ и шагу не можетъ сдѣлать безъ того, чтобъ не согрѣшить. Вся наша

жизнь—ничто иное, какъ непрерывный грѣхъ. Но Господь, по своей милости и благости, далъ намъ возможность время отъ времени очищать свою душу отъ нечистотъ.

— Посредствомъ исповѣди и св. причастія?

— Во первыхъ, да. Я, напримѣръ, очищаюсь раза два въ годъ. Во вторыхъ, есть и другой путь очищенія. Это чистосердечное раскаяніе. По этому пути главнымъ образомъ и стараюсь идти, вмѣстѣ съ женою. Каждое утро мы чистосердечно раскаиваемся въ содѣланныхъ грѣхахъ. И помните при этомъ вотъ что: чѣмъ больше вы согрѣшили, тѣмъ лучше. Потому раскаявшійся великій грѣшникъ въ стократъ дороже для неба.

— Слѣдовательно, по вашему...

— Чѣмъ больше злодѣяній содѣлаете, тѣмъ будетъ лучше, если только сможете чистосердечно раскаяться въ нихъ. Ну, извините, не могу больше сидѣть,—закончилъ о. Іосифъ, ложась на кровать, на спину, тихо вздыхая и охая.

Отъ чрезмѣрнаго наполненія желудка, этому праведнику было весьма тяжело. Впрочемъ, такіе симпоты, отъ обжорства, повторялись съ ними обоими по три по четыре раза въ день. Дѣло въ томъ, что эта чета любила покушать. По ихъ словамъ, въ этомъ „единственное“ удовольствіе ихъ жизни. Шатаясь по Россіи, я посѣтилъ много обителей праведниковъ. И странно: большинство св. отцовъ съ такими же солидными брюшками, какъ у праведника Вѣрнова. Съ такими же сизобагровыми носами, какъ у него же, о. Іосифа. А въ крестьянскихъ семьяхъ около монастырей много незаконнорожденныхъ. Еще больше ихъ въ св. обителяхъ, какъ подкинутыхъ и подобранныхъ. Отчего бы это?! По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ монаховъ: „Это благодать—Господа“.

Въ заключеніе этой главы, нѣсколько строкъ о супругѣ о. Іосифа.

Ея вѣрованія, убѣжденія, привычки и порядокъ жизни почти не отличаются отъ того же мужа ея. Къ ней вполнѣ примѣнимо опредѣленіе жены, какъ слабой половины. Она дѣйствительно половина своего мужа, вполнѣ тождественная,

однохарактерная со своей первой половиной. Долговременная совмѣстная жизнь этихъ индивидуумовъ, сначала различныхъ по характеру и привычкамъ, сплотила и уравняла ихъ, уничтожила въ ней всѣ крупныя оригинальныя черты.

Напримѣръ, какъ онъ, она тоже неравнодушна къ чужой собственности. Но пользуется ею весьма оригинально. Чтобы ни попадало ей на глаза (напр. въ комнатахъ ея квартирантовъ), да если никого по близости нѣтъ, она все убавляетъ въ свои карманы. Про ея руку, не ошибаясь, можно сказать, что она съ клеемъ. Иногда она сама сознавалась, что „попробовала запасъ“ того, другого и третьяго.

— Я попробовала вашъ чай, и нахожу его превосходнымъ. Дайте мнѣ взаймы его,— говоритъ она и беретъ, чтобъ никогда не возвратить взятое.

— Сегодня мы пробовали ваше туалетное мыло. Хорошее! Мой Іосифъ даже весь мылся имъ, говоритъ—она въ другой разъ.

Точно также относится она къ чужой собственности и внѣ своего дома, на рынкѣ, на улицѣ...

То „Господь дастъ“ ей рубашку, то кофту, то нѣсколько носовыхъ платковъ, то наволочку, то нѣсколько аршинъ ситцу и т. д. Впрочемъ, она ничемъ не брезгуетъ. То принесетъ нѣсколько палокъ, чурокъ, два-три полѣна; то цѣлый ворохъ тряпокъ, гвоздей, баночекъ...

— Все годится по домашности,—говоритъ она, возвращаясь домой съ этимъ добромъ.

Посѣщая ежедневно рынокъ, она возвращается съ сакъ-вояжемъ биткомъ набитымъ всякой всячиной. Тутъ и пряники, и кусочки булокъ, и нѣсколько горстей муки, крупы, кусочки сахара, нѣсколько папиросъ и проч., и проч. Все это она взяла у торговцевъ, чтобы „отвѣдать“ дѣйствительно ли хорошъ продуктъ.

При разчетахъ съ кѣмъ-либо, она непремѣнно выторгуетъ нѣсколько копеекъ. Обсчитать, не заплатить, что слѣдуетъ, и не додать за неимѣніемъ, молъ, мелочи, ея обычныя привычки.

Точно такъ же относится она и къ чужимъ тайнамъ. Под-

слушать, подсмотрѣть—ее любимое обыкновеніе. Несмотря на эти ежедневно-грѣховныя дѣянія, г-жа Вѣринова тоже считаетъ себя праведницей.

Несомнѣнно—ни онъ, ни она не сознаютъ безнравственность выше упомянутыхъ своихъ поступковъ. Считаютъ ихъ только грѣховными, и то нѣкоторые, немногіе. Поступаютъ же такъ по врожденному инстинкту, составляющему одинъ изъ пережитковъ отдаленнѣйшаго прошлаго. Подобнаго рода невещественные пережитки подмѣчаю почти въ каждомъ субъектѣ. Бьютъ ли мужья женъ, заводятъ ли любовницъ, мѣняя ихъ время отъ времени, украшаютъ ли себя блестящими вещицами и т. д. это тѣ же развалины доисторическаго прошлаго человѣчества... Вѣриновы — это бывшіе бродяги. При наступленіи пожилого возраста, они осѣдаютъ въ какомъ-нибудь тепленькомъ, уютномъ, глухомъ мѣстѣ на покой.

Въ Пріамурьѣ, да и вообще во всей Сибири, такихъ осѣвшихъ мазуриковъ множество. Одни изъ нихъ съ успѣхомъ состоятъ на частной службѣ, получая солидное содержаніе; другіе обзавелись солидной недвижимой собственностью и благодушествуютъ на доходы; третьимъ удалось пристроиться къ казенному пирогу. Несмотря на компрометирующее свое прошлое и продѣлываніе по старой привычкѣ нехорошихъ дѣлишекъ, они пользуются въ обществѣ и уваженіемъ и почетомъ, такъ какъ здѣсь обыкновенно прошлое такихъ людей игнорируется. Иногда ихъ таинственное прошлое всплываетъ на свѣтъ Божій. Укажу на одинъ фактъ изъ многихъ подобныхъ, извѣстныхъ мнѣ. Въ 1909 г. въ областномъ г. Ч. чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ удавилъ начальницу женской гимназіи, молодую особу съ высшимъ образованіемъ. По разслѣдованіи оказалось: это преступленіе дѣло рукъ этого чиновника особыхъ порученій. Удавленная была его любовница и невѣста, въ интересномъ положеніи. По словамъ женской прислуги, она требовала отъ своего любовника, чтобъ онъ женился на ней. Стали присматриваться къ документамъ молодого красавца, вести переписку о немъ. Оказалось, что онъ не съ высшимъ образованіемъ и не чиновникъ, а бѣглый каторжникъ, давно розыскиваемый.

Нѣкоторые изъ этихъ господъ, съ таинственнымъ прошлымъ, предъ поступленіемъ на службу, подаютъ прошеніе о перемѣнѣ ихъ фамилій. Къ этому прошенію прилагаютъ свидѣтельство объ ихъ ангельскихъ добродѣтеляхъ. Такой документъ не трудно достать даже великому грѣшнику. Стоитъ только подмазать. Нечего говорить, что такого рода ходатайства удовлетворяются.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

(Главныя преобладающія группы городскихъ пріамурскихъ обывателей. Скиталецъ).

Марта 30 д. Въ теченіе 24-мѣсячнаго пребыванія моего въ Хабаровскѣ, я перемѣнилъ квартиръ восемь. О причинѣ этого перемѣщенія уже было говорено мною. Познакомившись съ хозяевами этихъ квартиръ, съ родственниками, друзьями и знакомыми первыхъ, собралъ порядочный матеріалъ о типичныхъ, главныхъ чертахъ, правахъ и жизни населенія. Когда привелъ въ порядокъ этотъ матеріалъ и сгруппировалъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, то нашелъ многочисленныхъ представителей двухъ главныхъ группъ, кромѣ разнаго рода осѣвшихъ (сосланныхъ и добровольно поселившихся) бывшихъ бродягъ и жуликовъ. Изъ этихъ двухъ группъ малочисленный назвалъ „Скитальцами“, а другой многочисленный „Жаждущими фарта“.

Въ этой главѣ я говорю о первыхъ. Типичный представитель этой группы скитальцевъ — Флоръ Маркелычъ Спичкинъ. Его внѣшность заурядная. Волосы всегда всклокочены, бороденка тоже. И неудивительно: Спичкинъ расчесываетъ растительность на своей головѣ всегда пятерней, за неимѣніемъ гребня. Усы его также растутъ безпорядочно. Одна часть ихъ поднимается къ носу, другая торчитъ прямо какъ

у кота, а третья тянется внизъ... Иногда въ усахъ и въ бородѣ торчатъ то крошки хлѣба, то частицы капусты. Морщинистая кожа, покрывающая его тѣло, не исключая лица и рукъ, не часто моется мыломъ. Поэтому, она чрезвычайно грязна, напримѣръ, на открытыхъ мѣстахъ. Чтобы освободить руки отъ толстаго слоя грязи, необходимо парить ихъ и затѣмъ скоблить. И лицо его тоже покрыто этимъ добромъ. Тутъ грязь и пыль засѣли въ каждую пору, а по морщинамъ залегаетъ рѣковидными линіями. Всѣ эти прелести образовались отъ самой простой причины: Флору Маркеловичу размываться совершенно некогда.

— Не женихъ вѣдь я,—скажетъ бывало онъ, когда кто-нибудь укажетъ ему на дефекты его лица и рукъ.

И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ станетъ онъ размываться? „Попа знаютъ и въ рогожѣ“. Достаточно умыться какъ слѣдуетъ раза два въ годъ: предъ Рождествомъ и Пасхою. И то не удается. Предъ великими праздниками такіе маленькіе люди, какъ Спичкинъ, всегда завалены работою.

— И это Флорушка сдѣлай, и то сдѣлай, и туда сбѣгай, и то принеси,—безпрестанно слышится около него хозяйскій голосъ.

И мечется Флоръ Маркеловичъ изъ угла въ уголъ, изъ кухни въ кладовую, изъ одной части города въ другую, мечется и днемъ и ночью... Такъ же небрежно относится онъ и къ своему костюму. Начну съ его шапки.

Она овчинная, черная. Завелъ ее лѣтъ тридцать тому назадъ, когда былъ на родинѣ. Съ того времени онъ не разстается съ нею. При наступленіи теплаго времени года, онъ аккуратно свертываетъ ее, перевязываетъ веревочкой и кладетъ въ свою котомку до будущаго холоднаго сезона. Вмѣсто нее вынимаетъ другую, лѣтнюю. Она также свернута и перевязана. Развязываетъ ее аккуратно и бережно, чтобъ не порвать эту реликвію. Когда она освобождена отъ стягивающей ее веревочки, и послѣдняя, свернутая въ клубочекъ, спрятана въ ту же котомку, лѣтняя шапка расправляется и выколачивается отъ пыли. Дѣлаетъ это онъ пальцами рукъ

и такъ бережно, какъ будто въ его рукахъ нѣжное кружево. Когда эта процедура окончена, фактически шапка приготовлена къ носкѣ. Съ виду она незавидная: чрезвычайно грязна, пыльна и съ двумя небольшими дырами. Тѣмъ не менѣе Флоръ Маркеловичъ дорожитъ ею, какъ бѣднякъ, у котораго никогда не бываетъ лишняго гроша.

— Заводи, гришь, новую шапку? —говоритъ мнѣ однажды Спичкинъ; — а сколь вскочитъ мнѣ эта новая-то? Ну-ка сообразп. По крайности надоть рубля два. А гдѣ мнѣ взять такую уйму денегъ, коли у меня пятакъ-то рѣдко бываетъ.

Вторая принадлежность его костюма, это овчинный полушубокъ. Старожилы Пріамурья, гдѣ онъ работалъ и работаетъ больше десяти лѣтъ, странствуя,—не запомнятъ, чтобъ онъ носилъ другой полушубокъ или шубу въ холодное время года. Изъ года въ годъ всѣ замѣчаютъ на этомъ неизмѣнномъ одѣяніи однѣ и тѣ же узоры: пятна дегтя, полосы сажи на спинѣ... Даже двѣ пуговки на полушубкѣ тѣ же, съ обточенными круглыми вершинками. Другое дѣло, лѣтній костюмъ его. Это одѣяніе въ двухъ видахъ: обыкновенная, длинная ситцевая или кумачевая рубашка и шинелюшка изъ чернаго грубаго крестьянскаго сукна. Первую онъ носитъ въ хорошую, жаркую погоду, подпоясываясъ ремешкомъ. Послѣднюю же только въ дождливую. Насколько первая измѣнчива, настолько послѣдняя, какъ полушубокъ, неизмѣнна, одна и та же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Обыкновенно, рубашку онъ носитъ до тѣхъ поръ, пока она не развалится. Тогда у хозяина, гдѣ онъ живетъ, береть рубль и покупаетъ новую, которую на рынкѣ же и надѣваетъ. При покупкѣ Фролъ Маркеловичъ отчаянно торгуется, желая выторговать на выпивку.

Третья принадлежность его костюма — невыразимые. Они тоже неизмѣнны и носятся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Благодаря этой продолжительной носкѣ, видъ у этой принадлежности костюма Спичкина непрезентабельный. Напрасно любознательный человѣкъ станетъ ломать голову надъ рѣшеніемъ вопроса: изъ какой матеріи были сшиты эти невы-

разимые? Точно также не разрѣшимъ и другой вопросъ: какой цвѣтъ имѣла матерія?

— Давно бы надоть раздобыться новыми,—частенько говоритъ Флоръ Маркеловичъ, иногда заштопывая ихъ.—Одно горе—средствія плохи, завести не на что. А важно было-бъ. Тоды у Флора Маркеловича видъ-отъ былъ бы другой. Не корчился и не ежился бы, чтобы скрыть прорѣхи.

А послѣднихъ на невыразимыхъ было изрядно, особенно на сидѣньи.

— Господь поможетъ, какъ-нибудь заведу... Вотъ на рыбалку отправлюсь. Немного зараблю тамъ. А то Петровна справитъ эти, какъ лопись,—разсуждалъ Спичкинъ.

Кстати слѣдуетъ упомянуть здѣсь относительно Петровны. Она пожилая женщина, крестьянка, соломенная вдова. Живетъ въ Николаевскѣ, кухаркою. Эта особа большая пріятельница Флора Маркеловича. Когда то, года четыре назадъ, онъ жилъ работникомъ у одного хозяина съ нею. Вотъ они и познакомились и подружились. Значеніе Петровны для нашего скитальца—громадное Всѣ неразрѣшимые вопросы, невозможныя для Спичкина предпріятія, въ родѣ вышеупомянутаго, онъ предоставляетъ къ разрѣшенію и къ осуществленію только ей, своей пріятельницѣ. Неудивительно, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ момента наступленія рыбнаго сезона, чтобъ отправиться въ Николаевскъ... Энергичная, бережливая и мастерица во всѣхъ женскихъ крестьянскихъ искусствахъ, она разрѣшитъ всѣ вопросы и осуществитъ предпріятія своего друга... Къ числу этихъ великихъ предпріятій слѣдуетъ отнести и пріобрѣтеніе новыхъ и хорошихъ невыразимыхъ. Онъ дастъ ей денегъ, а она купитъ подходящую матерію и сошьетъ. Ожидаютъ ея умѣлыхъ рукъ и двѣ рубашки Спичкина.

Четвертая и послѣдняя принадлежность костюма Флора Маркеловича это обувь: сапоги, а въ холодное время года валенки. Сапоги—больное мѣсто его, чувствительная струна этой „балалайки“, какъ выражается про себя самъ Флорушка, когда бываетъ выпивши. Новые кунгурскіе сапоги – гордость

его, рваные и стоптаные — позоръ и предметъ сокрушенія. Когда они новые или еще „едрены“, онъ въ своей тарелкѣ, спокоенъ и веселъ, терпѣливъ и безстрашенъ къ ожидаемымъ его невзгодамъ, трудоспособенъ и внимателенъ, старательный и довольно искусный въ своей сферѣ труда. Другое дѣло, когда предметъ его гордости превратился въ пунктъ позора. Тогда—прощай спокойствіе духа, прощай веселое жизнерадостное настроеніе Флорушки. До тѣхъ поръ онъ не войдетъ въ свою колею, пока его ноги не облекутся въ новые сапоги. Дастъ ему хозяинъ въ счетъ жалованья впередъ рублей пять-шесть на пріобрѣтеніе ихъ—онъ купитъ, облечется въ нихъ и станетъ по прежнему трудолюбивымъ и внимательно-спокойнымъ батракомъ. Если же не дастъ денегъ, Спичкинъ запьетъ, броситъ этого хозяина и, образумившись, поступитъ къ другому, чтобъ получить задаточекъ на пріобрѣтеніе новыхъ сапоговъ. Точно также неравнодушенъ онъ и къ валенкамъ.

По профессіи Флоръ Маркеловичъ чернорабочій. Умѣетъ рубить дрова, немного плотничать, пилить бревна, косить, жать, ходить за сохой, убирать сѣно и молотить. Затѣмъ любитъ ходить за домашними животными и вообще въ маленькомъ хозяйствѣ онъ незамѣнимый человѣкъ. Его обязанности, какъ батрака, слѣдующія. Утромъ привезти воду, запречь лошадь для барина-хозяина, или барыни, кучерить, чистить дворъ, стайки, ухаживать за домашними животными, колоть дрова, бѣгать по городу, исполняя порученія хозяина или хозяйки и т. д. Въ свободное же время помогать стряпкѣ: принести дрова, топить печи, закрывать ихъ, чистить самоваръ, наносить воду въ кухню.

Въ молодые годы онъ долго скорбѣлъ о своемъ незнаніи ремесла.

— Хоть бы научиться дѣлать горшки, и то былъ бы хлѣбъ,—бывало говорилъ онъ.

Впрочемъ, было одно ремесло, сподручное въ крестьянскомъ быту, которому онъ одно время старательно сталъ было учиться отъ своего отца. Это ремесло — сапожное. Къ

сожалѣнію, погорѣли, пришла нищета, свободнаго времени у Флорушки совсѣмъ не стало, работниковъ держать, по бѣдности, не могли и принуждены были работать на полѣ и на сѣнокосахъ только въ двѣ пары рукъ—тятька Маркелъ Осиповичъ, да онъ, Флоръ. Потомъ, когда первый скончался, ему и подавно некогда было продолжать чеботарить. Научился только починивать обувь. Зато по скромному крестьянскому хозяйству, такъ лучше и искуснѣе его не сыскать. Несмотря на нищенскій живой и мертвый инвентарь, Флоръ Маркеловичъ такъ велъ свое хозяйство, что ни въ чемъ особенно не пуждался. И хлѣба, и овощей, и другихъ продуктовъ доставало на весь годъ, несмотря на то, что ртовъ было шесть, а рабочихъ рукъ только одна пара. Впослѣдствіи подросли два сына работника... Баба, преданная и работящая, не сидѣла сложа руки: у ней по дому много было хлопотъ и ея труды тоже были плодотворны. Напримѣръ, у Спичкина были двѣ коровы, двѣнадцать куръ и пара свиней. Коровы давали столько молока, сколько ни у кого изъ сосѣдей-однодеревенцевъ не давали четыре. Потомъ была куплена третья, малодойная. У стараго хозяина надаивали у ней едва-едва полведра въ день. А какъ купилъ ее Спичкинъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и она стала ведерной. Точно также и куры: у сосѣдокъ носка яицъ была только въ теченіе шести мѣсяцевъ: съ марта по сентябрь. У хозяйки же Флора Маркеловича съ января по ноябрь. Сосѣдки бывало всю весну и лѣто бѣгали, ища насѣдокъ, а у хозяйки Флора Маркеловича хоть всѣхъ куръ сади на яйца. Свиньюшки бывало едва ноги волочили у сосѣдокъ отъ голодухи, а у хозяйки Флора Маркеловича отъ жира. Точно также было и съ огородомъ: у сосѣдокъ урожай овощей обыкновенно былъ средній, а у хозяйки Флора Маркеловича ежегодно хорошій. Вотъ этотъ избытокъ, молочныхъ и отъ прочей живности и огорода, и давалъ Спичкину возможность дѣлать небольшое сбереженіе. Послѣднее шло исключительно на увеличеніе живого инвентаря: то прикупалась корова, то лошадь, то бычекъ-работникъ...

Такъ разсказывалъ мнѣ Спичкинъ про свое былое. Мнѣ кажется онъ преувеличилъ... Впрочемъ, это общая человѣческая черта.

Продолжаю разсказъ его. Подобнымъ порядкомъ дѣла его шли хорошо лѣтъ 14. Изъ бѣдняка онъ превратился въ зажиточнаго. Теперь же былъ бы богатѣемъ, если бъ не семейное горе, и вслѣдъ за нимъ же раздоры. Это горе было обычное въ крестьянскомъ быту: его жена, будучи беременной восьмой мѣсяцъ, запнулась съ дровами объ порогъ, упала и ушиблась. Чрезъ нѣсколько дней она померла. Долго не могъ успокоиться Флоръ Маркеловичъ послѣ этого несчастья. А когда помирился съ этой потерей и осмотрѣлся, то первое, что бросилось ему въ глаза, это упадокъ его хозяйства. Двѣ молодыя снохи, жены сыновей, не умѣли такъ хозяйничать, какъ покойная свекровка. Коровы стали давать молока мало, куры неслись плохо, свиньюшки захирѣли...

Желая приспособить къ хозяйству старшую сноху, ласковую и смазливу бабу, Спичкинъ сталъ бесѣдовать съ нею о хозяйствѣ. Незамѣтно для себя онъ заговорился съ нею и о посторонннихъ предметахъ и одинъ-на-одинъ.

Навѣрно, прибавлю я отъ себя, это кончилось бы снохачествомъ... Быть можетъ и было уже что-нибудь подобное. Но Спичкинъ объ этомъ не обмолвился ни однимъ словомъ. Мужъ молодой бабы, понравившейся свекору, началъ ссориться съ отцомъ. Пошли въ семьѣ раздоры. Послѣдніе перешли въ открытую борьбу. Умалчиваю о перепетіяхъ этой борьбы сына съ отцомъ. Разсказъ Спичкина о ней сбивчивый. Кончилась она раздѣломъ сыновей и уходомъ Фрола Маркеловича на заработки.

Когда онъ возвратился съ нихъ, заробивъ немножко деньжонокъ, его части отъ дѣлежа уже не существовало: сыновья, воспользовавшись отсутствіемъ отца, раздѣлили между собою ее, а двухъ сестеръ, которыя хозяйничали во время отсутствія Спичкина, взяли къ себѣ. Не хотѣлъ Фролъ Маркеловичъ заводить съ ними новое дѣло по суду, махнулъ рукой и ушелъ изъ родной деревни на вѣки-вѣчные...

— Такъ вотъ нонѣ какіе сыновья-то! Послѣднія времена пришли. Потому въ писаніи сказано: „Дѣти пойдутъ на родителевъ.“ Тогда-то и наступитъ кончина міра,—такъ закончилъ этотъ скиталецъ свой разсказъ.

Случилось это событіе въ жизни его десять, одиннадцать лѣтъ назадъ. Вотъ съ того времени и скитается Спичкинъ по Пріамурью. Сначала уплылъ въ Николаевскъ, на рыбалку. По окончаніи ея, поступилъ батракомъ въ одинъ богатый домъ. Тутъ-то и познакомился съ соломенной вдовой Петровной. Какъ уже говорилъ я, не прошелъ и мѣсяцъ, какъ они уже подружились. Въ такомъ пріятномъ сожительствѣ прожилъ безъ малаго года два. Жилъ бы и донынѣ, если бъ не ссора съ своей пріятельницей. Дѣло въ томъ, что Спичкинъ сталъ иногда выпивать. Послѣ выпивки наступаетъ обыкновенно мучительное похмѣлье. Благо, если есть на что опохмѣлиться. Если же не на что, то наступаетъ мучительный моментъ въ жизни выпивающаго. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, послѣ тщетныхъ попытокъ достать денегъ на похмѣлье, Спичкинъ вынужденъ былъ воспользоваться для этого серебряной дешевой вещицей Петровны. Вотъ изъ за этой вещицы и вышла ссора. Петровна принялась ругать его за эту „пакость“. Тотъ напрасно доказывалъ ей, что: „Вѣдь это все одно—у тебя ли хранится она, или у кабатчика полежитъ дня два, все равно она твоя“. Онъ выкупитъ ее. „Какъ собака на сѣнѣ: сама не жретъ и другимъ не даетъ, такъ и ты. Другая на твоемъ мѣстѣ сама бы предложила ее своему другу, видя какъ онъ мучится“. Ничего не помогло: Петровна была неумолима и требовала свою завѣтную вещицу. На бѣду ихъ ссору слышали хозяинъ и хозяйка. Они приняли сторону Петровны, осудили его, разругали и разсчитали.

У Петровны сердце было не камень: разставаясь со своимъ другомъ, она простила ему, просила о томъ же и хозяина. Но тотъ былъ неумолимъ. Разсчитавшись, Спичкинъ поступилъ на одинъ изъ пароходовъ. Плавалъ все лѣто, а осенью опять рыбачилъ въ Николаевскѣ. Здѣсь снова сошелся съ Петровной. Но, несмотря на стараніе обоихъ, его не приняли на прежнее мѣсто.

И началось скитаніе Флора Маркеловича. Жилъ во всѣхъ городахъ и въ большихъ станицахъ Пріамурья. Побывалъ даже на пріискахъ и въ Забайкальѣ. Поживетъ нѣсколько мѣсяцевъ у одного хозяина, и уходитъ или по своей волѣ, или по хозяйской. Первое случается обыкновенно по одной причинѣ, когда придетъ время плыть на рыбалку. Впрочемъ, изрѣдка случается это и по другой: когда хозяинъ отказываетъ ему дать денегъ на сапоги.

По волѣ хозяина онъ получаетъ расчетъ отчасти изъ-за пьянства. Но были два-три случая, когда мучимый похмѣльемъ, онъ закладывалъ въ кабакъ, дня на два, что нибудь хозяйское. Затѣмъ не разъ отказывали и по третьей причинѣ. Если ему поручаютъ купить что-нибудь, то „малая толика“ *) хозяйскихъ денегъ перепадаетъ и ему, на выпивку. Иногда эту „малую толику“, какъ ни скромна она, открываетъ хозяинъ или хозяйка, и на Спичкина летитъ десятокъ другой отборной брани и плюхъ.

— Барыня (или баринъ)!—взываетъ въ подобныхъ случаяхъ Флоръ Маркеловичъ,—вѣдь эти копейки я выторговалъ. Ежели бы я не торговался, то купилъ бы по цѣнѣ, сколь вы изволили назначить, которую требовалъ и приказчикъ. Тоды вы тоже не получили бы эти копейки, какъ и теперича. А разъ я старался, торговался, значитъ съ нимъ и спорилъ, то эти копейки мои, за мой трудъ. Для вашей милости эти гроши плевка не стоятъ, а для меня они большія деньги.

Обыкновенно эти оправданія игнорировались.

Не знаю, по этимъ ли причинамъ, или по какимъ другимъ, только Спичкину труднѣе и труднѣе становится найти мѣсто батрака.

— Главное, эти манзы проклятые: отбиваютъ всѣ заработки,—говоритъ онъ и подобные ему.

Иногда онъ долгое время обходится безъ мѣста. То нанимается на пилку дровъ или досокъ, то плотничать; то на пристани или на вокзалѣ таскаетъ кули и ящики, то нани-

*) Нѣсколько копеекъ.

мается на покосъ, а осенью, какъ уже было говорено, непремѣнно старается папасть на рыбалку.

Скитальцы—это хлѣбопашцы, ищущіе заработковъ. Часть ихъ идутъ за ними, какъ извѣстно, послѣ неурожая и другихъ несчастій; часть по бѣдности, лишенные средствъ даже на прокормленіе семьи, не говоря уже о другихъ нуждахъ; часть—это переселенцы, стремящіеся заробить копейку на обзаведеніе. Девять десятыхъ этихъ скитальцевъ, кое что заробивъ, возвращаются домой, чтобы снова приняться за соху. Меньшинство же, одна десятая такихъ, какъ Флоръ Маркеловичъ Спичкинъ, выбитые изъ строя крестьянъ-хлѣбопашцевъ разными семейными обстоятельствами, такъ и исчезаютъ съ лица земи, скитаясь и мыкаясь по отечеству.

Скромные, нетребовательные, съ безупречнымъ прошлымъ, они составляютъ кадръ нищихъ-старцевъ. И дѣйствительно, зарабатываютъ они пропитаніе, пока позволяютъ имъ силы и здоровье. А пришла старость, а съ нею и хворость и безсиліе, волей-неволей покидаютъ свое трудовое поприще и живутъ Христовымъ именемъ, покидая Пріамурье и даже Сибирь, суровую по климату и равнодушную къ такимъ бѣднякамъ, вѣчно голодающимъ и мерзнувшимъ здѣсь.

Такъ, съ безупречной совѣстью, покидаютъ и „сей лучшій изъ міровъ“, гдѣ нибудь подъ заборомъ, въ глухую и холодную ночь...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

(Жаждущіе фарта).

Типичный представитель человѣческой группы жаждущихъ фарта—Егоръ Мартыновичъ Смертинъ.

Отецъ его, Мартынъ Григорьевичъ Смертинъ, крестьянинъ, переселился въ Амурскую область въ началѣ 60-хъ годовъ.

Семья его тогда состояла изъ семи душъ: онъ съ бабой да еще пятеро дѣтей (два мальчика и три дѣвочки). Поселился Мартынъ Григорьевичъ въ деревнѣ П. по р. Зеи. Первые годы жилось ему плохо, хлѣбопашество не удавалось. То заморозитъ, то потопитъ, а то сгоритъ отъ засухи. Да и засѣвалъ самую малость: десятинки двѣ, двѣ съ половиною. Причина этого—обычная въ крестьянскомъ быту. Во 1-ыхъ, въ семьѣ работникомъ былъ одинъ онъ, а во 2-хъ, рабочая сила состояла изъ одной замореной лошади. Поэтому нисколько неудивительно, что своего хлѣба едва-едва хватало на осень и часть зимы, и то только въ хорошій урожай. Въ плохой же, котораго было больше, чѣмъ перваго, только на одну осень. Весьма важнымъ подспорьемъ при пропитаніи семьи были овощи. Они разводились въ большомъ количествѣ и, благодаря энергичному уходу и поливкѣ, давали всегда хорошій урожай. Благодаря этому глава семьи кое какъ сводилъ концы съ концами, и особенной нужды и голодовки семья не испытывала. Но годъ отъ году продуковъ на пропитаніе требовалось все больше и больше. Дѣти, рожденныя въ Евр. Россіи, подросли. Старшіе достигли уже юношескаго возраста, а младшіе стали подростками. Кромѣ тѣхъ и другихъ здѣсь родились еще двое. Смертинъ изъ силъ выбивался, стараясь увеличить свою рабочую силу. Рабочихъ рукъ прибавилось, а силы нѣтъ: у него была прежняя лошадь.

— Съ однимъ замореннымъ конемъ много не сдѣлаешь. Потому-то и хлѣбецъ ежегодно въ одной пропорціи,— говоритъ Мартынъ Григорьевичъ. Значитъ и сводить концы было невозможно.

— Еще бы коня два, тоды мы тово... поправились бы,— прибавлялъ онъ.

Но прикупить ихъ никакъ не удавалось. Лошади были дороги, про быковъ же работниковъ и говорить нечего. А главное негдѣ было взять денегъ.

Такъ какъ для сведенія концовъ приходилось забирать хлѣбъ и др. продукты у купца-міроѣда, то незамѣтно Мартынъ Григорьевичъ очутился у него въ кабалѣ. Однажды,

для уплаты долга, потребовались экстраординарныя мѣры. Единственнымъ выходомъ изъ критическаго положенія послужила отдача старшаго сына въ работники кулаку за долгъ, по кантракту, на долгіе годы. Черезъ годъ отданы были „въ люди“ и двѣ дочери и второй сынъ Егоръ, въ то время 18-лѣтній юноша. Получая деньги за дѣтей, семья стала жить безбѣдно. Самъ Смертинъ пересталъ и хлѣба засѣвать, благо, что единственный конь его издохъ, а на покупку другой лошади требовалась порядочная сумма, которой онъ не могъ располагать, получая „налоги“ отъ своихъ дѣтей или по мелочамъ, или продуктами и товаромъ. Къ тому же подошла и старость, со всѣми своими напастями. Такъ прошло около шести лѣтъ. Въ теченіе этого времени сыновья продолжали жить по срокамъ „въ людяхъ“. Двое изъ нихъ хотя и продолжали помогать родителямъ, но рѣдко и мелочами, ссылаясь, что и они заводятъ свое хозяйство. Чтобъ пополнить недополучаемую часть отъ этихъ сыновей, Мартынъ Григорьевичъ отдалъ и послѣдняго младшаго сына. Дома осталась только одна дочь. Около этого же времени перестали платить „налоги“ старикамъ Смертинымъ и двѣ дочери. Одна изъ нихъ вышла замужъ, а другая поступила въ публичный домъ. Теперь помогали имъ только два сына, изрѣдко и „злыднями“, и младшій, только что отданный въ люди. Неудивительно, что получаемаго совершенно нехватало на пропитаніе, и старики, съ одной дочерью. снова очутились въ бѣдственномъ положеніи. Возобновлять хлѣбопашество было немыслимо. Самъ Смертинъ былъ уже старикъ и одинъ дома. Къ тому же не было ни одной лошади. А главная причина нежеланія заняться хлѣбопашествомъ была слѣдующая. Мартынъ Григорьевичъ успѣлъ привыкнуть къ труду болѣе легкому, сравнительно съ земледѣльческимъ.

Первый годъ послѣ значительнаго уменьшенія „налога“ семья кое-какъ прожила въ деревнѣ. Но при наступленіи второго надо было за что-нибудь приниматься. И между пожилыми супругами обычные споры и ссоры пошли съ удвоенной силой. Самъ Смертинъ собирался въ Хабаровскъ, гдѣ и

надѣялся найти заработокъ. Старушка же Смертина говорила другое. По ея мнѣнію, слѣдуетъ остаться въ деревнѣ, взять домой всѣхъ сыновей и всѣмъ, одной семьей, приняться снова за хлѣбопашество. Ни та сторона, ни другая не желала уступать и между ними шли непрерывныя ссоры и перебранки, тѣмъ болѣе время было самое благопріятное къ тому: стояла суровая, сибирская зима. Старикъ упорно собирался въ городъ. Старуха же продолжала возражать, стараясь убѣдить его послушаться ее. Ихъ споры и ссоры всегда оканчивались зуботычинами. Старикъ, грозя своей половинѣ переломить ребра, вышибить зубы и своротить скулы, нерѣдко дѣлалъ попытки привести это въ исполненіе.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ лупцовокъ, Смертина должна была покорится, и маленькая семейка въ началѣ мая переселилась въ Хабаровскъ. Послѣдній въ то время превратился уже въ городъ. Мартынъ Григорьевичъ, по прибытіи сюда, завелъ лошадь и сталъ заниматься извозомъ: возилъ съ пристани и на пристань товаръ, багажъ и пассажировъ и т. д.

Смертина же, несмотря на свой старческій возрастъ, ходила по людямъ на поденную работу: стирать бѣлье, мыть полы, капать въ огородахъ и т. д. Дочку же отдала въ люди. Но недолго та жила въ услуженіи: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она ушла въ публичный домъ.

Между тѣмъ два сына продолжали жить въ работникахъ, а третій, средній, Егоръ Мартыновичъ, женившись на горничной своего хозяина и соединивъ свои скромныя сбереженія съ небольшимъ денежнымъ приданымъ своей молодой жены, разсчитался, переселился въ Хабаровскъ, выстроилъ небольшую хату, и сталъ жить своимъ хозяйствомъ. Около этого же времени старикъ Мартынъ Григорьевичъ померъ, и старушка Смертина поселилась у сына Егора Мартыновича, подаривъ ему оставшееся отъ отца небольшое имущество.

Такъ вотъ исторія семьи Егорушки. Теперь займусь имъ самимъ.

Въ настоящее время, послѣ четырехъ-пяти лѣтъ, протекшихъ

со смерти отца, Егоръ Мартыновичъ живетъ довольно состоятельно. У него домикъ въ три окна на улицу, въ 2 саж. ширины и въ 3—длины. Низенькой заборкой онъ раздѣленъ на двѣ половины. Задняя, съ большой пекарной печью, служитъ кухней, спальней, столовой, дѣтской и гостиной для хозяевъ. Передняя же половина, свѣтлая, немного меньше задней, отдается подъ квартиру за немалую цѣну, по 10 руб. въ мѣсяцъ. Въ настоящее время, когда пишутся эти строки, живу въ ней я. Сѣней нѣтъ. Кладовой тоже. За неимѣніемъ послѣдней, продукты хранятся на чердакѣ. Ходъ туда по лѣстницѣ, противъ дверей.

У Егора Мартыновича пять лошадей и 14 куръ. Была корова, яловая, но она только что убита, къ Пасхѣ, а говядина продана сосѣдямъ за цѣну выше рыночной. Дворъ для лошадей, сѣнникъ и огородъ загорожены кое-какъ, гдѣ жердями, гдѣ частоколомъ, а нѣсколько прясловъ—изъ тонкихъ досокъ. Вся эта городьба сдѣлана—какъ говорится—на живую нитку: гдѣ подперта, гдѣ привязана веревкой, гдѣ перевита проволокой и мочалой. Около крыльца большая груда изломанныхъ дровней, колесъ, старыхъ досокъ, плахъ, жердей, чурокъ и проч. добра, безпорядочно наваленныхъ въ одну кучу... Ни дворъ, ни стайки никогда не чистятся. Нечистоты толстымъ слоемъ покрываютъ почву.

Семья его состоитъ изъ семи ѣдоковъ: Старушка мать, самъ Егоръ Мартыновичъ, его жена, три сынишка и работникъ. Дѣти, отъ 6 до 11 лѣтъ, всегда грязны, соплявы, оборваны и голодны. Двое изъ нихъ искалѣчены. Одинъ двигается, съ костылемъ, на одной ногѣ, другой же горбатъ, съ переломленной спиной. Онъ не растетъ, а толстѣетъ. Несмотря на 7-лѣтній возрастъ, онъ еще не говоритъ. Правильно развивается физически только младшій 5-лѣтній Ванюшка и то благодаря попеченію бабушки.

Кромѣ семьи и работника, въ той же кухнѣ, вмѣстѣ съ хозяевами, живутъ нѣсколько квартирантовъ: сапожникъ, поселка и бобыль, изъ крестьянъ. Такіе квартиранты обыкновенно не живутъ долго у Егора Мартыновича. Но одни

уйдутъ, переселяются къ нему другіе, тоже на короткое время, мѣсяца на два, на три. Каждый платитъ со столомъ по 12 руб. въ мѣсяцъ.

Главный продуктъ пропитанія въ теченіе цѣлаго года,— кэта. Она засаливается хабаровскими обывателями каждую осень. Въ послѣднюю Смертины засолили четырѣ бочки. Покупка этой рыбы и засолъ обошелся имъ 14 руб., по 4 р. за каждую бочку. Послѣднія ставятся прямо на чердакъ, гдѣ и происходитъ засолъ ее, чтобъ не поднимать ихъ съ рыбой.

Кромѣ кэты, постояннымъ пропитаніемъ семьи и квартирантовъ служатъ овощи, въ особенности кортофель, капуста и лукъ. Овощи разводятся въ большомъ количествѣ, чтобъ хватило ихъ на цѣлый годъ. Огородъ воздѣлывается хозяйкою весьма старательно. Чтобы облегчить свой трудъ, въ теплое время года держитъ двухъ-трехъ квартирантокъ, которые помогаютъ ей трудиться въ огородѣ.

Въ настоящее время, какъ уже говорилъ я, у Егора Мартыновича 5 лошадей. Мѣсяцъ назадъ было только три. Затѣмъ купилъ четвертую, а нынѣ и пятую. Всѣ заморены, какъ нельзя быть хуже, и едва передвигаютъ ноги. Когда появится подножный кормъ, онъ пуститъ ихъ въ табунъ до осени. Къ этому послѣднему времени онѣ отлично поправятся и Егорушка въ концѣ осени съ барышомъ ихъ продастъ. Весной, когда многимъ кормить совершенно нечѣмъ и онѣ продаются весьма дешево, онъ опять купитъ нѣсколько клячъ и опять продѣлаетъ съ ними ту же спекуляцію...

Лѣтомъ, не утомля себя, заготовляетъ дрова и сѣно въ большемъ количествѣ, чѣмъ нужно ему для себя. Весной въ распутицу, когда дрова и сѣно дорожаютъ и требованія на нихъ увеличиваются, онъ выгодно продаетъ то и другое. При продажѣ, Егорушка, какъ говорится, самаго завзятаго мошенника заткнетъ за поясъ. Напримѣръ, каждаго своего работника онъ обучаетъ, какъ сложить дрова, чтобы изъ одной сажени вышло полторы, а изъ двухъ возовъ сѣна — три. Заготовляетъ дрова и сѣно преимущественно руками работни-

ковъ. Самъ же, не утруждая себя, только слѣдитъ, чтобъ они не сидѣли сложа руки. „Дѣло не дѣлай, но и отъ дѣла не бѣгай“, говоритъ онъ. Обыкновенно онъ проводитъ время праздно: или лежитъ, или сидитъ, потягивая трубку, около работающихъ батраковъ.

Егоръ Мартыновичъ большой хлѣбосолъ. По праздникамъ, а иногда и въ будни, всегда разгулпваетъ по своимъ знакомымъ, друзьямъ, пріятелямъ и родственникамъ. Впрочемъ въ праздники, и даже въ будни, у него тоже гости—обоего пола.

Обыкновенно они никогда не уходятъ безъ угощенія. Въ особенности торжественно проводятся имянины членовъ семьи, исключая двухъ искалѣченныхъ мальчиковъ. Въ эти дни готовятся и пироги со всякой начинкой, и горячія закуски. Въ другіе торжественные дни, напримѣръ въ Р. Х. и проч., ставятся на столъ холодныя закуски и вина, „все, какъ водится у господъ“. Въ томъ и другомъ случаяхъ, гостей „безпровороту“: одни уходятъ, другіе приходятъ. Гулянки заканчиваются обыкновенно около полночи. Тогда „самъ пьянъ“ и „сама тоже“. „Оба наклюкались“, говорятъ въ подобныхъ случаяхъ про нихъ квартиранты. Въ большинствѣ, послѣ ухода гостей, между супругами происходятъ баталіи... На другой день гулянокъ,—сама съ фонаремъ, а на чердакѣ, кромѣ бочекъ съ рыбой, „хоть шаромъ покати“. Такъ же пусто бываетъ и въ подполыи: кромѣ капусты и картофеля, тоже „ничего“. А въ весенніе и лѣтніе дни и этого не бываетъ: ни рыбы, ни овощей. „На разъ—да вскачь“, говоритъ бабушка. Или вотъ еще ея поговорка, касающаяся этихъ же гулянокъ. „Для гостей густо (на столѣ), а для себя пусто“. „Гостей откармливаемъ, а сами голодуемъ“.

— Для этого то и живемъ,—возражаетъ ей невѣстка, большая любительница гулянокъ.

Будни обыкновенно проводятся такъ. Встаютъ часовъ въ 6. До 8 кушаютъ, бесѣдуя: пьютъ изъ самовара кирпичный чай и закусываютъ рыбой съ картофелью. Послѣ этого завтрака Егорушка выкуриваетъ трубку, полежитъ и обхо-

дитъ дворъ и стайки. Кое-что поставитъ на другое мѣсто, подыметъ палку и броситъ ее въ общую кучу, пнетъ шивякъ или камень, обругаетъ „на чемъ свѣтъ стоитъ“ собаку, развалившуюся на его пути... Возвратившись въ избу, часовъ въ 10, дѣластъ распоряженіе работнику (бесѣдующему съ трубкой) сгонять на водопой лошадей и потомъ дать имъ немного сѣпца. Послѣ ухода работника, Егоръ Мартыновичъ ложится на лавку отдыхать и выкурить трубку. Потягиваясь и покуривая, онъ возобновляетъ съ квартирантами утреннюю бесѣду... Заходятъ сосѣдки-кумушки и сосѣди-кумовья, и бесѣда становится оживленной. Между тѣмъ работникъ, кончивъ заданный ему трудъ, является въ избу, закуриваетъ трубку и тоже принимаетъ участіе въ бесѣдѣ.

Когда вся семья и квартиранты-нахлѣбники собрались, приступаютъ къ обѣду. Кушаютъ, какъ и по утрамъ, долго и основательно: тотъ же чай изъ самовара, жареную рыбу и поджаренный картофель.

Послѣ обѣда приступаютъ къ трубкамъ. Закуривъ свою носогрѣйку, Егоръ Мартыновичъ ложится на кровать, чтобъ соснуть часика два. Выспавшись и напившись чаю, идетъ на рынокъ: „посмотрѣть какъ и что“ и „покалякать“ со знакомыми и съ пріятелями.

Пока хозяинъ ходитъ на рынокъ, работникъ сидитъ на крыльцѣ, покуривая трубку. Предъ приходомъ хозяина, усердно колетъ дрова или поправляетъ сбую. Возвращается Егоръ Мартыновичъ вечеромъ, садится за самоваръ и сообщаетъ своей публикѣ (квартирантамъ и семьѣ) *) городскія и рыночныя новости. Бесѣда тянется до того времени, когда всѣ должны ложится спать. Спятъ всѣ въ кухнѣ, вповалку. Только одинъ хозяинъ и хозяйка, съ младшимъ сынишкой, ложатся на кровать. Когда вся эта публика уляжется, то чрезъ кухню совершенно нельзя пройти ни вправо, ни влѣво, вдоль, ни поперекъ, такъ устелятъ ее обитатели домика.

---

*) Въ числѣ семьи числится и работникъ, какъ полноправный ея.

Онъ мѣщанинъ второй годъ. Въ праздники носитъ пиджакъ, съ жилетомъ и часами, пальто, брюки на выпускъ, шляпу (или фуражку), бѣлую крахмальную сорочку, съ галстукомъ. Иногда и обыкновенную, не крахмальную, ситцевую, съ тесемкой и кисточками вмѣсто галстука. И супруга его, по праздникамъ, тоже одѣвается по городскому: носитъ модное дамское пальто, тоже модное платье, зонтикъ и перчатки. Голову повязываетъ дорогой японской шелковой шалью. Раза два-три въ недѣлю, во время отсутствія мужа, надѣваетъ этотъ парадный костюмъ и ходитъ куда то въ гости. Возвращается поздно пьяненькая и съ деньгами. Знаетъ ли Егорушка объ этихъ гулянкахъ ея? Я довольно часто слышу отъ него слѣдующую фразу.

— Здѣсь на этомъ свѣтѣ стоитъ. Всѣ бабы гулящія. Съ волками жить, по волчьи выть.

Впрочемъ, быть можетъ онъ подразумѣваетъ этой фразой слабость своей жены къ водкѣ. Дѣйствительно, женщины въ Пріамурьѣ „здорово насыщаются“ водкой и ханшиномъ.

Такъ живетъ Егоръ Мартыновичъ Смертинъ. На первый взглядъ кажется,—онъ доволенъ своей долей. Но это только такъ кажется. Въ дѣйствительности же онъ помышляетъ о „богачествѣ“. Ему желательно зажить такъ, какъ жилъ когда-то на его глазахъ купецъ, его бывшій хозяинъ: деньжищъ безъ провороту, ѣды сладкой тоже: „ѣшь не хочу“, почетъ и уваженіе отъ всѣхъ, наипаче отъ господъ, а про мужиковъ и говорить нечего. Тѣ просто молились ему, цѣловали ноги. Вотъ это жизнь!! Что касается до жены его, Смертиной, то и она желала бы этого богатства. Не помышляя о деньгахъ и ѣдѣ, она лелѣетъ мысль о нарядахъ, о дорогихъ серьгахъ, кольцахъ, браслетахъ, монистахъ, о салопахъ изъ дорогого мѣха, о перинѣ высокой и пышной, о коврахъ и прислугѣ, благодаря которой станетъ жить какъ настоящая барыня, ничего не дѣлая. Станетъ только наряжаться да гостить, какъ та барыня, у которой она жила горничной лѣтъ 6. Въ гостяхъ станутъ ухаживать за ней и угощать дорогими винами и сладкими конфектами.

Помышляя о богатствѣ, Смертинъ знаетъ только одинъ способъ пріобрѣтенія его—фартъ, т.-е. счастливый случай.

— Въ чемъ же состоитъ этотъ фартъ, ожидаемый вами?—спрашивалъ я его не разъ.

— Мало-ли какіе бываютъ фарты,—обыкновенно отвѣчалъ онъ мнѣ и умолкалъ.

Повидимому, онъ и самъ не зналъ, въ чемъ будетъ заключаться этотъ фартъ. Сначала я думалъ о немъ какъ о хитромъ и смекалистомъ. Впослѣдствіи же убѣдился, что у него ни того, ни другого. Не узнавъ отъ Егорушки о характерѣ этого ожидаемаго счастія, я припоминаю бесѣды, въ которыхъ это словечко (фартъ), вмѣстѣ съ двумя поговорками, было неотъемлемой принадлежностью ихъ. „Не отдашь душу въ адъ, не станешь и богатъ“, „Не попадешь въ адъ, коли будешь богатъ“. Эти двѣ поговорки постоянно у него на устахъ. Онъ ссылается на нихъ и кстати, и не кстати. Иногда, послѣ нихъ, разсказывалъ исторію бывшаго своего хозяина-купца.

Сначала дѣла послѣдняго шли неважно. Жилось ему со всячиной. Потомъ однажды набралъ водки и уѣхалъ куда-то.

Чрезъ три недѣли привезъ, говорили домашніе его, уйму золота. И дѣлишки его поправились. Потомъ построилъ хуторъ гдѣ-то въ тайгѣ, на какой-то тропѣ... Торговалъ тамъ и печенымъ, и вареным, и жареным.

— А водкой?

— Про это добро и говорить нечего. Само-собой, безъ нее всяка пища—суха. Торговлюшка шла хорошо.

— А кто же стряпалъ у него?

— Нѣсколько дѣвокъ было съ нимъ въ хуторѣ. Привезилъ оттуда золота страсть... Вскорѣ послѣ этого и распыхался, сталъ милліонщикомъ. Потомъ бы и жить въ свое удовольствіе, потому есть чѣмъ. Анъ нѣтъ. Простудился или что другое приключилось съ нимъ—не знаю, только однажды привезли его домой, едва живого. Дома отдышался, сталъ охать и стонать. „Грѣшникъ я“, -гритъ, „молитесь всѣ обо

мнѣ". Когда стало хуже, исповѣдывали, пріобщили св. таинъ и особоровали. Успокоился и померъ. Самъ владыко-архіерей отпѣвалъ. Проповѣдь говорилъ, называлъ его праведникомъ. Значитъ такъ оно и есть. Когда несли на кладбище и хоронили, звонъ былъ во всѣхъ церквахъ...

Это событіе, свидѣтелемъ котораго былъ самъ разсказчикъ, произвело на Егора Мартыновича сильное и глубокое впечатлѣніе. Всего больше поражаетъ его фартъ купца. А въ чемъ онъ состоитъ, не зналъ, не знаетъ и нынѣ, и даже не догадывается. Впрочемъ, и неудивительно: ему некогда было вглядываться въ событіе этой исторіи. Живши у купца чернорабочимъ, онъ все время проводилъ въ трудѣ. Освободили отъ труда вмѣстѣ съ другими. Когда хозяинъ померъ, велѣли помолиться всѣмъ о спасеніи хозяйской души. Въ это то время онъ, Егорушка, и слышалъ отъ дворни эту исторію.

— А разсказывали вамъ о томъ, какъ пріобрѣталъ онъ золото на хуторѣ?

— Ну! кто же станетъ разсказывать про это, коли хозяинъ на столѣ.

— А вы бы потомъ спросили.

— Спрашивалъ и не разъ. „Знамо", грятъ, какъ... и больше ни слова. Не знаешь, молъ, такъ догадывайся. Ну-ка, догадайся?!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

(Жаждущіе фарта. Ихъ дѣятельность. Немногіе счастливцы, обрѣвшіе фартъ).

Широкимъ потокомъ несутся на Дальній Востокъ жаждущіе. Больше половины ихъ стремится съ однимъ желаніемъ имѣть землицу для хлѣбопашества. Меньшинство жаждетъ

фарта. Часть ихъ двигается на Зею, къ золотопромысловымъ пріискамъ. Другіе остаются въ городахъ *). Предполагая заняться первыми въ 1-й части этого труда, буду продолжать въ этой и слѣдующей главахъ о вторыхъ, осѣвшихъ въ горахъ Дальняго Востока.

Смертины—вотъ общее опредѣленіе этихъ терпѣливо-жаждущихъ. Въ ожиданіи удобнаго момента заполучить фартъ, они довольствуются (напримѣръ въ Хабаровскѣ) пока скромными заработками.

Одни изъ нихъ, въ ожиданіи минуты, чтобы хапнуть, или счастливой случайности, „когда пофартитъ“, открываютъ на рынкѣ торговлю булками, ржанымъ хлѣбомъ и овощами; другіе торгуютъ на бойкихъ мѣстахъ пивомъ, папиросами и содержатъ въ своихъ пивныхъ лавкахъ женщинъ; третьи торгуютъ квасомъ, пряниками и папиросами; четвертые заводятъ лавочки, гдѣ продаютъ разную мелочь и съѣстное; пятые стоятъ на извозчичьей биржѣ и возятъ гуляющихъ въ окрестности; шестые заводятъ телѣгу-расейку, пару лошадей и занимаются извозомъ: доставляютъ багажъ, товары, пассажировъ и проч.; седьмые заводятъ дѣлишки съ орочонами, гольдами, тунгусами, время отъ времени являющимися въ города. У этихъ инородцевъ они скупаютъ за безцѣнокъ дорогіе мѣха и весьма дорого продаютъ (или мѣняютъ) имъ порохъ, дробь, пули и проч.; восьмые, накупивъ спиртъ, водки и наливокъ, отправляются съ этимъ товаромъ на лодкахъ по притокамъ р. Амура, чтобъ сбыть его инородцамъ и жителямъ деревень. Тамъ они или продаютъ его въ три, четыре раза дороже, чѣмъ купили, или вымѣниваютъ на дорогіе мѣха, панты и золото; девятые открываютъ кабачки подъ вывѣсками: „Ренсковый погребъ“; десятые берутъ казенные подряды и поставки со вторыхъ и даже съ третьихъ рукъ. Напримѣръ, одинъ возьмется выкопать яму за 1 р. 50 к., а найметъ за 30 коп. и т. д.; одиннадцатые занимаются по-

---

*) Въ послѣднее время двигаются жаждущіе и въ Маньчжурію.

ставкой „живого товара“, дорогого и малочисленнаго здѣсь; двѣнадцатые содержатъ комнаты для карточныхъ игръ и проч., и проч.

Пассивные и терпѣливые, они занимаются „своими дѣлами только пока“. По ихъ мнѣнію, рано или поздно и на ихъ долю выпадаетъ „фартъ“. Большинство изъ нихъ, не дождавшись его, дѣлаютъ открытіе, что вѣдь въ этихъ скромныхъ дѣлишкахъ и „пофартило“ имъ. Слѣдовательно эти-то занятія и были для нихъ „фартами“. Однако, со времени присоединенія Пріамурья до настоящаго времени, были дѣйствительно счастливцы, которымъ выпадалъ этотъ „фартъ“. Изъ числа многихъ подобныхъ случаевъ разскажу о семи.

1-я картина. Прекрасный лѣтній день. На небѣ ни облачка, а въ воздухѣ ни вѣтерка. По теченію Амура плыветъ баржа, нагруженная товаромъ. На палубѣ, на кормѣ и на носу по два рабочихъ, а на срединѣ, въ большой будкѣ, на диванчикѣ, сидитъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30. Одѣтъ, какъ обыкновенно одѣваются приказчики.

Сынъ деревенскаго кулака, П* кончилъ курсъ въ начальной школѣ. Затѣмъ, отданный городскому купцу „подъ науку“, онъ лѣтъ 8 былъ на побѣгушкахъ. Вынесъ все: и плюхи, и зуботычины, и розги, и голодъ, и холодъ. Вполнѣ познакомившись съ купеческой наукой—„объегоривать“ публику, П* вмѣстѣ съ тѣмъ научился обманывать и своего хозяина. Благодаря основательному знанію послѣдняго искусства, у него раньше, чѣмъ у прочихъ приказчиковъ, появились деньги. Хозяинъ замѣтилъ это и наградилъ П. титуломъ „ловкачъ“. Мало этого, удостоилъ его и довѣріемъ: командировалъ его на Амуръ, съ товаромъ. Два раза плавалъ П*. на Дальній Востокъ. Возвращался съ большими суммами денегъ отъ распроданнаго товара. Кромѣ того, нажилъ кое-что и себѣ. Теперь онъ отправился на Дальній Востокъ третій разъ. „Эта командировка будетъ послѣдней. Докуда стану работать для хозяина, пора подумать и о себѣ“, думалъ П*, рѣшившись попытать свое счастіе. Не попадетъ ли и ему „фартъ“, благо,—случай представился къ этому удобный.

Итакъ, въ минуту, когда начинается эта движущаяся, живая картина, II* сидитъ на диванчикѣ и, устремивъ свой взоръ вдаль, по теченію рѣки, терпѣливо что-то ожидаетъ.

—„Сегодня долженъ пройти еще одинъ пароходъ, сказалъ онъ тихо, „Между тѣмъ его еще нѣтъ! Странно. Можетъ помѣшать... Впрочемъ солнце еще высоко, до вечера часа три, четыре“.

Прошло больше полчаса. II* продолжалъ смотрѣть вдаль. Кромѣ парохода его безпокоитъ и другое обстоятельство. „Теперь долженъ появиться коридоръ*). А его нѣтъ. Можемъ не попасть во время къ намѣченному утесу... Долго пробыли въ станицѣ. Если сегодня не удастся, придется отказаться отъ задуманнаго. А жаль, если упущу этотъ случай. Другого не дождаться... А вотъ, кажется, и начало коридора Да это. онъ! Ну и отлично. Во время. Теперь только остается пароходъ. Не встрѣтится сегодня, тоже нельзя будетъ. Вотъ гадость. Не сѣлъ бы онъ на мель около этого утеса... Будь онъ проклятъ этотъ пароходишко!“

Но, обстоятельства, повидимому, благопріятствовали II*: часа черезъ полтора, послѣ размышленія приказчика, на рѣкѣ, предъ баржей неожиданно выплылъ изъ кривляка пароходъ. Завидя баржу онъ далъ продолжительный свистокъ.

—„Греби влѣво живо!, скомандовалъ лоцманъ, выскакивая на палубу снизу баржи. Одѣтъ онъ въ одни невыразимые, нижніе, и рубаху. Ноги его голы по колѣно. Лицо обросло густой растительностью. Волосы длинные и густые стоятъ дыбомъ. Хмурое и жесткое выраженіе лица и этотъ небрежный костюмъ его вполнѣ гармонируютъ другъ съ другомъ. Глядя на его фигуру, широкоплечую, грудистую и съ сильной мускулатурой, на его манеру держаться вдали отъ людей; на привычку ходить крадучись и время отъ времени коситься по сторонамъ,—невольно приходитъ въ голову мысль о своеобразныхъ, оригинальныхъ условіяхъ жизни, въ которыхъ, повидимому, вырабатывался этотъ странный человѣкъ.

---

*) Русло Амура между крутыми горами.

— Вотъ и дождались! весело сказалъ ему П.

— А а! Я ужъ думалъ махунть на берегъ съ пустыми руками.

— Ну, съ какой стати. Надо все исполнить, какъ разсчитали.

— Теперь-то, конечно! А вотъ если бъ не прошелъ сегодня этотъ пароходишко.

— Въ такомъ случаѣ, да. Спроси—гдѣ они думаютъ ночлежничать и не идетъ ли тамъ еще какой нибудь пароходъ, сказалъ П. лоцману.

Странный субъектъ взялъ со стола дудку и крикнулъ послѣдній вопросъ по направленію къ пароходу, когда тотъ поверстался съ баржей.

— Никакого! А тамъ, вверху? послышалось съ парохода.

— Тоже. Гдѣ станете ночлежничать?

— Въ Н*.

Пароходъ прошелъ. Наши собесѣдники повеселѣли.

— Все хорошо. Намъ на руку.

„Хорошо“.

— Теперь надо заняться канатомъ, пока солнце-то не закатилось, и у насъ не наступила горячая пора, сказалъ тихо лоцманъ.

— А зачѣмъ особенно заниматься имъ? Послѣ перерубимъ и все.

— Эхъ-ты! Вижу плохой ты товарищъ въ этихъ дѣлахъ.

— Какъ плохой? Мнѣ кажется напротивъ, обидчиво возразилъ молодой человѣкъ.

— Ежели ты обрубишь его, то судъ такъ и скажетъ: обрубленъ, молъ, канатъ-отъ. А надо такъ сдѣлать, чтобъ признали разрывъ его, вотъ что. Тоды виноватъ будетъ самъ хозяинъ. Ты говоришь, онъ самъ выбиралъ его?

— Самъ.

— То-то и есть. Это самое главное. Умѣй воровать, умѣй и концы хоронить. А не схоронишь, запрячутъ тебя. А меня, братъ, не сыщутъ.

—„Скоро станица. Вишь поля.

— Нѣтъ, братъ до нее еще далеко. Больше часу проплывемъ. А пока, говорю, займемся канатомъ. Все для твоей же пользы. Пойдемъ внизъ. Тамъ мы живо его, вдвоемъ-то.

— Нужно взять по крайней мѣрѣ вотъ это, сказалъ П., вытаскивая изъ своей дорожной сумки ножницы.

— Какія тебѣ ножницы! Ничего не надо. Безъ нихъ надорвемъ.

— Мыслимо ли намъ двоимъ надорвать канатъ, коли онъ въ руку толщины!

— А вотъ я покажу тебѣ что можно. Спустились внизъ баржи, помѣстились въ углу, и занялись канатомъ. Часа черезъ два канатъ былъ уже поврежденъ. Едва успѣли они разсучить и разорвать предпослѣднюю крученную мотоузенку, одну изъ многочисленныхъ каната, какъ въ отверстіи баржи показалась фигура одного изъ рабочихъ.

— Тебѣ чего надо? крикнули оба въ одинъ голосъ, вздрогнувъ и пряча поврежденную часть каната.

— Мимо станицы плывемъ. Надо выбрать мѣсто для причала, крикнулъ рабочій.

— Чтобъ станичники и вы, молодцы, растащили весь товаръ! Плыви дальше. Остановимся за станицей.

— Да намъ-то нельзя за станицей-то! Вѣдь харчей-то у насъ подай Господи! Гдѣ-жъ мы около тайги-то раздобудемся ими?

— Я отпущу васъ всѣхъ въ станицу. На лодкѣ доплывете, крикнулъ П.

— Въ такомъ разѣ—дѣло. Такъ-то еще лучше. Мужикъ скрылся.

— Чуть, чуть не попались мы!

— Мнѣ кажется онъ замѣтилъ.

— Плевать! Ну, эти мотоузенки оставимъ такъ. Потому разорветъ ихъ сама баржа.

— Все это хорошо. Теперь надо тебѣ выбрать мѣсто для стоянки. Кажется, мы вблизи утеса.

— Сейчасъ выберу. А ты пока прикрой его, сказалъ странный субъектъ, поднимаясь вверхъ.

Черезъ часъ баржа была уже на причалѣ и рабочіе, получивъ по рублю, уплыли въ станицу.

Пока все это происходило, солнце закатилось и наступили длинныя лѣтнія сумерки.

— Ну, теперь мы безъ свидѣтелей. Можемъ заняться своими дѣлами.

— Да. Надо сходни спустить и открыть люкъ.

— Все это пустякъ. А вотъ что главно: разсортированъ у те товаръ-отъ?

— Вотъ сейчасъ мы и разсортируемъ. Тюки, которые останутся, мы отдѣлимъ подальше отъ другихъ. А эти ближе къ люку.

— То-то и есть, пока свѣтло и надо это сдѣлать. А въ темнотѣ спутаемъ все, потому зажигать или раскладывать огонь ни, ни!

Оба спустились внизъ баржи и принялись возиться тамъ. Тюки, съ дорогимъ товаромъ были собраны къ люку. Остальные, съ дешевкой, собраны въ противоположный уголъ. Между тѣмъ наступила ночь.

— Пора! тихо сказалъ страшный субъектъ своему молодому товарищу. А то не успѣемъ протащить ихъ чрезъ хребетъ: ночи коротки, прибавилъ онъ.

Собранные къ люку тюки были перетасканы на берегъ, въ мрачное и таинственное ущелье бродягъ...

— Теперь надо переодѣться, а эту одеженку оставить тутъ... Надѣнь мою домашнюю... Вотъ—блуза, шаровары, сапоги, шляпа.

— А ты самъ-отъ въ чего переодѣнешься?

— Обо мнѣ не безпокойся. У меня есть въ чего...

Когда и это было сдѣлано, приступили къ послѣднему. Поврежденый запасной канатъ былъ закрѣпленъ однимъ концомъ на палубѣ баржи, а другимъ на берегу. Прежній же канатъ, съ двумя всученными узлами, разорванъ и брошенъ внизъ баржи.

Едва покончали они съ канатомъ, и вышли на берегъ, какъ новый поврежденный, канатъ лопнулъ, и баржу понесло

сильнымъ теченіемъ. Вотъ она налетѣла на острую глыбу утеса. Раздался трескъ, баржа пошла ко дну и исчезла.

Прошло нѣсколько минутъ. На берегу около ущелья, кромѣ одежды П. и его товарища, не было никого, и ничего: исчезли тюки и люди.

Черезъ года два-три, послѣ потонувшей баржи, въ Пріамурьѣ появился новый „Торговый Домъ". Представитель его, бывшій приказчикъ, на баржѣ, П. теперь солиднѣйшій купецъ 1-ой гильдіи. Что касается до его товарища, бѣглаго каторжника, то этотъ странный субъектъ, заполучивъ деньгами свою часть, уплылъ въ Америку. Говорятъ, обзавелся тамъ фермою съ участкомъ земли, женился...

2-я картина. Городокъ П. въ Пріамурьѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, былъ окруженъ лѣсомъ, какъ стѣной. Крайніе домики его хотя и стояли на расчищенныхъ мѣстахъ, но дворы ихъ, до самыхъ заднихъ стѣнъ были покрыты сплошнымъ лѣсомъ. Обывателю, едва прокармливающему свою семью, было не весьма трудно расчистить свой дворъ. Но нѣкоторые совсѣмъ не желали этой расчистки. Одинъ изъ такихъ оригиналовъ былъ нѣкто Миткалевъ. Его домикъ маленькій, въ три окна (2 въ улицу) и съ одной дверью, во дворѣ былъ окруженъ густымъ лѣсомъ съ трехъ сторонъ. Отъ самаго домика, чрезъ весь плохо-огороженный дворъ, покрытой высокими деревьями и густымъ молодятничкомъ, пробиралась тропа. Чрезъ разобранный заплотъ задней стороны двора она выходила въ тайгу, гдѣ и терялась въ густой, мрачной и таинственной порослѣ ея.

Кромѣ хозяина Миткалева, даже жены его Акулины, никто въ гордкѣ не зналъ о существованіи этой тропы. По этому таинственномуути довольно часто пробирались къ Миткалеву мрачныя фигуры многострадальныхъ невольныхъ странниковъ Сибири. Время ихъ посѣщенія было тоже необычайное: безлунныя, мрачныя ночи, когда все живое погружено въ сонъ. Для Миткалева эти гости были самые желанные, такъ какъ до-

ставляли ему большіе дивиденды. Дѣло въ томъ, что онъ торговалъ и водкой и кое-какимъ мелочнымъ товаромъ. Для того и другого товара были приспособлены и комнатки его домика, перегороженнаго низкими и тонкими заборками на три части. Въ первой угловой, съ окномъ была мелочная лавочка; во второй, тоже угловой и съ окномъ, водочная продажа; наконецъ третья—узкая, съ окномъ, дверью и съ пекарной печью—была жилая. Кромѣ этого помѣщенія къ задней стѣнѣ примыкала земляночка, окруженная съ трехъ сторонъ, и даже сверху, древесной порослью. Ни одинъ посторонній посѣтитель не могъ разсмотрѣть ее. Эта земляночка была убѣжищемъ для этихъ ночныхъ гостей Миткалева. Здѣсь они отогрѣвались, подкрѣпляли свои силы, иногда прятали добычу... Здѣсь же они снабжались гостепріимнымъ хозяиномъ и водкою и другими товарцами.

Прошлое Миткалева весьма обычное. Служивши въ баталіонѣ, расположенномъ въ этомъ городкѣ, онъ по увольненіи въ запасъ, получилъ сторублевое пособіе и остался на жительство. Трезвый, смѣлый и не глупой, онъ сумѣлъ сколотить небольшія деньжонки еще на службѣ, будучи ротнымъ артельщикомъ. Благодаря этому запасному капитальцу, выстроилъ домикъ и занялся торговлишкой...

Была темная, мрачная, осенняя ночь. Дождевыя облака, нависшія надъ землею, быстро мчались. Вѣтеръ безъ порывовъ и не прерываясь дулъ съ силою урагана. Шумя качались деревья и молодятникъ, свистя и жалобно завывая, быстро пробирались струйки воздуха чрезъ щели крыши и стѣнъ домика. Къ этому шуму примѣшивалась дробь дождя, такая же непрерывная и равномѣрная. Глубокій, безпросвѣтный мракъ довершалъ картину этой ночи.

По тропинкѣ къ домику Миткалева пробиралась фигура, такая же темная и мрачная, какъ и эта ночь. Двигалась она медленно, ощупью, поминутно запиналась и наклонялась отъ преграждавшихъ путь, по тропѣ, громадныхъ вѣтвей деревъ. Съ большими усиліями этотъ ночной посѣтитель добрался, наконецъ, до домика Миткалева. Вотъ онъ подошелъ къ не-

затворенному ставнемъ окну и взглянулъ во внутрь жилища. Могильная тьма царствовала тамъ. Убѣдившись, что въ домикѣ никого посторонняго, повидимому нѣтъ, онъ постучался въ стекло. Этотъ призывъ онъ повторилъ нѣсколько разъ. Наконецъ, въ жилищѣ появилась фигура и засуетилась. Минуты чрезъ три вышелъ самъ Миткалевъ и обмѣнявшись съ нимъ двумя-тремя словами, впустилъ путника въ землянку. Чрезъ четверть часа небольшая желѣзная печь была уже накалена до красна и въ землянкѣ было жарко, какъ въ банѣ.

Путникъ кряхтѣлъ и охалъ, снимая съ себя намокшія рубища. Развѣсивъ ихъ передъ печью, онъ приступилъ къ своей котомкѣ.

— Вотъ вчерашняя добыча,—тихо говорилъ онъ, вынимая кожаный мѣшочекъ съ золотыми монетами.

Миткалевъ едва поднялъ его. При видѣ такого богатства, онъ затрепеталъ и впалъ въ столбнякъ, пожирая глазами добычу.

— А вотъ и бумажки. Сколько тутъ—не знаю. Намокли. Надо посушить,—сказалъ путникъ, вынимая нѣсколько десятковъ пачекъ сторублевыхъ ассигнацій.

— Хорошая добыча,—промолвилъ Миткалевъ, овладѣвъ собой и разглаживая намокшія и скомканныя пачки.—Пусть же сохнутъ,—прибавилъ онъ, разлаживая ихъ кругомъ печки на кирпичи.

— Хотѣлъ спрятать тамъ,—началъ путникъ, кивая въ сторону тайги.—Боюсь не потерять бы опять, какъ то золотишко.

— Здѣсь лучше. Никто не возьметъ. А когда надо, найдешь тутъ же.

— Знаю. Отблагодарю. Теперь шабашъ бродяжить. Надоѣло. Да и старикъ сталъ. Не можется.

— Закусить надо?

— Главное выпить. Да нѣтъ ли у тебя какой-нибудь другой одеженки?

— Ладно, принесу,—сказалъ Миткалевъ выходя.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ двумя бу-

тылками спирта, колбасой, съ хлѣбомъ и съ кое-какой одеждой.

— Вотъ на.

— Спасибо. Послѣ разсчитаемся. Я оставлю тутъ эту добычу, въ потайничкѣ, а потомъ дней черезъ пять-шесть приду, распростившись съ тайгой-матушкой.

Миткалевъ ушелъ къ себѣ и легъ на прежнее мѣсто. Но ему не спалось. Онъ вспомнилъ о поразившемъ всѣхъ вчерашнемъ случаѣ смѣлаго грабежа... Вспомнилъ и объявленіе о наградѣ за поимку грабителя... Ахъ, какая богатая добыча! Вотъ онъ, фартъ-отъ его! Куй желѣзо, пока горячо.

Миткалевъ быстро сѣлъ на постель. Укокошить этого змѣя въ человѣческомъ образѣ! Онъ былъ въ возбужденно-лихорадочномъ состояніи. Мѣшечекъ съ золотомъ и кипы сотенныхъ страшной силой влекли его къ себѣ. Скорѣе, пока нѣтъ разсвѣта! Безсознательно вскочилъ съ постели, взялъ револьверъ и подошелъ къ стѣнѣ, смежной съ землянкою. Затѣмъ сѣлъ на корточки около закрытаго отверстія туда и задумался. Сознаніе снова вступило въ свои права. Выстрѣлить-то выстрѣлить... А что, если услышатъ сосѣди и прибѣгутъ „на помощь сосѣду!“ Положимъ, вѣтеръ, шумъ и все такое. Все-таки выстрѣлъ они не заглушатъ и ближайшіе сосѣди услышатъ. Эхъ, горе, нѣту снадобья подходящаго... Посмотрю, что онъ... Съ этой мыслью онъ тихо открылъ отверстіе и взглянулъ туда. Путникъ, закусивъ и выпивъ, безмятежно спалъ около печки. Подлѣ него была вся добыча. Дрова въ печи перегорѣли и угли пылали послѣднимъ синеватымъ пламенемъ. Миткалевъ снова пришелъ въ возбужденно-лихорадочное состояніе. Безсознательно онъ просунулъ руку въ землянку и закрылъ трубу. При этомъ ему вспомнился случай, какъ угорѣлъ въ караулкѣ лагеря его товарищъ, солдатикъ, какъ его обливали водой и какъ онъ очнулся потомъ. Еще говорили тогда, если бъ не хватились его въ тотъ день, то померъ бы... Закрывъ отверстіе, онъ продолжалъ сидѣть тутъ же. Не шевелясь, онъ прислушивался къ шуму непогоды. Время отъ времени прижималъ ухо къ стѣнѣ, ста-

раясь уловить малѣйшій звукъ. Но въ землянкѣ по прежнему была тишина...

Стало свѣтать. Запѣли пѣтухи. Миткалевъ очнулся, открылъ отверстіе и заглянулъ туда. Тамъ была тьма и удушливый запахъ. Миткалевъ поспѣшно закрылъ отверстіе. „Надо оставить такъ до слѣдующей ночи,—подумалъ онъ. — Если теперь нести его, то отъ дождя очнется".

Потянулся день. Миткалевъ былъ какъ въ столбнякѣ. Сказавъ своей Акулинѣ, что у него болитъ голова, онъ распорядился, чтобы она не выходила изъ лавочки, а самъ до ночи пролежалъ около стѣны. Очнулся, когда снова все было погружено въ сонъ. Не медля ни минуты вышелъ на улицу и убѣдившись, что весь городъ спитъ, онъ пришелъ въ землянку, зажегъ огарокъ, осмотрѣлъ похолодѣвшій трупъ гостя, спряталъ къ себѣ всю добычу, втолкалъ въ куль трупъ, завязалъ его и погасивъ свѣтильникъ, не безъ труда вылѣзъ оттуда со своей ношей. Затѣмъ взялъ заступъ и топоръ, заткнулъ то и другое за поясъ, взвалилъ куль съ трупомъ на спину и исчезъ въ чащѣ тайги.

Возвратился только утромъ съ топоромъ, заступомъ и съ пустымъ кулемъ...

— Какъ же извѣстны вамъ всѣ эти подробности,—спросилъ я своего собесѣдника, мужичка, разсказавшаго мнѣ про эти два событія.

— Я жилъ работникомъ у обоихъ купцовъ. Первый-отъ, какъ выпьетъ, такъ и разсказываетъ, какъ онъ объегорилъ своего хозяина. А про эфтова узналъ случайно Однажды, видишь ли, онъ разсорился съ своей бабой и вздулъ ее. Вотъ она то и выкорила его этимъ. А я въ это время въ кухнѣ отдыхалъ и все это слышалъ. На другой день она и спрашиваетъ меня: „Ну, Савушка, хорошо ли спалъ сегодня ночью? Не слыхалъ ли чего-нибудь?" „Нѣтъ, молъ, госпожа купчиха, ничего не слыхалъ", говорю я. Она мнѣ тоды стаканъ водки и подала. Значитъ обрадовалась"...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Счастливцы, обрѣвшіе фартъ.

Картина третья. Чен-ю круглая сирота. Дядя и двѣ тетки были чрезвычайно бѣдны. Обремененные собственными своими семьями, они совершенно не могли пріютить у себя сиротку. Нѣсколько лѣтъ скитался Чен-ю по добрымъ людямъ. То одинъ пріютитъ его, то другой, то третій. Наконецъ, нашелся одинъ добрый человѣкъ, странствующій торговецъ, который взялъ его къ себѣ и привезъ въ городъ.

Тутъ Чен-ю жилъ недолго: его отправили вмѣстѣ съ приказчикомъ и товарами во Владивостокъ. Путешествіе это было чрезвычайно интересно: Чен-ю въ первый разъ увидѣлъ море, пароходы, джонки и много, много разныхъ людей. Во Владивостокѣ соотечественники помѣстили его въ одинъ домъ прислугою. Здѣсь одиннадцатилѣтній Чен-ю сталъ дѣлать все, что приказывали: чистить рыбу, мыть посуду, топить печи, бѣгать въ разныя мѣста и т. д. Такъ прожилъ онъ тутъ лѣтъ пять. Потомъ „капитанъ“, у котораго онъ жилъ, собрался ѣхать въ Хабаровскъ. Взялъ съ собою и Чен-ю. Здѣсь прожилъ онъ у „капитана“ недолго: этотъ добрый человѣкъ уѣхалъ дальше вверхъ по Амуру. Онъ же, Чен-ю, распростившись съ нимъ, остался. На подаренные три рубля, Чен-ю купилъ двѣ банки изъ подъ керосина и, благодаря содѣйствію своихъ земляковъ, превратился въ водоноса. Сначала таскалъ своимъ соотечественникамъ. Потомъ стали нанимать его и русскіе „капитаны“. Первое время его заработокъ былъ небольшой—рублей шесть, семь въ мѣсяцъ. Потомъ увеличился вдвое и даже вчетверо. Изъ 20 руб., зарабатываемыхъ имъ такимъ способомъ, Чен-ю расходовалъ на пропитаніе рублей 6. Остальные отдавалъ на сохраненіе знакомому торговцу китайцу.

Такъ прошло лѣтъ одиннадцать, двѣнадцать. Во все это время Чен-ю возмужалъ и накопилъ порядочную сумму. По-

томъ случилось съ нимъ весьма важное событіе. Торговецъ, у котораго были его деньги, задумалъ кочевать на родину. А такъ какъ денегъ, принадлежащихъ Чен-ю, было немного болѣе тысячи, то онъ и предложилъ нашему водоносу взять вмѣсто нихъ лавочку, на рынкѣ, со всѣмъ товаромъ. Чен-ю согласился. И вотъ изъ водоноса онъ превратился въ торговца. Неглупый Чен-ю обновилъ и увеличилъ свой товаръ. А для привлеченія покупателей сталъ продавать кое-что на копѣйку—другую дешевле. Кромѣ того, разъ въ годъ ѣздилъ въ Цицикаръ за товаромъ. Дѣло пошло лучше, чѣмъ шло у прежняго торговца и дивидендъ его значительно увеличился. Такимъ образомъ прошло лѣтъ 17. Изъ бѣдняка Чен-ю превратился въ богатаго человѣка. И его потянуло на родину... Перепродавъ свое торговое дѣло одному изъ своихъ друзей-соотечественниковъ за крупную сумму и захвативъ свои тоже крупныя сбереженія, Чен-ю отправился въ путь.

Плылъ онъ въ лодкѣ, съ двумя нанятыми имъ знакомыми гребцами-китайцами. Сначала плыли около берега Амура, потомъ свернули на протоку. По послѣдней хотѣли доплыть до одной маньчжурской деревни, откуда, въ компаніи съ двумя соотечественниками, поджидавшими его, ѣхать дальше. Около полудня они причалили къ берегу, чтобъ сварить обѣдъ... Разложили огонекъ и поставили котелокъ съ обѣдомъ... Въ это время къ ихъ табору подошли двое русскихъ. Одинъ изъ нихъ былъ пріятель Чен-ю, ходилъ къ нему въ гости, покупалъ у него товаръ и т. д. Гостилъ къ этому русскому и Чен-ю. Предъ этимъ своимъ пріятелемъ русскимъ онъ не таился... Когда Чен-ю поплылъ, этотъ пріятель провожалъ его. Такъ вотъ этотъ другъ, со своимъ спутникомъ, русскимъ, и и подошелъ къ ихъ табору. По ученію великаго Будды, Чен-ю долженъ принять путниковъ и угостить, чѣмъ можетъ. Чен-ю такъ и сдѣлалъ. Всѣ усѣлись кругомъ костра... Во время угощенія одинъ изъ русскихъ всталъ и пошелъ въ лѣсокъ какъ будто за естественной надобностію. Когда онъ возвратился оттуда, китайцы не обратили вниманія изъ вѣжливости. Одинъ только другой русскій искоса поглядывалъ

на своего приближающагося товарища. Но не успѣлъ тотъ подойти, какъ за спиной Чен-ю раздался выстрѣлъ и гостепріимный хозяинъ табора растянулся безъ признаковъ жизни. Тоже случилось и съ остальными. Раздѣливъ между собою добычу, два пріятеля-русскіе исчезли...

Эту драму видѣлъ маньчжуръ. Онъ собиралъ какіе-то коренья. Въ полдень, желая отдохнуть, онъ легъ на траву, подъ тѣнь дерева и заснулъ. Разбудился, когда раздался выстрѣлъ. Боясь быть убитымъ, онъ не подавалъ ни малѣйшаго признака своего существованія при этой драмѣ.

За убійство этихъ трехъ путниковъ, съ цѣлью грабежа, осудили другихъ, русскихъ, бѣдняковъ, косившихъ сѣно въ то время, неподалеко отъ мѣста этого происшествія.

Картина 4-я. Герой этого маленькаго дѣльца интеллигентный мужчина, прекрасной наружности. Онъ съ образованіемъ. Его дипломъ подъ стекломъ и въ золоченой рамѣ виситъ на самомъ видномъ мѣстѣ его шикарной гостиной. Сосланный въ Сибирь *), онъ занималъ хорошую должность въ Т-вѣ Амурскаго Пароходства. Получая около 6000 руб. въ годъ, при готовой квартирѣ, онъ все-таки не былъ доволенъ этимъ, по его словамъ, ницейскимъ содержаніемъ. А потому занимался подрядами, поставками и внимательно смотрѣлъ въ „оба“, не представится ли ему „фартъ“. Благодаря этому внимательному взгляду „по сторонамъ“, онъ былъ счастливъ на „фарты“. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Нѣкто О., купецъ, накупивъ въ западной Сибири лошадей 50 штукъ, гналъ ихъ въ Уссурійскій край для сбыта. Благополучно доставивъ свой товаръ въ Хабаровскъ, онъ проситъ нашего героя о принятіи этихъ лошадей на пароходъ до Рыболова. Герой отказалъ ему. Купецъ задумался. Продать тутъ—мало выгоды, ждать оказіи—нельзя: надо кормить ихъ. Пришлось предложить нашему герою на выборъ коня.

---

*) За мошенничество.

Но ему мало одного, надо двухъ. Нечего дѣлать, далъ купецъ и двухъ... Въ тотъ же день купецъ уѣхалъ съ товаромъ въ Рыболовъ, а герой продалъ этихъ двухъ лошадей за 1400 руб.

Пятая картина. Герой этой картины тоже интеллигентный мужъ. Сначала служилъ въ полку. Уволенный оттуда судомъ офицеровъ, онъ поступилъ въ гражданское вѣдомство. Здѣсь занималъ солидную должность, а въ обществѣ пользовался почетомъ и уваженіемъ... Пользуясь также благорасположеніемъ и своего начальства, онъ энергично занимался поискомъ „фартовъ“. Въ этомъ случаѣ онъ былъ также счастливъ. Напримѣръ, однажды онъ получилъ подрядъ на заготовку вещей на крупную сумму—10,000 руб. По правиламъ крупную часть этой суммы слѣдовало выдать только по окончаніи подряда. Но, въ данномъ случаѣ, по знакомству и кумовству, всѣ 10,000 руб. были выданы ему сразу „для задатковъ“, тѣмъ болѣе, что онъ пользовался „заслуженнымъ общимъ довѣріемъ“. Кромѣ того, для исполненія подряда былъ данъ ему и отпускъ въ ближайшую область. По прошествіи срока подряда, былъ полученъ отъ этого мужа рапортъ, въ которомъ онъ доносилъ: „10,000 руб., полученные мною,—украдены, а потому вещи не могъ заготовить. Прошу сдѣлать распоряженіе объ удержаніи изъ моего жалованья украденной у меня суммы законными частями“. Говорятъ, это обычный излюбленный на Д. В. способъ поживиться на счетъ казны. „Пока будутъ вычитать по 10 или 15 р. въ мѣсяцъ, выйдетъ манифестъ и долгъ будетъ прощенъ“. Но начальство поступило иначе: этому мужу было предложено подать прошеніе объ отставкѣ. Что онъ и сдѣлалъ. А украденная у него сумма, для избѣжанія огласки и срама „для мундира“ всего вѣдомства, была внесена въ казну самимъ начальствомъ изъ собственности. Наканунѣ опубликованія приказа объ увольненіи въ отставку, по прошенію, съ мундиромъ и пенсіею, былъ приказъ о награжденіи его же высшимъ орденомъ „за примѣрно-усердную и безукоризненную службу“.

Въ отставкѣ этотъ мужъ пробылъ недолго. Черезъ два—три мѣсяца онъ уѣхалъ въ другой городъ Пріамурья, гдѣ и поступилъ на государственную службу, тоже на солидную и доходную должность.

— Такъ вотъ какъ слѣдуетъ, батенька, деньги-то наживать. Нечего смотрѣть имъ въ зубы и выжидать алтыны. Надо съ ними по-свойски,—закончилъ мнѣ свой разсказъ „искатель фартовъ".

6 картина. Герой этой картины въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ *превосходный* человѣкъ.

Познакомился я съ нимъ въ собраніи, случайно.

— Это хрюковскій американецъ: умѣетъ сколачивать капиталъ,—говорилъ мнѣ про него одинъ изъ его знакомыхъ.

— Безусловно честный и порядочный человѣкъ. Въ противномъ случаѣ не состоялъ бы на службѣ и не былъ бы тѣмъ, что онъ есть,—говоритъ другой.

— Съ такимъ солиднымъ капиталомъ, какой у него въ настоящее время, служебное положеніе и причисленіе его къ рангу превосходныхъ людей, великолѣпная вещь. Благодаря первому и второму уже теперь онъ вращается въ высшихъ сферахъ хрюковскаго bone Monde. Кругъ его близкихъ знакомыхъ и друзей исключительнопревосходнѣйшіе люди,—говорилъ третій почитатель его.

— Вотъ человѣкъ, достигшій высшаго предѣла счастія на этомъ свѣтѣ. Между тѣмъ онъ началъ службу съ чина коллежскаго регистратора и съ должности канцелярскаго служителя-писца,—говорилъ четвертый.

— Съ такого ничтожнѣйшаго званія добраться до 10-ой ступени табельной лѣстницы и пріобрѣсти честнымъ трудомъ капиталъ,—для этого надо геніальный умъ и сильный характеръ,—говоритъ пятый.

Эти отзывы почти всѣхъ интеллигентовъ Хрюковска. Какъ хорошо они характеризуютъ ихъ.

У Лихоманкина *) нѣсколько большихъ домовъ въ Хрю-

*) Фамилія героя этой шестой картины вымышлена.

Авторъ.

ковскѣ. Въ одномъ живетъ самъ, а другіе отдаетъ въ кортомъ. Строили ихъ наши сѣрые раб. „по обязанности службы“, за вѣчное блаженство за гробомъ...

Въ первомъ роскошная обстановка, прислуга, пара рысаковъ, экипажи, хорошій поваръ... Разъ въ недѣлю онъ задаетъ въ своемъ дворцѣ журфиксъ. Общество у него—вся хрюковская аристократія.

Говорятъ у него дѣйствительно полмилліона.

Онъ занимается поставкою дровъ. Дѣлаетъ это съ первыхъ же годовъ пребыванія въ Хрюковскъ (1884 г.), между прочимъ, „въ свободное отъ службы время“. Не оставляетъ того и другого и нынѣ.

Въ первое время заготовляли дрова его раб. За это онъ не платилъ имъ ни гроша. Потомъ сталъ нанимать манзъ—весьма дешево. Послѣдніе работали и работаютъ подъ наблюденіемъ тѣхъ же раб—въ.

Нынѣ общая сумма ежегодныхъ заготовокъ его для учрежденій военнаго и гражданскаго вѣдомства доходитъ до 50,000 руб. Изъ нихъ: расходовъ на рабочихъ и проч. 3,000 р. Остальные—чистый дивидендъ.

До учрежденія лѣсничествъ заготовка шла безпрепятственно. Съ учрежденіемъ же ихъ пришлось лавировать. Меньшую часть поставки заготовлялъ въ казенныхъ дачахъ, имѣя дѣло съ объѣздчиками. А большую пропзводилъ на китайской сторонѣ.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ его операцій по заготовкамъ. Дѣло происходило въ началѣ XX вѣка.

Мѣсто заготовки—южное побережье бол. рѣки, отъ устья бол. протока до малой К***... на пространствѣ 200 верстъ длины и около 50 в. ширины. До него здѣсь ежегодно заготовляли дрова для пароходства инородцы, жители станицъ, и иностранцы... Когда его управляющій приступилъ въ заготовкѣ, то встрѣтилъ здѣсь много посторонних заготовщиковъ съ большими запасами уже заготовленныхъ дровъ. Посовѣтовавшись со своимъ хозяиномъ и получивъ отъ него подробную инструкцію, онъ сталъ въ точности приводить ее въ испол-

неніе. Первымъ его дѣломъ было разогнать всѣхъ этихъ „свиней“ (по выраженію Лихоманкина). Для этого онъ пустилъ молву будто бы имъ, Лихоманкинымъ, взята концессія отъ правительства сосѣдняго государства на сохраненіе и эксплоатацію лѣсныхъ пространствъ сѣверо-восточной части его (государства). Для убѣдительности, распорядитель, по приказу хозяина, показывалъ всѣмъ постороннимъ заготовщикамъ и рабочимъ, въ этихъ лѣсахъ, свертокъ бумаги въ $1^1/_2$ сажени длины и въ двѣ четверти ширины, съ иностранными письменами. Имя „могущественнаго ноёна-богача Лихоманкина“ и видъ этого свертка съ зоченымъ ободкомъ и съ нарисованнымъ гербомъ сосѣдняго государства вверху— безъ словъ убѣждали всѣхъ и каждаго въ дѣйствительности концессіи. При объѣздѣ лѣса, оказалось нарублено дровъ, постороннимп еще больше, чѣмъ предполагалось. Всѣ эти запасы отъ имени „всемогущаго барина“ и въ силу „трактата съ N—скимъ правительствомъ“ отбирались въ пользу Лихоманкина за низшую плату, по 2 р. 70 к. за сажень. При этомъ заготовщикъ за ту же плату долженъ былъ доставить дрова на берегъ б. рѣки. Всѣхъ отобранныхъ такимъ образомъ было около 20,000 саж. Всѣ онѣ были вывезены бѣднякамп заготовщиками куда слѣдовало, по указанію управляющаго. Впослѣдствіи, послѣ того какъ всѣ посторонніе заготовщики были спроважены изъ этого лѣса, управляющій Лихоманкина все лѣто продавалъ эти дрова пароходамъ за 4 р. 50 к. сажень. На нихъ Лихоманкинъ пріобрѣлъ безъ всякой затраты труда и денегъ по 1 р. 80 к. съ сажени.

Между тѣмъ съ большинства мелкихъ заготовщиковъ, за невыполненіе контрактовъ, о поставкѣ дровъ, судомъ взыскивались неустойки и задатки. Многіе изъ нихъ были раззорены этимъ въ конецъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ безъ ропота покорились, вѣря этой концессіи. Но, между нимп нашелся одинъ смельчакъ, не признающій её. Желая убѣдиться, онъ отправилъ телеграмму въ С., прося иностраннаго администратора разрѣшить ему заготовить въ этихъ лѣсахъ до 300 саж. дровъ. Между про-

чимъ упомянулъ въ ней и о запрещеніи концессіонеромъ Лихоманкинымъ рубить и покупать тамъ дрова. Отвѣтомъ на эту телеграмму было объявленіе С. наена *) кому слѣдуетъ.

Первый извѣщалъ: „Просителю разрѣшается заготовить дрова съ уплатою попенныхъ ему, косну. Что касается до мнимыхъ концессіонеровъ, то означенное иностранное правительство никому не давало концессіи на сохраненіе и эксплоатацію лѣсногно пространства на южномъ побережьѣ б. рѣки отъ бол. до малаго протока".

Однако управляющій Лихоманкина успѣлъ и заготовить, и вывести куда слѣдуетъ до 100,000 саж. дровъ. Кромѣ того, отъ отобранныхъ 20,000 саж. нажилъ 36,000 р. Все это въ одинъ годъ.

7-я карт. Герой этой картины важная особа.

— *Баронъ фонъ-Финтиплюй* **) русскій нѣмецъ. Считаетъ себя крупнымъ, родовитымъ аристократомъ, чистѣйшей крови. По его словамъ, онъ родственникъ одного изъ королей Германіи. Мало этого, считаетъ себя родственникомъ еще другой царствующей династіи, въ сосѣдней монархіи. Въ 17 и 18 вѣкахъ фонъ Финтиплюямъ принадлежали будто бы всѣ земли края. А населеніе его было будто бы ихъ рабами. „По настоящему этотъ край долженъ бытьмоимъ королевствомъ". А королемъ его—слѣдовало бы бытьему, Финтиплюю. Какъ родственникъ королей, онъ очень гордъ. Подаетъ руку только титулованнымъ: графамъ, баронамъ и князьямъ. Изъ чиновной братіи—статскимъ совѣтникамъ и выше. Онъ говоритъ: „Я дѣлаю Россіи великую честь, состоя на службѣ по гражданскому вѣдомству".

Какъ истый аристократъ, какъ представитель „*сливокъ знати благородной*" онъ считаетъ трудъ позоромъ для себя.

— Ни мы, ни наши предки не трудились, а исключительно или дрались или наслаждались.

---

*) Сосѣдняго государства.
**) Фамилія вымышлена.

Авторъ.

— Да намъ и не было надобности трудиться. На насъ работали милліоны рабовъ. Они были—наша собственность. Мы что хотѣли, то и дѣлали съ ними. И они не смѣли даже роптать. Повелѣвать милліонами людишекъ—это наивысшее наслажденіе!

— И нынѣ у насъ есть рабы. По крайней мѣрѣ у старшаго брата—помѣщика.

Что касается лично до него, то онъ прокутилъ свое имѣніе и рабовъ. Промоталъ и капиталъ.

— Служа при Дворѣ, въ кавалергардахъ, я не могъ не кутить!

— Но я и теперь не нищій, говоритъ онъ. Откровенно говорю: не нуждаюсь въ службѣ. Могъ бы прожить спокойно, занимая одну изъ должностей при Дворѣ.

Но, въ его судьбу, по разсказу потомка и родственника королей, вмѣшался N—скій генералъ-губернаторъ К... По этому поводу онъ говорилъ слѣдующее:

— Хотя обѣ русскія столицы и крупные города, но порядочныхъ людей дѣйствительно съ высшимъ образованіемъ тамъ маловато. Обыкновенно ихъ ищутъ днемъ съ огнемъ и не находятъ. Дѣйствительно образованные только мы, нѣмцы!

Когда икъ былъ назначенъ въ Хрюковскъ, то онъ: „пожелалъ сформировать свою канцелярію исключительно изъ порядочныхъ людей, съ солидивйшимъ образованіемъ“.

Между прочимъ былъ приглашенъ и нашъ баронъ.

— Мнѣ не хотѣлось ѣхать, въ этотъ дикій край.

Если и согласился, то на усиленныя просьбы . . . .

По словамъ послѣдняго: „Если онъ, Фнитиплюй, не поѣдетъ съ нимъ, то и онъ тоже.

— Слѣдовательно, не я нуждался, а во мнѣ нуждались,— заканчивалъ обыкновенно нашъ аристократъ свою обычную исповѣдь.

Такъ вотъ какъ нашъ баронъ очутился въ Хрюковскѣ.

Здѣсь прослужилъ онъ въ крупной должности при генералъ-губернаторѣ 10 лѣтъ. Получая содержанія по нѣсколько сотъ руб. въ мѣсяцъ и ничего не дѣлая, онъ жилъ какъ

истый аристократъ: дрался, со своими и чужими рабами, и наслаждался съ хорошенькими рабынями. Если ему поручали разслѣдовать какое-нибудь скандальное дѣло, онъ ѣздилъ на четверикѣ, съ лакеями, съ секретаремъ и съ поваромъ. Пріѣдетъ, набьетъ кое-кому морду, вышибитъ нѣсколько паръ зубовъ, своротитъ скулу, а то и двѣ, и возвращается также торжественно. Въ канцелярію являлся только 20-го числа и сидѣлъ исключительно въ присутствіи, въ кабинетѣ управляющаго.

Въ началѣ службы здѣсь нѣсколько лѣтъ былъ въ командировкѣ за границей, для „ничего недѣланья“. (Собиралъ данныя для устройства и установленія разной, никому и ни къ чему непужной, ерунды. Собранный матеріалъ въ такого рода командировкахъ обыкновенно подшивается къ дѣлу: „къ свѣдѣнію“ крысамъ и мышамъ). Какъ командируемый за границу, нашъ баронъ получилъ громадньйшій сумму деньжищъ, болѣе 25,000 р. Въ числѣ этой суммы невзачетъ годовой окладъ жалованья, суточные, двойные прогоны и проч. *)

Когда проектъ о насажденіи въ хрюковскихъ-палестинахъ помѣщиковъ и о надѣлѣ ихъ крупными участками лучшей

---

*) Въ уст. о. заготов. (св. вен. пост.), есть статья о командированіи чиновниковъ для „открытія справочныхъ цѣнъ“ на зерно, муку, крупу. Она изъ самыхъ древнѣйшихъ, когда не существовало волостныхъ правленій и брать справочныя на означенные продукты было неоткуда. Въ настоящее время нѣтъ никакой надобности въ этихъ командировкахъ, а слѣдовательно и въ статьѣ закона: о цѣнахъ доставляютъ свѣдѣнія, кромѣ волостныхъ, уѣздныя полицейскія, областныя и губернскія правленія, и даже крестьянскіе начальники. Тѣмъ не менѣе пользуются и пынѣ этой статьей: ежегодно командируются солидные чинушки на нѣсколько мѣсяцевъ въ сосѣднія губ. и обл. Дѣйствительная цѣль ихъ—дать возможность своимъ хищникамъ положить въ карманъ тысячи двѣ, три рублишекъ, „отдохнуть и провѣтриться“. Такихъ статей, дающихъ возможность совершать подобныя „плодотворныя“ экскурсіи для ничего недѣланья и наживы, въ нашихъ законахъ много.

Авторъ.

земли, былъ утвержденъ, фонъ-Финтиплюй первый воспользовался имъ: взялъ себѣ 100 дес. самой лучшей и живописнѣйшей земли на самомъ югѣ края. Мало этого, выхлопоталъ такой же кусочекъ своему вѣрному рабу, тоже нѣмцу, (камердинеру).

По прошествіи 10 лѣтъ получилъ высшую превилегированную пенсію въ размѣрѣ полугодового оклада жалованья, около 2,500 р. въ годъ. Пожелавъ прослужить еще 10 л. въ этомъ „дикомъ краѣ“, чтобъ заслужить пожизненную пенсію въ размѣрѣ полнаго годового оклада (5,000 р.), нашъ баронъ, по желанію, былъ назначенъ, на „соотвѣтствующую“ должность.

Въ этой домжности онъ только получалъ жалованье, около 8,000 р. (и пенсію).

Обязанности же его исполняли другіе. Самъ фонъ-Финтиплюй почти все это время былъ въ отпускахъ за границей и въ остзейскомъ краѣ. Напримѣръ, по окончаніи 6 мѣсяцевъ отпуска, является на мѣсто службы, пробудетъ недѣлю, или полторы, получитъ содержаніе и пенсію за нѣсколько протекшихъ мѣсяцевъ (около 8,000 р.) и снова просится въ 6-ти мѣсячный отпускъ, съ содержаніемъ и по болѣзни.

Его пріятель—докторъ, тоже нѣмецъ, далъ ему медицинское свидѣтельство о „*безнадежномъ положеніи*“ совершенно здороваго „*больного*“. Отпускъ конечно разрѣшался, и нашъ больной снова снова уѣзжалъ на полгода, чтобъ чрезъ 6 мѣсяцевъ опять прибыть сюда на недѣлю, взять „свои деньги“ и опять уѣхать. Такъ прошло еще 10 лѣтъ. Заполучивъ пожизненную пенсію въ размѣрѣ годового оклада жалованья (5,000 р.), общегражданскую, усиленную, по случаю болѣзни, 1200 р. и продавъ свою землю за 15,000 р. баронъ фонъ-Финтиплюй навсегда покинулъ Россію. Впрочемъ, такъ дѣлаютъ всѣ наши превосходные и высоко-превосходные люди: набьютъ карманы золотомъ и за границу, въ злачныя мѣста.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Дѣлишки привилегированныхъ. Показная и домашняя стороны современнаго человѣка вообще, и пріамурца въ особенности.

Жаль, что изъ многихъ, извѣстныхъ мнѣ подобныхъ живыхъ и движущихся картинъ могу разсказать только объ этихъ семи...

Говорятъ, въ послѣднее время фартовъ въ Пріамурьѣ, около казеннаго пирога, значительно увеличилось, сравнительно съ прежними неблаженными, въ этомъ отношеніи, временами. Одно время всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали желѣзно-дорожной дѣятельности на Маньчжуркѣ. Когда она была открыта, всѣ энергично-жаждущіе отхлынули туда изъ Пріамурья. Къ сожалѣнію, Маньчжурка окончилась... И вотъ стали добиваться и устно*) и письменно постройки желѣзной дороги чрезъ Амурскую область, отъ Хабаровска до Срѣтенска. Разрѣшили ее и начали строить...

Фартовъ опять множество. И по количеству и по качеству они превзошли даже самыя скромныя ожиданія. Напримѣръ, фартистые подрядчики, располагая сначало 5-ю, 6-ю тысячами рублей, въ одинъ, два дня пріобрѣтали полумилліоный капиталъ. Напримѣръ, Мартынъ Грѣховъ. По его словамъ, сначала въ его бумажникѣ всего капитала было 5,000 рублей.

Заявившись къ главному заправилѣ постройки амурской чугунки, онъ употребилъ всю эту сумму на подмазку. Благодаря ей получилъ подрядецъ на $2^1/_2$ милліона. Для залога взялъ у знакомаго купца 120,000 р. на пять дней, за солидные проценты. Дня черезъ два уступилъ его Антону Фирсову, своему пріятелю, со скидкой 500,000 р. Изъ нихъ 10,000 р. ушли на проценты за 120,000 р. и на подмазку. Черезъ недѣлю Фирсовъ уступилъ тотъ-же подрядъ Ожегину со скидкой 400,000 р. Послѣдній Фокину со скидкой 300,000 р. Этому

---

*) Посылались депутаціи и проч.

пришлось работать. Но, и онъ не зѣвалъ: сдиралъ съ рабочихъ три шкуры...

А то вотъ еще фартистое дѣльце на амурской чугункѣ. Открыли прачешныя съ 10, 15 красавицами. Хотя и прачешныя, но стиркой не занимаются.

Открыли лавки съ разными товарами, въ особенности съѣстными. Цѣны божескія: кунгурскіе сапоги 15 р., кумачевая рубаха 10 р., фунтъ сахара 50 к., мясо 40 к., бутылка водки отъ 2 до 3 рубл. и т. д.

Открыли обжорки. Пять здоровенныхъ бабъ жарятъ и варятъ цѣлый день. Днемъ работаютъ на хозяина, а ночью на себя... Открыли чайныя. Тоже выгодное дѣльце.

Однимъ словомъ здѣсь пріобрѣтаетъ большія деньги масса народа Проживаются, до костюма Адама, одни рабочіе, уносящіе отсюда, вмѣсто денегъ, сифилисъ, ревматизмы...

Но, изъ вышеизложеннаго о жаждующихъ усматривается между прочимъ одно бстоятельство: въ поискахъ за фартами всѣ они относительно свободны. Заполучивъ выпавшій на ихъ долю фартъ, въ большинствѣ случаевъ они исчезаютъ изъ мѣста гдѣ обрѣли его. Тѣ же, которые не удостоились этого счастія въ одномъ мѣстѣ, ищутъ его въ другомъ и т. д. Этихъ преимуществъ лишены привилегированные жаждующіе. Напримѣръ герой послѣдней, пятой картины. Состоя на службѣ и связанные по рукамъ, по закону они не могутъ примѣнять свои таланты въ поискахъ за этимъ талисманомъ. Не всѣ такіе удачники, какъ тотъ же герой пятой картины. Тѣмъ не менѣе, благодаря интеллигентности, они прекрасно обходятъ эти условія, нѣсколько ограничивающія свободу дѣйствія.

Напримѣръ, я довольно часто знакомился съ предпріимчивостью женъ гг. привилегированныхъ.

Разскажу кратко о дѣятельности этихъ барынь: жена такого-то торгуетъ на дому рыбой. Покупая въ извѣстное время рыбину по $^1/_2$ коп., продаетъ не дешевле 1 руб. Желая пріобрѣсти ея какъ можно дешевле, скупаетъ большею частью протухлую, забракованную.

Жена такого-то ежегодно беретъ подряды на поставку

дровъ въ казенныя учрежденія. Мужъ ея немалый чинъ, получающій по должности солидное содержаніе, главный дѣятель по этимъ подрядамъ. Благодаря праву имѣть двухъ сѣрыхъ раб., предметъ поставки заготовляютъ и вывозятъ послѣдніе безъ всякихъ хозяйскихъ расходовъ [1]): кушаютъ свое, одежда тоже своя. Ничего лишняго изъ своего кармана баринъ не даетъ имъ. Не даетъ и необходимое.

Жена такого-то по подрядамъ поставляетъ въ войсковыя части говядину и жиръ. Для послѣдняго держутъ десятка два свиней. Особый раб. пасетъ это стадо на мѣстахъ свалки городскихъ нечистотъ... Затѣмъ, баринъ-хлѣбодавецъ, другъ-пріятель самого, ежемѣсячно посылаетъ ему по нѣскольку мѣшковъ сметокъ [2]). Эта мука идетъ на кормъ свинюшкамъ. Кромѣ того самъ ведетъ обширное знакомство съ крестьянами и казаками, даетъ имъ деньги за $^0/_0{}^0/_0$... Должники въ уплату долговъ, доставляютъ ему скотъ нандешевѣйшій. Не бѣда если эти животныя по подозрѣнію должны быть убиты и сожжены. За то они чрезвычайно дешевы. Вѣдь извѣстно— что для русскаго здорово, то для нѣмца смерть. Говорятъ, цѣны мяса и жира по этой поставкѣ въ 4 раза дороже, чѣмъ стоили заготовщику (по отчетамъ).

Жена такого-то беретъ ежегодно подряды на поставку овощей. Говорятъ: „Три четверти этого добра ежегодно вывозятъ за городъ и употребляютъ на кормъ свиньямъ, какъ негодныя въ пищу человѣческимъ существамъ“. Толкуютъ: „Эти овощи имѣютъ колоссальную стоймость“. Баютъ [3]): „Часть ихъ все-что угодно, только не овощи“...

Жена такого-то содержитъ меблированныя комнаты съ многочисленной женской прислугой. Всѣ апартаменты заняты молодыми и холостыми военными и гражданскими служащими. Говорятъ, нравы здѣсь благородныхъ домовъ... терпимости.

---

[1]) Смотри главу 7, стр. 69—72 этого тома.

[2]) При операціяхъ въ *хлѣбныхъ магазинахъ* мука сыпится изъ дыроватыхъ кулей. Ее сметаютъ въ особые мѣшки. Вотъ она-то и называется сметками. По закону идетъ въ пользу хлѣбодавца.

Нѣсколько прекрасныхъ женъ-барынь взяли площади на поиски золота. Почти всѣ отдали ихъ въ аренду на выгодныхъ для себя условіяхъ.

Жена такого-то ежегодно беретъ подряды на заготовку бѣлья на нѣсколько сотъ человѣкъ. Получая холстъ и другіе матеріалы на 100 паръ, она умудряется изготовлять изъ него 150. Чрезъ годъ или два беретъ тотъ же подрядъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ: изготовить 400—500 паръ бѣлья изъ своего матеріала. При этомъ не покупаетъ его ни на грошъ.

Жена такого-то беретъ ежегодно подряды на починку казенныхъ вещей... Говорятъ: „Этотъ подрядъ одинъ изъ выгодныхъ“...

Жена такого-то содержитъ ренсковый погребъ....

Жена важной особы держитъ мелочную лавочку

Нѣкіе два мужа прослужили по 35 л. Изъ этого числа 10—12 л. строчили ассигновки, а 23—25 исключительно подписывали ихъ. Кажется самое бездоходное занятіе. Между тѣмъ вышло наоборотъ: купили по два, по три солидныхъ дома, своимъ многочисленнымъ потомкамъ дали высшее образованіе, несмотря на скудное содержаніе по должностямъ ихъ... Въ отставкѣ получили по 150 р. пенсіи, въ мѣсяцъ. Столько же дохода мѣсячнаго отъ недвижимаго имущества...

По словамъ компетентныхъ гражданъ Хрюковска всѣ эти барыни-предпринимательницы играютъ роль прикрытія. За ними, какъ за ширмами, скрываются ихъ мужья, солидные ноены, съ громкими кличками и увѣшенные блестящими бездѣлушками. Теперь они чрезвычайно набожны и богомольны. Сознавая грѣшки въ своемъ прошломъ, стараются замолить ихъ. Прислушиваясь къ ихъ бесѣдамъ, часто слышалъ отъ нихъ слѣдующее:

— Мы пріѣхали сюда, за тѣмъ, чтобы навсегда освободиться отъ объятій нищеты. Одного жалованья, съ разнаго рода добавочными, недостаточно для этого. Получаемыя пенсіи: амурская, обще-гражданская и эмеритура—мизерны. Довольствуясь ими, можно помереть съ голоду.

Слышу это и отъ другихъ. Такъ что афоризмъ „*Довольствуйся малымъ*“—пережитокъ...

„Современныя поколѣнія привилегированнаго сословія не могутъ довольствоваться скромнымъ бюджетомъ, говоритъ въ обществѣ солидныхъ особъ пожилой инженеръ-генералъ.

„Прежде мы и наши барыни *) были скромнѣе въ своихъ желаніяхъ. Бывало въ одномъ и томъ же салопикѣ ходили и бабушка, и дочка и внучка. Явится новая мода въ покроѣ платья, сама перешьетъ, переладитъ на новый ладъ и носитъ. Въ хозяйственномъ обиходѣ не берегли своихъ бѣленькихъ ручекъ: по возможности дѣлали, все что нужно. Держали прислугу только солидные. Скромны были и потребности въ развлеченіяхъ. Пройдутся по улицѣ, по бульварчику, посидятъ на скамеечкѣ въ общественномъ саду, среди своихъ родственниковъ и друзей, зайдутъ кое-кому въ гости, примутъ и къ себѣ кого-нибудь. А станетъ скучно, засядутъ за карты: поиграютъ въ дурачки, въ свои козыри. Или раскладываютъ пассьянсъ, поворожатъ... По праздникамъ сходятъ въ церкву... Вотъ и все. Въ одномъ какомъ-нибудь Хрюковскѣ рождались, женились, выходили замужъ... Тутъ же проживали всю жизнь никуда не выѣзжая, тутъ же и покидали сей міръ.

„А нынѣ далеко не то. Почти ежегодно надо барынѣ новыя пальто. И не одно, а нѣсколько и разныхъ, по сезону. Надо̀ ей и платья. Заказываетъ ихъ модисткѣ. И не одно, а нѣсколько: одно для визитовъ, другое для гулянья, третье для театра, четвертое для баловъ, пятое чтобъ надѣвать дома по праздникамъ. Разнообразны стали и потребности въ развлеченіяхъ. Надо ей непремѣнно посѣщать театръ, спектакли, маскарады, разнаго рода лекціи. Лѣтомъ необходимо освѣжиться: ѣдутъ на воды, на Волгу, въ Крымъ, въ Японію, въ Усольѣ, на Кавказъ, на родину, въ столицы. А то просто на дачу... А возвратятся домой новыя причуды: видѣли изобрѣтенную кухню, лампу, обстановочку, изящныя вещицы

*) Вообще въ Россіи, европ. и азіатской.

для комнатъ. Непремѣнно надо имъ это, хоть лопни... Надо рояль! Всѣ играютъ на немъ. А чѣмъ онѣ хуже другихъ! Какъ никакъ, а обзаведутся имъ, или возьмутъ на-прокатъ. Какъ слѣдуетъ не играютъ на немъ, а бренчатъ съ утра до вечера. Главное, всѣ знакомые знаютъ, что у нихъ есть рояль. Въ этомъ-то и вся суть!

„Теперь, когда барыня завела этотъ „штрументъ“, сама уже ничего не дѣлаетъ по хозяйству: боится изгадить свои ручки. Избави Богъ, если онѣ будутъ такія-же корявыя, какъ у стряпки. Тогда стыдно будетъ показать глаза добрымъ людямъ“. А какъ станетъ при гостяхъ играть на рояли?

„Для семьи и для барыни необходима прислуга, и не одна: стряпка и еще кого-нибудь“.

„Въ холодное время устраиваютъ карточные вечера. Садятся за зеленый столъ и барыня-хозяйка и ея гостьи. Играютъ по маленькой“...

„Нужны барынѣ и газеты: мѣстная и одна изъ столичныхъ. Надо ей и модный журналъ, интересный современный романъ, чтобъ въ бесѣдахъ въ обществѣ не ударить лицомъ въ грязь, не прослыть „невѣжей“... Въ обстановкѣ она уже не довольствуется, какъ ея мать, или бабушка, одной, двумя комнатами. Нѣтъ, ей надо отдѣльныя: для себя, для мужа, для дѣтей, столовую, особую для пріема гостей, отдѣльную кухню, съ комнатой для прислуги... Мебель необходимо приличную, мягкую... Надо застлать полы линолеумомъ. Холстинками и половиками уже не довольствуются. Сервизъ тоже надо хорошій За обѣдомъ не обходятся одними щами и кашей.

„Вѣдь мы не солдаты“, говорятъ супруги. Необходима и бутылка хорошаго вина. Пьютъ оба—предъ обѣдомъ и предъ жаркимъ.

„Надо и дѣтямъ дать образованіе“.

Среднимъ уже не довольствуются. Надо имъ высшее.

„Иначе о карьерѣ и не мечтай. Кромѣ того надо имъ и оставить что-нибудь“.

А какіе родители не помышляютъ о счастьи и о блестящей карьерѣ своихъ дѣтей?!

„Не лучше нашихъ женъ—мы, мужчины, продолжалъ тотъ же старичокъ-инженеръ. „Все свободное время проводимъ въ клубахъ, въ ресторанахъ. Здѣсь выпиваемъ, закусываемъ, играемъ и проигрываемся. Зимою дѣлаемъ прогулки, на тройкахъ и въ компаніи, за городъ. Лѣтомъ на воды и проч. Кому изъ насъ не надоѣдаютъ наши насѣдки—старыя, истасканныя?

Увы, увы—почти всѣмъ.

„Заводимъ любовницъ. Въ особенности пріятна молоденькая свѣжиночка старичку статскому совѣтнику! Хе-хе-хе!..

„На содержаніе метрессы нужны особыя средства. Жалованье, или пенсію, требуютъ наши законныя. И горе намъ, если наши супруги не досчитаются десятка два рублишекъ (кикиморы превосходно знаютъ сколько мужья получаютъ содержанія или пенсіи). Слѣдовательно на тайные расходы нужны особые, тоже тайные, источники. Гдѣ хочешь, а выдаживай ихъ!

Также живутъ и стараются жить, пожилые и даже старички. Одновременно молятся Богу и угождаютъ черту“.

На всѣ эти современныя „культурныя“ потребности надо не мало денегъ. Сколько-бы не увеличивали содержанія, а его все не достаточно. Съ содержаніемъ увеличиваются и потребности и прихоти“.

„Необходимо и сбереженіе на черный день“.

Бѣдность ужасаетъ всѣхъ. И не удивительно.

„Къ бѣднякамъ относятся съ нескрываемымъ пренебреженіемъ. А обладателей капиталовъ чтутъ какъ идоловъ“. Слышу я въ тысячу шестисотый разъ.

„Если я буду имѣть капиталъ, въ какомъ-бы видѣ онъ не былъ, буду свободенъ: что пожелаю, то и стану дѣлать; куда хочу туда и ѣду, что пожелаю то и пріобрѣту, слышу я въ тысячу пятисотый разъ.

„Моя личность меньше станетъ подвергаться всякимъ униженіямъ и притѣсненіямъ, если буду обладать капиталомъ, слышу я въ трехсотый разъ.

„Однимъ словомъ счастіе на землѣ возможно только обладателямъ презрѣннаго металла. Вотъ это, главное, и вынуждаетъ насъ всякими неправдами сколачивать капиталъ. И мы сколачиваемъ его всю жизнь, говорятъ двадцать человѣкъ изъ каждой тысячи *) всего народонаселенія Россіи.

Потребности и прихоти для удовлетворенія коихъ современному существу, въ образѣ человѣка, нужны капиталы, большею частью низменныя, животныя. Исключительное пристрастіе къ нимъ временное, переходное увлеченіе полу-дикаря. Кромѣ того, у современнаго представителя высшихъ цивилизованныхъ и культурнѣйшихъ расъ сѣв. Америки и Европы (не говоря уже о другихъ) еще и совѣсти нѣтъ. Она еще въ зачаточномъ состояніи. Пройдутъ вѣка и животныя потребности отойдутъ на задній планъ и сократятся. Ихъ мѣсто займутъ высшіе интеллектуальныя и высокоправственныя. Вполнѣ сформируется совѣсть, и не будетъ позволять грабить и обижать ближнихъ. Только тогда полу-скотъ въ образѣ янки и европейца XX в. превратится въ разумнѣйшее человѣческое существо.

Однако возвращаюсь къ прерванному разсказу о жаждущихъ фарта.

Мнѣ извѣстны нѣсколько случаевъ, что гг. сами, непосредственно, берутъ подряды... Мало этого, извѣстны факты подрядовъ и поставокъ, взятыхъ гг. по примѣру извѣстнаго въ Пріамурьѣ богача, купца — еврея Шлезингера. Примѣръ этотъ весьма назидательный и съ нимъ стоитъ познакомиться.

Однажды ему предложило начальство взять крупный подрядъ. Къ сожалѣнію взять онъ не могъ его, не уплативъ въ казну пошлинъ около 500 р-, какъ 1-ой гильдіи. Но, что нельзя еврею купцу 2 гил., то можно простому обывателю бѣдняку. И вотъ г. Шлезингеръ находитъ бѣдняка—обывателя Коляденко, владѣльца убогой лачуги и коня, беретъ этотъ подрядъ какъ довѣренный его (Коляденко)...

---

*) 15+5=20. См. „Календарь Суворина“ на 1910 г. стр. 93.

Настолько выгодны эти подряды, поставки и проч. торгово-промышленныя предпріятія, приведу нѣсколько фактовъ.

Одинъ сообщилъ мнѣ однажды по секрету, что на заготовкѣ разнаго рода казенныхъ вещей онъ нажилъ въ короткое время 25,000 рублей.

Другой не скрываетъ, что ежегодно зарабатываетъ на поставкахъ дровъ въ казну 3500 руб.

Третій, разсказывая мнѣ о преимуществахъ службы на Д. В., привелъ назидательный примѣръ, что онъ кромѣ крупнаго содержанія, пріобрѣтаетъ частно по 5000 руб. ежегодно.
Четвертый сообщая, по секрету, о преимуществахъ должности казначея-экзекутора, весьма ясно намекнулъ, что по заготовкамъ канцелярскихъ и проч. матеріаловъ и припасовъ онъ дѣлаетъ себѣ сбереженія около 1000 руб. „чистоганчикомъ“.

Пятый, состоя на службѣ, одновременно завѣдывалъ дѣлами водочнаго короля Г-на. Усчитывалъ кабатчиковъ его, получалъ дивиденды, посылалъ ихъ своему патрону, распоряжался транспортированіемъ водокъ и спирта и т. д. За всѣ это получалъ отъ Г-на 5000 р. въ годъ.

Конечно, не всѣ привилегированные дѣлаютъ подобныя сбереженія. Всѣхъ поставокъ, подрядовъ и торгово-промышленныхъ оказій едва-едва хватаетъ на одну треть всей ихъ массы. Остаются еще двѣ трети мелкой сошки, вынужденной довольствоваться пока пятилѣтками, десятилѣтками, амурской пенсіею, пособіями и прогонами для обратной, фиктивной поѣздки на родину. Но придетъ время и они выпустятъ когти и оскалятъ острые, окрѣпшіе зубы и клыки.

Эта дѣятельность ихъ, такъ сказать, домашняя, между дѣлами. Ее никакъ нельзя смѣшивать съ показной, парадной. Та и другая рѣзко отличаются другъ отъ друга. Для иллюстраціи, кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, разскажу еще о слѣдующихъ двухъ случаяхъ, рельефно показывающихъ какъ противоположны по своему этическому характеру поступки человѣка вообще въ домашней обстановкѣ и въ парадной—на виду у всѣхъ, въ особенности начальствующихъ. Эти случаи

произошли на моихъ глазахъ и я былъ невольнымъ свидѣтелемъ ихъ. Мѣсто дѣйствія—общественный садъ.

Однажды я гулялъ по пустыннымъ дорожкамъ его. Погруженный въ свои думы, я невольно и неожиданно набрелъ на слѣдующую картину. Группа молодыхъ людей отъ 16 до 20 лѣтъ, въ формахъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній*), потѣшались надъ почтеннымъ китайцемъ—купцомъ. Двое дергали его длинную косу, третій расположившись на ближайшей скамѣйкѣ, бомбардировалъ его орѣховой скорлупой, четвертый тыкалъ ему въ лицо крапивой, пятый изучалъ его костюмъ: безцеремонно растягивалъ его шелковую кофту, поднималъ его ногу, обутую въ китайскую обувь. Несчастный китаецъ напрасно пытался высвободиться отъ мучителей: всѣ его попытки были тщетны **).

На другой день, въ этомъ же саду была музыка и масса гуляющихъ. Нарядная публика состояла изъ офицеровъ и чиновниковъ, гуляющихъ съ дамами и барышнями, прекрасно одѣтыми по модѣ. Между прочимъ была тутъ же и эта группа молодыхъ людей. Теперь они сидѣли въ самомъ многолюдномъ мѣстѣ сада и громко обсуждали злобу дня—положеніе буровъ и ихъ семействъ, во время войны съ англичанами. Какія гуманнѣйшія идеи, какое состраданіе и милосердіе проповѣдовали они теперь! Какъ искренно возмущались они даже малѣйшимъ издѣвательствомъ побѣдителей надъ побѣжденными.

Въ столицахъ, на глазахъ начальствующихъ, представителей „заграницы“ и интеллигентнѣйшихъ дамъ и дѣвицъ—эти молодые люди благовоспитаны и просвѣщенно-гуманнѣйшіе. Здѣсь же, дома, безъ свидѣтелей—можно разоблачиться и погулять въ своемъ домашнемъ, азіатскомъ костюмѣ. Другой случай еще рельефнѣе указываетъ на эту противоположность домашнихъ и парадныхъ поступковъ.

Однажды я сидѣлъ въ томъ же саду. Время было обѣденное

---

*) Сыновья служащихъ каждое лѣто пріѣзжаютъ сюда къ родителямъ на вакаціи изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

**) Мѣстныя газеты нерѣдко печатаютъ о подобныхъ продѣлкахъ „ученой молодежи“ съ китайцами.

и кромѣ меня не было въ саду никого. Однако, спустя нѣсколько минутъ, пришелъ китаецъ и сѣлъ немного поодаль отъ меня. Потомъ пришли еще нѣсколько другихъ посѣтителей. Между ними былъ одинъ изъ генераловъ, съ адъютантомъ и молодой мужичекъ, одѣтый довольно прилично. Первые повидимому дѣлали предобѣденный моціонъ, послѣдній же слонялся отъ печего дѣлать. Пока первые гуляли по главной аллеѣ, время отъ времени проходя мимо насъ, мужичекъ, сидя возлѣ китайца, дружески бесѣдовалъ съ нимъ. При этомъ онъ угощалъ его табакомъ, поминутно называя: „друга-брата“, привѣтливо улыбался ему и по пріятельски трепалъ по плечу. Пріятно было смотрѣть на нихъ. Даже генералъ обратилъ на нихъ вниманіе и сказалъ своему спутнику о прирожденной гуманности у славянъ вообще, а у русскихъ вособенности.

— Вообще нашъ мужичекъ идеально благожелательный и гуманный и къ инородцамъ, и къ иностранцамъ.

— Да, да! Какъ ни одинъ изъ европейскихъ народовъ, кромѣ насъ конечно, слышу я.

Вскорѣ бесѣдующая пара ушла изъ сада. Едва они совершенно исчезли изъ глазъ, за заплотомъ сада, гуманности у мужичка какъ не бывало. Не говоря ни слова, онъ взялъ китайца за шею, пригнулъ его къ землѣ и, угостивъ нѣсколькими ударами по спинѣ, удалился, оглашая воздухъ своимъ веселымъ хохотомъ. Китаецъ со слезами на глазахъ поднялся и, тихо охая, поплелся изъ сада, понуривъ голову и почесывая спину.

Въ дополненіе къ этому приведу мнѣніе о насъ, русскихъ китайцевъ и нашихъ иногородцевъ.

— Руска шибко хитра е. Ноена е—руска шанго. ноена не—руска тигра е, говорятъ манзы.

Въ переводѣ: „Рускій очень хитрый. На глазахъ начальства онъ хорошій и ласковый, а нѣтъ начальства—онъ лютъ какъ тигръ“.

По словамъ тунгусовъ, гольдовъ и орочонъ для нихъ страшенъ одинъ только русскій.

Противъ тигра, медвѣдя и кабана есть пули, а противъ

русскаго нужна одна только хитрость—избѣгать встрѣчи съ нимъ.

Противъ васъ русскихъ, мы безсильны, сказалъ мнѣ въ Николаевскѣ одинъ гилякъ.

Не имѣя обширныхъ знакомствъ между инородцами, я не могу сказать утвердительно общее ли это мнѣніе всѣхъ инородцевъ или только говорившихъ.

Впрочемъ, по словамъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, въ Хрюковскѣ, это мнѣніе многихъ. При этомъ они разсказывали нѣсколько случаевъ, въ которыхъ фигурировали пріамурцы и инородцы (гольды и орочоны). Послѣдніе иногда привозятъ въ города Пріамурья дорогіе мѣха и битую птицу, чтобъ продать. Горожане будто бы нерѣдко обманываютъ ихъ: берутъ этотъ товаръ и не платятъ денегъ „мелочи нѣтъ, приди послѣ“, говорятъ они. На настойчивое требованіе, инородцевъ прогоняютъ, даже бьютъ, чему было много примѣровъ. Въ другихъ случаевъ фигурировали торговцы, отпускавшіе, вмѣсто денегъ за превосходные мѣха, гнилой товаръ и вдвое меньше, чѣмъ было условлено предъ этимъ. Тѣ и другіе факты повторяются и понынѣ.

Затѣмъ эта двойственность выражается и въ другомъ. Въ предшествующихъ главахъ я уже говорилъ о всеобщемъ страстномъ желаніи пріамурцевъ нажить деньгу, не разбирая средствъ. Между тѣмъ, если судить о нихъ (о гг. привилегированныхъ) по словамъ ихъ, то всѣ они какъ будто помышляютъ только объ однѣхъ высшихъ, выспренныхъ матеріяхъ. Напримѣръ, въ бесѣдахъ кстати и некстати приплетаются ими громкія слова: „Мои честныя и святыя убѣжденія“, „Наша тяжелая и трудная миссія“, „Наше безукоризненное и успѣшное исполненіе долга“, и т. д. При этомъ каждое вѣдомство львиную долю „исполненія этой тяжелой и трудной миссіи“ приписываетъ себѣ. Напримѣръ, по словамъ одного военнаго инженера—генерала: „Прогрессъ въ Пріамурьѣ своимъ существованіемъ главнымъ образомъ обязанъ инженерному вѣдомству*).

*) Унтербергеръ. Пріамурскій край.

А интендантство весь этотъ прогрессъ безъ всякихъ ограниченій приписываетъ исключительно себѣ. При прощальномъ обѣдѣ интенданту Попову, одинъ изъ интендантскихъ чиновниковъ между прочимъ говорилъ слѣдующее.

Интенсивно-прогрессивная дѣятельность и выдающіеся благіе для отечества результаты ея—вотъ краткое резюмэ службы Вашего Превосходительства въ этомъ краѣ, гдѣ до васъ земледѣліе было въ жалкомъ примитивномъ состояніи...

На эту рѣчь, виновникъ этого торжества, между прочимъ, отвѣтилъ слѣдующее:

Положа руку на сердце, скажу чистосердечно: въ васъ, господа, дорогіе мои сослуживцы и бывшіе подчиненные я, имѣлъ прекрасныхъ своихъ сотрудниковъ. И если моя служебная дѣятельность была не безполезна для отечества, то я не могу приписывать это одному себѣ: не малая доля прогресса, въ Пріамурьѣ, внесена и Вами, господа, въ сотрудничествѣ со мной.

Кстати не мѣшаетъ упомянуть объ этомъ сѣятелѣ пріамурскаго прогресса, В. К. Поповѣ. Его дѣятельность дѣйствительно была плодотворна. Когда онъ перешелъ въ лучшій міръ, то оставилъ наслѣдникамъ крупный капиталъ и ни одного гроша ни на школы, ни на хрѣмы, ни „Красному кресту...“

Этихъ примѣровъ, мнѣ кажется, достаточно для доказательства двухъ оболочекъ русской души вообще, а пріамурцевъ въ особенности.

Отчего же такая двойственность, такое противорѣчіе между домашней стороной нашего „я“ и показной, такъ сказать, парадной? Причина весьма простая.

Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно жизни чистой,
Человѣческой, плодотворное зерно...

Съ первой минуты появленія на свѣтъ до послѣдней, когда мы покидаемъ отчій домъ, слышимъ одно и тоже и отъ родителей, и отъ родственниковъ, и отъ друзей и знакомыхъ: о наживѣ, о сбереженіи, о пріобрѣтеніи дёшево, о продажѣ

дорого, о необходимости обмануть, о сильномъ желаніи получить въ подарокъ отъ другихъ, не возвратить должное, не додать обусловленное, пожить и погулять на счетъ своихъ ближнихъ... А главное о карьерѣ и о карьерѣ. Кромѣ того мы частенько видимъ какъ папы и мамы, не стѣсняясь насъ, дѣтей, предаются своимъ сокровеннымъ похотливымъ страстямъ, или заводятъ тоже съ прислугою, съ друзьями, или съ подругами своихъ женъ...

Но вотъ мы на университетской скамьѣ. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ слышимъ:

„Правды чистыя ученья“... Но, въ эту кратковременную пору „очищенія“, мы не въ состояніи преобразоваться, не въ силахъ пересоздать свое тѣло и душу, сложившихся въ исключительной атмосферѣ родительскаго дома, чистѣйшаго свинарника и помойной ямы.

И впечатлѣніе „очищенія“ остаются легкимъ и тонкимъ слоемъ лака. Послѣдній исчезаетъ, когда мы обзаводимся собственнымъ „очагомъ“. Иначе и быть не можетъ. Чтобъ быть орломъ и летать подъ облаками, надо родиться подъ облаками же, на скалахъ, не доступныхъ свиньямъ...

Но, одни ли мы подъ тонкимъ слоемъ культуры и цивилизаціи? Янки безспорно высоко просвѣщенные люди. Между тѣмъ, что только не продѣлываютъ они со своими неграми и индѣйцами А что дѣлали они на Филиппинахъ и съ японцами... Не говоря о среднемъ и мелкомъ чиновничествѣ, американскіе законодатели—они же фабриканты, заводчики воры и взяточники... Высокопросвѣщенные мореплаватели тоже не лучше первыхъ. Что только не продѣлываютъ они со своими индусами... А какъ они воевали съ бурами... Какъ обращались съ женами ихъ и дѣтьми... А ихъ лорды и пэры, читаю я, состоя на королевско-императорской службѣ, есть полное подобіе американскихъ законодателей. Французы... Панама, Дрейфусъ, Эмберы... Какая безподобная картина цивилизаціи и высшаго интеллектуальнаго состоянія современныхъ служилыхъ людей даже въ передовыхъ націяхъ!

Эта картина напоминаетъ мнѣ слѣдующій случай. Одинъ

молодой столяръ срубилъ въ лѣсу и привезъ домой сырорастущее бревно. „Когда оно высохнетъ, я употреблю его въ дѣло“ сказалъ онъ. Чрезъ годъ, предполагая, что оно совершенно высохло, онъ распилилъ его. Оказалось средина его еще сырая...

Мнѣ кажется, точно въ такомъ же состояніи находятся и передовыя націи сего вѣка: на первый взглядъ, безспорно онѣ просвѣщенныя и гуманныя. Но это только наружный слой... Внутри же нетронутые невещественные пережитки доисторическихъ временъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

(По пути въ Николаевскъ, чрезъ Константиновку).

Іюля 15. Признаюсь, порядочно надоѣла мнѣ эта столица Пріамурскаго округа, со всѣми живыми достопримѣчательностями. Поэтому неудивительно, что я чрезвычайно радъ перспективѣ навсегда покинуть этотъ городъ жаждущихъ деньгу, громкихъ титуловъ и блестящихъ знаковъ отличій.

Ура! Сегодня выѣзжаю отсюда! Вчера я уже простился со всѣми, впрочемъ немногими, но хорошими знакомыми. Простился и съ единственнымъ хабаровскимъ пріятелемъ Василіемъ Осиповичемъ Углевымъ. Онъ хотя тоже жаждущій, но имѣетъ и много достоинствъ. Простился я съ нимъ не навсегда: мы уговорились раннею весною будущаго года съѣхаться въ Благовѣщенскѣ, чтобъ отправиться къ золото-промысловымъ пирогамъ—онъ за фартами, а я познакомиться съ населеніемъ Амурской области, по Зеи вообще, и съ пріисковымъ въ особенности.

Было 10 часовъ утра, когда я перемѣстился съ квартиры на палубу парохода. Чрезъ часъ послѣ этого, онъ снялся съ якоря и мы отправились внизъ по Амуру.

Съ палубы я любуюсь ландшафтами. Сначало оба берега гористы и покрыты лѣсами. Правое побережье имѣетъ такой

видъ съ самой Хабаровки до Николаевска, съ немногими исключеніями. Лѣвое же измѣняется: отъ р. Дарги, вдоль Амура, тянется равнина. Ширина ея, говорятъ до 50 верстъ. Мѣстами она около 35. Длина ее до озера Болонъ, въ видѣ непрерывной полосы, 190 верстъ. Когда воды Амура, освободившись отъ льда, прибываютъ, эта низменность почти вся затопляется водою.

Мѣстами, сравнительно высокія части ея, выступаютъ изъподъ воды въ видѣ острововъ, полуострововъ и перешейковъ. Но вотъ вода спадаетъ и дней черезъ десять, пятнадцать вся эта равнина покрывается роскошной растительностью. Тутъ и кустарники, и травы съ яркими цвѣтами. Мѣстами, низкія части—болотистыя и кочковатыя, хотя тоже покрыты растительностью. Если пересѣчь эту равнину съ берега Амура, на сѣверо-западъ, то чрезъ 25, 30 верстъ мѣстность начинаетъ повышаться. Появляются увалы, грядообразныя возвышенности. Кустарникъ, перемѣшанный съ большими деревьями, совсѣмъ отступаетъ, давая мѣсто сплошному, высоко растущему лѣсу. Потомъ увалы превращаются въ горы и громадная равнина, раздробляясь на мелкія части, уходитъ между горъ то широкими, то сравнительно узкими долинами въ глубь страны.

Прочее побережье Амура, по обоимъ сторонамъ его, представляетъ слѣдующую картину. Мѣстами горы, покрытыя сплошными лѣсами, подступаютъ къ самому руслу Амура. Не отступая отъ него, тянутся нѣсколько сотъ саженъ. Мѣстами кряжи горъ, въ видѣ утесовъ, обрываются въ воду рѣки отдѣльными и отвѣсными скалами. Между такими скалами и утесами сравнительно узкія долинки, покрытыя роскошной растительностью. По срединѣ этихъ долинъ рѣчушки, впадающія въ Амуръ. Но вотъ горы отступаютъ отъ рѣки въ глубь края. Предъ нами широкая прирѣчная равнина. Мѣстами, по берегамъ рѣчушекъ и ручьевъ, чащи—кустариковъ, перемѣшанныхъ съ высокими деревьями. Мѣстами—луга и болото. Изрѣдко попадаются на такихъ равникахъ стойбище гольдовъ, или русская деревенька. Послѣдняя представляетъ

общую, безотрадную картину лачугъ, дворишекъ, сколоченныхъ кое-какъ, горы навоза—и нечистотъ.

Почти весь берегъ противъ такихъ поселеній покрытъ гніющими рыбными отбросами. Отвратительный зловонный запахъ встрѣчаетъ насъ за версту отъ деревни, или стойбища, если пароходъ плыветъ около праваго берега рѣки. На такое же разстояніе онъ и провожаетъ насъ за деревней или стойбищемъ. Такія картины повторяются на всемъ протяженіи Амура отъ г. Хабаровска до г. Николаевска.

Въ 6 часовъ вечера пароходъ остановился у такой деревеньки. Здѣсь я сошелъ на берегъ и съ трудомъ подыскалъ себѣ пристанище у одного обывателя, дня на два. Въ эти два дня я долженъ приготовиться въ путь вверхъ по рѣкѣ Дондонъ.

Хозяинъ домика, гдѣ я былъ принятъ, Пименъ Никодимовичъ, зажиточный мужикъ среднихъ лѣтъ. У него два домика, амбаръ, сарай и большая скирда соломы прошлогодней жатвы. Въ одномъ домикѣ живетъ женатый сынъ его, въ другомъ самъ хозяинъ съ меньшими членами семьи.

Мы сидимъ за самоваромъ и бесѣдуемъ. Послѣ обычныхъ его вопросовъ; кто, откуда и куда держу путь, въ свою очередь и я задаю Пимену Никодимовичу слѣдующій вопросъ.

— Какъ же мнѣ отправиться: на лодкѣ или на лошади?

— А докуда думаете ѣхать?

— Въ Константиновку.

— Значитъ чрезъ хребты?

— Да, да.

— Въ такомъ разѣ, надо на лошади. А съ кѣмъ?

— Вотъ это тоже вопросъ. Надо бы опытнаго и бывалаго охотника,—говорю я.

— Непначе. А на счетъ лошади какъ?

— Не знаю. Покупать не къ чему. Тамъ придется бросить ее или за безцѣнокъ продать.

— То-то и оно. Убыточно.

— Нельзя ли нанять проводника—охотника съ двумя лошадьми? На одной поѣхалъ бы я, на другой онъ.

— Можно и это. Только надо имѣть въ виду вотъ что: тамъ на хребтахъ и по спускамъ есть такія мѣста, что придется пѣшкомъ итти и даже помогать лошадямъ, пробираться...

— Ничего. Значитъ вы знаете этотъ путь?

— Какъ же мнѣ не знать его, коли я разъ двадцать на своемъ вѣку ѣзжалъ туда.

— А съ какой цѣлью?

— Первое на охоту, а второе съ господами.

— Вы и охотникъ еще? Самъ Богъ свелъ насъ. Вотъ и поѣдемте вмѣстѣ. Двѣ-то лошади найдутся у васъ, конечно?

— Нашлись бы и не двѣ, да вишь на работѣ. А отрывать никакъ нельзя. Одну еще—куда ни шло, можно.

— Въ такомъ случаѣ я найму себѣ лошадь у кого-нибудь здѣсь...

— Это можно.

Такимъ образомъ, обстоятельства сложились благопріятно къ моему путешествію. Уговорившись въ цѣнѣ, за сопроводеніе меня до берега Татарскаго пролива, Пименъ Никодимовичъ ушелъ искать лошадь мнѣ. Чрезъ часа два, три онъ нашелъ ее и даже привелъ хозяина.

Уговорившись съ послѣднимъ въ цѣнѣ и вручивъ ему задатокъ, мы дружески разстались.

— Теперь остается только обзавестись съѣстными,—сказалъ я, всему спутнику, когда мы остались одни.

— А вамъ чаво надо-ть?

— Напримѣръ, говядину.

— Этого добра добудемъ на дорогѣ сколь хошь

— Ну, чаю, сахару, хлѣба. У меня хотя и есть, но немного.

— Такъ значитъ нечего и хлопотать больше объ эфтомъ. Для себя у васъ есть, а я возьму себѣ. Главное пороху надо-ть, дроби и пуль. Вотъ что. Кромѣ того, не мѣшаетъ расдобыться вамъ потничкомъ и даже двумя.

Эта бесѣда велась поздно вечеромъ, а потому нечего было и думать о пріобрѣтеніи этихъ вещей.

На другой день, рано утромъ, я отправился въ китайскую лавку, гдѣ и купилъ двѣ большія кошмы.

Что касается до пороха и дроби, то этотъ запасъ купилъ мой спутникъ.

Упаковавъ всѣ дорожные припасы въ двѣ переметныя сумы и плотно закусивъ, мы вышли во дворъ, чтобъ сѣсть на лошадей.

— Такъ ты, кумъ, пожалуйста ужъ постарайся продать тамъ моего-то коня,—говоритъ моему спутнику хозяинъ моей лошади, держа ее за поводъ.

— Ладно, ладно. Тамъ можно взять за нее хорошую цѣну.

— То-то и есть. Да смотрите оба и въ оба дорогой-то, чтобъ не задавилъ ихъ звѣрь-какой, А то придется вамъ пѣшкомъ итти.

— Оборони Богъ. Пѣшкомъ-отъ, кумъ, по тропѣ-то, да по дебрямъ далеко не уйдешь. Ну, благословляйте!

— Съ Богомъ! Въ добрый часъ да во святой!—провожали насъ члены семьи Пимена Никодимовича.

И мы двинулись. Чрезъ нѣсколько минутъ были уже за деревней. Потянулась волнообразная равнина, поросшая богатой растительностью. И въ ложбинахъ и на плоскихъ возвышенностяхъ нерѣдко попадаются поля, и злаки, высоко и гордо поднявъ свои головки, почтительно раскланиваются съ нами.

— Скоро ужъ созрѣютъ. Вотъ, вотъ и жать надо.

— А хорошіе?

— Ничего. Не будемъ въ убыткѣ.

Вдали предъ нами все болѣе и болѣе выдвигается синѣющій кряжъ Спхота-Алиня. Выходя съ юга, словно изъ-подъ земли, и постепенно возвышаясь, онъ также и понижается на сѣверо-востокѣ, скрываясь за ближайшими темно-зелеными горами, отрогами его. Въ срединѣ послѣднихъ, прямо предъ нами воронкообразная выемка. Ея края, спускаясь, словно сливаются съ синѣющимъ главнымъ хребтомъ. Эта возвышенность окаймляетъ рѣчную долину Амура. Почва послѣд-

ней аллювіальная глина. Она очень плотна и не пропускаетъ влагу. Надъ ней тонкій слой чернозема, образовавшагося отъ сгнившихъ растительныхъ остатковъ. Этотъ слой главнымъ образомъ и дастъ корнямъ растительности необходимыя условія для произрастанія.

Не останавливаясь, мы ѣхали весь день, изрѣдка закусывая жареной говядиной. Къ вечеру мы были уже въ устьѣ долины рѣки Дондонъ. Лѣсистыя горы, окаймляющія эту долину, далеко уходили на востокъ, понижая и суживая ее.

Было 7 часовъ вечера, когда мы остановились на ночлегъ. Мѣсто, выбранное нами, было весьма недурное: это большая поляна, покрытая высокой растительностью. Съ одной стороны рѣка Дондонъ, а съ другой дремучій лѣсъ. Въ восточномъ углу поляны юрта гольда. Стая собакъ пеистовымъ лаемъ протестуютъ противъ нашего намѣренія устроиться на ночлегъ по сосѣдству съ ними. На берегу, противъ юрты, двѣ лодки. Около нихъ суетится вся семья. По примѣру своихъ собакъ, старшимъ семьи тоже, повидимому, не нравится наше намѣреніе: размахивая руками, они что-то выкрикиваютъ по нашему адресу. Младшіе же члены семьи, выпучивъ глазенки, съ удивленіемъ осматриваютъ насъ. Мой спутникъ подошелъ къ нимъ и, послѣ непродолжительной бесѣды, успокоилъ ихъ. Гольды замолчали и снова принялись хлопотать около лодокъ съ рыбой.

Не прошло и четверти часа, какъ мы уже дружески бесѣдовали съ ними, сидя около костра, разложеннаго нами на берегу рѣки. Лошади были стреножены и пущены на поляну на обильный подножный кормъ.

На другой день, рано утромъ, простившись съ гольдами, отправились далѣе. Мѣстность все болѣе и болѣе повышается на востокъ.

Дремучіе лѣса заполняютъ уже все пространство долины. Мы ѣдемъ между двумя высокими стѣнами дѣвственной тайги. Было жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо. Жутко—при мысли, что вотъ-вотъ выскочитъ изъ чащи уссурійскій тигръ; а хорошо при видѣ этого дѣвственно-прекраснаго лѣса, полнаго

очарованія, благоухающаго ароматами лѣснаго воздуха. При всемъ желаніи, не могу описать этотъ лѣсъ. Не нахожу подходящихъ словъ и сравненій... Всѣ употребляемыя въ этомъ случаѣ выраженія мнѣ кажутся чрезвычайно слабыми и мало пригодными...

Тропа, вмѣстѣ съ рѣкою, поворачиваетъ постепенно къ сѣверо-востоку и тянется у подножія то нависшихъ, то отвѣсно-возвышающихся утесовъ. Стѣсненныя ими, тропа и рѣка снова повертываютъ къ востоку, сдѣлавъ полукругъ верстъ 60—80. Этотъ полукругъ мы объѣзжали цѣлый день. Кончили его объѣздъ только вечеромъ. Вдали рѣка течетъ уже въ узкомъ ущельи. Не доѣзжая до него, мы останавливаемся на ночлегъ. Теперь уже мы одни. Кромѣ покинутаго кѣмъ-то шалаша, покрытаго корою березы, здѣсь не было ничего и никого. Для предупрежденія нападенія генераловъ тайги— отдыхаемъ чередуясь. Пока мой спутникъ спалъ, охранялъ таборъ я, съ револьверомъ. Съ полночи уснулъ, а на охрану сталъ мой спутникъ.

На другой день, рано утромъ отправились далѣе. Черезъ полчаса мы уже двигались по ущелью. Нашъ путь теперь весьма затруднительный. Чрезвычайно узкая тропа еще болѣе сузилась: повышаясь, она становится совершенно неудобной для ѣзды верхомъ. Поперекъ ея кое-гдѣ навалены и стволы деревьевъ, и громадные корни, и камни. А вѣтвистыя и густыя отъ листвы вѣтви сосѣднихъ деревьевъ, совершенно преграждали путь. Кромѣ того, мѣстами онъ (путь) преграждается оврагами и овражками рѣчекъ и ручьевъ. Неудивительно, что двигались мы медленно, почти шагомъ. Больше шли пѣшкомъ, чѣмъ ѣхали. Въ полдень сдѣлали привалъ, покормили лошадей, сварили обѣдъ и, уничтоживъ его, отправились далѣе. Вечеромъ остановились на ночлегъ. Ночевали благополучно. На слѣдующій день думали добраться до вершины. Къ сожалѣнію не доѣхали. Встрѣтивъ семью гольда, кочевавшую къ берегу Амура, для ловли кэты, мы воспользовались случаемъ, чтобы ночевать вмѣстѣ.

На другой день думали продолжать путь, но убѣдившись, что моя лошадь нѣсколько измучена, и пожалуй не выдержитъ пути, рѣшились передневать на этомъ же мѣстѣ. Тѣмъ болѣе и нашъ новый пріятель гольдъ, старый знакомый моего спутника, тоже дневалъ. День провели скверно: комары и мошки по прежнему не давали покоя ни минуты. Мало приноситъ пользы даже излюбленный у сибиряковъ дымокуръ. Впрочемъ мой спутникъ, не обращая вниманія на этотъ „гнусъ", продолжалъ спокойно совершать все то, что ему было нужно. Не вздыхая и не ворча на этихъ мучителей, онъ проходилъ цѣлый день по тайгѣ, охотясь. Къ вечеру возвратился съ большимъ запасомъ дичи. Что касается до меня, то я, знакомясь съ бытомъ гольдовъ, не покидалъ дымокура. Тѣмъ не менѣе мое лицо и вообще голыя части, представляли сплошные волдыри. Они горѣли и чесались. не позволяя сосредоточиться на изучаемыхъ. Кромѣ того не мало страдали и глаза мои отъ дымокура. На слѣдующій день лошадь оказалась въ нормальномъ состояніи и мы отправились далѣе.

Въ 10 часовъ были уже на вершинѣ. Корявыя и низкорослыя березы, мелкій дубнякъ, кедровникъ, растущіе среди низкаго кустарника, покрывали все пространство вершины. Мѣстами острокопечныя глыбы камней, почернѣвшихъ и порыжѣвшихъ отъ времени. указывали на существованіе когда-то сопокъ этого кряжа. Благополучно переѣхавъ вершину, мы съ трудомъ добрались до ручья, текущаго на востокъ. Здѣсь мы ночевали и на слѣдующій день отправились далѣе. О мѣстности, съ вершины до побережья, скажу въ общихъ чертахъ, не упоминая о ночлегахъ и о др. скучныхъ подробностяхъ нашего путешествія, чрезвычайно затруднительнаго и непріятнаго и для лошадей, и для насъ самихъ (главное отъ „гнуса").

Отъ самой вершины замѣтна рѣзкая перемѣна во всемъ. Береза, дубъ, кедръ, и др. деревья теперь стройныя, высокія и массивныя гордо тянутся къ облакамъ, какъ будто желая перещеголять въ этомъ другъ друга. Кромѣ нихъ по-

явились ель, пихта. Кругомъ глухая безпросвѣтная тайга. Ноги или проваливаются по щиколки въ зыбкій слой мха и изъ подъ ногъ брызжетъ вода, или скользятъ по гладкимъ и влажнымъ стволамъ и вѣтвямъ деревьевъ, погруженныхъ въ мохъ, или опираются на острые камни, торчащіе изъ земли. Ручей, около котораго медленно двигаемся, пробираясь или по узкому ущелью, между отвѣсными голыми скалами, или по низу пади, между крутыми боками горъ,—подмываетъ, въ первомъ случаѣ, вертикальныя стѣны скалъ, а во второмъ—промываетъ овражки и овраги. Мѣстами онъ течетъ частью и подъ утесомъ, и нависшія надъ нимъ массивныя глыбы, каждую минуту грозятъ свалиться. Мѣстами онѣ уже свалились въ русло ручья, преградивъ ему путь. Но послѣдній оказался сильнѣе этой громадной массы камня, и все-таки продолжаетъ свой путь, съ шумомъ и ревомъ, какъ бы хвастая своей побѣдой. Мы двигаемся съ поднятыми руками, стараясь предупредить удары вѣтвей по лицу. Но, освобождая лицо, мы волей-неволей игнорируемъ платье, которое цѣпляется за вѣтви и рвется. Кое-гдѣ, за невозможностью пробиться, или проѣхать по тропѣ, мы стараемся обойти эти непроходимыя мѣста по руслу ручья. Но и тутъ преграды. Вотъ напримѣръ нашъ путеводитель—ручей мчится по ущелью, между крутыми и покрытыми дѣвственнымъ лѣсомъ склонами горъ. Оно узко и густо поросло лѣсомъ. Заваленный кое-гдѣ большими глыбами камня, онъ неудержимо мчится мимо нихъ далѣе внизъ. Натолкнувшись на такіе камни, мы перескакиваемъ съ камня на камень и тащимъ за собою, за поводья, нашихъ лошадей, пугливо и осторожно шагающихъ по руслу ручья.

Или вотъ мы натыкаемся на стволы деревьевъ. Они нависли надъ ручьемъ, поперекъ узкаго ущелья. Если низко нависли, мы перескакиваемъ ихъ, поощряя ихъ и лошадей слѣдовать нашему примѣру. Если высоко, то вытаскиваемъ топоръ и съ помощью его пробираемся далѣе. Если бревно массивное и перерубить его скоро нельзя, стараемся обойти это мѣсто по крутому склону горы, если она не отвѣсная.

По мѣрѣ пониженія съ вершины, ручей, отъ впаденія многочисленныхъ ручейковъ, все болѣе и болѣе превращается въ рѣчушку. Русло ея шире и менѣе преграждено деревьями и скалами. Но дно ея попрежнему чрезвычайно каменисто и кое гдѣ имѣетъ глубокія мѣста, прорытыя сильнымъ паденіемъ воды. Однако, камни пошли мелкіе, обточенные со всѣхъ сторонъ. А еще ниже встрѣчаемъ уже хрящъ, перемѣшанный съ пескомъ. Такая же почва, съ примѣсью глины, и подъ окружающей богатой растительностью, съ тонкимъ верхнимъ слоемъ перегноя. Лѣсъ состоитъ изъ тополя, ольхи, вяза, ясеня, клена, дикой яблони, березы рябины, боярышника и т. д.

Вотъ рѣчушка подмыла берегъ. Росшія на немъ деревья лежатъ вывороченныя съ корнемъ. Въ полноводіе, когда она превращается въ бурный, стремительный и большой потокъ, такіе древесные трупы будутъ снесены внизъ, въ долину. Тутъ, гдѣ-нибудь на пути, они застрянутъ. Къ нимъ прибьется масса мелкихъ растительныхъ и древесныхъ частей, песокъ и даже камни. Все это будетъ затянуто во внутрь этой кучи, подъ бревнами и корнями, или скопится въ непроницаемый слой кругомъ ея. Послѣ полноводія это скопленіе будетъ уже внѣ русла рѣчушки и воды уже не станутъ касаться ея. Чрезъ нѣсколько лѣтъ она обростетъ растительностью. Послѣдняя поднимется частью изъ древесныхъ вѣтвей и корней, частью пробьется изъ нижняго грунта. Пройдутъ годы и эта масса осядетъ, сплотится и покроется слоемъ перегноя.

Или вотъ утесъ. Онъ обрывается въ рѣчушку отвѣсной стѣной. Размытый и полуразрушенный водою, льдомъ, морозомъ и быстрыми перемѣнами температуры, онъ осыпается. Осыпь, состоящая изъ мелкихъ частей, или уносится теченіемъ, или скопляется на мѣстѣ. Пройдутъ годы и она покроется лишаями и мхомъ. Попадутъ сюда сѣмена окружающей флоры и дадутъ обильные ростки. Такимъ образомъ бывшій когда-то утесъ, или скала, превращается въ лѣсистый склонъ горы. Стадіи этого превращенія намъ попадались ежечасно въ теченіе всего пути.

А вотъ незначительная рѣчушка превратилась уже въ рѣку.

Берега ея уже нѣсколько приподняты. Тропа, около берега, уже не преграждается на каждомъ шагу. Загражданотъ путь только одни многочисленные овраги и овражки, по которымъ текутъ рѣчушки и ручьи, впадающіе въ рѣку. Илисто-песчаные берега послѣдней густо поросли ивой, тальникомъ, осиной, тополемъ... За этой узкой полосой, по берегу рѣки, вздымаются или утесы, нѣсколько осыпавшіеся, и уже потерявшіе первоначальный скалисто-отвѣсный видъ, или параллельно тянутся то крутые, то пологіе отроги хребта, поросшіе лѣсомъ.

По мѣрѣ приближенія къ побережью Татарскаго пролива ущелья превращаются въ долины; богатая растительность, состоящая изъ высокоствольныхъ и стройныхъ деревьевъ, замѣняется, подъ вліяніемъ прибрежныхъ бурь и тумановъ, въ низко-рослую, чахлую и кособокую. Появляются поляны и мы, видѣвшіе до этого, въ теченіе 10-11 дней только одну узкую свѣтло-голубую полоску неба, теперь снова наслаждаемся видомъ всего небеснаго свода. Какъ ни хороша эта тайга, но гораздо лучше чувствуется мнѣ, когда вижу этотъ сводъ, ничѣмъ не закрываемый...

Все чаще и чаще встрѣчаемъ юрты инородцевъ...

Наконецъ, вдали зеркальная поверхность пролива. Вотъ онъ, давно желанный! Видимъ культурные постройки. Прощай матушка-тайга, со всѣми многочисленными и разнообразными дорожными невзгодами! Хороша и богата ты, но, повторяю, мнѣ пріятнѣе жить въ почтительнѣйшемъ разстояніи отъ тебя, красавица!

Мы прибыли въ Константиновскій постъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

(Гольды, ихъ бытъ, нравы и современное положеніе).

Августа 6. Въ Константиновкѣ я пробылъ около трехъ недѣль, ожидая парохода изъ Владивостока. На пути въ

Николаевскъ онъ обыкновенно заходитъ въ Императорскую гавань и въ Константиновскій постъ. Въ эти пункты завозятъ казенный и частный грузъ. Послѣдній для торгующаго здѣсь люда.

Проживая въ Константиновкѣ, я не скучалъ: дѣлалъ экскурсіи въ ближайшія и даже въ отдаленныя гольдскія деревеньки и улусы. Странствовалъ со своимъ спутникомъ Пименомъ Никодимовичемъ. Послѣдній, имѣя обширное знакомство между инородцами, скупалъ и вымѣнивалъ мѣха на порохъ и дробь. Интересовали меня гольды. Достаточно познакомившись съ ними, я вписываю въ этотъ дневникъ результаты этого ознакомленія.

Гольды или чольды (по Шренку) въ китайской литературѣ извѣстны подъ названіемъ „Кеченговъ“, „Хедженовъ“, и „Хейдзиновъ“. Эти названія присваивались имъ по мѣсту ихъ обитанія. Наши авантюристы-казаки называли ихъ Натками и Ачанами. Нынѣ, опять таки по мѣсту ихъ жительства, гольдовъ раздѣляютъ на три группы. Обитающихъ по Сунгари называютъ Киленями. Обитающихъ на низовьѣ Амура и его притокамъ—Ходзями, а по Уссури и его притокамъ Мангами. Въ сношеніяхъ съ русскими они называютъ себя: Уссури-гольди, Сунгари-гольди, Амуръ-гольди. Но, есть четвертая разновидность ихъ: таежные. Обитаютъ послѣдніе по большимъ и среднимъ притокамъ Амура, вдали отъ послѣдняго, на несколько десятковъ верстъ. Какъ принадлежащіе къ тунгусскому племени всѣ они неустойчивы и быстро подпадаютъ вліянію сосѣдней съ ними другой національности. Благодаря этому, все четыре группы нѣсколько отличаются одна отъ другой и въ одеждѣ, и въ нравахъ, и даже въ образѣ жизни. Напримѣръ, Келени носятъ одежду китайскаго образца, строятъ такія же жилища, какъ и сосѣди ихъ маньчжуры. Кромѣ того, къ своему культу примѣшиваютъ нѣкоторыхъ китайско-маньчжурскихъ идоловъ Ходзи многое позаимствовали у гиляковъ, живущихъ въ одномъ съ ними раіонѣ.

Человѣческое существо, на какомъ бы уровнѣ умственнаго и культурнаго развитія ни стояло, склонно заимствовать у

сосѣда, что-либо при условіи мирныхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ. Мнѣ кажется иначе и быть не можетъ. У врага, сношеніе съ которымъ старательно сводится на нуль, жилище котораго обходится, встрѣча съ которымъ тщательно избѣгается—обыкновенно мало что заимствуютъ. Во 1-хъ, врагъ игнорируется со всѣми его привычками и проч. Во 2-хъ, даже наименованіе врага ненавистно и служитъ синонимомъ всего дурного. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключеній и въ исторіи достаточно фактовъ заимствованія чего-либо полезнаго и у врага. Но, въ общемъ позаимствованія происходятъ большею частью при мирнымъ и дружескихъ отношеніяхъ.

Вглядываясь въ домашнюю обстановку гольдовъ, я почти не нашелъ въ ихъ жилищѣ заимствованнаго у русскихъ:—казаковъ, крестьянъ и городскихъ жителей, несмотря на полувѣковое сожительство ихъ въ краѣ. Другое обстоятельство, которое бросилось мнѣ въ глаза, при посѣщеніи гольдовъ,—это ихъ боязнь прибывшихъ къ нимъ. Безъ сомнѣнія, насъ, русскихъ, боятся аборигены края, наше прибытіе къ нимъ считается нежелательнымъ обстоятельствомъ. Напримѣръ, въ моментъ нашего приближенія къ юртѣ, самъ гольдъ стоялъ, обыкновенно, въ нерѣшительности у своего жилища. Глаза его со страхомъ слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ. Пока глава семьи встрѣчалъ насъ такъ непривѣтливо, младшіе члены семьи его, во главѣ съ матерью, повидимому, что-то припрятывали.

— „Не прячь, не прячь баба!“ кричитъ погольдки въ такихъ случаяхъ мой спутникъ. „Мѣха прячешь! Мнѣ шибко надо ихъ“.

Повидимому дѣйствительно мѣха прятались. И неудивительно: за самые дорогіе мѣха, гости платятъ чрезвычайно низкую цѣну. Напримѣръ, мой спутникъ фунтъ пороха, или небольшую коробку съ дробью старался промѣнять на соболью шкуру.

Но большинство русскихъ, любителей даровщины, привозятъ гольдамъ водку, спиртъ. Напоятъ всю семью гостепріимнаго гольда и обирутъ его дочиста. Забравъ всѣ мѣха—

за одну, двѣ бутылки, нашъ таежный цивилизаторъ исчезаетъ... Свои грабительскіе подвиги оправдываютъ такъ:

— Чѣмъ дешевле пріобрѣту мѣха, тѣмъ больше барыша мнѣ. Иначе для чего мнѣ ѣздить по тайгѣ? Если я не куплю у нихъ мѣха, то они продадутъ ихъ за безцѣнокъ китайцамъ, или жидамъ. Чѣмъ давать эти барыши нехрестямъ, такъ гораздо лучше пользоваться ими намъ, русскимъ,—говорилъ мнѣ Пименъ Никодимовичъ.

Какъ ни простъ и ни дикъ гольдъ, а цѣну своей дорогой добычи отлично знаетъ. Чтобы получить желаемую цѣну, онъ унесетъ шкуру китайцу или японцу.

— Почему же не несете къ нашимъ русскимъ торговцамъ?—спросилъ я въ Константиновкѣ одного зажиточнаго и бывалаго гольда-охотника, желая услышать отъ него что-нибудь новое объ отношеніи съ русскими.

— Ваши стараются почти даромъ взять нашъ товаръ. А не даемъ, онъ выманитъ хитростью, или прямо отберетъ, будто шутитъ... А больше дѣлаютъ такъ: напоитъ всѣхъ, да и беретъ, что надо ему.

Насколько это вѣрно, не берусь судить. Но если принять во вниманіе характеръ встрѣчъ гольдами русскихъ гостей вообще, а насъ въ особенности, то невольно вѣришь этой нелестной рекомендаціи со стороны инородцевъ: „гуманнѣйшихъ и доброжелательныхъ русскихъ“.

Впрочемъ, тайга Д. В. кишмя кишитъ бродягами. Тутъ и сахалинцы, и рабочіе съ пріисковъ. Если и случались грабежи инородцевъ, то, быть можетъ, этими шатунами.

Кромѣ этого, аборигенамъ еще памятны расправы и поголовное разореніе ихъ нашими многочисленными авантюристами.

Объ этихъ „подвигахъ“ у инородцевъ есть страшныя легенды, переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Однако, несмотря на все это, гольдъ вообще не золъ. Онъ только боится насъ. Простодушный и невоинственный, онъ мирный семьянинъ. Семьи гольдовъ преимущественно большія. Сыновья, возмужавъ и женившись, живутъ при родителяхъ,

продолжая работать попрежнему. Отецъ, глава маленькой общины, по праву, освященному вѣками, можетъ имѣть нѣсколько женъ. Но этимъ правомъ рѣдкіе пользуются. Въ большинствѣ же случаевъ избѣгаютъ, не желая увеличивать расходовъ на содержаніе семьи. Помретъ глава,—отецъ, бразды семейнаго правленія держитъ старшій сынъ, одъ строгимъ руководствомъ матери. Помираетъ послѣдняя, и семья распадается.

Жизнь гольда, (начну съ таежныхъ) проходитъ всключительно въ семьѣ обособленной и тѣсно сплоченной. Въ теплое время года мужчины, поднимаясь одновременно съ птицами, отправляются на своихъ лодкахъ (оморочкахъ) осматривать рыболовныя снасти. Осмотрѣвъ, возвращаются домой и завтракаютъ. Пока мужчины ходили, женщины готовили имъ кушать. Ѣдятъ вареное мясо, или рыбу, пьютъ чай, кирпичный. При ѣдѣ употребляютъ палочки, по китайски, и, кромѣ того, каждый изъ своей деревянной чашки. Послѣднія тѣмъ удобнѣе для гольдовъ, что при постоянномъ передвиженіи ее не нужно укупоривать, чтобы не переломать.

Покушавъ, гольдъ снова плыветъ къ своимъ рыболовнымъ снастямъ. Все лѣто онъ рыбачитъ, употребляя въ теченіе этого сезона исключительно рыбную пищу. При наступленіи осени, начинается его страда: съ ранняго утра до поздняго вечера мужчины гольды не покидаютъ своихъ оморочекъ и рыболовныхъ сѣтей. Рыбы надо наловить ему на всю осень, зиму и весну.

Наловивъ, мужчины спѣшатъ на охоту, на изюбрей, лосей и оленей. Возвратившись оттуда черезъ три—четыре недѣли, кочуютъ съ удобнаго для рыбалки мѣста, на другое, удобное для зимовки. Это переселеніе обыновенно самое тяжелое для гольдовъ. Кромѣ обычнаго домашняго скорба, принадлежностей—юрты и малыхъ ребятишекъ (дѣтей—внучатъ главы семьи)—нужно перевезти большіе запасы только что заготовленной впрокъ рыбы и овощей. Мѣсто для зимовки выбирается одно изъ прежнихъ, гдѣ были проведены благополучно нѣсколько зимъ. Такое мѣсто должно удовлетворять слѣду-

ющимъ четыремъ условіямъ: во 1-хъ, чтобы юрту можно было поставить не на бою, а за вѣтромъ; во 2-хъ, вблизи воды и недалеко отъ зимней рыбалки; въ 3-хъ, около лѣса, обильнаго валежникомъ, сухостоемъ и березнякомъ для топлива, и въ 4-хъ, вдали отъ русскихъ поселеній.

Устроивъ свою зимнюю квартиру, гольдъ, съ большими старшими сыновьями и съ собаками отправляется на главный звѣриный промыселъ, за пушнымъ звѣремъ: соболемъ, енотомъ и проч. Эта охота продолжается мѣсяца три—четыре. На такое продолжительное время берутъ, кромѣ теплой одежды (шубъ, шкуръ, кошмы) и соотвѣтствующее количество юколы, зелени, немного муки, соли и проч.

Всѣмъ этимъ добромъ нагружаются санки, въ послѣднія впрягаютъ собакъ и охотники отправляются въ глубь тайги.

Возвращаются съ этой охоты въ февралѣ или въ мартѣ. Послѣ кратковременнаго отдыха, глава семьи съ тѣми же спутниками—сыновьями, забираетъ мѣха и шкуры, (если удалось ему добыть ихъ) и отправляется къ своему ноену, торговцу китайцу, у котораго онъ въ вѣчной кабалѣ. Уплативъ ему старый долгъ и забравъ необходимый товаръ, гольдъ возвращается домой. Это событіе, (возвращеніе съ товаромъ) обыкновенно происходитъ въ концѣ марта, или въ началѣ апрѣля. Для семьи это одинъ изъ радостныхъ моментовъ ихъ суровой жизни. Отцы (самъ глава и его женатые сыновья) привозятъ своимъ женамъ и дѣтямъ гостинцы, блестящіе и ярко цвѣтные лоскутки (аршина по два, по три) для обшивокъ платья, ленты цвѣтныя, стеклянныя и каменныя кольцы, серьги съ подвѣсками для женщинъ и металлическіе браслеты. Послѣдними любятъ украшать себя мужчины и женщины.

Отдохнувъ день, другой приступаютъ къ рыбалкѣ, для ежедневнаго употребленія. Иногда, поблизости охотятся за птицею, за козами и проч. Такъ проходитъ трудовая жизнь мужчинъ — гольдовъ, жизнь полная опасностей утонуть, замерзнуть, погибнуть отъ звѣрей; жизнь, состоящая изъ сплошныхъ невзгодъ и въ непрерывномъ страхѣ, какъ бы не прогнѣвать и не огорчить боговъ, какъ бы не подвергнуться **ихъ карѣ...**

Что касается до женщинъ, то кромѣ приготовленія пищи, на ихъ обязанности лежитъ: обшивать всю семью и изготовлять съѣстные запасы. Для перваго ей надо сначала выдѣлать звѣриныя и рыбьи шкуры и приготовить изъ жилъ звѣрей нитки. Когда этотъ матеріалъ готовъ, гольдячка скроитъ платье, и прежде чѣмъ сшить его, украситъ вышивками и узорами воротникъ, передній край одежды, рукава... Всего больше украшеній полагается дѣвицамъ и молодымъ людямъ—женихамъ. Кромѣ зимняго платья, шьется еще и лѣтнее, нижнее и верхнее. У амурскихъ гольдовъ шьются фуры (штаны), узкіе и короткіе, а у сунгарійскихъ—по китайскому образцу—широкіе, съ каро и уйка (наколѣнники: каро—лѣтніе, уйко—зимніе, изъ кожи или шкуры). Верхнее лѣтнее платье состоитъ изъ длинной и узкой покты (блуза), и у сунгарійскихъ—китайской курмы. Кромѣ того у тѣхъ и у другихъ шьется нижняя кахара (рубашка). Лѣтнее платье шьется преимущественно изъ дабы. Сшить всѣ эти одѣянія нелегко. Да вѣдь какъ и сшить. Надо и украсить ихъ вышивками и узорами, напримѣръ покту или кахару.

Прошить эти украшенія—гигантскій трудъ. Однажды, во время ливня, мнѣ пришлось пробыть въ юртѣ у знакомаго гольда часа четыре. Во все это время, гольдячка, не вставая съ мѣста, ковыряла иглой какой-то лоскутъ. Уходя изъ юрты, я взглянулъ на ея работу, внимательно осмотрѣвъ лоскутъ. Послѣдній оказался полой покты, съ многочисленными обшивками и узорами по краямъ. Въ продолженіе этихъ 4-хъ часовъ, она успѣла вшить только пять обшивокъ (въ полвершка каждая). Работа была тщательная и каждая крошечная затяжка была не меньше, и не больше другихъ, а вся строчка была какъ машинная.

Она же приготовляетъ для всѣхъ членовъ семьи и обувь. Нѣкоторая тоже шьется съ узорами изъ красныхъ или темно-зеленыхъ вырѣзокъ сафьяна.

Возится гольдячка съ одеждой преимущественно съ октября по апрѣль. Сначала шьетъ зимнее платье мужу и сыновьямъ, готовившимся на продолжительный звѣриный промыселъ. Если

отъ пережитыхъ зимъ теплая одежда еще порядочная, то ладитъ ее. Отправивъ мужчинъ на промыселъ, обшиваетъ младшихъ членовъ семьи. Потомъ готовитъ лѣтнюю одежду, Въ теплое время года она преимущественно возится съ рыбой. Не говоря уже объ осеннемъ заготовленіи ея, она готовитъ юколу съ мая, на непредвидѣнные случаи. Напримѣръ, глава семьи нерѣдко уходитъ на охоту, на пушныхъ звѣрей, и въ теплый сезонъ. Ходитъ обыкновенно нѣсколько дней, съ одной юколой. Вотъ на эти случаи она и готовитъ ее. Затѣмъ, въ іюлѣ и августѣ ходитъ она съ младшими членами семьи по тайгѣ за ягодами для продажи, или для себя, на зиму. Въ сентябрѣ у гольдячки самое горячее время: готовитъ рыбу на зиму себѣ и собакамъ. Мужчины иногда столько вылавливаютъ, что она съ младшими членами семьи не успѣваетъ вычистить ее, не говоря уже о развѣшиваніи для сушки. Полежитъ рыба день—провоняетъ, такъ что не лѣзетъ и въ гольдовскій ротъ. Впрочемъ собаки ихъ не отказываются отъ тухлой рыбы. Зато продать ее уже нельзя. Неудивительно, что въ это время отъ мужа ей изрядно перепадаетъ тумаковъ и пинковъ.

Кромѣ этихъ спеціально женскихъ обязанностей, гольдячка принимаетъ участіе и въ обще-семейныхъ дѣлахъ, чрезвычайно тяжелыхъ и трудныхъ, вмѣстѣ съ мужчинами. Эти общія дѣла, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ члены семьи, кромѣ самыхъ маленькихъ, обыкновенно по кочевкамъ изъ одного мѣста на другое. Въ такихъ случаяхъ, семьѣ приходится большую часть пути тащить все свое имущество на себѣ. Въ числѣ его и оморочки. Если тропа довольно широка и нѣсколько удобна для проѣзда, то оморочки, съ имуществомъ, привязываются на сани, въ послѣдніе впрягаютъ собакъ и караванъ двигается. Если на пути рѣка или рѣчушка, то оморочки спускаютъ на воду и передвиженіе совершается уже по водѣ. Если приходится плыть противъ теченія, то семья тащитъ бичеву по берегу, или впрягаютъ собакъ, если онъ удобный. Неудивительно, что гольды стараются свои перекочевки совершать около рѣкъ и рѣчушекъ,

по которымъ во всякомъ случаѣ можно двигаться впередъ.

О мотивахъ кочевокъ я уже говорилъ: съ лѣтняго мѣста, удобнаго для рыбной ловли, на зимнее и обратно; кромѣ того удаляются отъ сосѣдства русскихъ поселеній. Послѣдніе вынуждаютъ звѣрей удаляться въ глубь тайги. А за звѣремъ долженъ уходить и гольдъ, существованіе котораго зиждется исключительно на звѣриномъ промыслѣ.

Выше я говорилъ, что жизнь гольда полна невзгодъ, опасностей и тревогъ. Тоже можно сказать и о жизни гольдячки. Хотя она избавлена отъ странствованія по тайгѣ за пушнымъ звѣремъ и не подвергается опасностямъ быть растерзанной, но зато ей ежеминутно грозитъ, если не смерть, то тяжкія увѣчья отъ рукъ своего владыки — мужа. Вооруженныя руки, какъ Дамокловъ мечъ, постоянно висятъ надъ ея головой. По словамъ Пимена Никодимовича, довольно часто онъ замѣчалъ внезапное исчезновеніе гольдячекъ въ знакомыхъ ему семьяхъ. Однажды, проѣздомъ чрезъ хребты, онъ заѣзжалъ въ одинъ улусъ, къ знакомому гольду. Въ семьѣ по прежнему были на лицо всѣ члены ея, въ томъ числѣ и хозяйка, мать семьи. Возвращаясь обратно дней чрезъ семь, онъ опять заѣзжалъ къ нимъ, но старшей гольдячки ужъ не было. На его вопросъ гольду: „Куда дѣвалась его хозяйка“, гольдъ, хмурясь, отвѣтилъ: „Пропади е“. „Такъ скоро! Развѣ безъ болѣзни померла?“ снова спросилъ онъ гольда. Но тотъ не отвѣчалъ.

Быть можетъ и отъ болѣзни, но Пименъ Никодимовичъ, хорошо знакомый съ гольдами, по низовью Амура, полагаетъ, что гольдячки нерѣдко умираютъ и отъ рукъ своихъ владыкъ. По его словамъ, онъ иногда былъ невольнымъ свидѣтелемъ расправы гольдовъ со своими женами. Расправы эти, по его словамъ, ужасны, такъ что онъ сомнѣвается, чтобы несчастныя женщины остались живы послѣ этихъ побоевъ. Дѣло въ томъ, что гольдъ, какъ и всякій дикарь, дикъ и необузданъ. Характеръ этихъ свойствъ, такъ сказать, увеличивается подъ вліяніемъ водки, или ханшина, любимыхъ напитковъ этихъ дикарей. А обитая въ тайгѣ и не имѣя предъ

О-во Библиотеки

собой угрожающей десницы за проступки противъ своихъ рабовъ, онъ не сдерживаетъ свои кровожадные порывы. Религія же его не говоритъ ему ничего противъ этого. Значитъ своя рука—полная владыка въ его царствѣ, семьѣ.

Однако довольно о мрачныхъ сторонахъ жизни этихъ людей. Теперь нѣсколько словъ объ ихъ гулянкахъ.

Сравнительно съ нами, русскими, у гольдовъ немного гулянокъ и всѣ онѣ совершаются только по случаю семейныхъ событій: женитьбы, родинъ и поминокъ.

Женится гольдъ рано—отъ 14 лѣтъ. Прежде чѣмъ женить сына, надо найти ему невѣсту. При охотѣ и рыболовствѣ, при кочевкахъ съ одного мѣста на другое, при посѣщеніяхъ своихъ владыкъ — китайцевъ, для покупокъ и разсчетовъ, гольды посѣщаютъ по пути своихъ родственниковъ и знакомыхъ сородичей. Во время этихъ-то визитовъ и подмѣчается невѣста. Нерѣдко, желая упрочить знакомство, выгодное въ чемъ-либо или почетное, двѣ семьи, имѣющія мальчика и дѣвочку, заключаютъ уговоръ поженить впослѣдствіи молодыхъ людей. Если этого уговора не было и подходящая дѣвица найдена, то секретно наводятъ справки, чрезъ знакомыхъ, не жила ли она у торговца-китайца въ качествѣ временной жены-работницы, что случается весьма нерѣдко за счетъ неуплаченныхъ долговъ. Въ отрицательномъ случаѣ наряжается пріятель, или родственникъ гольдъ, или гольдячка для сватовства. Если предложеніе принято благосклонно и молодую дѣвицу желаютъ отдать за молодца, то родители послѣдняго, одѣвшись во все лучшее, ѣдутъ въ юрту, гдѣ живетъ избранная. Происходитъ знакомство, если раньше не было его, и обоюдное изъявленіе желанія породниться. Послѣ этого ведутся переговоры насчетъ невѣсты и жениха. Все это сопровождается угощеніемъ и выпивкою ханшина, взятаго у владыки китайца, въ долгъ. Къ назначенному свадебному дню родители невѣсты созываютъ на пиршество всю родню и знакомыхъ обоихъ семействъ. Мясо и ханшинъ главные предметы угощенія. Послѣ изрядной выпивки и закуски, торжественной процессіей везутъ виновницу торжества къ родите-

лямъ жениха, которые встрѣчаютъ дорогихъ и желанныхъ гостей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ своей юрты. Послѣдняя къ этому торжеству тщательно убрана, закуски и выпивки разставлены, около нихъ постланы шкуры звѣрей и кошмы для гостей. Вотъ они прибыли и вручили жениху невѣсту. Получивъ такой подарокъ, родители жениха—молодого отдариваютъ мать ея серьгами или другими блестящими украшеніями, а молодую полнымъ нарядомъ гольдячки. Затѣмъ, послѣ другихъ немногочисленныхъ обрядовъ, начинается пиръ и продолжается болѣе недѣли. Во все время этого празднества, ханшинъ льется рѣкой и съѣдается большое количество мяса. Пирующіе галдятъ, наперерывъ хвастая другъ передъ другомъ своими подвигами въ звѣриныхъ промыслахъ. Этимъ торжествомъ и заканчивается свадьба.

Хотя не столько продолжительная, но за то не менѣе веселая, гулянка происходитъ по случаю приращенія семьи. Въ день этого событія дѣлаются обширныя заготовленія мяса и привозятся напитки, затѣмъ приглашаются родственники и начинается пиръ. Продолжается онъ день или два. Состоятельныя семьи приглашаютъ и шамана. Послѣдній совершаетъ надъ новорожденнымъ (преимущественно мальчикомъ) заклинаніе: „Да не прикоснутся къ этому пришельцу злые духи и враги сего міра, да будетъ онъ страшенъ для всѣхъ звѣрей и враговъ, да не уйдутъ изъ его рукъ живыми ни хищный звѣрь, ни хитрый врагъ“... Родильница въ этомъ пиршествѣ не принимаетъ участія. Какъ у насъ, гольдячка—тоже считается нечистой, и въ теченіе 45 дней всѣ члены семьи, не говоря уже о чужихъ, сторонятся ее, какъ зачумленную. Ѣстъ она въ особой чашкѣ и время проводитъ одна, отдѣльно отъ семьи. Послѣ 45 дней гольдъ привозитъ шамана. Послѣдній, пошептавъ на воду, даетъ родильницѣ хлебнуть изъ нея, а остаткомъ обрызгиваетъ кругомъ. Послѣ этого женщина считается очищенной. Впрочемъ, всѣ религіозные обряды у гольдовъ неодинаковы. Въ этомъ, больше чѣмъ въ другихъ сторонахъ ихъ быта, проявляется вліяніе на нихъ другихъ, сосѣднихъ, народностей.

Гораздо продолжительнѣе совершаютъ пиршество по случаю смерти кого-либо изъ членовъ семьи. Покойника кладутъ въ гробъ и зарываютъ въ могилу. Затѣмъ, въ почетномъ углу юрты стелятъ циновку или кошму, разставляютъ на ней все имущество покойника, безъ котораго онъ не могъ обойтись при жизни. Ежедневно ставятъ сюда пищу, набиваютъ трубку и, закуривъ ее, кладутъ сюда же. Такъ продолжается весь годъ, если покойникъ—глава семьи или одинъ изъ его старшихъ сыновей. Пируютъ послѣ похоронъ нѣсколько дней.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

(Продолженіе послѣдней главы).

Прежде, чѣмъ перейти къ сунгарійскимъ гольдамъ, скажу еще нѣсколько словъ о нижне-амурскихъ.

Познакомился съ ними во время плаванія изъ Хабаровска въ Николаевскъ. Во многихъ мѣстахъ пароходъ останавливался для разнаго рода надобностей. Я пользовался 2-мя—3-мя часами стоянки, въ числѣ первыхъ оставлялъ пароходъ и въ числѣ послѣднихъ возвращался на него. Во все время стоянки ходилъ по гольдскимъ улусамъ, кое-гдѣ расположеннымъ по Амуру между крестьянскими деревнями и селеніями... Гуляя по этимъ улусамъ или стойбищамъ, какъ ихъ называютъ здѣсь, знакомился съ гольдами, бесѣдовалъ съ ними, осматривалъ ихъ жилище, рыболовныя снасти, обстановку убогихъ и маленькихъ избушекъ... Кое-гдѣ удавалось быть зрителемъ ихъ гулянокъ по случаю праздниковъ или семейныхъ событій, печальныхъ или радостныхъ.

Гольды нижне-амурскіе немного позаимствовали у китайцевъ. У мужчинъ по одной косѣ сзади. А передъ головы выбритъ. У его прекрасной половины, какъ у китаянки, двѣ косы, скрученныя въ небольшую шишку на макушкѣ черепа Какъ весь человѣческій родъ, гольды любятъ блестящія украшенія и носятъ ихъ вездѣ, гдѣ можно: на рукахъ, на пальцахъ, въ ушахъ на шеѣ. Нечего и говорить, что всѣ эти

украшенія: кольца, браслеты, серьги—мѣдныя Но я видѣлъ и такихъ гольдовъ, у которыхъ были всѣ эти предметы серебреные и даже золотые. Кромѣ этихъ украшеній гольдъ любитъ женщинъ, т.-е. наслажденія, доставляемыя ими. У бѣдняковъ преимущественно двѣ жены. У состоятельныхъ по 4 и по 5. Имѣть ихъ и выгодно ему: это рабочая сила, рабыни его. Больше изловятъ рыбы, больше посадятъ овощей... Не даромъ вся работа, какъ бы она не была тяжела, исполняется исключительно женщинами. Напримѣръ, кто выдѣлываетъ шкуры? Кто шьетъ изъ нихъ платье и обувь владыкѣ семьи и дѣтямъ? Кто приготовитъ съѣстные продукты на зиму? Кто сваритъ, изжаритъ? Кто ловитъ рыбу? Кто приготовитъ нитки для сѣтей и для сшиванія платья? Кто исправляетъ сѣти? Кто тянетъ лодку бичевой, съ собаками? Кто таскаетъ и рубитъ дрова? и т. д. Все это дѣло рукъ женщины-рабыни. Если онъ дома, то лежитъ на нартахъ, на разостланной шкурѣ, покуривая ганзу. Если плыветъ — тоже лежитъ, только въ лодкѣ. А по берегу—его рабыни, женщины и собаки, тянутъ суденышко, чрезвычайно нагруженное. Какъ прочіе, низовоамурскіе гольды также въ вѣчной кабалѣ у китайскихъ торговцевъ. Послѣдніе снабжаютъ его всѣмъ съѣстнымъ и прочимъ товаромъ: ячменемъ, будой, ханшиномъ, табакомъ, посудою и т. д. Почти въ каждой гольдской деревенькѣ—китайская лавочка. Если у гольда нѣтъ денегъ, онъ беретъ мѣхами, рыбой сушеной. Празднества и гулянки у нихъ почти такія же, какъ и у прочихъ гольдовъ.

Гольдская деревенька обыкновенно состоитъ изъ 10—12 хижинокъ. Эти постройки изъ лѣса, ниже средняго размѣра. По угламъ столбы. Если ихъ нѣтъ, то постройка въ срубъ. Объ стороны стѣнъ обмазаны глиной. По словамъ гольдовъ, эта обмазка мало предохраняетъ жилище отъ мороза.

Крыши на одну сторону. Но есть хижинки съ крышею въ обѣ. Та и другая изъ дранья, смазаннаго глиною, а сверху навалена березовая кора. Окна по одному на двухъ сторонахъ, крошечныя. Вмѣсто стеколъ—бумага. Но есть хижины и съ двумя окнами на сторонѣ и со стеклами.

Полъ—утрамбованная земля. Около стѣнъ и по срединѣ (у нѣкоторыхъ) нарты на столбикахъ. Ширина ихъ до 2-хъ аршинъ. На нихъ, по угламъ, постельныя принадлежности, свернутыя въ трубку. Тутъ и спятъ и ѣдятъ. Для послѣдняго ставятъ на нарты столики съ ножками въ $1^1/_2$ четверти длины. Приборы для обѣда или чаю, глиняные. Кромѣ этой посуды, небольшой поварешки и палочекъ - ничего больше не употребляютъ. Впрочемъ, въ одной хижинѣ я видѣлъ и наши деревянныя ложки. Затѣмъ въ другой деревенькѣ, повидимому у состоятельнаго гольда, и нашъ самоваръ, и жестяной чайникъ. Чашки китайскія, фарфоровыя. Но есть и наши. Подъ нартами ящики съ болѣе цѣннымъ имуществомъ. Тутъ же разные инструменты по рыболовству.

Кромѣ этихъ хижинъ никакихъ другихъ построекъ не имѣется. Нѣтъ и заплотовъ и дворовъ. Да и не для кого. У гольдовъ одно домашнее животное — собака. Безъ нихъ гольдъ и на охоту не пойдетъ. Кто повезетъ ему охотничьи принадлежности и харчъ? Кто отыщетъ и выслѣдитъ ему звѣря? Необходимы онѣ и въ домашней жизни. Напримѣръ, при передвиженіи съ охоты, съ рыбалки, изъ сосѣдней деревни, съ покупками. А ухода за ними никакого.

Сунгарійскіе гольды немногимъ разнятся отъ низово-амурскихъ. Обитаютъ они по берегамъ р. Сунгари и по ея притокамъ, впадающимъ около устья. Нѣсколько деревенекъ ихъ и по Амуру, вблизи Сунгари и вдали отъ нея, противъ нашихъ станицъ, къ Хабаровску.

Какъ наши забайкальскіе буряты, живущіе по границѣ, они также отбываютъ повинность пограничной стражи Китая. Подъ ихъ вѣдѣніемъ пространство границы отъ р. Сунгари до Хабаровска. Кромѣ охраны границы, они обязаны были ловить и хунхузовъ, разоряющихъ и купеческіе караваны, и мирныхъ жителей. Доблестныхъ и храбрыхъ гольдовъ-охранниковъ ноенъ награждаетъ званіемъ „бошко“ (начальникъ). Нечего и говорить, что этотъ титулъ значительно поднимаетъ престижъ дикаря-гольда и въ собственныхъ глазахъ, и во мнѣніи своихъ одноплеменниковъ и китайцевъ. Получившему

этотъ титулъ ввѣрялось нѣсколько гольдскихъ улусовъ. Здѣсь бошко производилъ судъ и расправу. При надобности сзывалъ своихъ подчиненныхъ и, во главѣ ихъ, какъ командиръ, отправлялся противъ непріятеля. Всего чаще послѣднимъ были хунхузы. Прогнать ихъ—было недостаточно для бошко. Надо непремѣнно поймать ихъ и отрѣзать имъ уши. Собранные такимъ способомъ эти доспѣхи бошко продѣнетъ на одинъ ремень и представитъ китайскому ноену. У кого этихъ доспѣховъ больше, тотъ производился въ высшую степень „бошко“: ему подчинялись другіе „бошко“, какъ ротные командиры или сотенные, полковому. Кромѣ главнаго жилища, мазанки, уже разсмотрѣнной мною*), у гольда есть другое, лѣтнее: соломенная юрта гдѣ-нибудь на островѣ Амура или Сунгари, на мысу, близъ песчаной отмели. Это временное жилище его, когда вмѣстѣ со своей семьей онъ ловитъ и заготовляетъ рыбу на зиму.

Отправляется онъ на это послѣ 15 мая. Но, прежде чѣмъ двинуться въ путь, надо приготовиться. Первымъ дѣломъ изготовить экипажъ. Послѣднимъ служатъ его оморочки — лодки изъ береста. Она легка и на водѣ и въ переноскѣ. Починитъ ее гольдячка тѣмъ же матеріаломъ (корою березы). Пока ремонтируется лодка, другія женщины,-рабыни занимаются огородомъ: садятъ овощи, буду. Окончивъ посадку того и другого, собираются въ путь. Берутъ съ собой все необходимое: остроги, неводъ, домашній скарбъ. Мелочи свяжутъ ремнями, и распредѣлятъ тючки и домашнія вещи по оморочкамъ. „Самъ“ конечно, садится на переднюю. Всѣ оморочки (двѣ, три) тащутъ женщины и запряженныя собаки, медленно двигаясь по берегу.

Добрались до острова, обросшаго лѣсомъ и кустарникомъ. Вотъ и юрта его. Кругомъ лѣсъ, плотной стѣной окружаетъ ее. Осмотрѣть, кое-гдѣ исправить—это обязанность женщинъ. Пока онѣ исправляютъ, а ребята натаскиваютъ топливо и разлаживаютъ огонь, самъ гольдъ уже промышляетъ о добычѣ.

---

*) См. низово-амурскіе гольды.

Надо вѣдь и накормить семью. Взятая на дорогу юкала хватила только на переѣздъ.

Вотъ онъ на дабычѣ. Поймать сѣтью нѣсколько рыбъ, или заколоть острогой одну большую, беззвучно плавая на оморочкѣ, для него дѣло пустяшное.

Покушаетъ свѣжинки, отдохнетъ сутки двое, пока не исчезнетъ послѣдняя дабыча, и опять на ловлѣ. Онъ прекрасно знаетъ, гдѣ большія рыбины отдыхаютъ, гдѣ онѣ ловятъ себѣ пищу...

Напримѣръ, въ концѣ весны калуга выходитъ изъ глубины Амура и Сунгари на косы для метанія икры.

Нашъ охотникъ поджидаетъ ее здѣсь, спрятавшись вблизи. А то лежитъ въ оморочкѣ, прислушиваясь къ плеску воды, и держа выточенную острогу на готовѣ въ правой рукѣ. Когда калуга выйдетъ на косу, гольдъ быстро и беззвучно подплыветъ къ ней и однимъ мѣткимъ ударомъ убиваетъ ее. Или вотъ еще удобное время охоты. Вечеръ. Тихо. Не шелохнется листикъ на деревѣ, ни травка. Поверхность рѣки гладкая, какъ зеркало. Гольдъ на оморочкѣ, съ острогой въ рукѣ уже плаваетъ, внимательно всматриваясь въ глубину. А то ловитъ неводомъ. Тогда помогаютъ женщины на одной или двухъ оморочкахъ. Бываетъ и такъ: нѣсколько гольдовъ родственниковъ, или сосѣдей, ловятъ однимъ большимъ неводомъ. А потомъ рыбу дѣлятъ. Большую часть— хозяину невода.

Пока мужчины, или одна изъ женъ, ловятъ — остальныя женщины съ дѣтьми чистятъ рыбу и развѣшиваютъ ее по жердямъ на солнцѣ. Жердей кругомъ юрты, на деревьяхъ много. Сушеную калужину оставляютъ себѣ на пропитаніе. Хрящъ продаютъ китайцамъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. пудъ. А икру покупаютъ у нихъ въ нашихъ станицахъ, въ Благовѣщенскѣ или въ Хабаровскѣ. до 18—20 руб. пудъ.

Наловивъ достаточный запасъ, гольдъ отдыхаетъ. Въ это время снасти его сушатся на солнцѣ. Тутъ же гніютъ отбросы, вмѣстѣ съ экскрементами. Страшныя зловонія кругомъ, а въ юртѣ особенно. Для полной картины слѣдуетъ прибавить

пагихъ ребятишекъ. Весь этотъ таборъ оберегаютъ нѣсколько злющихъ сабакъ. Всякаго постороняяго, замѣченнаго даже въ дали, встрѣчаютъ лаемъ и атакою. Слыша отчаянный лай, гольдячка выходитъ изъ юрты. Посѣщаютъ гольда и наши казаки. Гольдъ гостепріимчивъ. Угощаетъ всѣмъ, что имѣетъ: ханшиномъ, рыбою, чаемъ. Посѣщаетъ гольдъ и нашихъ казаковъ. Послѣдніе тоже угощаютъ гостей. Это и необходимо для казака. При нуждѣ онъ накоситъ и сѣна, нарубитъ и дровъ на китайской сторонѣ, на глазахъ своего пріятеля гольда, сунувъ ему въ подарокъ бутылку водки. Кончился рыбный сезонъ. У гольда большія запасы всего: и кэты, и калужины, и хрящца, и икры. Много изъ числа послѣдняго онъ уже продалъ. Поэтому есть у него и деньги. При возвращеніи, этими запасами онъ нагружаетъ большую лодку, кромѣ оморочекъ. Перебравшись въ свою фанзу, отправляется продавать икру, хрящъ, часть юколы... Возвращается домой и съ деньгами, и съ обновами, и съ запасомъ ханшина. Теперь у него все есть вдоволь. Ѣшь, пей, до умопомраченія, хоть ежечастно во всю зиму и осень. Есть у него и бабы. Послѣднія на перебой лѣзутъ къ нему, въ благодарность за обновы, а главное, чтобъ получить еще желаемое что-нибудь... Такъ онъ и живетъ вплоть до слѣдующаго сезона.

Однако, бываютъ и моменты въ теченіе дня, когда гольдъ и его жена молятся и задобриваютъ своихъ боговъ. Дѣлаютъ они это тутъ же, около его хижины. Вонъ въ 4-хъ, 5-ти саженяхъ отъ послѣдней, на площадкѣ стоитъ ящикъ на 4-хъ ножкахъ. Съ одной стороны онъ открытъ.

Заглядываю туда и вижу изображеніе человѣческой физіи. Это богъ гольда. Весь рисунокъ очень грубый. Около него нѣсколько металлическихъ литыхъ идоловъ. И эти боги. У нѣкоторыхъ рога. А вонъ стоитъ въ углу ящика грубо обдѣланная голова съ туловищемъ. Это тоже богъ. Онъ пропитанъ рыбьимъ жиромъ и ханшиномъ. Если ловъ неудачный, горе этому богу. Гольдъ вытащитъ его изъ ящика, бьетъ его немилосердно ремнемъ или палкой и колитъ на дрова. Хорошій ловъ, устраивается молебствіе и пиршество. Приглашается

шаманъ. Онъ бьетъ въ бубны, скачетъ, бросаетъ въ огонь траву и т. д. Послѣ этого — угощаются. Угощаютъ и бога: льютъ на него ханшинъ, жиръ; кладутъ около его рта кусокъ рыбы, ганзу набитую хорошимъ табакомъ. Закалывается поросенокъ... Оканчивается этотъ балъ обжорствомъ и всеобщимъ пьянствомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

(Гиляки, ихъ бытъ, нравы и современное положеніе).

Августа 9. По побережью Татарскаго пролива живутъ гиляки. Не располагая денежными средствами, я не имѣлъ возможности основательно изучить ихъ, какъ желалъ, и могъ посвятить имъ самое большее дней пять. Въ этотъ короткій срокъ побывалъ въ нѣсколькихъ гилякскихъ деревенькахъ, да поверхностно обозрѣлъ обстановку ихъ жизни и бытъ.

Гиляки первоначально обитали на островѣ Сахалинѣ. Въ незапамятныя времена, съ южныхъ острововъ, занятыхъ нынѣ японцами, прикочевывали на Сахалинъ айносы и вытѣснили ихъ. Часть гиляковъ, потерпѣвшихъ отъ пришельцевъ, переплывъ проливъ, заняла прибрежье его, на материкѣ. Остальные, не встрѣтившіе айносовъ, остались на островѣ, гдѣ и продожаютъ жить до сего времени. Шли вѣка. Въ теченіе ихъ гиляки, въ особенности прибрежья материка, столкнувшись съ тунгусами, сблизились съ ними, породнились и гилякскій типъ, тождественный во многихъ деталяхъ съ индѣйскимъ сѣверной Америки, отунгусился, пріобрѣвъ нѣкоторые черты этой азіатской расы. Но окончательно они не слились съ ними и остались вѣрны своей народности.

Гиляки живутъ и въ юртахъ, какъ гольды и тунгусы, и въ бревенчатыхъ хижинкахъ, скученныхъ въ отдѣльныя небольшія группы, по нѣсколько штукъ въ каждой. Эти деревеньки весьма оригинальны, такъ какъ ихъ хижинки, обыкновенно, безъ заплотовъ и дворовъ и даже безъ хозяйствен-

ныхъ построекъ. При въѣздѣ не бросаются въ глаза ни деревенскій храмъ, ни скирды сѣна и соломы, ни огороды, ни палисаднички. Не видно между хижинками ни скота, ни лошадей, ни домашней птицы. Не оглашается воздухъ гилякской деревни крикомъ и гамомъ деревенской дѣтворы. Тутъ тихо и пустынно, словно это мертвое царство. Впрочемъ вонъ небольшая группа, полунагихъ ребятишекъ, чрезвычайно грязныхъ, безмолвно копошащихся около хижинъ. А вотъ и другая, бродитъ въ сосѣдней рощицѣ. Однѣ собаки, лютыя и мохнатыя, нарушаютъ тишину, съ остервенѣніемъ лая на незнакомца. Около каждой хижинки—другая, на столбахъ въ $1^1/_2$ арш. надъ поверхностью земли. Это гилякскіе амбары, съ единственнымъ достояніемъ ихъ: рыбой, говядиной и шкурами убитыхъ на охотѣ звѣрей. Строятся они подобнымъ способомъ отъ крысъ и др. грызуновъ.

Вотъ я въѣзжаю въ одну изъ такихъ деревенекъ, расположенную на берегу пролива, при устьѣ небольшой рѣчки. Отвратительный запахъ провонялой рыбы поражаетъ мое обоняніе. Такъ и хочется зажать носъ и поворотить обратно. Но, вооружась терпѣніемъ, я подхожу къ первой попавшей хижинѣ. Крыша на одинъ скатъ, на двухъ столбикахъ, покрыта корою березы и съ небольшимъ отверстіемъ, обложеннымъ камнями. Изъ этого отверстія поднимается дымокъ. Хижинка въ сажень вышины, около двухъ длины и полторы ширины. Нѣкоторыя еще ниже. Посрединѣ два крошечныхъ оконца. Они вырублены неправильно и расположены не симетрично. Вмѣсто стеколъ и рамъ, обтянуты рыбьей кожицей. Завертываю за уголъ и встрѣчаю около самой стѣны груды нечистотъ... Повертываю назадъ и обхожу другой уголъ. Вотъ и дверь. И тутъ нечистоты отхожаго мѣста. Зажимаю носъ, а ротъ закрываю носовымъ платкомъ. Запахъ невыносимый! Преодолѣвъ отвращеніе, подхожу къ дверямъ. Вмѣсто желѣзной скобы, изъ нутра закрѣпленъ широкій ремень. Входить или ожидать приглашенія, думалъ я, стоя въ нерѣшительности около дверей. Вотъ и жаль, что не знаю обычаи этого племени. Прошло нѣсколько минутъ. Въ теченіе этого времени

собаки продолжали яростно лаять, окруживъ меня съ трехъ сторонъ.

Наконецъ, дверь отворилась и показалась фигура гиляка. Онъ въ грязнѣйшей рубахѣ изъ китайской дабы. Повидимому, никогда не мытая физія покрыта толстымъ слоемъ грязи. Кажется, онъ приглашаетъ меня войти, отворивъ дверь и отступивъ шага на два. Я опять въ нерѣшительности: предо мной мрачное и темное пространство, ограниченное черными, отъ сажи, пыли и грязи, стѣнами и такимъ же потолкомъ. Полъ земляной. Оттуда обдаетъ меня удушливый и нестерпимо-зловонный воздухъ. Видя, какъ гилякъ низко кланяется мнѣ, зажимаю ротъ, закрываю платкомъ носъ и, затаивъ отвращеніе, переступаю порогъ и дѣлаю два-три шага впередъ, прося жестомъ гиляка не затворять дверь. Но онъ или не желаетъ исполнить мою просьбу или не понимаетъ меня: дверь заперта и я очутился въ полумракѣ, среди вертепа.

Попавъ изъ ярко-освѣщеннаго пространства въ эту темную и зловонную дыру, въ первую минуту я ничего не видѣлъ. Мало-по-малу сталъ различать предъ собой, около стѣнъ, множество фигуръ. Онѣ слегка пошевеливались и шептались. Наконецъ, совсѣмъ освоившись, могу ориентироваться здѣсь. Оказывается, всѣ эти фигуры—такіе же гиляки, какъ и встрѣтившій меня. Мужчины ли всѣ они или есть между ними и женщины, задаю себѣ вопросъ. Для рѣшенія его внимательно вглядываюсь въ каждую фигуру. Вотъ одна изъ нихъ. Рубаха на ней длинная и широкая. Отъ толстаго слоя грязи невозможно разсмотрѣть натуральный цвѣтъ матеріи, изъ которой была сшита эта рубашка. Да не кожа ли? На шеѣ дешевенькія для насъ и весьма дорогія для нихъ ожерелья. Затѣмъ, на тесемочкѣ какіе-то кружки, шкурки и большіе клыки. Отвернувшись отъ меня къ своему сосѣду, или сосѣдкѣ, что-то говорившему, эта фигура показала мнѣ двѣ небольшія косы Наконецъ, на ея физіи—ни одного волоска. Безъ сомнѣнія, это—женщина. А вотъ и другая фигура. Лицо ея уже пожилое, съ морщинками. Такая же длинная рубаха. Около ворота, на груди, прошивка изъ свѣт-

лой матеріи, бусы и крошечный мѣшечекъ. Это, конечно, амулетъ, предохраняющій носившаго отъ бѣдъ и несчастій. И эта фигура тоже женщина. Впрочемъ, присмотрѣвшись, безъ труда отличаю женщинъ. Физія круглѣе, туловище полнѣе и ростъ ниже, чѣмъ у мужчинъ. Странно, что въ такой маленькой хижинкѣ живутъ такъ много гиляковъ. Далѣе разсматриваю фигуры и поменьше. Одѣты онѣ въ одну короткую рубашку, безъ украшеній. Волосы не заплетены. Лица молодыя. Туловища еще не сформированы окончательно. А вонъ фигурки и совсѣмъ маленькія. Но онѣ голы! А вонъ въ углу на березовой полукруглой корѣ, въ три четверти длины, привязанъ совсѣмъ крошечный человѣчекъ. Что это—одна семья или нѣсколько? И кто изъ этихъ мужчинъ хозяинъ этой хижины? Такъ недоумѣвалъ я, озираясь по сторонамъ.

— Господинъ нашаликъ *)! Пожалуй! —неожиданно слышу я за спиной.

Повертываюсь и вижу того же гиляка. Онъ кланяется и правой рукой треплетъ войлокъ, разостланный на нарѣ.

Кажется, приглашаетъ меня сѣсть. Но я не могу дышать этими міазмами и прошу его отворить дверь. Гилякъ бросается къ двери и отворяетъ ее.

Поблагодаривъ его, усаживаюсь на войлокъ и снова обозрѣваю окружающую меня обстановку и людей. Теперь тутъ свѣтло и вижу всѣ малѣйшіе предметы обстановки этой хижины. Въ углу печь. Она битая, изъ глины, покрыта сажей, пылью и грязью. Противъ нея, на стѣнѣ, полочка. Тутъ нѣсколько болванчиковъ и большая кость. Это божество гиляковъ. Около каждаго идола деревянная чашечка. Сюда кладется угощеніе для божества. Гилякъ (какъ и всѣ дикари) кормитъ его тѣмъ, что самъ ѣстъ. Около стѣнъ нары, въ родѣ нашихъ лавокъ. Только шире ихъ. Здѣсь гиляки располагаются какъ кому угодно и вдоль и поперекъ. Эти же нары замѣняютъ имъ и столы. Кромѣ того здѣсь же они очищаютъ свое платье отъ кровожадныхъ звѣрей. Вонъ, напри-

*) Начальникъ.

мѣръ, гилячка, разложивъ на нарѣ свою грязнѣйшую рубаху, внимательно разыскиваетъ вшей. Вдругъ она встрепенулась и испустила крикъ радости: ея поиски были небезплодны и она нашла искомое и, повидимому, въ большомъ количествѣ. Заключаю это, видя, какъ она съ улыбкой торжества что-то многократно давитъ ногтемъ на рубашкѣ. При чемъ каждое прикосновеніе ногтя къ рубашкѣ сопровождается легкимъ трескомъ... Кстати о паразитахъ. Какое подавляющее количество всевозможныхъ насѣкомыхъ въ этой хижинѣ! Куда бы ни взглянулъ, вездѣ милліоны движущихся точекъ... Пока внимательно разсматривалъ обстановку хижины и ея населеніе, пригласившій меня гилякъ съ пожилой гилячкой о чемъ-то хлопотали около печи. Эти хлопоты кончились слѣдующимъ: гилякъ подноситъ мнѣ блюдо.

— Мало-мало покушай вашъ выскодіе. Пижалуй!—бормочетъ онъ, кланяясь.

Наклонившись надъ блюдомъ, разсматриваю его и что въ немъ лежитъ. Изъ какого матеріала это блюдо? Изъ глины? Изъ камня? Беру въ руки блюдо и дѣлаю открытіе, что оно должно быть деревянное, такъ какъ чрезвычайно легкое. Впрочемъ, можетъ быть и не деревянное. Дѣло въ томъ, что его никогда не мыли и толстый слой грязи, съ застывшимъ рыбьимъ жиромъ, покрываетъ все блюдо. Затѣмъ обративъ вниманіе на содержимое въ немъ, вижу рыбу, слегка поджаренную не на огнѣ, а только въ дыму. Отказавшись отъ нея подъ предлогомъ, что она сырая, я сунулъ посудину гиляку.

— Горшка не, шугунка не,—говоритъ онъ, стоя предо мною.

— Надо купить, потому сырое есть худо,—говорю я.

— Денга не. Надо много, много денга.

— Работай надо, деньги будутъ.

— Наша работай одно: лови рыба и звѣря. Лови—отдай все людя.

— Кому же отдаешь и зачѣмъ?

— Руска купца отдавай. Прежде хорошо было. Рыбу лови—продавай наша японца, китайца. Денга было много

завсегда, купи все и живи хорошо. Нонѣ худо: все—все отдавай купца задаромъ. Худо живи, шибко худо.

— Плохо! А гдѣ живутъ купцы, которымъ отдаете вы все задаромъ?

— Николаска, городъ е.

— А это все твоя семья?

— Не, не! Брата е, дядя е, друга брата е. Ребята ихня, баба.

— А что они платятъ тебѣ за квартиру?

— Такъ живи. Мѣстѣ лови рыба, звѣря, все мѣстѣ.

— Пока мы бесѣдовали, гилячка успѣла откуда то принести котелокъ.

— Вотъ видишь, у тебя и посуда есть мало-мало,—говорю я, указывая на котелокъ.

— Сосѣда богата е, гилякъ нашъ. Денга много, посуда много е. У него бери.

— Надо вымыть его хорошенько и съ дресвой,—говорю я гиляку, перекладывающему рыбу съ блюда въ котелокъ.

Гилякъ повторилъ бабѣ по-своему мои слова. Выложивъ рыбу, гилячка вышла вмѣстѣ съ котелкомъ. Черезъ четверть часа она возвратилась съ нимъ. Послѣдній блестѣлъ, какъ новый.

— Ну вотъ теперь хорошо. Стану ѣсть и заплачу деньги,—говорю я.

Чрезъ полчаса рыба сварилась, я закусилъ, заплатилъ за нее и за хлопоты: затѣмъ простившись, отправился по деревенькѣ, пригласивъ гиляка въ проводники.

Осмотрѣвъ нѣсколько гилякскихъ деревенекъ и побывавъ у многихъ гиляковъ, могу констатировать, какъ отрадный фактъ, нѣкоторое культурное развитіе ихъ. Напримѣръ, между ними есть грамотные, читаютъ и пишутъ по русски. Обиходъ такихъ гиляковъ и зажиточныхъ похожъ больше на русскій, крестьянскій. Живутъ они чистоплотнѣе, чѣмъ остальные. Тѣмъ не менѣе, девять десятыхъ этихъ инородцевъ живутъ какъ дикари, въ полномъ смыслѣ этого слова, и, что главное, весьма худо въ экономическомъ отно-

шепіи. Ихъ безотрадное положеніе выражается даже въ общемъ, внѣшнемъ признакѣ ихъ существованія. За немногими исключеніями, всѣ ихъ хижинки похожи одна на другую. Та же запущенность, та же крайняя нищета и безпомощность, тотъ же высшій предѣлъ неряшливости... Всего болѣе поражаетъ меня апатія гиляковъ. Между тѣмъ по словамъ николаевскихъ сторожиловъ, когда то они были жизнерадостны, энергичны и дѣятельны. Мнѣ кажется, главная причина этой перемѣны заключается въ современныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ ихъ существованія. Желая удостовѣриться въ этомъ и вообще найти другія причины этой перемѣны, я многократно бесѣдовалъ объ этомъ съ опытными и бывалыми гиляками, при поѣздкѣ по ихъ деревенькамъ. Общее мнѣніе ихъ сводится въ слѣдующую фразу. „Прежде было хорошо, теперь же лучше помирать“. „Отчего же?“ допытывался я. „Чѣмъ жизнь ваша нынѣ худа?“ „Пища нѣтъ. Долговъ уйма. И съ каждымъ годомъ растутъ и растутъ. А русскій купецъ не даетъ сколь надо. Плати, гритъ, много, тоды давай, гритъ, буду сколь надо. А рыбы платимъ мы много. Дешево цѣнитъ, вотъ что. Да и ловъ нонѣ худой, а сколь хочетъ онъ изловить не можемъ... Негдѣ, да и время другое, не тѣ порядки стали“. „Отчего же негдѣ?“ „Ловцовъ много и всѣ хорошія мѣста заняли и не по одному, а по нѣсколько каждымъ“. „Но вѣдь и у васъ есть свои мѣста?“ „Есть, но по одному на каждую деревню. А на одномъ и томъ же мѣстѣ не всякое время хороша ловля бываетъ. Прежде бывало въ такихъ оказіяхъ переходили на другое мѣсто. Теперь же сиди на одномъ, есть дабыча или нѣтъ ея совсѣмъ. Хоть волкомъ вой отъ голода, начальство не дастъ другое“. „Потому нынѣ – всѣмъ оно раздало наши старинныя, хорошія мѣста: японцу, рускому купцу, шиповнику, русскимъ крестьянамъ“...

Дальнѣйшее изслѣдованіе по этому вопросу привело меня къ слѣдующему результату. Безотрадное положеніе этихъ инородцевъ обусловливается двумя причинами.

Во первыхъ, съ открытіемъ управленія государственными имуществами въ Пріамурскомъ округѣ почти всѣ рыболовныя

угодія были зачислены въ казну. Изъ числа ихъ (по побережью Татарскаго пролива, Амурскаго лимана и проч.), одна сотая часть была отведена управленіемъ гилякамъ, по одному рыболовному мѣсту на каждую деревеньку. Хотя каждое изъ этихъ мѣстъ по 200, 300 саж. протяженія, по берегу, тѣмъ не менѣе въ какомъ бы пунктѣ его не была произведена рыбная ловля, количество добычи почти одинаково ограниченное, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Причина этого явленія весьма простая. Стая рыбы, проходя по глубокому руслу устья, или самаго Амура, наталкивается сначала на многочисленныя рыболовныя снасти японцевъ и русскихъ промышленниковъ и ловится ими. Въ заднія рыболовныя снасти попадаетъ только частица того количества рыбы, которая успѣла проскользнуть мимо первыхъ снастей. До открытія въ Пріамурскомъ округѣ этого управленія всѣми рыболовными угодіями распоряжалось николаевское полицейское управленіе. Всѣ инородцы съ благодарностью вспоминаютъ объ этомъ времени. Полицейское начальство никому, кромѣ инородцевъ, не давало эти угодія. Съ открытіемъ-же названаго управленія выдвинутъ былъ на первый планъ „казенный интересъ“, въ ущербъ мѣстнымъ аборигенамъ края, исключительно существующимъ рыболовствомъ.

По словамъ одного чиновника министерства государственныхъ имуществъ: „Если увеличится доходъ казны по министерству до солидной цифры, увеличатся и наши рессурсы (содержаніе, награды). Заботясь исключительно о доходахъ казны, мы косвенно заботимся и о своихъ“. Впрочемъ, этотъ принципъ „казенные интересы въ ущербъ мѣстнымъ жителямъ“, господствуетъ во всѣхъ частяхъ великой Россіи. Онъ говоритъ: „Пусть мѣстные жители умираютъ съ голоду лишь-бы казна (а косвенно и гг. чиновники) имѣла солидные доходы“. Однако, въ Россіи есть и такіе уголки, которые предоставлены исключительно для обогащенія гг. иностранцевъ...

Вторая причина безотраднаго положенія гиляковъ—это повальная чрезвычайно разорительная кабала ихъ промышленникамъ, преимущественно евреямъ, водворенным въ Нико-

лаевскъ и по низовью Амура еще Муравьевымъ. Задолжавъ однажды своему „хозяину“ торговцу, рыбопромышленнику, они не въ состояніи уже выйти изъ этого рабства. Напротивъ, съ каждымъ годомъ невозможность этого все болѣе и болѣе увеличивается. „Прежде“, говорилъ мнѣ одинъ гилякъ, „мой долгъ купцу былъ мало-мало легче (т.-е. меньше) и я уплачивалъ его весь, а потомъ и забиралъ сколь нужно было. Теперь же купецъ гритъ: едва уплачиваешь половину. А по нашему отдаемъ ему много очень много рыбы, и разсчитываемъ, между собою, что отдаемъ много почти даромъ. Сколь платите, столь и получаете, гритъ купецъ и даетъ намъ товара все меньше и меньше“. Такъ что—чаю, соли и др. необходимыхъ продуктовъ не хватаетъ гиляку даже на ползимы. А взять у другого купца ему нельзя. Оказывается, другіе торговцы отлично знаютъ, кто изъ нихъ (инородцевъ), кому и сколько долженъ. „Уплати, гритъ, старому купцу и тоды онъ, другой купецъ, дастъ ему. Если-бъ всегда были отличные уловы рыбы, тоды можно еще расплатиться“, говоритъ далѣе гилякъ, „а то они меньше, чѣмъ прежде“. Повторяю, уловы меньше не за недостаткомъ рыбы въ рѣкѣ, а за невозможностью для гиляка, при случающемся нерѣдко плохомъ рыболовствѣ, искать лучшее мѣсто для лова. Дошло до того, что для себя и своихъ собакъ гилякъ запасается рыбою не на всю зиму и весну, какъ прежде, а на три, на четыре мѣсяца, надѣясь на зимній и весенній ловъ. Между тѣмъ и эти уловы тоже не всегда удачны. И вотъ случаются голодовки у гиляковъ: ни чаю, ни соли, ни муки, ни рыбы въ семьѣ. „Словишь мало-мало е пища“, не словитъ—сидитъ семья въ хижинѣ—голодаетъ, а глава семьи съ другими мужчинами-сожителями бродитъ и мерзнетъ, стараясь добыть что-нибудь...

Но были годы, когда инородцы не могли совсѣмъ заготовить себѣ рыбу. Въ это злополучное время и гольды и гиляки обыкновенно голодовали и помирали массами. Въ 1902 г. начальство совершенно не знало о существованіи голода между ними. А въ 1903 г. хотя и узнало объ этомъ, но

ассигновало злыдни: только 700 р. Большая часть этой суммы пошла кулакамъ за счетъ инородцевъ. Объѣзжавшій нѣкоторыя изъ инородческихъ стойбищъ губернаторъ констатировалъ, что голодъ произошелъ отъ малаго улова рыбы инородцами. Нашлись въ Николаевскѣ умники, объяснившіе этотъ крайне-недостаточный уловъ атмосферическими явленіями. Впрочемъ объясненіе это обычное въ Россіи.

Вслѣдствіе подобнаго донесенія въ „Пріамурскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1903 г. была помѣщена подробная статья объ этомъ явленіи. Будто бы во время перваго лѣтняго хода кэты, инородцы не ловили: ходъ рыбы былъ малъ. Надѣялись на осенній. Наступилъ осенній, и случилась бѣда. 17 августа, когда онъ начался, разразилась сильная буря, захвативъ полосу верстъ на 500. Бушевала она будто бы дня два со страшной силой. Третій день былъ спокоенъ, но вода не успокаивалась: волненіе продолжалось. На 4-й и на 5-ый дни снова бушевала буря. И т. д. Въ теченіе этихъ 8 дней нельзя было ловить.

Между тѣмъ въ средѣ рыбопромышленниковъ и рабочихъ-крестьянъ говорятъ слѣдующее. „Въ 1902 и 1903 гг. николаевскіе рыбопромышленники (евреи, православные, старовѣры) получили большіе заказы на соленую рыбу вдвое больше, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. Заказы были и отъ войскъ, и отъ городскихъ торговцевъ и отъ пріисковъ всей Восточной Сибири. Несмотря на подавляющую цифру заказовъ, всѣхъ удовлетворили почти одни николаевскіе рыбопромышленники.

— Дивуемся, гдѣ они взяли столько рыбы,—говорили обыватели Николаевска.

— Очень просто: отнимали у инородцевъ всѣ ихъ уловы до самого послѣдняго, говорятъ приказчики этихъ рыбопромышленниковъ.

— Другіе хитростью брали. Напоятъ гольда или гиляка, и берутъ всѣ уловы себѣ, пообѣщавъ имъ горы благодати,— говорятъ другіе —А пришло время голодовки ни одинъ не

далъ ломтика хлѣба. „Издохнутъ, черти и все пропадетъ за ними“, говорили рыбопромышленники.

— Я отлично помню, какъ лѣтомъ они *) ахали и охали, получая громадные заказы кэты. Всѣ эти заказы были съ задатками.

— А пошто ахали и охали?

— Не надѣялись столько рыбы заготовить. Потому вдвое и втрое больше требовалось ее, чѣмъ въ тѣ годы.

— А общій-то уловъ былъ немногимъ больше, чѣмъ въ прошлые годы. Откуда же взялся излишекъ, отправленный ими вверхъ по Амуру, въ Харбинъ, во Владивостокъ? Да вотъ откуда: отъ эфтихъ тварюнокъ значитъ, которую они оставляли прежде на свое пропитаніе. А въ эфти 1902 и 1903 гг. всѣ запасы-то ихніе ушли рыбопромышленникамъ. Вотъ отчего тваринка-то и голодовала.

— А начальству говорили другое: не могли молъ изловить, малъ ходъ былъ.

— Мало ли што. Безъ просыпу пьянствовали. Рыбопромышленники навозили имъ винища—страсть. А тѣ и раденьки были.

— А правда ли—будто буря была и нельзя было ловить?

— Какъ кто, а мы ловили и въ бурю. Только трудно было. Съ трудомъ сидѣли въ лодкахъ.

— А пошто ловили-то?

— Рыба шла—вотъ пошто. Надъ водой буря, сверху вода волнуется, а тамъ книзу спокой, вотъ она и шла. Жаль было опускать ея. Хозяинъ обѣщалъ намъ двойную плату. И далъ.

— Многіе ловили.

— Почти всѣ ловили.

— Мы, крестьяне, по деревнямъ всѣ ловили. И скажу вамъ: столько наловили, что некуда было дѣвать ее.

— А пошто не продавали промышленникамъ-то?

— Задаромъ-то? Плевать!

---

*) Рыбопромышленники.

— Промышленники любятъ покупать за грошъ рыбину, а продавать ее за рубль. Такъ и дѣлаютъ всѣ. Обираютъ тваринку.

— А отъ насъ, крестьянъ, не пожившься. Мы сами ищемъ кого бы надуть. Ха-ха-ха-ха!

— Куда же вы дѣли ее?

— Нечаво гнѣвить Господа, мы тоже хорошо продали ее. Къ намъ наѣхали изъ Благовѣщенска купцы: молоканы, старовѣры. Вотъ они-то все и забрали у насъ. Спасибо Павлу Ильичу: продалъ всю нашу рыбу, какъ свою. Если-бъ не онъ— не удалась бы эта продажа.

— Да, они не любятъ покупать мелочами.

— Хлопотлива такая покупка.

— Конечно. Избѣгаютъ ее всячески...

Такъ бесѣдовала группа сѣраго люда на палубѣ одного изъ пароходовъ, во время рейса Хабаровскъ—Николаевскъ въ іюлѣ 1905 г. Я не былъ собесѣдникомъ, но внимательно слушалъ, сидя на канатѣ возлѣ самой группы бесѣдующихъ...

Августа 20. Кромѣ вышеизложеннаго, о положеніи гиляковъ, я добылъ въ Николаевскѣ еще слѣдующія данныя о самихъ рыбопромышленникахъ и владыкахъ этихъ инородцевъ. Почти всѣ они проживаютъ въ Николаевскѣ и состоятъ между собою въ родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ. Подѣливъ между собою всѣ гиляцкія деревеньки, они строго соблюдаютъ между прочимъ и интересы другъ друга. Напримѣръ, если деревенька какого-нибудь Макара Ивановича, или Лейбы Израелевича старается забрать товаръ у другого торговца, Александра Ивановича, или Авраама Іаковлевича, не уплативъ первому кабальному владыкѣ своихъ долговъ, то о такой „скверности“ немедленно сообщается послѣднему. Затѣмъ каждый кабальный гиляко-владѣлецъ неусыпно стережетъ своихъ рабовъ, въ особенности осенью, во время рыбной ловли. Въ эту горячую пору онъ живетъ среди своихъ ра-

бовъ, ни на минуту не теряя ихъ изъ виду. Принимая наловленную и очищенную, гиляками, рыбу, Макаръ Иванович, или Лейба Самуилович, старается понизить ея стоимость.

— Худа рыба! Маломѣрна и провоняла уже,—кричитъ онъ своимъ рабамъ. Тѣ напрасно увѣряютъ его въ противномъ. Макаръ Ивановичъ, или Лейба Самуиловичъ фактически доказываетъ, что онъ правъ. Для этого приказчикъ его, молодой парень, заранѣе приготовилъ самую мелкую и провонялую рыбу... Такъ поступаютъ и русскіе и евреи.

„Не обманешь—не продашь, и выгодно не купишь“, говорятъ тѣ и другіе. Другими словами: „Дешево купить и дорого продать“ основное правило коммерціи. Этотъ главнѣйшій коммерческій законъ господствуетъ во всемъ мірѣ. Онъ настолько вошелъ въ плоть и кровь человѣчества, что никого не возмущаетъ. Одни только дикари возмущаются имъ. „Половину рыбы отдаемъ даромъ!“, отчаянно взываютъ гиляки. „Ничего не подѣлаешь: на этомъ свѣтъ стоитъ“, отвѣчаютъ имъ торговцы.

Послѣ окончанія лова и пріемки рыбы по самой дешевѣйшей цѣнѣ геляко-владѣлецъ даетъ своимъ рабамъ товаръ, въ долгъ, до слѣдующаго рыбнаго сезона по непомѣрно дорогимъ цѣнамъ.

Въ заключеніи объ инородцахъ, скажу нѣсколько словъ о положеніи ихъ нынѣ. Кромѣ упомянутыхъ выше невзгодъ, теперь прибавилась имъ новая, горше прежнихъ. Съ появленіемъ чиновниковъ землеотводныхъ партій, лѣсныхъ и переселенческихъ, аборигены Нижняго Пріамурья стали терпѣть отъ нихъ всевозможныя притѣсненія: сгоняютъ ихъ съ насиженныхъ мѣстъ, съ рыболовныхъ угодій, стѣсняютъ въ звѣроловствѣ, подвергаютъ штрафамъ и наказаніямъ за порубку даже одной палки. Дошло до того, что несчастнымъ инородцамъ житья не стало на ихъ родинѣ. Нѣкоторые изъ нихъ (наприм. гольды по р. Хоръ) просятъ о зачисленіи ихъ въ казаки. То же думаютъ и остальные, такъ какъ откочевать отсюда имъ совершенно некуда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

(Айносы. Гипотеза объ ихъ доисторическомъ переселеніи. Ихъ бытъ и нравы).

Августа 10. Сегодня возвратился я въ Константиновку отъ инородцевъ и весьма кстати: недалеко отъ берега стоялъ пароходъ. Не заѣзжая на квартиру, отправился на пристань, чтобъ справиться о времени отплыва его. Оказалось, уходитъ вечеромъ на Сахалинъ, гдѣ станетъ разгружаться и проч. дня три-четыре. Затѣмъ отправится въ Николаевскъ. Взявши билетъ до послѣдняго, я возвратился на квартиру, разсчитался съ хозяиномъ, захватилъ багажъ и отправился на пароходъ. Чрезъ полчаса устроился здѣсь въ каютѣ II класса. Покончилъ съ этимъ, сѣлъ за дневникъ и не замѣтилъ, какъ пароходъ снялся съ якоря. Поужинавъ не безъ удовольствія, расположился спать.

Августа 11. Спалось мнѣ хорошо. Пароходъ плавно разсѣкалъ волны пролива всю ночь. Кончивъ туалетъ и напившись чаю, я вышелъ на палубу. Между пасажирами былъ тутъ хорошо знакомый мнѣ докторъ П. „Какой же это берегъ?“, спросилъ я его послѣ обычныхъ привѣтствій, кивая на синѣющій вдали кряжъ горъ.

— Сахалинъ.

— Да! значитъ скоро будемъ тамъ.

— Чрезъ два часа. Ну что будемъ мы дѣлать тамъ, когда пароходъ станетъ разгружаться и нагружаться? — говоритъ докторъ.

— Надо предпринять что-нибудь. Напримѣръ, небольшую экскурсію, верстъ за 20 – 30 въ глубь острова.

— Вотъ, вотъ. И у меня та же мысль. Не удастся ли пополнить свой гербарій.

— Важно! сейчасъ же и отправимся. Только какъ именно.

— Очень просто: наймемъ двухъ лошадей, съ проводникомъ, изъ солдатиковъ—мѣстной команды.

— Превосходно. Хорошо бы встрѣтить айносовъ?—говорю я.

— А вотъ узнаемъ.

Когда пароходъ прибылъ и мы сошли на берегъ, то первый мой вопросъ сахалинскимъ обывателямъ былъ о ближайшемъ становищѣ айносовъ.

— А вотъ недалеко отсюда, въ верстахъ 30, на берегу, только что расположилось семейства три. Запасаются рыбой на зиму,—отвѣтилъ мнѣ житель сахалина.

— А по берегу можно проѣхать?

— Какъ?

— На лошадяхъ?

— Незнаю. Кажись лучше на лодкѣ, около берега. Вѣтру не предвидѣтся, такъ что доплывете благополучно.

Не безъ труда упросивъ своего новаго спутника доплыть до поселенія айносовъ на лодкѣ, мы, не теряя времени, отпросили у начальства двухъ солдатъ, да спутникъ взялъ своего, наняли лодку, захватили кое-какую провизію, палатку и отправились въ путь.

Къ 5 часамъ мы уже были около берега, гдѣ бородатые айносы, расположившись около своихъ временныхъ шалашей, исправляли снасти. Встрѣтили они насъ недовѣрчиво. Оставивъ свою работу и вскочивъ съ мѣста, они съ удивленіемъ и не безъ страха слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ. По-видимому, предстояла трудная задача—заслужить ихъ благорасположеніе. А какъ это сдѣлать? Я и докторъ были въ затруднительномъ положеніи. Къ нашему благополучію одинъ изъ солдатъ, взятыхъ нами, былъ опытный и бывалый. Онъ-то и выручилъ насъ.

— Ваше благородіе, обратился онъ къ доктору,—надо подарить имъ что нибудь. Люди они смирные и любятъ принимать гостей. Только вотъ обижаютъ ихъ здѣсь, главное эта каторга. Вотъ они по эфтому и боятся всѣхъ русскихъ.

Посовѣтовавшись, мы рѣшили подарить имъ слѣдующее: докторъ—коробку пороха и дроби, а я—большой кусокъ сахара. Съ этими подарками мы и командировали того же солдатика. Чрезъ полчаса онъ возвратился. Его сопровождали всѣ айносы.

Бормоча и кланяясь, они, повидимому, приглашали насъ къ себѣ.

— Зовутъ къ себѣ,—сказалъ нашъ посланникъ.

Пока мы осматривали ихъ жилище и рыболовныя снасти, наши солдатики поставили палатку, сдѣлали себѣ шалашъ и разложили огонь.

Чрезъ часъ былъ приготовленъ обѣдъ, и мы отлично закусили.

— Ну-съ! Вы будете любоваться своими айносами,—говоритъ мнѣ докторъ.—Что касается до меня, то я и мой пятница отправимся въ этотъ лѣсъ. Ты,—обращается онъ къ своему денщику,—захвати и винтовку.

Попросился сопровождать ихъ и одинъ изъ гребцовъ. Они трое ушли, а мы двое остались.

Августа 14. Сегодня мы возвратились на пароходъ изъ экскурсіи. Снимается онъ сегодня вечеромъ. Пользуясь свободнымъ временемъ, усаживаюсь за дневникъ и записываю результаты наблюденій надъ айносами.

Они—оригинальное племя. Высокаго роста, стройны, мускулисты и сильны. Черты лица чисто кавказскаго племени: черепъ, овалъ лица, лобъ, носъ, подбородокъ, густая окладистая и длинная борода. Только цвѣтъ лица и глазъ отличаются отъ кавказскаго. По этимъ немногимъ признакамъ они напоминаютъ азіатовъ. По словамъ профессора Бельца, они ближайшіе родственники словянъ. Только языкъ ихъ даетъ возможность удостовѣриться въ этомъ. Впрочемъ, между ними есть и настоящаго монгольскаго типа. Говорятъ, айносы живутъ въ дружбѣ съ гиляками, обитающими на Сахалинѣ, и случается, что берутъ въ жены гилячекъ. Кромѣ того, по словамъ одного образованнаго японца, въ прежнее время, обитая бокъ-о-бокъ съ его соотечественниками, айносы скрещивались съ представителелями низшаго сословія японцевъ. Тѣми и другими обстоятельствами безъ сомнѣнія и обусловливается появленіе среди айносовъ монголоидовъ. Во всякомъ случаѣ между ними преобладаютъ типы съ признаками кавказцевъ. Затѣмъ, прислушиваясь къ ихъ выговору,—слышу выраженія гилякскія и гольд-

скія. Это обстоятельство объясняется весьма просто. Около девяти вѣковъ назадъ айносы были вытѣснены японцами съ южныхъ острововъ на сѣверные. „Но, по словамъ японскаго историка, это не легко удалось нашимъ предкамъ. Прошло болѣе столѣтія въ одной борьбѣ съ ними. Въ ту эпоху айносы были могущественны и многочисленны".

„Мы говоритъ тотъ же историкъ, стремились ихъ покорить, сдѣлать изъ нихъ своихъ рабовъ. Но они не покорились и ушли на сѣверъ: на о. Сахалинъ, на о. Хоккайдо и др". Съ того времени, обитая среди гиляковъ и гольдовъ и имѣя съ ними постоянныя мирныя сношенія, они не могли не позаимствовать у нихъ нѣкоторыя выраженія и обороты рѣчи. Итакъ, признавая вышеупомянутые азіатскіе признаки у айносовъ за пріобрѣтеніе позднѣйшаго времени отъ сосѣдей, можно думать, что они, быть можетъ, и дѣйствительно потомки предковъ европейскихъ народовъ. Какъ же могла попасть сюда, въ океанъ монгольскихъ племенъ и народовъ, эта маленькая группа кавказцевъ?

Наука пока ничего не говоритъ объ этомъ. А гдѣ у ней пробѣлы, тамъ является фантазія. Послѣдняя же о переселеніи айносовъ на Дальній Востокъ рисуетъ слѣдующую картину.

Но прежде чѣмъ пуститься въ область фантазій, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о материкѣ Азіи въ древнѣйшія времена, воспользовавшись данными геологіи. Эта колыбель человѣческаго рода не всегда была въ современномъ видѣ. Задолго до появленія человѣка и даже высшихъ позвоночныхъ, начиная съ конца Архейской, или съ начала Палеозойской эръ, сѣверной Азіи не существовало. Тутъ былъ Ледовитый океанъ. Южная же часть Азіи занимала собою весь Индѣйскій океанъ. Въ составъ этой половины Азіи входили и Австралія, и острова Полинезіи, и Мадагаскаръ. На западѣ экваторіальная и южная Азія соединялась съ Африкой, а на востокѣ съ южной Америкой. Затѣмъ вмѣсто современной Европы были только острова и полуострова Азіи. Между послѣдними былъ и современный Пріуральскій край (Пермская губ.), и Великобританія. Ихъ

отдѣляли обширныя моря, глубоко входящія въ западную Азію. Въ составъ этихъ морей входили части пространства современной Россіи, Австріи, Германіи. Не существующая нынѣ южная часть Азіи была до Кенозойской эры.

Населяли ее многочисленныя племена, родоначальники современныхъ народовъ малайско-кавказскихъ племенъ. Опусканіе этой южной Азіи, какъ уже говорилъ, началось въ началѣ Кенозойской эры. Страшныя землетрясенія и вулканы, съ ихъ разрушительной силой, то и дѣло свирѣпствовали въ разныхъ мѣстахъ этой части Азіи. Нѣкоторыя мѣстности ея опускались вѣроятно, постепено, какъ опускаются нынѣ нѣкоторые берега Великобританіи и Италіи, другія внезапно, какъ исчезли въ послѣднее время острова Фердинандеа, Кракатао и др., на иныхъ же, напримѣръ на современныхъ островахъ и материкѣ Австраліи, повидимому не чувствовались перемѣны. При постепенномъ опусканіи племена, населявшія эти мѣстности, также постепенно откочевывали. Единственный безопасный путь для нихъ былъ по сѣверо западному, сѣверному и сѣверо-восточному направленіямъ. Послѣднія двѣ стороны населяли монгольскія племена, вытѣсненныя впослѣдствіи арабами на сѣверъ Азіи, въ современный Китай. Такимъ образомъ индоевропейцы могли двигаться только на сѣверо-западъ, по направленію къ западнымъ полуостровамъ. Послѣдніе, въ концѣ третичной системы, превратились уже въ материкъ Европы.

При внезапномъ опусканіи и страшныхъ вулканическихъ катаклизмахъ (подобныхъ современному, на остр. Кракатао) населеніе частью погибало, частью спасалось. Спасалось только населеніе, жившее на границахъ опустошенныхъ вулканами и землетрясеніями мѣстностей. Одни изъ этого населенія бѣжали на безопасныя мѣста, напримѣръ на современную Австралію и на острова Полинезіи *). Другіе, отрѣзанные

*) Быть можетъ это обстоятельство и было причиною разнообразія аборигеновъ Австраліи и острововъ Полинезіи. По заключенію Ратцеля („Народовѣдѣніе“) населеніе этой части свѣта такъ разнообразно по своему племенному составу, что имѣетъ отдаленное и ближайшее родство съ населеніемъ Азіи, Африки, Америки и Европы.

со всѣхъ сторонъ, садились на свои лады и пускались въ таинственныя пространства океана. Нѣсколько такихъ утлыхъ суденышковъ, съ нѣсколькими семьями, попали прямо на теченіе Куро-Сиво... Встрѣтивъ на своемъ пути острова Филиппинскіе, населенные чуждыми имъ племенами, они, влекомые теченіемъ и гонимые муссонами, плыли дальше, пока не натолкнулись на южные японскіе острова, гдѣ и утвердились. Вслѣдъ за ними, впослѣдствіи, двигались и прародители современныхъ японцевъ — малайцы, гонимые, вѣроятно, изъ своей родины тѣми же причинами. Натолкнувшись на бородатыхъ людей, они оттѣснили ихъ дальше на сѣверъ до Курильскихъ острововъ. Оригинальныя черты, подмѣченныя у айносовъ, быть можетъ, сохранились отъ отдаленныхъ предковъ, жителей материка, исчезнувшаго въ глубинѣ Индѣйскаго океана. Напримѣръ, женщины ихъ татуируются, чего нѣтъ ни у одного изъ монгольскихъ племенъ, населяющихъ сосѣднія съ ними мѣстности. Татуировка айноскихъ дамъ несложна: онѣ дѣлаютъ только на лицѣ одинѣ поперечныя полосы, какъ нѣкоторые изъ полинезійцевъ. Затѣмъ, когда айносъ достигнетъ совершеннолѣтія, ему бреютъ переднюю часть головы. Тунгусы же, въ подобныхъ случаяхъ, заплетаютъ молодымъ людямъ косы Оба пола, взрослые мужчины и женщины, отращиваютъ на вискахъ волосы, не допуская, чтобы они были длинные. Кромѣ того, айноскія дамы носятъ на головахъ повязки наподобіе самоанкамъ *). Показаться чужому мужчинѣ безъ нея считается позоромъ. Надѣваетъ эту повязку айноская женщина въ день своего замужества. Что касается до мужчинъ, то какъ каролинцы **), въ торжественные случаи они носятъ подобіе короны. Послѣдняя дѣлается изъ древесной коры. На ободокъ, обхватывающій черепъ, поверхъ лба, подвѣшиваются зубы медвѣдя, ногти тигра и т. д. Это подобіе короны имѣетъ знакъ отличія. Носящій ее—храбрѣйшій мужъ. Не отъ нея ли произошли всѣ современныя короны королей, герцоговъ и проч...

---

*) Островъ Полинезіи.
**) Каролинскіе острова тоже Полинезіи.

Наконецъ постройка своихъ домовъ на сваяхъ, заготовленіе лодокъ, отхожихъ мѣстъ, способъ лѣченія отъ нѣкоторыхъ болѣзней, привязанность айносовъ къ своему старинному оружію — луку со стрѣлами, смазываніе послѣднихъ ядомъ—все это тождественно съ тѣмъ, что видимъ у малайцевъ и нѣкоторыхъ изъ племенъ полинезійцевъ.

А вотъ черты тождественныя и съ малайскими и сосѣдними, тунгусскими. Напримѣръ, женщины айносовъ носятъ серьги въ ушахъ, блестящія металлическія привѣски на шеѣ и браслеты на рукахъ. Мужчина, покидая домъ, чтобы куда нибудь сходить, или плыть, надѣваетъ свой кафтанъ, и за послѣдній затыкаетъ ножъ въ ножнахъ. Это оружіе берется имъ для защиты и на случай угощенія мясомъ. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ употребляетъ такъ же, какъ тунгусъ и малаецъ. Часть поданнаго куска мяса зажимаетъ зубами и, придерживая остальную лѣвой рукой, отрѣзываетъ ножемъ около губъ. Дѣлаетъ онъ это ловко, быстро и прилично. Вообще по манерамъ и по наружности айносъ не кажется дикаремъ. Онъ гостепріимчивъ, вѣжливъ, добродушенъ и скроменъ. Наблюдая за ними въ теченіе 3-хъ дней, я не замѣтилъ ни одной дикой и грубой черты въ ихъ обращеніи между собой и съ нами. Въ особенности достойно подражанія отношеніе ихъ къ своимъ женщинамъ.

По словамъ солдатика (нашего посланца), не разъ посѣщавшаго ихъ и имѣвшаго съ однимъ айноскимъ семействомъ весьма короткія отношенія, мужчины „со своими бабами обращаются какъ съ барынями какими“. По моимъ же наблюденіямъ въ ихъ отношеніяхъ къ женщинамъ видно простое товарищеское чувство, какъ къ равнымъ.

Не дикарь онъ и по костюму. Его кафтанъ, сотканный его женою изъ коры луба или илима, узкіе шаровары и башмаки сидятъ на его фигурѣ довольно хорошо. Это платье онъ носитъ въ теплое время года. Въ холодное же—кафтанъ изъ звѣриныхъ шкуръ. Шаровары изъ кожи лосося и мохнатая шапка довершаютъ его зимній костюмъ. Кромѣ того въ холодное время носитъ подъ кафтаномъ подобіе куртки тоже

изъ шкуръ. Кромѣ этой обыденной одежды, у айноса имѣется еще и праздничная. Сшита она съ узорами и вышивками по краямъ ворота...

Постоянное жилище у нихъ, какъ уже говорилъ, ставится на сваяхъ. Это тоже пережитокъ прошлаго. Стѣны съ обѣихъ сторонъ и крыша покрыты ситникомъ. Въ хижинѣ два - три оконца. Къ ней примыкаютъ темныя сѣни. Недалеко отъ нея амбарушка на сваяхъ и отхожее мѣсто. Убранство жилища довольно приличное. На полу японскія цыновки. По стѣнамъ луки и стрѣлы. Для постели устроено небольшое возвышеніе около стѣны. Тутъ шкуры и кошмы. Въ переднемъ сѣверо-восточномъ углу воткнуты въ стѣну длинныя палки. Благодаря навернутой на нихъ шерсти и выстроганнымъ углубленіямъ, эти палки представляютъ жалкое подобіе человѣческой фигуры. Это ихъ божество. На нихъ льется напитокъ саке, кровь убитаго звѣря и проч. угощеніе. Около хижины, или среди нихъ, на высокомъ шестѣ – черепъ медвѣдя. Это тоже святыня, охраняющая жилища съ ихъ обитателями. Кромѣ того, они поклоняются и солнцу. Это высшее божество. Ни сами взрослые, ни дѣти ихъ ничего непристойнаго не дѣлаютъ на солнечномъ сіяніи. Запрещая послѣднимъ дѣлать это, они не пускаютъ ихъ даже голыми: „Божество осудитъ ихъ за это“, — говорятъ взрослые айносы.

Охотятся они съ лукомъ и стрѣлами. Концы послѣднихъ смазываютъ ядомъ. Несмотря на то, что всѣ сосѣди ихъ употребляютъ огнестрѣльное оружіе, айносы все - таки придерживаются своей старины. Причина этого кроется отчасти въ ихъ бѣдности. Впрочемъ, въ послѣднее время нѣкоторые изъ нихъ, болѣе состоятельные, обзавелись и винтовками. Напримѣръ, онѣ были у тѣхъ, съ которыми познакомились мы. Кромѣ лука и отчасти винтовки, у немногихъ, они употребляютъ еще мечи желѣзные и деревянные. Послѣдніе преимущественно у бѣдняковъ. Эти мечи похожи на дубины, заостренныя и въ длину и въ концѣ. Не менѣе важную роль

хъ обиходѣ играетъ и лодка. Чтобы смастерить ее, ай-

носъ срубаетъ толстое дерево, половину стесываетъ, выжигаетъ середину, затѣмъ выдалбливаетъ ее, по краямъ прибиваетъ доски съ двумя-тремя углубленіями для веселъ, сооружаетъ якорь изъ древеснаго крюка, привязавъ къ нему камни,—и лодка готова.

Всѣ необходимые, немногіе инструменты, напр. топоръ, пилу, долото, покупаютъ у японскихъ торговцевъ. Сами еще не умѣютъ ковать. Даже утварь покупаютъ у нихъ.

Пропитаніе айносъ добываетъ главнымъ образомъ рыболовствомъ. Орудія этого промысла—сѣть, удучки и гарпуны. Послѣдніе съ мѣдными наконечниками. Предъ употребленіемъ намазываютъ ядомъ. И это, кажется, пережитокъ. Нѣкоторые изъ австралійцевъ и полинезійцевъ тоже смазываютъ ядомъ оружіе. Кромѣ лосося, ловится кэта. Для ловли ея, во время хода, они переплываютъ проливъ и устраиваются гдѣ нибудь на устьѣ Амура, въ укромномъ мѣстѣ. Очистивъ, они или сушатъ ее, для себя, или тутъ же продаютъ японцамъ. Въ большинствѣ случаевъ, между продавцемъ рыбы — айносомъ и покупателемъ — торговцемъ происходитъ мѣновой торгъ и вмѣсто денегъ айносъ получаетъ товаръ, все что нужно ему: инструменты для рубки лѣса, орудія для рыбной ловли, глиняную посуду, украшенія для айносихъ дамъ и дѣвицъ и проч. Отъ такой торговли выигрываетъ конечно японецъ: высоко оцѣнивая свой товаръ, онъ сознательно обезцѣниваетъ рыбу айноса. Скромный, добродушный и незлопамятный айносъ мирится съ этимъ надувательствомъ.

Кромѣ рыболовства, айносъ охотится за кабанами, рысью, лисицами и проч. пушнымъ звѣремъ. Для этого, въ извѣстное время года, отправляется въ тайгу на нѣсколько дней, забирая сушеную рыбу для своего пропитанія. Въ помощь беретъ своего вѣрнаго друга собаку. Послѣдняя выслѣживаетъ добычу и пока дичь занимается со своимъ четвероногимъ противникомъ, айносъ успѣваетъ всадить ему нѣсколько стрѣлъ, вымазанныхъ ядомъ. Убитый звѣрь солидная добыча для айноса. Шкура идетъ на постель и одежду, или вымѣнивается на товаръ японцу; жиръ—на свѣтильню, а мясо — любимое блюдо айноса.

Кромѣ вышеупомянутыхъ промысловъ, айносы занимаются и огородничествомъ. Садятъ табакъ, просо, тыкву, бобы, огурцы и рѣпу. Приготовляютъ землю подъ эти овощи заостреннымъ крюкомъ. Какъ ни скромно ихъ огородничество, однако и оно немало требуетъ трудовъ. Дѣло въ томъ, что, обитая большею частью въ тайгѣ, они съ великими трудами расчищаютъ почву для своихъ небольшихъ огородовъ.

Въ заключеніе объ айносахъ скажу нѣсколько словъ о ихъ современномъ положеніи. На новой родинѣ (Сахалинѣ, Хоккайдо) имъ жилось не особенно сносно. Пользуясь правомъ сильнаго, японцы сгоняли и сгоняютъ ихъ съ рыболовныхъ мѣстъ и принуждаютъ работать на себя. Кромѣ того, отбираютъ или выманиваютъ на бездѣлушки пушнину, ихъ ловъ. Свободолюбивые айны бѣгутъ отъ нихъ, забираются въ тайгу Сахалина. Сюда враги ихъ не проникаютъ, оставляя въ покоѣ „волосатыхъ“. Но, недолго благоденствовали айны въ тайгѣ Сахалина. Съ востока пришли другіе враги ихъ—русскіе.

До каторги сюда нерѣдко заглядывали казаки, матросы, промышленники. Всѣ эти авантюристы натурально охотились за ними. Кому неизвѣстенъ взглядъ русскаго простолюдина на инородцевъ.

Убить „тварнику“ — значитъ сотворить божеское дѣло и сдѣлаться прямымъ кандидатомъ въ рай. Кромѣ того, авантюриста - русскаго прельщаетъ мысль найдти у „тварники“ дорогіе мѣха, золотыя вещи. Изъ опасенія попасть на глаза новымъ врагамъ, айны рѣдко выходили изъ тайги на западное побережье. Они посѣщаютъ преимущественно сѣверное и восточное. Съ учрежденіемъ каторги явились ихъ враги и вглубь тайги.

Убѣгая изъ каторги десятками, каторжане какъ сыръ въ маслѣ катались въ айноскихъ стойбищахъ. Отнимали у нихъ и пищу, и женщинъ, въ особенности дѣвицъ, по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ проживали у айносовъ.

Количество ихъ невелико. Въ 1901 г. числилось всего 16,000 человѣкъ обоего пола. Изъ нихъ на о. Сахалинѣ,

по переписи 1904 г., сосчитано было въ 49 стойбищахъ 713 мужчинъ и 649 женщинъ, всего 1362. За вычетомъ послѣдней цифры изъ 1442 (количества айносовъ по переписи 1897 г.) получаемъ остатокъ 172 — убыль ихъ въ теченіе 8 лѣтъ.

Главное мѣстопребываніе „волосатыхъ людей“ на Сахалинѣ—заливъ Терпѣнье и сѣверное побережье. Впрочемъ, немного ихъ стойбищъ и на восточномъ берегу. Въ 1901 г. наша администрація сжалилась-таки надъ ними и отвела имъ рыболовные участки по побережью Татарскаго пролива и Охотскаго моря.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

(Устье Амура: Затонувшій казенный милліонный грузъ. Николаевскъ, его обыватели и ихъ жизнь).

Августа 15. Пароходъ снялся съ якоря вчера поздно вечеромъ и мы плыли на западъ всю ночь. Къ 8-ми часамъ утра будемъ въ Николаевскѣ.

Я и мой спутникъ, докторъ П., сидимъ на палубѣ и любуемся ландшафтомъ. Позади постепенно исчезаютъ синѣющія горы Сахалина, словно погружаясь въ воды Татарскаго пролива. Впереди же все болѣе и болѣе выплываютъ другія — противоположныя. Это восточное побережье Азіи, около устья Амура. Пароходъ, разсѣкая волнующуюся поверхность пролива, быстро подвигается къ этимъ горамъ.

2 часа дня. Вотъ и входный баканъ. А тамъ вдали плыветъ къ намъ навстрѣчу лоцманская лодка. Пароходъ на минуту пріостановился, взялъ лоцмана и направился на сѣверо-западъ. Мы подходимъ къ Амурскому лиману, плывя около берега. Послѣдній состоитъ почти изъ сплошныхъ отвѣсныхъ скалъ и утесовъ, поднимающихся изъ-подъ воды. У подножія этихъ стѣнъ рядъ каменныхъ глыбъ... Такой

видъ побережья съ самаго залива Петра Великаго. Впрочемъ, на всемъ этомъ 3—4-хъ тысячеверстномъ протяженіи существуютъ не мало заливовъ, удобныхъ для стоянки. Напримѣръ отъ 42-й до 44 параллели это побережье весьма богато заливами и заливчиками. Вотъ самые крупные изъ нихъ: Посьетъ, Амурскій, Уссурійскій, Америка, Преображенье, Евстафія, св. Ольга и св. Владиміръ. Изъ острововъ замѣчательны: Путята, Аскольдъ, Русскій и др. Много острововъ незначительнаго размѣра совсѣмъ не обозначены на картахъ. Всѣ они состоятъ изъ скалъ и по всей вѣроятности разобщены отъ побережья материка атмосферическими дѣятелями. Немалую роль въ этомъ играли и горныя рѣчки. Размытые въ одномъ пунктѣ скалистаго побережья, гравіи и др. остатки отлагались въ другомъ мѣстѣ.

Другая половина побережья отъ залива св. Владиміра до устья Амура представляетъ зигзагообразный рядъ скалъ, съ утесистыми мысами. На этомъ большомъ протяженіи только одинъ заливъ Николая I. Остальное береговое пространство прерывается только ущельями или узкими падами. Тѣ и другія произведены дѣятельностью горныхъ рѣчушекъ, впадающихъ въ проливъ.

По словамъ кн. А. Орбельани, обозрѣвавшаго все это побережье весною 1908 г., на миноносцѣ „Бравомъ“, все оно „прекрасно и по климатическимъ условіямъ, и по богатствамъ растительнаго и животнаго царства, и по удобнымъ бухтамъ для стоянки судовъ, какими являются заливы Америка и св. Ольга... На всемъ этомъ пространствѣ отъ Владивостока до Татарскаго пролива нельзя встрѣтить никакихъ видимыхъ признаковъ, чтобы сказать“:

— Этотъ берегъ русскій. У каждой бухты, въ устьяхъ каждой рѣчки, въ каждомъ горномъ распадѣ видны фанзы китайцевъ, временно пріѣзжающихъ на эти берега для ловли камбалы, крабовъ, трепанговъ, морской капусты. На склонѣ горъ нерѣдко виднѣются китайскія распашки, съ значительными посѣвами мака для сбора опіума. Въ мѣстахъ, прилегающихъ къ заливу Америка и сѣвернѣе поля съ зерновыми

хлѣбами. Русскихъ поселенiи у самыхъ береговъ моря почти нѣтъ, такъ какъ переселенцы селятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря. Изъ старожильческихъ поселковъ, не считая у заливовъ Уссурiйскаго и Америка, только два: — Пермское и Фудинъ. Значительное большинство образованы и начали заселяться съ 1900 г.“

Обогнувъ мысъ Пронгэ, мы вступили въ Амурскiй лиманъ и плывемъ на западъ. Противоположнаго берега лимана почти не видно. Поверхность воды грязно-сѣрая. Вотъ и знаменитый скалистый берегъ лимана. Въ 90-хъ годахъ здѣсь произошла, говорятъ, аварiя судна, причинившая казнѣ милльонный убытокъ. Странно, что объ этомъ несчастiи — ни въ газетахъ, ни въ обществѣ столицъ (не говоря уже о провинцiальныхъ) не было ни слуха, ни намека. Вотъ что разсказывалъ намъ лоцманъ объ этой аварiи.

„Въ iюлѣ, или началѣ августа 189* г. пришелъ въ Николаевскъ пароходъ и привелъ морское судно съ артиллерiйскими припасами: ядрами, порохомъ. Говорятъ были и пушки. Всего на сумму больше милльона. Весь этотъ грузъ былъ предназначенъ, говорятъ, для военнаго времени всего округа и долженъ былъ храниться въ николаевской батареи до навигацiи по Амуру. Тогда желѣзной дороги до Хабаровска еще не было и былъ удобный путь только морской отъ Владивостока до Николаевска и рѣчной по Амуру до Срѣтенска. По прибытiи, командиръ потребовалъ отъ батарейнаго начальника прiемки этого груза, какъ можно скорѣе, потому пароходъ, молъ, долго стоять тутъ не можетъ и долженъ итти еще куда то, съ грузомъ, а потомъ дѣлать слѣдующiй срочный рейсъ. Сначала требовалъ, потомъ просилъ, а дальше даже умолялъ. Не тутъ-то было, батарейный начальникъ былъ непреклоненъ: не хотѣлъ принимать и баста. Грить бумаги нѣтъ. Значитъ приказанiй высшаго начальства. Капитанъ не сталъ ждать. Оставивъ судно на попеченiе сопровождавшаго грузъ, онъ уплылъ. Сопровождавшiй сталъ просить отъ себя о прiемкѣ запаса, ссылаясь на позднее время, на наступившую осень, на бури... При этомъ по незнанiю,

или по закону, неизвѣстно, величалъ этого начальника „благородіемъ“ и писалъ ему „отношенія“, а не „рапорты“. Тотъ еще пуще обозлился — вишь обижаютъ его, величая „благородіемъ“, а не „высокоблагородіемъ“, пишутъ какъ равному, а не начальнику, какъ слѣдовало по его мнѣнію. Въ отмѣстку захотѣлъ проучить сопровождавшаго. А тотъ не унимался — писалъ, да писалъ бумаги. Такъ прошло нѣсколько недѣль и наступила осень. Подули и вѣтра. Однажды случилось страшная буря. Судно сорвало съ якоря и смаху двинуло на утесъ, и что-жъ, вдребезги разбило и весь грузъ пошелъ ко дну“.

— А потомъ что было?

— „Ничего. Одного оправдали, а другой получилъ выговоръ, да былъ переведенъ на другое мѣсто“.

Пока мы слушали этотъ разсказъ, пароходъ шелъ по фарватеру Амура. Первый относительно мелокъ въ этомъ мѣстѣ и морскія суда съ грузомъ не въ состояніи подойти прямо къ Николаевску, для разгрузки. Не могутъ они тотчасъ же и разгружаться, такъ какъ объ ихъ прибытіи узнаютъ въ городѣ только на второй и даже третій день. Только на четвертыя или пятыя сутки, по прибытіи судна къ Джауре, является рѣчной амурскій пароходъ для груза. Благодаря этому примитивному устройству, суда обыкновенно разгружаются около мыса Джауре, въ 38 миляхъ отъ города и въ теченіе восьми-десяти дней нагруженныя мелкосидящія баржи проводятся особымъ рѣчнымъ пароходомъ по фарватеру къ николаевской пристани и обратно къ мысу. Не говоря уже о затруднительномъ положеніи судовъ, вынужденныхъ „безъ толку“ качаться на морскихъ волнахъ въ теченіе этихъ 8—10 дней, эта разгрузка убыточна и для жителей города, окрестностей и даже всей Восточной Сибири, такъ какъ всѣ расходы по дорогостоющей стоянкѣ около мыса Джауре судовладѣльцы взыскиваютъ съ товарохозяевъ. Послѣдніе же, прибавивъ этотъ расходъ къ перегрузочному, разлаживаютъ на товаръ. Говорятъ, шестое десятилѣтіе шла переписка объ углубленіи фарватера и о проведеніи теле-

графной линіи отъ мыса Джауре (гдѣ лоцманская станція и стоянка морскихъ судовъ) до города.

Что николаевскій рейдъ въ высшей степени неудовлетворительный—извѣстно было еще Муравьеву-Амурскому. Кромѣ уже сказаннаго о перегрузкѣ судовъ на открытомъ водномъ пространствѣ, она должна производиться непремѣнно въ тихую погоду, что бываетъ рѣдко.

Обыкновенно баржу приводятъ въ Джауре, къ морскому судну, для перегрузки, весьма часто невпопадъ: здѣсь и буря, и волненіе еще не улеглись. Перегрузка не мыслима. Баржу уводятъ обратно. Вечеромъ, предполагая, что вѣтеръ стихъ, пароходъ снова идетъ съ баржею къ Джауре. А тамъ тоже: вѣтеръ и волненіе. Опять идетъ обратно. Итакъ, нѣсколько разъ, пока попадетъ въ благопріятныя условія для перегрузки.

Но и николаевская гавань чрезвычайно мелководна. Пароходы съ осадкою 4 фута не въ состояніи подойти къ ней. Перегрузка происходитъ здѣсь какъ на Джауре: на открытомъ водномъ пространствѣ. Для этого къ баржѣ, съ грузомъ, подводится другая, пустая. Но и это иногда невозможно предпринять. Противъ Николаевска Амуръ около двухъ съ половиною верстъ. Когда погода вѣтреная, то валы здѣсь не уступаютъ морскимъ, прибрежнымъ. Иногда такое волненіе здѣсь продолжается по недѣлямъ. Принимая во вниманіе 60-лѣтнюю давность владѣнія этимъ краемъ, кажется довольно странно не улучшить рейдъ въ теченіе этого періода.

Только въ концѣ 19 вѣка, за годъ до наступленія XX, вздумали улучшить лиманъ. Для этого было проектировано углубленіе бухты фарватера до мыса Джауре, на протяженіи 37 верстъ до 18 фут. глубины (съ николаевской гаванью). Но этотъ планъ нашли безполезнымъ, такъ какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ его снова будто бы занесетъ, тѣмъ болѣе количество осадковъ, приносимыхъ водами Амура, громадное. Тѣмъ не менѣе, не откладывая, приступили къ этимъ работамъ. Въ зиму 1899—1900 гг. издержано было 40,000 р. Въ зиму 1900 — 1901 гг. = 74,000 р. Но сдѣлали мало.

Предполагали продолжить работы еще въ теченіе 10 лѣтъ. Требовалась ассигновка 2-хъ милліоновъ рублей. А продолжать надо, такъ какъ сюда ежегодно привозится грузовъ до $2^1/_2$ милліоновъ пудовъ.

Пока медленно шли эти работы, явился другой проектъ: прорыть каналъ въ обходъ лимана, отъ устья р. Эри до Хагемифа. Пошли новыя изслѣдованія, переписки. Потратили много денегъ на эти изысканія. Въ концѣ концовъ послѣ почти двухлѣтней работы, пришли къ заключенію о непригодности этого новаго плана. Но нѣтъ худо безъ добра: благодаря этимъ поискамъ и изслѣдованіямъ въ 1903 г. открыли новый сѣверный проходъ въ устьѣ Амура. Глубина его оказалась достаточной даже для морскихъ судовъ съ осадкою 18 фут. Общее протяженіе его 35 верстъ. Продолжительность плаванія 4—5 часовъ. Прохожденіе по этому проходу морского транспорта „Камчадалъ“ доказало, что эти результаты изслѣдованія достовѣрны. Констатировано, что и этотъ проходъ требуетъ расчистки, съ расходомъ до 500,000 р. За то послѣ этого всѣ морскія суда станутъ проходить до Хабаровска. Что касается до Николаевска, то надо вѣдь и его гавань углубить до осадки морскихъ судовъ.

Почему бы сразу не изслѣдовать все устье Амура! Неужели въ теченіе 60 лѣтъ не было у насъ на это ни времени, ни денегъ. Потратили же болѣе 200,000 р. на расчистку фарватера лимана съ 1899 по 1903 гг. И эти 200,000 р. были брошены безполезно. Да хоть бы ширина всего устья и число рукавовъ было громадное. Все это доказываетъ нашу пассивность, природную лѣнь и апатію, наше невѣжество, нашу дикость. Не могли даже въ 60 лѣтъ устроить телеграфа отъ Николаевска до Джауре.

Благополучно прошли лиманъ и подошли къ пристани города. Собственно, она — Амурскаго общества пароходства и торговли. Построенная въ 1898 г., обставлена довольно удовлетворительно. Тутъ и солидные цинковые амбары для склада грузовъ, и помѣщенія для служащихъ и проч. Сооружая амбары, общество имѣло въ виду свое соглашеніе на пріемъ

грузовъ, доставляемыхъ сюда на морскихъ судахъ (изъ Одессы, изъ Японіи и Америки) для перевозки по Амуру, по Зеи и Амгуни. Кромѣ того, принимаетъ оно и грузы, идущіе за границу и изъ-за границѣ. Прилагаю статистическія данныя о количествѣ судовъ и груза, прибывшихъ сюда съ 1901 по 1907 г. съ моря и съ верховья Амура

I-ое ИМПОРТЪ

судовъ, приходившихъ въ Николаевскъ (на Амурѣ) съ моря, съ грузомъ 1901 по 1907 гг.

Годы.	На какихъ судахъ.	Количество.	Доставлено на нихъ товаровъ русскихъ.	Доставлено на нихъ товаровъ иностран.	Итого.
1901	Паровыхъ .	60	504,000 пуд.	1,625,000 п.	2,129,000 „
	Парусныхъ .	38			
1902	Паровыхъ .	62	818,416 „	1,865,188 „	2,683,598 „
	Парусныхъ .	47			
1903	Паровыхъ .	51	390,000 „	1,466,000 „	1,855,873 „
	Парусныхъ .	33			
1904	Паровыхъ .	22	223,394 „	195,278 „	418,672 „
	Парусныхъ .	20			
1905	Паровыхъ .	13	не было	1,376,720 „	1,376,720 „
	Парусныхъ .	1			
1906	Паровыхъ .	79	834,254 пуд.	3,763,000 „	4,602,846 „
	Парусныхъ .	23			
1907				2,620,941 „	

Съ 1901 по 1907 г.

Откуда именно привозился товаръ съ моря въ г. Николаевскъ.	Какой.	Сколько.	
Изъ Китая	чаю	2,362,000 п.	Весь этотъ товаръ изъ Америки перегружался въ Шанхаѣ на суда для доставки въ Николаевскъ.
„	муки.	563,000 „	
„	рису.	357,000 „	
„	мяса, консерв. американск. .	220,000 „	
Изъ Гамбурга	соль.	1,230,000 „	
„	желѣза и жел. издѣлій . . .	596,000 „	
„	машинъ. . . .	223,000 „	
„	скобяныхъ и аптекар. тов.	213,000 „	
„	муки.	3,030,000 „	
„	консервовъ. . .	105,000 „	
„	сахару. . . .	72,000 „	

Съ 1901 по 1907 г.

Откуда.	Какой.	Сколько.
Изъ Японіи	соль.	1,126,000 п.
	овощи, камен. уголь, япон. изд.	—
Изъ Америки	соль.	300,000 „
„	муки.	110,000 „
„	желѣзо и желѣзн. издѣл. .	78,000 „
„	машинъ	53,000 „
„	скобян., бакал. мануфактурный товаръ	19,000 „
„	консерв. мяса.	—

Откуда.	Какой.	Сколько.
Изъ Антверпена	соль.	52,000 „
„ Кореи	рус. спиртъ, мука, рисъ .	110,505 „
Изъ Владивостока Одессы, Либавы, Батума, Сахалина	бакал. и мелкихъ галантерейныхъ товар	159,000 „
	мануфактури. товар. . .	134,000 „
	керосинъ.	390,000 „
	сахаръ.	298,000 „
	муки.	263,000 „
	желѣзо и жел. издѣлій. .	195,000 „
	каменнаго угля.	179,000 „
	спирту.	156,000 „
Въ 1907 г.		
Изъ Германіи	соль, жел. изд., бакал. тов.	1,585,917 п. 27 ф.
„ Японіи	соль, япон. изд., кам. уг.	903,772 „ 8 „
„ Китая	чай, рисъ, мука и т. д. .	377,615 „ 6 „
„ Америки	мука, машины и т. д. . .	25,872 „ 20 „
„ Австріи	мясо консерв. и т. д. . .	15,500 „ — „
„ Франціи	мануф., вина	12,209 „ 26 „

Импортъ товара въ Амурскій бассейнъ.

Откуда.	Когда.	Сколько.
Изъ-за границы.		
1-е чрезъ Владивостокъ и Хабаровскъ.	1901 г.	2,705,284 п.
	1902 „	1,453,066 „
	1903 „	1,409,316 „
	1904 „	1,304,963 „
	1905 „	1,301,612 „
	1906 „	1,401,559 „
2, чрезъ Иманъ	1901 г.	618,476 п.
	1902 „	974.546 „
	1903 „	1,134,492 „
	1904 „	101,902 „

Откуда.	Когда.	Сколько.
	1905 г.	72,624 п.
	1906 „	214,387 „
3, чрезъ г. Харбинъ и Благовѣщенскъ.	1901 „	821,594 „
	1902 „	794,945 „
	1903 „	1,526,676 „
	1904 „	2,420,441 „
	1905 „	393,753 „
	1906 „	1,581,938 „
4, чрезъ Николаевскъ.. чрезъ Владивостокъ и Хабаровскъ въ Стрѣтенскъ.	1907 г.	2,226,997 п. 908,384 „

Изъ Стрѣтенско въ Заб. обл.
1,071,712 п.

Въ рѣчной портъ г. Николаевска, на Амурѣ, перевезено изъ Россіи товара и пассажировъ.

Когда.	Чрезъ какой пунктъ.	Куда.	Сколько товара.	Сколько пассажировъ.
1903 г.	Стрѣтенскъ.	Николаевск. на Амурѣ.	2,000,000 п.	22,000 ч.
1904 „	„	„	2,000,000 „	20,000 „
1905 „	„	„	2,821,000 „	29,000 „
1906 „	„	„	4,222,000 „	28,003 „
1907 „	„	„	683,111 „	неизвѣстно.
„ „	„	Хабаровскъ.	2,476,627 „	

2. ЭКСПОРТЪ.

Товаровъ, вывезенныхъ изъ г. Николаевска за-границу:

Когда.	Куда.	Какого товара.	Всего товара.	Въ томъ числѣ.
1901 г.	за-границу	—	641,000 п.	**Кетъ исключительно.**
1902 „	„	—	716,000 „	Во Влад. 675,986 п.
1903 „	„	—	803,000 „	на Сах. 10,434 „
1904 „	„	—	222,000 „	въ Япон. 1,747,144 „
1905 „	„	—	не было „	въ Гамб. 180,936 „
1906 „	„	—	763 „	въ Кит. 5,500 „

Въ складахъ пристани грузы лежатъ до сдачи на пароходы Шевелева, рейсирующіе по заграничнымъ портамъ. Нынѣ тѣхъ и другихъ грузовъ значительно поубавилось. Напримѣръ, грузы въ Благовѣщенскъ и въ Забайкалье идутъ уже по Маньчжуркѣ. Направляемые въ первый, отъ Цицикара доставляются или по Сунгари, или сухопутно. Въ Хабаровскъ и отчасти въ Благовѣщенскъ идутъ по Уссурійской желѣзной дорогѣ отъ Владивостока.

Тѣмъ не менѣе общество пароводства по Амуру не сидитъ безъ дѣла: оно даставляетъ грузы на пріиска по Амгуни, въ населенные пункты по низовью Амура и сравнительно небольшой грузъ въ Благовѣщенскъ и на Зейскіе пріиска, такъ какъ нѣкоторые торговыя фирмы и золотопромышленники, по Зеи, не прекратили свои дѣла съ обществомъ и по прежнему получаютъ грузъ чрезъ Николаевскъ.

Оставивъ пароходъ, я нашелъ около пристани небольшую комнатку съ самоваромъ. Хозяинъ квартиры—еврей, весьма услужливый и состоятельный. Узнавъ, что я изъ Новороссіи и немного свѣдущъ съ юридическими науками, чрезвычайно обрадовался.

— Самъ Господь послалъ васъ сюда, чтобы помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ,—кричалъ онъ, жестикулируя.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Дѣло вотъ какого рода. Начальство города притѣсняетъ насъ, евреевъ, требуетъ документовъ по пріобрѣтенію городского недвижимаго имущества. А какіе же надо документы, коли мы уже представили и самые настоящіе! Посудите сами! Помогите, ради Создателя! Отлично заплачу, ей-Богу.

Согласившись помочь ему въ его тяжбѣ съ городской управой, не оставляя законнаго пути, я постарался ознакомиться съ этимъ дѣломъ въ частности и съ порядками купли-продажи городского имущества въ прошломъ и въ настоящемъ.

Оказалось, предметъ тяжбы и характеръ ея—не изъ легкихъ. Пришлось познакомиться съ исторіей города. А такъ какъ она довольно интересна и характерна, то и вписываю ее въ этотъ дневникъ.

1 августа 1850 г. капитанъ 1-го ранга Невельскій прибылъ сюда изъ Петропавловска. Изслѣдовавъ устье Амура и убѣдившись, что Сахалинъ отдѣленъ отъ материка проливомъ, онъ поднялъ здѣсь русскій флагъ, назвавъ этотъ постъ Николаевскимъ. Присутствовавшихъ при этомъ торжествѣ инородцамъ было объявлено, что этотъ край принадлежалъ и принадлежитъ Россіи. Невельскій оставилъ здѣсь пять казаковъ, которые и занялись постройкою себѣ зимовья. Въ слѣдующемъ 1851 г. онъ снова посѣтилъ этотъ постъ и оставилъ здѣсь уже лейтенанта Бошняка съ 25 казаками. Зимовье построенное прежней командою, было уже недостаточно и прибывшіе стали строить болѣе обширное помѣщеніе на 40человѣкъ. Съ этого времени на этомъ пунктѣ стали усиленно возводить постройки. Строили сначала матросы, а потомъ солдаты небольшой команды, присланной сюда въ числѣ 38 человѣкъ въ 1852 г. Въ 1854 г. прибылъ сюда уже цѣлый баталіонъ, для котораго заблаговременно было построено нѣсколько казармъ, кухня, амбаръ и проч. Съ 1855 г. стали селиться здѣсь и частные: евреи, поселенцы, отставные матросы

и солдаты. Такъ что къ 1864 г. здѣсь было частныхъ обывателей болѣе 1000 человѣкъ. Въ виду этого, для возникшаго города былъ начначенъ земельный надѣлъ. Границею его были рѣки Камора и Патха, впадающія въ Амуръ, а съ сѣвера— горный кряжъ. Кромѣ этого на лѣвомъ берегу Амура, у подножія сѣвернаго края Сихота-Алиня, была отведена береговая полоса въ 30 с. ширины и около 12 верстъ длины. Вмѣстѣ съ тѣмъ весь большой надѣлъ на правой сторонѣ Амура раздѣленъ былъ на 163 квартала съ 629-ю участками для усадебъ, съ 40 улицами. Изъ числа послѣднихъ— 9 улицъ въ верхней части и 8 въ нижней параллельно Амуру и 15 въ верхней и 8 въ нижней перпендикулярно ему. Что касается до полосы у подножія Сихота-Алиня, то она была предназначена для рыбнаго промысла.

Оба надѣла были покрыты частью лѣсомъ, а частью кустарникомъ и травой. Ими (надѣлами) жители пользовались такъ. Полосу у подножія горъ брали безъ всякаго разрѣшенія, кому сколько угодно и гдѣ угодно, лишь бы не выходили изъ 12-ти верстной полосы. Только въ настоящее время эта полоса раздѣлена на 46 уч. и каждый отдается городской управой въ аренду съ торговъ. Что касается до надѣловъ для построекъ, то для отвода желающимъ поселиться здѣсь въ 1865 г. былъ учрежденъ комитетъ, который и отводилъ участки, выдавая и документы на право владѣнія. Желающихъ поселиться въ новомъ приморскомъ городѣ было много, и Николаевскъ съ каждымъ годомъ разрастался вширь и вдоль.

Большая часть селившихся были евреи. Муравьевъ, мечтая скорѣйшемъ заселеніи края, не задумывался надъ вопросомъ: „Какой изъ народностей слѣдуетъ отдать предпочтеніе?“ Зная евреевъ только съ лучшей стороны, онъ приглашалъ ихъ и сюда, и въ Читу. Поселившіеся здѣсь захватывали земли даже болѣе, чѣмъ первоначально было имъ отведено. Напримѣръ для выгона, пастбищъ и сѣнокошенія была назначена большая луговина съ лѣсами, рѣчушками и пр., шириною до 3 верстъ. Захвачено же жителями пространство въ 14 верстъ ширины.

Увеличеніе городского населенія и лихорадочныя постройки

продолжались до 1871 г. Съ этого времени произошелъ рѣзкій перерывъ: пошли слухи о переводѣ морского порта и всѣхъ учрежденій военнаго и морского вѣдомствъ во Владивостокъ. Такъ и случилось въ слѣдующій 1872 г. Послѣдствіе этого перевода было весьма неблагопріятно для Николаевска. Восемь десятыхъ жителей города пріобрѣтали средства къ существованію исключительно около этихъ учрежденій и ихъ служащихъ. А когда этихъ кормилицъ и поилицъ не стало городъ опустѣлъ. Большая часть владѣльцевъ не безъ сожалѣнія побрасали свои свитыя гнѣздышки. Изъ 3500 жителей осталось меньше 1000. Оставшіеся, преимущественно евреи, понакупивъ за безцѣнокъ покинутыхъ усадебъ, крикнули кличъ своимъ единовѣрцамъ. Послѣдніе не заставили звать себя другой разъ и поспѣшили въ новую обѣтованную землю со всѣхъ концовъ Россіи. Такъ Николаевскъ превратился въ новый полуеврейскій городъ.

Когда евреи стали стекаться сюда, горожане съ объятіями встрѣчали прибывшихъ.

— Все наши, все наши!—захлебываясь отъ радости восклицали новые обыватели.

И принялись эти граждане хозяйничать здѣсь. Первымъ долгомъ они отмѣнили прежній порядокъ пріобрѣтенія участковъ и городской недвижимой собственности и установили свой, назвавъ его поссессіоннымъ правомъ.

Главная особенность новаго порядка состояла въ отсутствіи пошлинъ, марокъ и проволочекъ. Продавшій или купившій городской участокъ, съ домомъ, или безъ него, являлись въ городскую полицію, заявивъ тамъ письменно о своей сдѣлкѣ, получали за могорычъ удостовѣреніе о совершеніи сдѣлки. Удостовѣреніе состояло въ надписи полиціи на заявленіи продавца и покупателя. Если здѣсь почему-либо отлагали выдачу этого документа, то продавецъ и покупатель шли къ маклеру. Второе преобразованіе этихъ гражданъ коснулось главнымъ образомъ порядка торговли. По словамъ хозяина моей квартиры, они торговали открыто всѣмъ и во всякое время безъ дозволительныхъ и прочихъ документовъ.

Этотъ порядокъ существовалъ почти два десятилѣтія, до 80-хъ гг. *Потомъ нашли, что г. Николаевскъ находится въ раіонѣ Россійской имперіи и граждане его должны придерживаться во всемъ общихъ законовъ ея. Въ силу этого важнаго открытія, новый составъ городской управы и полиціи уже не признаетъ законными вышеуказанные документы и требуетъ настоящіе законные.* Но главное препятствіе къ охранѣ права владѣльцевъ на ихъ земельные участки— это не утвержденіе городского плана. Представленъ былъ на утвержденіе .въ 1900 г. Говорятъ и до сего времени его нѣтъ. А пока его ожидаютъ, Николаевская городская управа продолжаетъ отнимать выгодные, для кого - либо изъ ея членовъ и друзей, участки. Отнимаетъ, несмотря на давность пользованія и продажи самой же управой. Напримѣръ, одному богачу понравился участокъ бѣдняка бондаря Княжевича Маевскаго. Несмотря на то, что онъ имъ владѣетъ 35 лѣтъ, участокъ отобрали. То же сдѣлали съ другимъ бѣднякомъ, рабочимъ, несмотря на то, что за участокъ были уплачены имъ деньги въ управу. Это произволъ,—обычное явленіе въ Россіи. Но странно вотъ что: вышеуказанный поссессіонный порядокъ существовалъ 20 лѣтъ. Губернское начальство знало о немъ и не отмѣнило, слѣдовательно... *Дѣло въ томъ, что губернскіе чиновники, говорятъ, дѣйствительно не признавали николаевскихъ гражданъ „подлежащими“ дѣйствію русскихъ законовъ*...

Такъ вотъ какое дѣло было у еврея, хозяина моей квартиры. Однако продолжаю исторію города.

Съ конца 80-хъ гг. по верховью р. Амгуни открылись пріиска. Въ теченіе 10—12 лѣтъ золотопромышленность значительно развилась и нынѣ тамъ до 15 пріисковъ. Большой притокъ золота оттуда вынудилъ открыть здѣсь съ 1902 г. золотоплавочную лабораторію. Не менѣе важные промыслы появились около самаго Николаевска Въ лиманѣ и по низовью Амура развился рыбій промыселъ. Рабочіе, служащіе и грузы туда и оттуда стали двигаться чрезъ Николаевскъ, увеличиваясь въ количествѣ съ каждымъ годомъ. До 1897 г.

число жителей здѣсь было 6800. А къ 1 января 1907 г. уже 10116 душъ обоего пола. Увеличивающаяся золотопромышленность по Амгуни и рыбопромышленность по низовью Амура—неотразимо вліяютъ и на городъ. Съ каждымъ годомъ открываются все новыя и новыя торгово-промышленныя предпріятія. Благодаря этому, населеніе города стало имѣть солидные заработки и совершенно новые. Вотъ нѣкоторые изъ числа „новыхъ и прибыльныхъ“. Скупка золота у пріисковыхъ рабочихъ и продажа его съ большимъ барышомъ, японскимъ агентамъ; ухаживаніе за пріисковыми рабочими, съ цѣлью опорожнить ихъ карманы; безпошлинная покупка иностраннаго товара и продажа его съ хорошимъ дивидентомъ; заготовка по самымъ дешевѣйшимъ цѣнамъ разнаго рода продуктовъ и поставка его за дорогую цѣну войскамъ и на пріиска; скупка у инородцевъ за безцѣнокъ рыбы и мѣховъ и продажа того и другого въ 15—20 разъ дороже въ Амурской и Забайкальской областяхъ и иностраннымъ торговымъ фирмамъ. Увеличилась и торговая операція мануфактурными и бакалейными товарами. Дѣло въ томъ, что Николаевскъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ бываетъ почти совершенно изолированъ отъ міра. Телеграфъ и почта здѣсь весьма неудовлетворительны. На первомъ постоянно поврежденія линіи (телеграфной проволоки). Напримѣръ, обрывы ея, соединеніе двухъ проводовъ и т. д. Что касается до почты, то до 1906 г. въ теченіе зимнихъ 5—6 мѣсяцевъ ходитъ она два-три раза въ 30 дней. Вотъ приходъ ея въ теченіе года въ г. Николаевскъ. Осенью послѣдній пароходъ привозитъ сюда почту 5-го октября. Слѣдующую ожидали по льду Амура, въ началѣ декабря. Послѣдняя зимняя, по льду, въ началѣ марта. Послѣ ея слѣдующую доставлялъ пароходъ къ 5 мая. Слѣдовательно, въ распутицу, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, совсѣмъ не было почты съ запада. Только съ 1 октября 1906 г. установлена была вьючная въ распутицу между Хабаровскомъ и Николаевскомъ, разъ въ недѣлю. Выписывать что-либо изъ платья или изъ продуктовъ несмыслимо въ это время даже изъ Хабаровска. Этимъ и пользуются торговцы, чрезмѣрно уве-

личивая стоимость всего, въ особенности съѣстного. Кромѣ этой дороговизны, существуютъ и другія неблагопріятныя условія для неторговцевъ. Напримѣръ, квартиры, хотя и недорогія, но холодны и сыры. Даже погода здѣсь гармонируетъ съ этими условіями. Ясные и тихіе дни въ Николаевскѣ весьма рѣдки. Преобладаютъ пасмурные съ дождемъ или снѣгомъ. А осенью и весной постоянные штормы, при сумрачномъ небѣ. Зима съ глубокими снѣгами, частыми пургами и жестокими морозами, тоже при облачномъ небѣ. Здѣсь рѣдко услышишь въ теплое время года намѣреніе: „ѣхать за городъ и провести свободный день на лонѣ природы“. Даже пройтись по улицѣ никому нежелательно. И неудивительно. Улицы чрезвычайно грязны отъ частыхъ дождей и сорны; домишки невзрачны, тротуары только у казенныхъ зданій. Да это бы нечего, если бъ хоть ясно было, или не шелъ бы дождь, или не было бури... Даже ходитъ по улицамъ, по дѣламъ или на службу, весьма затруднительно. Въ теплое время—непролазная грязь, а въ холодное—улицы забаррикадированы глубокими и сплошными сугробами. Къ этому слѣдуетъ прибавить 40 гр. морозъ или вѣтеръ. Улицы пустынны. Ни пѣшеходовъ, ни проѣзжихъ. Изрѣдка проѣдетъ водовозъ или пройдетъ солдатикъ.

Какія тяжелыя и безотрадныя условія для человѣческаго существованія! Между тѣмъ, люди не бѣгутъ отсюда, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые. Напримѣръ, торговцы. Они весьма довольны Николаевскомъ и его окрестностями. Какіе хорошіе дивиденды получаютъ они здѣсь! Объ остальномъ они не тужатъ. Они или считаютъ свои барыши, или, набивши желудки всевозможными сладкими и горькими яствами и напитками, у себя или „у своихъ“, сладко дремлютъ въ американскихъ качалкахъ. А то просто дрыхнутъ три четверти сутокъ со своими супругами, заплывшими жиромъ. И въ праздники, и въ будни одно развлеченіе: „ѣхать въ гости“. Тутъ поиграютъ въ картишки, накушаются „до нельзя“ и напьются до положенія ризъ.

Другое дѣло бѣдное населеніе города. Въ теплое время

года весь мужской, здоровый и взрослый персоналъ зарабатываетъ пропитаніе на пристани, на баржахъ и на судахъ, по выгрузкѣ и нагрузкѣ клади и багажа. Какъ ни тяжелъ и ни опасенъ этотъ неблагодарный трудъ, это непрерывное тасканіе изо дня въ день, въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ, преимущественно въ скверную погоду, тюковъ и кулей отъ 5 до 10 пуд. по узкой плахѣ, соединяющей берегъ съ баржей или баржу съ пароходомъ — а рабочій людъ все-таки получаетъ за него, что называется, злыдни.

— Видано ли, чтобы торговцы-богачи, а въ особенности, которые не оперились еще, расщедрились съ нашимъ братомъ,— говоритъ одинъ рабочій.

— Ну, паре, гораздо хуже нашъ братъ, мужикъ, ежели дѣлается подрядчикомъ,—говоритъ другой.

— А по моему, ребята, еще не было на свѣтѣ такого человѣка, который бы заботился о нашихъ антиресахъ,—говоритъ третій.

Но вотъ навигація кончилась, и рѣки скованы морозомъ. Весь этотъ рабочій людъ покидаетъ городъ, чтобы найти заработковъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; цѣлую зиму слоняются въ городахъ Пріамурья, а то уходятъ въ Забайкалье. Весьма рѣдкимъ удается заработать что-нибудь въ это время.

Большинство такъ всю зиму и проходитъ по Восточной Сибири, прокармливаясь Христовымъ именемъ. Являются домой передъ Пасхою изнуренные, полупагіе и отощавшіе хроническимъ недоѣданіемъ.

Во время отсутствія кормильцевъ и поильцевъ семьи ихъ пробавлялись соленой кетой, картошкой и чаемъ. Нестарыя женщины торговали собой, получая „за любовь“ солдатскій хлѣбъ, крупу и оплеухи отъ своихъ любовниковъ *).

— Бѣжать отсюда? Куда? Нашему брату, бѣдняку, вездѣ худо. Хочешь, не хочешь — живи, проклиная долю. Потому обзавелся домишкомъ и животишкомъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ (рабочихъ).

---

*) Въ Николаевскѣ—баталіонъ, батарея и зимуютъ пріисковые рабочіе, отдыхая здѣсь до начала пріисковыхъ работъ.

Кромѣ торговцевъ, рыбопромышленниковъ и бѣднаго люда, здѣсь живутъ интеллигенты и полуинтеллигенты: небольшая группа офицеровъ войсковыхъ частей и чиновниковъ казначейства, почтово-телеграфной конторы, полицейскаго управленія... Принужденные коротать жизнь въ этой сумрачно-холодно-мокро-вѣтренной дырѣ, всѣ они лелѣятъ одну мечту о привольномъ и завидномъ своемъ будущемъ. И дѣйствительно, съ ихъ точки зрѣнія, это будущее очаровательно. Прокоротавъ здѣсь десять лѣтъ, они получаютъ амурскую пенсію въ размѣрѣ половиннаго оклада жалованья. А прослужатъ двадцать лѣтъ—полный годовой окладъ жалованья. Получать бѣдняку до могилы 600, 800, 1000 и даже 1200 руб. въ годъ—даромъ, всю жизнь: „да вѣдь это одна прелесть!“ Съ этою пенсіею онъ уѣдетъ куда-нибудь въ Россію, въ теплый край и станетъ жить-поживать, наслаждаясь всѣми удовольствіями сего міра. А пока не выслужили, надо коротать эту неприглядную жизнь, хотя бы и съ картишками въ рукахъ. Но и карты надоѣдаютъ. Остается одно — напиться до умопомраченія и дрыхнуть.

А книги? Къ сожалѣнію, до 1897 года матушку книжку достать въ Николаевскѣ было почти невозможно: ни библіотеки, ни читальни не было здѣсь. Только въ 1897 г. открыта библіотека и то въ скромномъ размѣрѣ. Съ того времени городская управа ежегодно стала отпускать на содержаніе ея по 1600 р. Изъ этой суммы расходуется и на помѣщеніе, и на отопленіе, и на освѣщеніе, и на жалованье библіотекарю. Такъ что на выписку книгъ и журналовъ не остается ни рубля. Зато абонементная плата вся идетъ на этотъ расходъ. Къ сожалѣнію, сумма эта небольшая — около 300 руб. Но и то слава Богу. Спасибо хабаровской библіотекѣ, которая отъ своихъ щедротъ частенько даритъ своей младшей, бѣдной сестренкѣ дубликаты. Такъ, напримѣръ, въ 1899 году было получено здѣсь отъ нея 215 томовъ. Но не одна забота „какъ скоротать время въ этой дырѣ“ занимаетъ николаевскаго интеллигента и полуинтеллигента. У семейныхъ есть забота поважнѣе этой. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть важнѣе вопроса о воспитаніи дѣтей.

Хотя семейные военно-служащіе (и гражданскіе) и получаютъ здѣсь на воспитаніе каждаго сына или дочери по 120, по 150 и по 200 руб. ежегодно, все-таки этой суммы достаточно только на приходящаго учителя или учительницу.

Другое дѣло, если бъ были здѣсь женское и мужское среднія учебныя заведенія. Напримѣръ, хоть первое. И зданіе имѣется для него, и средства, и даже не разъ ходатайствовали объ открытіи его. И все напрасно. Дѣло въ томъ, что всевозможными мѣрами препятствуютъ разрѣшенію этого заведенія гг. государственные служащіе. „Если откроютъ заведеніе въ Николаевскѣ, то отмѣнятъ выдачу намъ пособія на воспитаніе дѣтей“. Зато выгадаютъ дѣти. „Нѣтъ, гораздо пріятнѣе получать пособіе намъ, чѣмъ учить ихъ въ здѣшнихъ заведеніяхъ, если бъ онѣ были открыты“, говорятъ государственные служащіе. „Но вѣдь вы тратите же это пособіе на наемъ приходящаго учителя?“, спрашиваю одного изъ нихъ. „Нѣтъ, мы учимъ сами ихъ, между дѣлами“... Кромѣ офицеровъ и чиновниковъ, здѣсь живутъ семейные духовные люди, приказчики, канцеляристы, не имѣющіе права на пособіе для воспитанія дѣтей, наконецъ, торговцы мелкіе и крупные... Несомнѣнно одно, люди подъ вліяніемъ всегда мокрой, сумрачной, вѣтреной и холодной погоды—становятся черствыми эгоистами.

Итакъ, вотъ почему здѣшніе барышни и молодые мужчины совершенно безграмотны. Впрочемъ, для мальчиковъ есть все-таки городское училище и курсы для приготовленія учителей въ сельскія школы. Тутъ учатся сыновья чиновниковъ и торговцевъ. Что касается до сыновей военно-служащихъ, то они отвозятся на казенный счетъ въ кадетскіе корпуса, а дочери въ хабаровскую женскую гимназію. Обойденъ, какъ вездѣ на Руси, простой обыватель (крестьяне, мѣщане, псаломщики, фельдшера, писцы, учителя народныхъ школъ и рабочіе). Только въ послѣднее время среди мрака невѣжества городского общества начинаетъ просвѣчиваться заря. Такъ, напримѣръ, благодаря пожертвованію торговымъ домомъ „Пьянковъ и Бр.“ 50,000 руб., въ Николаевскѣ открывается на-

родное училище съ безплатное читальнею. А главное, съ 1909 г. здѣсь уже функціонируетъ реальное училище. Ходатайство объ немъ было возбуждено въ 1903 г. Удовлетворено только нынѣ, черезъ 6 лѣтъ! Открыты въ 1909 г. пока два класса. Городъ ассигновалъ на нихъ 20,000 руб. Открытіе остальныхъ послѣдуетъ въ будущемъ на счетъ казны. Возлагаютъ эти надежды горожане на Государственную Думу. Наконецъ, въ 1910 г. предположено, по представленію г. Гондати (какъ начальника амурской экспедиціи), оборудовать здѣсь коммерческій портъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Кэта. Осенній ходъ ея. Рыбопромышленники.

Августа 22. Осмотрѣвъ всѣ немногія достопримѣчательности Николаевска и ознакомившись съ жизнью ея обывателей, я обратилъ вниманіе на рыбную ловлю. Она производится уже съ 12 августа. Первымъ долгомъ познакомился съ предметомъ ловли—кетой, затѣмъ съ установленными правилами рыбной промышленности и съ положеніемъ здѣсь послѣдней.

Кета—(Salmo lagocephalus) принадлежатъ къ отряду Physostomi—благородныхъ рыбъ, къ семейству Salmonidae—лосевыхъ.

Туловище кеты вытянутое и немного сжатое съ боковъ. Крупныя особи длиною больше одного метра, объемъ въ средней части около 8—10 вершковъ. Мелкая чешуя покрываетъ все ея тѣло. По величинѣ средній ротъ вооруженъ зубами сравнительно мелкими и слабыми. Это указываетъ, что кета не принадлежитъ къ хищнымъ, какъ нѣкоторые представители семейства лососевыхъ. Анатомическая особенность этого семейства заключается въ яичникѣ. Яицы ихъ (икра) находятся предъ метаніемъ въ складкахъ брюшины, а не въ закрытыхъ пузыряхъ, какъ у другихъ семействъ рыбъ. Отъ этого икра ея и вытекаетъ при каждомъ сильномъ движеніи рыбы, вмѣстѣ

съ жидкостью, имѣющей молочный видъ. Напримѣръ, въ сѣтяхъ, когда она бьется, стараясь высвободиться. Въ заключеніе о физіологическихъ особенностяхъ кеты, упомяну объ ея чрезвычайно важной накожной болѣзни, порождающей, повидимому, проказу у человѣкамъ. Мѣстнымъ аборигенамъ, природнымъ рыболовамъ и рыбоѣдамъ съ издавна извѣстна рыба (въ особенности кета) съ бугорками на кожицѣ. Эти бугры въ центрѣ представляютъ гноевидную матерію. Въ прежнее время аборигенты—по ихъ словамъ—кормились ею и давали собакамъ. Но, когда послѣднія стали отъ нея терять шерсть, покрываться струпьями и околѣвать, а у людей тоже появлялись проказныя струпья—рыбу эту, при ловлѣ, стали кидать обратно въ воду, если во время замѣчали ее. Въ большинствѣ же случаевъ она не замѣчалась въ общей массѣ изловленной рыбы и употребляли ее какъ хорошую. Д-ру Слюнину, во время его двухлѣтняго наблюденія, удалось вполнѣ убѣдиться въ достовѣрности этого факта. Онъ подтверждается и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что проказа является исключительно у жителей, обитающихъ по прибрежьямъ морей и большихъ рѣкъ и питающихся преимущественно рыбою. (Напримѣръ, якуты, жители Приморской области, Камчатки, Эстляндской губ. и т. д.).

Внѣшній видъ кеты въ теченіе года не одинаковъ. Къ августу, къ наступленію метанія икры, чешуя у ней бѣлая, блестящая. При наблюденіи въ водѣ, она кажется какъ бы посеребреной. Ни одного пятнышка, ни одного темнаго мѣста не видно на поверхности ея тѣла. Движеніе ея быстры и плавны. Этотъ брачный нарядъ держится до вступленія въ устье Амура. Впрочемъ, видятъ ее въ этомъ нарядѣ и выше Николаевска. Во всякомъ случаѣ, здѣсь она постепенно теряетъ видъ. Блестящая бѣлая окраска—тускнѣетъ. Появляются пятна. Сначала свѣтло-коричневыя. Въ особенности тускнѣютъ спина и плавники. Поперекъ тѣла появляются красноватыя полосы. Подкожный жиръ у ней спадаетъ и округленныя черты исчезаютъ. Рыло становится вытянутымъ, зубы обнаженными, тѣло сильно сплющеннымъ съ боковъ. Нако-

нецъ, цвѣтъ чешуи становится темно-оливковымъ. Красноватыя полосы превращаются въ темныя, почти въ черныя. Движенія становятся порывистыми, то они быстры, то медленны.

Наблюдая изъ лодки за ходомъ ея, она казалась мнѣ существомъ что-то разыскивающимъ. Плыветъ она большею частью по самымъ быстрымъ мѣстамъ рѣки. Посѣщаетъ ли она тихія мѣста—затоны, заливчики? Говорятъ избѣгаетъ ихъ. Желая убѣдиться въ этомъ, я плавалъ, съ манзою гребцомъ, въ тихія мѣста рѣки — въ заливы, — гдѣ тщательно искали ее и не нашли ни одной кеты.

Идетъ она, говорятъ, до Кумары. Конечно, доходитъ до этого пункта, быть можетъ, только одна десятитысячная частица ея. Часть попадаетъ въ сѣти рыболововъ, часть въ мѣшки заѣздковъ, часть—достигнувъ во время хода половой зрѣлости—свертываетъ для икрометанія изъ фарватера Амура въ впадающія въ него рѣки и рѣчки. Съ большихъ рѣкъ она заходитъ въ маленькія. По послѣднимъ поднимается вверхъ и доходитъ до самыхъ истоковъ. Для нея, повидимому, важна извѣстная глубина, быстрота теченія и хрящеватое дно. Если истокъ мелокъ, а теченіе тихое,—ее обыкновенно не замѣчаютъ тутъ.

Первое свадебное путешествіе кеты по Амуру начинается въ концѣ іюня, отъ 25 по 28-е и съ 2-го по 6-е іюля. Въ это время путешествуетъ исключительно молодое поколѣніе, преимущественно трехлѣтняго возраста. Величина ея незначительна: меньше метра, а вѣсъ отъ $2^1/_2$ до 4 фунтовъ. Несмотря на малую величину, эта рыба одна изъ лучшихъ. Во 1-хъ, весьма вкусная, а во 2-хъ, портится только черезъ сутки.

Второй ходъ, первый осенній, начинается съ средины августа. Въ нѣкоторые годы начинался онъ и позже. Напримѣръ, 1888 г.—21, 1892 г.—22, а 1895 г. даже 23 августа. Въ это время идетъ самая крупная рыба, больше метра, а вѣсомъ отъ 10 до 15 фунтовъ. Портится она черезъ 12 часовъ.

Второй осенній ходъ начинается послѣ 5—6 дней послѣ перваго осенняго. Въ 1888 г.—28 го, 1889 г.—22-го, 1890 г.—

29-го, 1891 г.—27-го, 1892 г.—27-го, 1893 г.—22-го, 1894 г. 25-го, 1895 г. — 30-го, 1896 г. — 21-го, 1897 г. — 31-го августа и т. д.

Наконецъ, третій осенній и послѣдній начинается съ 8 или 9 сентября. Количество ея во время этого хода весьма незначительное. По возрасту это самая старая кета, больше 5—6 лѣтъ. По качеству самая худшая. Портится быстро черезъ 6 - 7 часовъ послѣ ловли ея. Промышленники обыкновенно игнорируютъ ее. Благодаря этому, она свободно доходитъ почти до Благовѣщенска... Здѣсь ее ловятъ преимущественно корейцы и маньчжурцы.

Амуръ не единственное мѣсто, куда совершаетъ кета свое свадебное путешествіе. Кромѣ этой великой артеріи нашего Д. В. ищетъ она укромныхъ уголковъ, чтобъ провести свои медовые мѣсяцы и пристроить свое потомство, по берегамъ острововъ сѣверной Японіи, нашего Сахалина, по прибрежью Охотскаго моря, Камчатки, Беринговаго моря, Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ, Аляски и далѣе до Санъ-Франциско.

Относительно главнаго мѣстопребыванія этой благодѣтельницы бѣднаго населенія сѣверо восточной Азіи, Америки и прилегающихъ къ нимъ острововъ точныхъ свѣдѣній не имѣется. По мнѣнію однихъ, она обитаетъ во всей сѣверной части Тихаго океана, оттуда будто бы и совершаетъ свое плодотворное путешествіе. По мнѣнію другихъ, она обитаетъ въ сѣверно-восточныхъ моряхъ этого океана: амурская кета въ Охотскомъ морѣ, камчатская въ томъ же Охотскомъ и въ Беринговомъ и т. д. Третьи полагаютъ, что амурская кета обитаетъ, главнымъ образомъ, въ сѣверной части Японскаго моря Относительно прочихъ сторонъ ея существованія полагаютъ, что погружающееся въ низшіе придѣлы сѣверной части Тихаго океана Куро-сиво доставляетъ ей какъ питательныя вещества, такъ равно служитъ и главнымъ условіемъ пригодности мѣстопребыванія для нея, въ особенности для молодого поколѣнія. Но всѣ согласны съ слѣдующимъ.

Кета исключительно морская рыба. Въ море попадаетъ

въ юномъ возрастѣ. Здѣсь вырастаетъ до зрѣлости. При наступленіи полового влеченія идетъ пристраивать „плодъ любви“ въ Амуръ и въ другія рѣки, впадающія въ Охотское и Японское моря. Икра всѣхъ рыбъ этой породы можетъ развиваться только въ прѣсной водѣ. Въ соленой же она гибнетъ вся. Говорятъ, мечетъ икру только разъ въ своей короткой жизни. Обратно съ Амура въ море не возвращается. Во время свадебнаго путешествія гибнетъ вся: или попадаетъ въ сѣти рыболововъ, или пропадаетъ отъ истощенія. Населеніе по Амуру и по притокамъ его въ извѣстное время года находитъ сотни тысячъ труповъ кеты, выброшенныхъ волнами на берегъ. Истощеніе и гибель ея обусловливается тѣмъ, что во время этого путешествія по рѣкамъ мало находитъ себѣ пищи. По словамъ старожиловъ-рыболововъ, количество ея въ рѣкахъ съ каждымъ годомъ уменьшается.

— Прежде ловили мы на одномъ и томъ же мѣстѣ въ сто разъ больше, чѣмъ нынѣ, — говорятъ они. — Если общее количество улова кеты увеличилось, то это произошло отъ слѣдующаго: умножилось въ нѣсколько дюжинъ разъ рыболовныхъ участковъ и рыболововъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и убыль ея будетъ замѣтна для всѣхъ, такъ какъ доходитъ до желанныхъ мѣстъ и мечетъ икру только одна милліоная частица ея. При этомъ каждая кета мечетъ самое незначительное количество.

Раньше всѣхъ замѣтили убыль кеты инородцы, гиляки и гольды.

— Прежде на одномъ мѣстѣ налавливали мы все то, что теперь на пяти-шести мѣстахъ. И то мало, не хватаетъ на годъ,—говорятъ они.

— Скоро, очень скоро станемъ помирать съ голоду всѣ: и мы, русскіе, и эта тваринка (инородцы).

Вотъ и всѣ данныя о ней. Съ незапамятныхъ временъ пользовались ей аборигены нашего эйкумена, пользовались свободно, безъ всякихъ ограниченій, не стѣсняемые пришлыми извнѣ рыболовами-промышленниками, стремящимися во что бы то ни стало обогатиться, хотя бъ на счетъ бѣдныхъ

аборигеновъ. Пріобрѣвъ низовье Амура, прибрежье Татарскаго пролива и Японскаго моря, наше правительство оставило за инородцами прежнія привилегіи въ звѣропромышленности и рыболовствѣ. Съ поселеніемъ здѣсь русскихъ крестьянъ, правительство, не стѣсняя первыхъ, даровало и послѣднимъ рыболовныя угодія для временнаго пользованія, безпрепятственно и безплатно, съ отбываніемъ лишь натуральныхъ повинностей.

Впрочемъ, раіонъ рыболовныхъ угодій, отданныхъ крестьянскимъ поселеніямъ, въ сущности не великъ. Онъ ограниченъ только пятиверстнымъ пространствомъ, по берегу, въ обѣ стороны. Если въ этомъ раіонѣ протекающая рѣка, благодаря кривизнѣ, имѣетъ больше 5-ти верстъ пространства, то излишекъ не исключается. Во всякомъ случаѣ онъ не обширенъ и едва ли составитъ шестую версту всего участка. Указавъ крестьянамъ размѣръ ихъ угодій, правительство запретило имъ, какъ временнымъ владѣльцамъ, продавать или отдавать эти угодія посторонним. Называя ихъ временными, имѣю въ виду слѣдующее обстоятельство. Земля и угодія, данныя крестьянамъ и занятыя инородцами, хоть бы и спокон вѣка, считаются казенными, такъ какъ не отведены еще имъ, какъ постоянный надѣлъ, и не закрѣплены за ними, какъ ихъ собственность. Мало этого, они даже не отмежеваны. Однако, отмежеваніе, говорятъ, уже началось. Только цѣль его пока другая: выяснить количество незанятой земли для образованія переселенческихъ участковъ и свободныхъ, не отданныхъ во временное пользованіе, рыболовныхъ угодій. Этими послѣдними казна пользуется по своему усмотрѣнію.

Въ прежнее время, какъ уже говорилъ я въ 17 главѣ этой части, всѣ эти угодія были въ вѣдѣніи Николаевскаго полицейскаго управленія. По распоряженію высшей администраціи, оно охраняло отъ посягательствъ пришлаго элемента какъ рыболовныя угодія инородцевъ, такъ равно и крестьянъ. Свободные же участки обыкновенно не эксплуатировались казной. Рыбопромышленники, николаевскіе жители и пріѣзжіе изъ Благовѣщенска, большею частью не ловили сами, своими

рабочими, считая этотъ способъ убыточнымъ. Они скупали, выловленную и очищенную рыбу у инородцевъ и крестьянъ. Скупая или вымѣнивая ее на товаръ, оцѣнивали послѣдній въ два, три раза дороже. Нечего и говорить, что наживали и наживаютъ этимъ хорошіе барыши. Съ другой стороны, получали небольшой доходъ за труды по ловлѣ и инородцы, и крестьяне. Также стали пріобрѣтать кету и японцы. Въ извѣстное время года приплывали въ Николаевскъ цѣлыя флотиліи, скупали у инородцевъ и отчасти крестьянъ рыбу и уплывали восвояси. Благодаря этому усиленному спросу, одно время кета повышалась въ цѣнѣ, и рыболовы стали наживать хорошія деньги. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 90-хъ гг. за сто рыбинъ они получали 10 рублей. Этимъ обстоятельствомъ были недовольны скупщики - промышленники, привыкшіе за одну бутылку водки, разбавленной водою, покупать сотню хорошей рыбы. Послѣдствіемъ этого недовольства амурскихъ кулаковъ были многочисленныя жалобы пріамурскому генералъ-губернатору Всѣ эти слезницы были на одну тему.

— Японцы грабятъ русскую казну и обижаютъ насъ, отнимая кусокъ.

Кромѣ того, и въ прессѣ, столичной и мѣстной, появились вопли о нашествіи японцевъ, о расхищеніи государственныхъ имуществъ и объ обидахъ, учиняемыхъ ими населенію.

Генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ, озабоченный этими жалобами, сдѣлалъ представленіе въ министерство, ходатайствуя какъ объ учрежденіи спеціальнаго управленія, функціею котораго было бы охраненіе интересовъ казны и населенія, такъ равно и о снабженіи его инструкціями для регулированія пользованія природными богатствами края.

Правительство вняло этимъ воплямъ и ходатайству. Въ 1892 г. 14 ноября были Высочайше утверждены правила пользованія лѣсами, рыбными угодіями и проч. имуществомъ государства; въ 1894 г. 15 февраля были Высочайше утверждены правила о завѣдываніи государственными имуществами въ краѣ; а въ 1897 г. 19 мая было утверждено управленіе

имуществами государства въ пріамурскомъ округѣ. Оно было открыто 1 января 1898 г. Съ этого времени, повторяю, произошла значительная перемѣна по завѣдыванію казенными рыболовными угодіями. Если прежде онѣ охранялись, то теперь стали эксплуатпроваться. Прежде японцамъ никакъ не удавалось занять хорошія мѣста для ловли. Они могли только скупать у русскихъ крестьянъ и инородцевъ выловленную и очищенную рыбу. Теперъ же, взявъ въ аренду у казны хорошія мѣста и самовольно занявъ множество другихъ, они стѣснили и аборигеновъ, и крестьянъ. Однако, не забѣгая впередъ, разскажу по порядку. Въ первое время, по открытіи, Управленіе раздѣлило всѣ свободныя рыболовныя угодія на участки, отобравъ у инородцевъ, по ея мнѣнію, излишнія. Затѣмъ „озабочиваясь интересами казны“, а косвенно и своими, рѣшило всѣ эти участки отдать въ аренду. О чемъ и было распубликовано во всѣхъ городахъ округа и даже въ Японіи, чрезъ консульства. Желающихъ взять въ аренду явилось достаточно и въ числѣ ихъ — японцы. Послѣдніе взяли давно знакомые имъ и наплучшіе участки по лиману и Татарскому проливу. Не довольствуясь этимъ, они пробрались и выше Николаевска, къ Хабаровску, несмотря на то, что входъ иностранцамъ въ устье Амура строго воспрещенъ. Сдѣлали они это очень просто. Не говоря уже о мѣщанахъ города Николаевска, даже чиновники и офицеры, какъ мнѣ хорошо извѣстно, покупаютъ у лѣсничаго промысловые билеты на рыболовные участки за 15—20 р. и перепродаютъ ихъ японцамъ за 100, за 150 руб. Какъ прежде государственные служаки наживали деньгу на серебряныхъ рубляхъ, продавая ихъ китайцамъ за 1 р. 50 к., такъ и теперь стараются они заробить ее на рыболовныхъ участкахъ. Результатъ этого порядка оказался для японцевъ самый благодѣтельный: всѣ лучшіе рыболовные участки отъ Софійска до Курильскихъ острововъ очутились въ ихъ рукахъ. Въ особенности посчастливилось имъ на Сахалинѣ: почти все прибрежье его до войны за 1904—1905 г. было занято ими. Неудивительно поэтому слышать жалобы инородцевъ, въ

особенности сахалинскихъ, что имъ совершенно негдѣ ловить рыбу, что имъ оставлены только неудобныя мѣста и съ худымъ уловомъ. Мало этого, по мнѣнію чиновника министерства государственныхъ имуществъ г. Бражникова*): „отдачею промысловыхъ участковъ на островѣ фактически распоряжается японскій консулъ, а не русскія власти". И далѣе: „Вообще на Д. В. организація промысла такова, что русскіе подданные официально не имѣютъ предпочтенія предъ японцами при занятіи промысловыхъ участковъ". Нечего и говорить, что японцы чувствовали себя у насъ какъ дома. „Платя за рыболовные участки ничтожную плату**), они наживали здѣсь громадные капиталы". Между тѣмъ, какъ наши инородцы, существующіе главнымъ образомъ рыбной ловлей, были въ незавидномъ положеніи. То, что было мною сказано (въ 17 главѣ этой части) о гилякахъ, относительно ихъ рыболовства, то же самое оказалось и съ другими инородцами, сахалинскими. Насколько эти жалобы инородцевъ достовѣрны, судить не могу. Быть можетъ онѣ и преувеличены. Однако о незавидномъ, критическомъ положеніи ихъ говоритъ и г. Бражниковъ въ своемъ упомянутомъ отчетѣ***).

Кромѣ того, онъ удостовѣряетъ, что японцы не ограничиваются уже устьемъ Амура, лимановъ и побережьемъ Сахалина. Нѣтъ, они пробрались уже въ Охотское море и Камчатку. Около населенныхъ пунктовъ, напр. Аяна, Петропавловска, гдѣ живутъ представители русской администраціи, одна сотая часть рыболовныхъ угодій пріобрѣтается ими у казны въ аренду за 10—12 р. въ годъ. На остальныхъ ловятъ самовольно. Было нѣсколько примѣровъ, что они прогоняли съ хорошихъ мѣстъ даже нашихъ инородцевъ. Впрочемъ, говорятъ инородцы и рыбопромышленники: „Гг. японцы уже давно хозяйничаютъ въ Охотскомъ морѣ и въ Камчаткѣ". По словамъ, однако, сторожила-промышленника и звѣролова „инородцы донынѣ думаютъ, что Камчатка и побе-

*) „Рыболовные промыслы на Д. В. Отчетъ" 1900 г.
**) Тамъ же.
***) Рыболовные промыслы на Д. В. 1900, стр. 50—52.

режье Охотскаго моря принадлежатъ японцамъ. Еще родитель мой, царство ему небесное, каждое лѣто хаживалъ въ тѣхъ мѣстахъ и говорилъ мнѣ — что все побережье кишмякишитъ японскими рыболовными ватагами". Это было 40—45 лѣтъ назадъ. А мы-то воображаемъ, что они пробрались туда только въ эти три-четыре года!! Нисколько неудивительно, что они облюбовали всѣ эти злачныя мѣста весьма давно, такъ какъ ни русскаго начальства, ни крейсеровъ не видали никогда тамъ ни японцы, ни наши инородцы. Впрочемъ, гдѣ и начальство видитъ первыхъ, они все-таки продолжаютъ свое дѣло вопреки запрещенію. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, разсказываемыхъ г. Бражниковымъ въ его отчетѣ (стр. 6 и 10). Несмотря на строгое запрещеніе иностранцамъ входить въ лодкахъ и судахъ въ устье Амура, за Николаевскъ, японцы самовольно занимаютъ рыболовныя мѣста по берегамъ Амура, выше города и на глазахъ русскаго начальства ловятъ кету. Не помогаетъ и личное объявленіе имъ о запрещеніи и даже составленіе протоколовъ. Въ этомъ нежеланіи японцевъ подчиняться властямъ виноваты николаевцы (мѣщане, чиновники, офицеры), продающіе имъ билеты на рыболовныя мѣста выше города, какъ уже говорилъ я.

— Совсѣмъ не хотятъ знать русскихъ властей, — съ горечью сказалъ мнѣ одинъ чиновникъ, многократно запрещавшій имъ и составлявшій протоколы.

— Главное у насъ нѣтъ ни морской, ни рѣчной охраны. Некому защищать насъ на водѣ и оберегать неприкосновенность нашихъ правъ даже на своихъ угодіяхъ,—жалуются всѣ и въ Николаевскѣ, и въ устьѣ Амура, и въ Татарскомъ проливѣ.

Наконецъ, давно желанная охрана водныхъ промысловъ учреждена. Введена съ января 1909 г. Она состоитъ изъ пяти смотрителей для надзора за рыболовствомъ, одной шхуны съ керосиновымъ двигателемъ, четырехъ моторныхъ шлюпокъ и семидесяти шести стражниковъ.

Въ заключеніе этой главы не мѣшаетъ сказать нѣсколько

словъ объ успѣхахъ рыболовства по низовью Амура. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1898 г. было добыто кеты около $4^1/_2$ милліоновъ шт., въ 1899 г. 5 милліоновъ 700 тысячъ шт., въ 1900 г. ожидался ловъ около 7 милліоновъ. Рыболовныхъ участковъ отдано казною въ аренду: въ 1898 г.—92 уч., въ 1899 г.—187, въ 1900 г.—около 300.

Прежде, до 1901 г. они отдавались на годъ. А съ этого времени отдаются уже въ долгосрочную аренду, за повышенную плату. Арендаторы и русскіе и японцы. Такъ было до 1908 г. Въ этотъ же злополучный годъ всѣ рыболовныя статьи по побережью Приморской области взяты въ долгосрочную аренду исключительно японцами. Вотъ какъ это случилось. Торги происходили два раза. Въ первые японцы во время явились въ присутствіе, гдѣ назначены были торги. Но, увидя русскихъ, собрались въ группу, потолковали между собой и разошлись. Торги не состоялись. Изъ этого слѣдуетъ, какъ-будто русскимъ не желали отдавать ихъ. Увѣряютъ, не было ни малѣйшей причины не производить эти первые торги, уже назначенные и распубликованные въ теченіе нѣсколькихъ, предшествовавшихъ имъ, дней. Предъ вторыми торгами уполномоченный японцевъ былъ кое у кого изъ начальствующихъ... Слѣдующіе торги были благопріятны для японцевъ. На нихъ не было никого изъ русскихъ рыбопромышленниковъ. Опубликованіе о нихъ было расклеено и разослано уже послѣ торговъ. Въ обществѣ положительно и настойчиво увѣряютъ, что на другой день послѣ визитовъ уполномоченнаго японцевъ, кое-кто изъ производившихъ эти торги клалъ въ банкъ крупныя суммы на свое имя. Однако продажа рыболовныхъ статей производилась, какъ всегда, на общемъ основаніи, въ присутствіи членовъ контрольной и казенной палатъ и представителя отъ губернатора... Размѣръ арендной платы вначалѣ былъ невеликъ. Напримѣръ, средняя цифра ея за участокъ, въ началѣ эксплуататорской дѣятельности управленія государственными имуществами была около 14 р. Въ слѣдующіе г.г. она повышалась, такъ что въ 1900 г. одинъ изъ лучшихъ уч. былъ отданъ въ аренду

за $11^1/_2$ тысячъ р. Тѣмъ не менѣе доходъ, какъ съ рыбы, по 7 к. съ пуда вывозимой за границу, такъ и съ участковъ— весьма не великъ.

Вотъ количество его съ 1886 г.

Съ одной рыбы: въ	1886 г. . . .	7299 р.	
„ „	1887 „ . . .	9290 „	
„ „	1888 „ . . .	10673 „	
„ „	1889 „ . . .	15428 „	
„ „	1890 „ . . .	15731 „	
„ „	1891 „ . . .	20356 „	
„ „	1892 „ . . .	21823 „	
„ „	1893 „ . . .	25469 „	
„ „	1894 „ . . .	36570 „	
„ „	1895 „ . . .	45000 „	
„ „	1896 „ . . .	63012 „	
„ „	1897 „ . . .	79900 „	
Съ рыбы и съ участковъ:	1898 „ . . .	98555 „	
„ „	1899 „ . . .	110000 „	
„ „	1900 „ . . .	140000 „	(приблиз.).
„ „	1903 „ . . .	327721 „	
„ „	1904 „ . . .	92632 „	
„ „	1905 „ . . .	167914 „	
„ „	1906 „ . . .	164796 „	
„ „	1907 „ . . .	287351 „	
„ „	1908 „ . . .	320000 „	

Доходъ нищенскій, а зло мѣстному населенію, въ особенности аборигенамъ края, непоправимое. Это напоминаетъ доходы кулака, разоряющаго крестьянъ. Но и это сравненіе неподходящее: доходы послѣдняго солидные, а первой сравнительно грошевые. Крестьянинъ — не инородецъ. Если первый ищетъ заработковъ, чтобъ не голодовать, то для послѣдняго остается одно: помирать съ голоду. Не даромъ говорили мнѣ гиляки: „Скоро помирать будемъ“... „И пусть они помираютъ всѣ. Мы призваны сюда не оберегать этихъ ди-

карей, а вѣдать имуществами государства и извлекать изъ нихъ доходъ", говорятъ чиновники управленія имуществами.

Другой, подобный же фактъ произошелъ съ орочонами. Живутъ они по рѣкамъ Урка, Омутной, Урума и Ольдой. Питаются большею частью рыбой, которую ловятъ въ этихъ рѣкахъ. Какъ эти рѣки, такъ и мѣстность, прилегающая къ нимъ, числятся въ пользованіи орочонъ. За нихъ они платятъ казнѣ сравнительно большой ясакъ. Въ 1905 г. управленіе государственныхъ имуществъ Приморской и Амурской областяхъ отдало нѣкоторыя изъ этихъ рѣчекъ, съ мѣстностью по берегамъ ихъ, для разработки золота золотопромышленникамъ, игнорируя нежеланіе инородцевъ и ихъ интересы. Получившія эти угодья, отдали отъ себя хищникамъ. Послѣдніе въ громадномъ числѣ, въ лицѣ китайцевъ, корейцевъ и русскихъ, заняли эти рѣчки, прогнавъ орочонъ. Послѣдніе напрасно доказываютъ, что эти рѣчки и земли въ ихъ пользованіи, что они платятъ за нихъ ясакъ, что въ нихъ они ловятъ рыбу для своего пропитанія. „Чѣмъ мы будемъ теперь питаться?" въ заключеніи докладныхъ записокъ спрашиваютъ просители управленіе. Послѣднее совершенно игнорируетъ это ходатайство. Хищники, занявъ эти рѣчки и береговую мѣстность, продолжаютъ разрабатывать золото. Послѣднее отдаютъ золотопромышленникамъ, арендовавшимъ у управленія эти мѣста. Кончилась эта исторія, какъ всѣ подобныя оказіи въ Россіи, весьма плачевно: орочены этого пункта всѣ вымерли съ голоду, а ихъ слезницы подшить къ дѣлу. „Не можемъ же мы нарушить условіе по отдачѣ этого участка золотопромышленникамъ, тѣмъ болѣе казна получаетъ нѣсколько десятковъ руб. дохода съ этого мѣста", говорятъ чиновники управленія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

(Отъѣздъ изъ Николаевска. Способы ловли кеты и засолъ. Доходы при продажѣ ея промышленниками).

Августъ 23. Въ Николаевскѣ я уже восьмой день. Теперь было бы не дурно побывать нѣсколько дней въ рус-

ской рыболовной артели. Присматриваясь въ окрестностяхъ города къ ловцамъ, не видѣлъ только русской артели. Впрочемъ, были тутъ и послѣдніе, но не ловили, а только солили и не для себя, а для промышленниковъ.

Итакъ, необходимо познакомиться съ русской ловлей. Кромѣ того, хорошо бы поселиться теперь на нѣкоторое время между крестьянами, отдохнуть, привести въ порядокъ свои мысли и наблюденія. Да и время подошло критическое: надо гдѣ-нибудь остановиться на зимовку. А гдѣ, какъ не въ деревнѣ. Благо, что мои денежныя средства позволяютъ мнѣ эту вольность, такъ какъ по прибытіи въ Николаевскъ я получилъ изъ дому 150 руб.

Рѣшено — выѣзжаю вверхъ по Амуру и остановлюсь въ какой нибудь деревенькѣ или въ селѣ. Кстати, завтра идетъ и пароходъ. Одни говорятъ, что это послѣдній рейсъ, другіе же увѣряютъ, что предпослѣдній. Тѣмъ болѣе надо спѣшить и завтра же сѣсть на пароходъ.

Августъ 24. Сегодня всталъ почти на зарѣ. Уложивъ свои пожитки, разсчитавшись съ хозяиномъ квартиры и простившись съ нимъ, я отправился на пристань. Прислуга парохода энергично приготовлялась къ отплытію. Чрезъ три часа взялъ билетъ до Вознесенска и перемѣстился на палубу. Только теперь задумался надъ вопросомъ, что за деревенька Вознесенскъ и удастся ли мнѣ пристроиться тамъ къ русской рыболовной артели. Почему вздумалось мнѣ ѣхать въ Вознесенскъ? Кажется, я слышалъ что-то про нее, и въ записной книжкѣ отмѣчено мною: „ѣхать въ Вознесенскъ“...

— Куда, господинъ, изволите держать путь?—неожиданно слышу около незнакомый голосъ.—Оглядываюсь и вижу сидящаго подлѣ меня мужчину. Онъ тучный, высокій, лицо заплывшее жиромъ, красное и обросшее бородою и усами. Одѣтъ въ пиджакъ, бархатные шаровары, сапоги съ голенищами бутылками.

— Въ Вознесенскъ. А вы?

— Въ Софійскъ. По торговымъ дѣламъ изволите туда?

— Нѣтъ. Захотѣлось отдохнуть.

— Въ такой паршивой деревнѣ?! Шутить изволите,—сказалъ толстякъ, смѣясь.

— А въ Софійскѣ развѣ лучше?

— Что вы! Какое сравненіе можетъ быть съ Софійскомъ! Хотя начальство и понизило его съ города въ посадъ, все-таки мы не промѣняемъ его даже на Хабаровку, а не то что на Вознесенскъ.

— Чѣмъ же онъ лучше послѣдняго?

— Да всѣмъ. Напримѣръ, есть что купить зимою—это первое. Есть съ кѣмъ время провести—это второе. Есть храмъ Божій—это третье...

— А почитать есть что?

— Вѣстимо. У меня, напримѣръ, газетина есть, съ картинками, „Нивой“ прозывается.

— А работишку можно имѣть?

— Какую?

— Напримѣръ уроки.

— Это обучать ребятъ?

— Да, да.

— Который мѣсяцъ я ищу учителя своему парнишкѣ. Надо подучить его маненько. Не могу сыскать. Вотъ и шепетко—поѣдемъ въ Софійскъ ко мнѣ, значитъ, на зиму. А-сь?

— А занимаются у васъ, въ Софійскѣ, кто-нибудь ловлей и засолкой кеты?

— Ха-ха-ха! Удружилъ, неча сказать... Ха-ха-ха!

— Что жъ смѣшного въ моемъ вопросѣ?—обидѣлся я.

— Да какъ же не смѣшно! Ха-ха-ха!.. Разе не видите, что я заправскій рыбопромышленникъ? У меня и артель своя, крестьянская, и рассейскій засольщикъ, и все такое.

— Въ такомъ случаѣ я ѣду съ вами.

— Вотъ и шепетко. Посмотрите какъ рыбку солятъ и все такое. А за ученье сынишки положу тебѣ тридцать рублевъ.

— Согласенъ,—преждевременно обрадовался я.

— Шепетко. За фатеру, да за харчи вычту изъ эфтова рублевъ двадцать. Это ужъ такъ по-Божески. Потому не хочу

обижать тебя. Ну по десяточкѣ золотомъ въ мѣсяцъ станешь получать отъ меня.

Итакъ, вмѣсто Вознесенска я попаду въ Софійскъ. Изъ дальнѣйшей бесѣды я узналъ, что мой толстякъ торгующій ѣздилъ въ Николаевскъ за мануфактурнымъ товаромъ и за солью.

— Вишь, мало выписалъ ее зимусь и много распродалъ. Положимъ, продалъ-то съ хорошимъ барышомъ. Но все-таки маху далъ: надо бы больше выписать,—говорилъ онъ.

Купленную соль думаетъ завезти старшему сыну. Послѣдній въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Софійска занятъ ловлей и засолкой кеты.

Я воспользовался этимъ случаемъ, покинулъ пароходъ и присоединился къ рыболовамъ толстяка, отрекомендованный послѣднимъ, какъ „учителишка“ его младшаго сына.

Сентября 10. Больше двухъ недѣль не заглядывалъ въ свой дневникъ. Все это время жилъ на рыбалкѣ. Теперь могу занести результаты моихъ наблюденій надъ порядкомъ ловли и засолки рыбы японцами, гиляками и русскими. Сначала займусь обстановкой рыбалки.

Главная принадлежность ея — пристань. Большинство, скромные рыболовы, довольствуется естественной—берегомъ рѣки, безъ всякихъ приспособленій. Впрочемъ, выбираютъ, чтобъ поверхность его была покрыта травкой. Состоятельные дѣлаютъ слѣдующее приспособленіе. Кладутъ на берегъ въ рядъ нѣсколько плахъ. Половину каждой на береговой грунтъ, а другую половину поверхъ воды, на каменныя горки, предварительно сложенныя. А чтобъ плахи не расходились одна отъ другой, поверхъ ихъ накалачиваютъ бруски. Другіе устраиваютъ еще лучше. Вбиваютъ четыре сваи, поперекъ укрѣпляютъ на нихъ матицы, а на послѣднихъ настилаютъ полъ; затѣмъ по угламъ пола укрѣпляютъ нѣсколько столбовъ, на которыхъ и устраиваютъ крышу. Наконецъ, съ двухъ боковыхъ сторонъ на тѣ же столбы наколачиваютъ доски. Не такая пристань была у толстяка. По его мнѣнію,

его пристань самая настоящая, какая должна быть у такихъ заправскихъ рыболововъ и рыбопромышленниковъ, какъ онъ. И дѣйствительно, она хороша и какъ нельзя лучше исполняетъ теперь свое назначеніе. Въ прежнее время она служила для другой цѣли. Нѣсколько лѣтъ назадъ она была баржею. Нагруженную, ее тащилъ пароходъ. Въ одномъ неглубокомъ мѣстѣ пустой пароходъ благополучно прошелъ, а нагруженная баржа, съ большой осадкой, сѣла. Пробовали ее сдвинуть, не могли: баржа была старая и грозила развалиться. Рѣшено было разгрузить ее и оставить тутъ на зимовку. Такъ и сдѣлали.

Говорятъ, эта баржа совсѣмъ не была разгружена, какъ обыкновенно случалось сотни разъ въ прошломъ столѣтіи. Каждое лѣто садились эти суда на меляхъ по р. Амуру. Не разгруженныя отъ казеннаго груза, онѣ обыкновенно бросались на произволъ судьбы гдѣ-нибудь вдали отъ поселеній. Кромѣ того, бросали ихъ, тоже съ грузомъ, изъ-за рѣкостава. Снимать эти суда или разгружать, говорятъ, не было возможности. Обыкновенно цѣлые годы велась переписка объ этихъ баржахъ: о причинѣ аваріи, почему ихъ бросили, чѣмъ были нагружены, на какую сумму, кому принадлежалъ грузъ, объ ассигнованіи денегъ на разгрузку и вывозку груза съ этихъ баржъ и т. д. Кромѣ того, предписывалось обществу станицы, близъ которой сидѣла баржа, блюсти казенное добро. Только чрезъ два—три года, по полученіи всѣхъ „*надлежащихъ и подлежащихъ*“ свѣдѣній, дѣлалось распоряженіе о командированіи чиновника для пріема груза и для отправки его куда слѣдуетъ. Каждый разъ, въ подобныхъ случаяхъ отъ командированнаго поступало донесеніе, что ни баржи, ни груза не найдено. Притягивали къ отвѣтственности станичное общество, которому поручалось „блюсти баржу съ грузомъ“. „Мы давнымъ-давно донесли кому слѣдуетъ, что не нашли баржу съ грузомъ, отданную намъ на храненіе“, отвѣчало станичное общество въ подобныхъ случаяхъ.

Послѣ этого оставалось только составить „одно послѣднее сказанье“—актъ о баржѣ, съ казеннымъ грузомъ, погибшей „по волѣ Божіей“.

Возвращаюсь къ баржѣ, найденной моимъ толстякомъ.

Наступила зима и баржа, скованная льдомъ, только палубой высовывалась изъ-подъ льда. Однажды толстякъ, тогда еще скромный обыватель, узрѣлъ ее, осмотрѣлъ, написалъ на ней каракулями свою фамилію и уѣхалъ. Весною за нѣсколько дней до выскрытія Амура, онъ уже орудовалъ на ней съ сыномъ и рабочимъ. Въ два дня она была разобрана и довезена до мѣста рыбалки. Здѣсь снова ее сколотили, вырубили средню часть одного бока; въ другомъ, противоположномъ, вырубили широкую дверь. На невырубленныхъ боковыхъ частяхъ устроили два помѣщенія. Одно—побольше—для рабочихъ, а другое—поменьше—для засольщика и главаря рыболовни. Затѣмъ надъ палубой, служащей теперь потолкомъ, устроили крышу на два ската, выкрасили всю пристань и укрѣпили двумя канатами къ двумъ растущимъ на берегу соснамъ. Когда Амуръ очистился отъ льда пароходъ, засадившій на мель баржу, вздумалъ искать ее. Хотя баржа и не иголка, но тѣмъ не менѣе ее никакъ не сыскали. Было рѣшено, что ее разломало льдомъ и унесло.

Совершенно иначе устраиваютъ пристань японцы. По высадкѣ на берегъ, первымъ дѣломъ устраиваютъ шалашъ для себя и козлы для пристани. Причемъ одну пару стоекъ дѣлаютъ длиннѣе другой. Затѣмъ устанавливаютъ ихъ длинными стойками въ воду и короткими на берегъ. Поверхъ козелъ настилаютъ полъ. Вотъ и вся японская пристань. Другое необходимое зданіе для рыболовни—сарай, для храненія рыбы, соли, для засолки и т. д. Величина и качество его пропорціональны количеству заготовляемой рыбы. Бѣдняки и небогатые устраиваютъ шалаши изъ березовой коры. Состоятельные и богачи устраиваютъ настоящіе сараи, съ крышею и стѣнами изъ досокъ, приколачивая ихъ гвоздями.

Японцы также устраиваютъ подобіе нашихъ сараевъ, но кроютъ чѣмъ попало: травою, циновками, вѣтвями и проч.

Третья необходимая постройка для гиляковъ и русскихъ—коптильня. Гиляки дѣлаютъ ее такъ: ставятъ столбы съ перекладинами, на послѣднія кладутъ другія перекладины, на

которыхъ вѣшаютъ рыбу, хвостомъ внизъ, а подъ рыбою раскладываютъ дымокуръ. Состоятельные русскіе строятъ для этого избушку. Поверхность земли въ ней углубляютъ на два аршина глубины для огня. Подъ потолкомъ прорубаютъ отверстіе для дыма, а въ двухъ съ половиною или трехъ арш. отъ земли укрѣпляютъ между стѣнами жерди для рыбы.

Кромѣ того, у богатаго хозяина на рыбалкѣ есть еще земляночка или хижинка, въ которой живетъ бондарь. У толстяка хотя бондарь живетъ на рыбалкѣ, но занимается, между прочимъ, и общимъ дѣломъ, такъ какъ бочки успѣлъ приготовить еще до ловли. Остальное время—зимой, весной и отчасти лѣтомъ, онъ работникъ, дворникъ, кучеръ, дроворубъ и проч.

Помѣщенія для рабочихъ преимущественно шалаши, землянки, или тѣ же сараи, гдѣ хранятся рыба, продукты и проч. и происходитъ засолка. Спятъ на землѣ, на подостланной травѣ или на доскахъ и цыновкахъ. Вмѣсто подушекъ кладутъ свою одеженку—фартукъ, сапоги, шапку или просто чурку или камень. Одѣяломъ служитъ зипунъ, или тулупъ.

Все сказанное только обстановка рыболовни. Другое дѣло орудіе ловли.

Прежде орудіе ловли и способъ ея были — гилякскія. Съ начала текущаго вѣка русскіе рыбопромышленники, познакомившись съ японскимъ способомъ ловить кету и убѣдившись, что онъ больше приноситъ добычи, чѣмъ гилякскій, стали ловить уже по-японски. Что касается далѣе вверхъ по Амуру, то выше Софійска ловятъ общеупотребительными у насъ неводами, безъ всякихъ заграждений и садковъ.

Первое и главное орудіе при ловлѣ—гилякская сѣть, служащая для загражденія рѣчного фарватера, по которому проходитъ рыба. Плетется она изъ длинныхъ $2^1/_2$—3 саженныхъ прутьевъ, толщиною со стеариновую свѣчу. Каждый прутъ дрýгъ отъ друга на разстояніи въ $1^1/_2$ вершка. Скрѣпляются они или ремнями изъ кожи, или толстымъ мотоузомъ, или прутьями изъ ивы. Эти поперечныя плетенія дѣлаются въ

двѣ четверти одно отъ другого. Размѣръ этой сѣти отъ 100 до 200, а шириною до 5 саженъ.

Другая необходимая принадлежность рыболовни — лодка. По простотѣ устройства, по легкости, по мелкой осадкѣ и по удобству лавировать межъ волнами въ бурную погоду по Амуру — она занимаетъ первое мѣсто между другими подобными ей.

Слѣдующее орудіе рыболовни тоже гилякское — сѣтяной мѣшокъ. Длина его до 5 саженъ, ширина до 3-хъ. Форма его—коническая, въ видѣ треугольной пирамиды. Верхній остроконечный конецъ перевязанъ, а нижній, широкій, не закрытъ и служитъ входомъ для рыбы.

Кромѣ этихъ орудій есть еще неводъ. Это сѣтяное полотнище изъ толстаго мотоуза. Просвѣты въ немъ въ полтора квадратныхъ вершка. Длина его до 30 саженъ, а ширина до 3-хъ.

Что касается до японскихъ орудій рыболовства, то они тоже не особенно сложны и многочисленны. Первое и самое главное у нихъ это сѣть, заграждающая не глубокую часть Амура. Плетется она изъ рисовой соломы, какъ неводъ. Величина сообразна съ мѣстомъ загражденія рѣки—отъ 50 до 100 саж. и даже болѣе. Ширина ее отъ $2^1/_2$ до 3 саж. Просвѣты около $1^1/_2$ квадрат. вершка. Затѣмъ неводъ изъ толстаго мотоуза, длиною до 15, шириною до 6 саж. Кромѣ этого они употребляютъ еще садокъ. Это тоже неводъ, но имѣетъ форму ящика безъ крышки, раздѣленнаго пополамъ. Длина этого ящика до 5—6 саж., ширина до 4-хъ. Плетется онъ тоже какъ сѣть изъ толстаго мотоуза. Къ нему, какъ принадлежности, 11 столбовъ изъ жердей, длиною до 2 саж., а толщиною въ среднюю человѣческую руку, и 7 брусьевъ. На первые его привязываютъ, по 4 на каждой боковой сторонѣ, два на задней и одинъ на входной. Эта сторона ящика невода подвижная. Если онъ установленъ, то эту сторону можно открыть. Для этого стоитъ только опустить веревку, тогда эта сторона упадетъ на дно, и ящикъ-неводъ будетъ открытъ. Что касается до брусковъ, то ими

укрѣпляется этотъ ящикъ сверху: четыре бруска идутъ по краямъ, пятый вдоль, а остальные поперекъ, на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Благодаря этимъ приспособленіямъ, этотъ неводъ-ящикъ укрѣпляется такъ прочно, что ни одна сторона не свѣшивается на бокъ, несмотря на сильное теченіе и даже на происходящее часто волненіе отъ бури. Что касается до дна, то по четыремъ угламъ и посрединѣ имѣются небольшія чугунныя гирки. У нѣкоторыхъ вмѣсто гирекъ, камни, обшитые холстомъ.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о самой ловлѣ кеты.

По низовью Амура существуютъ только два способа ея: гилякскій и японскій. Общеупотребительный — это второй... Какъ уже говорилъ я, такъ ловятъ и русскіе. Но ловятъ и по-гилякски.

Самое главное приготовленіе къ ловлѣ — это загражденіе сравнительно неглубокаго пространства Амура, такъ какъ сдѣлать это по самому глубокому руслу (саж. 7—8) почти невозможно. Для этого вколачиваютъ въ дно поперекъ русла столбы до $2^1/_2$ саж. длины и до $1^1/_2$ четвертей по окружности. Дойдя до мели или до глубокой части, поворачиваютъ линію столбовъ подъ прямымъ угломъ, перпендикулярно главной линіи загражденія. Впрочемъ, эта перпендикулярная линія не велика, до 3—4 саж. Главная же отъ берега до мели или глубокаго мѣста до 150 и даже до 200 саж. Столбъ отъ столба въ 1 саж. Для укрѣпленія ихъ ставятъ подпоры и соединяютъ всѣ столбы поперекъ каждаго и вдоль всей линіи жердями. Укрѣпивъ такимъ образомъ линію столбовъ, натягиваютъ на нее сѣть изъ прутьевъ, привязывая ее къ каждому столбу. Кончивъ линію загражденія, приступаютъ къ ловлѣ. Вотъ садятся въ лодку три рыболова и берутъ конусообразный мѣшокъ. Обогнувъ уголъ загражденія, лодка останавливается на границѣ мели, или глубокаго мѣста, за перпендикулярной 3 хъ или 4-хъ саженной линіей его (загражденія). Носъ лодки вверхъ рѣки, а корма внизъ по теченію. Половина лодки, кормою, выступаетъ за линію

загражденія. Вотъ берутъ конусообразный мѣшокъ и одинъ изъ угловъ его, ближайшій къ лодкѣ, укрѣпляютъ къ послѣднему столбу перпендикулярной линіи загражденія. Второй уголъ мѣшка укрѣпляютъ за добавочный столбъ, вбитый въ 6-ти саженяхъ отъ перпендикулятора, противъ средины его, къ берегу. Конецъ веревки отъ этого дальняго угла мѣшка, обогнувъ этотъ отдаленный, одиноко стоящій стобъ, прикрѣпляютъ къ тому же послѣднему столбу перпендикулярнаго загражденія, къ которому прикрѣпленъ и ближайшій уголъ мѣшка. Итакъ, верхняя сторона мѣшка, по поверхности воды, натянута. Остается натянуть остальныя двѣ стороны мѣшка, въ водѣ, чтобы третій уголъ его касался дна. Для этого нижній уголъ прикрѣпляютъ къ концу шеста, который и погружаютъ въ глубину, стараясь, чтобъ онъ касался дна. Противоположный же край шеста держатъ въ рукахъ. Положеніе этого шеста наклонное, подъ острымъ угломъ. Онъ не загораживаетъ входа въ мѣшокъ, такъ какъ находится ниже боковой стороны мѣшка, находящагося въ водѣ. Наконецъ еще одно приспособленіе: къ срединѣ нижняго и боковыхъ сторонъ мѣшка, въ нѣсколькихъ мѣстахъ закрѣплены концами веревочки, обогнувъ мѣшокъ, другіе концы ихъ держитъ на ладони одинъ изъ ловцовъ. Такимъ порядкомъ весь рыболовный снарядъ установленъ. Входъ въ этотъ мѣшокъ къ линіи загражденія. Направо отъ мѣшка перпендикулярная линія. Налѣво, въ 150 или 200 саж. берегъ Амура, до котораго доходитъ главная линія (загражденія). Вотъ показались первые авангарды кеты: въ водѣ замелькали бѣлосоватыя блестки—это мелькаютъ брюшки рыбы. Вотъ онѣ уже у загражденія. Наткнувшись на него, авангардъ поворачиваетъ въ обѣ стороны, ища прохода. Повоготившіе направо, поворотили назадъ вдоль сѣти и попадаютъ въ мѣшокъ. Отъ напора, боковыя стороны его въ водѣ зашатались и веревочки задергались. Въ этотъ моментъ одинъ изъ ловцовъ поднимаетъ шестъ, а съ нимъ треугольную нижнюю сторону мѣшка; а другой, быстрымъ движеніемъ шестовъ, обогнувъ послѣдній столбъ перпендикулярнаго за-

гражденія, ставитъ лодку возлѣ узкаго конца мѣшка, который быстро поднимаютъ, кладутъ въ лодку и развязываютъ. Державшій шестъ поднимаетъ его, вмѣстѣ съ широкимъ краемъ мѣшка, и встряхиваетъ. Попавшая въ мѣшокъ рыба вываливается въ лодку... Снова устанавлюваютъ снарядъ и т. д. Японцы дѣлаютъ точно такое же загражденіе. Установивъ столбы, съ поперечинами, и натянувъ на нихъ сѣть, устанавливаютъ неводъ Одинъ уголъ его привязываютъ къ послѣднему столбу перпендикулярнаго загражденія; другой противоположный къ другому, вколоченному въ 4-хъ саженяхъ отъ послѣдняго, къ берегу. Укрѣпивъ эти два угла одного конца невода, дѣлаютъ тоже и съ другимъ концомъ его, находящимся въ 12—15 саж. отъ перваго конца. Этотъ второй конецъ упирается прямо на входное отверстіе невода ящика. Установленный такимъ порядкомъ неводъ имѣетъ видъ канала. Ширина его 4, длина 12—15 саж. Нижняя сторона, благодаря гирькамъ касается дна. Стороны его не колышатся, такъ какъ привязаны къ многочисленнымъ столбамъ внизу и вверху. У этого канала два входа. Въ одинъ, обращенный къ главной линіи загражденія, входитъ рыба, изъ другого она переходитъ въ неводъ — ящикъ. Закрывающее его полотнище, съ продѣтыми тремя веревками, лежитъ на днѣ. Такимъ порядкомъ всѣ три входа открыты.

На ловлѣ у этого снаряда двѣ лодки съ 6-ю ловцами. Въ одной двое — одинъ управляетъ лодкой, а другой, главный заправила ловли, сидитъ около средняго столба невода-ящика и задняго входа невода-канала. Онъ держитъ веревку, продѣтую въ средину полотнища, закрывающаго этотъ входъ. На этотъ же столбъ прикрѣплена и другая веревка, входной подвижной стороны ящика-невода. На другой лодкѣ четыре ловца. Одинъ съ веслами, а трое держатъ веревки полотнища, невода-канала, закрывающаго это главное отверстіе въ каналъ. Всѣмъ четыремъ ловцамъ стоитъ только поднять веревки, и входы будутъ закрыты, а чтобъ открыть ихъ, опустить ихъ въ воду, не выпуская веревокъ.

Такимъ порядкомъ рыболовный снарядъ установленъ.

Ожидаются гости. Вотъ и они, желанные. Появились въ водѣ знакомыя опытнымъ рыболовамъ блестки. Чрезъ минутъ пять-шесть зашатались стѣнки невода-канала. Все сильнѣе и сильнѣе шатаются онѣ въ разныя стороны. Заправила внимательно смотритъ въ воду канала. Его опытные глаза ясно видятъ тѣ же блестки и тутъ. Словно снѣжные комочки наполнили каналъ. Онъ даетъ знакъ тремъ своимъ товарищамъ. Тѣ поднимаютъ веревки. Край невода-канала поднимается изъ-подъ воды. Его кладутъ въ лодку, которая начинаетъ двигаться бокомъ къ ящику. По мѣрѣ движенія, она наполняется неводомъ. Такимъ порядкомъ, рыба загоняется въ ящикъ. Вотъ лодка въ 1-ой—2-хъ саженяхъ отъ послѣдняго. Заправила поднимаетъ веревку и укрѣпляетъ ее на столбѣ, тоже дѣлаетъ и съ боковыми веревками. Этимъ способомъ входъ въ ящикъ закрытъ наглухо, и послѣдній весь наполненъ рыбой. Послѣ этого лодка пятится назадъ и неводъ-каналъ опускается на прежнее мѣсто. Чрезъ минутъ 10—12 онъ снова наполнился рыбой. Теперь вытряхиваютъ ее прямо въ лодку. Для этого заправила поднимаетъ веревку и показавшійся конецъ невода-канала кладетъ въ лодку. Его товарищи тоже дѣлаютъ и съ другимъ концомъ этого невода и лодка опять двигается къ другой, съ заправиломъ. Подойдя къ нему на $1^1/_2$—2 сажени, неводъ встряхиваютъ и вся рыба въ лодкѣ. Пока заправила ловли плыветъ къ берегу, чтобъ вывалить тамъ добычу, оставшіеся три ловца снова погружаютъ неводъ-каналъ и т. д.

Между тѣмъ какъ происходитъ эта непрерывная ловля, на берегу идетъ спѣшная работа; кету чистятъ, вырѣзываютъ жабры, разрѣзываютъ по брюху, промываютъ, перепосятъ въ сарай, набиваютъ внутренность солью и, обсыпавъ сю же сверху, кладутъ рыбу на цыновку, рядами. Первый рядъ снова обсыпаютъ солью, на него кладутъ другой рядъ поперекъ перваго; на второй—третій и т. д. Затѣмъ покрываютъ этотъ правильно сложенный четыреугольникъ цыновками и въ заключеніе обвязываютъ его. Чрезъ 7—8 дней рыбу снова перекладываютъ и опять обсыпаютъ солью. За-

тѣмъ перелаживаютъ въ посудины, обвязываютъ и увозятъ въ Японію. Точно также солятъ и икру, укладывая кучами на цыновку.

Совершенно иначе приготовляютъ кету гиляки. Вычистивъ, они разрѣзываютъ ее вдоль на четыре части и развѣшиваютъ на жерди, предъ дымокуромъ. На вѣтру, на солнцѣ и въ дыму она высыхаетъ и дѣлается твердой и черной. Это юкола. Нерѣдко въ это время идутъ дожди и рыба, не успѣвшая достаточно высохнуть, сгниваетъ и гилякъ съ семьей голодаетъ въ теченіе 8—9 мѣсяцевъ. Обыкновенно про эти голодовки никому не извѣстно, кромѣ николаевскихъ кулаковъ. Послѣдніе конечно пользуются этимъ для своей выгоды.

Наши рыболовы приготовляютъ ее къ продажѣ слѣдующимъ порядкомъ. Посредственную рыбу, послѣ чистки, солятъ въ бочкахъ по 130 рыбинъ въ каждой. Послѣ 3—4 дней, когда уложенная и засоленная рыба даетъ разсолъ, бочку закрываютъ, а на крышку кладутъ тяжесть (камни). Дня чрезъ 4, когда засоленая рыба подъ вліяніемъ тяжести „сядетъ“, бочка добавляется ею до края и наглухо закупоривается. Затѣмъ, въ днищѣ просверливается дыра, и когда разсолъ вытечетъ, бочку переворачиваютъ дырою вверхъ и доливаютъ свѣжимъ разсоломъ.

У отборной лучшей рыбы вырѣзываютъ брюшко, а изъ послѣдняго пупокъ—узкую полоску, средину брюшка, а отъ оставшейся спинки голову. Каждую часть приготовляютъ отдѣльно. Брюшки и пупки солятъ въ боченки (отдѣльно одни отъ другихъ), а предъ закупоркой перекладываютъ, перемываютъ, вычищаютъ ножемъ или щеткой, по поверхности. Поверхъ слоя ихъ кладутъ въ изобиліи лавровый листъ, корицу, гвоздику и перецъ; пересыпаютъ солью и доливаютъ чистымъ разсоломъ. Тѣ и другіе считаются самымъ лакомымъ блюдомъ. Продаются въ боченкахъ и неимовѣрно дорого. Вѣсъ такого боченка около 3 пуд., съ обыкновенной кетой около 25 пудовъ.

Что касается до спинокъ, то предварительно разрѣзыва-

ютъ ихъ пополамъ, вдоль спины. Солятся они или въ бочкахъ, или въ особыхъ посудинахъ, имѣющихъ видъ большихъ корытъ. Дней чрезъ 8, ихъ вывѣшиваютъ на жерди, чтобъ „пробыгали“. Дня чрезъ три, четыре—когда онѣ подсохнутъ, ихъ переносятъ въ коптильню, гдѣ и развѣшиваютъ на жерди, предъ огнемъ. Прокопченыя спинки поступаютъ въ продажу подъ названіемъ „балыковъ“.

Въ заключеніе этой главы скажу нѣсколько словъ о расходѣ и приходѣ по осеннему рыбному промыслу.

Не знаю сколько расходуетъ и пріобрѣтаетъ отъ кеты николаевскій, или благовѣщенскій рыбопромышленникъ, а у моего толстяка пустяшные расходы даютъ солидные барыши. Вотъ схема точныхъ расходовъ его:

Соли по 5 пуд. на бочку по 40 к. за пудъ, а на 100 бочекъ, засоленныхъ имъ нынѣ.	200 р.
Лавроваго листу, перцу и проч. на 100 бочекъ .	10 „
Работнику по 10 р. въ мѣсяцъ жалов. и на содержаніе его по 7 р. въ мѣсяцъ, за 50 дней ловли и засолки	26 „
Покупка мелочей и непредвидѣнные расходы (напр. мотоузу на исправленіе неводовъ, на веревки, на водку и сахаръ работникамъ, на доставку бочекъ съ рыбою отъ рыбалки до дома, если не удастся переплавить ихъ самимъ, своими силами на лодкѣ, помаленьку).	24 „
Всѣхъ расходовъ по засолкѣ кеты въ сезонъ . . .	260 р.

Прежде чѣмъ говорить о барышахъ толстяка, дополню предыдущія данныя о расходахъ слѣдующимъ. Соль и пряности онъ выписываетъ изъ Одессы, вмѣстѣ съ другими товарами, и общій расходъ на пудъ соли ему обходится около 40 к. Бочки и невода у него одни и тѣ же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Заведены они, по его словамъ, лѣтъ 6 тому назадъ и расходъ на нихъ окупился въ 1-й же годъ.

По словамъ рыбопромышленниковъ, самое главное въ этомъ промыслѣ, обзавестись бочками и боченками для рыбы,

брюшковъ, пупковъ, икры въ достаточномъ количествѣ. Подыскивать бондарей для изготовленія этого запаса посуды, было весьма затруднительно. Крупные промышленники держали и держатъ ихъ на жалованіи и содержаніи круглый годъ. Свободны—только плохіе, пьяньчужки.

Тѣмъ не менѣе и имъ рады Издѣлья этихъ бондарей обыкновенно плохого качества и не дешевы: съ деревянными обручами отъ 4 р. 50 к. до 5. Хорошая съ желѣзными—до 6-и и 7-и р. Нынѣ въ окрестностяхъ Николаевска открытъ бондарный заводъ Люри и Рубинштейна. Здѣсь распиливаютъ лѣсь, дѣлаютъ бочки, боченки и проч. Бочку съ желѣзными обручами продаютъ на этомъ заводѣ по 3 р. 50 к. Боченокъ для икры отъ 2-хъ, до 3-хъ руб.

Рыбу мой толстякъ никогда не продавалъ и не будетъ продавать въ бочкахъ, а всегда на разновѣсъ: пудами, или фунтами. „При этомъ больше выгоды и сохраняется посуда“ говоритъ онъ. Ремонтъ послѣдней и неводовъ онъ не считаетъ, такъ какъ дѣлаетъ это его годовой работникъ, между дѣлами. „Да и ремонтъ отъ не великъ...“ Ловятъ и солятъ его два сына, жена одного изъ послѣднихъ, двѣ дочери толстяка и работникъ. Пища на рыбалкѣ „свѣжника“ кета, да хлѣбъ по $1^1/_2$ пуда на каждый ротъ, кирпичный чай, да говядина и сахаръ, по праздникамъ, рубля по 4 на всѣхъ въ теченіе всей ловли.

Вотъ и всѣ его расходы. Теперь объ его барышахъ. Продастъ онъ рыбу, какъ уже говорилъ, на разновѣсъ, пудами и фунтами. Пудъ продастъ по 3 р. 50 к., а въ концѣ зимы и въ началѣ весны по 4 р., беру среднюю цифру 3 р. 75 к. за пудъ.

Засолилъ онъ нынѣ 800 бочекъ, въ каждой по 25 пуд., всего 20,000 пуд. За всѣ 20,000 пуд. выручитъ 75,000 р. Кромѣ того, засолилъ брюшки, пупки по 50 боченковъ и икру. По его словамъ, отъ продажи того, другого и третьяго выручилъ 35,000 руб.

Икра кеты тоже цѣнная вещь. Требуютъ ее вмѣстѣ съ рыбою и въ Россію, и въ сибирскія губерніи и области.

Первоначально амурскіе рыбопромышленники не умѣли приготовлять ее. Не могли найти изъ рабочихъ и спеціалистовъ. Нечего дѣлать, вынуждены были выписать двухъ, трехъ засольщиковъ икры изъ Россіи. Въ настоящее время одновременно съ рыбою засаливаютъ ее во всѣхъ рыбопромысловыхъ заведеніяхъ по низовью Амура и крестьяне. Пудъ ея отъ 8 до 10 руб. Продается бочками по 6 пуд. Въ Иркутскѣ фунтъ отъ 75 до 80 к., въ Томскѣ отъ 85 до 90 к., въ Москвѣ до 1 р. 20 к.

Кромѣ вышеозначенныхъ барышей отъ продажи кеты и проч., по его выраженію, „сами будемъ жрать ту кету. Это не считаю, потому набѣжитъ рублишко другой съ фунтика при продажѣ мелочишкомъ по 5, 10, 12 фунтовъ на рыло покупателя. Напримѣръ, въ концѣ зимы продаю по 15 к. за фунтъ, значитъ, набѣгаетъ порядочно съ пудика-то!“

Что касается до лѣтняго промысла въ концѣ іюня и въ началѣ іюля, во время хода молодой рыбы, то онъ засолилъ ее около 60 бочекъ для одной благовѣщенской фирмы, по условію. При чемъ самъ не ловилъ, а бралъ у крестьянъ и „тваринки“ (инородцевъ) за долги по прадажѣ имъ товаровъ и продуктовъ въ долгъ. „Нажилъ отъ этой рыбки 5400 руб... Ну всего дивиденднка въ годъ тыщенокъ 100,000 безъ расходовъ...

Или вотъ другой промышленникъ--полякъ, ссыльный--О-скій. Поселился здѣсь безъ гроша. Первый годъ жилъ батракомъ у рыбопромышленника. На второй, когда прибыла къ нему его семья, онъ вырылъ землянку и зажилъ своимъ хозяйствомъ. Питался кетой, которую засолилъ въ этотъ годъ до 20 бочекъ. Во второй насолилъ 80. Изъ нихъ 65 продалъ за 2 р. 10 к. пудъ. На вырученныя деньги купилъ выгодно лошадь съ телѣгою. Благодаря этой покупкѣ, съ октября до апрѣля рубилъ дрова и возилъ ихъ на берегъ Амура. Въ маѣ заготовленныя 100 саж. дровъ продалъ за 4 р. саж. На вырученныя деньги, 400 руб. купилъ три лошади и корову. Въ эту осень заготовилъ 200 бочекъ. Благодаря деньгамъ, полученнымъ за дрова, во время, хода кеты держалъ двухъ рабочихъ

и столько же работницъ - женщинъ. Наступившая осень застала его снова въ лѣсу съ однимъ работникомъ. Оба заготовляли дрова. На шестой годъ, со дня поселенія въ этой деревнѣ, изъ землянки перекочевалъ въ новый домъ.

На одиннадцатый, въ 1907 г., поставилъ путейцамъ 1000 саж. дровъ, по 4 р. 50 к. саж. Заготовилъ и выгодно продалъ 5000 шт. горбуши. Выловилъ и продалъ японцамъ 80,000 шт. кеты по 2 р. сотня. Кромѣ этого засолилъ 500 бочекъ, свезъ ихъ по зимней дорогѣ на пріиска по Амгуни, гдѣ и продалъ по 20 р. за бочку, вмѣстѣ съ 50 боченками брюшковъ, по 30 р. боченокъ.

Въ концѣ 1908 г. у него было 16 лошадей да 40 головъ рогатаго скота. Кромѣ того, у него мелочная лавка. Изъ мелочныхъ продуктовъ вырабатываетъ масло и сыръ. Да по 10 головъ, по количеству приплода, продаетъ (раздробительно) говядиной. Возитъ зимою ее на пріиска, гдѣ и продаетъ по 6—8 р. пудъ.

Попрежнему заготовляетъ дрова, но уже болѣе 1500 саж. въ годъ. Для этого нанимаетъ рабочихъ. Расходы: попенные 1 р. 70 к, за пилку и укладку по-издѣльно по 1 р. за саж. на всемъ своемъ пропитаніи. Вывозитъ на своихъ лошадяхъ.

Общій чистый дивидентъ въ теченіе послѣдняго года болѣе 40,000 р. Обозрѣвая его 14-лѣтнюю жизнь въ этой деревенкѣ, видимъ одно: непрерывный личный трудъ. Въ первые годы терпѣлъ со своей семьей всевозможныя лишенія. До 5 года работалъ круглый годъ одинъ. Съ шестого сталъ нанимать рабочаго. Съ восьмого—двухъ. Съ девятаго — трехъ. Во всѣхъ работахъ: дома, въ лѣсу и на водѣ самъ принимаетъ участіе. Въ лавочкѣ торгуетъ его жена.

Непреклонная энергія, [illegible] трудоспособность, предпріимчивость и смекалка—вотъ отличительныя черты этого амурскаго американца. Вино онъ не пьетъ. Азартныя игры не терпитъ. Кромѣ того, идеальный семьянинъ. Впрочемъ всѣми этими достоинствами отличается вообще большая часть поляковъ. Говорю это совершенно безпристрастно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

(Попытки правительства заселить Дальній Востокъ рыбаками. Рыбопромышленность въ Японіи и у насъ. Распространеніе кеты, какъ пищевого суррогата. Стоимость ея въ разныхъ пунктахъ Восточной Сибири. Факторы, вліяющіе на пониженіе и повышеніе кеты).

Чѣмъ больше въ странѣ сметливыхъ, трезвыхъ и предпріимчивыхъ работниковъ, тѣмъ лучше. Но такихъ трудолюбивыхъ и энергичныхъ промышленниковъ, какъ О—скій, мало на Дальнемъ Востокѣ. Правительство, сознавая это, въ теченіе второй половины 19-го столѣтія озабочивалось разселеніемъ рыбаковъ по берегамъ Японскаго моря и Татарскаго пролива. Такъ, напримѣръ, въ 1856 г., по предложенію правительства, были поселены въ Николаевскѣ на Амурѣ нѣсколько семействъ архангельскихъ рыбаковъ. Суровость климата, ненаселенность края и отсутствіе спроса на рыбу вынудили ихъ въ томъ же году откочевать оттуда во Владивостокъ. Здѣсь они совсѣмъ оставили свой промыселъ.

Въ 1869 г., по приглашенію правительства, перебрались сюда на казенный счетъ финляндцы въ числѣ 116 душъ обоего пола. Часть ихъ поселилась въ бухтѣ „Находка“, а часть въ проливѣ „Стрѣлокъ“. Первые, желая заняться кабота-жемъ и китобойнымъ промысломъ, купили пароходъ „Находка“. Къ несчастію, вскорѣ послѣ покупки онъ погибъ. Эта неудача и разорила ихъ, и развѣяла всѣ ихъ мечты и планы на счетъ избраннаго ими дѣла. Другая партія финляндцевъ, желая заняться земледѣліемъ, тоже стала терпѣть неудачи: раннія заморозки, обилы[illegible]ди, непроходимая тайга и отсутствіе силъ расчистить ее, вынудили ихъ оставить хлѣбопашество. Чрезъ нѣсколько лѣтъ обѣ партіи разселились въ городахъ Дальняго Востока.

Въ 1891 г. также переселились сюда астраханцы въ числѣ 15 семействъ, всего 77 душъ обоего пола. Поселенные на прибрежьѣ Японскаго моря, они не долго занимались рыбо-

ствомъ. Засоливъ рыбу, они не могли распродать ее. Это обстоятельство вынудило ихъ приняться за хлѣбопашество и окончательно оставить рыболовство.

Въ 1899 г. на казенный счетъ переселились сюда эсты, въ числѣ 30 семействъ. Устроившись вблизи Владивостока, они занялись своимъ исконнымъ промысломъ рыболовствомъ. Но потерпѣли неудачу: владивостокскіе рыботорговцы-китайцы отказались брать у нихъ рыбу. Кромѣ того, къ нимъ стали придираться чиновники таможни. Эстамъ оставалось одно: бросить рыболовство и заняться земледѣліемъ. Что они и сдѣлали.

Наконецъ, въ 1902 г. переселились сюда 16 семействъ рыбаковъ-тавричанъ.

Осмотрѣвъ предложенныя имъ, для рыболовства, прибрежныя мѣста, они нашли ихъ неудобными и отказались рыбачить.

Вотъ и всѣ попытки правительства заселить рыбаками прибрежье Дальняго Востока. Какъ видитъ читатель, онѣ были неудачны. Обусловливается эта неудача и малонаселенностью края, и отсутствіемъ рынковъ для сбыта рыба. Навѣрно у амурской кеты были бы потребители и рынки (заграничные), если бъ она заготовлялась съ требуемыми качествами. Къ сожалѣнію, этого далеко нѣтъ. Засоленную въ Николаевскѣ кету иностранцы отказываются даже отвѣдать. Японцы съ отвращеніемъ отворачиваются отъ нея. Ужъ на что наши солдатики невзыскательны, и тѣ отказались питаться ею въ въ Маньчжуріи, когда начальство снабдило армію Николаевско-амурской заготовкой. Чѣмъ тратить большія суммы на переводы сюда чиновниковъ, не лучше ли бы, по примѣру Японіи, открыть въ Николаевскѣ рыбопромышленную опытную станцію и хотя бы одну низшую школу для практики рыбнаго дѣла? Первыхъ въ Японіи около 26 и около 30 послѣднихъ. Кромѣ того въ Токіо—высшее учебное заведеніе—рыбопромышленный институтъ. Здѣсь студенты, между прочимъ, занимаются приготовленіемъ рыбныхъ консервовъ по всѣмъ правиламъ науки. Не мѣшало бы и намъ открыть подобное же высшее заведеніе, тѣмъ болѣе у насъ богатѣйшія рыбныя угодія и въ Европейской, и Азіатской Россіи.

Несмотря на это богатство, приготовленіе рыбы у насъ производится по традиціи, какъ дѣлали это наши прадѣды. Неудивительно, что наша рыба, несмотря на колоссальное обиліе ея, имѣетъ только внутренній сбытъ. Между тѣмъ, маленькая Японія, благодаря своимъ школамъ, опытнымъ станціямъ и высшему рыбопромышленному заведенію, снабжаетъ своими рыбными консервами и Америку, и Австралію, и Китай, и Европу и даже насъ. Половина консервированной японцами рыбы, хищнически выловлена ими въ нашихъ предѣлахъ.

Однако, посмотримъ, нѣтъ ли у насъ на Дальнемъ Востокѣ культурныхъ начинаній въ этой промышленности. Но прежде, чѣмъ говорить о нихъ, скажу — для контраста — нѣсколько словъ о традиціонномъ приготовленіи нами рыбы. Чистка и соленіе рыбы — плохія. Ее или не досолятъ, или пересолятъ. А главное—не сортируютъ. Въ засолку и въ желудки попадаетъ и больная рыбина, со струпьями (источникъ проказы). „При обычной горячкѣ, во время рыбнаго хода, некогда разсматривать ее. Некогда и тщательно очищать“, говорятъ рыбопромышленники.

Присутствуя много разъ при чисткѣ рыбы, я постоянно слышалъ окрики старшаго младшимъ: „Не мѣшкать!“, „Чисти живѣе!“, „Не копайтесь!“, „Чаво ты попусту заглядываешь ей въ брюхо!“ Если на рыбѣ находятъ струпья, ихъ даже не обрѣзываютъ.

„Ежели таперячи мы станемъ откидывать такую рыбину, то лучше не ловить и не солить... А осматривать некогда. Лишній часъ и вся рыба провоняла. Тоды всѣ труды пропали“. Такъ говорятъ рыбопромышленники. О лучшемъ приготовленіи рыбы не было ни у кого и думы. Неудивительно, поэтому, что въ концѣ 19 в. почти единственные покупатели-иностранцы нашей кеты были японцы и то исключительно брали свѣжую, не засоленую. Если ихъ ловъ былъ богатый, они покупали у насъ сравнительно немного и цѣны за нее давали низкія. Если ихъ ловъ былъ незначительный, они давали за нее нашимъ рыбопромышленникамъ и гилякамъ хо-

рошія цѣны. Эти „японскія цѣны“ держались и на нашихъ внутреннихъ рынкахъ. Потомъ, постепенно потребителей все больше и больше увеличивалось, помимо японцевъ. Не говоря уже о ежегодномъ сбытѣ ее въ Германію, въ большомъ количествѣ стали требовать свѣжую (замороженую) и соленую въ Россію, въ Западную Сибирь, въ Иркутскую г. и Забайкальскую область и на пріиска. Общее количество требуемой кеты на внутренніе рынки почти вдвое превышаетъ покупаемой японцами. Кромѣ того, повысились цѣны на нее. Такъ, напримѣръ, въ 1907 г. крестьяне и инородцы продавали свѣжую, осеннюю по 8 р. 50 к., лѣтнюю по 2 р. 50 к. за сотню. Въ Николаевскѣ рыбопромышленники продавали осеннюю по 12 руб., лѣтнюю по 4 р. за сотню.

Однако, не хочу забѣгать впередъ, а постараюсь разсказать подробно и обстоятельно объ успѣхахъ рыбопромышленности на нашемъ Дальнемъ Востокѣ.

Культура въ этомъ промыслѣ началась съ самаго сѣвера и съ начала XX вѣка. Въ 1901 году на прибрежьѣ Берингова моря началъ функціонировать рыбопромышленный заводъ камчатскаго рыбопромышленнаго товарищества. Говорили и писали о немъ въ мѣстныхъ газетахъ слѣдующее: „Построенъ на русскія деньги. Строители и инициаторы американскіе инженеры. Благодаря ихъ участію въ этомъ предпріятіи на заводѣ были въ ходу всѣ новѣйшіе усовершенствованные аппараты и машины для приготовленія консервовъ. Производительность завода была большая: до 40,000 консервовъ, фунтовыхъ коробокъ въ сутки. Всѣ операціи, начиная съ пріемки рыбы, кончая выгрузкой готовыхъ коробокъ съ консервами изъ паровыхъ печей, машинныя. При заводѣ выдѣлывали и жестянки, и обрабатывали отбросы въ гуано. Безъ надувательства и тутъ не обходилось. Несчастныхъ инородцевъ обманывали въ самомъ худшемъ видѣ. За рыбу давали весьма скудную плату. А главное платили имъ товаромъ (американскимъ), разцѣниваемымъ въ 5—6 разъ дороже. Главный предметъ сбыта въ обмѣнъ за рыбу—водка, американская. Такимъ образомъ, этотъ заводъ однимъ выстрѣломъ побивалъ нѣсколько зайцевъ.

Въ концѣ 1902 г. наладилось во Владивостокѣ общество: „Рыбопромышленнаго Т-ва на вѣрѣ“. Названіе выбрали такое: „Ямско - колымское промышленное Т-во Михалевича и Григе“. Главная дѣятельность Т-ва обрабатывать рыбу, тюленей, добывать капусту изъ глубины Охотскаго и Беринговаго морей. Не забыли и пушнинку. Вѣдь станутъ имѣть дѣло съ инородцами! А у этой „тварники“ одинъ цѣнный товаръ пушнинка и рыбка. Пріобрѣтая отъ нихъ послѣднюю хозяйственнымъ способомъ, въ обмѣнъ на гнилой (и оцѣненный въ 10 разъ дороже) товаръ, надо прибрать къ рукамъ и пушнинку. Кромѣ того, не забыты и новоселы: пользуясь ихъ нищетой, безвыходнымъ положеніемъ и „таёжнымъ пространствомъ“ края— притянули „къ дѣлу русскихъ дѣвочекъ, бабочекъ и мужичковъ“ за ломаный грошъ. Говорятъ, уже сформированы „русскія артели“—женскія и мужскія. Имъ (заводчикамъ) не такъ нужны эти артели, какъ артельное ручательство, какъ круговая порука...

Предвидятся миліонные дивидентики.

Насколько хороша круговая порука артели для предпринимателя и убыточна для самихъ рабочихъ—доказываетъ слѣдующій фактъ.

Одинъ промышленникъ подрядилъ крестьянъ - новоселовъ ловить кету. По условію, они обязаны были ежедневно добывать до 10,000 шт. Если уловъ будетъ меньше, то артель платитъ неустойку въ размѣрѣ невыловленнаго количества до условной цифры. При этомъ стоимость сотни кеты считали по базарной цѣнѣ. Первый день былъ удачный. На второй изловили менѣе 1500. На третій—всѣ сколько нужно. На четвертый—только половину. На пятый тоже плохо изловили 6000 шт.

Усиленно - проработавъ на водѣ въ теченіе этихъ пяти дней, рабочіе - новоселы не получили условленной платы. Она была зачтена, по условію, за невыловленное количество рыбы.

Съ 1900 г. На крайнемъ сѣверѣ хозяйничаетъ акціонерное Сѣверо-восточное сибирское Общество. Акціонеры: Вонлярляр-

скій, Баронъ Розенъ, Абаза, Матюшинъ. Приглашенные ими американцы всецѣло овладѣли предпріятіемъ. Первымъ дѣломъ они завладѣли всѣмъ Чукотскимъ полуостровомъ. Жившіе на немъ инородцы прогнаны. Сопротивлявшихся арестовали и заперли въ тюрьму. Чиновниковъ, доказывавшихъ незаконность ихъ дѣятельности, провозгласили умопомѣшанными. Благодаря покровительству высшей власти, удалось убрать всѣхъ такихъ чиновниковъ. Дѣятельность общества: рыболовная, китобойная, разработка нѣдръ земли, пушнина. За мѣха, за рыбу и проч. платятъ не деньгами, а товаромъ и спиртомъ. Первый и второй оцѣненъ въ 10 разъ дороже, чѣмъ сами покупаютъ его.

Вотъ еще предпріятіе съ обширными замыслами: Торговый Домъ „Дубниковъ и К⁰“ изъ Одессы, устраиваетъ въ Николаевскѣ и на св. Ольгѣ консервную фабрику. Кромѣ этого, она будетъ вырабатывать рыбные балыки лучшаго качества, солить кету „въ лучшемъ видѣ“. Наконецъ, въ послѣдніе годы, 1907, 1908 и 1909, открыты новые два-три завода, выдѣлывающіе рыбные консервы. Не ограничиваясь этимъ, устроили замораживаніе рыбы. Такихъ заведеній около пяти. Одни передвижныя, другія береговыя. Всѣ эти фабрикаты уже требуются въ столицы и на югъ Россіи. Говорятъ съ 1906 г. балыки и брюшки весьма успѣшно идутъ въ ходъ въ Петербургѣ и весьма понравились публики.

Даже астраханскіе рыбопромышленники - тузы заинтересовались кетой. Убѣдившись въ плохой засолки ея по низовью Амура, они привезли съ собой въ 1907 г. (въ Николаевскъ) астраханскую соль, высшаго качества, уже испытанную въ засолкѣ.

Цѣль ихъ поѣздки—рѣшить вопросъ, можетъ ли кета, если засолить ее по астрахански и лучшей солью, быть лакомымъ кусочкомъ.. А что если она будетъ дѣйствительно деликатесомъ и отвоюетъ у волжской рыбы столичныхъ потребителей. Слухи носятся зловѣщіе по всѣму Приволжью: нѣкоторые изъ потребителей волжской рыбы находятъ кету лучше. Если это правда... Вѣдь тогда волей-неволей имъ придется значительно

сбавить цѣну первой. Поубавятся барыши... Нельзя ли прибрать къ рукамъ и амурскую, усовершенствовавъ ея заготовленіе. Говорятъ, дѣла ихъ на низовьи Амура ширятся. Это признакъ, что кета и правду можетъ успѣшно соперничать съ волжской.

Ужъ на что гг. нѣмцы лакомки и имъ понравилась кета. Съ 1903 г. гамбургское паровое судно ежегодно увозитъ изъ Николаевска въ Германію искусственно замороженную кету по нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ.

А что она понравилась населенію Сибири—доказываютъ слѣдующіе факты.

Давно ли въ центральныхъ губерніяхъ и областяхъ ея всецѣло господствовалъ байкальскій омуль. Нынѣ онъ совершенно побѣжденъ кетой. Спросъ на нее громадный: требуютъ какъ уже говорилъ я, въ Западную Сибирь, въ Иркутскую губ., Забайкальскую обл. На всѣхъ пріпскахъ Амурской об. она—главный пищевой элементъ. Для снабженія ихъ требуется громадное количество засоленной кеты. Благовѣщенскіе купцы давно прибрали къ рукамъ выгодную обязанность снабжать пріпска рыбою. Для этого въ извѣстное время года, преимущественно зимою, ѣздятъ на низовье Амура. Здѣсь въ большихъ селеніяхъ и деревняхъ заключаютъ съ крестьянами-торговцами и богатѣями условія на поставку имъ извѣстнаго количества пудовъ соленой кеты.

Еще лучше дѣлаютъ срѣтенскіе купцы - евреи. Весною они нагружаютъ баржи всевозможными товарами. Въ началѣ навигаціи, когда Амуръ проходитъ и наступаетъ полноводіе, они отправляются на нихъ внизъ по Амуру. Въ каждой станицѣ, деревнѣ и селѣ останавливаются на день, на два и болѣе. Торгуютъ и въ кредитъ, и на наличныя. Такъ они плывутъ по Амуру въ теченіе всего лѣта. До низовья Амура доплываютъ, говорятъ, въ концѣ іюля. Здѣсь они, останавливаясь въ каждой деревнѣ и селѣ, продаютъ товары большею частью въ кредитъ подъ соленую рыбу. Товаръ оцѣнивается конечно, весьма дорого. До плываютъ до Николаевска съ пустой баржей въ концѣ августа. Здѣсь они не покупаютъ рыбу.

„Не выгодно: надо деньги!“ „Гораздо дешевле покупаемъ у крестьянъ за товаръ“, говорятъ они. Напримѣръ арш. ситцу стоитъ имъ 15 к., а продаютъ подъ рыбу по 25 до 30 к., сахаръ—14 к. продаютъ по 28—35 к. Въ Николаевскѣ садятся на пароходъ, а пустую баржу ведутъ на буксирѣ. Плывя восвояси, забир тъ у своихъ должниковъ, по селамъ и деревнямъ низовья, боч съ рыбою, которыми и нагружаютъ баржу. Нѣкоторые дох дятъ до Срѣтенска съ двумя баржами, нагруженными бочками съ рыбою. Барыши отъ продажи товара, по теченію Амура, и рыбы, въ Забайкальѣ, у срѣтенскихъ купцовъ, говорятъ, баснословные.

Замѣчательно предусмотрительны и осторожны эти странствующіе торгаши: весьма рѣдко терпятъ аварію на Амурѣ. А пароходы почти всѣ и каждый рейсъ непремѣнно поспдятъ нѣсколько дней на меляхъ. Обусловливается это, во-1-хъ, наемкой торгашами на время „дальняго плаванія“, на все лѣто опытныхъ старожиловъ - лоцмановъ, знающихъ фарватеръ рѣки, какъ свои пять пальцевъ, во-2-хъ, при мелководьѣ они лучше простоятъ у берега, въ какой-нибудь станицѣ или селѣ. Опытные крестьяне—низовики избѣгаютъ брать у нихъ товаръ.

— Гниль да и дорогой,—говорятъ они.

А свою заготовленную рыбу стараются продать молоканамъ и старовѣрамъ. Тѣ и другіе раздѣлываются деньгами и не рядятся много.

Къ сожалѣнію, эти выгодные покупатели предпочитаютъ брать гуртомъ, отъ одного продавца, во избѣженіе хлопотъ съ многими продавцами.

— Вотъ и надо вамъ соединяться въ артели для сбыта своихъ заготовокъ,—говорилъ я нѣкоторымъ крестьянамъ. Выбрали бы уполномоченнаго. Онъ и продавалъ бы всю вашу рыбу.

— То-то и оно! Сами думаемъ это иногда. Хорошо бы, спору нѣтъ. Да вишь согласія-то у насъ между собою нѣтъ. Все ссоры и споры...

Съ благовѣщенскими и срѣтенскими перекупщиками успѣшно конкурируютъ японцы и николаевскіе поставщики того же добра въ войска. Послѣдніе тоже заключаютъ условія съ рыбопромышленниками. При закупѣ обыкновенно сильно повышается кета въ цѣнѣ. Вотъ нѣкоторыя цифровыя данныя какъ о количествѣ лова, такъ и о стоимости его по низовью Амура и въ главныхъ потребительскихъ рынкахъ Восточной Сибири. Изъ этого сопоставленія цѣнъ въ разныхъ мѣстахъ края и можно выяснить какъ степень употребленія кеты, такъ и выгоды продажи ея.

Въ 1902 г. было вывезено кеты японцами 13,865,688, англ. ф. на 471,834 іенъ. Съ о. Сахалина 7,387601, англ. фунт. на 211,634 іенъ. Изъ Комчатки 4,836, 720 англ. фунт. на 144,098 іенъ. Удобрительнаго тука 337,419 пикуль на 1,417,181 іенъ. Покупали ее японцы въ устьѣ Амура отъ 2-хъ до 3-хъ руб. за сотню.

Рыбопромышленниками въ Николаевскѣ засолено въ томъ году и отправлено въ города Восточной Сибири до 5,300,000 шт.

Населеніе хабаровскаго округа (низовье Амура) изловило до 1,511,640 шт. кеты, вѣсомъ 171.259 п.

Изъ этого числа было продано крестьянами въ с Цимермановкѣ 2000, п., Нижне-Тамбовкѣ 25.000 п., Вознесенскѣ-4000, п., Малмытовъ 2660 п., Орловскомъ 5000 п., Верхне-Тамбовкѣ 5600 п. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ продовали во время хода по 2 р. 10 к., въ другихъ же—менѣе 2 р. за сотню. Засоленую поздней осенью продаютъ зимою и весной пудами отъ 2-хъ до 3-хъ руб. пудъ. Торговцы стараются взять рыбу какъ можно дешевле. Благодаря этому въ нѣкоторыхъ пунктахъ благовѣщенскіе переторговцы и пріисковые поставщики покупали по 80, 85 к. за пудъ. Крестьяне же по низовью обыкновенно продаютъ по 1 р. 10 к. за пуд. соленую.

Въ 1904 г. рыбы выловлено было болѣе 8,000,000 шт. въ одномъ лиманѣ. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе громаднаго требованія на нее, въ особенности отъ войскъ, цѣны стояли большія отъ 6 р. 50 к. до 12 р. за сотню свѣжей. Засоленную и укупоренную въ бочки продавали отъ 2 р. 10 к. до 3 р. 50 к.

за пудъ. Интендантамъ продавали отъ 2 р. до 3. Послѣдніе въ отчетахъ показывали покупную стоимость ея до 4—6 р. пудъ. Разница въ карманѣ у интендантовъ.

Въ 1907 г. въ Николаевскѣ и окрестностяхъ ловъ былъ такой же громадный, какъ въ 1904 г. Продано во внутрь края: въ войска, въ Благовѣщенскъ, Читу, Харбинъ, во Владивостокъ и др. мѣста до 6,000,000 шт. Японцы купили до 3,906,000 шт. Цѣны на ее были высокія. Свѣжая отъ 3-хъ до 12 р. сотня *), а соленая пудъ по 4 р. 50 к. Японцы же платили до 14 р. за сотню. Скупали весь уловъ у русскихъ и инородцевъ. Уѣзжая, они даютъ инородцамъ авансы подъ ловъ будущаго сезона по извѣстной низшей цѣнѣ. Благодаря этому, покупаютъ кету въ первое время дешево, такъ какъ инородецъ, получивъ задатокъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, не можетъ поднять цѣну выше условленной цѣны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

(Другой вопросъ о количествѣ кеты, вывезенной въ разные пункты края).

Начну съ Владивостока. Въ 1897 г. вывезено сюда 116,000 п. въ 1898 г.—62000 п., въ 1899 г.—126,305 п. Съ 1900 г. вывозка во Владивостокъ, увеличиваясь ежегодно, доходитъ въ 1907 г.—212,000 пуд.

Въ города по верховью Амура въ 1892г.—207,000 п., въ 1893 г.—138,000 п., въ 1894 г.—121,000 п., въ 1895 г.—132,000 п., въ 1896 г.—207,000 п., въ 1897 г.—280,000 п., въ 1898 г.—225,000 п., въ 1899 г.—230,000 п. Постепенно увеличиваясь, вывозка въ верховье Амура доходитъ въ 1907 г. до 310,000 п.

---

*) Изъ сотни рыбинъ свѣжихъ выходитъ отъ 30 до 35 пуд. соленой.

Третій вопросъ: по какимъ цѣнамъ продавали и продается нынѣ кета въ разныхъ пунктахъ Восточной Сибири?

Начну съ Хабаровска. До 1903 г. свѣжая кета здѣсь продавалась весьма дешево – по 1 р. 50 к. до 3 р., а въ позднее время осени, благодаря большимъ требованіямъ, доходила до 5 руб. сотня. Въ 1903 г. стоимость ея сразу повысилась до 20 р. сотня. Объясняется это слѣдующимъ. Въ Хабаровскѣ нѣкоторые торговцы, получивъ выгодные подряды на поставку большихъ запасовъ соленой кеты въ Харбинъ, въ Хайларъ и Портъ-Артуръ, лихорадочно стали скупать ее, набивая цѣну...

Въ Забайкальской области въ городахъ соленая кета продавалась въ послѣдніе годы по 10, 15 и 20 коп. фунтъ. По деревнямъ и станицамъ, въ лавочкахъ, выше 25 коп. фунтъ. Торговцы-богатѣи покупаютъ бочками, чтобъ продать мелочью. Бочка отъ 14 до 20 рублей. Она въ 25 пудовъ. Въ это количество входитъ вѣсъ деревянныхъ частей ея пудовъ шесть, семь. Дѣлаются онѣ изъ толстущихъ полувершковыхъ досокъ. Кромѣ того пропитываются еще жилкостью, разсоломъ. Въ такой бочкѣ рыбы обыкновенно 17, 18 пуд., или 720 фунт. Продавая по 15 к., онъ выручитъ 748 р. 80 к. съ каждой бочки. А деревенскіе торговцы и еще того больше. Продавая выше 20 коп. фунтъ, они выручаютъ больше 2000 р. Нечего и говорить, что они неограничиваются десятью бочками. Покупаютъ по сотни ихъ. А что онъ распродаетъ хорошо всю рыбу, доказываетъ слѣдующій фактъ.

Когда-то населеніе Забайкалья въ городахъ въ деревняхъ, и въ станицахъ питалось однимъ омулемъ. Тогда можно было купить его дешево. Теперь же онъ повысился въ цѣнѣ. Длина омуля четверть, а толщину, въ средней большой части его, можно обвить большимъ и среднимъ пальцами, соединивъ оба. Такую рыбку мало даже одному ѣдоку. Да и цѣна такой рыбки чудовищная: отъ 60 до 80 к. Неудивительно, что все населеніе Забайкалья стало питаться кетой. Продаютъ ее и въ

Иркутскѣ по 30, 35 коп. фунтъ. А бочку торговцы покупаютъ отъ 25 до 30 руб.

Но цѣна на кету съ каждымъ годомъ повышается. Иногда стоимость ее, фунтами, остается прошлогодняя, а иногда значительно дорожаетъ. Не говоря о безмѣрныхъ аппетитахъ торговцевъ, есть факторы, вліяющіе на повышеніе. Эти факторы: увеличеніе спроса на нее, условіе лова и соленіе.

Вотъ, напримѣръ, въ 1903 г. спросъ на кету почти сразу удвоился. Потребовалось много въ Японію, въ Маньчжурію, въ Уссурійскій край и на пріиска. Въ николаевскомъ лиманѣ пошла лихорадочная дѣятельность, когда начался ходъ рыбы. Бондари и засольщики повысили свою заработную плату почти вдвое, получивъ массу заказовъ. Мелкимъ рыбопромышленникамъ было не на что закупить бочки и нанять засольщиковъ. Чернорабочіе тоже подняли свою заработную плату. Даже соль трудно было закупить въ достаточномъ количествѣ. Безъ капитала, хотя и небольшого, ничего нельзя было сдѣлать. Между рыбопромышленниками и русскіе, и евреи. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ капитала не было. Между тѣмъ надо было достать денегъ во что бы то ни стало. Въ противномъ случаѣ ни одной бочки не будетъ, ни одного засольщика, ни фунтика соли. Одержали верхъ евреи. Имъ помогли ихъ единовѣрцы - капиталисты: устроили кредитъ въ русско-китайскомъ банкѣ. Нечего и говорить о послѣдствіяхъ этого обстоятельства. Три четверти всей заготовленной кеты въ 1903 г. было еврейскихъ рыбопромышленниковъ. Русскіе же, несмотря на преобладающую численность и господство, остались съ пустыми руками и безъ дѣла. Ахамъ и охамъ съ ихъ стороны не было конца. Постороніе зрители рыбопромышленной дѣятельности въ Николаевскѣ и окрестностяхъ въ 1903 году обвиняютъ самихъ русскихъ. По ихъ словамъ, между ними шли непрерывныя ссоры и руготня. Ссорились изъ-за лишней проающейся бочки, изъ-за прибывшихъ двухъ - трехъ засольщиковъ, изъ-за фунтика соли.

Кромѣ того, со стороны администраціи и капиталистовъ, русскихъ, никто не помогъ имъ въ ссудѣ денегъ въ свое

время. Даже сельскіе капиталисты-кулаки „поприжались“. Подъ предлогомъ „громаднаго спроса на рыбу“, говорили: „надоть самимъ деньжонки на заготовку по подрядямъ“. Были и такіе случаи: одинъ, два богатѣя давали деньги, но подъ большіе проценты.

— Если нужно кому, тотъ дастъ и большіе процентики, говорили они. Платить „безбожные“ проценты никто не пожелалъ.

— Надоть поискать деньжонки...

И искали. Сначала убѣждали ссудить имъ требуемую сумму. Не помогло это, пошли входъ брань, укоризны, ссоры.

Въ такихъ непріятныхъ столкновеніяхъ прошло время лова. Многіе мелкіе рыбопромышленники не засолили даже для себя.

Когда миновала эта страда, въ бесѣдахъ между собою всѣ пришли къ заключенію о необходимости банка, гдѣ бы можно было брать деньги подъ законные проценты. Но богачамъ его не нужно. Они и гроша не дадуть для составленія основного капитала: жаль будетъ имъ разстаться съ громадными дивидендами отъ процентовъ при коммерческихъ оборотахъ. А безъ нихъ, гдѣ взять сумму, необходимую для открытія этого кредитнаго учрежденія? Просить въ казнѣ? Но, кто возьмется ходатайствовать? Городской голова? Не берется. Отклонили и члены управы. Не желаютъ и говорить объ этомъ въ собраніи.

Потерпѣвъ неудачу въ учрежденіи промысловаго банка, рыбопромышленники занялись обсужденіемъ организаціи своей артели. Къ сожалѣнію, мало надежды и на созданіе этого союза. Нѣкоторые изъ рыбопромышленниковъ не желаютъ вступать въ эту артель.

— Главная причина,—говорятъ они,—надо внести порядочный кушъ деньжищъ. Внесемъ его, и чрезъ годъ или два какой-нибудь бухгалтеръ правленія нашей артели или управляющій, заберетъ весь капиталъ и удеретъ въ Америку, благо она подъ бокомъ и пароходы оттуда часто приходятъ въ Николаевскъ.

— Мало ли было въ послѣднихъ годахъ такихъ оказій, говоритъ другой.

— А—то—говоритъ третій—можетъ быть и такъ: издержимъ весь капиталъ на машины, на заводы консервные Заготовимъ консервы и проч... А покупать у насъ никто не станетъ ихъ. Потому и безъ нашихъ много этого добра вездѣ. Тягаться съ заграничными фабрикантами и заводами мы не можемъ, Тамъ и мастера первѣйшіе и проч. Вотъ и труба намъ. Что станемъ дѣлать съ различными машинами заводами, съ торговыми заведеніями въ разныхъ городахъ и съ агентами? Страшно! Разоримся въ конецъ.

— Нѣтъ ужъ станемъ какъ прежде.

— По крайности не боишься, что ограбятъ или вылетишь въ трубу.

— Нечего гнѣвить Господа, не убыточно дѣла ведемъ и въ одиночку. И то слава Богу.

Но наступалъ рыбій сезонъ и потребность въ кредитѣ являлась снова у рыбопромышленниковъ. Кромѣ того, въ послѣднія 4—5 лѣтъ къ этой потребности присоединились новыя, благодаря развитію экспорта рыбы.

Напримѣръ: недостатокъ въ рабочихъ; чрезвычайная медленность доставки рыбы заказчикамъ, въ особенности на дальнее разстояніе; дороговизна платы за нее, такъ что покупателямъ расцѣнка рыбы кажется весьма дорогой.

Долго думали рыбопромышленники объ удовлетвореніи этихъ назрѣвшихъ нуждъ. Наконецъ придумали отправить слезницу высшему начальству. И отправили въ 1909 г. министру финансовъ. Просятъ объ открытіи въ Николаевскѣ, на Амурѣ, отдѣленіе банка, которое выдавало бы имъ ссуду на промыслы; пониженіе фрахта по ж. дорогѣ, установленіе кратчайшаго срока доставки рыбы (вмѣсто 4, 5 мѣсяцевъ провоза—не менѣе $1^1/_2$ м.). А главное, чтобы плата за провозъ рыбы и рабочихъ была уменьшена хоть на половину. За провозъ послѣднихъ взималась бы одинаковая какъ съ переселенцевъ.

Къ сожалѣнію, на это ходатайство ни слуху, ни духу. Повидимому, его ожидаетъ обычная участь всѣхъ подобныхъ

провинціальныхъ слезницъ—забвеніе на вѣки и архивъ Департамента. Однако пора возвратиться къ рыбопромышленной горячкѣ 1903 г.

Пока русскіе ссорились и напрасно искали ссуды денегъ, японцы и евреи энергично работали, превращая ночь въ день. Не довольствуясь собственнымъ ловомъ, они всякими средствами вынуждали инородцевъ продавать имъ свои ловы. О томъ, какъ относились къ этому инородцы и что отъ этого произошло впослѣдствіи, я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ.

Русскіе рыбопромышленники, желая скрыть свои неудачи, ссылались на малый ходъ. Между тѣмъ, евреи и японцы, по ихъ словамъ, заготовили рыбы вдвое, чѣмъ въ 1902 г.

Совершенно другое было въ 1904 г. Война и отсутствіе главныхъ конкурентовъ способствовали успѣшной дѣятельности рыбопромышленниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно тормозили ихъ дѣятельность.

Главное, надо было заблаговременно запастись солью. Въ мирное время ее доставляютъ въ большомъ количествѣ японцы и гамбурцы, ежегодно увозившіе отсюда рыбу.

Въ 1904 г. на японскую и гамбургскую соль нечего было разсчитывать. Рыбопромышленники зачесали затылки. Нѣкоторые, предусмотрительные, запаслись ею во-время въ требуемомъ количествѣ. А деревенскимъ рыбопромышленникамъ (почти всему сельскому населенію на низовьѣ Амура) помогъ крестьянскій начальникъ Холодковскій. Офиціально онъ вытребовалъ, говорятъ, требуемое количество соли. Благодаря частымъ напоминаніямъ Холодковскаго, она была доставлена въ мѣсто назначеніе своевременно. Что касается до большинства николаевскихъ рыбопромышленниковъ то неожиданно явился въ николаевскій рейдъ гамбургскій пароходъ-великанъ „Біанка“ съ 36,000 пуд. соли.

Радость рыбопромышленниковъ была искренняя.

— Удивительно придусмотрительны гг. нѣмцы,—говорили николаевскіе обыватели.

Запасшись солью, надо было думать о рабочихъ. Это былъ вопросъ тоже певторостепенный, а рѣшать его было еще труд-

нѣс. Одна часть рабочихъ по мобилизаціи ушла въ строй, а другая вытребована въ Маньчжурію на военныя работы. Даже сахалинскихъ рабовъ нельзя было заполучить въ этотъ злополучный сезонъ. Изъ всѣхъ полусвободныхъ каторжныхъ и отсиживающихъ срокъ каторги были сформированы дружины. А то быть бы имъ опять полными рабами рыбопромышленниковъ.

Дѣло въ томъ, что съ разрѣшенія начальства, они нанимали всѣхъ полусвободныхъ каторжанъ на Сахалинѣ. При этомъ начальство обязывало нанимателей: держать ссыльныхъ строго, не баловать ихъ и обо всѣхъ, даже пустяшныхъ провинкахъ, доносить ему. И наниматели строго исполняли этотъ наказъ: о всякой малости и пустякѣ доносили сахалинскому начальству. А послѣднее ужъ не миловало: за грубое слово промышленнику и его семейству, или за выпивку съ устатку самую малость раба подвергали шести мѣсячнымъ принудительнымъ работамъ. Кромѣ этого, наниматель держалъ своихъ временныхъ рабовъ, что называется, „въ ежевыхъ рукавицахъ“ Спать дозволялъ имъ часовъ 5—6. Кушалъ рабъ свое.

— Что хошь то и жри, проклятая каторга! Хоть глину лопай, анаѳема, трижды проклятая! — кричалъ ему самъ хозяинъ.

Презрѣнный рабъ „жралъ“ исключительно отобранную протухлую рыбу, кинутую хозяиномъ для собакъ. Что касается до хлѣба, то покупать его онъ не могъ за неимѣніемъ денегъ. Однако, хозяинъ продастъ и хлѣбъ, и сахаръ, и мясо, и даже водочку. Могъ бы сахалинецъ купить хлѣба солдатскаго, печенаго. Благо, что онъ дешевъ. Но объ этомъ и думать нельзя ему: хозяинъ разсердится и жестоко отомститъ ему. Онъ долженъ все, что ему нужно, покупать у хозяина, или совсѣмъ не покупать ничего и ни у кого. И несчастный сахалинецъ стойко воздерживался отъ покупокъ. Въ противномъ случаѣ хозяинъ деньги перелаживалъ на товаръ. Эта операція весьма выгодна для него и въ высшей степени убыточна для ссыльнаго. Посудите сами, фунтъ говядины промышленникъ

продаетъ своимъ рабамъ по 30, 40 к., сахару по 40—45 к., хлѣба по 15—20 к. фунтъ.

Иногда, на спѣшной работѣ, эти несчастные съ пустымъ желудкомъ цѣлые дни. Особыхъ жилищъ и постели имъ тоже не полагалось. Спалъ на травѣ. Закрывался по ночамъ своимъ рубищемъ. Подъ голову клалъ полѣно и свою шапку. Въ балаганахъ, гдѣ они проводили ночи, иногда мочило со всѣхъ сторонъ.

Захворалъ онъ, хозяинъ отсылалъ его на Сахалинъ. „Облѣнился“, писалъ о немъ. Начальство назначало больного на 6-мѣсячную принудительную работу, если докторъ не давалъ ему свидѣтельство о его болѣзни. Къ сожалѣнію, чтобъ получить его, надо рублей пять... Этой суммы сахалинцу было жаль, да и нѣтъ у него.

При каждомъ поводѣ, и даже безъ него, били сахалинцевъ по чемъ попало и самъ хозяинъ и его приказчики.

Тѣмъ неменѣе рабы терпѣли все, лишь бы заработать 30 р. въ мѣсяцъ. Но, никто изъ нихъ не получалъ эту сумму полностью. Хозяинъ рыбопромышленникъ обыкновенно сокращалъ ее на треть.

— Цѣлое полдня плаволъ безтолку на лодкѣ!—кричалъ на него хозяинъ при расчетѣ.

— По вашей волѣ, ваше степенство.

— Я те, сукину, сыну не приказывалъ попусту плавать цѣлый день! А потомъ цѣлый день безтолку возился съ сѣтями!

— Но, вѣдь, по вышему приказу. Ваша милость приказали осмотрѣть сѣти хорошенько. Я и осматривалъ.

— Я те, проклятому каторжнику, мать твою . . . , не приказывалъ попусту и безтолку растягивать сѣти и потомъ собирать ихъ въ теченіе другого дня!! На это ушли два дня!!

— Все жъ таки я не повиненъ въ эфтомъ.

— Одинъ разъ я те, мерзавца - убивца, послалъ нарубить палокъ. Это можно было сдѣлать въ часъ. Ты же, сукинъ сынъ, провозился съ этимъ день!!

— Но, вѣдь надо было хорошихъ нарубить, гладкихъ. А для эфтого надо было разыскивать ихъ да выбирать.

— Восемь дней въ томъ мѣсяцу ты, чортовъ сынъ, провалялся въ балаганѣ.

— Праздники были Господни и дождички.

— Такъ вотъ, изъ 30 дней исключаю 18-ть. А за остальные трудовые получай 12 цѣлкачей. При этомъ помни, проклятая каторга, ежели ты чичась на грубишь мнѣ, то я такъ аттестую тебя твоему начальнику, что плетей неминовать тебѣ, анаѳемъ, трижды проклятому!!

Наступила рыболовная страда, а русскихъ рабочихъ нѣтъ ни одного, Стали подходить въ Николаевскъ манзы и корейцы. Говорятъ, иностранцевъ нельзя нанимать. Есть такія правила, созданныя для того чтобъ иностранцы не отнимали кусокъ у русскаго рабочаго. А теперь какъ? Русскихъ нѣтъ, и ждать нечего, не придутъ. Полетѣли телеграммы въ Хабаровскъ о разрѣшеніи нанять иностранцевъ.

Разрѣшено. Рабочіе наняты. Закипѣла работа.

Но, о ужасъ! Кеты совсѣмъ нѣтъ!

Въ протекшіе годы она обыкновенно шла по южной сторонѣ Амура. Стали основательно искать ее.

„Нѣту ея, голубушки, совсѣмъ нѣту. Ни одной!!“

„Куда же она дѣвалась?!!“

„Да, вѣдь, японки, сукины сыны, перегородили устье Амура и овладѣли всей рыбкой!“

„А что—и правда!“

„Да, вѣдь у насъ тамъ, кажется, военныя суда стоятъ.“

„Ни одного“.

„Въ такомъ случаѣ пожалуй что и такъ“.

Ужасъ объялъ рыбопромышленниковъ. Хотѣли служить молебенъ, съ колѣнопреклоненіемъ чтобъ Господь командировалъ въ устье Амура несмѣтное количество рыбки на потребу православному народу.

Не знаю, что и было-бъ съ ними если бъ одному предусмотрительному рабочему не пришло въ голову поискать ее, желанную, по всему фарфатеру Амура

И то!

Десятки лодокъ двинулись съ южнаго берега къ срединѣ, и отсюда къ сѣверному. Когда стали подплывать къ послѣднему, крикъ радости огласилъ воздухъ: „Кета идетъ по сѣверной сторонѣ!“

Въ одинъ мигъ всѣ перекочевали на сѣверный берегъ.

Въ этотъ сезонъ русскіе рыбопромышленники выловили и насолили вдвое, втрое больше, чѣмъ въ прошлые годы. Даже не пренебрегали лѣтней. Одни заготовили по 200,000 ш., другіе по 80,000, третіи по 150,000. Въ такомъ же количествѣ засолили и осенней. Всѣ рыбопромышленники хорошо продали свои запасы кеты. Большое количество ея потребовали въ дѣйствующую армію. Цѣны стояли хорошія, несмотря на большой ловъ. Всѣ въ этомъ году заработали хорошія деньги, исключая, конечно, рабочихъ манзъ и корейцевъ.

Когда рыболовная сутолочка миновала, всѣ рыбопромышленники задумались надъ вопросомъ: Почему въ этомъ году кета шла не по обычному, южному фарфатеру, а по сѣверному? Стали собираться и толковать. Нѣкоторые вспомнили громадную массу дельфиновъ, бороздившихъ южный Сахалинскій фарватеръ. Въ этомъ году японскихъ рыболовныхъ судовъ не было. Не кому было спугивать ихъ тамъ. Вотъ они и собрались сюда изъ Японскаго моря, подстерегая добычу. А послѣдняя учухала опасность и измѣнила путь. Выходя изъ Охотскаго моря, направилась къ сѣверному фарватеру. Авангардъ ея навѣрно весь попалъ въ пасть врага.

Сезоны 1905, 1906 и 1907 гг. ничемъ особеннымъ не ознаменовались.

Цѣны ни на свѣжую, ни на солсную кету не понижались. соли было достаточно. Рабочіе исключительно русскіе. Измѣненіе произошло только въ составѣ рыбопромышленниковъ. Поселившіеся въ Приморской обл., по прибрежью Японскаго моря, семь семействъ эстонскихъ рыбаковъ съ остр. Эзеля (31 челов.) увеличили число энергичныхъ трудолюбивыхъ моряковъ - промышленниковъ. Надѣются, что за ними прибудутъ оттуда же и другіе „морскіе волки“.

Сезонъ 1908 г. былъ неудачный: уловъ кеты чрезвычай-

по малъ такъ какъ ходъ ея, сравнительно съ прошлыми годами, былъ чрезвычайно незначительный. Къ несчастію, рабочихъ собралось сюда въ два раза больше, чѣмъ въ 1907 г. Неудивительно, что нанята была на рыбалки только одна треть иха и то за цѣну значительно пониженную рыбопромышленниками. Напримѣръ, въ 1907 году рабочій получалъ по 45 руб. въ мѣсяцъ рыбнаго сезона (на своемъ содержаніи). Нынѣ же отъ 25 до 30 руб.

Инородцы, по словамъ рыбопромышленниковъ, продали всю свою рыбу, выловленную лѣтомъ и осенью. И неудивительно: за нее предлагали хорошую цѣну, какъ никогда.

Нѣсколько баржъ, прибывшихъ изъ верховья Амура въ Николаевскъ за рыбою, ушли оттуда совершенно пустыя. Но какъ всегда выгодно понабрали по деревнямъ низовья кету. Даже крупные рыбопромышленники, располагающіе большими средствами и, слѣдовательно имѣвшіе возможность выловить или закупить кету, понесли большіе убытки. Напримѣръ, Эриксонъ, Бергъ. Цѣна кеты значительно повысилась. Даже во время лова, въ Николаевскѣ, продавалась отъ 1 р. 80 к.' до 2 р. 50 к. пудъ. Между тѣмъ, спросъ на нее изъ Россіи изъ-за границы значительно увеличился, сравнительно съ временемъ года 2—3 назадъ.

Какъ на причину плохого хода опытные рыбопромышленники - моряки указываютъ на японцевъ. Ихъ суда и пароходы будто бы въ безчисленномъ количествѣ наполняли весь Татарскій проливъ. Не оставили безъ вниманія и сѣверную часть его—проходъ изъ Охотскаго моря. Полное отсутствіе здѣсь русскаго флота позволяло имъ хозяйничать въ русскихъ водахъ весь сезонъ. Вылавливая и распугивая рыбу, шедшую въ Амуръ, они сократили ее почти на половину. Гдѣ не было промысловыхъ японскихъ судовъ и пароходовъ, тамъ кета шла попрежнему — въ несмѣтномъ количествѣ. Напримѣръ въ Беринговомъ и Охотскомъ моряхъ. Эти обстоятельста вынудили рыбопромышленниковъ на слѣдующее. Въ декабрѣ 1908 и январѣ 1909 гг. во Владивостокѣ было совѣщаніе ихъ. Послѣ продолжительныхъ споровъ уговорились ходатай-

ствовать: о проведеніи телеграфа по побережью этихъ морей и Камчатки, о дозволеніи ввоза водки и спирта въ рыболовные участки, о разрѣшеніи приготовлять тукъ изъ горбуши и проч. Между прочимъ, были оживленныя бесѣды по поводу „не справедливой отдачи японцамъ всѣхъ прибрежныхъ, морскихъ, рыболовныхъ, оброчныхъ статей.“ Однимъ словомъ, японцы сильно у насъ наживаются. Вотъ вышеупомянутое ходатайство рыбопромышленниковъ и направлено противъ нихъ.

Во-1-ыхъ благодаря телеграфу по побережью, рыбопромышленники будуть знать во время гдѣ и какъ хозяйничаютъ японцы, и гдѣ ихъ нѣтъ. Прежде и въ настоящее время водка и спиртъ продавались ипродаются рабочимъ и инородцамъ исключительно японцами тайно. Если дозволятъ, то продовать имъ эти напитки станутъ сами рыбопромышленники. Тогда вмѣсто 35—40 р. въ мѣсяцъ рабочимъ станутъ давать спиртомъ, или водкой, рублей на 15, 20 въ мѣсяцъ. Въ расцѣнкѣ эти 35—40 руб. убавятся на половину, или на треть. Напримѣръ купитъ рыбопромышленникъ спиртъ, обойдется онъ ему въ 50 к. бутылка. А продавать станетъ рабочимъ за 2 р. Считая по бутылкѣ въ день на каждаго, рыбопромышленникъ пріобрѣтаетъ съ каждой 1 р. 50 к!

Въ 1909 г. по словамъ николаевскихъ рыбопромышленниковъ, въ прошломъ году ловъ кеты былъ удачный. Всѣ они, и въ Николаевскѣ, и въ другихъ мѣстахъ амурскаго лимана, наловили эту рыбы гораздо больше, чѣмъ разсчитывали. Въ особенности крупные. Нельзя того же сказать о горбушѣ. Послѣдней попадалось очень мало. Это обстоятельство обратило на себя всеобщее вниманіе и заставило кое-кого задуматься. Въ особенности инородцевъ. Вѣдь они только ею и питаются и кормятъ своихъ собакъ. Опытные рыболовы-старожилы говорятъ:

— Горбуши всегда было много. А недостача ея это первый разъ и признакъ уменьшенія рыбы.

Въ самомъ низовьѣ Амура это только признакъ, а по теченію этой рѣки до самаго Николаевска (отъ Срѣтенска) уже фактъ: жители станицъ, селеній и деревенекъ между этими

населенными пунктами жалуются на крайне недостаточный уловъ кеты въ теченіе лѣта и осени 1909 года.

— Прежде, хоть бы лонись *), отъ продажи ея выручали хорошія деньги и, кромѣ того, сами ѣли цѣлый годъ. Нонѣ же не могли наловить даже себѣ на пропитаніе,—говорятъ вездѣ по Амуру.

Причина этого невесёлаго явленія одна единственная: на самомъ устьѣ Амура многочисленные русскіе заѣзки и японскія запруды во вѣсь фарватеръ рѣки окончательно преграждаютъ ходъ рыбы. Въ будущіе годы надо ожидать еще большаго уменьшенія ея даже въ самомъ устьѣ. Дѣло въ томъ, что въ верховья рѣкъ она идетъ только для метанія икры. А такъ какъ путь ей прегражденъ въ самомъ устьѣ, то, слѣдовательно, милліонныхъ поколѣній ея уже нечего ожидать: оно, въ видѣ икры, нынѣ ежегодно засаливается въ громадномъ количествѣ.

То же самое явленіе было и по другимъ рѣкамъ прибрежной части Приморской области. Большая часть ихъ отдана въ долгосрочную аренду японцамъ, какъ оброчныя статьи. Меньшая доля попала русскимъ рыбопромышленникамъ. Изъ числа тѣхъ и другихъ типичная ловля производилась на устьѣ р. Анадыръ. Рыбопромышленники получившіе отъ Управленія государственныхъ имуществъ, Приморской обл., устье названной рѣки въ видѣ 3 оброчныхъ, рыболовныхъ статей, такъ преградили весь фарватеръ его (устье) нѣсколькими заѣзками, что въ верьховье рыба почти не проскользнула. Поэтому неудивительно, что инородцы обитающіе по Анадырѣ и ея притокамъ и запасавшіеся въ ней рыбой на долгій зимній періодъ для себя и своихъ собакъ, остались совершенно безъ запасовъ пищи и нынѣ мрутъ съ голоду. По крайней мѣрѣ такъ говорятъ рыбопромышленники и охотники за пушниной, прибывшіе оттуда. Объ этомъ же писали всѣ мѣстныя газеты во второй половинѣ 1909 г. Такъ же „отчаянно“ ловятъ и японцы на арендуемыхъ имъ статьяхъ.

---

*) Въ прошлое лѣто.

Наконецъ, съ этого достопамятнаго года (1909), а кое у кого и ранѣе, появились и въ устьѣ Амура признаки культуры въ рыбопромышленности: стали озабочиваться лучшей засолкой кеты. Заговорили и мѣстные рыбопромышленники о изготовленіи консервовъ.

Кромѣ того, у крупныхъ рыбопромышленниковъ появились особые обширные ледники. Сюда свозятъ только-что выловленную рыбу, чтобъона не испортилась до чистки. Не говоря уже крупныхъ, даже у посредственныхъ теперь имѣются особыя бондарни. Здѣсь изготовляются особыя бочки и бочепки. Затѣмъ, на многихъ ловпльняхъ отъ мѣста лова до засольни уложены рельсы для быстраго передвиженія тяжелыхъ возовъ или большихъ тачекъ съ пойманной рыбой. Наконецъ, теперь нѣсколько засольныхъ заводовъ освѣщаются электричествомъ. Дѣло въ томъ, что при спѣшныхъ засолкахъ пли чисткѣ рабочіе прекращаютъ работу около 9 часовъ вечера. Съ электрическимъ же освѣщеніемъ вынуждены работать до полночи. А въ 4 часа утра должны быть уже на ногахъ.

— Къ чорту эту культуру,—говорятъ рабочіе,—лучше бы совсѣмъ не было ея: нашего брата не мучили бы.

Въ 1910 г. японскіе рыболовы отправились за котой въ Охотское и Камчатское моря. Тамъ они наловили, по словамъ японскихъ газетъ, громадное количество ея, безъ всякихъ денежныхъ затратъ (напр. на покупку рыбы, на аренду рыболовныхъ ст. ст. въ теченіе лѣта и осени по билетамъ отъ чиновниковъ и офицеровъ. (Смотри стр. 245 этого тома). Наловили кэту и николаевскіе рыбопромышленники. Но продать ее было некому: японцы не заглядывали сюда. Упала кета въ цѣнѣ. Напр. икра до 4 р. пудъ, а соленая кета до 40 к. пудъ. На внутренніе рынки требованіе было прежнее, почти на $^1/_3$ всего запаса. Куда же дѣвать остальные $^2/_3$? Завопили рыбопромышленники. Полетѣли по почтѣ и по телеграфу слезницы, отчаянные вопли и жалобы рыбопромышленниковъ на разореніе. Между прочимъ ходатайствовали о пониженіи фрахта на перевозку рыбы въ Россію изъ Пріамурья. Эти вопли обиженныхъ судьбою николаевскихъ бога-

чей были небезплодны. Въ концѣ 1910 г. на съѣздѣ по тарифу по ж. д. былъ поднятъ вопросъ и о пониженіи тарифа на рыбные товары изъ Д. В.

Выяснилось: цѣны на рыбу въ столицахъ поднялись, такъ какъ на рынкахъ ея маловато. Съ пониженіемъ фрахта въ продажѣ ея будетъ много и цѣны понижутся.

Какъ никакъ, а рыбопромышленникамъ все-таки удалось сбыть свои рыбные товары, хотя и по дешевымъ цѣнамъ (но не въ убытокъ себѣ). Ушла кета въ Амурскую область на пропитаніе рабочихъ строющейся Амурской ж. д., на пріиска, войскамъ, расположеннымъ въ трехъ областяхъ Д. В.

Тѣмъ не менѣе рыбопромышленники не успокоились: въ 1910 г. выручки отъ кеты на $^1/_6$ часть было меньше, чѣмъ въ прошлыхъ гг.

„Какъ же быть?“ „А что ежели они и въ 1911 г. туда же отправятся? Вѣдь намъ тоды сущее разореніе!“ „Чаво жъ станемъ дѣлать?“ „Писать надоть! Главное, надоть науськать газетчиковъ, пусть ревутъ во всю глотку, всѣ, сколько ихъ есть въ столицахъ и у насъ, въ Пріамурьѣ, чтобъ япошки не смѣли ловить рыбу въ нашихъ моряхъ Д. В., а чтобъ покупали у насъ, въ Николаевскѣ. Правительство дожно послать туда флотъ“. „Надо дать газетчикамъ мзду“... И дали. Благодаря этому, всероссійскіе литераторы, публицисты, журналисты и газетные дѣятели, во главѣ съ И. И. Поповымъ, подняли крикъ и вопль на весь земной шаръ, повторяя жалобу своихъ патроновъ, попльцевъ и кормильцевъ, съ добавленіемъ, что учрежденной съ 1909 г. промысловой охраны не достаточно, что нуженъ флотъ, и нѣсколько полковъ...

„Кричи ребята хорошенько, батъ послухаютъ! Дадимъ вамъ еще дѣтишкамъ на молочишко“, говорятъ и пишутъ кулаки-промышленники Д. В. въ С.-П. и М....

И „ребята“ стараются...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

(Крестьянское населеніе по низовью Амура. Ихъ переселеніе и современное состояніе. Изолированность населенія въ распутицу и въ зимнее время. Плоды этой изолированности).

Ноября 20. Больше двухъ мѣсяцевъ не заглядывалъ въ эту тетрадь. Во все это время или жилъ у толстяка, занимаясь съ его сыномъ, или разъѣжалъ по деревнямъ, съ большакомъ его. Цѣль моихъ поѣздокъ—познакомиться съ жизнью населенія. Что касается до моего спутника, то онъ ѣздилъ обыкновенно съ товарами.

Эти поѣздки возможно было совершать только при наступленіи хорошаго зимняго пути. Въ распутицу же, продолжавшуюся $1^1/_2$ или по 2 мѣсяца осенью и весной, никакія поѣздки невозможны.

Записываю результаты моихъ наблюденій надъ жизнью крестьянъ по низовью Амура. Весьма сожалѣю, что несмотря на мое сильное желаніе пріобрѣсти о немъ больше матеріала, въ особенности статистическаго, всѣ мои попытки и старанія объ этомъ не привели ни къ чему. Впрочемъ, мнѣ удалось, съ тѣмъ же спутникомъ, побывать во многихъ деревняхъ и селахъ, разспросами освѣдомиться о хозяйствѣ и достаткѣ большинства жителей, о количествѣ живого инвентаря и сельско-хозяйственной дѣятельности ихъ. Затѣмъ два раза, на святкахъ, удалось проѣхать отъ Николаевска до Хабаровска. При этомъ оставался въ нѣкоторыхъ станицахъ, селахъ больше дня, „гостилъ“ у деревенскихъ обывателей, разспрашивая старожиловъ о прошломъ и о нынѣшнемъ житьѣ. Въ нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ удалось добыть статистическій матеріалъ о населеніи и проч.

Населеніе по низовью Амура—крестьянское и инородческое—корейцы, гольды, гиляки. Послѣднія два племени обитаютъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ. До прибытія сюда русскихъ, жили эти аборигены въ большемъ количествѣ, чѣмъ нынѣ. По словамъ старожиловъ, прибывшихъ сюда въ концѣ 50-хъ гг.,

по всему Амуру, въ особенности по низовью, было много гольдскихъ и гилякскихъ улусовъ. Съ прибытіемъ русскихъ, часть ихъ добровольно откочевала, часть же была прогнана крестьянами-переселенцами. Напримѣръ, придутъ мужички въ какой-нибудь улусъ, осмотрятъ окружающую мѣстность, видятъ и земля хороша, и луга, и лѣса, и мѣстность возвышенная, надъ рѣкой, заливать ее послѣдняя ужъ никогда не будетъ—съ такого хорошаго мѣста „эту тваринку“ обыкновенно сгоняли, прибавляя обычную угрозу: „а то смотри, придутъ наши солдаты, перестрѣляютъ всѣхъ васъ“. „Стараешься показать это самое знаками, такъ какъ нашего языка никто изъ нихъ еще не слыхивалъ, разсказывалъ одинъ старичокъ-крестьянинъ. Всѣ наши знаки понимали, бросали свои юрты и убѣгали, чтобъ больше сюда ни ногой“. А то дѣйствовали иначе. Озлобленные продолжительными голодовками и другими невзгодами продолжительнаго пути переселенцы набрасывались на первую попавшуюся деревеньку инородцевъ, какъ голодная стая волковъ, требуя себѣ рыбы и хватая ихъ за горло. Результатъ былъ одинаковый.

Однако, нѣкоторыя инородческія деревеньки остались на своихъ мѣстахъ непокинутыми. Напримѣръ, двѣ-три остались обитаемы съ испоконъ вѣка донынѣ благодаря только стоявшему по близости отряду, подъ командою офицера, и смекали нѣкоторыхъ изъ жителей этихъ поселеній. На требованіе, знаками, уходить, или отдать имъ рыбу, инородцы садились въ лодки и приплывали къ отряду, гдѣ и жаловались...

Корейцы поселились здѣсь въ концѣ 80-хъ гг., позже нашихъ крестьянъ. А что касается до послѣднихъ, то первые переселенцы прибыли на низовье Амура въ 1855 г. Исторія ихъ весьма назидательна. Мысль разселить здѣсь русскаго пахаря явилась у графа Муровьева-Амурскаго еще въ 1850 г., когда было задумано имъ присоединеніе къ Россіи этого края. Приказаніе о немедленномъ снаряженіи и отправкѣ партіи переселенцевъ было сдѣлано имъ въ августѣ 1854 г. въ Якутскѣ одному изъ своихъ молодыхъ сотрудниковъ, князю

М. С. Волконскому. Послѣдній энергично взялся за это. Осенью того же года, побывавъ въ нѣсколькихъ большихъ селахъ Иркутской губ. и Забайкальской обл. онъ набралъ около 51 семейства желающихъ переселиться сюда. Нечего и говорить, что при этомъ были обѣщаны горы всевозможныхъ благъ. Напримѣръ, продовольствія на 2 года, со дня выхода въ путь; пособіе но постройку хатъ, на покупку скота, сѣмянъ и проч.; избавленіе отъ платежа податей и натуральныхъ повинностей на 20 лѣтъ, а отъ рекрутской навсегда. Впослѣдствіи, въ началѣ 60-хъ гг., эти льготы были значительно сокращены другимъ переселенцамъ. Отмѣнено было пособіе, выдача провіанта сокращена на годъ.

Всѣ пожелавшіе были бѣдняки. Большинство—многосемейные. Были и молодыя бездѣтныя пары. На родинѣ всѣмъ имъ жилось худо. Отсутствіе живого инвентаря и незнакомство съ ремеслами, заработокъ которыми далъ бы возможность пріобрѣтать кое-что въ зимнее свободное время, а не закабаляться мѣстнымъ кулакамъ—вотъ какія были главныя причины ихъ бѣдности на родинѣ. Въ концѣ зимы 1855 г. онъ снова объѣхалъ селы, гдѣ были желающіе переселиться; личнымъ участіемъ снарядилъ партіи и въ началѣ весны 1855 г. отправилъ ихъ въ Сивакову *), наказавъ имъ прибыть туда непремѣнно къ 1-му мая, т.-е. къ отходу на Д. В. 2-го сплава. Въ началѣ мая 51 семейство было уже въ Сивковой. У этой первой переселенческой партіи было всего 480 душъ, 217 головъ скота, 170 лошадей, 92 овцы и куры. Посажены были они на баржи въ числѣ послѣднихъ, въ составѣ 3 отдѣленія. Оно состояло изъ 35 баржъ подъ начальствомъ полковника Корсакова. Съ переселенцами былъ и князь Волконскій. Въ томъ же отдѣленіи 2-го сплава была и ученая экспедиція Сибирскаго отд. геогр. общества, состоящая, между прочимъ, изъ натуралиста Р. К. Макка, магистра Герстфельда и др. Образованный и молодой, этотъ первый переселенческій

*) Сивакова въ 25 в. отъ Читы—мѣсто отправки сплавовъ на Амуръ.

начальникъ входилъ въ положеніе крестьянъ, помогалъ имъ и совѣтами, и деньгами. Стараясь о благополучномъ ихъ путислѣдованіи, онъ не опускалъ ихъ изъ виду въ теченіе цѣлаго дня. Тѣмъ не менѣе непзбѣжныя путевыя невзгоды не замедлили обрушиться на этихъ первыхъ землевладѣльцевъ, отправившихся на непзвѣстный имъ и чуждый Дальній Востокъ. Эти первыя невзгоды начались, когда баржи вошли въ фарватеръ Амура и съ самой чувствительной для крестьянина стороны: сталъ гибнуть скотъ и отъ дикихъ звѣрей, и отъ голода, и тонуть. Дѣло въ томъ, что цѣлый день баржи должны были плыть, а поздно вечеромъ, когда причаливали къ берегу, для ночлега, ихъ сгоняли на берегъ. Здѣсь въ прибрежныхъ лѣсныхъ гущахъ уже поджидали звѣри, привлекаемые крикомъ домашнихъ же животныхъ съ баржъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берегъ представлялъ болото и топкое мѣсто. Переселенцамъ это не было извѣстно и они лишались скота, котораго засасывало въ такихъ мѣстахъ. Плывшія баржи со скотомъ въ жаркіе дни окружали тучи гнуса, (комары, оводъ и проч.). Избавиться отъ этого „божескаго наказанія“ не было никакой возможности, и скотъ чрезвычайно страдалъ. Стараясь освободиться отъ этихъ мучителей, животныя кидались прямо въ воду чрезъ низкую загородь, отдѣлявшую границу плота отъ воды, и тонули. Прибыли на мѣсто только съ одною четвертью всѣхъ животныхъ. Затѣмъ стали хворать и дѣти переселенцевъ. Несмотря на уходъ и лѣченіе двухъ фельдшеровъ, прикомандированныхъ къ этой партіи, дѣти умирали одинъ за другимъ. Кромѣ того, стали болѣть и взрослые: явился брюшной тифъ и скорбутъ. Наконецъ, баржи съ переселенцами прибыли. На берегу уже стояли два-три домика. Это былъ г. Маріинскъ въ зачаточномъ состояніи. Въ этихъ жилищахъ сооруженныхъ на скорую руку только въ минувшій 1854 г., жилъ немногочисленный отрядъ. Здѣсь князь Волконскій раздѣлилъ переселенцевъ на пять частей, по числу предположенныхъ поселеній. Онъ хотѣлъ раздѣлить ихъ поровну, но это было невозможно: родственники и односельчане пожелали жить вмѣстѣ, и группы вышли неровныя.

Послѣ 3-хъ, 4-хъ дневнаго отдыха, посаженные на баржи, они снова двинулись. Время отъ времени баржи останавливались, главари семействъ и самъ ихъ переселенческій начальникъ высаживались, осматривали подробно мѣстность и если послѣдняя представляла благопріятныя условія для поселенія, группа переселенцевъ покидала баржу со всѣмъ своимъ скарбомъ и животными. Такимъ порядкомъ были разселены всѣ пять группъ между Маріинскомъ и устьемъ р. Аргуни, образовавъ слѣдующія поселенія: Иркутское, Богородское, Михайловское, Сергіевское и Воскресенское. Первымъ дѣломъ переселенцы понадѣлали себѣ землянки и дворики для скота и лошадей. Устроивъ семьи, съ больными, принялись, по приказанію своего начальника, строить большія избы для общественной пекарни, больнички и бани — въ каждомъ поселкѣ. Потомъ построили себѣ избы, расчистили мѣста подъ огороды, дворы и пашни. Наконецъ въ заключеніе этого сезона, даже сдѣлали небольшіе посѣвы озимаго хлѣба. Пища была хорошая. Казна отпустила имъ провіантъ на два года, снабдила ихъ хрѣномъ, лукомъ и кислой капустой, заготовленныхъ въ Забайкальской области для войскъ. Несмотря на эти лучшія условія. тифъ не прекращался, умирали и взрослые и дѣти, хотя, какъ уже сказано, пища была весьма хорошая: кромѣ вышеупомянутой зелени, они круглый годъ кушали говядину, убивая часть своего скота. — „А то все равно сожрали бы дикіе звѣри“, говорилъ одинъ старичокъ. Къ веснѣ возобновился скорбутъ съ удвоенной силой... Распустился лѣсъ и появилась зелень — а на ихъ поляхъ ни одного стебелька: озими замерзли. „Надо было садить овощь, и засѣвать на поляхъ кое-что—одно горе—некому: всѣ лежали“, кто въ скорбутѣ, кто въ тифѣ.. Фельдшера жили тутъ же и продолжали съ самоотверженіемъ ходить за многочисленными больными, разъѣзжая по этимъ поселкамъ. Въ концѣ лѣта населеніе уменьшилось на двѣ трети. Въ большихъ семьяхъ осталось всего двое-трое, а въ маленькихъ— ни одного и хаты, гдѣ они жили, пришлось заколотить. На слѣдующій годъ кое-кто посѣялъ и посадилъ. Но увы—все

замерзло. „Не думали, что такъ рано наступятъ холодные утренники“, разсказывалъ тотъ же старичокъ.

Если бы не усиленныя заботы казны, въ особенности, князя Волконскаго, ходатайствовавшаго изъ Петербурга о вторичномъ отпускѣ имъ провіанта на третій годъ, все бы населеніе этихъ пяти поселковъ перемерло. Такъ тянулись годы, тяжелые и скорбные. Стали поправляться только лѣтъ черезъ 8—10, когда мало-мало примѣнились къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ края и обжились.

Гораздо хуже жилось въ первое время другимъ переселенцамъ, прибывшимъ впослѣдствіи, въ періодъ времени отъ 1856 до 1866 гг. Съ ними казна уже не няньчилась, какъ съ первыми. Даже скупилась въ отпускѣ имъ провіанта, не говоря уже о другихъ продуктахъ. Но не въ этомъ состояло главное бѣдствіе амурскихъ переселенцевъ. Это былъ пустякъ сравнительно съ нижеслѣдующей мѣрою мѣстной администраціи, мѣрою, порождающей вѣковое бѣдствіе крестьянскому населенію: „Какъ-будто за грѣхи какіе“ выражаются эти мученики земли русской. Главное, отъ этихъ вѣчныхъ невзгодъ, по волѣ мѣстнаго начальства, крестьянамъ никогда не суждено избавиться. Вотъ эта мѣра. Переселенцы, по прибытіи, должны селиться на мѣстахъ, по выбору начальства, гдѣ будетъ указано имъ. Благодаря этому, многія деревеньки ежегодно затопляются со всѣми огородами, хижинами и полями. На всѣ мольбы: „Ослобонить. Разрѣшить откочевать на другое мѣсто“ — получали и продолжаютъ получать одно и то же приказаніе: „Молчать! Живите, гдѣ живете!“ Мало этого, бывали нерѣдко и худшія послѣдствія для крестьянъ. ходатайствовавшихъ объ этомъ. Вотъ нѣсколько фактовъ объ этомъ. Однажды въ одну деревеньку заѣзжалъ одинъ изъ (умершихъ) генералъ-губернаторовъ. Крестьяне, конечно, ему навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью. Когда онъ принялъ это скромное подношеніе, мужики, не говоря ни слова, упали ему въ ноги.

— Что вы хотите отъ меня?—милостиво спросилъ начальникъ края.

— Ваше превосходительство! Смилуйтесь надъ нами, разрѣшите перекочевать на другое мѣсто!—умоляли крестьяне, стоя на колѣняхъ.

— А здѣсь отчего не живется вамъ?

— Ежегодно топитъ...

— Сдѣлайте валъ на берегу, тогда и топить не будетъ!— приказалъ генералъ.

— Нѣтъ ужъ, ваше превосходительство, разрѣшите, сдѣлайте милость!

— Молчать! Живите тутъ! Повернулся и ушелъ на пароходъ.

Пріѣзжаетъ въ другую. Та же исторія. Тутъ, не говоря съ мужиками, бросился на исправника. Кыркалъ, кыркалъ на него—страсть! Потомъ, не сказавъ ни слова крестьянамъ, ушелъ на пароходъ. Проводивъ начальство, исправникъ ѣхалъ обратно и завернулъ въ деревеньку, гдѣ крестьяне безпокоили пріамурскаго генералъ-губернатора. Тутъ призвалъ къ себѣ зачинщиковъ и поролъ ихъ розгами. Одинъ старикъ не выдержалъ этого срама, удавился въ тотъ же день. Другой слегъ въ постель и уже не вставалъ...

Въ другой разъ, предъ пріѣздомъ начальника края, тотъ же исправникъ сталъ уже объѣзжать деревни, которыя долженъ посѣтить Его Превосходительство. Пріѣдетъ, соберетъ сходъ, строго-настрого прикажетъ не обращаться къ высшему начальству съ пустяками, и дальше ѣдетъ. Въ одномъ поселкѣ не утерпѣли мужики и обмолвились.

— А мы, вашество, все-таки хотимъ побезпокоить насчетъ разрѣшенія укочевать отсюда". Исправникъ пришелъ въ страшный гнѣвъ, набросился на сельскаго старшину и давай ему зубы чистить... Послѣ этого приказалъ выдать ему зачинщиковъ. Въ противномъ случаѣ: „Всѣхъ запорю!"—кричитъ. „Мы крѣпились-крѣпились, чтобы не выдавать, разсказывалъ одинъ почетный крестьянинъ, „но не могли ничего подѣлать, старшина долженъ былъ выдать ихъ. Отодралъ сердечныхъ и засадилъ въ каталажку до своего приказанія. Выпустилъ ихъ только черезъ двѣ недѣли, когда начальство изволило проѣхать обратно".

Какъ сами крестьяне, такъ и посторонніе рѣшительно недоумѣваютъ, что за причина неразрѣшенія перекочевокъ, разъ онѣ необходимы. Однажды по этому поводу, въ одной бесѣдѣ и у крестьянина хлѣбосола, мнѣ пришлось слышать такое заключеніе.

— Для начальства, вишь ты, вездѣ нужна плепорція. Какъ елки поставлены зимою по льду, чтобъ не блудили проѣзжающіе, такъ и наши деревни, какъ елки, должны стоять въ плепорціи.

— Плепорція-то она плепорція, только какъ намъ жить въ этой плепорціи.

— Господамъ начальникамъ до эфтого дѣла нѣтъ. Потому сытый голоднаго не разумѣетъ.

Одинъ изъ присутствующихъ, крестьянинъ, среднихъ лѣтъ, не согласился, что начальство преслѣдуетъ одну „плепорцію“ и разсказывалъ компаніи слѣдующее.

Деревенька, гдѣ онъ первоначально жилъ и откуда перекочевалъ въ другую, послѣ великихъ хлопотъ и затратъ, на подарки,— съ трехъ сторонъ окружена болотами, съ озерками. Весною и осенью утокъ и другихъ птицъ на этихъ озеркахъ, какъ саранчи, видимо-невидимо. Господа знали объ этомъ и пріѣзжали сюда большими компаніями. Въ числѣ ихъ были даже генералы. Поохотятся, побродятъ по болотамъ, да по озеркамъ, помокнутъ и померзнутъ и прямо въ эту деревню, согрѣться и погулять, потому она тутотко, возлѣ болота, на увальчикѣ. Ну, конечно, каженный разъ ѣли, пили и вечерки собирали. А мы, говоритъ разсказчикъ, все думали одну думушку, какъ бы намъ откочевать на другое мѣсто, потому и скотинка вязнетъ въ болотѣ да и пропадаетъ, и лютаго звѣря много водилось тутъ, давили и птицъ, и молодой скотъ, и жеребятъ. Однажды на охотѣ былъ одинъ хорошій, да ласковый баринъ. Вотъ мы и обратились къ нему за совѣтомъ: какъ, молъ, выхлопотать намъ это разрѣшеніе. Баринъ удивился. „Какъ такъ, гритъ, а мы какъ же? Если, гритъ, вы откочуете, да мы пріѣдемъ на охоту, гдѣ же согрѣемся? Нѣтъ, вамъ не разрѣшатъ перекочевку, потому, гритъ, ваша деревня необходима для насъ, охотниковъ“. Вотъ и поди съ ними.

— Домъ бы такой построили, чтобы заѣзжать. Сторожа наняли бы и все такое.

— Да имъ не это одно надо. Главное, дѣвокъ, да молодыхъ бабъ—вотъ что имъ надоть!

— Изъ города возили бы. Тамъ этого добра сколь хошь, хоть отбавляй.

— А барыни-то ихнія? Разе можно при нихъ!! Оборони, молъ, Богъ!

Впрочемъ, много переселенцевъ селились весьма удачно и, избавленные отъ казенныхъ нянекъ и ихъ медвѣжьихъ услугъ, сразу хорошо устраивались, весьма скоро и безъ большихъ трудовъ, пріобрѣтая необходимые продукты. Обусловливалось это и самостоятельностью крестьянъ, и ихъ наблюдательностью, и опытомъ, пріобрѣтеннымъ на родинѣ. Вотъ краткая исторія одной изъ такихъ группъ переселенцевъ.

По прибытіи на указанное имъ (начальствомъ) мѣсто, крестьяне нашли его неудобнымъ. Не теряя времени и не говоря никому ни слова объ этомъ, поспѣшили тайно перекочевать на другое, лучшее. Тутъ рѣшились остаться навсегда. Это было въ началѣ іюня. Затѣмъ, не теряя времени вспахали и посадили картофель. Послѣднюю вымѣнивали дорогой на кое-какую одежду, или выпрашивали Христовымъ именемъ. Послѣ этого бабы, съ подростками рыбачили, а мужики строили избы. Послѣ построекъ пахали залоги для будущихъ весеннихъ посѣвовъ. А бабы съ молодежью рыбачили да рыбачили, прокармливая рыбою семьи и засаливая ее на зиму.

Осенью каждая семья имѣла въ прокъ 4—5 бочекъ соленой рыбы, да по подполью картофеля и другихъ овощей. Къ зимѣ казна, наконецъ, отпустила заимообразно провіантъ и то скупо, не на годъ, какъ просили, а на полгода. Прозимовали хорошо: кушали рыбу съ картошкой и лакомились хлѣбомъ. Въ теченіе 8 мѣсяцевъ, до весны, въ этомъ поселкѣ умерли только четверо: одна женщина отъ родовъ, старикъ отъ простуды, да двое грудныхъ дѣтей. На другое лѣто, подмѣтивъ климатическія условія, посѣяли въ свое время рожь и ячмень. Первая уродилась зяблая, слегка позамерзла въ ранніе утрен-

ники, а ячмень былъ сносный. Зато овощей было собрано столько, что хоть отбавляй: некуда было сыпать. Кромѣ этого насолили бабы рыбы больше прошлогодняго, груздей, рыжиковъ, насушили грибовъ, пособрали уйму всевозможныхъ ягодъ. Такимъ порядкомъ достатокъ водворился здѣсь съ перваго же года.

А вотъ еще примѣръ. Переселились на низовье Амура старовѣры. Прожили годъ, стали жить другой. Видятъ мѣсто и порядочное, но топитъ. Посудачили и рѣшили укочевать отсюда. И укочевали, никому не сказавъ объ этомъ ни полслова. Когда въ этотъ поселокъ чрезъ мѣсяца полтора пріѣхалъ исправникъ, онъ вмѣсто избъ нашелъ пустырь. Стали разыскивать старовѣровъ. Было отправлено множество предписаній „о розыскѣ новоселовъ-старовѣровъ, безъ разрѣшенія начальства откочевавшихъ неизвѣстно куда".

Прошелъ годъ, другой и третій. Бѣглецовъ не могутъ разыскать. Какъ провалились сквозь землю. Нашли только въ концѣ 4-го года. Оказалось они: „Тутотка, близенько отъ стараго пепелища, въ 20—26 верстахъ", въ центрѣ тайги. Между тѣмъ мимо проѣзжало начальство впередъ и обратно нѣсколько разъ. Кромѣ того, подъ самой деревней охотились городскіе. Открытіе сдѣлалъ „одинъ баринъ изъ начальниковъ". Какъ любитель дичи, онъ то и дѣло ходилъ съ ружьемъ по лѣсамъ, заходя въ деревни. Вотъ, однажды встрѣтилъ онъ въ тайгѣ группу дѣвицъ.

— Голубушки! Вы какъ зашли такъ далеко?

— Нѣтъ, мы близенько.

— А гдѣ ваша деревня?

Послѣдняя оказалась въ 4-хъ верстахъ.

Напустилось начальство на бѣглецовъ. А старовѣры хитрые: не оправдываясь, они принялись угощать сердитое начальство. Дня два пробыло послѣднее въ гостепріимной деревенькѣ. На третій уѣхало на двухъ тройкахъ, съ большимъ грузомъ всякой живности. Кромѣ того, и въ бумажникѣ было кое-что, „*на возмѣщеніе расходовъ начальства по розыскамъ*".

А вотъ еще „исторія“, только на новый ладъ.

Деревня довольно зажиточая на берегу Амура. Жили поживали, да добра наживали, ребятъ приживали и ростили. Обстроились, обзавелись мужики въ лучшемъ видѣ.

Прошло 20 лѣтъ. Въ 1905 г. случилось неожиданно негаданно бѣда неминучая: „пришла вода сверху“ и унесла деревеньку—очистила весь берегъ. Разорились всѣ въ конецъ. Разсерчали мужики на коварный Амуръ и рѣшили откочевать на Лену. Бабы заартачились: „не хотимъ и баста“! Галдѣли-галдѣли, и придумали слѣдующее.

— Откочуемъ, ребята, верстъ за 5 въ горы. Такъ и сдѣлали. Обстроились на новомъ мѣстѣ, живутъ попрежнему ладно. Но, опять бѣда: тоскливо имъ жить въ 5 вер. отъ Амура. Тянетъ къ себѣ и баста. Не устояли мужики: сманилъ ихъ опять къ себѣ, шельмецъ! Опять перекочевали на старое пепелище. Весело зажили. Любуются Амуромъ, не могутъ налюбоваться! Все шло хорошо. Но вотъ наступилъ 1907 г. Опять „пришла вода сверху и унесла всѣ избы и дворы“... Окончательно осерчали на коварный Амуръ. Снова поселились въ 5 вер. отъ него. Но, онъ снова сталъ манить ихъ къ себѣ. Чрезъ годъ сманилъ двухъ. Думаютъ и остальные поселиться подлѣ него... Что-то будетъ!..

Однимъ словомъ при свободѣ дѣйствій и предоставленные самимъ себѣ, при отсутствіи контроля и незаслуживающихъ вниманія наставленій, крестьяне устраивались отлично.

Въ настоящее время все низовье, отъ Хабаровска до Николаевска населено достаточно. Тутъ и крестьяне, и китайцы, и корейцы, и гиляки, и гольды. Смотря на внѣшній видъ русскаго поселенія, вижу большею частію недурненькія избы съ прочными заборами и дворами; но остальныя детали тѣ же: груды нечистотъ и въ самой деревнѣ и кругомъ ея. Воздухъ пропитанъ ихъ запахомъ. А тутъ же разлагающіеся остатки рыбы. Часть ихъ подхвачена водою и унесена, а часть осталась на берегу и гніетъ. Внимательно всматриваясь въ деревеньку, вижу двѣ-три чистенькія постройки. Одна, самая лучшая въ поселкѣ—высокій домъ съ большими окнами,

бѣлыми ставнями, съ болтами, съ цинковою крышою, съ амбаромъ и другими службами тоже съ такой крышей. Это дворецъ деревенскаго кулака. И, дѣйствительно, вижу створчатую и филенчатую дверь на высокомъ крыльцѣ, прямо въ улицу. Надъ дверью двѣ вывѣски: „Ренсковый погребъ“ и „Торговля разными товарами“. На ступенькахъ крыльца деревенская подвыпившая публика. Она горланитъ и величаетъ своихъ матушекъ. Другой домъ поменьше и побѣднѣе перваго принадлежитъ сельскому старшинѣ... По улицѣ бродятъ свиньи, куры, гуси, ребятишки и бабы съ ведрами.

Оригинальную черту поселеній по низовью Амура составляютъ пути сообщенія.

— Лѣтомъ ѣздимъ въ лодкахъ, а зимой на саняхъ,—говоритъ мнѣ одинъ крестьянинъ на низовьѣ.

— Телѣгъ у насъ нѣтути. Да онѣ и не къ чѣму намъ: дорогъ нѣту.

— А въ распутицу? спросилъ я.

— Въ распутицу-ту? Значитъ въ мартѣ и апрѣлѣ, въ октябрѣ и ноябрѣ? Такъ штоль?

— Ну да!

— Сидимъ дома и ждемъ зимника.

— А сѣно какъ возите?

— Сѣно-то? А на лодкахъ.

— А съ горъ?

— Сами впрягаемся.

Населеніе этихъ деревенекъ и селъ, крестьяне, занимается преимущественно рыболовствомъ и поставкою дровъ для пароходства. Ловятъ кету и др. рыбу. Часть оставляютъ для себя, а часть продаютъ сами и отдаютъ деревенскимъ рыбопромышленникамъ-кулакамъ въ уплату долговъ. Въ такихъ случаяхъ она цѣнится чрезвычайно дешево, какъ уже говорилъ не разъ.

Въ другомъ мѣстѣ этой главы я подробно разскажу объ этомъ промыслѣ крестьянъ. Что касается до поставки дровъ, то вся выгода этого промысла остается въ карманахъ подрядчиковъ-кулаковъ. Дроворубы, вѣчные рабы ихъ, загото-

вляютъ по 1 р., по 1 р. 20 к. за сажень. А кулаки продаютъ по 4 руб. 50 к., по 5 рублей. Кромѣ того, несчастный заготовщикъ-дроворубъ, рѣдко получаетъ деньгами. Кулаки, преимущественно торговцы и кабатчики, даютъ водкой, хлѣбомъ, товаромъ. Водка, разбавленная водой, стоила кулаку, со всѣми расходами по доставкѣ, не дороже 50 к. за бутылку, а продается имъ по 1. 50 к. Хлѣбъ стоилъ по 1 р. 10 к.— продается кулакомъ по 2 р. 20 к., по 2 р. 50 к. пудъ. Аршинъ ситцу въ 15 к., а продается дроворубу по 30... Изъ этого слѣдуетъ вотъ что: рабъ работаетъ для своего владыки-кулака почти даромъ.

Наиглавнѣйшее занятіе, преимущественно женщинъ,— это огородничество. Огороды у всѣхъ большіе и садятъ картофель въ размѣрѣ $^1/_2$ всего огороднаго пространства. Капусту въ размѣрѣ $^1/_4$ его, затѣмъ остальные овощи. Огурцы почти не разводятся на низовьѣ Амура. Культура ихъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ Хабаровску. Всего лучше они разводятся корейцами. Впрочемъ, прекрасно разводятъ послѣдніе и другіе овощи. Однако, не отстаютъ отъ нихъ и крестьяне. Часть овощей продаютъ или въ ближайшихъ городахъ (въ Маріинскѣ, Николаевскѣ, Хабаровскѣ), или выносятъ на берегъ для продажи на пороходы и пассажирамъ ихъ.

Затѣмъ разводятъ свиней и выгодно продаютъ ихъ китайцамъ рублей за 40, 35. Впрочемъ, рѣдкимъ удается эта выгодная продажа. Большинство отдаютъ своимъ кулакамъ въ уплату долговъ за 15—20 руб.

Недурный заработокъ получаютъ крестьяне и отъ птицеводства, хотя и скромнаго: продаютъ на пароходы яйцы, молодыхъ куръ, пѣтушковъ, домашнихъ куръ и гусей.

Затѣмъ у большинства крестьянскаго населенія по двѣ, по три коровы. У состоятельныхъ же по 5—6 коровъ. Изъ молочныхъ продуктовъ продаютъ масло, творогъ, молоко. Первое берутъ тѣ же кулаки-торговцы по низшимъ цѣнамъ и въ уплату долговъ. Осенью бьютъ бычковъ, яловыхъ коровъ, частью для себя, частью отдаютъ тѣмъ же торговцамъ.

Кромѣ того держатъ и лошадей. У самыхъ бѣдныхъ по двѣ, по три лошади. Состоятельные же имѣютъ по 6 и 8 и держатъ почтовую гоньбу въ холодное время года. Зарабатываютъ и отъ пріискового люда—служащихъ и рабочихъ, нанимаясь отвозить ихъ въ городъ или на пріиска. Выгодно возятъ частныхъ проѣзжающихъ, почему-либо не получившихъ въ свое время почтовыхъ лошадей. По зимнему пути возятъ товары изъ Николаевска въ Хабаровскъ, въ Благовѣщенскъ и даже въ Срѣтенскъ, не доставленныхъ въ навигацію на пароходахъ. Что касается до земледѣлія, то занимаются имъ только для себя и въ небольшомъ количествѣ, и то преимущественно въ южномъ предѣлѣ низовья, къ Хабаровску. Сѣютъ ячмень, овесъ, рожь. Однимъ словомъ населеніе здѣсь (по низовью) преимущественно зажиточное.

Но не всѣ. Есть среди ихъ и бѣдняки, составляющіе цѣлыя деревни. Вотъ, напримѣръ, подобный поселокъ. Назову его Ивановкой и познакомлю нѣсколько читателя, съ обитателями его,

Преобладающій элементъ его—голь. Кое-кто изъ нихъ заготовляетъ дрова и продаетъ насторону, постороннимъ, если удается по 2 р. 25 к., по 2 р. 50 к. А не удается, какъ случается обыкновенно, то кулаку, деревенскому торговцу по 1 р , по 1 р. 20 к. сажень.

Послѣдній же поставляетъ ихъ въ большомъ количествѣ до 5 р. саж , какъ уже говорилъ я. Почти всѣ обыватели ждутъ не дождутся лѣтняго и осенняго путешествія кэта.

Въ ожиданіи этого событія, каждый домохозяинъ пріобрѣтаетъ соль въ достаточномъ количествѣ. Обыкновенно покупаютъ у своего кулака за 3 р. 50 к., за 4—пудъ. Кромѣ се нужень и неводъ. Въ зимнее время, если нѣтъ работы у богатыхъ обывателей по шилкѣ, рубкѣ и вывозкѣ дровъ, онъ старательно починиваетъ его. Наконецъ, надо посуду. Но, это уже бабье дѣло. Хозяйка давнымъ давно приготовила прошлогоднюю изъ-подъ рыбы. Наступаетъ ходъ рыбы, лѣтній, потомъ и осенній. Взрослые мужики и молодые люди—ловятъ, дѣвушки, дѣвочки и мальчики до 6—9 лѣтъ

чистятъ, а хозяйка, опытная женщина, солитъ. „Чѣмъ больше насолимъ, тѣмъ лучше“, говорятъ обыватели. Почти каждый многосемейный крестьянинъ насаливаетъ бочекъ по 80, по 100 и даже по 150.

Исключеніе составляютъ только бездѣтные бѣдняки, съ двумя или много, много съ тремя парами рукъ. Они засаливаютъ не менѣе 20 бочекъ.

Миновала и рыбная страда. Рыба засолена. Крестьянинъ дѣлитъ ее на три части. Первая, меньшая, для своего пропитанія на годъ. Вторая, большая, кулаку въ уплату долга. Хорошо было бы продать на наличныя и эту, вторую часть. Къ сожалѣнію, это невозможно. По уговору съ нимъ онъ обязанъ представить ему въ уплату долга или нѣсколько сотъ свѣжей рыбы, или нѣсколько бочекъ соленой. Та и другая по самой низшей цѣнѣ.

Разсчитавшись съ сельскимъ торговцемъ, онъ ищетъ покупателя на третью часть, и меньшую.

Вотъ изъ Благовѣщенска, Николаевска, изъ большихъ селъ пріѣзжаютъ евреи, молокане, мѣщане-торговцы, довѣренные съ пріисковъ. Кое-кто продаетъ. На вырученныя деньги покупаетъ хлѣба, крупы, обувь себѣ и семьѣ, чай, соль... Изъ нихъ же платитъ подати, повинности.

Рѣдкій крестьянинъ не справляетъ именины, свадьбы, дѣвишникъ, праздничныя гулянки. На все это нужны большія деньги и крестьянинъ всегда чувствуетъ нужду въ деньгахъ. Неудивительно, что онъ старается продать рыбу подороже. Напримѣръ, больше 2-хъ рублей пудъ. Надо обождать. Но рѣдкимъ удается продать ее за хорошую цѣну.

Кое-кто сторговался и продалъ съ надбавкой 10,15 копѣекъ къ 2-мъ рублямъ. Другіе же продолжаютъ ожидать повышеніе цѣнъ.

Проходитъ осень. Покупателей нѣтъ. Всѣ, что были въ деревнѣ, въ теченіе осени старались купить кэту какъ можно подешевле, чтобъ продать ее самимъ по дороже, и взять больше барыша.

Проходитъ и зима.

Вотъ-вотъ наступитъ весна. Бочки съ рыбой у нѣкоторыхъ, не продавшихъ ее, стоятъ съ осени на берегу. Вотъ уже и весна. Продали бы всѣ за 1 р. 50 к. пудъ. Но никто не ѣдетъ покупать. Наступаетъ мартъ. Продали бы и по 1 р. за пудъ. Но и этой цѣны никто не дастъ. Рыба протухла *). Въ это время, въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, являются евреи, владѣльцы пароходовъ и капитаны послѣднихъ. Вотъ они-то и покупаютъ рыбу по 75, по 80 к. пудъ. Увозятъ ее домой, перемоютъ, накладутъ разные спеціи и съ большими барышами продаютъ по мелочамъ въ Срѣтенскѣ, въ Благовѣщенскѣ, въ Зеѣ-пристани, по 5 и 6 р. за пудъ.

Въ средѣ крестьянъ уже появились свои пароходовладѣльцы. Недовольствуясь своей засолкой, они скупаютъ рыбу весной, по дешевкѣ, везутъ на своихъ пароходахъ вверхъ по Амуру, по Зеѣ, по Амгуни и распродаютъ съ барышомъ. Такіе скупщики, по дешевкѣ, есть почти въ каждой деревнѣ. Чтобъ больше скупить кэту по 75, 80 к., они отговариваютъ осенью и зимою владѣльцевъ рыбы продавать ее за хорошую цѣну. При этомъ сообщаютъ вымышленные слухи о скорой закупкѣ по дорогой цѣнѣ. Или даютъ товаръ подъ рыбу. Первый оцѣниваютъ дорого, а послѣднюю дешево.

Полная зависимость крестьянскаго населенія по низовью Амура отъ торговцевъ-кулаковъ обусловливается тѣмъ, что весь товаръ для себя, какъ-то: чай, сахаръ, соль, обувь, матеріи на одежду, махорочный табакъ, спички и даже хлѣбъ могутъ пріобрѣсти только у своего „поильца и кормильца“, съ уплатою ему въ теченіе года или деньгами, или продуктами, по желанію торговца. Самый большой расходъ у крестьянина—это на водку. Ни одинъ праздникъ, ни одно семейное событіе не обходится безъ нея, матушки. А она-то и

*) Въ 1904 и 1905 гг. всю эту протухлую рыбу скупали для казны по 60—75 к. пудъ. А въ отчетахъ показывали ее по 2 руб. 25 к. пудъ. Купленная кэта въ количествѣ 250,000 п., 300,000 п. оказалась совершенно негодной и въ Харбинѣ была уничтожена. Разсчитайте, читатель, сколько заработали и.....е комиссіонеры?..

дорога. Кабатчикъ, онъ же торговецъ-кулакъ, назначаетъ цѣну ей и всему товару по своему усмотрѣнію, сообразно съ временемъ года. Напримѣръ, въ позднюю весну и лѣтомъ пачка спичекъ 15 коп., а осенью 20 коп. въ распутицу 30. Съ открытіемъ зимняго пути 25 к. Фунтъ сахара въ ранюю весну и вообще въ распутицу, около 40 к., предъ навигаціею 30, лѣтомъ 25 к. Бутылка разбавленной водки и запечатанной печатью самого кабатчика-торговца доходитъ до двухъ рублей и даже выше. Нечего и говорить, что самому торговцу его товаръ обходится въ размѣрѣ одной трети цѣны, выручаемой имъ за него.

Неудивительно, что зависимость населенія отъ своихъ „благодѣтелей“, „поильцевъ и кормильцевъ“—полная. Оно въ пожизненной кабалѣ у нихъ.

— „Куда мы безъ нихъ! вѣдь не поѣдешь въ зимніе морозы, или пургу, или въ распутицу за 400, 500 верстъ въ городъ за пустиковинами“, говорятъ мнѣ многіе изъ деревенскихъ обывателей-крестьянъ. „Да и то надо сказать, въ городѣ-то нужны наличныя деньги. А у насъ когда онѣ бываютъ, эти наличныя-то? Это одно, а вотъ тебѣ и другое. Рыбку изловимъ или провизію какую по хозяйству добудемъ. Надо продать. Неушто, по твоему, везти въ городъ за 400, 500 в.? А тутъ подъ бокомъ лавка, только уличку перейти, отпускаетъ въ долгъ, безъ срока, а въ уплату беретъ всѣмъ: и мясомъ, и свининой, и рыбой, и масломъ, и птицами, и овощами. Ему все это надо для пріисковъ, или солдатамъ, по условію, значитъ. Ну развѣ не благодѣтель и не кормилецъ онъ намъ! А на счетъ того, что онъ дешево дастъ за нашу провизію, такъ вѣдь ему тоже надо нажить на ней за труды и за провозъ ее на пріиска... А вдругъ онъ не захочетъ почему-либо отпускать мнѣ товаръ, или брать у меня провизію! Что мнѣ дѣлать тоды? Оборони Господи! Даже страшно думать объ эфтомъ...“

Итакъ, вліяніе кулаковъ на населеніе—громадное. Для иллюстраціи, разскажу о двухъ событіяхъ, происшедшихъ въ этой глуши. Первое произошло лѣтъ 15—20 тому назадъ, и

любезно сообщено мнѣ однимъ старшимъ, пожилымъ чиновникомъ полиціи. Другое же произошло на моихъ глазамъ и я былъ зрителемъ этой драмы. Разсказываю о немъ такъ, какъ записалъ. А записалъ о немъ—какъ происходило.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

(Плоды изолированности населенія по низовью Амура Растрата).

Въ началѣ 80-хъ гг., въ одномъ изъ гиблыхъ городковъ на низовьѣ Амура служитъ нѣкто Р. Это былъ молодой человѣкъ, около 24 лѣтъ. Сынъ чиновника, Николай Ильичъ не получилъ школьнаго образованія. До 15—16 лѣтъ онъ жилъ при родителяхъ, которые и учили его грамотѣ пополамъ съ грѣхомъ. Выучили мало-мало писать, читать, четыремъ правиламъ ариѳметики, двумъ-тремъ молитвамъ—и домашнее образованіе было закончено. На 16 году родитель его, Илья Павловичъ, постарался опредѣлить своего Колю на службу въ почтовое вѣдомство почталіономъ. Въ этой должности Николай Ильичъ прослужилъ 5 лѣтъ. Эти годы не были безплодны для него: онъ научился отъ товарищей, такой же домашне-семейной школы, играть въ карты, курить... Табакъ онъ не покупалъ, а таинственнымъ образомъ потаскивалъ у своего родителя. Послѣдній же въ семейномъ кругу не разъ разсказывалъ о своихъ раннихъ и позднихъ подвигахъ въ этомъ же родѣ, восхищаясь, что онъ не былъ „фефелой“ и „бараномъ“, котораго только стригли. Нѣтъ, онъ самъ стригъ и продолжаетъ стричь. Напримѣръ, онъ никогда не покупалъ и не покупаетъ для своихъ нуждъ ни перья, ни бумаги, ни чернилъ. Затѣмъ Коля научился и выпивать отечественной живой влаги. Наконецъ, онъ сдѣлался самымъ ревностнымъ поклонникомъ богини Венеры, и даже былъ отмѣченъ ею своею печатью. Однако, она осталась невидимой для не посвященныхъ и постороннихъ, и то только благодаря особымъ заботамъ и попеченіямъ своего родителя. Замѣтивъ на Колѣ знакъ отличія богини, Илья Павловичъ

поспѣшилъ помѣстить его въ мѣстную больницу. Пока сынокъ лѣчился, родитель хлопоталъ объ улучшеніи его жизни. Кое-кого угостивъ, кое-кому и кое-что супувъ, онъ успѣлъ въ этомъ достичь благопріятнаго результата и Николай Ильичъ былъ назначенъ смотрителемъ С. почтовой станціи. Это мѣстечко было не изъ числа послѣднихъ въ этомъ родѣ, такъ какъ тутъ былъ пріемъ денежной, заказной и простой корреспонденціи. Устроивъ одно, Илья Павловичъ задумалъ устроить и другое: женить Колю. Занимая хорошую и доходную должность въ одной изъ канцелярій г. Благовѣщенска, владѣя благоустроеннымъ особнякомъ на одной изъ главныхъ улицъ этого города, Илья Павловичъ имѣлъ въ обществѣ большой кругъ знакомыхъ, родственниковъ и друзей. Изъ числа послѣднихъ было и семейство офицера Б., на дочери котораго и женился Николай Ильичъ. Кончившая курсъ въ благовѣщенской прогимназіи, Екатерина Дмитріевна Р. по образованію и вообще умственному развитію стояла на нѣсколько ступеней выше своего молодого мужа. Соотвѣтствовала этому и ея нравственность, такъ какъ ея мать, штабъ капитанша Б., была, говорятъ, строгая мать.

Послѣ свадьбы молодые уѣхали на мѣсто новаго служенія и увезли приданое, полученное молодой: коня, кобылицу, корову съ теленкомъ и три сундука съ платьемъ и нарядами молодой.

Городокъ, гдѣ приходилось служить Р., былъ маленькій, всего съ 500 жителей. Изъ нихъ человѣкъ 6—7 полуинтеллигентовъ, составлявшихъ тѣсно сплоченный кружокъ. Вотъ эта аристократія, съ семействами: полицейскій чиновникъ, начальникъ команды, смотритель интендантскаго продовольственнаго магазина, городской староста, купецъ-кулакъ и два священника. Въ этотъ кружокъ былъ принятъ и Николай Ильичъ—смотритель почтовой станціи, переименованной вскорѣ послѣ этого въ начальника почтоваго отдѣленія.

Вставали эти аристократы медвѣжьяго угла часовъ въ 9, 10. Послѣ чаепитія, принимались „за службу“, благо, что ходить не было нужды: у каждаго канцелярія была подъ

бокомъ, въ его жилищѣ. Полицейскій чиновникъ жилъ при полиціи, начальникъ команды занималъ отдѣльный домъ при командѣ, смотритель почтовой станціи при станціи, гдѣ принималась корреспонденція, упаковывалась, отправлялась, вскрывалась и разбиралась вновь полученная. Городской старшина жилъ при управѣ, а купецъ-кулакъ имѣлъ свой домъ, гдѣ были и его два магазина, съ ренсковымъ погребомъ. Исключеніе составлялъ только смотритель продвольственнаго магазина. Занимая частную квартиру въ центрѣ города, онъ каждое утро посѣщалъ магазинъ. Часа въ два, и даже въ часъ, служба оканчивалась; всѣ эти господа обѣдали, выпивая по нѣсколько рюмокъ отечественной, и ложились отдыхать часика на два, на три. Въ 5—6 час. производилось чаепитіе, а потомъ собирались къ кому-нибудь изъ шести аристократовъ. Здѣсь пили водку, закусывали и садились за карты. Играли по самой маленькой.

Часа въ 2—3 ночи расходились. На сонъ грядущій брали „Ниву“, „Неву“ и „Свѣтъ“. Читали въ теченіе 5—10 минутъ, пока сладостный сонъ не закрывалъ глаза. На другой день то же самое и такъ далѣе. Что касается до прекраснаго пола, то онѣ гуляли большею частью по праздникамъ. Впрочемъ, заходили другъ къ другу и въ будни, чтобъ перемыть косточки своихъ отсутствующихъ пріятельницъ... Такъ стали жить и наши молодые. Какъ къ другимъ членамъ кружка, къ Р. тоже собирались гости разъ въ недѣлю.

Продукты для угощенія и для себя покупались ими у кулака въ кредитъ, съ уплатою ежемѣсячно. Къ этимъ счетамъ приписывались и карточные долги. Несмотря на скромныя требованія кодекса правилъ приличій медвѣжьихъ угловъ вообще, а городка С. въ особенности, расходы для гостей были не особенно малы. Если же къ нимъ приложить прочіе, на содержаніе и на одежду, то общая сумма затратъ нашей новобрачной четы выходила внушительная. Одинъ изъ главныхъ мотивовъ къ увеличенію ихъ былъ дворянскій гоноръ. Вѣдь онъ сынъ надворнаго совѣтника, а она дочь капитана и потомственная дворянка. Вотъ одинъ изъ счетовъ купца, предъявленныхъ послѣднимъ молодой парочкѣ.

Счетъ

изъ магазина купца Волдырева Его Благородію начальнику С. почтоваго отдѣленія господину Р. отъ 5 октября 188 * г.

Папиросной бумаги 10 листовъ	1 р.	
Табаку турецкаго 2-го сорта 1 фун.	2 р.	
Мяса 32 фунта по 22 коп. за фунтъ	7 р.	4 к.
Чаю 1 фунтъ	2 р.	
Водки столовой 2 бутылки	4 р.	
Водки „ 3 „	6 р.	
Водки „ 2 „	4 р.	
Крупчатки 10 фун. по 40 к. ф.	4 р.	
Окорокъ 24 фун. неприготовлен.	14 р.	40 к.
Деньгами, для уплаты долга чести	35 р.	
Сахару 5 фун.	1 р.	75 к.
Водки 2 бутылки, столовой	4 р.	
Колбасы 1 фун.	— р.	60 к.
Соли 10 фун.	1 р.	
Шаль бумажную	12 р.	
Ситцу $2^1/_2$ арш.	1 р.	25 к.
Дамскія рубашки 4 шт.	24 р.	

Что касается до ржаной муки, то за непмѣніемъ въ продажѣ въ городкѣ и даже въ окрестности на 400 в., Р. покупали ее у смотрителя продовольственнаго магазина, тоже въ кредитъ по 3 р. 50 коп. пудъ. Послѣдній же продавалъ обыкновенно ту часть провіанта, которая, по обыкновенію, съ издавна, выписывалась ежемѣсячно въ расходъ на упылъ, утрусъ и мышеядіе *). Покупалась она Р. обыкновенно по три пуда ежемѣсячно. Итакъ, всѣхъ ежемѣсячныхъ расходовъ у этой четы было почти на 100 руб. Между тѣмъ какъ содержаніе, получаемое Николаемъ Ильичемъ, было не особенно

*) Въ настоящее время этого порядка уже не существуетъ. Онъ замѣненъ другимъ.

велико. Вотъ выписка изъ одного приложенія къ копіи протокола:

жалованья въ годъ	200 р.
столовыхъ	150 р.
Доходъ отъ почтосодержателей на отопленіе, освѣщеніе, заведеніе мебели, соблюденіе чистоты, порядка и благочинія	500 р.
Итого . .	850 р.

По 70 руб. 83¼ коп. въ мѣсяцъ.

Изъ этой суммы вычиталось ежемѣсячно:

На погашеніе третного жалованья, взято впередъ, 15 руб., и впослѣдствіи—на уплату ссуды изъ пнородческаго капитала 10 руб. Всего приходилось жалованья и столовыхъ на руки ежемѣсячно сначала по 12 руб., а потомъ, когда стали взыскивать на погашеніе ссуды, только по 2 руб.

Что касается до 500 руб., то Николай Ильичъ получалъ ихъ не помѣсячно, а частями по 200, по 300 руб. единовременно. Большею частью онъ забиралъ ихъ отъ почтосодержателей впередъ.

Кромѣ этихъ 500 руб., они давали ему еще женскую прислугу. У этой четы жила одна женщина Домна Ефимовна. Теперь она старушка, живетъ въ своемъ домикѣ. Небольшого труда стоило мнѣ разыскать ее, нанять у ней чистую комнату на одинъ мѣсяцъ и покороче сойтись съ нею. Благодаря этому, я пріобрѣлъ матеріалъ относительно Р., дополняющій официальныя данныя.

По ея словамъ, Николай Ильичъ съ супругой были бѣднѣе любого мужика—голыша и бездомника. Тѣмъ не менѣе старались казаться состоятельными. Придутъ гости, посылаютъ въ лавку за угощеніемъ...

Однако, они сознавали свою бѣдность, въ особенности молодая. Она постоянно жаловалась на недостатки. Со времени пріѣзда все чаще и чаще стали толковать съ Домной Ефимовной о своемъ тяжеломъ положеніи. Первая бесѣда по по-

воду худыхъ денежныхъ обстоятельствъ была послѣ пяти мѣсяцевъ пребыванія ихъ въ С.

— Два мѣсяца не платили долгъ въ лавку и теперь накопилось его до 300 руб. Чѣмъ станемъ платить,—скорбѣла 18-лѣтняя пригожая барыня.

— Вотъ получимъ ссуду изъ инородческаго капитала—все уплатимъ,—утѣшалъ ее молодой мужъ.

— Третій мѣсяцъ ждемъ—все нѣтъ и нѣтъ,—не унималась барыня.—Иванъ Андреевичъ (купецъ-кулакъ) каждый день ходитъ проситъ. „Обманываете", говоритъ, „третій мѣсяцъ ссылаетесь на полученіе ссуды". Сулитъ прекратить намъ отпускъ товара. Тогда ничего не останется—какъ заживо умереть съ голоду.

— Самая непріятная вещь—брать въ долгъ у этого Ивана Андреевича. Уплатить бы все и прекратить съ нимъ всѣ дѣла.

— Гдѣ мы достанемъ такую сумму? Вѣдь 300 руб.

— Вотъ пошлютъ изъ инородческаго капитала. Просилъ 500 руб. Два раза напоминалъ. По разсчету деньги должны получиться на этихъ дняхъ,—говорилъ Николай Ильичъ.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этой бесѣды онѣ и были получены, но не 500 руб., какъ ожидали, а всего только 100 руб.

Невыразимо были рады и этому. Къ этой суммѣ прибавили еще 150 руб., выпрошенныхъ у почтосодержателей за будущій годъ, въ счетъ 500 руб. Собранныя такъ деньги уплатили Ивану Андреевичу и въ тотъ же день накупили у него опять на 100 руб. Вечеромъ было много гостей, мужчинъ и дамъ, играли въ карты, обѣдали, ужинали, два раза пили чай. Однимъ словомъ, гуляли на славу, какъ богатые люди. Разошлись только передъ утромъ. Прошло мѣсяца два съ половиною. Долгу опять было 250 р. Еще больше пригорюнилась молодая. Невеселъ былъ и самъ. И было отчего: ждать денегъ рѣшительно было не откуда. У почтосодержателей забрали уже 150 р. въ счетъ будущаго года. Изъ жалованья же и столовыхъ приходилось на руки только 2

руб. ежемѣсячно. Но и эти не высылались, такъ какъ была распутица, не было ни почты, ни проѣзжающихъ другой мѣсяцъ. Населеніе городка С., какъ и другихъ селъ и деревень, по низовью Амура, было буквально изолировано и отъ всего міра, и другъ отъ друга.

Въ исходѣ этого гиблаго времени—у молодой четы долгу было около 300 руб., а въ началѣ зимы, предъ Рождествомъ Христовымъ дойдетъ эта сумма и до 400 руб., такъ какъ припасы на пропитаніе и на другія потребности, необходимыя и неизбѣжныя, возможно было брать только у Ивана Андреевича. Другой лавки не было.

Совсѣмъ упала духомъ молодая чета. Даже посовѣтываться имъ было не съ кѣмъ. Кромѣ одной прислуги, около нихъ никого. Своимъ же, хотя и хорошимъ знакомымъ—господамъ, не хотѣли говорить о своемъ горѣ. Напротивъ, дѣлали все возможное, чтобъ тѣ думали о нихъ какъ о состоятельныхъ, ни въ чемъ не нуждающихся.

Тогда-то они и обратили вниманіе на Домну Ефимовну.

— Какъ станемъ жить, Домнушка? Посовѣтуй что-нибудь, голубушка. Ты опытная, бывалая и жила у прежняго смотрителя. Скажи, пожалуйста, ему также худо жилось здѣсь? Интересно, какъ онъ выпутывался изъ этихъ обстоятельствъ,—спрашивала молодая Домну Ефимовну.

— Никогда тотъ баринъ не жилъ такъ, какъ вы. Напротивъ, онъ много денегъ наживалъ здѣсь, — говорила послѣдняя.

— Какимъ же способомъ?!—удивилась молодая.

— Обыкновеннымъ. Самое главное—онъ ничего не бралъ у Ивана Андреевича ни въ долгъ, ни на наличныя.

— Вотъ те на! А гдѣ-же покупалъ?!

— Все, что нужно было—посылали съ почтою *). Бывало

---

*) Почтовое начальство знало объ этомъ, но запретить не считало возможнымъ. Въ противномъ случаѣ всѣ почтовые чиновники въ такихъ дырахъ, какъ С., перемерли бы съ голоду въ первую же зиму.

кусокъ сахара, нѣсколько фунтовъ чаю, кулекъ муки, крупъ всякихъ, стегно мяса, боченокъ водки—все это находилъ въ баулѣ на свое имя.

— Откуда же и отъ кого?

— Да изъ Благовѣщенска, отъ своихъ почтовыхъ пріятелей товарищей. А онъ имъ мѣха разные посылалъ, боченки съ брюшками и пупками. Вѣдь тамъ, въ Благовѣщенскѣ, все это въ два—три раза дороже. А товаръ-отъ, что ему посылали, гораздо дешевле.

— Еще бы, еще бы! Здѣсь самый плохой чай 2 руб. фунтъ, а тамъ 30—40 к.; здѣсь фунтъ сахара зимою доходитъ до 45 к., а тамъ 23—30; здѣсь мука ржаная по 3 р. 50 к., и ту можно достать только у смотрителя магазина, а тамъ по 80—90 к. майтца, а ржаная по 1 р. 20 к. и даже дешевле; здѣсь разбавленная водка по 2 р. бутылка, а тамъ копѣекъ 60 хорошая,— говорили оба въ одинъ голосъ.

— Ну вотъ то-то и есть. Отъ того-то ему и жилось хорошо. Вторительно, онъ сѣно продавалъ цѣлый годъ обозчикамъ, пріискателямъ, почтосодержателямъ. И продавалъ-то какъ дорого. Все равно брали.

— А гдѣ онъ бралъ сѣно-то?

— Накашивалъ. Каждый праздникъ собиралъ помочи. Каждый разъ приходили человѣкъ по 30. Такимъ манеромъ страсть какъ много накашивалъ. И барыня тоже собирала помочи бабъ да дѣвокъ.

— А она для чего?

— У ней огороды были огромадные! Садила и убирала все помочами. Кормили да поили помочанъ хорошо. А вечеромъ вечерку соберутъ, музыку и все такое справятъ. Веселились бывало до утра. А молодымъ ребятамъ да дѣвахамъ только этого и надо: вечерки, да угощенія.

— А что она дѣлала съ овощами?

— Сама ѣла, а больше готовила разныя угощенія для проѣзжающихъ: обѣды, ужины, завтраки, закуски—каждый день днемъ и ночью. Бывало зимою, наѣдетъ этихъ проѣзжающихъ поломъ комнаты. Отдыхаютъ здѣсь дня по два...

И птицы разныя были свои, утки, куры, гуси, и свиньюшки и порося... Ну насаливали много рыжиковъ, груздей, собирала ягоды и варила изъ нихъ разныя угощенія... За все брала дорогія цѣны. И гг. проѣзжающіе никогда не рядились и не спорили съ нею изъ за цѣнъ-то. Потому знаютъ, какъ достается имѣть всѣ эти припасы въ такомъ глухомъ мѣстѣ. Большія деньги наживала. Онъ тоже не отставалъ отъ нея. Рыбу солилъ, брюшки, пупки. Боченковъ по 50 тоже для продажи.

— А служба!?

— А служба что—не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ. Бывало найметъ хорошихъ искусныхъ рабочихъ и живетъ съ ними на рыбалкѣ, или она... А чуть пошта*) ѣдутъ за нимъ.

— Ты говоришь, что онъ посылалъ въ Благовѣщенскъ мѣха. Гдѣ же онъ бралъ ихъ?

— У тварники скупалъ**). Вѣдь эта нехристь поганая тоже забираетъ у Ивана-то Андреевича, все что надо, больше чѣмъ на сто рублевъ, подъ мѣха. А ихъ-то онъ цѣнитъ дешево, какъ собачьи шкурки.

— Ну-да, чтобъ больше нажить на нихъ; дешево покупаетъ, дорого продастъ.

— А баринъ-отъ больше платилъ за нихъ да наличными. Вотъ отчего тварника-то и старалалась кратче отъ Ивана-то Андреевича продавать ему.

— А Иванъ Андреевичъ зналъ объ этомъ?

— Какъ же ему было не узнать объ эфтомъ, коли въ послѣднее время совсѣмъ перестала тварника-то носить ему мѣха. До того дошло, что Иванъ-отъ Андреевичъ ставилъ караульныхъ. Значитъ, чтобъ поймать. И имали. Многихъ, говорятъ, до полусмерти забили. А баринъ узналъ объ эфтомъ да и сталъ ѣздить съ двумя молодцами-ямщиками по

---

*) Почта.

**) Товарникой простой народъ называетъ гольдовъ, орочанъ, тунгусовъ и др. некрещеныхъ инородцевъ.

улусамъ. Обратно привозилъ большой возъ самыхъ дорогихъ, хорошихъ мѣховъ. Случалось, привозилъ и золото.

— Отъ кого же?!

— Да разе мало хоронятся по улусамъ да по тайгѣ бѣглыхъ-то пріисковыхъ рабочихъ! Это тоже было въ убытокъ Ивану Андреевичу.

Потомъ онъ самъ говорилъ про себя:—„Если-бъ, гритъ, маленько, то вылетѣлъ бы я, грить, въ трубу. Значитъ разорился бы. Потому, грить, весь и доходъ-отъ мой, грить, отъ эфтихъ мѣховъ да отъ золотишка. А на одних барышахъ, съ краснаго товара да съ мелочишки, долго не поторгуешь. Потому, грить,—только-только окупаются расходы. Вотъ почему онъ и взялся горячо за барина то. Посылалъ на него жалобу за жалобой, сначала почтовому начальству, а потомъ ждалъ-ждалъ да прямо спаралу и ухнулъ. Потомъ однажды пріѣхалъ почтовый начальникъ и сказалъ барину-то.—Уходи, грить, скорехонько... А тому што—съ капиталомъ-то онъ вездѣ найдетъ случай себѣ и все такое. Вотъ васъ то и назначили сюда, вмѣсто него, значитъ“,—кончила разсказъ Домна Ефимовна.

— Вотъ бы намъ это же дѣлать,—говорили молодые другъ-другу, послѣ такихъ разсказовъ.—Почему не догадались мы ранѣе...

— Да вѣдь вы—молодые, у васъ одно на умѣ—ласки,—говорила имъ Домна Ефимовна.—Вотъ поживете, надоѣдите другъ другу и станете думать, какъ тѣ, баринъ и барыня, о пріобрѣтеніи копейки.

— Нѣтъ, мы начнемъ сейчасъ!

И пошли разсчитывать да готовиться косить сѣно, засаживать овощи разные, готовить проѣзжающимъ угощенія. Стали тайно созывать тварику да покупать у ней мѣха. Дѣло это одно и пошло хорошо: въ короткое время, въ какой-нибудь мѣсяцъ, накупили до 40 соболей, лисицъ, да уйму бѣлокъ. Какъ ни таились, а Иванъ Андреевичъ все жъ таки узналъ объ эфтомъ. Хитрый человѣкъ: ни слова не сказалъ объ эфтомъ, ни молодымъ, ни кому другому, а

также тайно вырылъ имъ яму. Въ нее-то и попали бѣдняжки.

— Однажды, на исходѣ второго осенняго мѣсяца, продолжала разсказывать мнѣ Домна Ефимовна про Николая Ильича и его молодую супругу,—пришелъ Иванъ-отъ Андреевичъ къ молодому барину и долго о чемъ-то шептался съ нимъ. А когда ушелъ, баринъ-отъ сказалъ барынѣ, а та мнѣ. Оказалось Иванъ-отъ Андреевичъ деньги проспалъ. Ссылался на предстоящіе разсчеты съ Благовѣщенскими и владивостокскими купцами, на покупку и выписку товара для лавки. Когда Николай Ильичъ сказалъ, что денегъ у него нѣтъ, онъ указалъ ему на сундукъ, съ денежной корреспонденціею. Почему не воспользуетесь на время? Вѣдь все равно онѣ не уйдутъ теперь, а черезъ два мѣсяца, къ тому времени и у меня будутъ деньги или вы раздобудетесь,—вложите въ конверты и отошлете по принадлежности. И прежній смотритель тоже пользовался ими. И все сходило благополучно. Если бы не были нужны мнѣ деньги, что называется до зарѣзу, то не безпокоилъ бы васъ. Такъ говорилъ Иванъ Андреевичъ молодому смотрителю. Послѣ его ухода оба стали совѣтываться—какъ и что дѣлать. Позвали и Домну Ефимовну.

— Правда-ли, Домнушка, что прежній смотритель пользовался деньгами въ денежныхъ пакетахъ? спрашивалъ ее баринъ.

— Врядъ-ли. Потому у него всегда были свои деньги. Да и не имѣлъ въ нихъ нужды, потому никакихъ дѣловъ не было у него съ нимъ: ничего не покупали у него ни я съ барыней, ни самъ баринъ. А деньги эфти онъ завсегда хранилъ, какъ зеницу ока: ставилъ около сундука дежурнаго ямщика, съ ружьемъ,—говорила имъ Домна Ефимовна.

— Чѣмъ порѣшили въ тотъ день—не знаю. Только вотъ что случилось потомъ. Когда послали ее къ Ивану Андреевичу за свѣчами и сахаромъ, то она пришла отъ него съ пустыми руками и съ запискою къ барину.

Барыня говорила тоды мнѣ, что отпускать намъ ничего не хочетъ до уплаты долга. Хоть околѣвай съ голоду! По-

тому взять больше было негдѣ и неоткуда, да и не на что. Получивъ записку, Николай Ильичъ ушелъ къ нему, а я и барыня до полуночи сидѣли—проплакали. Бѣдняжка, все жаловалась на свою зло-несчастную судьбу.

Такъ не хотѣлось мнѣ, грить, итти замужъ за Николая Ильича. Жаловалась, что хозяйничать не умѣетъ и все такое. „Несчастная—грить, я“—и все плакала, какъ малое дитя. Жалко мнѣ ее до нынѣ. Такъ въ потьмахъ мы и сидѣли, потому освѣтиться было нечѣмъ. У мужиковъ просить не хотѣли. „Боже сохрани! Лучше, грить, помремъ, потому унижаться не хотимъ-де предъ мужичьемъ“. Цѣлый день тоды не пили чаю, потому безъ сахара барыня-то не могла его пить. Возвратился Николай Ильичъ около полночи, тоже ни съ чѣмъ. Къ его приходу я изладила мало-мало ночникъ, его и зажгли. Потомъ баринъ разсказывалъ намъ, что предлагалъ Ивану Андреевичу всѣхъ животныхъ въ счетъ долга: коня, кобылицу, корову. Не взялъ: „Нужны деньги“ молъ. Въ тотъ вечеръ долго сидѣли молодые, совѣтовались... На другой день снова пришелъ Иванъ Андреевичъ. Опять заперлись всѣ трое. Ушелъ съ деньгами и увелъ къ себѣ меня и барыню. Черезъ часъ мы приволокли рублевъ на 15. Барыня хотѣла и больше взять, но онъ отказывалъ, говоря: „Нѣту и нѣту“... Прощаясь, сказалъ, что не скоро получатся товаръ и припасы... Никто не обратилъ на это вниманія. Между тѣмъ уже это пустое обстоятельство предвѣщало недоброе. Въ тотъ же день собрались и гости. Пировали до утра. Послѣ этого жили нѣсколько дней хорошо. Потомъ, однажды послали къ Ивану Андреевичу меня за товаромъ, рублевъ на 50. Но онъ не далъ, ссылаясь, что не получилъ еще просимаго товара. Съ того времени я уже не видѣла ихъ веселыми. Сначала грустили и безпокоились. Однако, такія минуты были непродолжительны. Онѣ оканчивались расчетами барина. Вотъ онъ получилъ отъ почтосодержателей 500 р., за соболи и др. мѣха 1000 р. (а то пожалуй и больше). Затѣмъ заготовитъ сѣно и продастъ его тыщи на двѣ... Послѣ такихъ расчетовъ вынималъ изъ сундука деньги и покупалъ на наличныя

товаръ, вина и угощенія. Иванъ Андреевичъ уже не говорилъ, что „не получены еще товаръ и припасы“, а находилъ все, что надо было. Такъ прошло Рождество и святки. Никогда не живали въ такомъ довольствѣ, какъ тогда, но всѣ были грустны...

О растратѣ денежной корреспонденціи узналъ первый губернаторъ. Послѣднему, какъ оказалось потомъ, донесъ Иванъ Андреевичъ. Затѣмъ, около того же времени подняли тревогу и войсковыя части, не получившія денегъ. Губернаторъ, не ожидая распоряженія почтоваго начальства, командировалъ исправника. Послѣдній, по прибытіи въ С., остановился у своего стариннаго хорошаго знакомаго Ивана Андреевича. Въ тотъ же день отобраны у Николая Ильича ключи отъ денежнаго сундука и было произведено разслѣдованіе. Были найдены конверты, съ бумагами и письмами, но безъ денегъ. Всего растраты оказалось 4915 р. Во время разслѣдованія молодой человѣкъ плакалъ. Плакала и молодая жена его въ сосѣдней комнатѣ... На вопросъ исправника, что заставило его тратить эти деньги, Николай Ильичъ сказалъ:

— Бѣдность! Нечѣмъ было прокармливаться и взять негдѣ...

Никакихъ свидѣтелей исправникъ не созывалъ къ допросу. Даже не былъ спрошенъ Иванъ Андреевичъ. Николай Ильичъ совершенно скрылъ его, главнаго виновника своего непоправимаго несчастія. Послѣ ухода исправника, оба говорили такъ:—„Богъ съ нимъ. Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись“...—„Кто знаетъ, быть можетъ онъ годится еще намъ, если помилуютъ и попрежнему придется служить здѣсь“.

Но увы, служить ему больше не пришлось. Его лишили всѣхъ правъ состоянія и сослали въ сѣверную часть Якутской области на поселеніе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

(Плоды изолированности населенія по низовью Амура. Побѣжденная. Божеское наказаніе).

Нижеслѣдующее событіе, какъ уже говорилъ я, произошло на моихъ глазахъ. Мой наблюдательный постъ—скамейка за воротами, противъ дома ревнивой купчихи. Будучи зрителемъ этого событія, однако я не былъ безучастнымъ къ судьбѣ жертвы. Къ сожалѣнію, всѣ мои попытки, предотвратить бѣду, были тщетны.

— Молодецъ! Если ты хочешь разссорить меня съ нашей благодѣтельницей, то бери сейчасъ свои пожитки и уходи, ищи другую фатеру. Предупреждаю, съ этой тварью никто тебя не пуститъ! сказалъ мнѣ хозяинъ домика, гдѣ я долженъ былъ прожить нѣсколько дней, по бездорожью.

Суровая поздняя осень. Въ воздухѣ 30 градусный морозъ. Дѣйствіе его увеличивается сѣверо-западнымъ вѣтромъ. Послѣдній временами переходитъ въ бурю. Срываются доски съ крышъ, стучатъ неприкрѣпленные ставни оконъ, хлопаютъ ворота и калитки; откуда-то летятъ клочья сѣна, соломы, тряпки... Снѣгъ цѣлыми тучами поднимается съ земли. Быстро мчатся сѣрыя, низко-нависшія облака, заволакивающія все небо. Казалось, имъ нѣтъ ни конца ни края.

Повидимому, мать-природа не въ духѣ Она совсѣмъ обозлилась. Ея недружелюбный, суровый видъ вызываетъ у человѣческихъ существъ гнетущее настроеніе. Онѣ попрятались по своимъ логовищамъ, словно дѣти, боясь навлечь гнѣвъ, разсерженной матери, и село Холодное кажется еще пустыннѣе. по улицѣ его ни души.

Солнце, кажется, закатилось и вечернія сумерки уже спускаются. Съ приближеніемъ ночи обыватели на минуту закопошились, выползая изъ своихъ натопленныхъ логовищъ. Одни затворяютъ ужъ ставни замерзшихъ оконъ, другіе, кажется, натаскиваютъ дрова для завтрашней топки. Весь

этотъ людъ готовится погрузиться въ сонъ длинной осенней ночи.

Но страсти ихъ, наперекоръ природѣ, и не помышляютъ о покоѣ. Онѣ волновались и бушевали съ удвоенной силой, какъ будто наступили минуты ихъ дѣятельности. По слышанному и по видѣнному, онѣ не ограничиваются семейнымъ очагомъ. Нѣтъ, кое гдѣ онѣ вырываются изъ этого узкаго пространства во дворъ и даже на улицу, несмотря на эту непогоду.

* *
*

Вонъ, напримѣръ, во дворѣ одного изъ домовъ, наплучшемъ въ селѣ, раздается крупный разговоръ. По интонаціи голосовъ, можно заключить, что дѣйствіе происходитъ между мужчиною и двумя женщинами.

— Убирайся, убирайся, грубо кричитъ мужчина. Сказано разъ иди и лучше уходи, пока не вытолкалъ тебя въ шею.

— Позвольте же, барыня! Не на улицѣ же ночевать мнѣ. Въ такую погоду и собаку не выгоняютъ,—выкрикиваетъ молодой женскій голосъ.

— Ты хуже собаки, а потому можешь ночевать и на улицѣ. Вашему брату у меня не мѣсто. Гдѣ-нибудь подъ заборомъ ночуешь. Тебѣ не привыкать, раздается другой раздражительный женскій голосъ. А ты чего смотришь на нее?! Гони!

— Ну проваливай! Иначе не стану церемониться съ тобой, кричитъ мужчина.

— Куда же я! Ради Христа, позвольте переночевать барыня! отчаянно и умоляющимъ голосомъ вопитъ молодой женскій голосъ.

— Да что въ самомъ дѣлѣ... крикнулъ опять мужчина. Калитка быстро распахнулась и молодая дѣвушка, въ нагольномъ тулупѣ, обвязанная шалью и съ узелкомъ, быстро вылетѣла на улицу. Запнувшись объ бревно, она повалилась въ снѣгъ. Узелокъ отлетѣлъ въ сторону.

— Сволочи! крикнула дѣвушка, поднимаясь.

— Ладно теперь спи тамъ. Въ суметѣ-то дородно, будто на пуховикѣ. Ха-ха-ха!... хохочетъ мужикъ, запирая калитку.

— Хи, хи, хи! вторитъ ему мелодичный и нѣжный голосокъ барыни, повидимому уходящей въ свои натопленныя комнаты.

Нѣсколько минутъ спустя въ мѣстечкѣ все замолко. Раздается только шумъ да завываніе бури.

Дѣвушка подняла свой узелъ, утерла рукавомъ тулупа слезы и присѣла около заплота.

— А сама еще хуже меня — въ одинъ годъ другой,—громко говоритъ она Давно знаю для чаво держишь около себя молодыхъ приказчиковъ. Мужъ въ разъѣздахъ по торговлѣ, а она со своими дружками потѣшается. А еще барыня — купчиха! Хочетъ, чтобъ всѣ ухаживали да угощали только ее Ишь приревновала меня. Богъ видитъ я не завлекала его, а онъ самъ .. Разлучница!

Поднявшись, она пошла вдоль улицы, подходя время-отъ-времени къ окнамъ домовъ, заваленныхъ снѣгомъ.

* *
*

Постучавъ въ окно нѣсколько разъ и не дождавшись отвѣта, она шла къ слѣдующему домику, чтобы продѣлать и тамъ то же самое.

Вообще нашихъ обывателей, сѣверянъ, жителей деревень, селъ и маленькихъ городковъ необъятной Сибири, трудно разбудить, когда они предаются отдыху. Наработавшись въ холодный зимній дѣнь съ ранняго утра до позней ночи, иногда ничего не закусивъ, не промочивъ горла и не согрѣвшись во весь день, и возвратясь домой поздно вечеромъ, усталый и голодный онъ спѣшитъ поужинать, чтобъ завалиться спать до утра. А какъ завалится и заснетъ, тогда хоть изъ пушекъ пали около самыхъ ушей его—все равно, онъ не разбудится. Если кто-нибудь изъ домовладѣльцевъ и услышитъ призывный стукъ или крикъ, все равно тоже не встанетъ, чтобъ не потревожить сонъ спящаго главы семьи, поильца и кормильца ея.

Отчасти не отворятъ дверей изъ боязни „челдоновъ“. Послѣдніе нерѣдко безпокоятъ обывателя, чтобы попасть „въ сибирскіе морозы въ тепло и отогрѣть закоченѣвшіе члены.

Въ данномъ же случаѣ была и еще причина игнорированія стука въ калитки и въ ставни. Почти всѣмъ жителямъ мѣстечка было извѣстно, что мѣстная купчиха ссорилась со своей красивой горничной, ревнуя ее къ своему приказчику Уже извѣстенъ былъ обывателямъ случай, какъ она выгнала ее вечеромъ изъ своего дома. Всѣ сосѣдки любовались описанной сценой. Когда дѣвушка очутилась на улицѣ, за воротами, предусмотрительные въ этомъ случаѣ домохозяева поспѣшили запереться, чтобъ не зашла къ нимъ эта нежелапная гостья. Какъ сознавались впослѣдствіи, всѣ слышали стукъ ея въ ставни и въ калитки. Но никто не рѣшился пустить изъ опасенія огорчить свою благодѣтельницу—купчиху. Въ противномъ случаѣ пустившему соперницу, какъ злѣйшему врагу, она не отпуститъ даже спичекъ. „Бывали примѣры“. „Мало этого, представитъ расписки ко взысканію“. „Этимъ уморитъ съ голоду и разоритъ“. Неудивительно, что въ эту пору у всѣхъ обывателей одна забота, какъ бы не огорчить своего благодѣтеля (или благодѣтельницу)— кулака. Потому безъ него, какъ безъ воды и воздуха, онъ „просто околѣвать долженъ“.

Дѣвушка прекрасно знала это. Поэтому и не стучала долго, сознавая всю безполезность этого призыва о помощи. Постучавъ почти въ каждомъ домикѣ и не получивъ никакого отвѣта, она остановилась въ раздумьи.

Днемъ, завтра, она найдетъ пристанище, или пойдетъ въ сосѣднюю деревню, повидавшись предварительно со своимъ дорогимъ барчукомъ, „на зло своей соперницѣ“. Но, гдѣ и какъ переночуетъ она эту страшную ночь! Она не разъ слышала разсказъ своего отца—охотника, какъ онъ спасался въ сугробахъ снѣга отъ сибирскихъ морозовъ. Навѣрно и она благополучно переночуетъ, если прикурнется гдѣ-нибудь въ снѣгу.

Но гдѣ же?

Она оглянулась. Ни одного удобнаго мѣстечка не было поблизости. Да и собаки, сбѣжавшись съ ближайшихъ дворовъ, на приступъ лѣзутъ къ ней. Того гляди разорвутъ ея тулупъ.

А защищаться ей нечѣмъ, кромѣ узла. Не найдя удобнаго мѣста, она возвратилась къ воротамъ дома, изъ котораго была выгнана. Противъ забора его, въ канавѣ, наконецъ то нашлось самое подходящее мѣстечко. Вырывъ въ сугробѣ небольшую яму, она легла въ нее, свернувшись въ клубокъ, и забросала себя снѣгомъ... Ея прошлое самое заурядное.

***

Вотъ она 16-ти лѣтняя деревенская красавица (какъ величали ее всѣ въ станицѣ) Андрюшка, ея сосѣдъ, казачекъ малолѣтокъ, тоже недуренъ собою: бравый парень! Слюбились они. Темныя ночи, посидѣлки, грибы и грузди, жатвы и покосы...

Какъ было хорошо и привольно. Но непродолжительно было это счастливое времечко!

Пришла очередь Андрюши итти на службу. И онъ ушелъ.

Разставаясь, они уговорились: она непремѣнно пріѣдетъ туда, гдѣ онъ будетъ служить. Къ счастію, его оставили на службѣ въ ближайшемъ городѣ, Благовѣщенскѣ. Стала дѣвушка просить свою мать, чтобъ она отпустила ее въ городъ на заработки.

— Какіе тамъ заработки для дѣвокъ..., отнѣкивалась мамка.

— Поступлю на мѣсто, стану тебѣ же посылать деньги. И лопатишку заведу кое-какую, говорила дѣвушка.

Послѣ непродолжительныхъ колебаній, мамка и тятька согласились отпустить ее. Уплыла дѣвушка на первомъ пароходѣ въ Благовѣщенскъ. Прибывъ сюда, она въ тотъ же день нашла мѣсто, благодаря участію своего милаго казака.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ блаженнаго времени. Дѣвушка забеременѣла, благополучно родила и вскорѣ похоронила свое дитя. Угнали казака въ Уссурійскій край. На прощанье ничего не сказалъ ей. Надоѣла ему его сполюбовница. „Напрасно я полюбила его“, думала покинутая рыдая.

Прошелъ годъ безъ малаго, послѣ отъѣзда Андрюшки. Много воды утекло въ это время. Сошлась съ другимъ...

Уѣхалъ и тотъ. Сошлась съ третьимъ... Черезъ два-три мѣсяца покинулъ ее и этотъ.

Послѣ этого поступила прислугою на пароходъ. Тутъ сошлась съ буфетчикомъ... По окончанію навигаціи, разошлась съ нимъ и поступила горничной къ купчихѣ. Тутъ встрѣтила молоденькаго и хорошенькаго приказчика, въ котораго влюбилась и стала сходиться Но, нарвалась. У этого молодца оказалась сударушка, мужественно и зорко охраняющая свое сокровище. Она—вотъ та барыня—купчиха, что выгнала ее изъ своего дома поздно вечеромъ. Сдѣлай она это днемъ, молодые люди сошлись бы и уговорились. Какая предусмотрительная барыня!

***

Полночь, глубокая, мрачная. Нависшія облака закрываютъ все небо. Кругомъ безпросвѣтная тьма. Ни одного огонька въ домишкахъ обывателей, ни одного звука, указывающаго на присутствіе здѣсь живыхъ существъ. Раздается только одинъ непрерывный шумъ и завываніе бури.

Но, вотъ во дворѣ того дома, гдѣ происходила вечерняя сцена, послышался звукъ отворяющихся дверей, скрипъ снѣга подъ-чьими то ногами. Скрипнула калитка и на улицу вышла тѣнь. За ней показалась и другая.

— Мартынъ! Ты не замѣтилъ куда она ушла,—озираясь по сторонамъ, сказала первая.

— Не замѣтилъ. Не безпокойтесь, навѣрно она пристроилась гдѣ-нибудь.

— Такъ ли?

— Да ужъ это вѣрно.

— А это что! Какая то куча...

— Обнакновенно — сметъ. Нанесло снѣгу въ одно мѣсто.

— Съ какой стати тутъ будетъ снѣгъ. Не такіе сметы бываютъ и не въ такихъ мѣстахъ. Не понимаю, когда успѣла она выгнать ее? Вечеромъ я сидѣлъ за книгой, подсчитывалъ расходъ товара... Мартынъ!

— Иванъ Петровичъ! Иванъ Петровичъ!—раздался пронзительный женскій голосъ съ крыльца. Мартынъ!

— Они здѣсь, барыня!—Вторая тѣнь исчезла. Вмѣсто нея показалась другая.

— Ваня! Голубчикъ мой! Родной мой! Кого ищешь?—шепчетъ появившаяся тѣнь, прижимаясь къ первой.

— Никого. Вышелъ освѣжиться. . . . . .

— Пойдемъ спать. Перина ждетъ насъ! О, какое счастіе!!

Тѣни исчезли. Опять скрипнула калитка, щелкнулъ засовъ, заскрипѣлъ снѣгъ подъ ногами, захлопнулась дверь и опять все замолкло. Только шумъ да завываніе бури нарушаютъ могильную тишину мрачной ночи.

* *
*

На другой день, утромъ, около этого домика была группа обывателей. Среди нихъ—деревенскій старшина и его писарь... Послѣдній, въ барнаулкѣ, въ теплыхъ пуховыхъ перчаткахъ и въ бобровой шапкѣ составлялъ протоколъ на широкой обывательской спинѣ. Химическій карандашъ въ его правой рукѣ быстро бѣгалъ по влажному листу бѣлой бумаги, выводя заученныя, практикой фразы. Время отъ времени онъ задавалъ вопросы стоявшему возлѣ него Мартыну: „Когда ушла изъ дома?“ „Какъ ее звать“ и т. д.

Противъ группы, у забора, замерзшій трупъ дѣвушки, съ узелкомъ.

Въ отворенной калиткѣ стоитъ немолодая, но хорошо сохранившаяся дама въ богатой ротондѣ. Съ подавляемой улыбкой смотритъ она на трупъ.

Вотъ остатки отъ молодой и смазливой соперницы ея! Побѣдила. Теперь ея милый мальчикъ всецѣло принадлежитъ ей.

И опять ожидаютъ ее блаженнѣйшіе часы! Эти часы невыразимаго счастія ужъ не станетъ нарушать и портить „эта дрянь“.

И барыня улыбнулась отъ радости, затворяя за собой

калитку. Такъ улыбается счастливый полководецъ, обозрѣвая поле битвы, покрытое трупами непріятеля.

Черезъ четверть часа подъѣхали дровни, трупъ дѣвушки взвалили и увезли въ мертвецкую, крошечную лачугу за селомъ, на опушкѣ лѣса. Тутъ пролежала она дня два: въ одну непрекрасную ночь ворвались въ избушку волки и скушали его. Остались только кости и тѣ изгрызаны.

„Года полтора тому назадъ былъ такой же случай, говорилъ мнѣ хозяинъ моей квартиры; тоже выгнала одну дѣваху поздно вечеромъ и зимою. Но та была догадливая: ушла на почтовую, гдѣ и ночевала, а утромъ уѣхала къ себѣ домой, съ обратными ямщиками. Впрочемъ, тоды была уже зимняя дорога, станція не запиралась и всю ночь горѣла лампа. А теперь самое бездорожье. Ни откуда не ожидаютъ ни почты, ни проѣзжающихъ. Станцію запираютъ на ночь, и гасятъ всѣ лампы изъ экономіи“.

Не могу распрощаться съ населеніемъ по низовью Амура, не упомянувъ о скорбной сторонѣ его жизни.

Выписываю изъ моего дневника (которыя велъ я въ теченіе странствованія по Амуру) подлинный разсказъ старичка-крестьянина. Живетъ онъ довольно зажиточно въ одномъ изъ селеній около Николаевска. Я познакомился съ нимъ въ одну изъ зимнихъ поѣздокъ съ сыномъ моего толстяка-рыбопромышленника.

„Живемъ мы зажиточно, слава Богу“, говорилъ онъ мнѣ о всемъ низовомъ крестьянскомъ населеніи. „Все у насъ есть и вдоволь. Есть и хлѣбушко, хотя и не сѣемъ его, а покупаемъ. Одно слово, живемъ хорошо. Въ крайней бѣдности у насъ по низовью, ни такъ много, какъ въ Расеи. Все это хорошо. Но одно горе у насъ, одна напасть. Страшенная и мученическая И великое горе, если эта напасть приключилась съ кѣмъ. Мучится, разнесчастный, долгіе годы. Ни поѣсть-то ему, ни попить какъ слѣдуетъ, по человѣческій. Ни отдохнуть-то ему, какъ это мы всѣ дѣлаемъ каждый день и ночь, въ теплѣ, да холѣ. Вѣчно голодный, опъ

мерзнетъ, какъ бездомная собака. Поговорить захочется ему— нини! Ни одинъ человѣкъ, даже самый пропащій, не подойдетъ къ нему съ дружествомъ и съ пріятствомъ, въ обращеніи значитъ. А всѣ, всѣ бѣгутъ отъ него. Одно занятіе для него, и одна забава, чтобы убить время,—раскапывать и размазывать свои гнойща. И долгіе, долгіе годы прозябаетъ онъ такъ. Напрасно просить у Господа смерти. Нѣтъ ему ее! Что можетъ быть хуже этого?"

„И не забываемъ мы Господа, молимся ему, какъ слѣдуетъ хорошему христіанину. Просили и просимъ избавить насъ отъ эфтого страшеннаго божескаго наказанія. Но нѣтъ, Господь, видимо, разгнѣвался и караетъ насъ. Страшенное это божеское наказаніе. Какъ ни золъ и ни лютъ человѣкъ, а все-таки не придумалъ еще ничего хуже этой Господней кары"...

„Нѣтъ, нѣтъ да и появятся между нами (по селамъ и деревнямъ низовья) больные этой хворобой. И много ихъ. Съ каждымъ годомъ умножаются"...

„И какъ ни таятся, ни скрываютъ родные своего больного, народъ все-таки узнаетъ о немъ. А какъ узналъ, прощай утѣхи! Никто ни зачѣмъ не придетъ въ тотъ домъ, гдѣ больной (предполагаемый, или дѣйствительный), ни въ гости, ни за надобностью какой. Тоды этотъ домъ и семья становятся зачумленными. Рѣдко въ деревнѣ одинъ прокаженный. Ихъ гораздо больше: по 4-е, по 5 ти. А въ большихъ селеніяхъ по 7 и 8-ми, и даже больше".

„Вотъ отчего по нашимъ деревнямъ нѣтъ гулянокъ. Ни свадьбъ, ни дѣвишниковъ не заводятъ наши крестьяне пока въ деревнѣ есть больные (даже предполагаемые)".

„Если нужно жениться кому, одно средство: украсть невѣсту гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ (убѣдившись, что семья невѣсты здоровая). Обвѣнчаются гдѣ-нибудь и пріѣзжаютъ домой. Никакихъ обѣдовъ и гулянокъ не бываетъ (если въ этой деревнѣ есть прокаженные)"...

„Въ общемъ тоскливо живется у насъ, по низовью, особливо въ долгія зимы"... „И все потому, что боятся заразы этой"...

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ г. Николаевскѣ открыли лепрозорію, куда и помѣстили всѣхъ прокаженныхъ, собранныхъ по деревнямъ, и селамъ. Оказалось ихъ больше, чѣмъ предполагали. Пришлось увеличить помѣщеніе... Съ того времени прошло года два. Въ теченіе ихъ деревенскій людъ ожилъ: пошли гулянки, свадьбы, дѣвишники. Но, недолго продолжалось это времечко. Года черезъ два съ половиною (въ 1901 г.) люди снова заговорили о появленіи по деревнямъ новыхъ прокаженныхъ. Опять народъ уединился. Между семьями, словно кровными врагами, никакихъ сношеній.

„Худо такъ жить. Тоскливо и не хорошо, говорятъ крестьяне. И ничего не подѣлаешь. Говорятъ, много теперь (въ 1910 г.) такихъ больныхъ“, по деревнямъ, какъ и прежде, до открытія лепрозоріи.

„Если опять увезутъ ихъ, то, говорятъ, помѣстить негдѣ: надо вдвое увеличивать помѣщеніе лепрезоріи“. А чрезъ два, три года снова появится столько же прокаженныхъ и т. д.

„Въ концѣ концовъ все низовье Амура можетъ превратиться въ лепразорію“.

„Вѣдь отъ проказы почти не вылѣчиваются и мало умираютъ. Эти несчастные прозябаютъ долгіе годы“, говорилъ мнѣ въ Николаевкѣ знакомый докторъ.

„Говорятъ, надо же принять какія-нибудь мѣры противъ этой ужасной болѣзни. А какія именно—никто не знаетъ“...

Теперь уже достовѣрно извѣстно, что человѣкъ заражается сю отъ рыбы. Напримѣръ, кэты. Вотъ при засолѣ—и надо тщательно осматривать ее. „Но“, говорятъ рыбопромышленники и крестьяне, „это никакъ невозможно. Потому она во время хода непрерывно идетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Дорога каждая секунда. А выловлена, надо немедленно чистить и солить. При чисткѣ осматривать ее тщательно немыслимо. Если-бъ приходилось каждому рыбопромышленику вычистить и засолить сотни двѣ, три,—тогда можно и тщательно осматривать ее. А то вѣдь у него нѣсколько сотъ тысячъ рыбинъ. Надо дѣйствовать скорѣе. Прокопаешься лишній часъ и вся рыба протухла—никуда негодная“.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

(Въ ожиданіи попутчика. Поѣздка на китайскій заводъ сули. Производство, качество и сбытъ его).

Декабря 7 д. Наконецъ зимній путь вполнѣ возстановился. Проѣзжаютъ громадныя почты и масса разнаго люда. Сижу другой день на почтовой станціи въ ожиданіи попутчика до Михаило-Семеновска. Къ несчастію, всѣ ѣдутъ парами и третьяго не берутъ. Однако, дождался и я своей судьбы: пріѣхалъ изъ Хабаровска подполковникъ С., мой хорошій знакомый. Я былъ весьма радъ этой встрѣчѣ. Подполковникъ ѣдетъ по дѣламъ службы въ Николаевскъ, пробудетъ тамъ дня два и отправится обратно, только не въ Хабаровскъ, а далѣе вверхъ по Амуру до Срѣтенска и обратно. Въ нѣкоторыхъ большихъ станицахъ пробудетъ день—два. Я поспѣшилъ попросить его взять меня съ собой попутчикомъ на весь путь, впередъ и обратно. Подполковникъ согласился и мы уговорились относительно расходовъ на прогоны и на другія путевыя нужды Затѣмъ, я долженъ его ожидать изъ Николаевска—или въ Хабаровскѣ, или на одной изъ почтовыхъ станцій около. Послѣ часового пребыванія на станціи, подполковникъ уѣхалъ далѣе, я же взялся, было, за дневникъ. Но, пришлось отложить его: пріѣхалъ китаецъ, мой короткій знакомый. Познакомился я съ нимъ во Владивостокѣ, у моего ученика Чи-фу-сая. Ѣхалъ онъ теперь изъ Николаевска въ одну изъ Маньчжурскихъ деревенекъ (на берегу Амура). Такъ какъ очередныхъ лошадей не было, то Ху-цы-фанъ и расположился на ночлегъ, вмѣстѣ со мною. Время провели недурно: нѣсколько разъ забавлялись чайкомъ закусывали, выпивали сули, по одному наперстку въ часъ и бесѣдовали. Оказалось Ху-цы фанъ имѣетъ заводъ этого напитка въ той самой деревнѣ, куда ѣдетъ. „Не мѣшаетъ познакомиться съ производствомъ сули“, думалъ я, тѣмъ болѣе его исключительно употребляютъ всѣ наши инородцы на Дальнемъ Востокѣ. Кромѣ того, привыкло къ нему и наше населеніе:

крестьяне, солдаты, казаки, рабочіе, торговцы и даже женщины. И съ каждымъ годомъ сбытъ сули (или ханшина) все болѣе и болѣе увеличивается. По словамъ торгующихъ спиртными напитками, русскую водку пьютъ меньше. Во 1 хъ, она дорогая, а, во 2 хъ, большею частію разбавленная. Это обстоятельство и побудило просить Ху-цы фана взять меня съ собой и познакомить съ своимъ заводомъ. Китаецъ былъ чрезвычайно радъ моему предложенію.

— Худо ѣхать одному,—говорилъ онъ тихо. Худа людя много е... Голову сѣки, денга и золото бери. Съ пріиска ѣду, сули возилъ, шибко боюсь.

Такъ вотъ какъ: мой заводчикъ былъ на пріискахъ по верховью р. Амгуни, набралъ золото и денегъ за свой напитокъ. Гдѣ же у него этотъ благородный металлъ? думалъ я. Не въ сакъ-вояжѣ ли? Нѣтъ, быть не можетъ. Его сакъ легокъ не болѣе 10, 12 фунтовъ. Однако эти вопросы нескромны... А все-таки любопытно, гдѣ хранятъ они золото во время переѣздовъ? Русскій рабочій, съ пріисковъ, хранитъ его въ заднемъ проходѣ (въ кожаномъ мѣшечкѣ съ большой палецъ) А китайцы гдѣ? Этотъ вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ. Въ бесѣдѣ, относительно его поѣздки Ху-цы-фанъ говорилъ между прочимъ: „Мало нынѣ золота попадаетъ въ наши руки, а все больше японцамъ, которые сильно скупаютъ его... Изъ Пекина большіе заказы на него. Прежде много попадало къ намъ“.

На другой день рано утромъ мы выѣхали. Благополучно доѣхали до Хабаровска и, переночевавъ тамъ, отправились далѣе. Вечеромъ прибыли въ Спасское, переѣхали Амуръ и чрезъ часъ были уже въ Маньчжурской деревенькѣ.

Не стану описывать китайскія хижины. Въ первой части „Люди и Нравы“ я уже описывалъ ихъ и не разъ. Пропускаю и то, какъ мы проводили здѣсь время. Ограничусь только слѣдующимъ. Ху-цы-фанъ хлопоталъ по своимъ дѣламъ, а я съ предоставленнымъ въ мое распоряженіе китаенкомъ, слѣдилъ за производствомъ сули (или ханшина). Этимъ напиткомъ я и займусь теперь.

Собственно заводъ помѣщается въ одной большой хижинѣ. Тѣ же небольшія окны, тѣ же двѣ низкія трубы... Широкая дверь ведетъ въ сѣни. Въ послѣдней нѣсколько дверей направо и налѣво. Мы вошли въ правую.

Та же грязь, сажа, смрадъ, вонь и полумракъ. Чрезъ двѣ, три минуты я сталъ разглядывать копошившихся тутъ китайцевъ. Всѣ они безъ рубашекъ, въ однихъ штанахъ и босикомъ. Обливась потомъ, и не обращая на насъ вниманія, они продолжали свое дѣло. Благодаря этому невниманію, я всецѣло сосредоточился на принадлежностяхъ завода.

Вотъ на полу четыре квадратныя ямы. Величина ихъ одинакова: ширина и длина $2^1/_2$, а глубина 2 аршина. Стѣнки и дно выложены плахами. Верхнее отверстіе закрыто крышкой. Послѣдняя сдѣлана изъ досокъ, съ двумя ручками. Это квасильныя ямы. Каждая даетъ матеріалъ для выработки сули до 37 пудовъ, а всѣ четыре около 150 Ху-цы-фанъ находитъ, что этихъ ямъ не достаточно и думаетъ пристраивать къ этой хижинѣ другую, такую же, въ которой будетъ тоже четыре ямы.

Противъ среднихъ двухъ ямъ—печь. Она имѣетъ сходство съ нашими низкими печами, съ плитами. Только вмѣсто плиты, вмазанъ большой и глубокій котелъ. На него ставится бочка съ желѣзными обручами. Она безъ крышки, а дно съ вырѣзаннымъ круглымъ отверстіемъ, совпадающимъ съ краями котла. Съ нижней части кверху бочка суживается. Затѣмъ около дна ея въ боку, небольшое круглое отверстіе, заткнутое пробкой. Когда слѣдуетъ, пробка вытаскивается и въ дыру вставляется деревянная трубка. Другимъ концомъ послѣдняя входитъ въ ушатъ съ водой. Его устанавливаютъ на одномъ уровнѣ съ бочкой и выше котла. Кромѣ этихъ главныхъ частей, есть еще другія, второстепенныя. Такъ напримѣръ, вотъ другой котелъ подобный первому и небольшое плоскодонное деревянное блюдо, въ родѣ нашихъ круглыхъ подсамоварниковъ, съ невысокими краями. Вмѣсто ручки, къ краю его придѣлана трубка, соединенная отверстіемъ съ внутреннимъ пространствомъ плоскодоннаго блюда. Эта трубка немного наклонна

другимъ свободнымъ своимъ концомъ. Подъ этотъ свободный конецъ ставится посудина для сули.

Приготовленіе этого напитка начинается слѣдующимъ порядкомъ. Котелъ наполняютъ водой, чрезъ трубку изъ ушата. На дно бочки, установленной на котлѣ кладутъ двѣ сѣтки изъ прутьевъ. Поверхъ послѣднихъ насыпаютъ въ бочку, до верху, буду съ ячменемъ, или рисъ, для производства лучшаго ханшина. Затѣмъ въ очагѣ разводятъ огонь и бочку закрываютъ верхнимъ котломъ. Чрезъ полчаса вода въ котлѣ уже кипитъ и испаряется. Пары проникаютъ черезъ круглое отверстіе и чрезъ сѣтки въ бочку и пропитываютъ зерно. Когда оно достаточно пропитано парами, огонь гасятъ, зерно высыпаютъ на полъ на особую сколоченную доску; разравниваютъ его тонкимъ слоемъ и прибавляютъ дрожжи, тщательно перемѣшивая. Когда зерно охладится и дрожжи распредѣлятся равномѣрно во всѣхъ частяхъ зернового слоя, его собираютъ въ квадратную яму. Чтобы утрамбовать это зерно, нѣсколько маньчжуръ становятся на немъ босыми ногами и, выѣлывая всевозможныя па, скачутъ, угоняя другъ-друга пинками. Въ это время въ хижинѣ обыкновенно стоитъ все заглушающій хохотъ всей компаніи. Достаточно утрамбованное зерно засыпаютъ землею, замазываютъ глиною и плотно закрываютъ деревянной крышкой. Дней пятнадцать квасится здѣсь зерно. На шестнадцатый сбрасываютъ съ него глину и землю, и насыпаютъ его въ бочку, надъ котломъ, предварительно размельчивъ всѣ комки. Наполнивъ три четверти пространства бочки этимъ квашенымъ зерномъ, укрѣпляютъ надъ послѣднимъ плоскодонную тарелку. Она виситъ надъ зерномъ, на одну четверть отъ его поверхности. Между краями этого блюда и бочки кольцеобразное отверстіе, въ вершокъ ширины. Затѣмъ поверхъ блюда, на верхній край бочки, кладутъ котелъ, конусообразнымъ дномъ внизъ, такъ что нижній круглый край дна на 2 вершка отъ поверхности блюда. Дно послѣдняго то же немного покатое къ центру. Отъ послѣдняго—къ отверстію, на возвышающемся—на полвершка—краѣ блюда сдѣланъ каналецъ. Углубленіе его соединяется съ дуд-

кой, идущей отъ края блюда, чрезъ стѣнку бочки,—въ ведро, или въ большую бутыль. Наконецъ въ верхній котелъ кладутъ ледъ и снѣгъ, и бочку, поверхъ котла, закрываютъ круглой подушкой. Установивъ такимъ порядкомъ этотъ аппаратъ, разводятъ въ очагѣ огонь. Чрезъ нѣсколько минутъ вода въ котлѣ проведенная изъ ушата, нагрѣвается и выдѣляетъ испаренія. Послѣднія чрезъ круглое отверстіе и сѣтки проникаетъ въ бочку и, проходя сквозь зерно, пропитываются газами спирта (амміакомъ и углеводородомъ), образовавшимися въ квасильной ямѣ. Выходя наверхъ, изъ зерна, пары проникаютъ чрезъ кольцеобразное отверстіе вверхъ въ пространство между блюдомъ и котломъ, гдѣ и скопляются. Соприкасаясь съ холодной поверхностью дна котла, со льдомъ или снѣгомъ, они сгущаются, осаждаясь на немъ въ видѣ капель, стекающихъ къ центру дна. Здѣсь они падаютъ въ средину блюда и по канальцу стекаютъ въ дудку, а изъ послѣдней въ бутыль. Это и есть сули, или ханшинъ.

Главный винокуръ—манза часто пробуетъ эту влагу и если замѣтитъ, что спиртуозность ея ослабѣла, гаситъ огонь въ очагѣ, вынимаетъ трубку, закупориваетъ отверстіе пробкой, снимаетъ котелъ и блюдо и вычерпываетъ изъ бочки зерно на доску. Здѣсь разбиваетъ комки, уравниваетъ слой зерна, прибавляетъ дрожжи и тщательно мѣшаетъ, чтобы послѣднія равномѣрно пропитали его во всѣхъ частяхъ. Затѣмъ снова собираютъ все это зерно въ яму, утаптываютъ его, забрасываютъ землею, замазываютъ глиною и плотно закрываютъ крышкой.

Чрезъ десять дней снова перекладываютъ его въ бочку и, установивъ вышесказаннымъ порядкомъ аппаратъ, производятъ также выкурку сули.

На заводѣ только три рабочихъ. Закончивъ выкурку изъ матеріала первой ямы и снова уложивъ его туда, они то же продѣлываютъ съ зерномъ другой, потомъ третьей и т. д. Такимъ порядкомъ выкуриваніе сули происходитъ непрерывно. Время отъ времени, между дѣлами, заготовляются и дрожжи, самый главный матеріалъ для выкурки сули.

Приготовляются они слѣдующимъ порядкомъ.

Смолотый, на ручныхъ жерновахъ, ячмень сыпятъ въ бочку, утвержденную на котлѣ, закрываютъ ее, проводятъ въ котелъ волу и разводятъ огонь въ очагѣ. Часа чрезъ три—четыре, когда пары изъ котла — пропитываютъ муку, ее вынимаютъ оттуда, разсыпаютъ на доску и уравниваютъ. Когда она охладится, ее собираютъ въ яму. Тутъ она лежитъ дней 14—16. По прошествіи этого времени ее вынимаютъ, кладутъ на доску, на полъ, и утаптываютъ, стараясь, чтобы во всѣхъ своихъ частяхъ имѣла равномѣрный слой. Затѣмъ, утрамбованную мучную массу рѣжутъ на кирпичики и оставляютъ тутъ на нѣсколько дней для просушки. Достаточно просохнувшіе кирпичики кладутъ на полки, подъ потолкомъ, гдѣ они и высыхаютъ, превращаясь въ обыкновенные сухари. Употребляютъ ихъ въ дѣло только по прошествіи 50 дней, послѣ разрѣзыванія на кирпичики.

По словамъ Ху-цы-фана и его винокура, съ которыми мнѣ удалось сойтись, каждый, даже малозажиточный китаецъ-маньчжуръ, имѣющій свою хижину, самъ выкуриваетъ сули для собственнаго употребленія, тѣмъ болѣе, что принадлежности выкурки, да и самъ процессъ ея весьма несложные и не требуютъ ни особыхъ трудовъ, ни затратъ, ни искусства. Котелъ у него одинъ, въ которомъ онъ приготовляетъ себѣ и пищу, и кипятитъ воду для чая; квасильная яма у него гдѣ-нибудь въ углу, въ видѣ небольшого ящика, или чана, установленныхъ въ землѣ до верхнихъ краевъ и закрытыхъ наглухо; небольшая кадушка, съ вырѣзаннымъ круглымъ большимъ отверстіемъ на днѣ, всегда хранится въ кладовой; вмѣсто верхняго чугуннаго котла, ему служитъ оловянный, весьма дешевый; блюдо, съ дудкою, тоже недорогое—стоитъ нѣсколько копѣекъ. Ячмень онъ засѣваетъ самъ немного для выкурки. Если онъ состоятельный хозяинъ, то выкуриваетъ сули изъ риса, тоже не особенно дорогого. Имѣя достаточный запасъ своего напитка, онъ располагаетъ наиглавнѣйшимъ продуктомъ для пищи: за завтракомъ ли, за обѣдомъ ли, или за ужиномъ онъ выпиваетъ по двѣ, по три

крошечныхъ рюмочки своей живительной влаги. Не напиваясь до пьяна, онъ этими рюмочками дополняетъ свою обычную пищу, кашицу изъ риса или буды. По словамъ рабочихъ—маньчжуръ, безъ ханшина они „издохли бы". „Если не выпьешь его, едва, едва дотянешь до вечера, потому то и дѣло устаешь"

Кромѣ того въ прошломъ году при поѣздкѣ по станицамъ на р. Уссури, я познакомился съ однимъ старичкомъ лѣтъ 80. Несмотря на этотъ преклонный возрастъ, онъ былъ бодрый, дѣятельный и веселый На видъ казался гораздо моложе. Предъ каждымъ принятіемъ твердой пищи, онъ выпивалъ ханшинъ по большой рюмкѣ. Свое здоровье. бодрость и желаніе дѣятельности онъ приписывалъ исключительно этому напитку. По словамъ его жены 76 лѣтней старушки. когда не на что купить ханшина, старикъ обыкновенно не встаетъ съ постели. „Все охаетъ и кряхтитъ, жалуется, что всяко мѣсто болитъ", добавляетъ его 40-лѣтній сынъ. „Становится вялымъ, хилымъ и немощнымъ... А выпьетъ ханшинъ, то какъ будто переродится: забѣгаетъ по дворамъ, по стойкамъ; чиститъ, ладитъ, ухаживаетъ за животными, да съ утра до вечера муштруетъ насъ. Ха-ха ха!"

Пьетъ ханшинъ помаленьку и старушка его и, по ея словамъ, тоже чувствуетъ себя отлично, если выпьетъ его.

Нѣсколько такихъ же примѣровъ разсказывалъ и г. Надаровъ въ своемъ сообщеніи въ „Обществѣ изученія Амурскаго края".

Всѣ любители ханшина, увѣряютъ что онъ гораздо лучше русской водки. „И здоровѣе, и крѣпче", говорятъ они. Кромѣ того сули употребляютъ подогрѣтой и большая рюмка этого горячаго напитка дѣйствительно согрѣваетъ весьма скоро озябшій организмъ. Въ этомъ убѣдился я самъ, при поѣздкѣ по Амуру.

Наконецъ, онъ весьма дешевъ, сравнительно съ водкой. Продается и ящиками, и пудами, и бутылками. Въ первомъ пуда 4 5. Стоимость всего ящика отъ 40 до 48 руб. Пудъ стоитъ отъ 8 до 12 руб. А такъ какъ въ пудѣ считаютъ

около 30 бутылокъ сули, то послѣдняя обходится около 35 к. Въ розницу же продается не дешевле 50 коп. и не дороже 60. Большею частью русскіе покупаютъ его ящиками. Малосостоятельные для пріобрѣтенія ящика составляютъ компанію.

Русское начальство, въ угоду водочныхъ королей, не терпитъ этотъ китайскій „божескій" напитокъ. Строго и настойчиво преслѣдуя тайную торговлю ханшиномъ, оно способствуетъ этимъ только распростаненію его среди русскаго населенія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

(Поѣздка по Амуру. Долина его отъ Усть-Стрѣлки до г. Хабаровска. Замѣчательныя мѣста по теченію этой рѣки).

Февраля 2 д. Около двухъ мѣсяцевъ не заглядывалъ въ дневникъ, за недосугомъ. Впечатлѣнія – новыя и оригинальныя—быстро слѣдовали одно за другимъ. Не имѣя свободнаго времени, для посвященія его дневнику, я располагалъ въ теченіе дня только нѣсколькими минутами. Ими и пользовался для записыванія о впечатлѣніяхъ и матеріалахъ на страницахъ свей записной книжки.

Теперь постараюсь внести сюда всѣ событія и впечатлѣнія этого времени

Пробывъ у Ху-цы-фана дней пять, я возвратился въ станицу Новую Спасскую, гдѣ и сталъ ожидать своего спутника подполковника С Въ теченіе прожитыхъ тутъ нѣсколькихъ дней, знакомился съ казаками станицы, посѣщалъ ихъ, бесѣдовалъ о старинѣ и раза два ѣздилъ по окрестностямъ. Наконецъ прибылъ и мой спутникъ. За самоваромъ, предъ отъѣздомъ. онъ сообщилъ мнѣ, что мы ѣдемъ до границы Амурской обл. безостановочно; на обратномъ пути станемъ останавливаться въ большихъ станицахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли въ кошевѣ и мчались по льду Амура

на западъ. Часа черезъ полтора, два были уже на слѣдующей станціи. Не снимая валенокъ и шубъ, знакомились съ разстояніемъ до слѣдующей остановки, садились въ кошеву и мчались далѣе. Время отъ времени закусывали на станціяхъ, удѣляя для этого самое большее минуть 30-ть. Такъ продолжали путь, днемъ и ночью, до самого Стрѣлочнаго-Караула. Тутъ пробыли дня два. Въ теченіе ихъ, я знакомился съ казаками—сторожилами, разспрашивалъ ихъ о жизни и былломъ. Тоже дѣлалъ и въ другихъ станицахъ, въ теченіе обратной поѣздки, когда приходилось останавливаться на день, на два.

24 января прибыли въ Михаило Семеновское. Здѣсь я распрощался со спутникомъ: онъ уѣхалъ въ Хабаровскъ, а я нанялъ у знакомаго старичка-казака квартирку, перебрался туда и съ того времени по настоящую минуту отдыхаю тутъ. Сижу за дневникомъ, куда записываю обильный и интересный матеріалъ, собранный въ послѣдніе два-три мѣсяца. Время отъ времени посѣщаю съ хозяиномъ квартиры ближайшія станицы и окрестности для охоты. Въ праздники хожу съ нимъ по гостямъ, гдѣ за самоварчиками и за столами, уставленными напитками и закусками, бесѣдуя о былломъ со старичками и со старушками Принимаю гостей и къ себѣ, на квартиру.—угощая ихъ по сибирски

Прежде чѣмъ заняться жителями станицъ Амурской области мнѣ слѣдовало бы сдѣлать топографическое описаніе Амура. Но, нѣкоторыя обстоятельства вынуждаютъ меня отказаться отъ этого Ограничусь только замѣчательными мѣстами по прибрежью этой рѣки.

Первое замѣчательное мѣсто на Амурѣ, если ѣхать изъ Покровска, это станица Игнатиевская, она, въ своемъ родѣ, амурская достопримѣчательность. Въ 1884, 1885 и 1886 гг. это было преддверіе знаменитой Желтуги. Богатые золотоносные пласты ея, на глубинѣ 10—14 чет., открыли случайно казаки-охотники. О возникновеніи республики они разсказываютъ такъ.

На почтовыхъ и на вольныхъ отъ Благовѣщенска и отъ

Иркутска масса народа двигалась въ Игнашино. Платя бѣшеныя деньги, весь этотъ людъ страшно торопился, чтобъ скорѣе добраться до житницы богатства Вотъ и предверіе этой обѣтованной земли — станица Игнашинская. Когда-то жалкая деревенька — тогда *) это было оживленное мѣсто. Въ каждой лачугѣ притонъ прекраснаго пола и тайная продажа водки, ханшина и пива. Пьянствуютъ, играютъ въ карты, наяриваютъ на гармоникахъ. Мужья продаютъ женъ, отцы дочерей, братья сестеръ. Денегъ нѣтъ, а есть золото. Крики, пѣсни и многоэтажныя слышутся во всѣхъ углахъ день и ночь. То и дѣло отчаянный крикъ: „Караулъ!“ оглашаетъ воздухъ.

Переѣзжаемъ Амуръ и ѣдемъ въ Желтугу, по кратчайшей дорогѣ—тропинкѣ. Мѣстность дикая—горы и густые лѣса. Ѣдемъ верхомъ, такъ какъ въ телѣгѣ совершенно невозможно пробраться по этому пути. На каждомъ шагу— вывороченные корни, стволы деревьевъ, преграждающіе тропу Наконецъ пріѣзжаемъ и въ Желтугу. Предъ нами зимовьюшки, безъ крышъ, съ крошечными окнами и низкими трубами. Около нихъ ни дворовъ, ни стаекъ. Даже сѣней нѣтъ ни у одной хижины.

Послѣднія, построенныя въ два ряда, образуютъ улицу. Населеніе этого поселка русское. Тутъ и пріисковые рабочіе, и бѣглые каторжники, и казаки и торговцы изъ Иркутска, Верхнеудинска, Читы, Благовѣщенска .. Однако, есть и китайцы. Но ихъ немного. Всего населенія 15 тысячъ, исключительно мужчинъ. Женщины заявились только въ послѣдній годъ. Сначала явилась одна, разыскивая мужа. За ней прибыли сотни. Никакихъ паспортовъ не требовалось. Привилегированныхъ не было. Здѣсь было полное равенство.

Среди поселка—площадь. Тутъ зданіе, гдѣ помѣщается управленіе этой скоропалительной республики. Сюда собираются члены желтугинскаго парламента, здѣсь обсуждаются законы, производится судъ и расправа. Судили воровъ, гра-

*) Т.-е. во время Желтуги.

бителей, скандалистовъ и явныхъ мошенниковъ. Напримѣръ, кое-кто продавалъ мѣдь вмѣсто золота. Наказаніе только двухъ родовъ: каталажка и розги. Для порядка, поселокъ раздѣленъ на нѣсколько кварталовъ. Каждымъ кварталомъ вѣдаетъ староста, избираемый по большинству голосовъ. Президентъ этой республики былъ изъ Одессы. День въ Желтугѣ начинался такъ: рано утромъ отправлялись на работу. Одна артель выкапывала яму въ 2—3 саж длины и 1 саж. ширин. Золотоносный пластъ состоялъ изъ песку отъ 2-хъ до 4 хъ арш. толщины. Золото было въ пудѣ этого песка отъ 1 до 4-хъ золот. Весь районъ былъ по теченію р. Желтуги до 20 вер. длины и до 400 саж. ширины Оканчивали работу съ солнечнымъ закатомъ. Съ этого времени начиналось пьянство и картежничество. Большинство играло до утра. Проигрывали все добытое золото — однимъ и тѣмъ же лицамъ Это были заправшіе карточные жулики. Жертвы ихъ плутовства — былъ весь простой народъ въ Желтугѣ. Въ теченіе 3-хъ лѣтъ существованія этой республики они собрали почти все добытое здѣсь золото, около 700 пуд. Нынѣ эти господа перворазрядные коммерсанты и именитые люди на Дальнемъ Востокѣ и по городамъ: въ Иркутскѣ, Читѣ въ Стрѣтенскѣ... Въ послѣдній 1885 годъ къ пьянству и къ картамъ, съ появленіемъ женщинъ, присоединился развратъ въ самой грубой, откровенной формѣ...

Существовала эта республика года три Первый признакъ конца ея—было появленіе около Игнашиной 40 китайскихъ солдатъ. Первые дали тягу—ихъ соотечественники, китайцы. Русскіе же остались, но не надолго Въ 1886 г. прибылъ въ Желтугу сильный отрядъ китайскихъ войскъ, а изъ Хабаровска генералъ маіоръ князь Заинъ Витгенштейнъ-Берлебургъ и новые республиканцы исчезли.

Слѣдующая достопримѣчательность рѣка Омутная. Около нея—старинная тропа. Пролагая путь чрезъ горы, хребты, болота и рѣчушки, она тянется чрезъ тайгу и Яблоновый хребетъ въ Якутскую область. По ней между прочимъ шелъ изъ сѣверныхъ предѣловъ этой области топографъ Карликовъ, участникъ экспедиціи Ахте.

Вотъ устье рѣки Уруши и поселокъ Сгибнево. По этой рѣкѣ тоже тропа въ верховье рѣки Зеи Пересѣкая его (верховье Зеи), она приводитъ въ долину Алданы, въ Якутской обл. Эта тропа самая просторная. По ней пробирались изъ Якутска наши авантюристы—казаки. Въ настоящее время ходятъ по ней туда и сюда инородцы-звѣроловы и торговцы

Отъѣхавъ отъ устья Уруши 7 верстъ, ѣдемъ мимо большого острова. Отъ праваго берега онъ отдѣляется узкой протокой. Длина острова до 8 верстъ, а ширина до 400 саж. Около нижняго конца его нѣсколько другихъ, мелкихъ острововъ. Всѣ они покрыты лѣсомъ. По словамъ моего спутника, этотъ пунктъ Амура самый удобный для непріятеля. Занявъ эти острова въ особенности большой, и соорудивъ на сѣверномъ берегу его крѣпость (съ батареею) онъ превосходно преградитъ путь по Амуру. Затѣмъ, легко переберется на нашъ лѣвый и займетъ его. благо, что онъ не особенно скалистъ и покрытъ лѣсомъ Кромѣ этого, недалеко отъ этихъ острововъ особенно выдвигается конусообразный утесъ Медвѣжья сопка. Занявъ его, непріятель окончательно преградитъ намъ всю амурскую долину. Въ этомъ мѣстѣ она самая узкая. Тутъ же и тропа въ верховье Зеи, съ его богатыми пріисками... Отсюда до нашихъ богатствъ (по верховью Зеи)—рукой подать.

Вотъ она, Медвѣжья сопка. На далекое разстояніе ее покрываютъ густые лѣса. Названа Медвѣжьей какъ любимая резиденція генерала Топтыгина. Сюда стекаются всѣ охотники, любители его п ва.

Противъ этой сопки, на китайской сторонѣ, устье р. Кудикана. Эта рѣка замѣчательна тѣмъ, что по долинѣ ея обширные солончаки—любимое мѣсто козъ, лосей, мараловъ... Ниже русло Амура расширяется и мы ѣдемъ мимо большого острова.

Вотъ устье р. Монастырки. Въ 1671 г. здѣсь былъ построенъ нашими авантюристами—казаками монастырь во имя Спаса Всемилостиваго. Простоялъ онъ недолго: пришли китайцы, разграбили и сожгли его.

Вотъ устье рѣки Олдоя и станица Свербеевка Олдой—это передѣланное названіе старинаго Ольдеконъ. Въ старину здѣсь было поселеніе казаковъ подъ начальствомъ Панова. До поселенія ихъ, сюда стекались инородцы охотники, чтобъ поохотиться за бѣлкой, соболями...

Вотъ Албазинъ. Прошлое этой станицы весьма интересно.

Первое извѣстіе объ Албазинѣ находимъ въ 1649 г. По однимъ источникамъ - въ этомъ году извѣстный авантюристъ крестьянинъ Хабаровъ, послѣ непродолжительнаго, но жаркаго боя съ даурами овладѣлъ городкомъ противъ устья Албазихи, принадлежавшимъ князьку Албазѣ. Здѣсь онъ находитъ изрядный запасъ зерна, 113 головъ скота и 237 лошадей. Кромѣ того беретъ въ плѣнъ 243 женщины и 118 дѣтей. Назвавъ этотъ городокъ Албазиномъ, Хабаровъ укрѣпляетъ его. Затѣмъ, пробывъ до 2 іюня того же года, оставляетъ его на произволъ судьбы.

По другимъ источникамъ, онъ не находитъ тутъ никакого поселенія, а самъ закладываетъ острогъ, наименовавъ его именемъ рѣки, при устьи которой основалъ. Обстроивъ, онъ остается здѣсь зимовать и покидаетъ только на другой годъ.

Лѣтъ чрезъ 20 является сюда Черниговскій со своею вольницей, находитъ Албазинъ разореннымъ и покинутымъ. Снова укрѣпляетъ его исправляетъ жилища и, овладѣвъ ближайшими поселеніями по Амуру, снаряжаетъ пословъ въ Москву съ дарами. Года черезъ два оттуда является гонецъ съ приказами. Пріобрѣтенный край называютъ Албазинскимъ воеводствомъ, албазинскій острогъ - городомъ, даютъ ему особый гербъ, печать и назначаютъ воеводу Алексѣя Толбузина.

По прибытіи въ Албазинъ, этотъ воевода строитъ себѣ хоромы и укрѣпляетъ городокъ. Года чрезъ два, послѣ этого, въ 1685 г. является непріятель въ числѣ 15,000 воиновъ, прогоняетъ воеводу съ его соотечественниками, разоряетъ эту вновь испеченную столицу Албазинскаго воеводства и уходитъ. Несмотря на это въ слѣдующемъ 1686 г. Толбузинъ съ воинами снова заявляется сюда, возобновляетъ постройки, укрѣпляетъ городокъ и собираетъ ясакъ. Но недолго онъ

хозяйничалъ тутъ: въ 1687 г. опять явился непріятель и окружаетъ Албазинъ кольцомъ Осада продолжалась 14 мѣсяцевъ Въ теченіе ея Толбузинъ падаетъ жертвою этой неравной борьбы. Его мѣсто занимаетъ боярскій сынъ Бейтонъ. Осаждаемые гибнутъ и отъ непріятеля, и отъ голода, и отъ болѣзней. Наконецъ, на 15-омъ мѣсяцѣ, вслѣдствіе начавшихся переговоровъ между Китаемъ и Россіею, осада была снята и весь Амуръ, въ томъ числѣ и Албазинъ, былъ возвращенъ Китаю и русскіе покинули послѣдній. Это событіе произошло въ 1689 г.

Прошло 165 лѣтъ. Во все это время необитаемый Албазинъ, разоренный до тла и превращенный въ развалины, представлялъ жалкіе остатки былого.

Наступилъ 1854 годъ. „20 мая флотилія съ солдатами, казаками и переселенцами, во главѣ съ генералъ-губернаторомъ Муравьевымъ, причалили къ берегу, гдѣ были развалины Албазина. Трубачи заиграли: „Коль Славенъ“... на всѣхъ судахъ скомандовали „На молитву!“, всѣ встали и сняли шапки. За молитвою послѣдовалъ народный гимнъ, при звукахъ котораго всѣ вступили на Албазинскую почву. Первымъ движеніемъ каждаго было подняться на остатки албазинскаго вала и осмотрѣть его. Первымъ взошелъ Н. Н Муравьевъ и преклонилъ колѣни праху почившихъ храбрыхъ и доблестныхъ защитниковъ Албазина. Его примѣру послѣдовали и всѣ его спутники. Помолившись, флотилія двинулась дальше“.

Съ того времени прибрежье Амура все болѣе и болѣе стало населяться. Въ настоящее время Албазинъ—большая станица. Здѣсь 150 дворовъ, 1000 жителей — большая часть которыхъ казаки Затѣмъ двѣ церкви, школа, станичное правленіе, пороховой погребъ, почтово телеграфная контора, много винныхъ складовъ и еще больше кабаковъ.

Вотъ Пермикинскій поселокъ. Отсюда на нѣсколько десятковъ верстъ внизъ начинается знаменитый амурскій лабиринтъ: рѣка дробится на протоки—Пермикинскія, разливаясь на $2^1/_2$ версты Множество острововъ преграждаютъ путь по этимъ протокамъ. Далѣе, чрезъ 4 в. отъ поселка она сужи-

вается до 500 саж. Однако попрежнему русло ея усѣяно островами и отмелями. Для баржъ и пароходовъ это настоящій лабиринтъ и они не мало блуждали здѣсь. Въ особенности это происходило въ первые годы по завоеваніи Амура. Какъ будетъ сказано ниже, это блужданіе было чрезвычайно полезно для начальствующихъ надъ баржами и судами, и въ большинствѣ случаевъ, они сами желали этой игры въ прятки, среди дня. Кромѣ лабиринта, съ этого пункта до самой Ольгиной начинается *историческій скорбный путь*. Зимою въ 1856—1857 гг. весь этотъ путь былъ покрытъ трупами солдатъ 14 линейнаго баталіона. Этотъ злополучный баталіонъ возвращался изъ Маріинска, куда былъ посланъ для защиты Николаевска и прибрежья Татарскаго пролива отъ ожидаемаго нашествія союзниковъ. По винѣ начальства, онъ запоздалъ на пути. Наступила поздняя осень и зима, когда онъ прошелъ Благовѣщенскъ. Кое какъ добрались солдаты до Ольгиной. Съ этого послѣдняго мѣстечка, ни могли ужъ больше бороться съ неблагопріятными обстоятельствами Наступленіе зимы, отсутствіе теплой одежды, хлѣба и населенія--все это безъ выстрѣла уложило почти половину баталіона, разбросавъ этихъ защитниковъ отечества по дорогѣ, на протяженіи 200 верстъ. Что касается до командира этого баталіона и прочихъ офицеровъ его, то всѣ они уѣхали ранѣе выступленія своей части за мѣсяцъ.

По словамъ очевидца *) „около баржи съ мукой, засѣвшей лѣтомъ на мели, было нѣсколько труповъ умершихъ солдатъ: обѣлись съ голоду муки и померли“... „Ниже этой баржи встрѣчались раздирающія душу картины: солдаты, голодные, шли пѣшкомъ при 35° мороза въ однихъ шинеляхъ и фуражкахъ, полуживые, обезображенные морозомъ, закоптѣвшіе отъ дыма... Отъ Пермикиной чаще и чаще стали попадаться трупы замерзшихъ солдатъ и по дорогѣ и у давно потухшихъ костровъ . Около нынѣшняго Вагановскаго станка, на одномъ островѣ было много труповъ, замерзшихъ въ

*) Воспоминанія съ 1849 по 1880 гг. Боданова.

разныхъ позахъ и погибшихъ отъ голода... У нѣкоторыхъ труповъ были отрѣзаны заднія части... На одномъ островѣ среди труповъ были и живые около 50 человѣкъ. Они питались трупами своихъ товарищей. Много труповъ было уже занесено снѣгомъ. Видны были только конечности". Очевидецъ, описывающій эти картины, былъ посланъ и для поданія помощи живымъ солдатамъ, и для уборки труповъ. Онъ проѣхалъ только половину этого скорбнаго пути. Еще больше было труповъ далѣе къ Ольгиной.

Собиралъ кости этихъ послѣднихъ—самъ главный виновникъ гибели этого полубатальона Н. Н. Муравьевъ, спустя годъ послѣ этой катастрофы. Вотъ что разсказываетъ про это тотъ же очевидецъ.

„Плывя отъ Албазина онъ (Муравьевъ) со мною однимъ плавалъ въ лодкѣ и разспрашивалъ подробно о погибшихъ солдатахъ. При этомъ строго запретилъ разсказывать про это несчастіе кому-либо до самой его смерти. Въ Толбузинѣ, рано утромъ, не ожидая, когда проплыветъ отрядъ, онъ приказалъ мнѣ тихонько взять чайникъ и хлѣбъ и плыть съ нимъ въ лодкѣ впередъ. Ему хотѣлось посмотрѣть то мѣсто, гдѣ было похоронено много солдатъ. Приплыли туда задолго до прибытія всего отряда. Генералъ ходилъ по острову и что-то молча соображалъ. Онъ былъ въ весьма мрачномъ настроеніи и, почти съ самаго утра, ничего не говорилъ. Потомъ началъ самъ собирать кости, а мнѣ приказалъ принести изъ лодки весло и топоръ и, указавъ мѣсто, заставилъ рыть могилу. Когда всѣ кости были собраны, онъ своими руками сложилъ ихъ въ могилу и засыпалъ землею. Зарывъ могилу и уронивъ нѣсколько крокодиловыхъ слезинокъ, Н. Н Муравьевъ поспѣшилъ возратиться на плывшія суда. Когда подошелъ баркасъ, онъ перешелъ на него, поздоровался со всѣми и сталъ хвалить своего спутника, въ лодкѣ, молодого казачка, автора воспомананій. „Какимъ прекраснымъ чаемъ угостилъ меня Богдашка, говорилъ онъ своей свитѣ, весело улыбаясь, какъ будто печальнаго въ то утро совсѣмъ ничего и не бывало. Затѣмъ разсказывалъ, что въ нѣсколь-

кихъ мѣстахъ онъ выходилъ на берегъ, но подходящаго мѣста для постройки не нашелъ".

Къ этому я прибавлю свидѣтельство старичковъ казаковъ станицъ, расположенныхъ на этомъ историческомъ скорбномъ пути. По ихъ словамъ, зарыта была одна сотая часть погибшихъ солдатъ. Много труповъ было растаскано звѣрями, много унесено водой весною слѣдующаго года, когда Амуръ освободился отъ льда; много совершенно сгнившихъ труповъ нѣсколько лѣтъ валялось въ чащѣ, по островамъ и по побережью, и были случайно находимы только одни кости ихъ, спустя долгое время послѣ этой катастрофы. Какъ говоритъ самъ авторъ этихъ воспоминаній, въ то время онъ былъ безусымъ казачкомъ. И вотъ этотъ-то юноша одинъ, на одной лошади, и былъ командированъ для поданія помощи и для уборки труповъ! Повторяю его слова: „Я проѣхалъ только половину этого пути"... А Н. Н. Муравьевъ собиралъ кости на пространствѣ десяти-пятнадцати квадр. саженъ. И больше никто и никогда не озабочивался этимъ.

Однако возвращаюсь къ прибытію Н. Н. Муравьева на свое судно, къ свитѣ, съ похоронъ $^1/_{100}$ части костей погибшихъ солдатъ. Своей улыбкою, ложью, что „Богдашка угостилъ его отличнымъ чаемъ и приказаніемъ никому не говорить объ этомъ несчастіи, до его смерти"—этотъ амурскій завоеватель выразилъ полное незнаніе жизни и людей; выразилъ свою боязнь людскихъ слуховъ, могущихъ дойти до Монарха. Выразилъ и стремленіе во что-бы то ни стало удержаться на этомъ славномъ и высокомъ посту. И дѣйствительно, напрасно воображалъ онъ, что о гибели этого полубатальона извѣстно будетъ только ему и „Богдашкѣ". Напротивъ, объ этомъ стало извѣстно всему сибирскому населенію задолго до того, какъ узналъ объ этомъ онъ самъ, Н. Н. Муравьевъ. Дѣло въ томъ, что изъ числа этого полубатальона часть, съ отмороженными руками, ногами и ушами и въ тифѣ, доживали послѣдніе дни зимою и весною этого злополучнаго года по селамъ, деревнямъ и городамъ Забайкальской области и Иркутской губерніи. По словамъ старожиловъ и сторожилокъ,

жившихъ въ то время въ этихъ частяхъ Восточной Сибири, и переселенныхъ оттуда на Амуръ въ слѣдующихъ годахъ, въ часы полнаго сознанія эти мученики разсказывали многочисленнымъ слушателямъ объ ужасахъ гибели своихъ товарищей и о чудесномъ своемъ спасеніи отъ смерти на побережьи и на островахъ Амура. Въ числѣ слушателей, были и „господа“. Знала объ этомъ и свита Н. Н. Муравьева, знала полнѣе и лучше, чѣмъ онъ самъ и задолго до описанныхъ похоронъ остатковъ погибшихъ. Большая часть офицеровъ изъ свиты въ томъ же году покинула своего патрона, возвратились въ Петербургъ, гдѣ и повѣдали столичному міру объ этой катастрофѣ. Дошли эти слухи и до Монарха, разсказываетъ мнѣ мой спутникъ С., жившій въ то время у родителей въ Петербургѣ и не разъ слышавшій въ обществѣ отъ знакомыхъ (родителямъ) генераловъ „про эту исторію“. Не довѣряя сплетнямъ, чудовищно преувеличеннымъ, Императоръ Александръ II требовалъ подтвержденія ихъ, или фактическаго опроверженія. Требуемое было, конечно, представлено на Высочайшее благоусмотрѣніе только—увы—чрезъ полтора года. Послѣдствіемъ этого доклада было назначеніе Н. Н. Муравьева членомъ совѣта.

Узналъ онъ объ этомъ ранѣе, чѣмъ былъ полученъ имъ приказъ,—и не мало сокрушался этой неожиданной для него участи. Съ этой печалью, онъ возвращался изъ Японіи въ 1859 г. Теперь онъ держалъ себя тише воды и ниже травы: ѣхалъ безъ свиты и даже безъ адъютанта, не кипятился, какъ прежде, не требовалъ на пути курьерскихъ, какъ ранѣе, и довольствовался даже быками, которыхъ ему запрягали кое-гдѣ, за неимѣніемъ лошадей. Такъ изъ всесильнаго сибирскаго сатрапа онъ былъ превращенъ въ обыкновеннаго подданнаго.

Вотъ станица Цагаянъ. Отсюда обширный лугъ смѣняется береговыми скалами. Изъ нихъ самая замѣчательная, нерѣдко дымящаяся, выступаетъ мысомъ. Эта скала мысъ состоитъ изъ бѣлыхъ и желтыхъ пластовъ песчанника, съ тонкими пластами бураго каменнаго угля. Отчего они загораются? Изъ

тонкихъ щелей этой скалы пробивается дымъ по всему полукруглому пространству скалы. Въ тихую погоду этотъ дымъ столбомъ поднимается въ высь. На вершинѣ этой скалы нѣсколько развѣсистыхъ березъ и сосенъ. На ихъ вѣтвяхъ висятъ скромныя приношенія инородцевъ: ленточки, листочки табаку, шелковыя тряпочки, лапки отъ пушныхъ звѣрей... Эту дымящуюся скалу инородцы называютъ Лама-Хадаръ, буквально: скала ламъ. Такія скалы тянутся и далѣе, на протяженіи почти 2 верстъ, но онѣ не дымятся. Вообще это священное мѣсто у инородцевъ. Въ извѣстное время года, преимущественно лѣтомъ они собираются сюда на поклоненіе

Вотъ устье р. Ганъ, впадающей въ Амуръ справа. По мнѣнію одного моего знакомаго, ученаго маньчжура, земли по теченію ея и притокамъ въ отдаленнѣйшія времена будто бы принадлежали владѣльческому князю Ган-Тимуру. Составляя только часть его владѣній, какъ даурскаго князя, онѣ были родовымъ собственнымъ его владѣніемъ. Тутъ, по словамъ ученаго маньчжура, была его лѣтняя резиденція. Зимняя же была южнѣе, тоже на рѣкѣ Ганъ, впадающей въ верховье р. Нонь-ула. Названіе этихъ мѣстожительствъ, именуемыхъ по рѣкамъ Ганъ, вошло въ составъ фамиліи этихъ князей, какъ неотъемлемая частица, какъ показатель мѣстопребыванія ихъ.

Вотъ устье рѣки Зеи, отъ этого пункта до станицы Низменной на нашей лѣвой сторонѣ жили до 1900 г маньчжуры и дауры подданные Китая. Поселились они здѣсь въ незапамятныя времена одновременно съ появленіемъ на правомъ берегу Амура г. Айгуна По Айгунскому договору Н. Н. Муравьевъ сдѣлалъ уступку Китаю, оставивъ ихъ въ подданствѣ Богдыхана. Графъ Игнатьевъ въ Пекинскомъ договорѣ тоже уступилъ настояніямъ мандариновъ и эти подданные Китая попрежнему были оставлены въ нашихъ предѣлахъ, съ правомъ заниматься рыбной ловлей и звѣриными промыслами, гдѣ имъ угодно. Оставлены были за ними и земельныя угодія, которыми они пользовались, ежегодно захватывая все новыя и

новыя лучшія мѣста въ нашихъ предѣлахъ. Въ послѣднее время они владѣли 110,000 десятинъ земли. Изъ нихъ обрабатывали около 40,000 д. Остальныя—сѣнокосные луга, пастьбища, лѣса и огороды. Пользуясь этими богатыми угодіями, они платили подати своему китайскому богдыхану. По призыву посылали своихъ сыновей въ Айгунъ, гдѣ изъ нихъ и формировался баталіонъ.

Мѣстность, гдѣ они жили, въ длину, по берегу Амура, до 67 верстъ, а въ ширину около 25 в., всего 1500 кв. верстъ. На этомъ пространствѣ расположены были 38 деревушекъ и селеній. Остальныя 26 были фермы, состоящія изъ 2—3-хъ хижинъ. По исчисленію, произведенному въ 1883 году въ этихъ поселкахъ и фермахъ было всего 1266 дворовъ, въ 1900 г. приблизительно исчислялось 1400, съ населеніемъ около 15000 душъ. Въ 1883 г. исчислено было послѣднихъ 14000 обоего пола.

Всѣ эти маньчжуры и дауры были народъ самостоятельный. Имѣли около 6000 лошадей и 4500 быковъ, или на каждый дворъ, или отдѣльное семейство по 4—5 лошадей и по 2, по 3 и по 4 рабочихъ быковъ. Главное занятіе ихъ было земледѣліе и огородничество. На поляхъ засѣвали пшеницу, буду, макъ, кукурузу... Въ огородахъ же табакъ, картофель, арбузы, огурцы, дыни, лукъ, бобы, китайскую капусту, стручковый перецъ, чеснокъ.

Въ лѣто 1900 г. это мирное населеніе было изгнано. Казаки перебили ихъ цѣлые сотни. Столько же было утоплено въ Амурѣ. Неубранныя поля, огороды и прочее имущество этихъ мирныхъ тружениковъ досталось казнѣ и казакамъ.

Станица Игнатьевская. Въ 5 верстахъ отъ нея, на правомъ берегу Амура — остатки жилищъ. Здѣсь въ изобиліи черепки глиняной посуды, съ орнаментами первобытной эпохи, кости звѣрей и т. д.

Поселокъ Касаткинъ. Въ 15-ти верстахъ отъ него, въ размываемой Амуромъ горѣ, находятся въ изобиліи громадныя черныя кости. Казаки употребляютъ ихъ для якорей. Между ними есть совершенно окаменѣлыя.

Не много далѣе отъ впаденія въ Амуръ р. Ганукана начинается знаменитое ущелье Ками фынъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки довольно высокія лѣсистыя горы Хингана - справа, и Лагаръ слѣва. Онѣ вплоть надвинулись къ руслу по обѣимъ сторонамъ. Въ этомъ ущельи мы ѣхали цѣлыя сутки, на протяженіи 130 — 140 верстъ. Въ теченіе дня и ночи разъ пять мѣняли лошадей въ станицахъ, расположенныхъ у подножія береговыхъ скалъ. Ширина Амура по всему этому ущелью около 300—400 саж Фарватеръ безъ острововъ и безъ отмелей—глубокъ и теченіе весьма быстрое.

Хинганъ—это хранилище неимовѣрныхъ богатствъ Главная часть его находится въ казачьемъ владѣніи. Казачья администрація, на многочисленныя ходатайства, о разработкѣ минераловъ на Хинганѣ и объ изслѣдованіи его, отвѣчаетъ обыкновенно отказомъ.

Вотъ устье р Уя. Отсюда мы опять ѣдемъ въ глухомъ ущельѣ. Амуръ окаймляетъ то голыя скалы, то лѣсистыя высокія горы. Словно въ коридорѣ. Потолкомъ его служитъ неширокая полоса небеснаго свода.

Между станицами Поярковой и слѣдующей за нею—Раддѣевской—по обоимъ берегамъ Амура замѣчательные остатки былыхъ временъ. На 6-ой верстѣ отъ Поярковой, на полуостровѣ, между рѣками Амуромъ и Завитой, находятся развалины крѣпости, валы, рвы, каменнаго моста. Около хутора Ново Петровскаго развалины цѣлаго городища: валы, рвы, башни, каменныхъ воротъ.

Въ 14 верстѣ отъ этого же хутора, на вершинѣ высокой горы развалины крѣпости, валы, ямы. Послѣднія, повидимому, остатки землянокъ. Ниже Чесноковой, на лѣвомъ берегу Амура—кости, черепки, уголь.

Въ 15-и верстахъ отъ станицы Никольской, на правомъ берегу Амура, на отвѣсной скалѣ,—огромный камень, имѣющій видъ головы. Около него, развалины жилищъ. Это важный бурханъ тунгусовъ и маньчжуръ. На поклоненіе ему и нынѣ съѣзжаются въ извѣстное время тѣ и другіе. Въ первобытныя времена здѣсь, повидимому, была кумирня и при ней жили жрецы.

Въ 3-хъ верстахъ отъ этихъ развалинъ, къ Хабаровску, на лѣвомъ берегу, находится древнее кладбище. Длина его 30 саж., ширина 10. Размываемый Амуромъ берегъ обнаруживаетъ могилы, кости, панцыри, наконечники, костяныя и желѣзныя стрѣлы, монеты, мѣдныя украшенія. Могилы сдѣланы въ видѣ срубовъ, маленькихъ избушекъ-землянокъ, безъ оконъ и дверей.

По словамъ китайцевъ, подъ этими развалинами, въ подземельяхъ, большія богатства. Если они не расхищены до настоящаго времени, то благодаря только одному религіозному фанатизму инородцевъ. Кромѣ того, изъ русскихъ эти остатки старины мало кому извѣстны.

Вотъ устье Сунгари. Послѣдній пунктъ—тоже замѣчательный въ своемъ родѣ. Между 1650 и 1652 гг. русскіе построили на мысу, между Амуромъ и впадающей въ него Сунгари, крѣпость. Однако существовала она недолго. Китайско-маньчжурскіе воены узнали про это и послали флотъ. Подплывъ къ крѣпости, непріятель безъ особаго усилія взялъ ее и разорилъ.

Нынѣ по Сунгари энергичное транспортированіе грузовъ внизъ и вверхъ рѣки. Такъ напримѣръ въ 1907 г. хотя перевозка грузовъ по ней и неудачна была по большой убыли воды, тѣмъ не менѣе внизъ, по направленію къ Благовѣщенску, было перевезено 3.500,000 пуд. на пароходахъ и на баржахъ. Кромѣ этого, прибавьте 1.000,000 пуд. груза перевезеннаго на джонкахъ. Общая цифра груза, перевезеннаго въ 1907 году, выразится въ 4,500,000 пуд.

Что касается до 1908 г., то навигація этого года была болѣе удачная. Общая цифра груза, перевезеннаго паромъ около 7,500,000 пудовъ, да на джонкахъ 1,500,000 пудовъ. Итого въ 1908 г. около 9.000,000 пуд. При этомъ преобладаютъ грузы, идущіе внизъ, къ Амуру. Перевозятся въ Амурскую область продукты маньчжурскаго сельскаго хозяйства и китайскіе мануфактурные товары. Что касается до грузовъ, идущихъ изъ Благовѣщенска въ Маньчжурію, то въ размѣрѣ $^1/_{15}$ общаго отъ насъ идетъ только кэта.

Въ этихъ двухъ главахъ я говорилъ о русскомъ побережьѣ Амура. Здѣсь же скажу нѣсколько словъ о китайскомъ.

До русско-японской войны правый, китайскій берегъ его на всемъ своемъ протяженіи былъ почти не заселенъ. Здѣсь былъ только одинъ городъ Айгунъ. Послѣ войны онъ энергично сталъ заселяться. Не прошло и 4-хъ лѣтъ послѣ этого варварскаго побоища, какъ по всему 2000-му протяженію аргунскаго и амурскаго побережья, противъ каждой станицы и поселка (не говоря уже о Благовѣщенскѣ), какъ грибы послѣ дождя, выросли китайскія селитьбища: маленькія деревеньки, большія селенія и даже города. Кромѣ того, поставлены пикеты на пятидесятиверстномъ разстояніи одинъ отъ другого. Они состоятъ изъ 20 солдатъ съ офицеромъ во главѣ. Между Покровской станицей и Черняевой, на протяженіи 394 в., такихъ пограничныхъ отрядовъ восемь. Слѣдовательно, по Аргуни и Амуру, до г. Хабаровска, ихъ около 40. Въ крупныхъ поселеніяхъ уже не отряды, а полки. Напримѣръ, въ городкѣ Мохо, противъ Игнашиной, въ другомъ новоиспеченномъ городкѣ, противъ Джалинды, въ Сахалянѣ противъ Благовѣщенска, въ Айгунѣ.

По мнѣнію одного моего пріятеля, образованнаго китайца, мандарины прекрасно знаютъ, сколько войскъ у русскихъ въ Приморской, Амурской и Забайкальской областяхъ. „У насъ же“, говоритъ китаецъ, „въ размѣрѣ одной десятой части вашихъ. Когда наши войска стали двигаться къ сѣверной Маньчжуріи, ваши газеты и политики подняли вопли на весь міръ: „Китай готовится къ войнѣ съ нами...“ И каждый разъ, какъ только станемъ двигать лишнюю войсковую часть, такъ ваши газеты и поднимаютъ эти вопли. Между тѣмъ развѣ неестественно желаніе быть тоже сильнымъ, хоть наполовину, имѣя такого могущественнаго сосѣда, какъ Россія? Этими воплями ваши публицисты, журналисты и политики только компрометируютъ себя въ глазахъ міровыхъ державъ“.

Однако, возвращаюсь къ правому побережью Амура. Нечего много и говорить, что въ этихъ китайскихъ деревняхъ и городахъ по побережью Амура множество промышленныхъ

и торговыхъ заведеній. Особенно послѣднихъ. Въ любой лавочкѣ продается все, что нужно для обывателей обоихъ береговъ Амура. Цѣны на всѣ товары въ китайскихъ лавкахъ и лавочкахъ гораздо дешевле, чѣмъ въ такихъ же станичныхъ. Въ особенности на китайскую водку —ханшинъ Неудивительно поэтому, что торгуютъ они великолѣпно. А у русскихъ застой. Для поправленія своихъ коммерческихъ операцій они находятъ только одно средство: жаловаться начальству. Въ этомъ сказывается натура раба, совершенно отвыкшаго отъ самостоятельной дѣятельности и даже отъ мышленія Между тѣмъ какъ всѣ его сосѣди преуспѣваютъ и совершенствуются во всѣхъ отношеніяхъ, русскій великанъ вырождается, прозябая въ проголодь въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ...

Всѣ лавочники-китайцы прекрасно говорятъ по-русски. Продавая свои товары, онъ не забудетъ расхвалить ихъ русскому покупателю Въ особенности расхваливаетъ онъ ханшинъ. По его словамъ — ихъ водка незамѣнима для поддержанія здоровья. Она—единственное лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней, даже застарѣлыхъ Если вамъ говорятъ это въ теченіе полстолѣтія и на каждомъ шагу, то вы невольно повѣрите этому. А вѣра, въ чудодѣйствіе чего-либо, гипнотически внушенная— горами ворочаетъ. Не удивительно поэтому, что ханшинъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ употребляется въ громадномъ количествѣ, несмотря на всѣ строгости и преслѣдованія со стороны нашей администраціи. Кромѣ „защитниковъ отечества“, промышленныхъ и торговыхъ заведеній, въ китайскихъ селитьбищахъ — школы и банки *). Первыя переполнены ребятами всѣхъ возрастовъ. А вторые весьма щедро раздаютъ ссуды даже владѣющимъ одними штанами и одной курмой-курткой. Отъ такой голытьбы требуютъ только одно удостовѣреніе, что проситель ссуды членъ какого либо союза или артели (состоящей изъ такихъ же бѣдняковъ). А извѣстно, нѣтъ китайца, который бы не былъ членомъ и участникомъ

*) Нѣсколько похожи на оптовыя коммерческія заведенія: принимаютъ вклады, пуская ихъ въ оборотъ, и ведутъ оптовую торговлю товаромъ.

какого-либо кооперативнаго союза. Самопомощь вошла въ плоть и кровь китайскаго народа нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, а русскіе — этотъ „любимый Божій народъ“— сталъ практиковаться въ ней только въ XX в., и то не безъ препятствій со стороны дальновидныхъ и проницательныхъ „начальниковъ“.

Благодаря этой самопомощи, высшей трудоспособности и полному отсутствію у нихъ прихоти въ пищи и въ напиткахъ, населеніе амурскаго прибрежья и вообще сѣверной Манчжуріи. въ размѣрѣ 5—6 милліоновъ (а во всей около 18), занимаясь. главнымъ образомъ, хлѣбопашествомъ, достигло до завиднаго благосостоянія. Показателемъ его служитъ слѣдующій фактъ: средній годовой сборъ зерна здѣсь въ 1910 г. былъ—277 милліоновъ пудовъ. Этотъ хлѣбъ вывозится въ Японію и въ наши восточно-сибирскія области. Кромѣ хлѣба, вывозится оттуда же (сѣв Ман.) бобы въ Западную Европу чрезъ Владивостокъ и Дайренъ.

При этомъ примите во вниманіе, что это превращеніе пустыннаго и малонаселеннаго края въ многолюдный и богатый произошло въ теченіе 4—5 лѣтъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

(Н. Н. Муравьевъ, его жизнь и дѣянія).

Сдѣлавъ краткое топографическое описаніе долины Амура, я долженъ заняться исторіею по заселенію ея. Но прежде чѣмъ разсказать про это, не мѣшаетъ удѣлить нѣсколько страницъ Н. Н. Муравьеву, какъ единственному распорядителю по заселенію этого края. Тѣмъ болѣе, что дальнѣйшая судьба и этическій характеръ поселившихся всецѣло зависѣли отъ опытности, просвѣщенія и характера этого распорядителя. Въ данномъ случаѣ его можно сравнить съ управляющимъ обширной и богатой экономіи. Если управляющій

отличный хозяинъ, хорошій и добрый человѣкъ, однимъ словомъ, если онъ на высотѣ своего призванія, то безъ сомнѣнія экономія будетъ въ прекрасномъ цвѣтущемъ состояніи.

Наоборотъ, если онъ въ хозяйствѣ несвѣдущъ, а относительно низшихъ „маленькихъ людишекъ“ несправедливъ, неглижеръ и не считаетъ ихъ даже „за человѣковъ“ — тогда горе экономіи. Арендаторы будутъ гораздо въ худшемъ положеніи, чѣмъ ирландцы, а рабочіе и прислуга: меньшинство— порядочные и честные поспѣшатъ уйти, а большинство, любители чужого добра и даровщины, постараются понажиться господскимъ добромъ.

Господствующими страстями амурскаго завоевателя были: честолюбіе низшей пробы и самолюбіе, основанное на мыльномъ пузырѣ. Для удовлетворенія ихъ онъ былъ неразборчивъ на средства. Съ подчиненными былъ деспотъ и ни во что ставилъ законъ и справедливость. На крестьянъ, рабочихъ и солдатъ смотрѣлъ какъ „на скотовъ“, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Будучи 17 лѣтъ, Николай Николаевичъ уже заботился „о пополненіи своего формуляра“. Это стремленіе не покидаетъ его въ теченіе всей государственной службы. Карьера — вотъ единственная цѣль его жизни. По его мнѣнію: „Въ мирное время не стоитъ служить, потому формуляръ слишкомъ медленно пополняется“. Поступивъ на службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардію (въ 1827 г.), 17-лѣтній карьеристъ въ слѣдующемъ году былъ уже въ дѣйствующей арміи на Балканскомъ полуостровѣ. За эту кампанію получилъ Высочайшую благодарность, два чина и орденъ. Возвратившись въ Россію, онъ поступилъ адъютантомъ къ начальнику пѣхотной дивизіи генералу Головину. Послѣдній былъ другъ и пріятель отца нашего юнаго героя. Просьбу своего друга: „Не оставлять своимъ покровительствомъ Колю“, Головинъ никогда не забывалъ.

Въ 1830 г. Николай Николаевичъ возвратился въ Петербургъ и, несмотря на то, что ему было 21 годъ, подалъ прошеніе объ увольненіи въ отставку. Цѣль отставки получить

чинъ и за мнимой болѣзнью—полную пенсію, въ размѣрѣ годового оклада жалованья. И получилъ то и другое. Но вотъ началась польская война. Юный пенсіонеръ снова поступилъ на службу въ дѣйствующую армію и опять къ своему благодѣтелю Головину адъютантомъ. Хороша адъютанская форма, а главное адъютантъ на виду у начальства и имѣетъ много случаевъ угодить своему патрону. Кончилась польская война, а наградъ нашему герою все нѣтъ и нѣтъ. Неудивительно, что обиженный адъютантъ былъ въ самомъ угнетенномъ состояніи. Какъ разобиженный амуръ, онъ дулся и роптал: „Служи, терпи, молчи и смотри съ почтеніемъ на тѣхъ, которые награждены безъ заслугъ и перескочили меня во всѣхъ отношеніяхъ, вотъ мое назначніе Словомъ сказать, во всей арміи нѣтъ человѣка, менѣе меня награжденнаго“, пишетъ онъ своему брату. Но его не обошли. За эту послѣднюю кампанію онъ получилъ цѣлыхъ три награды. Успокоившись на лаврахъ, нашъ герой снова вышелъ въ отставку съ чиномъ и пенсіею. Но въ отставкѣ пробылъ недолго. Матеріальныя средства снова заставили его подумать о службѣ. На его просьбу объ этомъ, Головинъ предложилъ ему мѣсто съ окладомъ въ 10000 р. золотыхъ и съ большими надеждами на будущее. Но Николаю Николаевичу это мѣсто не понравилось. „Не могу не ужасаться мысли вступить на эту службу. Это будетъ противно моимъ правиламъ и понятіямъ, и моему честолюбію, которое довольно обширно, къ сожалѣнію. Дѣла будетъ пропасть, непріятностей куча, а толку мало. А главное—сойду съ военнаго пути, который одинъ только и можетъ мнѣ обѣщать быстрое возвышеніе. Кромѣ того, замараюсь со служеніемъ съ канальями, кои окружаютъ Головина“, писалъ онъ брату. Къ счастію для нашего героя, Головина назначили на Кавказъ командиромъ отдѣльнаго корпуса. Тогда поступилъ къ нему и Николай Николаевичъ штабъ-офицеромъ для особыхъ порученій, т-е. получать большое содержаніе, ничего не дѣлать, а главное быть на виду у начальства. Тѣмъ не менѣе онъ не успокаивался. Главное, его мучила зависть къ тѣмъ, которые стояли выше его. Завидуя этимъ

счастливцамъ, онъ отзывался о нихъ чрезвычайно худо. По его мнѣнію дѣла на Кавказѣ шли скверно, потому что служили они, т.-е. выше его поставленные по службѣ.

„Въ началѣ 42 г. я говорилъ, что будетъ дурно и не ошибся". Въ 44 г., въ запискѣ о причинахъ неудачныхъ военныхъ дѣйствій, онъ—„придумывалъ, что надо сдѣлать и полагалъ и полагаю, что будетъ дурно, когда"—не послушаютъ его совѣтовъ и не сдѣлаютъ такъ, какъ придумалъ онъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ. На его пространную записку высшее начальство не обратило вниманія Между тѣмъ нашъ герой возлагалъ на нее большія надежды.

„Меня узнаютъ, оцѣнятъ и дадутъ высшее мѣсто", пишетъ онъ.

Однако, на Кавказѣ ему было не особенно дурно: въ шесть лѣтъ, прослуженныхъ здѣсь, онъ дослужился до генеральскаго чина и получилъ нѣсколько орденовъ. Но ему было мало этого. Онъ страстно желалъ быть командиромъ отдѣльнаго корпуса. Къ его сожалѣнію, этого то ему и не давали. Огорченный Николай Николаевичъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ и пенсіею. Однако въ отставкѣ онъ пробылъ недолго. Когда на Кавказѣ назначили новаго главнокомандующаго, графа Воронцова, Муравьевъ явился къ нему и предложилъ свои услуги быть „чѣмъ либо полезнымъ на Кавказѣ". Но его услугъ не приняли: Воронцовъ уже зналъ, что это за птица.

Поступивъ вновь на службу, онъ былъ причисленъ, вопреки своего желанія, къ Министерству внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь, въ 1846 г., онъ былъ командированъ для ревизіи въ Новгородскую губ., а лѣтомъ того же года былъ назначенъ тульскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Это назначеніе чрезвычайно огорчило его. И дѣйствительно. Николай Николаевичъ, чувствуя признаніе къ военному поприщу, желалъ быть командиромъ отдѣльнаго корпуса въ дѣйствующей арміи на Кавказѣ, а его назначаютъ почти на гражданскую службу, куда то въ Тулу! Къ его счастію, благодѣтелей у него было достаточно. Изъ числа ихъ, неизмѣнно благоволила къ нему

Великая княгиня Елена Павловна, какъ къ своему бывшему пажу. Будучи въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ къ мѣсту своего назначенія, въ Тулу, вновь испеченный губернаторъ явился къ своей покровительницѣ и, изливъ свое горе, молилъ Ее спасти его, будущаго героя, спасти для Россіи, гдѣ „такъ рѣдки такіе геніи“. Великая княгиня вняла его мольбамъ и воспользовалась своимъ вліяніемъ на высшія сферы. Благодаря этому покровительству, на другой годъ, въ 1847 г., нашъ геній былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Этимъ назначеніемъ онъ былъ чрезвычайно доволенъ.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ, нашъ геній намѣтилъ для своего исполненія пока три проекта: увеличить количество добываемаго золота на Усть Карійскихъ промыслахъ; увеличить количество войскъ въ раіонѣ своего управленія и, по изслѣдованіи устья Амура, овладѣть имъ. Исполненіе перваго проекта необходимо было для доказательства своему врагу, министру финансовъ Вронченко, что онъ, генералъ-губернаторъ Вост. Сиб., не хвасталъ, пообѣщавъ при спорѣ съ нимъ (на одномъ раутѣ) вдвое увеличить добычу золота. Исполненіе второго и третьяго проектовъ необходимо было ему лично для себя. Дѣло въ томъ, что генералъ-губернаторъ Западной Сибири, имѣя въ раіонѣ своего управленія извѣстное число войсковыхъ частей, пользовался большими правами и былъ поставленъ по службѣ выше, чѣмъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, имѣвшій въ своемъ распоряженіи только 4 гарнизонныхъ баталіона съ однимъ бригаднымъ командиромъ. Изъ нихъ нельзя было сформировать отдѣльнаго корпуса, а его, Н. Н Муравьева, назначить командиромъ послѣдняго. Однимъ словомъ, осуществленіе послѣднихъ проектовъ необходимо было для пополненія своего формуляра.

Къ исполненію перваго проекта Николай Николаевичъ согналъ всѣхъ каторжныхъ и горно-заводскихъ служителей въ пустынное мѣсто въ Кару на золотыя промысла. Покинувъ на произволъ судьбы свои семьи, домишки, хозяйство, животишекъ и поля, весь этотъ людъ нѣсколько сотъ верстъ шелъ

пѣшкомъ подъ конвоемъ до мѣста рудниковъ, питаясь подаяніемъ. Вотъ разсказъ одного каторжанина, П. В. М—ва, бывшаго въ то время (въ 50-хъ гг.) въ Карѣ. Попалъ онъ сюда—за убійство жены... Какъ грамотный и хорошій каллиграфъ, все время въ карійской каторгѣ занимался въ канцеляріи начальника ея. Послѣдній былъ нѣкто Разгильдѣевъ. „Это—человѣкъ извергъ. Такихъ какъ самъ, подобралъ и служащихъ: надзирателей, палачей, надсмотрщиковъ. При вступленіи, приказалъ заготовить двѣ дюжины плетей, нагаекъ и кнутовъ. Кромѣ того, установилъ субботній нарядъ за ерникомъ. Это была ежедневная березовая каша для нашего брата.

Какъ говорили тогда въ канцеляріи, высшее начальство (Муравьевъ) возлагалъ на Разгильдѣева большія надежды. Повидимому, послѣдній зналъ это (кажется было отъ него распоряженіе) и старался осуществить эти надежы".

Первая зима пребыванія Разгильдѣева въ Карѣ, указывала на предстоящую жаркую и энергичную дѣятельность въ нашихъ рудникахъ. Въ январѣ стали мы получать бумаги о передвиженіи къ намъ каторжанъ изъ всѣхъ существовавшихъ тогда рудниковъ: изъ Акатуя, изъ Нерчинскаго завода, изъ Култуминскаго, изъ Алгачей... Въ ожиданіи ихъ были заказаны большіе запасы провіанта, крупъ, соли, кирпичнаго чая. Къ несчастію, всѣ ожидаемые запасы не были получены вовремя и въ половину. Причина этого было извѣстное тогда бездорожье. Да и населеніе было рѣдкое.

И то сгоняли ежегодно въ Читу, въ Сивакову и проч. для сформированія казачьихъ баталіоновъ, для сооруженія плотовъ, казенныхъ зданій...

Говорили въ канцеляріи: о постройкахъ большихъ казармъ для помѣщенія ожидаемыхъ гостей. Но эти бесѣды такъ и остались не осуществимыми. Некогда было заниматься „такими пустяками". Въ то время всѣ старались приводить въ исполненіе распоряженія начальства быстро, экспромтомъ. Причина „спѣшки"—былъ энергичный и неугамонный начальникъ края—Муравьевъ. Кромѣ того, во-1-хъ, не изъ

чего было соорудить эти зданія; во 2-хъ, некому, а въ-3 хъ, не было уже времени. Гости уже стали прибывать, несмотря на раннее время: былъ февраль въ началѣ. Морозы стояли попрежнему лютые и снѣгъ не начиналъ даже таять Въ концѣ этого мѣсяца казармы, гдѣ жили карійскіе каторжные, были набиты этимъ людомъ, какъ бочки съ омулями: нельзя было даже двигаться, такъ было тѣсно. Между тѣмъ народъ каждый день прибывалъ и прибывалъ „Я“, разсказывалъ Н. В., „ходилъ со списками, отмѣчалъ прибывшихъ. Одеженка у всѣхъ была ледящая: много было съ отмороженными ногами, ушами, руками и носами. Производить операціи всѣмъ имъ было не мыслимо. Былъ одинъ врачъ и тотъ рѣдко, рѣдко удостаивалъ своимъ вниманіемъ этихъ несчастныхъ людей. Всѣ свои заботы й попеченія онъ отдавалъ исключительно семейству начальника, чиновниковъ и низшему персоналу служащихъ и стражи Поэтому, всѣхъ каторжанъ, съ отмороженными частями тѣла, предоставляли на волю Божію“.

„О жилищѣ для вновь прибывающихъ и говорить нечего: велѣно было имъ сооружать себѣ избушки, землянки, балаганы. Лѣсной матеріалъ для этихъ построекъ они должны были рубить верстъ за 10, за 15 и таскать ихъ на себѣ. Все это дѣлалось подъ строгимъ конвоемъ“. „Мѣшкать и прохлаждаться не давали ни минуты. Стегали бичами, нагайками, били прикладами уставшихъ и падающихъ отъ изнеможенія подъ тяжестью бревенъ. Били до тѣхъ поръ, пока несчастнѣйшіе люди не поднимались“. Другіе должны были плотничать, сооружая эти жилища. Впослѣдствіи, къ началу мая, во всѣхъ этихъ примитивныхъ „помѣщеніяхъ“ жили, какъ омули въ бочкѣ: страшная тѣснота и скученность была вездѣ и всюду .. Конецъ февраля, весь мартъ и начало апрѣля ушли на эти работы. Въ пищу выдавали сначала муку, которой было сравнительно небольшой запасъ, въ размѣрѣ четверти всего. Изъ этой муки каторжане варили себѣ заваруху и кушали ее вмѣсто щей и каши. Послѣднія составляли принадлежность стола надзирателей, солдатъ-конвойныхъ и тѣхъ изъ каторжанъ, которые платили эконому мзду. Что касается

до печенаго хлѣба, то его выдавали только два мѣсяца. Но, что это былъ за хлѣбъ! Его можно было назвать комкомъ липкой густой грязи, а ужъ никакъ не хлѣбомъ.

Въ серединѣ апрѣля ледъ рѣчки двинулся и приступили къ работамъ. Начиналась она съ ранней утренней зари. Надзиратели ходили по избушкамъ, землянкамъ и казармамъ съ нагайками и палками. Каждый запоздавшій получалъ нѣсколько ударовъ.

На работѣ было еще хуже: нельзя было передохнуть, или согнать большихъ мухъ, впившихся въ тѣло на открытыхъ мѣстахъ. Выпрямится несчастный съ кайлой, чтобъ вздохнуть хоть разъ полной грудью—не успѣетъ это сдѣлать, какъ кнутъ уже свиститъ надъ спиной и почемъ попало хлещетъ его. И еще, и еще...

Но, это было еще цвѣтки. Въ сто разъ хуже было по вечерамъ. По окончаніи дневного, дѣйствительно каторжане" труда—нѣсколько десятковъ работавшихъ каторжанъ вызывались въ отдѣльную группу. Подъ усиленнымъ конвоемъ вели ихъ прямо съ работъ на лобное мѣсто. Здѣсь палачи уже ждали свою жертву: валили ихъ на матки (особыя широкія скамьи съ 4-мя отверстіями для рукъ и ногъ); завинчивали доски съ просунутыми конечностями и приступали къ исполненію своихъ обязанностей: драли кнутами, нагайками или розгами, смотря по заслугамъ наказуемаго. Причина истязанія: плохо работалъ, запоздалъ на работу на нѣсколько минутъ, непочтительно относился къ надзирателямъ и т д. Измученные непосильной дневной работой, хронической голодовкой и полубольные—рѣдкіе изъ этихъ разнесчастнѣйшихъ могли вынести это истязаніе. Многіе ежедневно умирали на маткахъ. Кромѣ этихъ „адскихъ мученій" были и другія не менѣе тяжелыя: эпидеміи. Тифы, чесотка, скорбутъ, застарѣлый сифилисъ—воцарились здѣсь съ самаго прибытія волнъ каторжанъ. Больныхъ было одна четверть всего числа всѣхъ разнесчастныхъ въ Карѣ. И такой процентъ во все теплое время года, И неудивительно. Тѣ же причины (всеобщая голодовка, напятгчайшія работы, чрезвычайное истязаніе), глав-

нымъ образомъ, подготовляли людей и къ болѣзнямъ. Кромѣ того, и жилища были разсадниками всевозможныхъ болѣзней. Въ землянкахъ, въ избушкахъ, въ казармахъ, сооруженныхъ на скорую руку, была страшная духота. Нельзя было даже дышать свободно...

А сырость! Вся одежепка у нихъ была постоянно сырая и отъ поту, и отъ сырости въ жилищахъ, и отъ дождей. Въ этихъ примитивныхъ помѣщеніяхъ земляной полъ былъ слой грязи и нечистотъ. На этомъ-то „полу“, на посланной травѣ или вѣтвяхъ—спали Тонкій слой подобнаго ложа нисколько не предохранялъ отъ сырости грунта земли. Влага проникала сквозь траву или вѣтки и обволакивала тѣло спавшаго ..

Неудивительно, что каторжане постоянно хворали отъ простуды.

У большинства была лихорадка, ревматизмы...

Тѣмъ не менѣе, они не жаловались. Да и кому было жаловаться на свои недуги. Впрочемъ, были смѣльчаки, оправдывавшіе свое промедленіе въ работѣ или на работу, „хворобой“, не минуты не покидавшей ихъ. Но имъ не вѣрили, обвиняя въ притворствѣ и лѣности. А въ результатѣ, еще больше увеличивали наказаніе.

Народъ страдалъ не менѣе и отъ насѣкомыхъ. Вымыться, или попариться въ банѣ, никто изъ рабочихъ-каторжанъ и не думалъ. Некогда! Не было свободной минуты даже перекреститься, не говоря уже о молитвахъ. Работать заставляли и въ праздники, и во время дождей, грозъ, и бурь. Разгильдѣевъ то и дѣло отдавалъ приказанія: „Не баловать народъ поблажками, требовать исполненія уроковъ въ теченіе дня— неукоснительно“... А исполнить ихъ было почти невозможно: грунтъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ или изъ камня, или изъ одной гальки. А у рабочихъ были одни кайлы и лопаты. Неудивительно поэтому, что почти половина дневныхъ урочныхъ работъ не выполнялись. А за не выполненіе ихъ — каждый вечеръ было истязаніе кнутомъ, на маткѣ, нагайкой или ершикомъ. Не исполнявшему нѣсколько дневныхъ уроковъ

истязаніе увеличивали втрое... Сильные и здоровые выносили эти муки, хотя и съ трудомъ. Но такихъ было уже мало. Большинство состояло изъ изнеможенныхъ, болѣзненныхъ и слабыхъ. Такіе не могли вынести „эти адскія муки“. Къ этому прибавилось еще ухудшеніе пищи. Она и безъ этого „ухудшенія“ была плохая, а съ іюня, а когда и раньше, стала еще хуже. Муки уже не было, ея не подвозили, несмотря на энергичную переписку. И некому, и не откуда было подвозить ее. Крупъ тоже не было. Кое какъ подвозили одно зерно. Молоть его было негдѣ и некому. Въ то время мельницъ не было. Мололи преимущественно на ручныхъ жерновахъ да на конныхъ. Послѣдніе (мельницы) были рѣдки. Когда мука стала исчезать въ Карѣ, то начали выдавать каторжанамъ на пропитаніе пайки зерномъ. Оставшуюся берегли для надзирателей, палачей, для чиновниковъ. Получившіе зерно (нечистое, а съ примѣсью песку и плевелъ) парили его на огнѣ. Нальютъ въ чугуны воды, насыпятъ туда же зерно и кипетятъ. Разваренное, оно было доступно разжевыванію.

Такъ его и ѣли. Въ этомъ состоялъ и обѣдъ, и ужинъ. Выдавали мало и чаю кирпичнаго. Когда уменьшили въ половину порцію его, то свободные жители Кары стали собирать въ лѣсу „шульту“ (гнилую часть березоваго дерева) и продавать ее каторжанамъ. Послѣдніе клали ее въ кипящую воду. Послѣ кипяченія послѣдней, былъ темнокрасный наваръ. Съ этимъ напиткомъ „кушали“ и разваренное зерно ложками.

Всѣ эти крайне нетерпимыя условія карійской каторги обусловливали здѣсь усиленную смертность. Ежедневно умирало, какъ уже говорилось, не менѣе 10 ти человѣкъ отъ тифа, и отъ цынги, и отъ голода, и отъ истязанія. При такомъ количествѣ покойниковъ, съ послѣдними не церемонились: безъ отпѣванія, не обмывая и не переодѣвая трупы выносили въ амбаръ и клали, какъ кладутъ бревны: одинъ рядъ ихъ поперекъ другого. Закапывать покойниковъ не торопились.

Чтобъ не отрывать свободныя руки отъ золотоискательства, заставляли рыть общую могилу въ свободныя минуты,

урывками. Поэтому, рылись онѣ по нѣсколько дней. Когда ямы были готовы, отворяли амбаръ, извлекали оттуда изъѣденныя крысами и чрезвычайно протухшіе трупы, бросали ихъ въ могилу, какъ попало, и зарывали безъ отпѣванія...

Къ концу осени, вмѣсто пяти, шести тысячъ каторжныхъ было сотъ шесть, семь. Но къ слѣдующей веснѣ въ Кару снова прибывало тысячи осужденныхъ.

По мнѣнію Разгильдѣева и др. чиновниковъ въ Карѣ: „Каторжный хуже собаки. Онъ недостоинъ ничего, что полагается неосужденному человѣческому существу. Устраивать его жизнь сытно, въ теплѣ и въ приличномъ одѣяніи—не слѣдуетъ Какъ осужденный, онъ достоинъ однихъ лишеній въ пищѣ, одеждѣ и въ жилищѣ. Какъ великій грѣшникъ за тяжкіе грѣхи и преступленія долженъ, по св. писанію, мучиться въ аду вѣчно въ геенѣ огненной, такъ и преступникъ, въ особенности каторжный, долженъ до смерти терпѣть всевозможныя лишенія. Заботиться, чтобъ онъ былъ сытъ, одѣтъ, жилъ въ теплѣ и не страдалъ отъ чрезвычайнаго труда—преступленіе. Все равно, что великихъ грѣшниковъ, вмѣсто кромѣшнаго ада, отправлять въ рай. Милосердіе, состраданіе, снисхожденіе и любовь заслуживаютъ только праведники, безгрѣшные. Это великая истина“. Такъ будто бы учитъ св. писаніе. „Много разъ въ своей жизни“, говорилъ П. В М—въ, „я слышалъ это отъ духовныхъ особъ даже въ Москвѣ, не говоря уже о Сибири“. И дѣйствительно, худшаго земного мученія, достойнаго ада, нельзя было и придумать. Душевное состояніе у всѣхъ каторжныхъ было подавленное. Никто не ждалъ уже отъ жизни ни одной минуты отрады и покоя.

Во время сна тихо стонали, какъ дѣти, а во время работъ многіе беззвучно и невольно плакали, роняя слезы на сырой грунтъ земли. Непрерывныя страданія отъ истязанія и отъ недуговъ возбуждали желаніе смерти. А на полное отсутствіе хоть бы сносной пищи смотрѣли равнодушно, безучастно.

— Все равно ужъ...

— Одинъ конецъ всѣмъ...

— Еще лучше такъ — ту, безъ пишши, скорѣе упокоимся... Такъ говорили несчастные.

У большинства—православныхъ и у меньшинства—иновѣрцевъ—было только одно желаніе: помолиться предъ ожидаемымъ „упокоеніемъ“. Но, увы и это было не осуществимо. Какъ уже было говорено, при работѣ ни въ праздники, ни въ будни не имѣли ни одной свободной минуты. А на одрѣ было не до того. Только въ рѣдкія минуты сознанія и „когда мало-мало отлегчетъ“ умирающій дѣлаетъ эту попытку. Въ такія мгновенія—губы несчастнаго-шевелятся, а рука напрасно старается дотянуться до лба Глаза устремлены на потолокъ. Такія минуты рѣдкія. Такъ онъ и умиралъ, покинутый и забытый всѣми. Ни священника для православныхъ, ни муллы для мусульманъ, ни фельдшера ни сидѣлки, и даже ни служителей около... Одръ умирающихъ каторжанъ —это солома или нарванная трава. Въ головѣ его рвань, рубище. Вмѣсто одѣяла—арестантская шинелюшка.

Не лучше было и въ покинутыхъ домишкахъ: жены и дѣти этихъ каторжныхъ и горно-заводскихъ служителей, угнанныхъ на промысла, помирали и съ голоду, и отъ болѣзней. Ни овощей въ огородахъ, ни хлѣба на поляхъ, ни скотины во дворахъ. Послѣднія пали тоже съ голоду и некому было заготовить сѣно .. Такъ все пошло прахомъ. Между тѣмъ единственный виновникъ этого народнаго бѣдствія Николай Николаевичъ торжествовалъ, попирая руки и ораторствуя на балахъ и раутахъ въ Петербургѣ. Туда онъ ѣздилъ съ супругой изъ Иркутска каждый годъ, на весь зимній сезонъ и въ теченіе всей службы въ Восточной Сибири. Разгуливалъ онъ такъ по Россіи: „Для докладовъ и скорѣйшаго осуществленія проектовъ по мѣропріятію края“, однимъ словомъ, „по казенной надобности“. Въ дѣйствительности же, какъ этотъ ежегодно осенній перелетъ за лаврами, такъ равно и по обширному раіону своего управленія, тоже ежегодно съ мая по сентябрь, дѣлалъ онъ и для накопленія каппитала. И въ самомъ дѣлѣ, состоя въ должности восточно сибирскаго генералъ-губернатора съ 1847 по 1860 гг., онъ былъ почти

постоянно въ командировкѣ „по дѣламъ службы“. Въ Иркутскѣ проводилъ ежегодно много много по два, по три мѣсяца. Совершая всѣ эти командировки, получалъ громадныйшія деньги: на прогоны на 30 лошадей, порціоны и суточные. Между тѣмъ жилъ не особенно широко. Напр. ѣздилъ на одной почтовой парѣ, балы почти не устраивалъ... Благодаря этому онъ накопилъ солидный капиталъ, который ему и пригодился для роскошной жизни въ Парижѣ.

Однако, возвращаюсь къ забайкальскимъ золотымъ промысламъ.

Благодаря вышесказаннымъ мѣрамъ. количество добытаго золота съ этого злополучнаго года дѣйствительно увеличилось почти вдвое. Но какой страшной цѣной!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе послѣдней).

Для осуществленія второго проекта нало было испросить Высочайшее соизволеніе. А для этого онъ долженъ былъ представить мотивы, заслуживающіе уваженія. Относительно чего другого, а въ послѣднихъ, для немедленнаго увеличенія войсковыхъ частей въ раіонѣ Восточной Сибири, недостатка не было въ воображеніи нашего героя. И дѣйствительно, въ одномъ докладѣ объ этомъ онъ ссылается на агентовъ англійскаго правительства, будто бы осматривающихъ устье Амура и др. части прибрежья восточныхъ морей. Въ другомъ пишетъ: „увеличеніе войскъ необходимо противъ китайцевъ, если они не отдадутъ намъ Амуръ—добровольно“... Въ третьемъ, секретномъ, онъ придумалъ другой мотивъ, болѣе жгучій и серьезный: „Отдѣленіе Сибири“. По его, воображаемымъ, „достовѣрнымъ даннымъ“, въ Сибири, въ особенности въ Иркутскѣ, всѣ стремятся къ этому, что вожаки

дѣйствуютъ въ этомъ направленіи и въ народѣ, особенно въ городскомъ населеніи, будто бы замѣтно броженіе умовъ. Въ виду этого, онъ, Н. Н Муравьевъ, вполнѣ былъ убѣжденъ въ наступленіи революціи въ городахъ Сибири и въ весьма непродолжительномъ времени. Между тѣмъ достаточнаго количества войскъ въ его распоряженіи не имѣется и онъ, генералъ-губернаторъ, лишенъ возможности усмирить даже малѣйшія вспышки ожидаемой революціи Эта ложь была принята въ столицѣ за чистую монету. Послѣдствіемъ ея былъ строгій полицейскій надзоръ за всѣми интеллигентными людьми въ Сибири. Появились шпіоны, обыски, секретный надзоръ за почтовой корреспонденціею. Сказанныхъ кѣмъ либо, безъ задней мысли, за бутылочкой и для краснаго словца двухъ — трехъ либеральныхъ словъ было достаточно и друзей собутыльниковъ арестовывали и водворяли въ тюрьму Многія интеллигентныя лица, совершенно не причастныя къ этому лживому обвиненію, цѣлыя годы отсиживали въ тюрьмѣ. только по одному подозрѣнію, ни на чемъ не основанному. Не были избавлены отъ обысковъ и надзора даже дѣти-воспитанники гимназіи, семинаріи и военнаго писарскаго училища. Иногда у нихъ находили рукописи, но исключительно произведенія извѣстнаго Баркова и ему подобныхъ Эти обыски и шпіонство продолжались до 70-хъ гг., такъ какъ Н. Н. Муравьевъ, жившій въ Парижѣ, не забывалъ напоминать своему другу и зятю Корсакову *). „Продолжать начатыя имъ, Муравьевымъ, мѣропріятіи противъ воображаемой сибирской революціонной банды, „чтобъ не подумали въ Петербургѣ, что это только выдумки его“, графа Муравьева. (Изъ неизданныхъ писемъ послѣдняго къ генералъ-губернатору Восточной Сибири Корсакову)

Другое послѣдствіе этой лжи нашего крупнаго карьериста было Высочайшее повелѣніе 21 іюня 1851 г. о сформированіи изъ горно-заводскихъ крестьянъ, въ Забайкальской области, казачьихъ частей За осуществленіе этой завѣтной своей меч-

---

*) Генералъ-губернатору Восточной Сибири, послѣ Муравьева.

ты Николай Николаевичъ принялся круто. Безъ всякихъ предварительныхъ подготовокъ, разслѣдованій и предупрежденій приказалъ: „Освободить горныхъ нерчинско-заводскихъ крестьянъ отъ обязательныхъ работъ на рудникахъ и немедленно сформировать изъ нихъ казачье войско“. Понаѣхали изъ Иркутска офицеры и началась ломка...

Войско вышло весьма плохое пока, но главная цѣль этого мѣропріятія была достигнута: права обоихъ генералъ-губернаторовъ Сибири были одинаковы. Это одна сторона этого преобразованія. Есть и другая. Къ сожалѣнію, никто не обращалъ вниманія на эту изнанку.

Послѣдняя—разстроенное на долгіе годы экономическое положеніе населенія Забайкалья До этого сформированія горные нерчинско-заводскіе крестьяне, занимаясь хлѣбопашествомъ, снабжали хлѣбомъ весь край. Большой излишекъ его вывозился въ Монголію, Маньчжурію и Якутскую область. Теперь же, послѣ 21 іюня 1851 года, въ продажѣ хлѣба совсѣмъ не стало даже въ Забайкальѣ. Дошло до того, что негдѣ было взять его. Невозможно было закупить хлѣбъ и для войскъ. Пришлось производить закупъ его въ Томской, Енисейской и Иркутской губерніяхъ. Такъ было до 80-хъ гг. Доставка и закупка провіанта въ этихъ губерніяхъ недешево стоила казнѣ. Съ другой стороны, это было на руку интендантскимъ комиссіонерамъ... Убыточна была эта перемѣна и для самихъ вновь испеченныхъ казаковъ. Будучи крестьянами, они содержали пять волостныхъ правленій и трехъ управителей. Казаками же должны быть содержать и строить множество зданій: 12 большихъ для баталіонныхъ канцелярій, командировъ и гг. офицеровъ; 3 громадныхъ для бригадныхъ управленій, командировъ и гг. офицеровъ со всѣми службами; одно большое для войскового правленія. Затѣмъ, должны были содержать и строить большое зданіе для войскового дежурства; хоромы наказному атаману, и такое же для его штаба. Вновь назначенные казаки всѣ были призваны на службу, для обученія. Эти общіе призывы повторялись два года подъ рядъ и продолжались съ ранней весны до поздней

осени. Въ первый призывъ, кромѣ малолѣтовъ и молодыхъ, до среднихъ лѣтъ, призваны были и дѣвушки-казачки для изготовленія войску бѣлья Но не столько онѣ шили, сколько ублаготворяли гг. офицеровъ. . Казаки стали громко роптать, а потомъ начались бунты и начальство поспѣшило распустить дѣвицъ... Кромѣ того, болѣе 1500 человѣкъ взрослаго, молодого населенія пошло на внутреннюю службу: писарями, вахтерами, въ служительскія команды, денщиками и т. д. Но и это еще не все

Понадобились въ Забайкальскую область и три пѣхотныхъ линейныхъ баталіона. Муравьевъ приказалъ немедленно строить для нихъ казармы. На строительные матеріалы для нихъ были затрачены солдатскія, артельныя деньги. Но, какъ ни торопились, а построить не могли. Матеріалъ, заготовленный для этихъ казармъ. начальство уступило купцамъ за большія деньги. Послѣднія попали не обратно въ артельныя суммы, а въ карманы начальства.

Къ казачьимъ и линейнымъ баталіонамъ потребовались и батареи. И вотъ онѣ были двинуты изъ Россіи. По примитивнымъ путямъ сообщенія доставка ихъ стоила населенію, отъ Москвы до Забайкальской области, громадныхъ тратъ и деньгами, и личнымъ трудомъ, и лошадьми. Сопровождавшіе батареи не платили крестьянамъ ни за лошадей, ни за содержаніе при дневкахъ. Перевозка тяжелыхъ артиллерійскихъ предметовъ по гористымъ мѣстностямъ была чрезвычайно затруднительна. Лошади надсаживались и гибли десятками. Казна не платила крестьянамъ за эти убытки.

Еще ранѣе этихъ крупныхъ нововведеній, въ Восточной Сибири произошло не менѣе знаменательное мѣропріятіе Въ 1849 г. Н. Н. Муравьевъ ѣздилъ чрезъ Якутскъ въ Петропавловскъ и Камчатку. Здѣсь открылъ Авачинскую губу и пришелъ отъ нея въ восхищеніе. „Я много видѣлъ портовъ въ Россіи и въ Европѣ, но ничего подобнаго Авачинской губѣ не видалъ“, писалъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Возвратившись въ Иркутскъ, онъ поспѣшилъ войти съ ходатайствомъ о возведеніи Аянской факторіи на степень пер-

воразряднаго правительственнаго порта, усиливъ ее воинскими командами, а по р. Маѣ, между Нельканомъ и Аяномъ, основать земледѣльческія поселенія для поддержанія аянскаго тракта. Въ данномъ случаѣ онъ совершенно игнорировалъ географію и даже доклады знающихъ эту губу лицъ. Напримѣръ, поддерживая знакомство съ иркутскими декабристами, нерѣдко велъ съ ними споры по поводу этого порта, устья Амура и прочихъ вопросовъ. Дѣло въ томъ, что этотъ заливъ, какъ и все побережье Охотскаго моря, обыкновенно закрыто ледянымъ покровомъ въ теченіе 9—10 мѣсяцевъ года. Стоитъ свободно отъ льда только два мѣсяца въ году. Кромѣ того, суровый климатъ, полное безлюдье края и невозможность вести здѣсь сельское хозяйство дѣлали невозможными подобнаго рода мѣропріятія. А вѣчная мерзлота почвы, болота, тундры и дѣвственные лѣса въ этой части Восточной Сибири могли бы остановить самаго пылкаго и энергичнаго администратора. Но Н. Н Муравьевъ совершенно игнорировалъ всѣ эти неблагопріятныя условія. Онъ настойчиво ходатайствовалъ объ утвержденіи упомянутаго выше проекта. 2 декабря 1849 г. послѣдній былъ Высочайше утвержденъ. Получивъ желаемое, онъ приказалъ не медля набрать въ Забайкальской области и въ Иркутской губерніи крестьянъ и разсѣлить ихъ по рѣкамъ Алданѣ и Маи—къ Аяну. Пункты, гдѣ должны быть ихъ поселенія, были отмѣчены имъ на картѣ. При этомъ—ни одного слова о пригодности для поселеній избранныхъ имъ пунктовъ. Крестьяне, въ числѣ 25 семействъ, были набраны только благодаря щедрымъ обѣщаніямъ и похваламъ мѣстъ поселеній. На скоро собранные со всѣми ихъ пожитками они были двинуты чрезъ Якутскъ. Шли около года. Въ это продолжительное и весьма тяжелое путешествіе потеряли почти всю живность, взятую ими: куръ, скота, лошадей Дошло до того, что нѣкоторые везли свои телѣги, со скарбомъ и дѣтишками, на себѣ. Прибыли къ назначеннымъ мѣстамъ поздно осенью Кругомъ были или болота или непроходимый лѣсъ. Несмотря на всѣ неудобства мѣстности пришлось селиться, гдѣ указано. Одновременно съ прибытіемъ на мѣста, въ на-

скоро выкопанныхъ и покрытыхъ землянкахъ, начались и болѣзни: цынга, лихорадки, тифы... Чрезъ полтора года, изъ 25 семействъ остались только десять душъ. Остальные погибли отъ этихъ болѣзней. Вскорѣ за ними отправились и эти послѣдніе.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ отношеніяхъ его къ своему Монарху, къ обществу, къ своимъ сотрудникамъ и къ прессѣ.

Назначенный генералъ губернаторомъ онъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаяхъ и въ теченіе всей службы въ Восточной Сибири непрерывно докладывалъ Государю рапортами, о безпредѣльной преданности Ему и отечеству, и о неимѣніи у него въ душѣ никакихъ другихъ видовъ и побужденій, кромѣ пользы Ему, Государю, и отечеству. При этомъ каждый разъ ссылался и на „свойственное“ ему „самоотверженіе“. Между тѣмъ на дѣлѣ видно совершенно другое. Главная, если только не единственная, его забота и попеченіе—формуляръ, достиженіе высшихъ чиновъ, полученіе наградъ, высшихъ орденовъ и проч.

Къ русскому обществу, къ представителямъ высшей администраціи и къ своимъ сотрудникамъ относился такъ же, какъ и прежде: на Руси нѣтъ ни одного честнаго человѣка, кромѣ его, Н. Н. Муравьева.

„Въ Россіи“, пишетъ онъ, „нѣтъ человѣковъ, тамъ есть генералы, полковники, капитаны и проч., и проч., а человѣкъ кажется только одинъ Государь“, да онъ, Н. Н. Безъ суда, безъ изслѣдованія и даже безъ справки, о виновности, проступкахъ и о жизни вообще, онъ отдаетъ экстренныя приказанія о ссылкѣ въ Якутскую область однихъ, о заключеніи въ тюрьму другихъ, объ увольненіи отъ службы, безъ прошенія, третьихъ. Напримѣръ, Занадворова, говорившаго о его приближенныхъ какъ о крупныхъ взяточникахъ, садитъ въ тюрьму, не помышляя о повѣркѣ этого обвиненія. Не выпускаетъ его даже и тогда, когда Сенатъ приказываетъ ему освободить этого узника.

Беклемишевъ убиваетъ на дуэли Неклюдова. На основа-

ніи неоспоримыхъ данныхъ, судъ приговорилъ перваго, какъ умышленно убившаго, въ каторгу. Но Муравьевъ принимаетъ сторону обвиненнаго, который, благодаря этому заступничеству выходитъ изъ этой исторіи чистъ, какъ младенецъ.

Нѣкто Мангазеевъ, столоначальникъ въ горномъ отдѣлѣ, написалъ докладъ по приказанію генералъ-губернатора о положеніи золотыхъ промысловъ въ Забайкальской области. Не догадавшись о желаніи его превосходительства выставить эти промысла въ прекрасномъ состояніи, этотъ чиновникъ, на основаніи официальныхъ данныхъ, написалъ о нихъ одну истину, высказавъ о безотрадномъ положеніи рабочихъ. Н. П. Муравьеву это крайне не понравилось. И вотъ онъ приказываетъ ему немедленно подать въ отставку, не объясняя причину этой немилости.

Декабристъ Петрашевскій свободно порицалъ Беклемишева и генералъ-губернаторскую партію Это чрезвычайно не понравилось Муравьеву. Онъ приказываетъ немедленно выслать дерзкаго ссыльнаго изъ Иркутска—въ глушь, съ приказаніемъ мѣстнымъ властямъ при каждомъ малѣйшемъ поводѣ наказывать его розгами. И мѣстныя власти нѣсколько разъ подвергали Петрашевскаго этому позорнѣйшему наказанію.

При прохожденіи чрезъ Иркутскъ штрафованныхъ (на Амуръ, въ помощь амурскимъ казакамъ) Муравьевъ приказалъ женить одну партію ихъ, въ сотни полторы, двѣ—человѣкъ, на иркутскихъ проституткахъ. Приказаніе это было исполнено въ точности. Но, по разсказамъ амурскихъ казаковъ, сынки ихъ (штрафованные) всѣ были холостые. Только одинъ старичекъ амурецъ говорилъ мнѣ:

У него былъ сынокъ—штрафованный—противъ воли женатый начальствомъ въ Иркутскѣ. „По его разсказамъ“, говорилъ старичекъ амурецъ, „свою бабу онъ прогналъ въ пути. Одному было тяжело, а съ нею въ десять разъ хуже, говорилъ штрафованный“...

Однажды, на одной изъ улицъ Иркутска, Муравьевъ встрѣтилъ пьяненькаго О*, секретаря земскаго суда. На заданный первымъ вопросъ о его поведеніи, чиновникъ отвѣчалъ:

— Да вотъ—верчусь туда и сюда...

— Лучше я тебя поверчу!—крикнулъ сибирскій сатранъ и приказалъ отправить О* въ полицію и отодрать его сто ударами розогъ. Что и сдѣлали въ присутствіи самого Муравьева.

На Амурѣ, при сплавѣ, ему захотѣлось поиграть въ солдатики. Съ этой цѣлью, между прочимъ, онъ приказалъ, чтобъ одна, изъ присутствовавшихъ воинскихъ частей, рота подъ командою Березовскаго, выступила въ авангардъ. Адъютантъ же его, Корсаковъ, по ошибкѣ, приказалъ ей выступить въ колону. Муравьевъ взбѣсился и приказалъ: Березовскаго закопать живого въ могилу тутъ же, на берегу, и тотчасъ же!"

Вырыта была могила и полумертваго отъ ужаса Березовскаго стали готовить... Но ошибка адъютанта вышла наружу и несчастный ротный командиръ былъ помилованъ съ награжденіемъ его орденомъ св. Станислава 2-й степени.

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ относился грубо, придирался къ нимъ, за каждый пустяшный поводъ жестоко наказывалъ, незаслуженно дѣлалъ строгіе выговоры и замѣчанія всѣмъ и каждому. Благодаря этой неумѣренной строгости полезные и просвѣщенные дѣятели, сотрудники его, оставались на службѣ въ Восточной Сибири весьма короткое время.

И неудивительно, такъ какъ въ каждомъ умномъ и энергичномъ сотрудникѣ онъ видѣлъ своего соперника. Приписывая ему мнимое стремленіе столкнуть его съ такого тепленькаго мѣстечка, какъ генералъ-губернаторство, Муравьевъ старался освободиться отъ его сотрудничества. Для этого стоитъ только приписать своему мнимому или дѣйствительному сопернику сепаратистическія поползновенія, или вольнодумство Неудивительно поэтому, что онъ всегда успѣвалъ въ этомъ. Такъ, по его секретному докладу Государю, Невельскій былъ устраненъ отъ плаванія въ водахъ Д. В. Получивъ скромное мѣсто, онъ, несмотря на важныя заслуги, до конца жизни пробылъ на немъ, забытый всѣми. Пассивныхъ и недальнихъ по уму онъ приближалъ къ себѣ Отъ такихъ требовалъ повиновенія, покорности и терпѣнія. Та-

кими субъектами можно было распоряжаться какъ пѣшками. А главное, они не имѣли „своего мнѣнія".

При переселеніи казаковъ на Амуръ, доносилъ въ Петербургъ, вопреки дѣйствительности, отлично извѣстной ему, о благоденствіи ихъ, о прекрасномъ устройствѣ и весьма удачной колонизаціи всѣхъ вообще переселившихся туда. Не довольствуясь этимъ, держалъ на жалованьи своихъ агентовъ въ Амурской и Приморской областяхъ. На обязанности ихъ, между прочимъ, была разсылка въ столичныя газеты корреспонденцій о благоустройствѣ въ краѣ, о зажиточности переселившихся туда казаковъ и крестьянъ. Такими агентами его были Романовъ, Назимовъ и многіе другіе. Кромѣ жалованья изъ особаго кредита, ежегодно ассигнуемаго въ распоряженіе генералъ-губернатора на нужды края (а ужъ никакъ не на содержаніе его агентовъ и шпіоновъ), они быстро шли по службѣ, получая большія денежныя награды, не въ очередь ордена и чины. Когда стали появляться въ журналахъ и газетахъ столицъ корреспонденціи и статьи о дѣйствительномъ, печальномъ, положеніи дѣлъ на Амурѣ, Н. Н. Муравьевъ исхлопоталъ, чтобъ цензура не пропускала такія „враждебныя ему" статьи. И послѣднія перестали появляться Печатались только статьи Романова, Назимова и др., восхвалявшихъ дѣятельность своего патрона и благодѣтеля.

Вотъ резюме о его дѣятельности въ Восточной Сибири:

Тринадцатилѣтнее генералъ-губернаторство этого карьериста—мрачная картина произвола и душегубства—временщика. Народъ недаромъ назвалъ его „душегубомъ". Въ теченіе своего господства въ В. С. онъ не переставалъ душить всѣхъ, кто попадался на его пути: душилъ своими административными мѣропріятіями казаковъ, крестьянъ, ссыльныхъ. Отъ одного почерка его гибли сотни ни въ чемъ неповинныхъ людей Это одна непоказная сторона его дѣятельности. Есть у ней и другая. Послѣдняя блестящая, хотя этотъ блескъ мишурный. Въ теченіе времени—мишура потухла... Тѣмъ не менѣе его прославляютъ и превозносятъ до сего времени любители произвола и душегубства, произвола во имя

блага и прогресса народа. Но, странно, ни того, ни другого совсѣмъ не видно въ народѣ. Напрасно ожидаютъ его... Вмѣсто блага есть всеобщая нищета, и вырожденіе народныхъ массъ, и вмѣсто прогресса—дикость, озвѣрѣніе и тьма кромѣшная...

Въ заключеніе въ этой главѣ помѣщаю нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся завоеванія этимъ геніемъ амурскаго края. Но прежде, чѣмъ изложить ихъ, беру изъ книжки г. Рагоза „Занятіе амурскаго края“, слѣдующее Въ г. Айгунѣ въ 1858 г., съ 10 по 15 мая, происходили переговоры о заключеніи Айгунскаго договора. 15-го онъ былъ окончательно подписанъ. Главныя дѣйствующія лица этой исторической комедіи были: генералъ губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ, цицикарскій главнокомандующій и уполномоченный отъ пекинскаго Двора Цзянь Цзюнь князь И-Шань и ангунскій амбань. По официальнымъ даннымъ, бывшихъ въ распоряженіи автора этой книжки г. Рагоза, на подарки маньчжурскимъ чиновникамъ въ эти дни было израсходовано около 110,000 руб. золотомъ и серебромъ. Какъ вручались эти подарки, видно изъ слѣдующаго разсказа одного старичка, бывшаго въ этотъ историческій моментъ въ свитѣ Муравьева маленькимъ, незамѣтнымъ лицомъ. Ему достовѣрно извѣстны всѣ, даже секретныя, пружины этихъ переговоровъ. По его словамъ золото и серебро хранилось въ каютѣ генералъ-губернатора въ особомъ сундукѣ. Около дверей этой каюты всегда стоялъ часовой съ ружьемъ Во время обѣдовъ, устраиваемыхъ для этихъ маньчжуръ, гостепріимный хозяинъ время отъ времени приглашалъ ихъ, поодиночкѣ, въ эту каюту... Въ этомъ-то посѣщеніи они и получали подарки— И-Шань золото, а амбань серебро. Даже оттягиванія ими окончательнаго утвержденія договора происходило съ цѣлью больше получить этихъ подарковъ. И каждый разъ И-Шань говорилъ, по-маньчжурски, чрезъ переводчика: „Мало, мало! Надо много, много денегъ, чтобъ заткнуть ненасытное хайло пекинскимъ мандаринамъ“.

Когда договоръ былъ подписанъ и гости покинули паро-

ходъ, Н. Н. Муравьевъ весьма громко сказалъ своимъ приближеннымъ на палубѣ.

— „Жаль, что у насъ на этотъ разъ мало денегъ. А то-бъ оба берега Амура и Уссурійскій край до хребта были бы наши". Такъ закончилъ старичокъ свой разсказъ.

Когда онъ возвращался изъ этой поѣздки, то во всѣхъ селеніяхъ и станицахъ, не говоря уже о городахъ, оказывали ему царскія почести: звонили въ колокола, духовенство въ облаченіи и съ иконами выходило ему на встрѣчу. Гдѣ были пушки, стрѣляли изъ нихъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало колонизаціи лѣваго побережья Амура. Сплавы. Заготовка сплавныхъ принадлежностей. Отправка сплавного каравана въ путь и ночлеги баржъ въ станицахъ.

Такъ вотъ каковъ былъ тотъ администраторъ, которому было суждено колонизпровать лѣвое побережье р. Амура. Его неопытность въ этомъ дѣлѣ, степень образованія, неумѣстная въ этомъ случаѣ скоропалительность и полное отсутствіе пониманія человѣческаго существа, какъ вполнѣ тождественнаго съ нимъ (Н. Н. Муравьевымъ), рельефно отразились на судьбѣ колонизированныхъ имъ забайкальскихъ казаковъ, отразились не на десять лѣтъ, а на цѣлое столѣтіе.

Эта колонизація началась съ 1857 г., т.-е. ранѣе, за полтора года до пріобрѣтенія этого края. А подготовительныя распоряженія были сдѣланы даже еще раньше, осенью 1856 г. Начались они такъ. Осенью того года (1856) Н. Н. Муравьевъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „Вызвать извѣстное число охотниковъ къ переселенію на Амуръ; если таковыхъ будетъ мало, назначить изъ болѣе состоятельныхъ и многосемейныхъ по одному изъ семейства, дать вынуть имъ жребій

и объявить, что для сплава, какъ ихъ самихъ съ семействами, такъ и всего имущества, будутъ даны паромы и баржи, съ помощью въ дорогѣ солдатъ и казаковъ, слѣдующихъ на службу на Амуръ, а по прибытіи на мѣсто новаго водворенія будутъ пользоваться двухгодовой льготой отъ службы, снабжены 2-годичнымъ содержаніемъ по положенію, полевому казаку полное, а прочимъ членамъ семейства провіантъ половинный; кромѣ того, будетъ выдано каждому казаку по 15 руб. единовременнаго пособія и лѣсъ, на которомъ поплывутъ, отдается въ ихъ распоряженіе Если богатый, кому достанется жребій, не пожелаетъ самъ переселяться, можетъ съ разрѣшенія ближайшаго начальства, взамѣнъ себя, отправить наемщика, давъ ему коня, корову и все необходимое для хозяйства".

Это распоряженіе весьма важное. Въ книгѣ „Люди и нравы Д. В." я сообщилъ разсказъ казака-уссурійца о томъ, какъ они просили свое войсковое начальство о разрѣшеніи имъ нанять вмѣсто себя другихъ, бѣдныхъ. Сопоставляя этотъ разсказъ съ вышеприведеннымъ распоряженіемъ генералъ-губернатора, усматривается хитрая политика войскового начальства. Нечего и говорить, что задняя мысль этой хитрости получить съ богатыхъ казаковъ „дѣтишкамъ на молочишко".

Сдѣлавъ распоряженіе о назначеніи казачьихъ семействъ къ переселенію, Муравьевъ вошелъ съ представленіемъ о разрѣшеніи этой колонизаціи, но не одновременно и не прежде чѣмъ сдѣлалъ вышеупомянутое распоряженіе (о переселеніи казаковъ), а наоборотъ—спустя полгода послѣ него. Оно было отправлено изъ Иркутска въ Петербургъ только 28 февраля 1857 г. На это ходатайство, 19 марта 1857 г. послѣдовала уже Высочайшая резолюція о разрѣшеніи ему этого поселенія. Въ Иркутскѣ оно было получено въ началѣ апрѣля. Въ тотъ же день было послано Муравьевымъ въ Забайкалье и вторичное распоряженіе о немедленномъ снаряженіи на Амуръ семействъ казаковъ, приблизительно до 500, съ тѣмъ, чтобы всѣ онѣ прибыли въ г. Читу къ 1 мая. Кромѣ этого условія, было еще другое, не менѣе важное для переселяв-

шихся: „Ни въ какомъ случаѣ не должны брать они всего домашняго скарба, а ограничиваться самымъ необходимымъ“. Это послѣднее условіе весьма огорчило казаковъ, въ особенности казачекъ. По словамъ нѣкоторыхъ изъ числа послѣднихъ, теперь почтенныхъ старушекъ, въ семьяхъ, готовившихся къ переселенію, шли продолжительные споры по вопросу, что брать съ собой и что не брать. Эти споры между супругами доходили нерѣдко до потасовокъ. И дѣйствительно, въ небогатой семьѣ деревенскаго обывателя-простолюдина каждая вещь, пустяшная для постороннихъ, предметъ весьма важный для хозяевъ. Напримѣръ, мутовка или лопата, квашенка и лоханка. Ни какъ нельзя обойтись въ домашней жизни безъ этихъ вещей. Тѣмъ болѣе на Амурѣ, гдѣ осѣдлыхъ жителей въ то время еще не было и слѣдовательно негдѣ было и купить ихъ, а тѣмъ болѣе заказать. Каждая казачка-хозяйка считала необходимостью взять все, весь свой скарбъ, все барахло. Между тѣмъ казаки опираясь на приказаніе начальства и опасаясь взысканій за ослушаніе, при всемъ своемъ желаніи захватить все свое имущество, вынуждены были употреблять силу противъ бабьихъ поползновеній .. Тѣмъ не менѣе нѣкоторымъ находчивымъ бабамъ удалось таки припрятать все, что нужно было имъ .. Прятали въ подушки, между сухарями, въ карманы, зашивали между войлоками... Большинство же, побросавъ свой скарбъ и раздаривъ остатокъ провизіи (капусту, овощи) въ концѣ апрѣля двинулись всѣ къ мѣсту сбора. Нѣкоторые прибыли туда во время, другіе немного опоздали. Баржи, на которыхъ долженъ былъ двинуться сплавъ, съ транспортомъ муки, крупы, соли, сухарей и паромы, съ первой партіей казачьихъ семействъ, были еще не готовы. Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшую исторію о судьбѣ этихъ переселенцевъ-казаковъ, слѣдуетъ сказать о сплавахъ.

Первое водвореніе войсковыхъ частей по Амуру и по прибрежью Татарскаго пролива было сдѣлано въ 1854 г. Съ этого года по 1857 ихъ значительно увеличилось тамъ. Кромѣ того по низовью Амура были поселены и крестьяне. Снаб-

женіе тѣхъ и другихъ съѣстными продуктами, а первыхъ кромѣ того необходимыть товаромъ на обмундированіе производилось только въ лѣтнее время и изъ Забайкалья Такъ какъ пароходства по Амуру въ то время еще не существовало, то все необходимое, въ томъ числѣ и переселенцы, крестьяне и казаки, офицеры и чиновники, съ ихъ семействами, сплавлялись на баржахъ и плотахъ. Такъ продолжалось до 1872 г. Какъ заготовка баржъ и плотовъ, такъ равно и самый сплавъ и движеніе его находились въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства.

Эта заготовка сплавныхъ принадлежностей происходила въ 30 верстахъ отъ Читы, вверхъ по Ингодѣ. Здѣсь были казармы и для нижнихъ чиновъ, и для вольнонаемныхъ рабочихъ, и для каторжныхъ и ссыльныхъ. Были обширныя помѣщенія для офицеровъ и чиновниковъ, амбары и сараи для склада провіанта и другихъ грузовъ, свозимыхъ сюда со всѣхъ сторонъ для сплава. Здѣсь жилъ завѣдывавшій снаряженіемъ и движеніемъ сплавовъ. Онъ назначался генералъ-губернаторомъ изъ штабъ-офицеровъ забайкальскаго казачьяго войска. Заготовительный періодъ сплавныхъ принадлежностей и самаго сплава начинался съ 1-го января и оканчивался 1-го октября, по возвращеніи сплавнаго персонала обратно въ Сивакову За все это время этотъ завѣдывавшій получалъ суточные по 5 руб. въ день, кромѣ содержанія, квартиры, казенной прислуги, отопленія и проч.

Въ 1862 г. обязанности его были раздѣлены на двѣ должности: завѣдывавшаго снаряженіемъ и завѣдывавшаго сплавомъ. На обязанности перваго лежало: заготовка баржъ, паромовъ, плотовъ и лодокъ. На обязанности послѣдняго—движеніе сплава по рѣкамъ: Ингодѣ, впадающей въ Шилку, по этой послѣдней, впадающей въ Аргунь и съ этого пункта сліянія по Амуру. Кромѣ того на обязанности его же была и сдача груза по принадлежности. Кромѣ этихъ двухъ начальниковъ, къ снаряженію и сплаву прикомандировывалось множество офицеровъ. Одни наблюдали за изготовленіемъ баржъ и

проч. сплавныхъ принадлежностей, а другіе, ѣдущіе на Амуръ на укомплектованіе войскъ, ожидали въ Сиваковой сплава.

Рабочій персоналъ состоялъ изъ казенныхъ и вольнонаемныхъ. Первые, въ количествѣ 2500 человѣкъ, состояли изъ новобранцевъ, отправляемыхъ ежегодно на Амуръ для укомплектованія и сформированія частей арміи и флота. Остальные, нѣсколько сотъ, были штрафованные солдаты. Они тоже отправлялись туда и для этой же надобности. но только по окончаніи срока наказанія. Тѣ и другіе получали около 8 р. въ мѣсяцъ жалованья. Что касается до вольнонаемныхъ, то они были спеціалисты—мастера по изготовленію баржъ и лодокъ и получали около 30 руб. въ мѣсяцъ.

По словамъ многихъ участвовавшихъ въ этой заготовкѣ, казенные рабочіе—новобранцы и штрафованные (а впослѣдствіи и каторжные) не получали жалованья. Въ большинствѣ случаевъ выдача его отстрочивалась, до окончанія заготовки всѣхъ принадлежностей сплава, подъ слѣдующими предлогами: „Прошьешь!, вмѣсто того, чтобы работать, начнете пьянствовать!“ А потомъ было уже нѣкогда возиться съ ними за усиленными хлопотами по нагрузкѣ и отправкѣ сплава. Другимъ же, новобранцамъ или штрафованнымъ, начальство прямо отказывало въ выдачѣ накопленнаго жалованья, ссылаясь на нерадѣніе ихъ, прогульные дни и проч Куда и кому доставались потомъ эти суммы неизвѣстно, только не обратно въ казенный сундукъ. Исправно получали жалованье только офицеры да вольнонаемные рабочіе—мастера.

Заготовка этихъ принадлежностей сплава начиналась обыкновенно съ декабря. При этомъ въ зимніе мѣсяца производилась заготовка и вывозка лѣсного матеріала, а съ марта по 25-ое апрѣля изготовлялись сплавныя принадлежности: баржи, паромы, лодки, плоты. Всѣхъ баржъ ежегодно дѣлали до 300 шт. Для каждой баржи небольшую лодку, на 10 человѣкъ. Затѣмъ до 60—70 большихъ разгрузочныхъ лодокъ, на каждыя пять баржъ—по одной.

Къ 25 апрѣля всѣ эти принадлежности обыкновенно были уже готовы, спускались въ русло Ингоды и снабжались ка-

натами, паклею, помпами, конопатками и нѣкоторыми желѣзными инструментами. Затѣмъ баржи съ лодками, паромы и плоты сдавались начальникамъ рейсовъ. Послѣднихъ назначалъ наказный атаманъ забайкальскаго казачьяго войска, онъ же и губернаторъ Забайкальской области, изъ казачьихъ офицеровъ. Въ числѣ ихъ были и заурядъ, изъ писарей. Каждому изъ такихъ начальниковъ поручались отъ 10 до 15 баржъ или плотовъ. Кромѣ того, каждому назначался помощникъ изъ числа офицеровъ, отправлявшихся для укомплектованія и сформированія войскъ въ Амурской и Приморской областяхъ. Что касается до нижнихъ чиновъ, новобранцевъ, штрафованныхъ, а впослѣдствіи и каторжныхъ, отправлявшихся туда же, то назначались они по 10 человѣкъ на баржу. Въ каждой такой командѣ одинъ былъ старшій, урядникъ или опытный казакъ. Затѣмъ, для надзора за каторжными назначались казаки. Приготовленная такимъ порядкомъ сплавная флотилія отправлялась въ г. Читу, принималась въ полномъ своемъ составѣ начальникомъ сплава и нагружалась. Грузы предназначенные на Дальній Востокъ, принимались имъ въ Читѣ въ теченіе года: Кромѣ интендантскихъ: провіанта и обмундировочнаго товара, были и другіе въ большомъ количествѣ: соль, водка, спиртъ, предметы роскоши для начальствующихъ; затѣмъ, артиллерійскіе: порохъ, свинецъ и проч. Принимался даже частный грузъ, купеческій. Дѣлалось это конечно келейно, таинственнымъ порядкомъ и не даромъ.

Весь этотъ грузъ распредѣлялся по баржамъ отъ 4,000 до 4,500 пуд. на каждую. При этомъ мука, крупа и соль сыпались прямо въ баржу, на дно. Переселенцевъ, казаковъ, съ ихъ семействами и съ домашними животными помѣщали прямо на плоты, гдѣ они плыли весь далекій путь безъ всякаго приспособленія—безъ шалашей, палатокъ и хотя бъ наскоро сколоченныхъ балагановъ, однимъ словомъ прямо подъ открытымъ небомъ спали и совершали всѣ свои отправленія открыто, на виду у всѣхъ. На кирпичахъ горѣлъ небольшой огонекъ, на которомъ варился единственный и неизмѣнный кирпичный

чай. Ни крупы на кашу, ни говядины для щей у переселенцевъ—казаковъ не было. Такъ плыли и крестьяне.

Чтобы не возвращаться другой разъ къ сплавамъ, разскажу дальнѣйшую судьбу ихъ, со всѣми приключеніями.

Вотъ громаднѣйшій сплавной караванъ движется по рѣкамъ Ингодѣ и Шилкѣ. Онъ состоитъ изъ трехъ сотъ баржъ и нѣсколько десятковъ паромовъ и плотовъ Растянулся онъ верстъ на 300, 400 Несмотря на приказаніе начальниковъ рейсовъ, чтобъ всѣ 10—15 баржъ, находившихся подъ вѣдѣніемъ каждаго изъ нихъ плыли бы не отставая другъ отъ друга, флотилія обыкновенно не исполняла этого Со своей передовой баржи онъ видитъ много-много двѣ залнія. Остальныя поотстали на нѣсколько верстъ и ихъ совершенно не видно ни начальству рейсовъ, ни его помощнику, плывшему или на послѣдней или на средней. Въ большинствѣ же случаевъ, чтобы не скучать, оба плыли на передовой.

Вечеретъ. Солнце вотъ вотъ скроется. Передовая баржа съ начальникомъ пристаетъ къ деревенькѣ на ночлегъ. Съ нею рѣдко подходятъ болѣе двухъ, трехъ. Какъ бы избѣгая контроля и надзора, каждая баржа, нагруженная казеннымъ имуществомъ, старается провести ночь въ одиночку. Удавалось это весьма легко, тѣмъ болѣе, что по берегамъ Ингоды множество деревень, большихъ селъ и станицъ. У многихъ казаковъ, плывшихъ въ составѣ баржевыхъ командъ старшими, или начальниками ихъ—въ этихъ деревняхъ и селахъ были родственники, жены или зазнобушки... У каждой деревеньки по вышеупомянутымъ двумъ рѣкамъ, въ предѣлахъ Забайкалья, дневали баржи по одной, по двѣ. Задолго до прибытія желанныхъ гостей, друзья, пріятельницы, родственницы и родственники уже поджидали ихъ сидя на бережку. Вотъ вдали показался выплывшій изъ-за горы остовъ баржи.

— Наши, наши! раздается общій радостный крикъ толпы.

— Наши плывутъ! раздается по деревнѣ.

И толпа увеличивается. Всякому — и старому, и малому желательно посмотрѣть на плывшее чудо.

— По водѣ то и взабаль плыветъ домъ. Чудеса!

— Какъ есть домъ, только безъ крыши.

Забайкалецъ никогда не видалъ плывущихъ по рѣкѣ баржъ, а тѣмъ болѣе пароходовъ. Для послѣднихъ Ингода несудоходна. Только въ полноводіе пароходъ еще можетъ пройти по ней. И то небольшой. Онъ (забайкалецъ) видѣлъ только паромы и плоты. Неудивительно, что ахамъ, охамъ и ухамъ сначала не было и конца. Но интересъ къ этому плывущему дому уходитъ на второй планъ, давая мѣсто старымъ чувствамъ симпатіи и любви къ ожидаемымъ гостямъ. Баржи ужъ близко.

Различаютъ на палубѣ людей.

Вонъ какой то урядникъ.

— Изъ сосѣдней станицы, а не нашъ! Туда и пройдетъ на ночлегъ.

— Такъ и есть. Мимо проходитъ.

— Не наши, не наши! раздается по деревнѣ. Разочарованная толпа расходится. На берегу оставлены вѣстовщики.

— Смотрите, ребята, чуть покажется баржа, кричи, что есть мочи, наказываютъ имъ.

Проходитъ полчаса. Всѣ обыватели и обывательницы, связанные родствомъ и кумовствомъ съ ожидаемыми гостями, нѣтъ нѣтъ да и прислушаются — не кричатъ ли вѣстовщики.

Наконецъ ожидаемый крикъ раздается съ берегу.

— Плывутъ, плывутъ!

Вся матушка-деревня, со всѣхъ ногъ, сбѣгается на сборный пунктъ, куда должна причалить баржа.

— Вотъ они, голубчики наши! раздается въ толпѣ.

— Наши, наши!

— Вонъ, вонъ они на крышѣ! Гли, паре!

— Ура! И Микола Ильичъ, и Панфилушка сердечный! И Дема!

— Гли, гли—смѣются! показываютъ на насъ!

И толпа отъ нетерпѣнія и отъ полноты радостныхъ чувствъ бѣжитъ навстрѣчу баржи, по берегу.

Вотъ она уже противъ деревни. Причалила! Спустили на берегъ доску! Команда молодыхъ новобранцевъ уже на бе-

регу, повыскочили на ходу баржи, цѣпляясь за вѣтви деревъ, нависшихъ надъ водой. Окруженные толпою, они знакомились съ обывателями, пристально всматриваясь и внимательно оглядывая молодыхъ женщинъ и дѣвицъ.

Между тѣмъ на баржѣ происходила другая сцена. Друзья, родственники и зазнобушки, законныя и незаконныя, наперерывъ обнимали и цѣловали прибывшихъ дорогихъ гостей: старшаго команды, его помощника и лоцмана.

Когда первыя минуты встрѣчи прошли и всѣ деревенско-семейныя новости были выложены предъ прибывшими, группа разошлась. Одни спустились внизъ баржи, другіе остались на палубѣ.

— Матрена! иди приготовь мѣшка два, и какъ потемнѣетъ тащи сюда, тихо говоритъ одинъ изъ прибывшихъ своей женѣ, или зазнобушкѣ. Только смотри—никому!

— Ей — вы! Слушай, раздается съ палубы голосъ старшаго. Можете итти въ деревню. Только смотри утромъ, на солнечномъ восходѣ обратно на баржу!

Команды какъ не бывало.

— Вечерку, вечерку, ребята слышь, вечерку. Надо складчину,—раздаются послѣдніе отзвуки отъ разбѣгающейся толпы новобранцевъ и обывателей.

— Катя! А мы въ чаво возьмемъ? Мѣшковъ-то у насъ— Богъ даетъ, тихо говоритъ другой своей сожительницѣ.

— Тото нѣту-ти ихъ. А сколь нужно мѣшковъ-то?

— Да чѣмъ больше, тѣмъ лучше. А у те сколь юпокъ то насдевано?

— Двѣ, да третій сарафанъ.

— Вотъ и важно. Одну сними, завяжемъ у ней верхушку— вотъ те и мѣшокъ. И разговаривающая пара тоже спускается внизъ баржи.

— Демча! А ты чего жъ безъ толку смотришь,—говоритъ старшій своему младшему товарищу, молодому и холостому казаку.

— А для чаво мнѣ ка? Я не тутошный.

— И тошно, ты не нашъ. Твою родину мы пройдемъ завтра въ обѣдъ.

— То-то что среди бѣла дня.

— Слухай! Все-таки продай свою-ту часть здѣсь, а завтра завезешь деньги роднымъ.

— Можно. А кому я продамъ?

— Да мнѣ!

— Важно!

— На, получай деньги. А о цѣнѣ столкуемся опосля. Не въ первой да не въ послѣдній разъ плывемъ съ тобой.

— Вѣстимо. Успѣемъ. Стоитъ ли толковать объ эфтомъ, отозвался простоватый Демча.

До полночи таскали съ баржи казенщину... Зато въ ночлегахъ по другимъ станицамъ, чужимъ, берегли ее „въ лучшемъ видѣ“.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

(Ночлеги баржъ въ прирѣчныхъ деревняхъ и ихъ приключенія. Убытки казны „По волѣ Божіей“).

Такія и подобныя имъ сцены повторялись нерѣдко въ каждой прирѣчной деревнѣ или селѣ, гдѣ дневали баржи, и на всемъ протяженіи Ингоды и Шилки отъ г. Читы до Воскресенской. Другое дѣло, гдѣ была ночевка баржъ съ начальниками рейсовъ. На этихъ баржахъ происходили слѣдующія сцены, безподобно воспроизведенныя предо мною однимъ изъ старожиловъ, амурскимъ казакомъ, многократнымъ дѣйствующимъ лицомъ ихъ.

Баржи, на которыхъ изволили плыть начальники рейсовъ,

обыкновенно нагружались самымъ цѣннымъ грузомъ: спиртомъ, порохомъ, мануфактурами, для обмундированія войскъ, дорогими винами для офицерства, сахаромъ, сластями и т. п. Вотъ одна изъ нихъ, на которой плылъ когда то мой разсказчикъ, въ качествѣ денщика его. благородія, стоитъ на причалѣ у берега. Заря уже погасла. Команда баржи, сваривъ на бережку неизмѣнную кашу-размазню и поужинавъ ею, улеглась спать на палубѣ. Измученные трудами дня, они мертвецки спятъ — шипя, свистя и храпя на разные манеры и тоны. Не спятъ только двое — самъ его благородіе да его денщикъ. Первый въ своей маленькой горенкѣ, на палубѣ, изволитъ бесѣдовать со своимъ гостемъ, городскимъ купцомъ. Денщикъ же сидитъ у дверей горенки, поминутно ожидая приказаній. Отъ скуки и чтобы не заснуть, онъ прислушивается къ бесѣдѣ.

Какъ ни тихо говорятъ они, а денщикъ прекрасно слышитъ о чемъ идетъ рѣчь. Купецъ нарочно пріѣхалъ сюда, изъ города, предварительно сговорившись съ его благородіемъ свидѣться въ этой деревенькѣ. Онъ что-то торгуетъ, а баринъ что-то продаетъ. Первый даетъ двѣ сотни, а послѣдній проситъ три Наконецъ, сговорились за 250 руб. Зашелестили кредитки, зазвенѣлъ замочекъ завѣтной шкатулочки его благородія... Затѣмъ оба встали и денщикъ едва успѣлъ отскочить отъ дверей—вышли оба на палубу.

— Вѣстовой? тихо спрашиваетъ его баринъ.

— Такъ тошно, ваше благородіе.

— Всѣ спятъ?

— Такъ тошно, ваше благородіе.

— Иди удостовѣрься.

Денщикъ подошелъ къ спящимъ и прислушался. Всѣ до одного—дрыхнутъ.

— Всѣ-съ, ваше благородіе!

— Пойдемъ внизъ!

Спустились и зажгли фонарикъ.

— Вотъ эти три ящика волоки на палубу. Иссаакъ Израилевичъ пособитъ тебѣ. Давай сюда фонарикъ! Только легче:

безъ всякаго шума и возни. Слышь! тихо говоритъ его благородіе,

— Слышу ваше благородіе.

Стали подн мать завѣтные ящики Возились безъ малаго часъ. Наконецъ подняли ихъ на палубу.

— Тащи ихъ на берегъ!

Сдѣлать это было весьма легко. Не прошло и четверти часа, какъ всѣ три ящика были на берегу.

— Гаси фонарикъ.

Тутъ Исаакъ Израилевичъ распрощался съ барином и сошелъ съ баржи. Въ этотъ моментъ изъ темноты тихо выѣхала телѣга, забрали ящики и все исчезло.

— Убери у меня со стола! приказываетъ баринъ. Когда денщикъ сталъ убирать закуску и водку, его благородіе сунулъ ему тройку.

— Смотри ни гугу! Въ противномъ случаѣ готовься въ каторгу. Слышь?

— Слышу, ваше благородіе!

— Теперь иди разбуди очереднаго, поставь его на карауль, и ложись спать.

Такія сцены продѣлывались обыкновенно почти каждымъ начальникомъ рейса по одному, по два-раза въ сплавъ.

Но вотъ по лѣвому берегу Амура появились станицы. Сцены, продѣлываемыя гг. сплавщиками, были уже въ другомъ видѣ. Напримѣръ, вотъ плывутъ по Амуру казенныя баржи. На рѣдкой изъ нихъ нѣтъ частнаго груза. Такой грузъ былъ на палубѣ, покрытый и обвязанный. Брали его обыкновенно за Читой, въ прирѣчныхъ станицахъ. Отправлялся же въ послѣднія изъ Читы, изъ Верхнеудинска или Кяхты, по предварительному расчету и уговору, гдѣ баржи такого-то благородія должны будутъ почевать. Въ эти мѣста гг. купцы, русскіе и евреи, обыкновенно доставляли эти грузы на лошадяхъ. Приказчикъ хозяина груза обыкновенно поджидалъ извѣстныя баржи По прибытіи, въ потемочкахъ, нагружалъ на баржи, садился и самъ туда и, въ качествѣ вольнонаемной прислуги начальника рейса, плылъ до мѣста назначенія, гдѣ

или имѣлась уже лавка хозяина, или предназначалась къ открытію. По прибытіи туда, товаръ выгружался и приказчикъ платилъ его благородію за провозъ условленную, довольно крупную сумму. Въ барышахъ были, конечно, оба, въ особенности купецъ, такъ какъ для снаряженія сплава для доставки этого (купеческаго) груза—нужны были: баржа, рабочіе, уплата имъ жалованья, содержаніе и проч., и проч. На все это требовались довольно крупныя деньги. Доставка же на казенныхъ баржахъ была на половину дешевле. Начальники рейсовъ были этимъ весьма довольны. Если купеческій грузъ былъ большой, то нагружались имъ всѣ 10—15 баржъ, находившихся въ вѣдѣніи одного начальника,—небольшими частями. Нагрузки и выгрузки этого груза происходили почти незамѣтно, обыкновенно въ потемкахъ и быстро

Такъ же незамѣтно для сплавнаго персонала, не говоря уже о частныхъ лицахъ, происходили нерѣдко и слѣдующія живыя картины.

Напримѣръ, плыветъ по Амуру баржа, нагруженная казеннымъ имуществомъ тысячъ на 10 12. Старшій на этой баржѣ опытный и находчивый казакъ. Въ одной изъ станицъ по Шилкѣ, или вообще по верховью Амура у него богатый домъ, большое хозяйство и даже торговое зеведеніе. Въ его отсутствіе хозяйничаетъ его отецъ, мать или старшій сынъ, или его жена. Во время ночевки баржи около родной станицы онъ беретъ старшаго сына, или отца, подъ предлогомъ доставить ихъ недалеко, въ одно мѣстечко. Беретъ и лодку свою, а то и двѣ. Двигаясь по Амуру, старается, чтобъ ни позади, ни впереди не было начальства, а подходя къ знаменитому Амурскому лабиринту, добивается полнаго одиночества для своей баржи. Мало этого, мѣняетъ и команду свою: беретъ къ себѣ такихъ же, каковъ онъ самъ. Сдѣлать это сущій пустякъ. Стоитъ только сказать во время ночевокъ одному изъ своихъ пріятелей, плывущихъ въ томъ же званіи—старшаго на другихъ баржахъ. И такъ плыветъ эта баржа Ни впереди, ни позади ни одного живого, постороняго существа человѣческаго рода. Вотъ она подходитъ къ ожланному мѣстечку.

— Ну, ребята, уговоръ пуще денегъ,—обращается онъ къ командѣ, пора вамъ снаряжаться.

— Ладно, только ты условленныя-то подавай.

— А снарядиться то—пустякъ, дѣло минуты.

— То-то деньги надо, а потомъ и говори: „Снаряжайтесь, молъ, ребята".

— За мною дѣло не станетъ, говоритъ старшой, засовывая руку въ карманъ и вынимая оттуда пачку ассигнацій.

— Вотъ это дѣло, говоритъ команда, обступая его.

— Получай каждый свою часть!

Деньги розданы.

— Смотрите ребята не выдавайте.

— Ну выдумалъ!

— Только ты-то не выдавай насъ, а мы-то ужъ ни гугу.

— Хоть зарѣжь.

— Седни отдохните гдѣ-нибудь на острову, а завтра заѣзжайте въ станицу и скажите тамъ: „Крушеніе молъ баржи. Все почти казенное добро утопили". Все какъ слѣдуетъ, врите, что придетъ въ башку. А спросятъ: „Гдѣ старшой"? — говори—отляживается на бережку—ужъ больно, молъ, пострадалъ, вытаскивая грузъ. Да вотъ что главное, забылъ: въ станицу-ту старайтесь прибыть днемъ, да не показывайтесь на глаза никому изъ нашихъ чертей-сплавщиковъ. А ты, Филатъ, не забудь передать писульку-ту мою тому уряднику.

— Ладно.

— Да смотри накажи, пусть сейчасъ же плыветъ. Я его встрѣчу здѣсь.

Команда собралась: взяли сухари, запасъ разведеннаго спирта, свои пожитки, котелки, затѣмъ попрощались со своимъ главаремъ, сѣли въ лодку и отчалили отъ баржи.

Вскорѣ эта лодка скрылась вдали, а баржа, повернувъ налѣво, вошла въ одинъ изъ протоковъ. Едва она скрылась, какъ вдали показались двѣ слѣдующія баржи.

Прослѣдивъ за ихъ ходомъ, пока онѣ не прошли мимо и не скрылись на востокѣ, старшой съ облегченіемъ вздохнулъ

и перекрестился. Не теряя времени, онъ выбралъ укромный уголокъ, среди береговой растительности и остановилъ свое судно. Здѣсь, въ недалекомъ разстояніи отъ выбранной стоянки, поджидали его нѣсколько знакомыхъ и пріятелей инородцевъ съ лодками, нанятыхъ старшимъ нѣсколько дней тому назадъ, въ одну изъ ночевокъ у инородческихъ улусовъ. Такъ какъ выбранный ими (инородцами) заливчикъ, совершенно скрытый высокой древесной растительностью, былъ еще удобнѣе, то пришлось баржу перемѣстить туда. Укрѣпивъ ее канатомъ, приступили къ работѣ. Большая часть клади была выгружена изъ баржи и спрятана въ чащѣ берегового лѣса. Въ потемочкахъ часть этого спрятаннаго груза перетащили на лодки и подъ путеводительствомъ инородцевъ, прекрасно знающихъ фарватеръ Амура, съ его притоками, островами и всѣми таинственными закоулками, родственники старшаго двинулись къ Шилкѣ. Днемъ отдыхали, спрятавъ лодки въ береговой чащѣ, а ночью двигались. Чрезъ нѣсколько дней весь этотъ грузъ былъ уже въ желаемомъ мѣстѣ. Отправились обратно за остаткомъ его...

Опорожнивъ баржу, старшой, съ помощью своего помощника, двинулъ ее, съ небольшимъ остаткомъ груза, дальше по теченію. Къ вечеру она была уже не кладбищѣ сплавныхъ принадлежностей: баржъ, паромовъ, плотовъ. .

Покончить съ нею, перетащивъ предварительно на берегъ остатки груза—дѣло не требующее продолжительнаго времени. Устроивъ „все, что слѣдуетъ ему“ и переночевавъ на берегу около груза, старшой, на другой день—къ обѣду, отправился по берегу острова ко входу протоки, гдѣ и встрѣтилъ станичнаго урядника, съ двумя гребцами—понятыми. Освидѣтельствовали баржу и грузъ, вписали что нужно въ пробѣлы печатной бланки акта объ аваріи, подписали этотъ документъ, нагрузили въ лодку грузъ и отправились въ станицу. Къ вечеру были уже тамъ...

Наконецъ вотъ эти послѣднія картины были настолько обычны, что воспроизводились почти на глазахъ всего населенія станицъ и сплавнаго персонала. Совершаясь почти каж-

дую ночь, въ теченіе лѣта, и во всѣхъ станицахъ, гдѣ были ночевки баржъ, эти картины никого не удивляли и не возмущали.

Вотъ подходятъ къ станицѣ нѣсколько баржъ. На передней нѣсколько офицеровъ. Одни начальники рейса, другіе ихъ помощники. Послѣдніе только что со школьной скамьи— безусая молодежь. Они собрались на одну баржу отъ скуки, избѣгая одиночества. Ихъ веселое, жизнерадостное настроеніе заражаетъ и другихъ офицеровъ, пожилыхъ. Тѣмъ тоже скучно плыть въ одиночествѣ цѣлые дни на этихъ неуклюжихъ судахъ безъ всякаго развлеченія, комфорта и даже небольшого удобства.

Вотъ баржи подошли къ станицѣ и начали укрѣплять ихъ канатами къ берегу. Офицеры, обозрѣвая толпу казаковъ и казачекъ, стоящихъ на берегу, бесѣдуютъ.

— Вонъ та довольно недурненькая.

— А вотъ даже красавица.

— И не одна ..

— На нашу компанію наберется. Ха-ха-ха.

— Оедотовъ! крикнулъ одинъ изъ офицеровъ.

Оедотовъ подбѣжалъ.

— Знаешь свою обязанность устраивать вечеринки?

— Точно такъ-съ, выше высокоблагородіе! гаркнулъ Оедотовъ, козыряя.

— Ну такъ вотъ—приступай и здѣсь къ исполненію этой обязанности.

— Слушаюсь ваше высокоблагородіе!

— Не дать ли ему на непредвидѣнные расходы рублевки три? спросилъ одинъ изъ безусыхъ офицеровъ.

— Зачѣмъ? Вѣдь вина и конфетъ онъ возьметъ изъ баржи.

— А свѣчи? Едва ли у нихъ есть онѣ.

— Не случилось бы такъ же, какъ въ прошлую ночь: проводили время при свѣтѣ лучинъ. Ха-ха-ха!

— И свѣчи, конечно, можно захватить. Только не пять фунтовъ, какъ сдѣлалъ ты въ прошлый разъ, въ одну изъ ночевокъ.

— Слушаюсь, выше высокоблагородіе! Рублевки двѣ все жъ таки не мѣшаетъ захватить. Надоть музыкантамъ, хозяину за горницу и все такое.

— Рублевки двѣ можно дать.

— Получай. Вотъ тебѣ три. Два на расходы, а третій возьми себѣ за хлопоты.

— Благодаримъ покорно, ваше благородіе!

— Только смотри, чтобы всѣ молоденькія и хорошенькія были...

— Прихвати и молодухъ. Ха-ха-ха!..

— Слушаюсь! Постараюсь, ваша благородіе!

Баржи закрѣплены, гг. офицеры сошли на берегъ и отправились обозрѣвать станицу.

Когда они скрылись изъ виду, всѣ новобранцы и казаки прибывшихъ баржъ, устроили свое совѣщаніе. Собравшись, они стали толковать какъ и гдѣ провести имъ эту ночь.

— Ребята! Надо такъ же устроить, какъ въ прошлый разъ.

— Вотъ именно: собрать казаковъ станицы и накачать ихъ спиртомъ до полусмерти. Пока они будутъ отляживаться, мы станемъ проводить ноченьку съ ихъ бабами.

— Да, да!

— Я думаю и бабъ тоже подпоить.

— Имъ можно разведеннаго спирту.

— Ну, конечно.

— Уйму надо винища для нихъ.

— Не особенно. Чарки двѣ—и довольно—сама растянется.

— И даже языкъ ея откажется исполнять свои обязанности.

— Это какъ водится.

— Только помните, ребята, намъ пить нельзя. Иначе мы станемъ только безъ толку топтаться.

— Да что объ эфтомъ толковать—кто какъ хочетъ, такъ и пусть дѣлаетъ.

— Ну такъ идите, ребята, устраивайте.

— Только смотрите, чтобъ подальше отъ того дома, гдѣ будутъ гулять гг. офицеры.

— Конечно!

— Да зачѣмъ въ станицѣ то? Можно просто на задахъ, гдѣ-нибудь въ рощицѣ.

— Ладно устроимъ. Ну, Максимка, Митька, Филька! Маршъ со мною.

Наступила ночь. Гг. офицеры проводятъ время у одного зажиточнаго казака. Съ ними всѣ дѣвицы и пригожія молодки. Угощаемыя винами и сластями онѣ „не помнятъ себя *)“ отъ счастія. Услаждается и слухъ присутствующихъ: гремитъ музыка. Она состоитъ изъ скрипки и гармоники. Время отъ времени изъ горницы выходятъ пары: какой нибудь офицеръ съ пьяненькой дѣвушкой или молодкой. Они уходятъ подышать свѣжимъ воздухомъ... Чрезъ полчаса, или часъ, парочка возвращается.

Такъ „весело и хорошо“ **) проводили время до утра.

Между тѣмъ на задахъ станицы, въ землянкѣ, другая гулянка. Здѣсь въ сборѣ всѣ „тутошные“ казаки. Благодаря спирту, они уже угощены отлично: не могутъ даже двигаться. Ни казаковъ, прибывшихъ на баржахъ, ни новобранцевъ съ ними нѣтъ ни одного. Гдѣ жъ, однако, эти молодцы? Въ избушкахъ станицы тьма, на баржахъ, кромѣ часовыхъ, ни души...

„Такъ тихо, смирно и благородно ***) гуляли мы во время почевокъ у насъ баржъ“, оканчивали старички-казаки свои воспоминанія о дорогомъ быломъ „времечкѣ“.

— Ись было точно нечего, за то жилось весело,—прибавляли другіе съ тяжелыми вздохами.

Всему бываетъ конецъ. Наступалъ онъ и для сплава извѣстнаго года. Баржи доходили до назначеннаго мѣста и начальники сдавали грузы. Нечего и говорить, что ни въ одинъ годъ, въ теченіе 16-ти лѣтняго существованія сплава,

---

*) Выраженіе разсказчицъ.

**) Тоже.

***) Т.-е. безъ дракъ и ссоръ.

не сдавались они исправно—въ количествѣ и качествѣ, въ какомъ принимались въ Читѣ.

По словамъ одного изъ офицеровъ, съ которымъ я познакомился въ Хабаровскѣ, въ теченіе всѣхъ 16 ти лѣтъ по предварительной провѣркѣ отчетовъ по сплавамъ, съ 1856—1872 гг., изъ года въ годъ оказывалось одно и то же явленіе: крупная недостача груза въ размѣрѣ одной четверти, или трети, всего количества. Въ этомъ убѣдился я самъ, ознакомившись съ нѣкоторыми копіями подлинныхъ документовъ по сплавамъ. Мало того, въ нѣкоторые годы, изъ числа этихъ 16-ти, доставлено было только по половинѣ всего груза. Напримѣръ, такая оказія произошла въ 1863 г. По этимъ документамъ и по книжкѣ г. Рагоза, составленной по дѣламъ окружнаго штаба, остальная половина груза въ этотъ злополучный годъ будто бы была утоплена, вмѣстѣ съ 32-мя баржами.

Какія же послѣдствія были этой громадной ежегодной траты? По словамъ г. Рагоза, отвѣтственности за эти траты и порчи никто не подвергался. „Въ такихъ случаяхъ“, говоритъ онъ, „на выручку сдатчиковъ изъ бѣды составлялись акты, въ которыхъ всѣ убытки казны взваливались на волю Божію безъ упоминанія, конечно, тѣхъ причинъ, которыя немало способствовали волѣ Божіей. Акты вообще многое упрощали въ сплавныхъ операціяхъ“.

Эти важные документы были печатные съ небольшими пробѣлами. Въ послѣдніе вписывалось количество траты и порчи груза, баржъ, паромовъ, плотовъ и лодокъ, и наименованіе вещей или припасовъ. Бланки эти заготовлялись въ громадномъ количествѣ въ типографіи окружнаго штаба, въ г. Иркутскѣ, и выдавались по сотнѣ экземпляровъ ежегодно каждому начальнику рейса, предъ отплытіемъ изъ Сиваковой.

Такимъ порядкомъ, сдавался казенный грузъ по Амуру въ августѣ и сентябрѣ. Въ концѣ октября весь сплавной персоналъ (кромѣ новобранцевъ, штрафованныхъ и каторжныхъ) возвращался въ Читу и подсчитывалъ свои барыши. Начальникъ сплава получалъ, какъ уже говорилъ, по 5 р.

въ день, съ января по 1 ноября, 1520 р.; начальники рейса по 3 р. въ день, за 6 мѣсяцевъ, 552 р. да доходовъ по тысячѣ, а то и больше. Помощники ихъ, безусая молодежь по 1 р. 50 к. въ день. Но они не копили, а тратили ихъ по станицамъ, на вечеркахъ. Кромѣ того, первый и вторые еще награждались начальствомъ. Напримѣръ: начальникъ сплава получалъ 1500 р., а вторые по 400, по 500 р. Затѣмъ тотъ и другіе представлялись не въ очередь къ Высочайшимъ наградамъ, которыми были всегда удостанваемы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

На новыхъ мѣстахъ. Постройки хатъ. Чрезмѣрныя тяготы, болѣзни и хроническія голодовки.

Возвращаюсь къ переселенцамъ казакамъ, покончивъ со сплавами.

Итакъ въ началѣ мая въ 1857 г. первая партія ихъ, въ числѣ 450 семействъ, была посажена на плоты и отправлена на Амуръ. Кромѣ небольшого запаса сухарей, были взяты ими лошади, у кого онѣ имѣлись, и рогатый скотъ. На пути, у нѣкоторыхъ казаковъ, отъ безкормицы тѣ и другіе дохли, или тонули, спасаясь отъ комаровъ и овода. Остались эти домашнія животныя у немногихъ, особенно — заботливыхъ, пользовавшихся малѣйшей остановкой, чтобы раздобыться кормомъ.

Во время плаванія по Ингодѣ, Шилкѣ и Амуру казаки почти ежедневно и въ теченіе многихъ часовъ бродили безъ отдыху въ водѣ. Сядетъ ли баржа, или плотъ, на мель, наткнется ли на подводный кряжъ, или застрянетъ въ вѣтвяхъ его, казаки по командѣ быстро наздѣвались и скакали въ воду... Сдвинутъ баржу, или плотъ со страшными усиліями и, не успѣютъ отдохнуть и обсушиться снова команда:

— Маршъ всѣ въ воду!

Итакъ, цѣлый мѣсяцъ изо дня въ день.

Отъ такихъ чрезвычайныхъ усилій всѣ страшно были изнурены и простужены. Къ тому же пища была весьма плохая: чай, сухари и разъ въ день каша безъ масла. По праздникамъ жидкая похлебка.

Тяготы, какъ увидимъ, еще увеличились, когда казаки были на берегу. А пища не улучшилась.

— Имѣй мы свободное время, могли бы, какъ хотѣли, улучшить свое пропитаніе. Ловили бы рыбу, охотились бы артелью на козуль... такъ говорили мнѣ многіе изъ стариковъ казаковъ.

Занятые цѣлые дни въ тяжелой работѣ и не удовлетворяя потребности питанія, казаки обоего пола дошли до тяжелаго болѣзненнаго изнуренія. Какъ послѣдствіе послѣдняго явилась апатія, слабость во всемъ организмѣ, лѣнь, общее недомоганіе. Къ несчастію, отдыхать, отлеживаться было некогда: начальство не давало имъ ни одного часа свободы располагать своимъ временемъ.

— Такъ и хворали всѣ до могилы. Хвораемъ и мы съ того времени. Удивительно, какъ остались живы. Впрочемъ, мнѣ въ ту пору было 15—16 годовъ,—говоритъ одинъ изъ пожилыхъ казаковъ.

Отъ этихъ болѣзненныхъ и изнуренныхъ паръ народилось поколѣніе вполнѣ соотвѣтствующее своимъ родителямъ.

Вотъ причина, почему почти не улучшилось положеніе и нынѣшняго поколенія амурскихъ казаковъ.

Возвращаюсь къ плаванію казаковъ къ мѣсту новаго поселенія.

Въ іюлѣ плоты стали приплывать къ мѣстамъ, предназначеннымъ для поселеній. Эти мѣста почти для всѣхъ станицъ по Амуру назначались самимъ Н. Н. Муравьевымъ и во время плаванія. Никакого изслѣдованія, и даже поверхностнаго осмотра, этихъ мѣстностей не производилось, и вопросъ—пригодны ли онѣ для сельскаго хозяйства и поселенія—никѣмъ не возбуждался. Плыветъ, напримѣръ, генералъ-губернаторъ по

Амуру и обозрѣваетъ берегъ на ходу судна. Вотъ тянется предъ его очами низменная береговая равнина, а по равномѣрному ходу, они прошли приблизительно верстъ 30, 25 отъ мѣстности, гдѣ назначена была послѣдняя станица.

— Тутъ должна быть станица такая-то, — приказываетъ генералъ-губернаторъ. И такъ далѣе, по всему Амуру.

Основательно была выбрана мѣстность только для Раддіевской и то только благодаря естествоиспытателю Радде. Жители этой станицы не нахвалятся на мѣстоположеніе ея. Не то въ прочихъ станицахъ, какъ будетъ сказано ниже. Въ оправданіе неудачнаго выбора мѣстъ, для поселеній, ссылаются на полное незнакомство Муравьева и его сподвижниковъ съ Амурскимъ краемъ, незнаніе о ежегодныхъ разливахъ этой рѣки въ полноводіе и о періодическихъ наводненіяхъ ея.

— Да разве до прихода насъ сюда ни кто не жилъ здѣсь? Разве мало этого тварья слонялось по всему Амуру съ незапамятныхъ временъ? Тунгусы, орочены, манзы, гольды. Почему бы не спросить ихъ—какъ и что, молъ, Амуръ отъ въ полноводіе то. Навѣрно не отказали бы сказать подробно. А то и безъ того спроса можно было бы обойтись, потому затопляемыя мѣста легко можно отличить отъ незатопляемыхъ". Такъ говорятъ опытные и разсудительные старожилы амурцы, при тяжелыхъ воспоминаніяхъ о многократныхъ наводненіяхъ всей амурской долины, съ ея станицами, полями и огородами.

Въ первый же день, по высадкѣ на берегъ, казаковъ заставили строить избы для себя изъ лѣса, который былъ сплавленъ паромами. Въ помощь дали имъ солдатъ. Для какихъ, именно, казаковъ строили эти избушки—никто не зналъ. Не знало и начальство, распоряжавшееся этимъ.

— Послѣ распредѣлимъ!

Пока мужья, отцы и братья были заняты постройкой избъ, женщины дѣлали кирпичи. Каждая должна была сдѣлать тысячу въ мѣсяцъ.

Занятые цѣлые дни казенной работой, ни женщины, ни мужчина не были въ состояніи удѣлить и полчаса на свои се-

мейныя надобности, напримѣръ, на дѣтей. Послѣднія, лишенныя призора, гибли какъ мухи осенью.

Такимъ безпорядкомъ почти на всемъ протяженіи отъ устья Зеи до Усть-Стрѣлки начались работы на мѣстахъ, назначенныхъ для станицъ. Одни разбивали плоты и на плечахъ, съ великими усиліями вытаскивали бревна изъ воды на берегъ. Во многихъ мѣстахъ приходилось поднимать ихъ на высокій берегъ (яръ). Многіе въ этой работѣ „надсаживались“. Послѣ этого жили недолго и все это время хворали. Другіе обтесывали бревна и ставили срубы. Кончатъ срубъ, съ поломъ и потолкомъ, дѣлаютъ другой, подобный первому. При чемъ стѣны клали безъ пакли и мха. Въ оконченномъ срубѣ другая партія сбивала печь, кое-какъ сколачивала рамы и заклеивала ихъ бумагою или кожей, за неимѣніемъ стекла. Но не вездѣ имѣлся строевой лѣсной матеріалъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его совсѣмъ нельзя было заготовить, за неимѣніемъ подходящаго, а то за неимѣніемъ времени рубить его... Въ такихъ случаяхъ дѣлали плетень изъ двухъ рядовъ, промежутокъ набивали землею, а наружныя и внутреннія стороны обмазывали глиною, потомъ на верхъ клали плахи, набрасывали землю и жилище было готово. Доканчивать такую хату предоставляли въ большинствѣ случаевъ казачкамъ. Послѣднимъ было не мало работы для приготовленія такой мазанки къ человѣческому жилью. Напримѣръ, надо было сбить печь, обчистить земляной полъ, продѣлать два—три окошца и затянуть ихъ кожей или хоть бумагой... Въ заключеніе сами казаки, хозяева этихъ хатъ, дѣлали лавки, а на четырехъ столбахъ въ переднемъ углу укрѣплялась доска. Это былъ столъ Кромѣ того, въ заднемъ, у дверей, на шести низкихъ столбикахъ, укрѣплялись три-четыре сколоченныхъ досокъ въ $2^1/_2$ арш. длины. Это была кровать.

Въ другихъ мѣстахъ стѣны избушекъ сооружались изъ двухъ рядовъ частокола. Средина тоже набивалась землей, а стороны обмазывались глиной. Въ первый, по переселенію годъ, такихъ мазанокъ было построено по пяти въ каждой станицѣ. Во всѣ эти хаты помѣстили по 3, по 4 семейства.

Что касается до деревянныхъ избъ, то ихъ оставили для квартиръ казачьимъ офицерамъ и для состоятельныхъ казаковъ-урядниковъ.

Первые не заставили себя долго ждать ихъ. Съ перваго же дня поселенія на новомъ мѣстѣ казаки поступали подъ надзоръ согенныхъ командировъ, поселившихся въ станицахъ. Эти отцы-командиры были молодые и холостые „По обязанности службы“ они вмѣшивались во всѣ мелочи и станичнаго, и домашне-семейнаго распорядка казаковъ. А отъ скуки заводили любовницъ, выбирая любую изъ числа казачекъ. Кромѣ этого цѣлые дни и ночи посвящали Бахусу. Нѣкоторые изъ этихъ „отцовъ командировъ“ устраивали попойки, приглашая на нихъ и казаковъ, и казачекъ—„хорошенькихъ и молоденькихъ“. Если кто-либо изъ казаковъ не шелъ на пирушку, или не отпускалъ свою дочь и „женку“, того „за ослушаніе сѣкли, записывая въ штрафной журналъ.

„Моего отца, разсказывалъ мнѣ одинъ казакъ среднихъ лѣтъ, наказывали три раза. Сначала командиръ снялъ у него галуны, значитъ разжаловалъ изъ урядниковъ въ казаки, потомъ заперъ въ темную. А въ третій разъ высѣкъ. Не вынесъ эту обиду мой родитель, царство ему небесное, и на другой день мамка нашла его въ чуланѣ на ремнѣ. А изъ за чего все это? Смѣшно сказать: оберегалъ дочь, мою сестренку. Значитъ не отпускалъ ее на вечерку къ нему. Потому тамъ одно поскудство было да пьянство. А у ней былъ женихъ. Просватана была за него. Онъ нашъ же казакъ, просилъ не отпускать ее на эти вечерки, потому зналъ хорошо, что дѣлалось тамъ. Когда командиръ нашъ узналъ о смерти тятьки, сейчасъ же вытребовалъ мою сестренку къ себѣ. Было это утромъ того же дня, когда нашли тятю въ чуланѣ. Послѣ этого цѣлый мѣсяцъ не выпускалъ ея изъ своей квартиры. Все тѣшился ею какъ было нужно ему... Такихъ оказій, какъ съ моимъ отцомъ и сестренкой,—было много сначало по нашимъ станицамъ. Потомъ не стали оберегать своихъ дочерей и бабъ...

— Послѣ этого, что же случилось съ вашей сестрой?—спросилъ я въ заключеніи этого разсказа.

— Забеременила отъ него, гада-проклятаго. Женихъ было отказался вѣнчаться съ ней, а командиръ заставилъ. И обвѣнчались, только не на радость, а на сплошное горе: годовъ чрезъ 7—8 умерла отъ побоевъ мужа...

Не успѣли казаки кончить свои мазанки, какъ ихъ наряднли косить сѣно и пахать пашни На подмогу имъ дали солдатъ. Что касается до мазанокъ, то онѣ остались безъ крышъ на нѣсколько лѣтъ.

Пока казаки косили, убирали сѣно и пахали пашни, бабы готовили свои желкія жилища къ зимѣ: обмазывали ихъ, утыкали, дѣлали завалинки, собирали въ лѣсу и таскали валежникъ и т. д. Но вотъ съ низовья Амура потянулся обратно въ Читу сплавной персоналъ. Приказано было всѣмъ станичникамъ провозить, пока безплатно, отъ станицы до станицы не только офицеровъ, чиновниковъ, урядниковъ и казаковъ, но даже и частныхъ лицъ—однимъ словомъ кто предъявитъ записку маіора Языкова о немедленной выдачѣ лошадей. Около этого же времени пошли громадныя почты, потянулся цѣлый обозъ тюковъ офицеровъ, и чиновниковъ, съ ихъ багажомъ. Между послѣднимъ были и дорогія матеріи, какъ-то сукна, бархатъ, шелкъ, цѣлыми кусками. Этотъ дорогой товаръ былъ закупленъ на казенныя деньги по распоряженію генералъ-губернатора Муравьева для подарковъ маньчжурскимъ чиновникамъ. Почему всѣ матеріи не были вручены по принадлежности, неизвѣстно. Выписанныя въ расходъ, какъ отданныя маньчжурамъ, они остались у офицеровъ и чиновниковъ

И такъ, все это двигалось непрерывно, одинъ за другимъ, какъ безконечная лавина. И проѣзжающіе, и сопровождавшіе почту сильно торопились, стараясь какъ можно скорѣе добраться до мѣста, прежде чѣмъ наступитъ холодное время года и бездорожье. Кромѣ того, изъ станицы въ станицу безпрерывно ѣздили казачьи офицеры, наблюдавшіе за постройками избъ въ станицахъ, за косьбой и пахотой. Нечего и говорить, что вся тяжесть этой лавины обрушилась на казачье населеніе, не успѣвшее даже осмотрѣться и обстроиться. Въ каждой станицѣ было не болѣе 5—6 лошадей

совершенно изнуренныхъ. Тѣмъ не менѣе приходилось запрягать и этихъ клячъ. Возить необходимо было по мѣстности, гдѣ не ступала даже человѣческая нога. Нерѣдко ямщики-казаки, съ проѣзжающими, тюками или съ почтою тонули въ невѣдомыхъ имъ рѣкахъ, впадающихъ въ Амуръ, вязли въ болотѣ, блуждали въ прирѣчныхъ лѣсахъ, или по цѣлымъ часамъ разыскивали пологаго подъема на гору, преграждавшую имъ путь. Въ такихъ случаяхъ, выведенные изъ терпѣнія, проѣзжающіе срывали свою досаду и негодованіе на не въ чемъ неповинныхъ возницахъ. Проплутавъ цѣлый день по прибрежнымъ трущебамъ. казакъ возвращался домой избитый, голодный и продрогшій. Гораздо въ худшемъ состояніи были лошади его Не успѣетъ казакъ отдохнуть, какъ снова подошла его очередь везти проѣзжающаго или возъ багажа—сплавщиковъ. Сопровождавшій багажъ урядникъ, или унтеръ-офицеръ, не менѣе грозенъ.

— Лошадей! Немедленно!

А лошади и ямщики едва живы.

И кланяются всѣ станичники такому грозному проѣзжающему, умоляя его ночевать у нихъ.

— Скучища у васъ смертная, отзывается тотъ.

— Позабавимъ твою душеньку, ничего не пожалѣемъ. Вечерку соберемъ твоей милости, угостимъ тебя, чѣмъ Богъ послалъ. Только смилосердуйся хоть ты, пожалѣй животинку: вотъ, вотъ издохнетъ. Еще не отдышалась отъ послѣдней ѣзды и не ѣвши стоитъ, сердечная, понуривъ голову.

Кто устоитъ предъ такимъ обѣщаніемъ! Собирается вечерка, является весь молодой женскій персоналъ, въ лучшихъ праздничныхъ платьяхъ и музыканты. Столъ ломится отъ угощеній и водки, собранныхъ со всей станицы.

Въ концѣ вечерки раскошеливается и пьяный виновникъ этого бала. Полученныя деньги дѣлились между тѣми, кому принадлежали угощеніе. Львиная доля, конечно, попадала красавицѣ, услаждавшей минуты проѣзжающаго. Такія вечерки, собираемыя исключительно для послѣднихъ, вошли въ обычай амурскихъ казаковъ...

Въ такихъ трудно терпимыхъ мученіяхъ прошла осень, со всѣми ужасными тяготами для переселенныхъ казаковъ. Между тѣмъ этихъ мученій легко можно было бы избѣжать.

— Стоило только снабдить каждую нашу станицу лодками, хоть по двѣ, и показать намъ какъ ими пользоваться, говоритъ старожилъ-амурецъ.

Но этого не сдѣлали ни въ то время, ни въ послѣдующее, хотя лодки въ большомъ количествѣ бросались, вмѣстѣ съ баржами, въ Маріинскѣ и Николаевскѣ.

— Почему бы не оставлять ихъ по станицамъ, когда сплавъ двигался впередъ въ 1857 г., чѣмъ попусту бросать ихъ на дрова, и говоритъ тотъ же старожилъ.

Наконецъ, наступила зима и Амуръ былъ скованъ льдомъ. Казаки съ облегченіемъ вздохнули. И дѣйствительно, въ это время года легче было и лошадямъ и самимъ казакамъ, хотя почты и проѣзжающіе продолжали непрерывно двигаться впередъ и обратно. Главное, что облегчило положеніе казаковъ— это прогоны, которые стали они получать. Но, къ сожалѣнію, не всѣ Станичники отъ Благовѣщенска до Николаевска никакихъ прогоновъ, за провозъ почты, казенныхъ и частныхъ проѣзжающихъ не получали. Собиралъ ихъ старшій казакъ и представлялъ сотенному командиру. Такъ было до 80-ыхъ гг. Впослѣдствіи эти деньги шли будто бы на покупку лошадей для казаковъ. По словамъ послѣднихъ, лошадей они получали кое-когда, но за нихъ взыскивались особыя суммы.

Что касается до казаковъ отъ Стрѣлки до Благовѣщенска, то имъ выдавали на руки всѣ прогоны, какъ уже сказано.

Казаки-ямщики терпѣли „большія“ обиды; въ особенности отъ проѣзжавшихъ по казенной надобности. Напримѣръ, запрягаетъ казакъ тройку или четверку подъ тяжелый возокъ, съ громадою багажа,—платятъ же ему за двѣ. А чуть заикнется казакъ о прибавкѣ—„въ морду“ ему...

Хотя матеріальное положеніе казаковъ и нѣсколько улучшилось, зато его домашняя жизнь сдѣлалась совершенно невыносимой. Я уже говорилъ, что въ каждую мазанку было поселено по 3, по 4 семейства. Жилища эти и безъ того были

сырыя и холодныя. А послѣ того, какъ стали обитаемы, сдѣлались совершенно негодными для человѣческаго жилья. Отъ скученности жильцовъ, превратились въ неимовѣрно сырыя, угарныя, чрезвычайно душныя и вонючія клоаки. Стѣны покрылись плѣсенью и мхомъ, пары осаждались на потолокъ и непрерывнымъ крупнымъ дождемъ капали внизъ. На полу, (земляномъ) и въ особенности около печи, появились насѣкомыя въ громадномъ и разнообразномъ количествѣ. Хворали и женщины, и дѣти. Смертность послѣднихъ по всѣмъ станицамъ была велика. Къ довершенію невзгодъ, матери семействъ, вынужденныя жить въ одномъ тѣсномъ пространствѣ, непрерывно ссорились между собою и изъ-за горшковъ, и изъ-за дѣтей. Однѣ умолкали, начинали перебранку другія. А тутъ еще нищенское питаніе. Одинъ плохой хлѣбъ да кирпичный чай И въ обѣдъ, и въ ужинъ, и утромъ — все одна эта же пара. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ и этого не доставало. „По сусѣдямъ кусочки собирали да выпрашивали у проѣзжающихъ — этимъ только и жили“ вспоминаетъ одна старушка-казачка.

Но, не всѣмъ въ станицахъ жилось такъ скверно. Одно или два семейства, изъ 16—20, сразу стали жить удовлетворительно. Это преимущественно охотники. Между возкой проѣзжающихъ и др. обязанностями, они находили время и поохотиться. Осеннее же время самое благопріятное въ этомъ случаѣ. По словамъ г. Завалишина казаки отъ Стрѣлки до Кумары промышляли за бѣлкой. Цѣна ей была въ то время 18 коп. Отъ Покровки до Албазина были поселены горбачевскіе казаки. На родинѣ (по Шилкѣ) они ходили „*на Амуръ*“ добывать осетрину. Частью ловили ее, а частью вымѣнивали отъ Маньчжуръ. Вывезенную рыбу они возили продавать въ Нерчинскъ, въ Шилкинское селеніе. Поселенные по Амуру, они не оставили этого промысла: почти всѣ занялись на новомъ мѣстѣ рыболовствомъ. Цѣны были хорошія: икра 10 р. пудъ, а рыба отъ 4-хъ до 5 руб.

Казаки, населенные около Благовѣщенска, на Хинганѣ, охотились за соболями. Цѣна его была отъ 8 до 12 р. Про-

давали мѣха въ Благовѣщенскъ или китайцамъ на серебро. А дома послѣднее вымѣнивали на кредитные билеты; 1 руб. 50 к. получали за 1 р. серебра. Выгодна была эта операція. Кромѣ этой, такъ сказать, спеціальной охоты, доступной немногимъ, большинство казаковъ стали охотиться за кабанами, медвѣдями, козулями. Благодаря полному безлюдью края, дичи было множество и охотники-казаки никогда не возвращались домой съ пустыми руками: иногда приносили козу или двѣ, иногда кабана. Въ такихъ случаяхъ къ счастливому охотнику обыкновенно собиралось все населеніе станицы. „Отвѣдать свѣжинку".

И гостепріимный хозяинъ-охотникъ угощалъ гостей. По словамъ казаковъ-старожиловъ, таковъ былъ обычай и у отцовъ, и у дѣдовъ ихъ, въ Забайкальи. Также съ испоконъ вѣковъ собирались и собираются „отвѣдать свѣжинку" тунгусы, буряты, орочены и др. инородцы. Какъ ни пріятно было казакамъ жить по традиціи предковъ, однако этотъ обычай въ послѣднее время начинаетъ исчезать благодаря чрезвычайной убыточности его. Чтобы избавиться отъ непрошенныхъ гостей-одностаничниковъ, охотникъ старается возвратиться домой, съ добычею, въ потемкахъ, чтобы никто не зналъ и не видалъ его. А соберутся, ихъ оповѣщаютъ, что охотникъ возвратился съ пустыми руками.

Къ зимѣ казаки стали немного поправляться. Благодаря прогонамъ, дѣлали складчину и снаряжали кого-нибудь одного изъ своихъ на родину, въ Забайкалъ, за покупкою хлѣба, чаю, соли, свѣчъ. Праздники, Рождество и святки, большинство провели сносно, безъ особыхъ лишеній.

Наступившая весна 1858 года принесла новыя тяготы. Было сдѣлано распоряженіе наказнаго атамана забайкальскаго казачьяго войска, чтобъ отъ всѣхъ станицъ по Амуру казаки давали лоцмановъ всѣмъ проплывающимъ мимо баржамъ, лодкамъ, паромамъ и плотамъ. Они должны были сопровождать послѣднихъ отъ станицы до станицы. Кромѣ того, было приказано казакамъ таскать бичевой, противъ теченія, на лодкахъ или по берегу, все что потребуется: почты, грузы,

проѣзжающихъ, съ низовья Амура. Едва прошелъ ледъ по рѣкѣ, какъ непрерывно потянулись лодки, карбазы, баржи— сверху и снизу. Съ низовья шли почты, возвращались нижніе чины на родину, ѣхали по переводу офицеры и чиновники; съ верховья двигались конные казаки, назначенные для поселенія отъ Усть-Стрѣлки до Пермининой. Зачисленные къ кочевкѣ еще осенью въ 1857 г. и предостовленные своему попеченію, отцы семействъ этихъ переселенцевъ, съ взрослыми сыновьями, въ декабрѣ того же года уплыли на новыя мѣста. Здѣсь въ теченіе зимы готовили лѣсъ для построекъ, приготовляли усадьбы и т. д. Другіе же наготовили строительный матеріалъ на старомъ мѣстѣ, дѣлали изъ него плоты и, съ наступленіемъ навигаціи, отправились на новыя мѣста. На родинѣ же остались жены съ дѣтьми не работниками, старики и старухи. Они садили овощи, пахали и засѣвали хлѣбъ, съ помощью работниковъ.

Между тѣмъ отцы семействъ строили себѣ избы, огораживали усадьбы и т. д. Приготовивъ все это, они возвратились въ августѣ на родину. пособили убирать съ полей и въ огородахъ и, нагрузивъ собраннымъ зерномъ и овощами лодки карбазы, окончательно переселились на новую родину, со всѣми членами семьи.

Благодаря этому разумному порядку, созданному самими казаками только при условіи невмѣшательства со стороны начальства, эти переселенцы сразу зажили хорошо на новыхъ мѣстахъ.

Въ іюнѣ потянулся изъ Читы и сплавъ. Во главѣ его плылъ самъ генералъ губернаторъ. Посѣщая каждую станицу, онъ первымъ долгомъ освѣдомлялся о количествѣ посѣяннаго хлѣба. Къ своему сожалѣнію получалъ вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Никакъ нѣтъ ваше превосходительство! Не сѣяли ничего. Потому дѣловъ у насъ по уши: то проѣзжающихъ возимъ, то почты, то грузы, то лоцманами плаваемъ, то противъ теченія на горбу тащимъ снизу тяжело нагруженные карбазы. Такъ

и уходить все время. Дома остаются одни хворыя бабы да малыя ребята. А самимъ даже пожрать некогда.

Этотъ обычный отвѣтъ вынудилъ Муравьева призадуматься надъ рѣшеніемъ: „Кого дать имъ въ помощь?“. Не размышляя долго, онъ рѣшилъ его такъ же нераціонально, какъ рѣшалъ другіе вопросы по мѣропріятіямъ во вновь пріобрѣтенномъ краѣ. Объ этомъ рѣшеніи я скажу подробно въ слѣдующей главѣ, здѣсь же упомяну о его впечатлѣніяхъ при осмотрахъ станицъ. Эти впечатлѣнія были самыя невеселыя. Вездѣ онъ видѣлъ одну и ту же картину: недостроенныя жалкія мазанки, безъ крышъ, съ дырами вмѣсто оконъ, сырыя, темныя. холодныя, вонючія, безъ оградъ и сѣней. И женщины, и малочисленныя дѣти, оставшіяся послѣ страшной осенней смертности, и даже взрослые казаки лежали въ цынгѣ, въ тифѣ, въ лихорадкѣ. Здоровыхъ было совсѣмъ мало, и тѣ были хмурые, испитые и едва волочили ноги. О посѣвахъ нечего было и думать Къ этому еще прибавилось новое неожиданное несчастіе: весенній разливъ Амура Всѣ почти мѣста, на которыхъ были построены мазанки, оказались залитыми водой. Она была и въ этихъ жилищахъ, такъ какъ всѣ онѣ были безъ пола. Обмазанныя, съ землею въ срединѣ между двумя стѣнами плетня — теперь они до половины были изъ одного плетня безъ глины и земли, унесенныхъ водою...

Несмотря на эту безотрадную картину, въ Петербургъ онъ доносилъ отсюда совершенно иначе.

„Казаки дѣятельно устраиваются“. писалъ онъ, „обрабатываютъ землю, пашутъ, сѣютъ и разводятъ овощи. Домашнее хозяйство казаковъ успѣшно и принимаетъ надлежащее развитіе. Сами казаки здоровы, бодры духомъ, довольны мѣстами новаго поселенія и обратились уже къ мѣстной промышленности“.

Что ни слово—то ложь, наглая, безсовѣстная и возмутительная.

Не въ лучшемъ видѣ была и продовольственная часть, наиглавнѣйшая при этой экстренной колонизаціи Почти у всѣхъ казаковъ къ веснѣ изсякли всѣ съѣстные припасы:

не было ни муки, ни чаю, ни соли. Кто имѣлъ возможность—привозилъ изъ Забайкалья—съ Шилки, съ Онона, и дѣлился съ неимущими. Нечего и говорить, что дѣлился не даромъ и даже не дешево. Напротивъ, съ большими барышами возмѣщались имъ всѣ дорожные расходы и траты.

Напримѣръ, казаки, переселенные съ р. Онона, возвращались на родину, чтобы захватить не взятый съ собой скотъ. Другіе за покупкою лошадей. Въ послѣднихъ сильно нуждалось все населеніе по Амуру. Но, для покупки ихъ въ Забайкальѣ, у бурятъ, нужны были деньги, хотя и немного. Коняги продавались тамъ весьма дешево (по 15 руб.). Но у казаковъ не было презрѣннаго металла даже на одну лошадь. Чтобъ достать его, они пріѣзжали въ Благовѣщенскъ со скотомъ. Здѣсь пробовали продать его. Но казачья администрація имъ запретила это Настойчивыя просьбы, о дозволеніи продать скотъ, начальство хотя и удовлетворяло, но обставила слѣдующимъ условіемъ Необходимо было каждый разъ брать у сотеннаго командира дозволительное свидѣтельство. Къ сожалѣнію послѣднее рѣдко выдавалось. Чтобъ получить его, надо было „сунуть“ „дѣтишкамъ на молочишко“. Этого-то и не могли сдѣлать казаки.

Получивъ отказъ, казаки убивали скотъ и продавали говядину. Цѣны были тогда (въ началѣ 60-ыхъ годовъ) слѣдующія: пудъ говядины скотской 3 руб., кожа 2 рубля, потроха 2 рубля. Нѣкоторые выручали по 30 руб. со скотины. Другіе по 25 руб.—смотря по величинѣ. Вырученныя такимъ способомъ деньги шли на покупку лошадей въ Забайкальѣ, по означенной уже цѣнѣ.

Возвратившись съ лошадьми. нѣкоторые продавали ихъ въ станицахъ по 75, 70 руб. Другіе. кромѣ лошадей, продавали муку, масло и проч , закупленныя въ Забайкальѣ по дешевой цѣнѣ.

Въ худшемъ положеніи было населеніе и войска на низовьи Амура. Вотъ какъ описываетъ самъ Муравьевъ, своему другу Корсакову, положеніе продовольствія въ этой части края.

„Скотъ въ Николаевскъ не дошелъ. И войска, съ эскадрой, остались на зиму безъ мяса“... „Мука, соль, чай—подмочены въ Амурѣ, вмѣстѣ съ обмундировочнымъ товаромъ и, повидимому, значительно поубавились въ количествѣ А главное, не дошли до мѣста назначенія, такъ какъ баржи, нагруженныя ими, замерзли на пути и не дошли до мѣста, гдѣ имъ надлежало быть“... Кромѣ того, съ этимъ же грузомъ были и 100 лошадей. Изъ нихъ, пишетъ Муравьевъ: „дошли только 36. И тѣхъ пришлось бросить въ одномъ изъ селеній на низовьи Амура, какъ замореныхъ“.

По словамъ казаковъ-старожиловъ, безотрадное положеніе станицъ, населенія и продовольственной части въ этомъ краѣ было почти въ теченіе цѣлаго десятилѣтія. И если населеніе здѣсь поголовно не вымерло отъ голодовокъ, то благодаря только китайцамъ. Послѣдніе съ средины 60-хъ гг. стали уже снабжать населеніе, сельское и городское, съѣстными продуктами: мукою, картофелемъ, лукомъ и проч.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

(Сынки. Ихъ вліяніе на населеніе. Новыя тяготы. Наводненія и перекочевки).

Я уже говорилъ въ послѣдней главѣ, что Муравьевъ невольно призадумался, слыша отъ казаковъ объясненіе, почему они не засѣваютъ хлѣба. Но онъ не долго размышлялъ надъ рѣшеніемъ вопроса: „Кого дать казакамъ въ помощь для хлѣбопашества?“. Солдаты имѣли свои обязанности и замѣнить ихъ было некѣмъ. Каторжные тоже работали на рудникахъ. Между тѣмъ существовали и существуютъ нынѣ на Руси нѣсколько тысячъ молодыхъ людей, не имѣвшихъ и непмѣющихъ никакихъ обязанностей кромѣ одной—уничтожать казенный провіантъ. Это — штрафованные нижніе чины. Осенью

въ 1858 г. Муравьевъ поѣхалъ въ Петербургъ и подалъ докладъ о назначеніи на Амуръ, въ помощь казакамъ, всѣхъ штрафованныхъ солдатъ. Ходатайство это было уважено и вскорѣ послѣ этого было сдѣлано распоряженіе о немедленной отправкѣ ихъ туда со всей Россійской имперіи.

Набралось этого добра не мало—около 15,000. Несмотря на полное отсутствіе въ то время желѣзныхъ дорогъ и на короткое время со дня этого распоряженія до первой навигаціи по Амуру, въ апрѣлѣ 1859 г. прибыла уже въ Читу первая ихъ партія въ количествѣ 236 человѣкъ. Всѣ они были отправлены къ мѣстамъ назначенія со сплавомъ того же года. Переселеніе прочихъ изъ 15 тысячъ продолжалось года четыре и закончилось только въ 1863 г. При этомъ простили имъ штрафы и обѣщали нѣкоторыя льготы. Такъ, напримѣръ, каждый, прослуживъ у казака, въ качествѣ помощника, два года, имѣлъ право требовать отъ него, чтобъ онъ женилъ его, далъ ему для самостоятельной жизни коня, корову, выстроилъ бы для него избу и выдѣлилъ бы нѣсколько десятинъ пахатной и сѣнокосной земли. Живя въ семьѣ казака, онъ былъ обязанъ во всемъ повиноваться главарю семьи, и женѣ его, и матери, и отцу; исполнять по хозяйству всѣ работы. Кромѣ того долженъ былъ совершать всѣ служебныя обязанности его, если тому нельзя было почему-либо самому сдѣлать это. Если онъ нагрубитъ старшимъ членамъ семьи, или станетъ непристойно вести себя, или проказничать (воровать, пьянствовать и проч.), то казакъ долженъ былъ жаловаться на него начальству. Самъ же онъ не долженъ былъ учинять надъ нимъ расправу. Точно также не дозволялось разсчитываться имъ самимъ помимо начальства. Для этого они должны были просить позволенія наказнаго атамана, по командѣ конечно.

О томъ, какъ жили эти сынки у казаковъ, мнѣ разсказывали массу примѣровъ. Послѣдніе же подтверждались письменными жалобами станичниковъ. Мнѣ удалось просмотрѣть эти вопли на бумагѣ во многихъ станицахъ. Приведу нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ.

У казака П. было небольшое семейство: онъ самъ, жена

его, еще не старая женщина, двѣ дочки, одна 12 лѣтъ, а другая 9 и сынишка 7 лѣтъ. Когда ему дали сынка, онъ послалъ его пахать. Уѣхалъ парень съ сохой. Чрезъ день слышитъ отъ одного изъ станичниковъ, что его сынокъ пропилъ и второй день гуляетъ въ сосѣднемъ поселкѣ. Поѣхалъ туда П. и дѣйствительно нашелъ его въ компаніи пьяницъ. Сынокъ же былъ пьянѣе всѣхъ. Не сознавалъ кто и гдѣ онъ. Пошелъ П. искать свою соху и нашелъ. Она была заложена пока только въ 3 рубляхъ. Выкупивъ, привезъ ее домой и замкнулъ въ амбаръ. На другой день возвратился парень и проситъ прощенія. Какъ ни ломался П., а довелось простить. Парень въ ногахъ валялся и божился, что не станетъ больше пропивать, что это не онъ, а злые люди сманили его. Повѣрилъ ему П. Чрезъ два, три дня послалъ его отвозить проѣзжающаго. Уѣхалъ онъ утромъ, а къ вечеру долженъ былъ возвратиться. Не тутъ-то было. Вечеръ прошелъ—нѣтъ парня. Наступила ночь. Передъ утромъ слышитъ П.—у воротъ дребезжатъ колокольцы. Всталъ онъ, вышелъ за ворота и видитъ свою тройку съ повозкою. Гдѣ же парень? Заглянулъ въ кузовъ повозки и отскочилъ: какъ изъ винной протухлой бочки претъ отъ сынка, развалившагося тамъ. Сталъ думать П., что ему дѣлать съ нимъ и ничего не придумалъ. Проходитъ мѣсяцъ, другой. Парень будто ничего—ходитъ по хозяйству, справляетъ кое-что, а самъ П. ѣздилъ и работалъ. Ну, думаетъ П., слава Богу, направился парень, хоть по дому пусть справляетъ. Такъ и не сталъ обращать на него вниманія. Не замѣчалъ уже ничего худого за нимъ. За то сосѣди знали очень хорошо что дѣлается въ семьѣ П. А дѣлалось тамъ вотъ что. Хозяйка П. слюбилась съ парнемъ. Однажды, во время безденежья—при дневкѣ одного проѣзжающаго въ станицѣ, сынокъ свелъ ему въ потемкахъ старшую дочь П., за что получилъ крупную ассигнацію. Съ того времени, такіе случаи стали повторяться довольно часто. Черезъ года два, полтора тоже самое случилось и съ другой дочкой Семья П. стала жить зажиточно. Сынокъ продолжалъ пьянствовать. Пьянаго любовника жена П. старательно пря-

тала, чтобъ не замѣчалъ этого мужъ. Послѣдній не видѣлъ уже пьянаго сынка. Онъ казался ему всегда трезвымъ... Не видѣлъ онъ и торговлю его дочками. Одно не могли разгадать сосѣди: знала ли это сама мать, казачка Ш., любовница сынка? Навѣрно тоже не догадывалась. За то этими деньгами пользовалась. Странно, какъ не возбуждался въ ея головѣ вопросъ: Откуда бралъ онъ эти деньги? Впрочемъ подобныхъ людей большая часть...

Такія „оказіи“ сначала были исключительнымъ явленіемъ. Впослѣдствіи же стали происходить довольно часто и наконецъ превратились въ обычныя. Нельзя сказать, что всѣ онѣ происходили на одинъ манеръ. Разница между ними была только въ отношеніяхъ главарей семействъ къ этимъ фактамъ. Одни сразу узнавали эту торговлю. Въ возбужденномъ состояніи они сначала калѣчили ни въ чемъ неповинныхъ дѣвицъ; но проходили недѣли, являлися деньги и достатокъ, и они мирились съ этими фактами. Другіе главари сразу стали относиться къ подобнымъ явленіямъ терпѣливо, въ виду прилива денегъ и большого распространенія этой торговли между станичниками. „Не мы первые, не мы и послѣдніе“, говорили они.

У другого казака былъ подобный же сынокъ. Къ счастію для этой семьи, хозяйка была некрасивая и пожилая. Зато изъ дочекъ ея двѣ были на возрастѣ, а третья еще малолѣтняя. Сынокъ былъ молодой, пригожій, франтъ и игрокъ въ карты. Сначала, по прибытіи въ станицу онъ показалъ себя въ лучшемъ свѣтѣ: работящимъ и трезвымъ. Потомъ оказалось—это была только показная сторона его. За нею скрывалась другая. Вскорѣ же по водвореніи у казака Ч., слюбившись сначала съ одной его дочерью, а потомъ съ другой, сталъ водить ихъ, какъ „братъ“, на вечерки и въ холостыя компаніи. Не довольствуясь ими, сходился съ другими дѣвицами. Броситъ одну, сойдется съ другой и т. д. Сформировавъ такъ „табунъ кобылицъ“ (какъ онъ выражался) началъ заниматься эксплуатаціею ихъ. Этимъ зарабатывалъ много денегъ, какъ агентъ... При картежныхъ играхъ, ставилъ своихъ

любовницъ на карту... Когда казакъ Ч. узналъ про это, онъ выгналъ его, не ожидая разрѣшенія За это онъ поплатился весьма сильнымъ наказаніемъ: его высѣкли и продержали мѣсяцъ въ темной „за самоуправство“. Сынокъ былъ опять водворенъ къ нему. Онъ продолжалъ свою дѣятельность, тѣмъ болѣе спросъ на эту „живую говядинку“ былъ большой. Лѣтомъ сплавной персоналъ и офицерство. Къ сожалѣнію его и ему подобныхъ, въ 1873 г. сплавы прекратили свое существованіе. Къ станицамъ уже не стали приставать баржи, для ночлега. Не стало и казенщины, щедро раздаваемой направо и налѣво. Все населеніе станицъ по Амуру пожалѣло объ исчезновеніи этого рога изобилія. Невольно всѣ призадумались надъ вопросомъ: кто возьмется теперь наполнять ихъ бочки Данаидъ? „Было бы болото, а черти найдутся“ говорили агенты сынки. И дѣйствительно нашлись желаемые. Это были пріискатели. Въ остальное время года, кромѣ послѣднихъ, были проѣзжающіе: офицеры, чиновники, моряки, приказчики, купцы—все народъ деньжистый. Въ большинствѣ случаевъ они ѣхали днемъ, на ночлегъ останавливались въ станицахъ. Одержимые жаждою наслажденій, отъ долгаго и утомительнаго путешествія, они требовали въ станицахъ такихъ агентовъ, которые и удовлетворяли ихъ желаніямъ.

Кромѣ разврата, сынки научили казачковъ и разнымъ художествамъ. По словамъ нѣсколькихъ казаковъ-станичниковъ, на родинѣ, въ Забайкальѣ, они совсѣмъ не знали толку въ картежной игрѣ. Играли въ праздничные дни только казачки и то въ дурачки и въ свои козыри. Сынки же научили казаковъ азартнымъ играмъ. Въ свободные и не въ свободные часы стали собираться въ притоны и цѣлые дни и ночи проводили въ играхъ въ штосъ, въ банкъ, и проч. Большинство проигрывали своимъ наставникамъ всѣ свои заработки. Кое-кому изъ казаковъ сынки преподали и главную мудрость: чтобъ выиграть, надо молъ дѣлать незамѣтныя,—для олуховъ, значки на картахъ, подтасовывать ихъ и заранѣе уславливаться со своимъ союзникомъ, въ игрѣ, какими звуками и манерами сообщать другъ-другу о козыряхъ, о желательномъ

ходѣ картами и проч. Напримѣръ, сморкаться, покрякивать, кашлять, ерошить волосы и т. д. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ амурцевъ сдѣлались уже искусными азартными игроками и пользовались всѣми легальными и нелегальными способами, чтобъ втянуть въ такую игру деньжиныхъ проѣзжающихъ. По словамъ многихъ, были нерѣдки случаи, что послѣдніе уѣзжали изъ станицъ почти нагишемъ.

Всѣхъ „наукъ и искусствъ“, преподанныхъ сынками своимъ амурскимъ родителямъ, братцамъ и сестричкамъ трудно перечесть. Достаточно и этихъ, уже повѣданныхъ мною на этихъ страницахъ.

А вотъ еще продѣлки этихъ сынковъ, только въ другомъ родѣ, такъ какъ не всѣ они были падки на женскій полъ.

Сынокъ у казака У. работалъ какъ обыкновенный хорошій батракъ. Кромѣ того былъ послушенъ и трезвъ. Однимъ словомъ былъ бы человѣкъ порядочный, если бъ не имѣлъ руки „съ клеемъ“—другими словами если-бъ не былъ воришка. Онъ кралъ все, что попадало ему подъ руки. Въ первые годы никто не догадывался, что этотъ труженикъ и трезвенникъ воришка. Узнали только впослѣдствіи, когда онъ обзавелся домикомъ, женился и открылъ лавочку. Поправившись матеріально, онъ говорятъ оставилъ эту привычку...

Совершенно иначе пріобрѣлъ имущество сынокъ у казака Ш. Онъ не кралъ, не торговалъ женщинами и даже не игралъ въ карты. Считая себя честнымъ и порядочнымъ служакой, попавшимъ въ штрафованные только по злобѣ фельдфебеля и ротнаго, онъ два года работалъ какъ батракъ: и пахалъ, и косилъ, и жалъ. На третій подалъ начальству прошеніе. Въ немъ онъ просилъ, чтобы приказано было казаку Ш. женить его, построить ему избу, дать корову, коня, куръ и проч.—по закону. Не дождавшись отвѣта, онъ явился къ проѣзжавшему тогда наказному атаману съ этой же просьбою. На этотъ разъ было приказано удовлетворить ходатайство просителя. Чрезъ полгода онъ получилъ желаемое, зато былъ разоренъ казакъ Ш.

Другіе сынки заполучивъ „по закону“ домишко и животишко, пропили все это...

Подобныя крупныя проказы развращенныхъ штрафованныхъ, собранныхъ со всей Россіи, вызывали со стороны казаковъ многочисленныя и многократныя жалобы. Къ сожалѣнію начальство долго не обращало вниманія на эти вопли. Оно удостоило ихъ только въ концѣ 70-хъ гг., т.-е. чрезъ двадцать лѣтъ. Единственное распоряженіе, объ избавленіи казаковъ отъ этой, по ихъ выраженію „живой язвы“, было сдѣлано въ 1879 г. Оно состояло въ слѣдующемъ: всѣмъ бывшимъ штрафованнымъ было продоставлено право возвратиться на родину. Этимъ благодѣяніемъ не пожелали воспользоваться агенты по доставкѣ и поставкѣ живого товара, свившіе въ станицахъ—недурненькія гнѣздышки Не поѣхали и сколотившіе всякими неправдами капитальцы, обзаведшіеся хозяйствомъ... Въ заключеніе о нихъ приведу отзывъ одного изъ амурскихъ казаковъ, почтеннаго старичка, автора: „Воспоминаній амурскаго казака“—весь свой вѣкъ прожившаго въ средѣ ихъ, а потому человѣка компетентнѣйшаго въ этомъ случаѣ.

„Поступленіе въ семейства этихъ дѣтей (штрафованныхъ въ качествѣ сынковъ) принесло много вреда жителямъ. Большею частью они были развращены и совершали разные предосудительные поступки. Дѣвушки, молодежь и даже пожилые люди стали подражать ихъ глупостямъ и между жителями незамѣтно упала нравственность“.

А вотъ мнѣніе другого старожила, умнаго и набожнаго—казака.

„Безъ этихъ сынковъ мы жили бы лучше. Они были всѣ лѣнтяи, проводили время больше праздно: или шлялись по станицамъ, или валялись на кроватяхъ. Почти не работали, а ѣли много. Значитъ только объѣдали насъ. Если бы не они, мы всѣ жили бы зажиточно, а главное не были бы такъ испорчены, какъ теперь. Прямо скажу, нашимъ казакамъ и казачкамъ и ихъ дѣтямъ мѣсто на томъ свѣтѣ въ аду кромѣшномъ. Потому всѣ они весь свой вѣкъ напятячайше грѣ-

шили. А умирая ни одинъ не сподобился ни св. даровъ, ни св. покоянія. Жили какъ дикое звѣрье, забыли и празднички Господни, и молитвы... Потому наше умное начальство ни сколько не заботилось о нашей душѣ. О храмахъ и о пастыряхъ духовныхъ даже думушки у нихъ не было. Вмѣсто того заводило кабаки да худые дома. А все тотъ, душегубъ, которому поставили памятникъ въ Хабаровкѣ. Право слово душегубъ. Не даромъ народъ такъ назвалъ его. Графъ Муравьевъ, душегубъ-Амурскій—вотъ нашъ титлъ ему. Дѣйствительно умный былъ начальникъ: насъ, вѣрныхъ Государю и честныхъ казаковъ отдалъ въ руки штрафованнымъ! Потому мы не могли даже журить ихъ, а не то, что наказывать. На все это надо было просить разрѣшенія высшаго начальства Но вѣдь оно жило за тыщи верстъ отъ насъ. Къ примѣру сказать мнѣ надо было вздуть своего парня—штрафованнаго. Я долженъ былъ подать объ эфтомъ ляпортъ и ждать ихняго разрѣшенія годъ Прямо скажу, устроили такъ для нашего стѣсненія и для потачки имъ. Такъ и вышло: бывало чуть что, чѣмъ не угодишь имъ, жалуются, напишутъ слезницу и пошла губернія!.. Много хорошихъ казаковъ такимъ манеромъ безвинно погубили и разорили. Дошло до того, что не они боялась насъ, главарей въ семьѣ, какъ бы слѣдовало быть по правдѣ, а мы ихъ“...

Къ моему сожалѣнію, на этомъ еще не кончается исторія о тяготахъ амурскаго казачества и я волей-неволей долженъ продолжать эту невеселую эпопею.

Въ 1859 г. Муравьевъ въ послѣдній разъ былъ на Амурѣ. Зимою того же года онъ совсѣмъ уѣхахъ изъ Иркутска. Многіе въ Восточной Сибири съ облегченіемъ вздохнули, вполнѣ увѣренные, что съ его отъѣздомъ опять воцарится здѣсь тишь да гладь... Отчасти они были правы, отчасти нѣтъ. Въ Иркутскѣ и въ Забайкальи попрежнему наступило спокойствіе. Что касается до Амура, то суматоха здѣсь продолжалась. Послѣ водворенія казаковъ и снабженія ихъ сынками, все амурское казачество раздѣлили на сотни и въ каж-

дую—были назначены сотенные командиры. Въ станицахъ, гдѣ они должны были жить, было приказано казакамъ, каждой сотни, строить дома и для ихъ квартиръ, и для управленій—со всѣми службами. Наступившая весна 1860 г. застала все мужское, взрослое населеніе за работою. Одни рубили и очищали лѣсъ, другіе таскали изъ лѣсу, версты двѣ-три, приготовленныя бревна на мѣсто постройки, третьи пилили плахи и тесъ, четвертые обтесывали бревна для кладки, пятые строили, шестые копали ямы. Некому было ни пахать, ни сѣять. Пришла пора и сѣно косить. А казенныя работы еще не были окончены. Освобождены были казаки только осенью, послѣ Покрова. Въ этомъ году такъ и не успѣли заготовить сѣно и посѣять хлѣбъ. Интендантство опять отпустило имъ провіантъ заимообразно. А для домашнихъ животныхъ велѣно было накосить сѣно, несмотря на позднее время. Между тѣмъ пошли дожди и снѣгъ. Кто пособралъ сѣно, а кто и нѣтъ. Зимою и весною 1860—1861 гг. у многихъ домашнія животныя пали съ голоду.

Не успѣли казаки отдохнуть отъ экстренныхъ казенныхъ работъ, какъ въ декабрѣ 1860 г. послѣдовало новое распоряженіе. „Приготовить и достовить на мѣсто, въ Благовѣщенскъ строевой лѣсъ для квартиръ, и многочисленныхъ службъ: командира бригады, его управленія, полкового адъютанта, офицеровъ, писарей, служительской команды, лазарета, школы и амурскаго губернатора. Каждый взрослый казакъ долженъ былъ доставить на мѣсто за нѣсколько сотъ верстъ—по 20 бревенъ, а малолѣтки отъ 17 до 20 л.—по 10. Кромѣ того было приказано тѣмъ же казакамъ доставить дрова и въ Благовѣщенскъ, для отопленія этихъ многочисленныхъ построекъ, и въ станицы для отопленія квартиръ сотенныхъ командировъ. Между тѣмъ для всѣхъ этихъ построекъ, сотенныхъ и бригадныхъ, и для ихъ отопленія отпускались большія суммы. Послѣднія шли въ карманы...

Весною 1861 г. было приказано заготовлять ежегодно дрова для нѣсколькихъ пароходовъ, принадлежавшихъ казнѣ. Повинность эта такъ была разложена: въ небольшихъ станицахъ

каждый казакъ долженъ былъ заготовить, вывезти и сложить на пароходныя пристани отъ 10 до 15 саженъ, ежегодно, а въ многолюдныхъ—отъ 8 до 10 саж. Года чрезъ два-три были ассигнованы деньги за эти дрова по 1 р. за сажень. Но увы—$^3/_4$ казаковъ не получили ихъ. Говорятъ, онѣ были удержаны на погашенія ссуды провіантомъ и на уплату разнаго рода взысканій.

Исполняя всѣ эти казенныя повинности, казаки совершенно не имѣли времени заниматься собственнымъ своимъ хозяйствомъ, такъ какъ дома оставались казачки да лѣнивые сынки-штрафованные. Послѣдніе думали только о выпивкѣ и объ удовлетвореніи своихъ половыхъ потребностей. Оставаясь все время съ женщинами, они „катались какъ сыръ въ маслѣ“.

Такъ тянулись цѣлые длинные годы вплоть до 1879 г. Въ этотъ знаменательный годъ три четверти ихъ, обобравъ дочиста своихъ любовницъ и ихъ мужей, ушли на родину. Къ этому же году прекратились и войсковыя постройки.

Къ сожалѣнію не одно начальство мучило амурцевъ. Не церемонилась съ ними и мать природа, конечно по винѣ амурскаго завоевателя. Дѣло въ томъ, что весьма частыми наводненіями топило и станицы, и огороды, и принадлежавшія немногимъ зажиточнымъ, поля, первоначально расположенные, по выбору Муравьева, на низменныхъ заливныхъ лугахъ. Наводненія эти повторялись почти ежегодно въ полноводіе. Кромѣ нихъ, были весьма сильныя, очищавшія все побережье Амура.

Первое такое наводненіе было въ 1861 г. Имъ окончательно снесено половину станицъ изъ 22-хъ, потопило огороды и поля. Пострадали и прочія станицы. По словамъ старожиловъ, въ это наводненіе по Амуру плыли непрерывно доски, дрова, бревна,, сани, столы, скамейки, разное „лопатишко“, телѣги; трупы куръ, свиней, коровъ, лошадей... Потонуло много дѣтей. Унесло всѣ дрова и весь лѣсъ, заготовленные казаками, по приказанію начальства... Въ этотъ памятный годъ амурцы окончательно были разорены.

Послѣ этого бѣдствія, снова надо было строиться и заводиться. Снова потребовались заготовки дровъ и бревенъ, по распоряженію начальства.

Еще больше было наводненіе въ 1872 г. Вода поднималась еще выше, чѣмъ въ 1861 г. Вторично повторилось разореніе амурскихъ казаковъ.

Такое же сильное наводненіе было въ 1876 г., съ тѣми же послѣдствіями.

Затѣмъ повторилось оно въ 1879 г., съ тѣми же послѣдствіями.

Чрезъ два года, въ 1881 г., опять такое же бѣдствіе; и т. д., и т. д.

Всѣ эти наводненія почти не коснулись до станицъ бывшихъ конныхъ казаковъ, благодаря ихъ собственному выбору мѣстъ поселеній.

Такъ вотъ каково прошлое амурскаго казачьяго войска. Въ немъ (прошломъ) рельефно характеризуется дѣятельность мѣстныхъ властей. Повторяется старая исторія: всѣ мѣропріятія ихъ нераціональны и въ большинствѣ случаевъ приносили опекаемому люду одни бѣдствія. Совершенно противоположное говоритъ общій выводъ о самодѣятельности народа. Напримѣръ, въ данномъ случаѣ, о конныхъ казакахъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Современное положеніе амурскихъ казаковъ. Количество населенія. Прибыль и убыль его. Видъ жилищъ. Количество домашнихъ животныхъ. Земледѣліе. Заработки. Рыболовство.

Послѣ изложенія о безотрадномъ прошломъ амурскаго казачества, обращаюсь къ его настоящему положенію. Сдѣлать это тѣмъ легче, что казачье управленіе ведетъ довольно полную и обстоятельную статистику. Другое дѣло—насколько

близки къ истинѣ эти цифровыя данныя. Желая имѣть рѣшеніе этой задачи, я обратился съ подобнымъ вопросомъ къ своему спутнику, штабъ-офицеру окружнаго военнаго управленія—въ этомъ случаѣ компетентному лицу.

— И да, и нѣтъ,—получилъ отъ него отвѣтъ,—цифрамъ о числѣ населенія можно вѣрить безусловно. Другое дѣло—о земледѣліи, о количествѣ домашнихъ животныхъ, о числѣ учениковъ... Все это исчисляется въ размѣрѣ, какой можетъ казаться высшимъ сферамъ удовлетворительнымъ. Въ противномъ случаѣ—непосредственное начальство ихъ (станичные атаманы) получаетъ замѣчанія за недостаточное попеченіе о благосостояніи ввѣренной ему части.

При этомъ мнѣ было разсказано нѣсколько случаевъ, происшедшихъ въ станицахъ при проѣздѣ командовавшаго войсками округа, въ свитѣ котораго былъ и онъ, мой спутникъ. Всѣ они почти одной категоріи: во многихъ станицахъ на бумагѣ числилось то, что въ дѣйствительности или не было, или имѣлось въ самомъ незначительномъ количествѣ, въ 10—20 разъ менѣе чѣмъ значилось (на бумагѣ).

Сдѣлавъ эту оговорку, необходимую здѣсь, приступаю къ амурской статистикѣ.

Какъ уже было говорено ранѣе, переселеніе казаковъ на Амуръ началось съ 1857 г. Закончилось въ 1859 г.

Въ этотъ короткій періодъ было переселено сюда 3095 семействъ. Въ числѣ ихъ 7140 мужчинъ и 6749 женщинъ, итого 13880 душъ. Затѣмъ, штрафованныхъ дали имъ 2233 мужчин. и 281 женщин. Всего къ 1860 г. было населенія по лѣвому побережью, въ Амурской области, 16403 души. Изъ числа штрафованныхъ—$^3/_4$ возвратились на родину. Въ теченіе 30 лѣтъ, умирало множество и дѣтей и взрослыхъ, а рождаемость была не особенно значительна. Свѣдѣній о томъ и о другомъ въ статистикѣ нѣтъ. Да и ведется-то она только съ 1891 г. Говорятъ, рождаемость увеличилась только съ 1881 г. До этого же времени убыль населенія превышала прибыль. Изъ этого понятна общая незначительная прибыль казачьяго населенія къ 1 января 1891 г. Муж-

чинъ 9440 душъ, а женщинъ 8976 душъ—итого 18425 душъ. За 35 лѣтъ, съ 1857 по 1892 гг., прибыль населенія выразилась въ 4536 душъ, или 129,6 въ годъ. По словамъ многихъ изъ старожилокъ, въ первое десятилѣтіе, по водвореніи здѣсь, умирали исключительно все дѣти въ первый же годъ существованія. Изъ 100 родившихся едва-едва оставалось около 10, и то у зажиточныхъ. Впрочемъ, нѣсколько улучшилось положеніе казаковъ только къ 90-мъ гг. Это выразилось въ уменьшеніи дѣтской смертности въ послѣднее десятилѣтіе. Тѣмъ не менѣе она все-таки громадная. Въ 1891 г. родившихся было 999 душъ, въ 1892 г. 1032 душъ, въ 1893 г. 948 душъ, и въ 1894 г. 1057 душъ. Между тѣмъ прибыль населенія только по 637,5 ежегодно. Слѣдовательно дѣтей умирало въ началѣ 90-хъ гг. почти 50%.

Затѣмъ, къ 1893 г. состояло казачьяго населенія: мужского пола 10067 д., женскаго 9633 д., итого 19700 д. Это населеніе распредѣлялось по дворамъ, или отдѣльнымъ хозяйствамъ, которыхъ было 3200, по 6 д. въ семьѣ.

За два года 1891 и 1892 гг. населеніе увеличилось на 1275 д. или по 637,5 ежегодно.

Наконецъ къ 1899 г. было мужск. пола 11407 д. и женскаго 10577 д. итого 21984 д. Въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1893 по 1899 г., оно увеличилось на 2284 д., или по 456,8 ежегодно. Затѣмъ къ 1-му января 1903 г. ихъ числилось 27461 д. об. п. Изъ нихъ мужскаго 14213, женскаго 13248. Кромѣ того по низовью Амура, отъ г. Хабаровска до г. Николаевска, на протяженіи 903 в. 2876 д. Изъ нихъ 1476 мужск. и 1400 женскаго.

Наконецъ къ 1-му января 1908 г. всего казачьяго населенія было уже 33787 д. об. пола. Населенію этому отведено 5,785,000 десятинъ земли. Пользуется же оно только 676872 дес. Изъ нихъ распахано и подъ посѣвами къ 1909 г. было 30,000 десятинъ. Совершенно пустуютъ 5,108,128 десятинъ прекрасной, лѣсистой и богатой рѣками и рѣчушками земли.

Это населеніе обитаетъ приблизительно въ 88 станицахъ

и посюлкахъ. Въ тѣхъ и другихъ всего 3455 дворовъ, или отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ станицахъ по 30—50, а въ поселкахъ по 6—10 дворовъ. Наружный видъ этихъ поселеній однообразный: почернѣвшія и полуразвалившіяся отъ времени лачуги, съ завалинками и малюсенькими окнами. Ни въ одномъ окнѣ я не замѣтилъ цѣльнаго стекла, а все кусочки—вшитые въ березовую кору. Трубы покрыты сажей и едва выдвинуты изъ-подъ ветхихъ крышъ. Во многихъ лачугахъ онѣ уже провалились. Кругомъ заплоты, сколоченные косякъ въ двѣ-три жерди. Кое гдѣ и такого заплотика нѣтъ. Не видно ни одной скирды. Впрочемъ, вотъ у недурненькаго домика, съ лавочкой, небольшая скирда соломы. Но это—кулакъ. И по улицамъ, и по дворамъ навалены груды нечистотъ. Въ особенности масса ихъ по берегамъ Амура, противъ станицъ. По улицѣ бродятъ вѣчно голодныя куры, свиньи, собаки. Кое-гдѣ казачата. Старички цѣлый день сидятъ или на завалинкахъ, или на берегу Амура. Испитыя лица, сгорбленныя фигуры и частые, тяжелые „охи“ и вздохи безъ словъ говорятъ о тяжеломъ ихъ прошломъ.

Какъ они живутъ? На каждой ступени ихъ современное благосостояніе? Или попрежнему терпятъ непрерывный рядъ лишеній и невзгодъ? Эти вопросы мучили меня при видѣ станицъ, казаковъ и ихъ жилищъ. Говорятъ и пишутъ, что численность домашнихъ животныхъ, количество посѣяннаго и собраннаго хлѣба выражаютъ эту степень зажиточности, или бѣдности, населенія. Посмотримъ.

Къ 1893 г. у казаковъ рогатаго скота было 21,833 шт., лошадей 20,996, овецъ и козъ 1356; къ 1894 г. первыхъ было 22,188 ш., вторыхъ 20,319 ш. и послѣднихъ 1164 ш.; наконецъ къ 1899 г. первыхъ было 18,405 ш., вторыхъ 18,448 ш., и послѣднихъ 583 ш. Раздѣливъ цифры къ 1899 г. на число отдѣльныхъ хозяйствъ получаю—среднимъ числомъ—по 5,4 ш. на каждое хозяйство. Было бы недурно, если бъ у каждой семьи было по 5—6 животныхъ, отдѣльно тѣхъ и другихъ. Въ дѣйствительности же, какъ я убѣдился лично въ нѣкоторыхъ станицахъ, $^{8}/_{10}$ казачьихъ семействъ

имѣютъ по 3 и даже по 2 животинки. Весь же излишекъ принадлежитъ богатымъ и зажиточнымъ, имѣющимъ по 12—16 рогатаго скота и по 8—10 лошадей. А такихъ казаковъ по 5—6 дворовъ въ станицѣ, въ поселкѣ же одинъ или два...

Въ началѣ 90 хъ гг. у нихъ было больше домашнихъ животныхъ Что же за причины уменьшенія ихъ къ 1899 г. Несомнѣнно, казаки обѣднѣли. На это указываетъ и уменьшеніе засѣяннаго хлѣба, какъ будетъ указано ниже.

Все населеніе по Амуру жалуется на волковъ, отъ которыхъ рѣшительно нѣтъ спасенія Обыкновенно въ осеннее и зимнее время цѣлыя стаи ихъ забѣгаютъ въ станицы, безъ усилій попадаютъ во дворики и давятъ животныхъ. Кромѣ этого, есть и еще „напасти“ для амурскихъ домашнихъ животныхъ. Это почва окрестностей станицъ. Не столько тутъ сухихъ мѣстъ удобныхъ для выгона, сколько сырыхъ, болотистыхъ и топкихъ, чрезвычайно опасныхъ не для однихъ животныхъ. Обыкновенно топкія мѣста и болота здѣсь покрываются сочной и высокой зеленью. Привлекаемыя ею животныя заходятъ въ такія мѣста, вязнутъ или тонутъ. А поднимется на горку и забредетъ въ лѣсъ—другая опасность хищный звѣрь.

Впрочемъ, вблизи станицъ вмѣсто недавнихъ лѣсовъ нынѣ торчатъ одни пни да низкій густой кустарникъ, гдѣ прячутся иногда волки—эти враги скотоводовъ. По словамъ казаковъ, держать скота здѣсь невыгодно. Если и появится у кого изъ бѣдняковъ ($^{9}/_{10}$ населенія) лишняя скотинка и ту отдаютъ мѣстному кулаку за долги, конечно, за безцѣнокъ. Богатый же откормитъ ее и убьетъ, а говядину доставляетъ въ войска, или на пріиска, наживая на 1 рубль—два или три. Избѣжать это для бѣдняка—дѣло совсѣмъ невозможное. Иначе чѣмъ же онъ станетъ расплачиваться съ нимъ? Никакихъ другихъ крупныхъ заработковъ у него (какъ скажу ниже) не имѣется. Одно хлѣбопашество, да и то въ зачаточномъ состояніи.

Амурскій казакъ сѣетъ не по своей волѣ, а по приказанію начальства. Въ періодъ, со времени переселенія сюда до до 70 гг., засѣвали зажиточные, преимущественно уряд-

ники, желая не столько имѣть свой хлѣбъ, сколько угодить начальству, настойчиво требовавшему отъ казаковъ этого. Только они и могли заниматься этимъ впервые годы, трудные и тяжелые для казаковъ. Одна изъ главныхъ причинъ отсутствія у большинства возможности заняться хлѣбопашествомъ— это недостатокъ мѣстъ для полей. Ближайшіе къ станицамъ луга заливаются водою, а возвышенности или каменисты или покрыты кустарникомъ, пнями и рѣдколѣсьемъ. Расчищать ихъ у него нѣтъ возможности. Даже для огородовъ съ трудомъ набрались подходящія мѣста. Совершенно игнорировало это обстоятельство начальство, требовавшее отъ нихъ почти невозможное. Затѣмъ не менѣе главная причина, тормозившая распространеніе хлѣбопашества,—недостатокъ у взрослыхъ мужчинъ-работниковъ свободнаго времени, чтобы удѣлять его своему хозяйству. Объ этомъ подробно было изложено въ послѣднихъ главахъ.

Прошло со дня переселенія ихъ сюда лѣтъ 10—12. Казачьи зданія построены, заготовка дровъ урегулирована, караулить баржи и плоты, чтобъ въ качествѣ лоцмановъ провожать ихъ до станицъ, не требуется, тащить на бечевѣ противъ теченія тяжелые карбазы—тоже. Все вошло въ свою колею, казаки отдышались отъ непосильныхъ повинностей и приступили къ хлѣбопашеству. Заняться имъ было тѣмъ болѣе необходимо, что начальство отказывало казакамъ въ выдачѣ провіанта, какъ дѣлалось это раньше. Стали засѣвать понемногу, по десятинкѣ, по полторы, много, много по двѣ. Поднимали землю для посѣва на лошадяхъ, измученныхъ почтовой гоньбой съ ноября по апрѣль. Отъ этого пахота была крайне неудовлетворительна. Кромѣ того, не было и хорошихъ работниковъ-пахарей: одинъ малолѣтокъ да самъ главарь казакъ, измученный и полубольной пожилой человѣкъ, думавшій болѣе о покоѣ, такъ необходимомъ для его организма, изнуреннаго не столько житейскими невзгодами, сколько непосильными казенными трудами и многократными побоями.

Шли годы. Наступилъ XX вѣкъ. Небольшая часть казаковъ нѣсколько увеличили хлѣбопашество. Большинство же

ихъ почти застыли на полуторыхъ, двухъ десятинкахъ. Причины тѣ же: отсутствіе рабочей силы и работниковъ-хлѣбопашцевъ, да безсиліе противъ необходимости расчистить новины. Кромѣ того, казачье хлѣбопашество мало доходное. Урожай всегда одинъ и тотъ же: самъ-шесть. Причина этого одна: плохой уходъ за пашней. Казаки сознаютъ это. Они отлично знаютъ какъ обрабатываютъ ее корейцы и китайцы.

— Каждый день тварье собираютъ всю гадость по деревнѣ въ одну кучу. Весной вывозятъ на свои поля и размѣшиваютъ съ землей. А лѣтомъ, ежели долго нѣтъ дождика, поливаютъ подъ самый корень,—разсказываетъ мнѣ одинъ казакъ о китайской обработки почвы.

— Какой же урожай у нихъ?

— Завсегда самъ-40.

— То-то и есть. Отчего бы вамъ не дѣлать по ихнему?

— Не привычны къ этому. Да и лошадей нѣтъ: возить не чемъ. Обыкновенно одна лошадка у казака-хозяина и та едва ноги волочитъ.

Вотъ немногія сомнительныя данныя о посѣвахъ.

Въ	1891	г.	казаки	посѣяли	18,691	ч.,	сняли 98,370 ч.
„	1892	„	„	„	22,000	„	„ 108,250 „
„	1893	„	„	„	20,544	„	„ 85,158 „
„	1894	„	„	„	20,219	„	„ 82,781 „
„	1899	„	„	„	21,336	„	„ 97,669 „

и т. д., и т. д.

Раздѣливъ послѣднюю цифру, снятаго хлѣба въ 1899 г., на 3335—число отдѣльныхъ хозяйствъ-дворовъ въ этомъ году, получаю на каждый дворъ семью 203 п. А такъ какъ одна десятая количества отдѣльныхъ хозяйствъ богатые и зажиточные (приблизительно 335), засѣвающихъ, по крайней мѣрѣ въ 5 разъ больше остальныхъ, то на ихъ долю приходится 340025 собраннаго хлѣба. Остальное количество на долю $^{9}/_{10}$ дворовъ, по 114 пудовъ на каждый, или по 19 пуд. въ годъ на человѣка, считая семью-дворъ изъ 6 ѣдоковъ.

Этого сбора хлѣбныхъ продуктовъ не хватаетъ семейству на весь годъ и казаки обыкновенно или прикупаютъ, или берутъ ссуду натурою изъ казачьихъ хлѣбныхъ запасовъ. Неудивительно поэтому, что большинство бѣдняки все болѣе и болѣе задалживаются.

Насколько хлѣбопашество ихъ мало развито и игнорируется ими, настолько стали развиваться у нихъ огородничество и промыслы. Первымъ завѣдуютъ исключительно казачки. Съ годъ отъ году онѣ улучшаютъ и увеличиваютъ разведеніе овощей. Что касается до промысловъ, то казаки ограничиваются только двумя: рыболовствомъ и звѣроловствомъ.

Въ первое десятилѣтіе, по переселеніи сюда, большая часть казаковъ не занимались ни тѣмъ, ни другимъ. Не имѣя понятія о богатствѣ новой своей родины, они не знали, чѣмъ пріобрѣтать имъ средства къ жизни. Меньшинство же многосемейные въ это время не сидѣли сложа руки. Они накашивали сѣно и заготовляли дрова. То и другое продавали чрезвычайно дешево. Напримѣръ, сто копенъ сѣна за 4—5 р., сажень дровъ за 50—60 коп. Но вотъ въ 1866 г. открылись пріиска по притокамъ Зеи. Казаки ближайшихъ къ пріискамъ станицъ ожили, стали возить туда и чужіе грузы и свои продукты на продажу. Благодаря этому продукты казаковъ вздорожали, что было имъ въ пользу. Напримѣръ, 100 копенъ сѣна продавали уже за 20—30 руб., дрова 3—3 р. 50 к. и т. д. Что касается до большинства казаковъ и жившихъ на большое разстояніе отъ пріисковъ, то тѣ, преимущественно бѣдняки, или стали наниматься къ богатымъ и зажиточнымъ, и частнымъ жителямъ въ работники, на пароходы, или уходили на пріиска и въ городъ на заработки. Этотъ уходъ изъ семьи на сторону распространяется нынѣ все больше и больше. Распространяется и продажа на пріиска продуктовъ.

Между тѣмъ оставшіеся въ семьѣ, пожилые и старики, отслужившіе установленный для казаковъ срокъ, знакомились съ богатствомъ края. Для этого надо было годъ или два.

А познакомившись, не знали какъ и чѣмъ пользоваться ими. Надо было опять годы, чтобъ они пріобрѣли на свои нищенскія средства необходимыя орудія и научились пользоваться ими. Не менѣе трудно было знакомиться и съ окружающей станицы тайгой. Когда она была невредима—дѣвственна, они могли проникать только версты на $1^1/_2$ или 2 въ сторону отъ станицъ. Но вотъ она порѣдѣла, немилосердно вырубленная. Только теперь они стали углубляться въ глубь края и взялись за примитивную эксплуатацію богатствъ его. Сначала о рыболовствѣ.

Главные заправилы—рыболовы преимущественно казаки—старички и пожилые. Называя рыболовство „стариковскимъ занятіемъ“, они съ казачатами ставятъ въ впадающія въ Амуръ рѣки и рѣчки заѣздки*), а въ самый Амуръ крючки. Цѣлые дни сидятъ съ удочками на берегу рѣки, а въ извѣстное время неводами ловятъ кэту. Не говоря о неводѣ и крючкахъ, предметахъ общеизвѣстныхъ, скажу нѣсколько словъ о заѣздкахъ. Вырубаютъ нѣсколько бревешекъ въ сажень длины и въ четверть ширины. Къ одному концу укрѣпляютъ перпендикулярно двѣ слеги въ 1 саж. длины, такъ чтобы противоположные концы ихъ расходились немного въ стороны. Наготовивъ такихъ стоекъ нѣсколько штукъ, ставятъ ихъ поперекъ русла рѣки. Такая стойка, опущенная въ воду, опирается о дно рѣки тремя своими концами, четвертымъ же, къ которому укрѣплены двѣ слеги, высовывается изъ-подъ воды. Поставленная такъ стойка держится весьма крѣпко и никакое теченіе не своротитъ ее. Поперекъ ихъ, установленныхъ въ водѣ другъ отъ друга въ полтора аршина, кладутъ слеги въ двѣ линіи, съ одного берега до другого. Одна линія около дна, другая надъ поверхностью воды. Сверхъ этихъ слегъ кладется сѣть, сплетенная изъ тальника. Среди рѣки и этой сѣти отверстіе, или нѣсколько. Въ каждое укрѣпляютъ по „мордѣ“. „Морда“—это длинный мѣшокъ, сплетенный тоже изъ прутьевъ, узкій въ одномъ концѣ, перевя-

*) Загражденіе рѣки.

занномъ наглухо, и широкій въ другомъ. Въ послѣдній вставлена воронка. Узкій конецъ ея внутри мѣшка—открытъ въ видѣ круглаго отверстія, размѣромъ въ большую самоварную трубу. Легко попавъ въ эту дыру, рыба не можетъ уже выйти оттуда. Когда время ловли минетъ, сѣть снимаютъ и сворачиваютъ, а стойки вытаскиваютъ изъ воды и то и другое увозятъ домой до будущаго лова. Такое „русское“ загражденіе гораздо практичнѣе. Во-1-хъ, оно прочнѣе хваленаго японскаго и гилякскаго, а во 2-хъ. требуетъ меньше хлопотъ, чѣмъ японскіе колья, часто выворачиваемые со дна сильнымъ теченіемъ. Для ловли крупной рыбы, осетровъ и калугъ, употребляютъ другую снасть. Она имѣетъ слѣдующій видъ. Представьте себѣ веревку или проволочную цѣпь, свернутую изъ 2-хъ, 3-хъ проволокъ до 40 саженъ, а толщиною въ обыкновенный чубукъ. Къ той или другой привязаны бечевы, толщиною съ палецъ, а длиною до двухъ аршинъ. Эти бечевы словно ветви на деревѣ, или ребра на позвоночникѣ, укрѣплены къ главному стволу—веревки на одну сажень другъ отъ друга. Къ свободному концу ихъ привязаны крючья, всѣхъ до 40 штукъ. Они большіе изъ 5 миллиметровой стальной проволоки. Конецъ крючка длинный, тонкій и заостренный, съ зазубринами. Къ задней сторонѣ, около зазубринъ, привязаны поплавки изъ легкаго матеріала: изъ коры или дерева.

Плавая на поверхности воды, они держатъ крючки острымъ концомъ въ желаемомъ направленіи и въ разстояніи на нѣсколько вершковъ отъ поверхности воды.

Эту снасть, съ крючками, натягиваютъ въ рѣкѣ въ тихомъ и глубокомъ мѣстѣ вдоль или поперекъ русла. Укрѣпляютъ ее такъ. Къ одному концу привязываютъ якорь, или замѣняющій его продолговатый тяжелый камень. Другой конецъ снасти состоитъ изъ крученой бечевы въ палецъ толщины въ 15—16 саж. длины, съ большимъ поплавкомъ на концѣ. Направленный по теченію и плавая на поверхности, онъ держитъ всю эту снасть въ желаемомъ направленіи. Большая рыба, гоняясь за мелкой около веревки—задѣваетъ крючокъ, который и впивается въ ея тѣло.

Кромѣ, того ловятъ этихъ великановъ и сѣтями. Такая сѣть длиною 10—15 саж., шириною въ $1^1/_2$ саж. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой сѣти вплетены мѣшки. Весь этотъ неводъ плетется изъ толстаго мотоуза.

Пожилой, или старикъ, соорудитъ себѣ балаганъ на берегу, противъ растянутой такой снасти, или опущенныхъ въ воду нѣсколькихъ крючковъ, на отдѣльныхъ удилищахъ; натаскаетъ сухого валежника, разложитъ костеръ и, растянувшись около него на травкѣ, благодушествуетъ, потягивая трубку или попивая чаекъ. Около него дѣтвора, его младшія дѣти, или внуки. Тутъ же его вѣрный песъ. А немного дальше пасется стреноженный конь... Около балагана телѣга .. Время отъ времени онъ командируетъ своихъ юныхъ босоногихъ адъютантовъ: „Посмотрите, не ныряютъ ли поплавки". Ребята во всю прыть мчатся по берегу, всматриваясь въ поверхность рѣки на поплавки. Чрезъ двѣ-три минуты они возвращаются и докладываютъ своему главнокомандующему о результатѣ своей миссіи. Такъ ловятъ амурскіе рыболовы большею частью осетровъ. Однако, что же это за рыба? Познакомимся и съ нею, въ заключеніи этой главы.

Осетровыя (Acipenseridae), отряда ганоидныхъ. Длинное туловище. Рыло въ видѣ хобота—заостренное. Голова почти четырехгранная. Ротъ съ 4-мя усиками щупальцами, снизу жаберная крышка не вполнѣ закрывается. Все туловище покрыто костяными щитками въ пять продолговатыхъ рядовъ. Между ними голая, гладкая кожа, густо покрытая мелкими костяными зернами разной величины и формы. Конецъ хвоста и верхняя лопасть хвостоваго плавника покрыта четырехугольными плоскими, плотно-примыкающими другъ къ другу костяными чешуйками. Живутъ въ морѣ. Хищники. Въ извѣстное время года поднимаются въ рѣки для метанія икры, гдѣ и остаются на нѣсколько мѣсяцевъ.

Амуръ и его большія притоки: Уссури, Сунгари, Зея и Амгунь—вотъ раіонъ свадебнаго путешествія осетровыхъ рыбъ. Отправляются они въ это путешествіе лѣтомъ и въ началѣ осени, вслѣдъ за кэтой. Путешествуютъ въ большомъ обще-

ствѣ себѣ подобныхъ. Во время этого турнэ, онѣ питаются той же кэтой и др. мелкими породами. Благодаря этому, осетровыя не гибнутъ всѣ, въ амурскомъ бассейнѣ, какъ глупая кэта. Наоборотъ, онѣ, повидимому, здѣсь прекрасно чувствуютъ себя, такъ какъ остаются на цѣлый годъ. Любимое мѣстопребываніе ея—ямы рѣкъ и большихъ озеръ. (Ханка, Петропавловское) или въ затонахъ. Здѣсь онѣ полныя хозяйки и переходятъ изъ одной ямы въ другую, какъ по курортамъ.

По путешествовавъ въ амурскомъ бассейнѣ нѣсколько мѣсяцевъ, въ полноводіе или въ весенніе ледоходы онѣ возвращаются „домой“, въ море. Осенью снова заявляются въ амурскій бассейнъ, преслѣдуя кэту.

Опытные рыбаки легко отличаютъ такихъ туристовъ. Если на ихъ туловищахъ находятъ шрамы отъ зажившихъ ранъ, то это вѣрнѣйшій признакъ, что когда то были онѣ въ Амурѣ, попадали на острогу или на крючекъ и вырывались на свободу. Съ шрамами ловятъ довольно часто.

Рыболовъ, охотникъ на осетровъ, живетъ большею частію уединенно въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селъ и деревень. Живетъ въ хижинѣ или въ землянкѣ, а лѣтомъ въ шалашѣ. Въ противномъ случаѣ его ловомъ пользовались бы другіе, какъ и случается довольно часто, если при разставленной снасти нѣтъ хозяина. За каждую снасть платитъ по 50 к., за всѣ зимніе мѣсяца. Кромѣ того, долженъ заплатить еще и за рыболовный участокъ. Арендуетъ его за плату по 25 р. съ версты.

Говорятъ въ прежнее время ту же сумму брали и за ловлю въ зимнее время. Однако, въ 1907 г. лѣсничій ввелъ другіе порядки: по его приказанію лѣсные объѣздчики въ началѣ марта стали производить торги съ 1907 г. на лѣтніе рыболовные участки. Оцѣнка большая отъ 25 р. съ версты. Между тѣмъ въ сосѣднемъ лѣсничествѣ, въ Верхне-Амурскомъ, другіе порядки, болѣе справедливые. Здѣсь установлены постоянныя цѣны, безъ торговъ. На зимнія снасти по 50 копѣекъ, а на лѣтнія по 2 рубля. Кромѣ того, рыболовъ, жи-

вущій въ раіонѣ казенныхъ участковъ и пользуясь для топлива казеннымъ лѣсомъ, долженъ платить за него по 3 и по 5 р. въ зиму. Однако, въ первомъ лѣсничествѣ и на это установлена крупная цѣна: 11 руб. 25 коп. за топливо въ зиму.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

(Звѣроловство казаковъ. Охота на козъ и бѣлокъ).

Изъ всѣхъ звѣрей, обитающихъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Амуру, казаки предпочитаютъ охотиться за косулей и бѣлкой. Во-1-хъ, это самыя смирныя и безобидныя животныя, во-2-хъ, мясо первой довольно вкусное и каждая косуля равна большому барану по вѣсу, а въ-3-хъ, шкура первой весьма полезна казаку. Онъ шьетъ изъ нея доху, а толстая шеина идетъ на унты, зимнюю, весьма теплую обувь. Гдѣ онъ возьметъ матеріалъ для того и другого, если не раздобудется косулей? Гдѣ и на что пріобрѣтетъ говядину для своего праздничнаго стола? Бараній мѣхъ надо покупать. А на что онъ купитъ его? Да и гдѣ его купить, какъ не въ Забайкальѣ у тунгусовъ, или не въ Монголіи у монголовъ. На Амурѣ же овецъ держатъ только богачи, и то въ ограниченномъ количествѣ. По статистикѣ во всѣхъ станицахъ, по Амуру, овецъ было въ 1899 г. только 583 головы. Причина отсутствія здѣсь овцеводства—единственная: неподходящая мѣстность. Что касается до говядины, то бѣднотѣ негдѣ раздобыться ею помимо покупки. Такъ какъ лишнюю скотинку на убой онъ не держитъ, за неимѣніемъ сѣна, то у большинства одна надежда – пріобрѣсти, или добыть звѣря. Кромѣ недостатка въ сѣнѣ, у нихъ есть еще настоятельная нужда угнать со двора скотинку. Объ этомъ я уже говорилъ въ одной изъ послѣднихъ главъ. Подрастетъ ли у него свинья, онъ тоже спѣшитъ продать ее, чтобъ уплатить тому же ку-

лаку, или начальству—слѣдующій съ него войсковой сборъ: на станичныя правленія, школы и приходскія попечительства—всего по 12 р. 67 к. съ каждаго взрослаго казака. Слѣдовательно, волей неволей ему необходимо ходить на охоту за косулями. Но не всѣ ходятъ на этотъ промыселъ, не у всякаго есть готовность мерзнуть цѣлый мѣсяцъ, гоняясь по амурскимъ дебрямъ за этимъ лакомымъ кускомъ. Промышляютъ этимъ только охотники. А если же онъ не охотникъ, то старается „околпачить“ инородцевъ: тунгуса, орочена, манегра... Купитъ водки, пороху, табаку—и везетъ все это въ улусы мѣнять на мѣха и говядину. За бутылку водки или за фунтовую жестянку съ порохомъ беретъ косулю и т. д. Впрочемъ, не всѣ казаки рѣшаются на это. Меньшинство предпочитаетъ своими трудами добыть желаемую добычу.

— „Главное дѣло, говорятъ они, попусту расходуйся: для такой тваринки водку покупать, пороху и все такое. Кромѣ того мучить лошадь, для розысковъ ихнихъ улусовъ. Право слово, не стоятъ они эфтого. Лучше я самъ похожу по тайгѣ да убью двухъ-трехъ. Ну, потеряю недѣлю, другую. Зато не истрачу на это и копейки“.

Итакъ, для нѣкоторыхъ чрезвычайно дорога копейка, а время, собственные труды, лишенія и невзгоды, во время охоты, они и въ грошъ не ставятъ. А какъ они презираютъ инородцевъ! По мнѣнію ихъ—„Это не люди, а твари“ Стоитъ ли имъ давать такое добро, какъ водка, порохъ и табакъ! Если бы благопріятствовали условія, они отбирали бы у инородцевъ все, что нравится имъ.

— Прежде такъ и дѣлали, говорилъ мнѣ одинъ старожилъ, казачій офицеръ—Напримѣръ, ко мнѣ часто приходили инородцы съ подобными жалобами.

Однако не легко самому добывать козу. Въ одиночку, мало добудешь, а то и совсѣмъ не убьешь ни одной. Другое дѣло въ артели. „И ходить по тайгѣ не страшно, и много добудешь“, говорятъ они. И казаки волей-неволей сплачиваются въ артели.

Не наступила еще осень, а охотники ужъ уговариваются

другъ съ другомъ: кому брать, что именно и сколько, когда выступать, куда держать путь и т. д. Вотъ наступила и осень. Всѣ полевыя работы кончены, рыбалка тоже. Пришла пора собираться нашимъ охотникамъ въ путь дороженьку.

Отправляются въ концѣ, или въ началѣ октября, смотря по наступленіи осени. Если она ранняя, то въ началѣ, а если поздняя, то въ концѣ. Предварительно запасаются чаемъ, печенымъ хлѣбомъ, солью — недѣли на двѣ, на три; затѣмъ водкой, порохомъ, спичками и табакомъ; берутъ винтовки, топоры, ножи въ особыхъ кожаныхъ чехлахъ — по тунгуски. Каждый беретъ шубу, войлокъ, котелокъ. Въ назначенный день вся артель до 30 — 40 человѣкъ собирается къ одному изъ своихъ артельныхъ охотниковъ — главарю. Здѣсь закусивъ и выпивъ по рюмкѣ, всѣ присутствующіе въ домѣ усаживаются, разомъ поднявшись, молятся и выступаютъ. Прежде чѣмъ сопровождать нашихъ охотниковъ, не мѣшаетъ познакомиться съ предметомъ этой охоты.

Косуля—Capreolus caprаea—изъ отряда парнокопытыхъ, изъ семьи оленей. Длина ее $1_{,3}$ метра, вышина 75 см. Хвостъ короткій, около 2 см. длины. Самецъ больше самки и имѣетъ небольшіе рога, съ двумя, тремя развѣтвленіями. Косуля стройна. Голову, на длинной шеи, держитъ къ верху; во время ходьбы шагаетъ важно и степенно, слегка изгибая свои длинныя тонкія ножки. Цвѣтъ ея шерсти свѣтло коричневый. Величина и оттѣнокъ ея мѣняются, соотвѣтственно времени года. Лѣтомъ она короткая и свѣтло-бурая, къ зимѣ же значительно выростаетъ, около вершка длины, и становится почти сѣрой. Весною эта длинная шерсть выпадаетъ. Лѣтомъ косуля обитаетъ и въ лѣсистыхъ горахъ, отрогахъ Яблоноваго хребта, пустынныхъ и безлюдныхъ, и въ низменныхъ равнинахъ, покрытыхъ болотами и высокимъ кустарникомъ. Тутъ ея главное мѣстопребываніе. Въ жаркіе лѣтніе дни она поднимается въ горы, спасаясь отъ „гнуса“. Здѣсь прилѣсокъ, сравнительно невысокій, съ большими прогалинами и покрытый густыми молодыми древесными порослями, ея тоже любимое мѣстоприбываніе. Въ это время она держится исключи-

тельно съ самцомъ. Августъ время ихъ любви. Въ сентябрѣ она покидаетъ свое лѣтнее мѣстопребываніе и не спѣша движется къ югу, къ Амуру. Въ этомъ передвиженіи она поднимается время отъ времени на сопки, гдѣ и проводитъ нѣкоторое время. Какъ только Амуръ покроется льдомъ, стада косуль переходятъ его и направляются въ свои зимнія квартиры Теперь онѣ держатся уже не попарно, а небольшими стадами. Двигаются вдоль рѣки, впадающей въ Амуръ, по густымъ береговымъ порослямъ. Достигнувъ обширныхъ прирѣчныхъ болотъ Маньчжуріи, поросшихъ густымъ и высокимъ тростникомъ, въ особенности въ верховьяхъ рѣкъ Норы, Мурены и Кумары, онѣ остаются здѣсь зимовать. Сравнительно теплый климатъ, полное безлюдье и отсутствіе снѣга— главныя преимущества этихъ мѣстностей. Въ теченіе зимы, хотя здѣсь и выпадаетъ снѣгъ, но держится нѣсколько часовъ, особенно въ долинахъ, окруженныхъ горами и открытыхъ къ югу.

Наши охотники прекрасно знаютъ эти мѣста, служащія главнымъ мѣстопребываніемъ косуль въ зимнее время. Подойдя къ такой долинѣ, покрытой тростникомъ, они командируютъ одного изъ своихъ товарищей, обладающаго зоркимъ зрѣніемъ, на сосѣднюю сопку, чтобъ высмотрѣть стоитъ ли тутъ дѣлать облаву. Избранный выбираетъ подходящую гору и поднимается на вершину ея. Поднимаясь, онъ тщательно избѣгаетъ открытыхъ мѣстъ, стараясь быть незамѣченнымъ, Вотъ онъ и на вершинѣ. Предъ нимъ какъ на ладонѣ вся долина Скрываясь за густой древесной порослью, внимательно всматривается въ верхушки тростника, плотной сѣтью покрывающаго все пространство долины. Его зоркій глазъ видитъ качаніе этихъ вершинъ и всѣ предметы, рельефно выступающіе между вѣтвями, хотя съ пункта наблюденія они кажутся едва замѣтными. Несмотря на тихую погоду, вершины и вѣтви покачиваются то тамъ, то тутъ. Наблюдатель ищетъ прогалинки между тростникомъ Если ему удается найти ее, онъ нѣсколько часовъ всматривается въ нее. Иногда тутъ покажется голова косули, или нѣсколько. Этого достаточно для

опытнаго охотника. Бываютъ случаи, что такой прогалины онъ не можетъ найти. Тогда переходитъ на другую сосѣднюю гору, или поднимается еще выше, если это возможно. Между вершинами тростника иногда блеститъ крошечная полоска воды. Это или озерко, или рѣчушки, пробирающаяся между зарослями. Съ такой поверхности охотникъ иногда долго не отрываетъ своего взора. Время отъ времени сюда подходятъ косули, чтобы утолить жажду. Есть и другіе способы охотничьей рекогносцировки. Напримѣръ, прислушиваются къ звукамъ, долетающимъ изъ дали, всматриваются въ поверхность почвы, нѣтъ ли слѣдовъ и т. д.

Убѣдившись однимъ изъ способовъ въ присутствіи достаточнаго количества этого звѣря, охотники распредѣляютъ свои роли. Одни должны зайти и окружить намѣченное мѣсто съ трехъ сторонъ, выстрѣлами или криками подгонять стадо къ извѣстной засадѣ, гдѣ будутъ нѣсколько охотниковъ, славящихся какъ мѣткіе стрѣлки. Если мѣстность не подходитъ къ устройству такой засады, то въ концѣ долины огораживаютъ съ трехъ сторонъ пространство. Пока стрѣлки устраиваютъ одну изъ такихъ ловушекъ, $^3/_4$ охотниковъ цѣпью окружаютъ мѣстность и, подвигаясь впередъ уменьшаютъ кругъ, загоняя звѣря въ средину. Косули въ высшей степени трусливы. Онѣ теряютъ присутствіе духа даже отъ одного выстрѣла. Слыша съ трехъ сторонъ шумъ и крики охотниковъ, и обезумѣвши отъ ужаса, онѣ обыкновенно скучиваются въ одну массу, падаютъ и давятъ другъ друга. Охотники пользуются этимъ моментомъ: уменьшивъ кругъ загона, они однимъ залпомъ убиваютъ все стадо, попавшее въ кругъ. Устроивъ нѣсколько такихъ загоновъ, охотники слаживаютъ свою добычу въ нѣсколско кучъ въ чащахъ, закладываютъ ихъ травой и вѣтвями, и возвращаются домой. Чрезъ нѣсколько дней, отдохнувъ, захвативъ лошадей съ дровнями, или кошевками, ѣдутъ за добычей. День прибытія ихъ въ станицу — это торженственный праздникъ всего населенія. Всѣ, старый и малый, собираются къ счастливымъ охотникамъ, отвѣдать: „свѣжинку — козулятинку“.

Не всѣ охотники сходятся въ артели. Нѣкоторые предпочитаютъ охотиться въ одиночку. Они ходятъ лѣтомъ на солонцы, къ рѣчушкамъ и озерамъ, гдѣ прячутся въ чащѣ и поджидаютъ звѣря. Другіе подзываютъ косулю пикулькой. Животное — мать, слыша подобіе крика своего дитеныша, со всѣхъ ногъ бѣжитъ на него и попадаетъ на пулю. Третьи охотятся весной, когда косули возвращаются изъ Маньчжуріи въ предѣлы Амурской области. Въ эту пору охотники гоняются за нею или на лыжахъ, или на лошадяхъ.

Общеупотребительна между амурцами охота ямами за кабанами, изюбрами, лосями. Для устройства ямы предварительно осматриваютъ мѣстность нѣтъ ли звѣриной тропы. Такую тропу находятъ безъ особаго труда и поисковъ. На этой тропѣ и роютъ яму до 4 арш. глубины, $1^1/_2$ ширины и до 3 длины. Затѣмъ ее огораживаютъ поскотиной, а для прохода оставляютъ небольшое отверстіе.

Яму закладываютъ тонкимъ хворостомъ изъ сучьевъ, сверху набрасываютъ листья, траву. При этомъ вынутую изъ ямы землю относятъ въ сторону, стараясь, чтобы около этой ловушки не было ни малѣйшей части ея. Въ противномъ случаѣ звѣрь замѣтитъ и не станетъ ходить по этой тропѣ. Этотъ способъ ловли считается самымъ легкимъ. И дѣйствительно, стоитъ только вырыть яму и наблюдать за ней. Есть еще такой же легкій способъ ловли звѣрей. Это устройство, такъ называемой „Пасти“. Въ мѣстѣ прохода звѣрей на водопой, или изъ одной части лѣса въ другую, устраиваютъ, какъ кругомъ ямы, городьбу съ однимъ проходомъ. Надъ послѣднимъ натягиваютъ лукъ, помѣщая его въ густой листвѣ дерева. Отъ стрѣлы протягиваютъ веревку такъ, чтобы она проходила по землѣ, по самому проходу. Когда звѣрь проходитъ чрезъ это мѣсто, онъ задѣваетъ веревку, та соскакиваетъ съ небольшого крючка, лежащаго на землѣ и освобождаетъ стрѣлу. Послѣдняя мчится внизъ и впивается въ тѣло животнаго.

Однако, послѣдніе два способа ловли нынѣ не такъ сильно распространены Находятся люди, которые берутъ лукъ, веревку и не отказываются даже отъ добычи.

Всѣ эти способы охоты не требуютъ отъ охотниковъ особыхъ усилій, жертвъ и такихъ невзгодъ какъ холодъ, голодъ, и не подвергаютъ жизнь опасности. Другое дѣло бѣлковье. Въ этой охотѣ человѣкъ рискуетъ всѣмъ, даже жизнью. Вотъ небольшой эскизъ, разсказанный мнѣ однимъ изъ такихъ охотниковъ.

„Предъ Покровомъ я уже сряжаюсь въ походъ за бѣлкой. Хозяйка наготовитъ хлѣба, говядинки, чаю, соли; беру порохъ, дробь, а изъ лопати двѣ тубы да потникъ. Если есть хорошая собака — важно. Отгуляемъ Покровъ и отправляемся Одному на эту охоту итти — нельзя, а потому завсегда у насъ небольшая артель, человѣкъ пять, шесть. Кто-нибудь изъ артельныхъ, посостоятельнѣе, беретъ лошадь съ дровнями, на которыя мы и слаживаемъ свои харчи и лопатишку. Во время пути всю дорогу на ногахъ, съ зари утренней до вечерней, потому мучить коня не полагается у насъ. Дней восемь идемъ до мѣста охоты. Прежде тайга была ближе, такъ что въ день бывало дойдешь до нее матушки. Съ той поры съ каждымъ годомъ она отодвигается отъ насъ все дальше и дальше. Такъ что теперь приходимъ къ ней на седьмой или восьмой день. На ночлегъ останавливаемся въ тайгѣ же. Разложимъ костеръ и важно. Лежишь у огонька и чаекъ пьешь. Одну сторону грѣетъ, а другую морозитъ. А уснешь, чрезъ часъ проснешься отъ холоду. Смотришь—тьма тьмущая. Конь бьется и фыркаетъ, значитъ звѣрье одолѣваетъ. Зажигаешь скорѣе костеръ, а товарищи разгоняютъ звѣрей, чтобы не задавили коня. Пока разжигаешь, замерзнешь такъ, что еле-еле душа въ тѣлѣ. Снова засыпаешь на часъ, просыпаешься и опять то же: тьма и напасть съ конемъ. Такъ раза четыре, пять въ ночь. Не столько выспишься, сколько измучишься. На завтра, на зарѣ, четверо, или трое, расходятся въ разныя стороны, съ харчами на весь день, а пятый, или четвертый, остается съ лошадью. Предъ уходомъ сговариваемся: вечеромъ послѣдній долженъ быть тамъ то, разложить большой костеръ и поджидать насъ. Если замѣшкаемся долго, время отъ времени долженъ подавать голосъ,

или зажечь большое сухое дерево, на корню. Цѣлый день ходимъ по тайгѣ. Убьешь слава те Богу, не убьешь горе. Прежде случалось рѣдко, чтобы приходили къ табору съ пустыми руками. А нынѣ наоборотъ: рѣдко приходишь къ нему съ чѣмъ-нибудь. Иногда убьешь бѣлокъ 6 — 8. Прежде въ счастливые дни 20 и болѣе, а если не бѣлокъ, то рысь или соболя, или лисицу. А нынѣ даже волку рады. Нарвешься, бывало, на кабана, или мишку. Тоды одному то плохо. Неудачный выстрѣлъ, вотъ те и смерть. А то бываетъ и такъ: высматриваешь на вершинѣ бѣлокъ, а за спиной у те мишка. Обвернешься, а онъ ужъ тутъ, около тебя. Нѣсколько разъ былъ на волоскѣ отъ смерти бывало закаишься ходить, большо молъ ни-ни на эфту охоту. А придетъ пора, забудешь и клятву... Цѣлый день ходишь. Къ вечеру и устамшій, и голодный, и замерзшій идешь къ условленному мѣсту. Тутъ молъ, долженъ быть таборъ. Не тутъ-то было: мѣсто совсѣмъ другое. Такъ пощещь, бывало, до самой ночи. Въ потьмахъ залѣзешь на высокое дерево... Лазить туда и то горе: въ потьмахъ не видать сучьевъ—какіе они да въ какихъ мѣстахъ. Бывало лѣзешь, лѣзешь, да оттуда и трахъ внизъ головой... Кое-какъ залѣзешь и смотришь, нѣтъ ли гдѣ зарева отъ костра. Много охотниковъ совсѣмъ сгибли, заблудились и потерялись. Чрезъ нѣсколько лѣтъ найдешь однѣ кости да лопатишку его... Опасная охота. Не любятъ наши казаки бѣлковать!“ закончилъ охотникъ.

Частенько эти звѣриные промыслы казаки производятъ на правой, китайской сторонѣ. Кромѣ того, они тамъ же косятъ сѣно, рубятъ лѣсъ, собираютъ ягоды. Нѣкоторые, напр. екатерининкольцы, по уговору платятъ китайскому начальству условленную плату. Большинство же промышляютъ тамъ самовольно. Иногда попадаются на мѣстѣ преступленія. Въ такихъ случаяхъ китайцы обращаются съ ними по-свойски: наказываютъ бамбуковыми палками, а самовольно заготовленное на ихней землѣ отбираютъ. Впрочемъ, какъ уже говорилъ я, и наши русскіе не церемонятся съ ними, особенно казаки. Отбираютъ иногда у нихъ все, что они приносятъ въ ста-

ницы на продажу, бьютъ ихъ, науськиваютъ собакъ, обливаютъ ихъ помоями и т. д. Подобныя расправы происходятъ во всѣхъ станицахъ и городахъ.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Школы. Наставники и ихъ положеніе. Суевѣріе казаковъ и дикіе нравы. Казачьи кабаки.

Не говоря уже о высшемъ, среднемъ и низшемъ образованіи, даже грамотность между амурцами распространяется весьма туго. Вотъ краткая исторія станичныхъ школъ.

Въ послѣднихъ главахъ я уже говорилъ о времени переселенія казаковъ на Амуръ. Теперь повторяю: первыя станицы были образованы въ 1858 г.

Въ 1859 г. были открыты двѣ школы. 1-я въ Екатерининской. На содержаніе ея отпускается нынѣ 100 р. Въ 1899 г. училось мальчиковъ 24, дѣвочекъ 7. Вторая въ Иннокентьевской. На содержаніе ея—892 р., училось въ томъ же году мальчиковъ 45, дѣвочекъ 4.

Въ 1860 г. была открыта одна школа въ Михайло-Семеновской. На содержаніе ея отпускается 951 р. Училось въ 1899 г. мал 58, дѣв. 12.

Въ 1861 г. была открыта одна школа въ Раддевской. На содержаніе ея отпускается 518 р. Училось 1899 г. мал. 34, дѣв. 14.

Въ 1865 г. была открыта одна школа въ Екатерино-Никольской. На содержаніе ея отпускается 324 р. Училось въ 1899 г. мал. 57, дѣв. 24.

Въ 1868 г. была открыта одна школа въ Степановской. На содержаніе ея отпускается 689 р. Училось мал. 37, дѣв. 2.

Итакъ съ 1858 по 1870 гг. въ теченіе 12 лѣтъ, на про-

тяженіи 1200 в. было открыто шесть школъ. Открытіе ихъ произошло не столько изъ любви къ просвѣщенію, сколько по угодливости казачьей администраціи предъ патронами, имена которыхъ увѣковѣчены наименованіемъ станицъ: Екатерина Николаевна Муравьева, Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ, Скобельцинъ *)... Однѣ изъ этихъ школъ были долгое время жалкой породіей, другія же числились только на бумагѣ.

Въ 1870 г. была открыта одна школа въ Албазинѣ. На содержаніе ея отпускается 400 р. Училось въ 1899 г. мал. 47, дѣв. 26.

Въ 1871 г. была открыта одна школа въ Черняевой. На содержаніе ея отпускается 192 руб. Училось въ 1899 г. мал. 22, дѣв. 13.

Въ 1872 г. была открыта одна школа въ Кумарской. На содержаніе ея отпускается 185 руб. Училось въ 1899 г. мал. 25, дѣв. 5.

Въ 1873 г. была открыта одна школа въ Венцеловой. На содержаніе ея отпускается 877 р. Училось въ 1899 г. мал. 48, дѣв. 5.

Въ 1875 г. были открыты двѣ школы. 1-я въ Константиновской. На содержаніе ея отпускается 1283 р. Училось въ 1899 г. мал. 94, дѣв. 23. 2-я въ Покровской. На содержаніе ея отпускается 318 р. Училось въ 1899 г. мал 26. дѣв 0.

Въ 1878 г. была открыта одна школа въ Игнатьевской. На содержаніе ея отпускается 100 р. Училось въ 1899 г. мал. 40, дѣв. 10.

Въ 1881 г. была открыта одна школа въ Пузиновской. На содержаніе ея отпускается 238 руб. Училось въ 1899 г. 40 мал. 30 дѣв.

---

*) Послѣдній—изъ казаковъ. Низкопоклонствомъ и угодливостью дослужился до офицерскаго чина. Впослѣдствіи—превратился въ большого барина-милліонера. Нажилъ капиталъ кулачествомъ: скупалъ за безцѣнокъ у казаковъ и у инородцевъ дорогіе мѣха и живность, давалъ деньги подъ чудовищные проценты. Первые продавалъ въ 100 разъ дороже на ярмаркахъ, а послѣднія доставлялъ по подрядамъ въ войска, по цѣнамъ въ 10 разъ дороже. Авторъ.

Итакъ съ 1870 по 1881 гг. въ теченіе 12 лѣтъ было открыто восемь школъ. Одинѣ до нынѣ жалкая пародія, другія же долгое время числились только на бумагѣ.

Въ 1885 г. была открыта одна школа въ Бобстовской. На содержаніе ея отпускается 694 р. Училось въ 1899 г. 20 мал., 4 д.

Въ 1887 г. была открыта одна школа въ Аносовой. На содержаніе ея отпускается 175 р. Училось въ 1889 г. 30 мал., 3 дѣв.

Въ 1891 г. въ ожиданіи прибытія Его Императорскаго Величества Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, было открыто три школы въ станицахъ: Толбузинской, Бентоновской и Игнашинской. На содержаніе 1 ой отпускается 183 р., 2-ой 180 р, и 3-ей 530 р. Училось въ 1899 г. въ 1-ой 19 мал., 3 дѣв.; во 2-ой 9 мал., 14 дѣв.; и въ 3-ей 16 мал., 3 дѣв.

Итакъ съ 1881 г. по 1892 г., въ теченіе 12 лѣтъ было открыто пять школъ. Всѣ опѣ жалкое подобіе настоящихъ. Двѣ изъ нихъ года три числились только на бумагѣ.

Въ 1894 г. было открыто три школы въ Верхне-Благовѣщенской. Буссевской и Союзовской. На содержаніе ихъ отпускается: на 1-ю 100 р., на 2-ю 170 р. и на 3-ю 238 р. Училось въ 1899 г.: въ 1-ой мал. и дѣв. 00—ни одной души! По словамъ казаковъ, въ такомъ положеніи она почти съ самаго основанія. Во 2-ой мал. 23, дѣв. 6 и въ 3-ей мал. 29, дѣв. 9.

Въ 1895 г. было открыто четыре школы: въ Свербѣевской, Поярковской, Димской и Чесноковской. На содержаніе ихъ отпускается: на 1-ю 147 р., на 2-ю двухклассную 1584 р., на 3-ю 1249 р. и на 4-ю 1249 р. Училось въ 1899 г. въ 1-ой мал 15, дѣв. 1; во 2-ой мал. 80, дѣв 0; въ 3-ей мал. 84, дѣв. 16; и въ 4-ой мал. 63 и дѣв. 21.

Въ 1896 г. было открыто три школы: въ Купріяновской, Пашковской и Кватинской. На содержаніе ихъ отпускается: на 1-ю 772 р., на 2-ю 772 р. и на 3-ю 686 р. Училось въ

1-ой мал. 51, дѣв. 3; во 2-ой мал. 40, дѣв. 4 и въ 3-ей мал. 18, дѣв. 0.

Въ 1897 г. было открыто двѣ школы въ Симоновской и Пермикинской. На содержаніе ихъ отпускается на 1-ю 145 р. и на 2-ю 330 р. Училось въ 1899 г. въ 1-ой мал. 16, дѣв. 4 и во 2-ой мал. 14, дѣв. 6.

Въ 1898 г. было открыто три школы: въ Бибиковской, Ольгинской и Сторожевскомъ. На содержаніе ихъ отпускается: на 1-ю 100 р., на 2-ю 155 р. и на 3-ю 498 р. Училось въ 1899 г. въ 1-й мал. 40, дѣв. 5; во 2-ой мал. 15, дѣв. 4 и въ 3-ей мал. 25, дѣв. 6.

Итого съ 1892 по 1899 гг. въ теченіе 8 лѣтъ было открыто 15 школъ. Всѣ эти школы содержатся на суммы казачьихъ питейныхъ заведеній. На эти же средства строятъ школьныя зданія, заводятъ учебныя принадлежности. Если казаки будутъ больше пропивать деньги и имущество, то больше будетъ и средствъ... Всего тратится на школы до 36,000 руб. Въ томъ числѣ 2,000 р. войсковыхъ.

На эти суммы къ 1901 году было 34 школы. Учащихся 1543 мальчиковъ и дѣвочекъ.

Къ 1906 году было 41 школа. Изъ нихъ 7 двухкласс. Учащихся до 2000. Наставниковъ 48. Изъ нихъ 2 учительницы. Въ однѣхъ учащихся болѣе 50, въ другихъ въ половину меньше. Въ одной даже совсѣмъ нѣтъ ихъ. На одинѣ школы отпускается по нѣсколько сотъ р., на другія болѣе тысячи, на третьи же около 100 р. Одно изъ обстоятельствъ, вліяющихъ на количество отпускаемыхъ денегъ и на число обучающихся, это многолюдность станицъ. Напр. въ Поярковой 740 жителей, обитающихъ 89 дворахъ; въ Константиновской 900 жителей въ 130 дворахъ; въ Чесноковской 600 жителей въ 86 дворахъ; въ Екатерино-Никольской 1250 жит. въ 405 дворахъ, и т. д. Во всѣхъ этихъ многолюдныхъ станицахъ, кромѣ казаковъ, живутъ: духовенство, купцы, чиновники. Кромѣ того, есть такія многолюдныя станицы, гдѣ школъ совсѣмъ нѣтъ ни на бумагѣ, ни въ дѣйствительности. Напримѣръ, Баджанская, Головинская и др. Слѣдовательно,

кромѣ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, на открытіе и процвѣтаніе школы вліяетъ и нѣчто другое главное, а именно: воля казачьяго начальства. Говорятъ, въ Амурскомъ казачьемъ войскѣ числятся солидные капиталы и если станичныя школы не улучшаются, то это всецѣло зависитъ отъ администраціи. А онѣ дѣйствительно требуютъ, кромѣ денегъ, внимательнаго и компетентно-просвѣщеннаго руководителя и наблюдателя. А то, посудите сами, развѣ будетъ какой-нибудь толкъ отъ подчиненія ихъ (и слѣдовательно руководительства) малообразованнымъ казачьимъ офицерамъ и полуграмотнымъ станичнымъ атаманамъ? Въ 19 вѣкѣ всѣ школы амурцевъ были въ вѣдѣніи старшихъ казачьихъ офицеровъ. Послѣдніе подчинили уже сами станичнымъ атаманамъ. Въ третьемъ участкѣ ими непосредственно вѣдалъ командиръ полубаталіона. Съ 1894 г., съ расформированіемъ этого баталіона въ 3-ю сотню коннаго полка—руководительство школами въ этомъ участкѣ перешло командиру этой сотни. Въ 1-омъ и во 2-мъ участкахъ школами вѣдалъ и руководительствовалъ командиръ амурскаго полка.

Наконецъ, въ 1898 г. всѣ школы амурцевъ перешли въ вѣдѣніе войскового правленія.

Нечего и говорить много о томъ, что отъ такихъ руководителей казачьи школы не будутъ лучше.

В. Х. П—іе не любитъ школы и грамотныхъ казаковъ. „Отъ тѣхъ и отъ другихъ—только жди крамолу“. Другое дѣло станичные кабаки. Милое учрежденіе: изъ крупныхъ кабачныхъ дивидендовъ войсковые члены правленія получаютъ нѣсколько разъ въ году крупныя награды. Неудивительно, что казачья администрація, большая, средняя и маленькая, сердечно желаетъ, чтобы казачки пили и пили отечественную.

Однако возвращаюсь къ школамъ.

По мнѣнію казаковъ-старожиловъ:—„Школы наши еще не были такими, какими желательно было бы видѣть ихъ“.

Во 1-хъ, хорошихъ учителей никогда еще не было ни въ одной школѣ амурцевъ. Развѣ полуграмотный казакъ-учитель,

отбывающій службу въ этой „учебѣ“, можетъ быть хорошимъ наставникомъ?

На учительскомъ съѣздѣ въ 1899 году много говорили и объ этомъ недостаткѣ учительскаго персонала, и о многомъ другомъ, въ этой же сферѣ. Но, увы, толку не вышло отъ этого. Постановленіе съѣзда подшили къ дѣлу и только.

Еще больше говорилось на учительскомъ съѣздѣ въ 1903 г. Положеніе казачьихъ школъ и учителей было разсмотрѣно со всѣхъ сторонъ. Говорили дѣльно и хорошо. Благо было бы для амурцевъ, если бъ исполнилась хоть половина пожеланій этого съѣзда. Но, увы, участники его получили только строгій выговоръ за неумѣстное возбужденіе вопросовъ „не подлежащихъ вѣдѣнію учителей народныхъ школъ“... Впрочемъ, сдѣлали только одно улучшеніе, благодаря этому съѣзду: открыли въ Благовѣщенскѣ лѣтніе курсы для подготовки учителей. Но и это не помогло: наставники попрежнему безграмотны, а хорошіе избѣгаютъ казачьихъ школъ.

Гораздо лучше сдѣлали въ станицѣ Михайло-Семеновской. 17 ноября 1901 г. здѣсь, на станичномъ сходѣ, постановили: открыть въ станицѣ 2-хъ классное училище, съ тѣмъ условіемъ, чтобы принимать въ него изъ существующей здѣсь одноклассной школы, а выпущенныхъ изъ 2-хъ класснаго училища отправлять въ учительскую семинарію. Въ постановленіи выражены мотивы открытія этой 2-хъ классной школы: „Казаки нуждаются въ грамотныхъ, которыхъ нѣтъ въ ихъ средѣ. Когда-то обучавшіеся въ одноклассныхъ школахъ превратились въ безграмотныхъ, перезабывъ все, что учили. Кромѣ того, много казачьихъ училищъ безъ учителей. Совершенно некѣмъ замѣстить должности писарей, станичныхъ атамановъ, предсѣдателей и членовъ повѣрочной комиссіи“.

Открытіе 2-хъ классной, въ упомянутой станицѣ, произошло благодаря крупному доходу съ двухъ общественныхъ винныхъ лавокъ. Въ 1901 г. чистаго дохода съ нихъ было 10,000 р. Благодаря тому же доходу, въ станицѣ Поярковой въ 1903 г. открыта читальня при министерской школѣ. Такія же читальни открыты и при трехъ школахъ въ томъ же

станичномъ округѣ. На каждую ассигновано по 100 р. ежегодно.

Всѣ амурскіе казаки желаютъ грамотности.

— Если насъ не учили грамотѣ, то хоть ребятъ-то нашихъ пусть выучатъ,—говорятъ они.

Но не довольствуются одной грамотой.

„Больше всего намъ нужны ремесленники, говорятъ они. „А то по домашности никто изъ насъ не можетъ даже клинушекъ всадить или спичку выстрогать. Ни слесарей между нами, ни столяровъ, ни кузнецовъ ни одного нѣтъ. Слѣдовало бы подумать объ этомъ начальству“.

Благодаря жалобамъ казаковъ на эту нужду, начальство придумало открыть при Благовѣщенскомъ ремесленномъ училищѣ лѣтніе курсы для изученія станичными учителями министерскихъ школъ ремеслъ: столярнаго, слесарнаго и кузнечнаго. Въ 1902 г. обучалось ремесламъ 5 учителей и т. д.

Разсуждая и кое-что дѣлая по подготовкѣ учителей для разумнаго обученія грамотѣ и ремесламъ, казаки и ихъ администрація игнорируетъ положеніе самихъ наставниковъ. Большинство ихъ получаетъ жалованье отъ 300 р. до 480 р. Только въ большихъ двухъ-трехъ станицахъ окладъ отъ 500 р. до 600 р. Помѣщеніе холодное, сырое, грязное, темное—почти во всѣхъ станичныхъ школахъ. Обыкновенно для школы отводится комната или курная изба не за деньги, а въ счетъ отнесенія годовой службы. При этомъ для учителя нѣтъ даже угла, не говоря уже объ отдѣльной комнатѣ.

Посѣтивъ изъ любопытства нѣсколько школъ, я былъ просто въ недоумѣніи. Неужели эти помѣщенія для школъ! Если „да“, то почему не было въ нихъ по крайней мѣрѣ хоть соотвѣтствующей школьной мебели? Вотъ обыкновенная обстановка многихъ.

Курная изба. Половину ея занимаетъ русская печь. Полъ кривой и половицы шатаются. Между ними большія щели. Изъ нихъ распространяется трупный запахъ. Потолокъ низкій. Три маленькихъ окошка мало пропускаютъ свѣтъ. Вездѣ непмовѣрная грязь и пыль. Среди одного изъ такихъ помѣ-

щеній стоятъ два простыхъ кухонныхъ стола. Они некрашены и шатаются отъ малѣйшаго движенія. Около нихъ двѣ такихъ же скамьи. Стѣны голы: ни досокъ, ни таблицъ. Въ переднемъ углу небольшой шкафикъ. Онъ служитъ для наставника столикомъ и книжнымъ шкафомъ.

На мою просьбу показать мнѣ школьныя книги учитель отвѣтилъ мнѣ слѣдующее:

— Книгъ никакихъ нѣтъ. Азбуки у учениковъ, „начатки“ тоже. А у меня вотъ только три.

Онъ вытащилъ изъ шкафика три книжицы и подалъ мнѣ.

Это были двѣ хрестоматіи безъ начала и конца, разбитыя и древнія и одинъ экземпляръ учебника по „Закону Божію“.

Въ другой станицѣ въ точно такомъ же помѣщеніи не было ни столовъ, ни скамеекъ, ни учительскаго шкафика. Вмѣсто этой скромной мебели, тутъ была большая груда щепокъ, глины и голиковъ.

— Лонись поправляли здѣсь да такъ и не убрали съ той поры,—сказалъ пожилой казакъ, показывая мнѣ школу.

— Навѣрно ученическіе столы, скамьи и прочія школьныя принадлежности имѣются здѣсь?

— Нѣту-ти. Кто чего дастъ, то и ладно. А не дадутъ—доску положимъ съ одного окна на другое, а вмѣсто скамьи чурки соберемъ... Начальство ужъ больно настаиваетъ, чтобъ числилась у насъ эта школа.

— А почему не заказываете мебель?

— Да гдѣ и кому? въ городѣ заказать дорого. Вещь стоитъ на мѣстѣ рубля три, а за перевозку возьмутъ шесть. Нѣсколько разъ долаживали и станичному атаману, и городскому начальству—все обѣщаютъ... Да у насъ и учителя-то нѣтъ. Учить-то некому.

Не проходитъ ни одного мѣсяца, чтобъ какое-нибудь станичное училище (а то и нѣсколько) не было закрыто за неимѣніемъ наставника. Въ большинствѣ случаевъ учительскія мѣста остаются не замѣщенными по цѣлымъ годамъ. Причина этого обстоятельства—одна: положеніе станичнаго учителя не-

выносимое. Его смѣняютъ по капризамъ станичныхъ атамановъ и урядниковъ.

Во-первыхъ—тѣ и другіе постоянно дебоширятъ въ школахъ, оскорбляя наставниковъ при ученикахъ.

— Ты чаго жъ это, братецъ, не обучаешь нашихъ ребятъ тому, что они должны знать, какъ казачаты? дерзко и грубо говоритъ одинъ изъ такихъ богачей-казаковъ учителю, являясь въ школу во время занятія.

— Напримѣръ? спрашиваетъ сконфуженный учитель.

— Къ примѣру сказать—онамедни я спросилъ своего сынишку: „Кто у насъ начальникъ самый главный?“—и онъ мнѣ ничего не могъ сказать.

Напрасно учитель доказывалъ ему, что обучать этому станутъ другіе, когда онъ поступитъ на службу, теперь же молъ времени нѣтъ, потому онъ еще читать не умѣетъ и т. д.

Казакъ продолжалъ также грубо и дерзко толковать о необходимости первымъ долгомъ познакомить казачатъ со всѣми начальствующими лицами.

Въ двухъ, трехъ станицахъ смѣнили учителей только за то, что они не поздравили станичныхъ атамановъ съ праздникомъ.

Или вотъ входитъ другой и жалуется, что ни самъ учитель, ни ученики его не снимаютъ шапокъ предъ нимъ на улицѣ, какъ это требуется воинскимъ уставомъ и т. д., и т. д.

Во-вторыхъ—въ станицахъ, по мнѣнію наставниковъ. скучища смертная. Не имѣется ни у кого ни книгъ, ни журналовъ, ни газетъ. Выписывать же самому немыслимо. Жалованья даже не хватаетъ на содержаніе. Лѣтомъ еще можно прожить: въ станицѣ не скучно. Мимо, по Амуру, ходятъ пароходы, окружающая мѣстность, растительность, пернатый міръ интересны. Кромѣ того, въ рѣкѣ масса разнообразной рыбы. Но вотъ наступаетъ осень,—Амуръ, недвижимъ и станица оторвана отъ міра на нѣсколько мѣсяцевъ. Что дѣлать учителю въ свободные часы, или въ длинные зимніе вечера? Какъ ему проводить время своего отдыха? Лежать и плевать въ потолокъ? Или ходить по гостямъ къ бѣднякамъ-каза-

камъ, чтобы слушать сплетни казачекъ? Онъ сходитъ къ кому-нибудь одному разъ, а къ нему заявятся двое-трое, и не одинъ разъ; при этомъ прямо просятъ угощенія—водку и закуску. Однимъ словомъ надо пьянствовать съ ними и дебошрить.

Въ третьихъ, содержаніе учителю, какъ уже сказалъ я, платится нищенское. Не хватаетъ его даже на харчи, не говоря уже о платьѣ. А за лѣтніе мѣсяца ничего не платятъ ему. Чѣмъ долженъ жить наставникъ въ теченіе каникулъ? Хоть помирай съ голоду въ эти 4—5 мѣсяцевъ. Между тѣмъ, у казачьяго начальства большія запасныя суммы: и станичныя, и обще-казачьи.

Въ четвертыхъ, учебныя и канцелярскія принадлежности отпускаются очень и очень скупо. Многіе учителя должны тратить свои гроши на бумагу, перья и чернила для учениковъ. А относительно аспидныхъ досокъ, грифелей, учебныхъ книгъ и проч. не допросишься.

Въ пятыхъ, представители казачьей администраціи *), нѣсколько разъ въ году посѣщая школы, имѣютъ обыкновеніе спрашивать учениковъ о томъ, что они совсѣмъ и знать не могутъ. Напримѣръ, сколько рюмокъ въ бутылкѣ? А въ шкаликѣ? Сколько папиросъ въ $^1/_4$ табака? Сколько ходитъ беременная женщина? А сучка? и т. д. Такъ вотъ какіе вопросы задаютъ обыкновенно экзаменующіе казачатамъ. Всѣ ошибочные отвѣты ихъ ставятъ въ вину наставникамъ, дѣлая строгія замѣчанія и выговоры имъ при учащихся. Между тѣмъ виновата въ этомъ администрація, игнорирующая нужды и потребности школъ. Такъ говорятъ объ этомъ учителя станичныхъ народныхъ училищъ.

Неудивительно, что наставники, со спеціальной педагогической подготовкой, обыкновенно оставляютъ школы въ томъ же году, когда и поступили. Назначаемые же изъ числа грамотныхъ кезаковъ, совершенно неподготовленные къ этому и малограмотные, совсѣмъ не могутъ учить. Напримѣръ, такой

---

*) Станичные атаманы и проч.

учитель читаетъ по складамъ, пишетъ одинѣ буквы, мало похожія на настоящія, считаетъ по пальцамъ и то только до 20. Подобныхъ наставниковъ въ станичныхъ школахъ больше половины. Казачье начальство обыкновенно предпочитаетъ ихъ спеціалистамъ, подготовленнымъ въ учительской семинаріи.

— Всѣ эти господа съ гоноромъ,—говорилъ мнѣ про послѣднихъ одинъ изъ администраторовъ,—то имъ не ладно, другое не по ихнему, третье купи, четвертое выпиши, пятое выпь да положь немедленно. Въ станицахъ надо заводить для этихъ господъ театры, устраивать балы, да держать хоръ музыки.

Другое дѣло наставники изъ безграмотныхъ казаковъ. Съ ними станичное начальство обыкновенно не церемонится. Сегодня онъ наставникъ, а на завтра назначаютъ его сторожемъ, денщикомъ, или приказываютъ ему вычистить нужное мѣсто станичнаго правленія, *) или станичнаго атамана.

Все это доказываетъ, что народное образованіе у амурцевъ не въ авантажѣ. Оно въ положеніи сиротки при злой и скупой мачихѣ. Соотвѣтственно положенію просвѣщенія—находится степень развитія и состояніе правовъ казаковъ. Въ книгѣ: „Люди и нравы Д. В.“ я уже говорилъ о суевѣріи уссурійскихъ казаковъ. То же слѣдуетъ сказать и объ амурскихъ. Степень ихъ развитія тоже примитивная. Если казакъ-старожилъ, или молодой, находятся въ лѣсу, они задабриваютъ дѣдушку лѣсного, если они на водѣ,—дѣдушку водяного, если въ избѣ, особенно въ ночное время,—дѣдушку домового. Это задабриваніе происходитъ одинаково всѣмъ троимъ: бросаютъ имъ табачку на раскурку, льютъ капли двѣ-три водки, кидаютъ кусочки хлѣба или говядины. Состоятельные же кидаютъ гроши, полушки, съ обѣщаніемъ дать „опосля еще“.

Если у казака, что-нибудь заболѣло, или захворалъ кто изъ членовъ его семьи—онъ вполнѣ увѣренъ, что его сгла-

*) Желающіе убѣдиться въ этомъ, могутъ найти въ Благовѣщенскихъ газетахъ, хотя за послѣдніе два года, соотвѣтствующія данныя—въ корреспонденціяхъ изъ станицъ.

зили. Если у него пропало одно изъ его домашнихъ животныхъ, или выкинула преждевременно корова и т. д. всѣ увѣрены, что кто-то навелъ порчу на его домъ и хозяйство.

Въ томъ же примитивномъ состояніи и нравы ихъ. По словамъ нѣкоторыхъ изъ мировыхъ судей, съ которыми я познакомился въ станицахъ, судебныя дѣла, возбужденныя по жалобамъ казаковъ и проч., только двухъ родовъ: о членовредительствѣ и о мошенничествѣ. Пострадавшіе исключительно бѣдняки-казаки, работники, а обвиняемые— любители кулачныхъ расправъ, богатые, хозяева первыхъ. Кромѣ того первыя часто жалуются о неполученіи ими отъ послѣднихъ, богатыхъ жителей станицъ, условленной платы за время работъ. Масса жалобъ о дракахъ, о разбояхъ и о тяжкихъ оскорбленіяхъ дѣйствіемъ во время гулянокъ.

Казачки-старожилки нерѣдко жалуются, что такіе-то увѣчатъ своихъ женъ, дочерей и отцовъ и т. д.

Кулачная расправа со своими женами въ большомъ почетѣ, несмотря на то, что казаки большею частью женятся по любви. Выбранную дѣвицу, съ которой молодой казакъ предварительно, задолго до женитьбы, сходится до близкихъ отношеній, онъ обыкновенно воруетъ. Эта кража происходитъ по тайному уговору жениха и его родственниковъ съ невѣстою. Похищеніе дѣвицы производится ночью, съ вечерки. Молодыхъ вѣнчаютъ за десятку и даже больше Изъ церкви они ѣдутъ къ родителямъ невѣсты и нѣсколько часовъ валяются у нихъ въ ногахъ, прося прощенія и родительскаго благословленія. Поломавшись, родители благословляютъ молодыхъ. Тогда-то и начинается гулянка...

Этотъ увозъ невѣстъ выгоденъ и въ матеріальномъ отношеніи для обѣихъ сторонъ. Если женить молодого казака, или выдать замужъ дѣвицу—обыкновеннымъ порядкомъ, то надо и приданое, и дѣвишникъ, и свадьбу и, приличное платье невѣстѣ и жениху. На все это требуются большіе расходы. На самую бѣдную свадьбу надо рублей по 100 съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ какъ воровская обходится

рублей 20—30 и молодые вѣнчаются и гуляютъ въ обыкновенномъ праздничномъ платьѣ. Не требуется ни столованій, ни попоекъ въ теченіе 2-хъ недѣль.

Впрочемъ, безъ послѣднихъ не обходится и воровская свадьба, тѣмъ болѣе, что станичное начальство даже косвенно поощряетъ такія попойки. Вѣдь весь сборъ за проданную водку идетъ въ пользу амурскаго казачества.

— Ей Филатъ Митричъ!—кричитъ урядникъ, стоя во дверяхъ подъ вывѣской: „Общественная продажа водки питій, распивочно и на вынось“.

Филатъ Митричъ, съ которымъ шелъ по улицѣ станицы пишущій эти строки, остановился, повернувшись къ уряднику и здороваясь съ нимъ.

— Чего не устраиваешь свадьбу-ту!

— А чаво?

— Какъ чаво! Водка заляживается. Стыдъ нашей головушкѣ—въ мѣсяцъ не можемъ опростать сороковку.

— Ну, Александръ Павлычъ, вѣдь я не буду много брать, не на что. Ведра два и то много.

— Шестью не отдѣлаешься отъ меня! А будешь ртачиться, восемь ведеръ отпущу.

— Что ты, что ты Александръ Павлычъ! Оборони Богъ.

— Поговори еще! Ха-ха-ха!..

— Вотъ такъ вездѣ у насъ, казаковъ. Хочешь не хочешь, бери сколько навалитъ сидѣлецъ,—говоритъ мнѣ Филатъ Дмитріевичъ, когда мы прошли общественный кабакъ.

— Какая же ему выгода,—спросилъ я.

— Огромная! деньги получаетъ за эфто.

— Много расхода водки—много и барыша сидѣльцу. Такъ что ли?

— Именно, именно!

Да, вотъ въ чемъ дѣло: у амурскихъ казаковъ свои общественные кабаки! Кабачную эксплоатацію амурцы стали производить, по приказанію высшаго начальства, съ 1892 г. По утвержденному уставу кабаки открываются по обоюдному согласію всѣхъ, или большинства, членовъ станичнаго схода.

Такимъ же порядкомъ опредѣляются и стоимость водки, и содержаніе сидѣльцу, и выборъ его. При чемъ жалованье ему отъ 100 до 300 р. въ годъ Послѣдняя сумма назначается за большой сбытъ, за открытіе кабака въ своемъ домѣ и за доставку водки отъ пристани станицъ до склада. Доходъ поступаетъ въ суммы станичныхъ правленій. Въ 1892 г. чистаго дивиденда отъ кабаковъ было 39614 руб., въ 1893 г. 42240 рублей, въ 1894 г. 40794 рублей и т. д. Въ настоящее время онъ удвоился. Вся эта прибыль расходуется на содержаніе станичнаго атамана, его помощника, писарей; на отопленіе, освѣщеніе и на улучшеніе обстановки станичнаго правленія и т. д. Изъ большихъ остатковъ, отъ этого дохода, получаютъ награды и сидѣльцы. Конечно, тому больше наградныхъ, кто больше продаетъ. Но, у сидѣльца, кромѣ этого, есть и доходы...

И такъ амурскіе станичные кабаки процвѣтаютъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

(Современное положеніе казаковъ. Ихъ бѣдствіе. Причины его. Игнорированіе казачьей нужды. Эксплоатація казаковъ. Кулаки въ средѣ ихъ и роль первыхъ. Недостатокъ самодѣятельности и отсутствіе самоуправленія. Слабыя попытки самодѣятельности казачьяго населенія).

Послѣднюю главу я кончилъ выводомъ, что процвѣтаютъ у амурцевъ одни кабаки. Изъ этого вывода слѣдуетъ другой: какъ школы ихъ, такъ и сами казаки бѣдствуютъ. Увы, въ послѣдней истинѣ никто не сомнѣвается.

И дѣйствительно, обратите вниманіе на любую казачью станицу.

Убогія, полуразвалившіяся избушки, дворишки сооруженные кое-какъ и на скорую руку. Около избушекъ ни сѣна,

ии скирдовъ соломы. Какъ въ самой станицѣ и во дворахъ, такъ и кругомъ ея—горы нечистотъ. Кое-гдѣ бродятъ отощавшій скотъ и лошади. Собаки—одинъ скилетъ, обтянутый мохнатой шкурой. Кое-гдѣ на завалинкахъ неподвижно и безмолвно сидятъ казаки. Они не лучше своихъ собакъ: кости да кожа.

Могильную тишину нарушаютъ пѣтухи, распѣвающіе въ разныхъ дворахъ, и щебетаніе птичекъ.

Развѣ это не мертвое царство?

Изъ десяти дворовъ станицы, или поселка, зажиточныхъ только два, три, а изъ двадцати—пять, шесть, семь. Остальные—бѣдняки, пробиваются цѣлый годъ, и всю жизнь, на пищѣ св. Антонія.

Кромѣ прошлыхъ бѣдствій, уже разсмотрѣнныхъ мною, были и въ его современной жизни обстоятельства, вліявшія на увеличенія бѣдности всего амурскаго казачьяго населенія. Ихъ можно раздѣлить на два разряда: на крупные и мелкіе.

Изъ числа первыхъ заслуживаетъ вниманіе вліяніе маньчжурской желѣзной дороги. До открытія ея по Шилкѣ и Амуру круглый годъ перевозились грузы. Въ теплое время года на баржахъ и па[illegible]дахъ, а въ холодное—обозами. Ѣхали взадъ и впередъ въ большомъ количествѣ и проѣзжающіе. Почтосодержатели-казаки держали на почтовыхъ станціяхъ по 16 паръ лошадей и по 3, по 4 ямщика, изъ бѣдныхъ казаковъ. Когда открыли „*проклятую маньжурку*“, рѣки и трактъ опустѣли: ни грузовъ, ни пассажировъ, ни проѣзжающихъ круглый годъ. Изъ 16 паръ, съ января 1902 г., девять сняли. Ежедневныя почты стали ходить два, три раза въ недѣлю. Почтосодержатели отъ Стрѣтенска до Хабаровска ликвидировали свои дѣла: распродали лошадей и повозки, разсчитали ямщиковъ. Населеніе сразу почувствовало безденежье. Заробить копѣйку стало совершенно нечѣмъ. А нѣтъ ее, не начто купить и соли, и спичекъ, и чаю, и табакъ, и обновы, и обувь и хлѣба. Но, одна невзгода тянетъ за собою другія. Благодаря той же дороги, въ станицахъ появились въ большомъ количествѣ дешевые, маньчжурскіе хлѣбъ и рабочіе.

Казаки, имѣющіе нѣсколько пудовъ хлѣба на продажу, потеряли надежду съ выгодою продать его. А бѣдняки, ищущіе заработковъ по станицамъ и въ городахъ, по Амуру, убѣдились, что конкурировать съ китайскими рабочими они не могутъ.

„Гдѣ ужъ тутъ... Какіе ужъ заработки. Проклятые манзы всѣмъ овладѣли. А намъ хоть помирать въ пору". Такъ говорили казаки...

Населеніе обѣдняло и впало въ апатію, безъ всякой надежды на улучшеніе своего хозяйства и достатка.

Начавшаяся постройка Амурской желѣзной дороги коегдѣ, по Амуру, возбудила надежду на заработки, на лучшее будущее. Но въ большей части населенія и теперь нѣтъ ни малѣйшихъ упованій.

— Еслибъ дозволили укочевать къ ней — тады хорошо бы, ожили бы мы...

— А Амуръ-то какъ? На кого оставить? Вѣдь граница...

— Чѣмъ же мы жить-то станемъ здѣсь? Отъ хлѣбопашества нѣтъ выгоды. Только, только иногда окупитъ расходы. А больше и это въ убытокъ.

— Если бъ начальство не приказывало с[illegible], мы бѣдняки-однолошадники оставили бы совсѣмъ его.

— Около Амура совсѣмъ нѣтъ заработковъ для насъ. Да, хорошо бы откочевать къ чугункѣ, соглашаются всѣ...

Работодатели нанимаютъ дешеваго и невзыскательнаго китайца.

Однако, что же дастъ Амурская дорога казачьему населенію? „Кромѣ убытковъ ничего", говорятъ они.

Другое дѣло, если бъ казаки улучшили свое хлѣбопашество и сельское хозяйство... Къ несчастію объ этомъ никто не думаетъ.

А вотъ и другія обстоятельства, опоражнивающія казачьи карманы, безъ того нищенскіе.

У — скаго станичнаго общества былъ неприкосновенный капиталъ на черный день. Собранъ былъ онъ по копѣйкѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ. Къ нему прибѣгали иногда для удо-

влетворенія нуждъ бѣдняковъ-казаковъ: давали имъ небольшіе суммы заимообразно и проч.

Въ началѣ XX вѣка пріѣхалъ священникъ въ церковь, въ сосѣдней станицѣ, недалеко отъ — евой. Побывалъ батюшка въ послѣдней, познакомился съ богатымъ казакомъ-кулакомъ. — всякій крезъ по дружбѣ повѣдалъ іерею о капиталѣ, который мозолилъ глаза кулаку. Подѣлился съ попикомъ и своей завѣтной мечтой: выстроить храмъ въ станицѣ на этотъ капиталъ. Понравилась эта мечта и попику.

Жить въ —вой гораздо лучше, чѣмъ тамъ, гдѣ церковь. И дѣйствительно, — большая станица, здѣсь много „порядочныхъ“ семейныхъ домовъ, можно весело проводить время. А главное, въ — будетъ больше дохода батюшкѣ и матушкѣ. Не откладывая въ долгій ящикъ, священникъ воспользовался первымъ станичнымъ сходомъ. Сказалъ казачкамъ убѣдительную рѣчь, пообѣщалъ имъ неисчислимыя благоденствія и вѣчное наслажденіе въ раю за одно согласіе построить храмъ „на лежащій втунѣ“ капиталъ.

Казаки народъ набожный, падки на блаженство... „Если въ сей жизни бѣдствуемъ, такъ хоть бы въ той-то не маяться и не страдать“, говорили они между собою.

Согласились построить храмъ на неприкосновенный капиталъ. Явился другой благодѣтель, тотъ же новый другъ батюшки—кулакъ станичный. Отъ усердія къ храму и къ своему родственнику—предложилъ обществу нанять послѣдняго, какъ техника, для наблюденія за постройкой. Дали согласіе и на это, хотя техникъ потребовалъ 100 р. жалованья ежемѣсячно да на прогоны 100 р. изъ конца въ конецъ, будь этотъ конецъ даже 10 в

Прошло нѣсколько дней, послѣ закладки храма. А половины капитала ужъ нѣтъ. Одумались черняевцы, пожалѣли свои гроши, собранные съ такимъ трудомъ и такъ долго.

— Гдѣ станемъ брать деньги заимообразно на свои нужды... толкуютъ они.

А у меня што! говоритъ благодѣтель кулакъ. Съ моимъ удовольствіемъ, сколь хотите, за процентички конечно!

— И правду, ребята, хорошо! А то эфтотъ капиталъ— одно горе: считай его да провѣряй. А на эфто мы не мастера. Просчитаемся—плати свои. Ну его къ ляду. Лишнюю работу съ плечъ долой. Хорошо што такъ случилось.

— Не отвѣчать за нихъ хорошо—это одно. А другое еще лучше: на томъ свѣтѣ насъ ждетъ вѣчная маслянка.

— Тото, паре, хорошо-то будетъ! Скорѣе бы... И такъ казаки не любятъ считать и провѣрять. Но, не любятъ они и еще кое-что. Вотъ одна изъ многихъ подобныхъ картинъ изъ ихъ жизни.

Послѣ войны съ боксерами, въ станицахъ была голодовка. Стали развозить хлѣбъ для голодающихъ казаковъ. Привезли его и въ — на баржѣ. Послѣдняя была около самаго берега. Крикнули станичникамъ: „Таскайте муку съ баржи на берегъ, а потомъ къ себѣ утащите“. Но, увы, казачки—„молодцы“ не пожелали таскать. Нечего дѣлать, наняли на ихъ счетъ двадцать солдатъ по 5 к. за пудъ.

Пока солдатики разгружали баржу, казачки — сидѣли на берегу и любовались, покуривая трубочки *).

А вотъ еще картина.

Станица И . . . . . я.

Лѣтъ 10, 12 тому назадъ, съ трехъ сторонъ окружала ея вплоть дремучіе лѣса. Пахать было негдѣ. Расчищать мѣста отъ тайги не было силъ. Казаки „мало-мало“ промышляли заготовкою дровъ для пароходства, благо что возить недалеко было. Лѣсъ у нихъ за околицей. Одновременно съ ними стали заготовлять и поселившіеся въ станицѣ китайцы лавочники, и два брата-казака. Тѣ и другіе стали брать крупные подряды на поставку дровъ и строевого лѣса. Послѣдствіемъ этого было то, что никто уже не покупалъ дровъ у мелкихъ продавцовъ-дроворубовъ. Стали иннокентьевцы суда-

*) По словамъ одного казака N, они отказались таскать муку по уважительной причинѣ: кули были 5-ти пудовые и имъ не поднять ихъ. Сознавая свою слабость, они не хотѣли скомпрометировать себя. „Вѣдь худая слава летитъ, а хорошая сидитъ“... „Лучше пусть говорятъ про насъ, что мы лѣнп“...

чить: „Что дѣлать съ этими подрядчиками, отбившими у нихъ единственный заработокъ?“ Спорили и ссорились, но ни къ какому окончательному рѣшенію не пришли.

Такъ шли годы. Пока казаки вели споры, два брата и китайцы непрерывно поставляли дрова и строительный матеріалъ, отгребая большія деньги.

Наступилъ 1910 г. Лѣсъ уже на разстояніи 45—50 верстъ отъ станицы, а за хорошимъ надо ѣхать всѣ 60 верстъ. Китайцы, разбогатѣвъ, уѣхали на родину. Два брата-казака, благодаря поставокъ и подрядовъ, превратились въ богатыхъ людей. Живутъ въ большихъ хоромахъ и на широкую ногу. Всѣ друзья и знакомые у нихъ богатые люди: купцы, чиновники и офицеры Оба имѣютъ лавки и все населеніе держатъ въ кабалѣ. Послѣднее—исключительно бѣдняки. Хотя и пробуютъ быть хлѣбопашцами, но дѣло не ладится: нѣтъ силъ.

У каждаго почти по одной лошади, да по коровѣ. Да и пьянство одолѣло. Пьютъ всѣ: старый и малый... Заробить копѣйку негдѣ, и нечѣмъ...

Такая же бѣда наступила и въ станицѣ У. Когда-то, лѣтъ 8—12 назадъ, дремучіе лѣса были подлѣ самой станицы.

Нынѣ, т.-е. въ 1910 г., лѣса уже въ 80 верстахъ отъ нее *). Чтобы имѣть бревно на постройку, надо казаку — купить его за 2 р. 50 к. У станичниковъ своего лѣса нѣтъ, а за войсковой надо заплатить высокую пошлину, съ бревна, да вывезти оттуда, на разстояніи 80 верстъ, что недоступно казакамъ-одиолошадникамъ. Нельзя и тѣмъ, кои имѣютъ двухъ, даже 3 лошадей. Послѣдствія исчезновенія лѣса —

*) Когда лѣсу было у казаковъ много, его не берегли. Теперь же, когда этого добра осталось „злыдни“, „малая малость“—завели дорогого лѣсничаго и лѣсную стражу на казачій счетъ. Расхода ежегодно 12000 р. Это нововведеніе съ января 1909 г. Налоги увеличили. „Вотъ разе кабаки помогутъ“,—говорятъ казаки.

Помогутъ только ней больше—говорятъ сидѣльцы.

„Проживайте свои послѣдніе штаны да наши, женины, рубахи „и послѣднія юбченки“, - говорятъ казачки чуть не плача,—„Ста„немъ ходить оголя... Намъ не привыкать—куликать“...

слѣдующія. Построить избу не мечтай. Поправить ее—тоже. Даже на заплотъ и дворы негдѣ взять.

А дрова? Въ станицѣ и въ поселкахъ много бездомныхъ казачьихъ семействъ. Обзавестись домикомъ—„отложи попеченіе“. „Вырыли бы землянки“... И на это нужны лѣсные матеріалы. А гдѣ ихъ взять? На что купить? На чемъ и на комъ вывести изъ 80-верстной дали? У старожиловъ-домохозяевъ—избы, когда-то сооруженныя на скорую руку, давнымъ давно требуютъ капитальнаго ремонта. Нынѣ — почти разваливаются. А ремонтировать не помышляй!.. И заработать грошъ нечѣмъ казаку. Прежде хоть дровами зарабатывалъ. А теперь и этого нѣтъ...

А вотъ еще картина казачьяго житья-бытья.

Станица С. совсѣмъ худо живетъ населеніе ея. Изъ десяти дворовъ—девять голь и страшная бѣдность. Хотя они и занимаются хлѣбопашествомъ, но пользы отъ этого никакой; урожаи ежегодно плохіе—одна солома. Причина — плохая обработка. А у богатыхъ ежегодные хорошіе сборы хлѣба. Запрягаютъ въ соху двухъ, трехъ паръ быковъ, или пару хорошихъ лошадей. Кромѣ того держатъ много скота и хорошо унаваживаютъ землю. Живутъ эти девять, изъ десяти, огородничествомъ да рыбой. Зимою возятъ грузъ на пріиски безъ всякой пользы для себя. Посудите сами: берутъ подрядъ у станичнаго кулака-богача доставить грузъ по 15 коп. съ пуда. На двѣ лошади уложитъ 50 пудовъ, и заробитъ 7 р. 50 к. Возвращается обратно, доставивъ грузъ. Кулакъ говоритъ ему:

— Ты, Никулай, долженъ мнѣ съ прошлаго года 16 рублевъ. А я за доставку груза долженъ тебѣ 7 р. 50 к. Эту сумму вычитаю изъ долга. За тобой остается 8 руб. 50 коп. Бери у меня, что хочешь на 7 руб. За тобой опять будетъ 15 рублей.

И беретъ ситецъ, стоющій въ Благовѣщенскѣ 18 коп. аршинъ за 26 к. Пудъ ржаной муки, стоющій тамъ же 80 коп., за 1 р. 30 к. И такъ изъ года въ годъ. Въ теченіе года беретъ у него въ долгъ: чаю, соли, спичекъ, табакъ, муку...

Къ лѣту накопится долгу до 70, 80 руб. Пришла весна — кулакъ посылаетъ его въ лѣсъ, верстъ за 90, за 100, рубить дрова. Или даетъ ему подрядъ заготовить 40 саж. дровъ по 3 р. 50 к. саж. въ уплату долга. Отработаетъ казакъ, кулакъ задаетъ ему товаромъ и продуктами рублей на 100... и т. д. И нѣтъ надежды совсѣмъ расплатиться съ кулакомъ. Помретъ отецъ, долгъ тяжелымъ гнетомъ ляжетъ на шею сыновьямъ его...

Но отъ нѣкоторыхъ кулаковъ-казаковъ не избавились и инородцы. Вотъ, напримѣръ, въ станицѣ казакъ-богачъ. Въ его большомъ домѣ и товары, и водка, и спиртъ. Только нѣтъ патентовъ и вывѣски. Въ извѣстное время къ нему пріѣзжаютъ орочоны съ мѣхами. Хозяинъ опаиваетъ ихъ. За бутылку водки, разведенной водой, или за два, за три аршина ситцу пріобрѣтаетъ соболя. Въ другое время, осенью, собираются у него пріисковые рабочіе съ золотомъ. И съ ними онъ продѣлываетъ то же, что съ орочонами. Въ старину тоже самое продѣлывалъ Скобельцынъ, славный сподвижникъ знаменитаго душегуба.

Что богатые казаки, торговцы, держатъ бѣдняковъ въ вѣчной кабалѣ — еще полгоря. А вотъ это гораздо важнѣе: они забрали и власть. Во многихъ станицахъ на должности станичныхъ атамановъ выбраны и выбираются исключительно изъ этихъ кулаковъ. А забравъ такую силу (капиталъ и власть), они полновластно распоряжаются казачьимъ населеніемъ.

Вотъ напримѣръ въ станицѣ живутъ два брата-богача. Одинъ станичный атаманъ, другой торговецъ. Оба—кулаки. Въ 1905 г. пойманы китайцы съ золотомъ. Отобранный у нихъ благородный металлъ перешелъ всецѣло въ руки станичнаго атамана. А другому досталось нѣсколько быковъ, отобранныхъ у маньчжуръ, какъ военная добыча. Оба братца забрали всѣ поставки и подряды. Продажа съѣстныхъ продуктовъ тоже въ рукахъ —скихъ Аяксовъ. Казакамъ-станичникамъ не остается ничего, кромѣ одного пропивать свои пожитки съ горя да сидѣть на завалинкахъ, — что они и дѣлаютъ.

Вотъ еще образчикъ самоуправства такихъ станичныхъ атамановъ.

Послѣ объявленія войны съ Японіей, всѣмъ казачьимъ семьямъ было Высочайше даровано сторублевое пособіе. Станичные атаманы, занимающіеся одновременно и кулачествомъ, или имѣющіе родственниковъ торговцевъ, выдавая это пособіе, удерживали всѣ долги по лавкамъ, по кабакамъ, свои и проч. Не удивительно, что почти ни одна семья не получила это пособіе полностію. Большинство, вмѣсто 100 р., получили по 15-и, 12-и рублей.

„Станичное начальство“ печется только о своемъ „животѣ“ и карманѣ. А о томъ, что происходитъ въ станицахъ, на его глазахъ, станичная администрація на это и вниманіе не обращаетъ“, говорятъ священники и наставники въ станицахъ.

Напримѣръ, съ семьями казаковъ, ушедшихъ на войну, станичники обращались самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Вотъ одинъ изъ многихъ подобныхъ фактовъ. Въ станицѣ молодой казакъ, ушедшій на брань, оставилъ молодую жену, съ малолѣтними дѣтьми. Едва сынъ ушелъ изъ станицы, какъ отецъ этого война поспѣшилъ выгнать его семью, подъ предлогомъ: „Нечѣмъ кормить ее“... Молодая казачка наняла избу у помощника станичнаго атамана и занялась шитьемъ. Этимъ и прокармливалась. Однажды хозяинъ квартиры предложилъ ей сшить ему плащъ.

Казачка-шитница призадумалась.

— Шить я буду ему недѣлю даромъ. А жить съ ребятами въ это время на что стану?

Высказавъ эту мысль своему хозяину, она получила такой отвѣтъ: „Конечно, ты обязана сшить мнѣ даромъ, въ благодарность, будто за фатеру.

— Но, вѣдь, я плачу тебѣ за нее деньгами?

— Это ничего не значитъ. Я беру съ тебя за нее очень мало. Вотъ поэтому-то ты и должна мнѣ оказывать особое одолженіе. На первый разъ сшей мнѣ шинель!

— Но, пойми ты, мнѣ жить не на что, съ ребятами. Вѣдь я заморю ихъ съ голоду въ эту недѣлю?

— Какъ хочешь.

Казачка отказалась пить хозяину. Послѣдній въ тотъ же день выгналъ ее изъ квартиры. Послѣ долгихъ скитаній казачка нашла себѣ пристанище въ банѣ. Но давать ей работу перестали.

— Опачкаешь! — говорили ей на ея просьбы дать ей работу.

Баба вынуждена была ходить съ кошелемъ „по кусочки". А такъ какъ подавали ей мало, то бывали дни, когда она голодовала со своими малышами—на глазахъ станичнаго атамана и станичниковъ.

Въ общемъ, по прошествіи трехъ лѣтъ военнаго времени, многіе изъ возвратившихся домой казаковъ совсѣмъ не нашли свое хозяйство. Что принадлежало имъ, то все исчезло безъ слѣда. Многіе оставили по парѣ лошадей, скота, телѣги, сани, избы. Теперь же ни того, ни другого, ни третьяго не было. Даже избы у многихъ были почти растасканы по бревешку, не говоря уже о дворахъ и стайкахъ. Жены съ дѣтьми частью перемерли съ голоду, и холоду, а частью нашли любовниковъ, прижили дѣтей и неизвѣстно куда уѣхали съ ними. Немногія остались въ станицахъ и поселкахъ. Но и эти жили прислугою по чужимъ людямъ.

Такъ вотъ какое положеніе казаковъ, возвратившихся съ войны. Не многимъ лучше и остальному населенію амурскаго казачества. Доведено было до этого плачевнаго положенія ежегодными напастями.

Съ начала девятидесятыхъ годовъ, подъ рядъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ станицахъ—по Амуру—непрерывно былъ падежъ на лошадей отъ сибирской язвы. Большинство казачьяго населенія очутилось безъ лошадей. Послѣдствія этой бѣды самыя горькія: пахать не на чѣмъ? А вѣдь хлѣбопашество у казаковъ главный источникъ пропитанія. Что дѣлать? Гдѣ взять средства на пріобрѣтеніе лошадокъ? Одни ушли въ батраки, чтобъ заробить для этого деньги. Другіе вошли въ неоплатные долги богачамъ-кулакамъ.

Не успѣли оправиться отъ этой бѣды—какъ подошла новая горьчайшая: мобилизація и война съ боксерами.

Два года тянулось это тяжелое, во всѣхъ отношеніяхъ, время.

Кончилось оно. Казаки собрали всѣ свои рессурсы. Послѣднихъ оказалось очень и очень мало. Многіе снова нанялись, съ женами, батраками. Всѣ были увѣрены, что Господь избавитъ ихъ на долгое время отъ такой напасти.

Но, увы, прошло года три и опять мобилизація и война. Три года тянулась эта напасть. Въ станицахъ и поселкахъ оставались только женщины, дѣти да старики. Они не могли добывать пропитаніе. А вѣдь жить имъ все-жъ таки надо, хотя бы въ проголодь. Надо и дровъ, чтобъ не околѣть въ избахъ. Гдѣ же они брали эти средства? Проѣдали все, что оставили имъ ушедшіе казаки. А на дрова рубили заплоты дворовъ, огородовъ, стаскъ, снимали доски съ крышъ. Кончилась война. Казаки возвратились домой.

Что же они нашли здѣсь?

Я уже говорилъ, что они нашли въ своихъ станицахъ.

„Долженъ же кто-нибудь о насъ подумать и помочь намъ“, говорятъ амурцы.

Они безпомощны, какъ малыя дѣти. Вотъ результатъ многовѣковой опеки! Такой же и весь русскій народъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

(Продолженіе послѣдней главы).

Несомнѣнно, казаки возлагали надежду на свое начальство. „Дадутъ пособіе поправить хозяйство“, толковали они.

Но эти надежды были напрасны.

Ноёны амурскаго казачьяго войска пользуются каждымъ, малѣйшимъ случаемъ пріобрѣсти деньгу...

Впрочемъ, это обще-человѣческое свойство. Однако, чтобъ не быть голословнымъ и въ этомъ, приведу нѣсколько фактовъ.

Въ 1901 году одинъ изъ казачьихъ поёновъ, охотясь на китайской сторонѣ Амура, набрелъ въ лѣсу на скопище хунхузовъ. По его словамъ, едва-едва удалось ему уйти отъ нихъ. По возвращеніи домой, донесъ начальству объ этомъ скопищѣ, повидимому угрожающемъ населенію казачьихъ станицъ". Начальство приказало немедленно собрать отрядъ казаковъ-амурцевъ, этому поёну принять отрядъ и двинуться противъ хунхузовъ. Продовольствіе взять казакамъ пока свое, дней на шесть.

Собрались, двинулись, искали хунхузовъ, но нашли мирныхъ жителей—орочонъ. Чрезъ пять дней возвратились домой. Во время этого похода казаки продовольствовались своими харчами. Чрезъ годъ имъ было отпущено 72 р. на довольствіе во время этого похода. Для раздачи казакамъ, участвовавшимъ въ походѣ, эти деньги были выданы командовавшему этимъ отрядомъ... Но, послѣдній положилъ ихъ въ свой бумажничекъ и забылъ, что они чужіе...

Подобное же случилось во время войны съ Японіей.

Въ 1904 г. отправились казаки въ походъ. По приказанію начальства, взяли свой харчъ на нѣсколько дней. Издержали его на 2 р. 30 к. каждый. Командовавшему этимъ отрядомъ хотя и были отпущены эти деньги (около 100 р.), но увы и ахъ, деньги исчезли куда-то... Возвратившіеся казаки, изъ похода, вспоминаютъ о этихъ деньгахъ... „Хорошо бы получить ихъ теперь, когда терпимъ такую нищету"...

— Не получимъ и эти. Сколь пропадаетъ нашихъ кровныхъ денегъ за нашими . . . . . Страсть!

— А сколь пропало ихъ за ними!...

Такъ бесѣдуютъ казаки по поводу этихъ денегъ.

Третій фактъ. Въ 1895 г. казачья администрація возимѣла благую мысль: построить въ N. пансіонъ для казачатъ, обучавшихся здѣсь.

Для осуществленія этого приказано было казачьему населенію:

1-ое, внести по 1000 р. съ каждой станицы на постройку его;

2-ое. три станицы, богатыя лѣсомъ, кромѣ этихъ денегъ по 1000 р., обязаны доставить еще по 800 бревенъ, въ 4 саж. и 9 вершк. въ отрубѣ (всего 2400 шт.) каждое; и 3-е, на открытіе и содержаніе въ пансіонѣ двухъ казачатъ (съ каждой станицы) послѣднія обязаны вносить ежегодно по 200 р.

Сначала казаки роптали между собою объ этомъ поборѣ. „Вѣдь у насъ большія войсковые капиталы. Почему бы не взять необходимую сумму изъ нихъ, хотя-бъ изъ ежегодныхъ процентовъ. Казачій карманъ безъ того тощій, а тутъ эта постройка! Жрать еще нечего намъ. Гдѣ возьмемъ ихъ?“...

Обыкновенно учили и учатъ въ N своихъ дѣтей-казачатъ преимущественно богатые и зажиточные казаки. А бѣдняки довольствовались и довольствуются (и то не всѣ) станичными школами.

Значитъ, проектированный пепсіонъ предназначается для богатыхъ и состоятельныхъ. Но тѣ и другіе и безъ пансіона отлично обходились: ихъ сыновья недурно жили въ у друзей и родственниковъ своихъ родителей.

Какъ и что не говори, а деньги нужно было внести, а лѣсъ,—требуемой величины, доставить въ городъ. Одна доставка сколько обошлась имъ. А деньги? Львиную долю внесла бѣднота. За неимѣніемъ ихъ, они заняли за большіе проценты у богачей-кулаковъ. Кое-кто продалъ свою послѣднюю курицу, или поросенка, послѣдній запасъ овощей, или хлѣба. Ноёнамъ до этого нѣтъ никакого дѣла: „Подавай деньги и баста! Откуда хочешь возьми! Хоть укрядь!“...

Всего было собрано съ амурцевъ 12000 р. да 3400 шт. бревенъ.

Израсходовано исключительно на постройку зданія для пансіона: деньгами 3000 р., лѣсомъ 1800 бревенъ. Остальные 9000 руб. и 1600 бревенъ, говорятъ, ушли въ пользу распорядителей по постройкѣ, какъ вознагражденіе за хлопоты...

Первое время, въ теченіе двухъ лѣтъ, въ зданіи, предназначенномъ для пенсіона, помѣщалось В. Х. П—іе амур-

скаго казачьяго войска. На третрій годъ, со дня окончанія постройки, наконецъ, открыли пенсіонъ. Но, увы, зданіе оказалось весьма плохимъ и нуждалось въ капитальномъ ремонтѣ.

Казачья администрація потребовала отъ казачьяго населенія 500 р на ремонтъ его. Но казачки отказали, за не имѣніемъ средствъ даже на свое пропитаніе, не говоря уже о ремонтѣ новаго зданія.

На этотъ отказъ послѣдовалъ грозный ультиматумъ: „Если 500 р. не будутъ доставлены къ извѣстному сроку, то пансіонъ будетъ закрытъ!“

Казачки отвѣтили: „Рады бы исполнить волю своего начальства, но не можемъ, такъ какъ голодуемъ, а заработковъ нѣтъ ни у кого, кромѣ богатѣевъ“.

Получивъ этотъ отказъ, администрація закрыло пансіонъ. Зданіе отдало въ кортомъ —за крупную сумму.

Въ 1907 г. при этомъ правленіи „открыла свое дѣйствіе“ повѣрочная комиссія по учету дѣятельности прежняго состава В. п. Относительно постройки зданія пенсіона совсѣмъ не оказалось дѣла. Исчезли безъ слѣда и счета, и отчетъ о расходѣ денегъ. Говорятъ ни перваго, ни вторыхъ и ни третьяго совсѣмъ и не было.

Вотъ еще фактъ.

У казаковъ-амурцевъ есть оброчныя статьи. Отдаются онѣ частью съ торговъ, а частью „безъ оныхъ“, за извѣстную плату. Деньги поступаютъ въ казачій капиталъ.

Въ 1897 г. одну изъ этихъ статей, самую доходную (минеральный ключъ) взялъ въ долгосрочную аренду, безъ торговъ, самъ предсѣдатель войскового правленія. Взялъ, конечно, не на свое имя, а на имя дочери. Арендуетъ онъ её уже одиннадцатый годъ, получаетъ солидный доходъ, а деньги за аренду... забылъ платить. Требовать ихъ отъ него никто не смѣетъ.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ усматривается одно: казачьи ноёны, обязанные по закону заботиться о казакахъ, какъ о своихъ младшихъ братьяхъ, пекутся больше о чемъ-то дру-

гомъ. Большіе и малые, они пользуются, кажется, малѣйшимъ случаемъ, чтобы утянуть копѣечку изъ нищенскаго кармана „своихъ братьевъ“ въ... войсковой капиталъ.

Впрочемъ, кто не старается для самаго себя...

Вездѣ и всѣ.

— Богъ съ ними, говорятъ казаки.—На этомъ стоитъ міръ.

— Хотя бы маленько заботились о насъ, да помогали намъ на бумагѣ...

Быть можетъ казачья администрація дѣйствительно заботится о нихъ. Напримѣръ на бумагѣ, распорядительностію, предупреждая невзгоды въ жизни своей меньшей братіи.

. . . . . .

Въ 1905 г. необходима была казачьему населенію соль. Достать ее они не могли сами.

Что дѣлать? Рѣшили такъ: собрать 500 р. и вручить начальству съ почтительной просьбой выписать ее откуда возможно. Такъ и сдѣлали. Обѣщано. Получилась соль. Но, увы, и тутъ невзгода для казаковъ: полученіе соли запоздало на два мѣсяца. Грузъ ея прибылъ въ городъ на имя начальства передъ самой осенней распутицей, когда въ ней и надобности не было особой. Тѣмъ не менѣе начальство извѣстило казаковъ о полученіи заказа, присовокупивъ, чтобы заказчики явились немедля въ городъ за солью, въ противномъ случаѣ она будетъ продана въ городѣ. Разослано было это извѣщеніе въ началѣ рѣкостава.

Исполнить волю начальства казаки не могли за распутицей. Между тѣмъ начальство, прождавъ дней пять, исполнило свою угрозу—продало соль купцамъ и весьма дешево. Казаки остались безъ соли и безъ денегъ.

Сначала я не повѣрилъ имъ. Но, чрезъ недѣлю—полторы удалось удостовѣриться, что это фактъ: читалъ объ этомъ въ двухъ мѣстныхъ газетахъ.

Но, этотъ фактъ случайный. По немъ нельзя судить скажутъ мнѣ...

А вотъ этотъ фактъ не случайный, а обычный, происходитъ каждую весну.

Какъ уже говорилъ я, большинство амурскихъ казаковъ—бѣдняки. Для посѣва ежегодно нуждаются въ сѣменахъ. Предусмотрительная, въ этомъ случаѣ, администрація завела въ станицахъ хлѣбозапасные магазины. Изъ нихъ и выдаются сѣмена нуждающимся. Но, къ сожалѣнію, эта выдача происходитъ слишкомъ поздно: въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Чтобы получить сѣмена, надо заявить объ этомъ на станичномъ сходѣ. Пишется приговоръ и представляется станичному атаману. Послѣдній направитъ его въ В. Х. П. въ Б.

Полежитъ приговоръ недѣли двѣ-три у станичнаго атамана, да мѣсяцъ въ В. Х. П. Послѣднее разрѣшаетъ выдачу сѣмянъ въ концѣ мая и въ началѣ іюня. Сѣмена выдаются нерѣдко, когда бываютъ закончены посѣвы. И никому не приходитъ въ голову разъ навсегда измѣнить этотъ порядокъ: предоставить станичному сходу разрѣшать выдачу сѣмянъ.

Когда сгруппируемъ всѣ факты, разсказанные въ этой и послѣдней главахъ, да прибавимъ къ нимъ исторію казачьихъ невзгодъ, со времени водворенія на берегахъ Амура (см. 31 главу), то все-таки не будетъ понятна причина крайней бѣдности и безпомощности амурцевъ.

Слѣдовательно еще что-то недостаетъ для полнаго, всесторонняго пониманія этихъ плотовъ. Къ нарисованной мною картинѣ жизни амурскаго казачества, съ 1854 до послѣднихъ дней текущаго года, недостаетъ главной частицы.

Вотъ эта недостающая деталь.

Амурцы, какъ и прочіе казаки Россійской имперіи, имѣютъ будто-бы „самоуправленіе". И дѣйствительно, въ концѣ года здѣсь происходятъ станичныя собранія, или сходы Не всѣ казаки могутъ присутствовать на этихъ сходахъ. Для этого выбираютъ особыхъ депутатовъ. Обыкновенно десять дворовъ выбираютъ одного. По закону каждый выбранный членъ имѣетъ права говорить, предлагать, совѣщаться. Данный вопросъ

рѣшается по числу голосовъ. Закономъ установлено нѣсколько сносныхъ статей порядка самоуправленія. Но, въ послѣднихъ дополненіяхъ (циркулярами и приказами) всѣ эти статьи низведены на нуль, и казачье „самоуправленіе“ превратилось въ жалкую пародію его, въ господство низшей, станичной администраціи.

Въ засѣданіи станичнаго схода присутствуетъ казачій поёнъ амурскаго полка. Онъ хотя и не предсѣдатель схода, но высшее полицейско-административное лицо. Онъ руководитъ и сходомъ казаковъ и станичнымъ атаманомъ предсѣдателемъ; задастъ тонъ ему и сходу, какъ представитель В. Х. П. Кромѣ того тутъ же присутствуютъ: помощникъ атамана и поселковые атаманы. Члены схода — не зауряднные казаки-бѣдняки. Преимущественно это зажиточные и богатые, торговцы и подрядчики. Благодаря своей толстой мошнѣ, они пользуются особымъ вниманіемъ начальства. Тѣ подаютъ имъ руку, бесѣдуютъ, какъ равные. А вечеркомъ соберутся у гостепріимнаго казака-богатѣя на пиршество, на карточный вечеръ. Однимъ словомъ между станичными крезами-кулачками и начальствомъ (станицъ и даже повыше...) кумовство, родственныя и пріятельскія отношенія. Пожелаетъ крезъ наказать грубіана, нерадиваго — батрака, худого плательщика его долга — достаточно ему сказать только одно слово. Точно такъ же ему ничего не стоитъ выдвинуть изъ ничтожества своего вѣрнаго раба, угодника и пособника, родственника своей милашки. Освободитъ его отъ тяжелой службы, отъ непріятныхъ обязанностей ея... Однимъ словомъ станичному ротшильду, владѣльцу могущественнаго капитала, возможно многое.

Такъ вотъ, въ концѣ года собрался такой станичный сходъ. Здѣсь офицеръ, станичный атаманъ, нѣсколько поселковыхъ и немного больше, чѣмъ послѣднихъ, выбранныхъ членовъ, — повторяю, зажиточныхъ и богатыхъ казаковъ.

Разсуждаютъ они обо всемъ, кромѣ дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей казачьяго населенія.

Они не имѣютъ права разбирать:

1) начальствующихъ лицъ, начиная съ станичнаго атамана и поднимаясь выше, по лѣстницѣ іерархіи;

2) распоряженія и приказы администраціи, начиная съ поселковаго атамана;

3) о недостаткахъ законовъ, о мѣропріятіяхъ и распоряженіяхъ начальства;

4) осуждать существующій порядокъ, злословить кого-либо изъ начальствующихъ, даже поселковаго атамана, офицеровъ и урядниковъ. И т. д., и т. д.

Всѣ богатые и зажиточные казаки—урядники. Какъ бы вредна ни была ихъ дѣятельность для казачьяго населенія, толковать и разбирать на сходахъ объ этомъ не имѣютъ права.

Такъ что, область дозволеннаго весьма ограниченная: объ урожаяхъ, о распредѣленіи пашенъ, сѣнокосовъ, о бѣдствіяхъ, причиненныхъ наводненіемъ и проч , о падежахъ, о назначеніи казаковъ станицы на разныя служительскія должности, о распредѣленіи сборовъ съ казачьяго населенія, о барышахъ кабачныхъ, о выборѣ сидѣльца, о количествѣ бочекъ водки, необходимыхъ для станичнаго кабака...

Всѣ подобные вопросы обсуждаютъ почти двое: поёнъ полка и станичный атаманъ Нерѣдко вставляетъ слово и богатый казакъ. Туго набитый кредитками бумажникъ даетъ ему право высказывать свое мнѣніе. Но, вотъ осмѣлился заговорить рядовой казакъ, средняго достатка. Понятно, его не слушаютъ. Не успѣетъ онъ кончить фразу, какъ „его благородіе“ крикнетъ ему: „Молчать“! „Ерунду порешь“! „Держи языкъ за зубами“! „Не умѣешь говорить“.

Не было еще случая, чтобы поёнъ и станичный атаманъ выслушивали до конца фразу рядового казака, какъ бы она ни была разумна. Казаки такъ привыкли къ этому, что на станичныхъ сходкахъ не смѣютъ и рта разинуть.

— Лучше не ходить бы намъ на эти сходки, говорятъ казаки.

— Велятъ! Ничего не подѣлаешь!

Во все существованіе амурскаго казачьяго войска была казачья сходка, заслуживающая вниманіе безпристрастнаго историка. Происходила она въ ст. II. въ февралѣ 1905 г. Участвовали въ ней рядовые казаки и даже бѣднаго достатка. Предсѣдательствовалъ умный и честный казакъ, выбранный всѣми членами собранія.

На этомъ совѣщаніи не было ни одного казачьяго креза, ни станичнаго атамана, ни поселковаго. Не было никакого ноёна. Это собраніе было многолюдное, говорили всѣ съ энергіей и не стѣснялись ни чѣмъ, и ни кѣмъ. Это былъ моментъ, когда амурцы выложили всѣ свои тяжелыя думы, повѣдали міру свои горести, раскрыли предъ своими товарищами всѣ свои наболѣвшія раны и затаенныя желанія.

Тѣхъ, другихъ и третьихъ у амурца непочатый уголъ.

Изложу кратко содержаніе нѣкоторыхъ выдающихся рѣчей на этомъ совѣщаніи.

Одинъ бѣднякъ, рядовой казакъ, жалуется, со слезами на глазахъ на казачью горемычную долю.

Вотъ какова эта доля.

Состоитъ казакъ на службѣ всю свою жизнь съ 21-го года до 55-го. Кромѣ того, онъ не избавленъ и отъ повинностей натуральныхъ и денежныхъ. Не бываетъ дня, чтобъ его не гнали исправлять дороги, мосты, возить постороннихъ и своихъ начальниковъ, офицеровъ и урядниковъ. За все это казакъ получаетъ одни плюхи, зуботычины и брань, и ни откуда и ни отъ кого помощи ни на грошъ. Въ 1904 г. Государь далъ вспомоществованіе по 100 р на семью, но и тѣ ушли торговцамъ-кулакамъ, да въ кабаки, въ уплату долговъ. Ни правды, ни милости для казака не существуетъ. Непремѣнно надо просить у Царя-Батюшки, чтобъ избавилъ насъ, казаковъ, отъ повинностей, отъ обидъ и поношеній со стороны нашихъ ноёновъ особенно мелкаго, да сократилъ бы службу на 10 лѣтъ, до 45 годовъ.

Другой жалуется, что онъ въ прошломъ году снарядилъ сына на службу. Все снаряженіе и обмундированіе обошлось ему рублей въ 200. За непмѣніемъ средствъ онъ продалъ

кулакамъ все, что было у него: двѣ коровы и единственнаго коня. Этого конягу хотѣлъ взять сынъ. Тогда снаряженіе обошлось бы наполовину меньше. Начальство не дозволило:— „конь худой и старый“. А потому пришлось еще продать двухъ свиней и всѣхъ курицъ. Такъ что теперь разорился вконецъ. Жить ему съ малыми ребятами совсѣмъ нечѣмъ. Ходитъ по міру и собираетъ Христа ради. Просилъ вспомоществованіе у своего начальства. Отказали. А богатѣямъ нашлось. Одному дали 200 р. А царское пособіе все взялъ станичный атаманъ въ уплату долга торговцу, брату своему. Такъ (какъ онъ) разорились многіе казаки, снаряжая на войну своихъ сыновей. Надо молить Государя-батюшку освободилъ бы насъ отъ этой тяготы и повелѣлъ бы принять на счетъ казны снаряженіе и обмундированіе.

Третій говорилъ о необходимости для казаковъ самоуправленія. Нынѣшніе же порядки не терпимы: на станичномъ сходѣ казаку нельзя и пикнуть о своихъ тяготахъ, объ обидчикахъ-кулакахъ и о непорядкахъ въ казачьемъ быту. Кулаки-казаки, въ станицахъ, что хотятъ то и дѣлаютъ. Всѣ заработки давнымъ давно захватили въ свои руки. Напримѣръ: брали и берутъ подряды на поставку дровъ на пароходства по 5—6 р. за сажень. Нанимаютъ для рубки рабочихъ самыхъ дешевыхъ—ссыльныхъ, выгнанныхъ или сбѣжавшихъ съ каторжныхъ работъ на колесной дорогѣ, вдоль Амура. Если мало ихъ, то нанимаютъ китайцевъ, еще дешевле ссыльныхъ. Что дѣлать казаку? Гдѣ взять копѣйку? Оставалось одно: рубить тѣ же дрова и продавать ихъ тому же подрядчику-кулаку по 1 р. 50 к. за сажень. Между тѣмъ самому казаку-дроворубу эта сажень стоитъ больше 2-хъ р. Кромѣ того, еще надо доставить на указанное мѣсто...

Это было три года тому назадъ. Нынѣ же лѣса въ 70—80 верстахъ отъ станицъ, и то только общевойсковой. Чтобы воспользоваться имъ, надо уплатить высокую пошлину, что доступно только богатому. Неудивительно, что во многихъ станицахъ, гдѣ станичнаго лѣса уже нѣтъ, казаку совершенно нечѣмъ заработать деньги.

Или вотъ хоть бы кабаки наши, продолжалъ рѣчь свою третій ораторъ. Сидѣльцы, зажиточные казаки-урядники, почти силой заставляютъ казаковъ брать водку. Берешь поневолѣ. А взялъ, надо пьянствовать. Хозяйство падаетъ отъ этого, разрушается. А не берешь, говорятъ, ослушаетесь.

— Не моги! На станичномъ сходѣ нельзя даже пикнуть объ этомъ. Потому всѣ старается, чтобы кабачные барыши были большіе. Изъ нихъ и награды имъ хорошія, и на содержаніе станичныхъ правленій идетъ много. Если кабачный сидѣлецъ много вина продаетъ, ему даютъ большую награду. А малъ доходъ отъ кабаковъ — ни наградъ имъ, ни пособій. Такъ вотъ и нужно установить, чтобы казаки меньше пропивали, а сидѣльцы бы не принуждали ихъ брать водку. Для этого слѣдуетъ сдѣлать такъ: большую награду тѣмъ сидѣльцамъ, которые мало водки продадутъ. А не продастъ ничего въ теченіе долгаго времени — давать ему чинъ, или орденъ какой, а не наоборотъ, какъ дѣлается у насъ. А главное намъ нужно самоуправленіе и избавленіе насъ отъ опеки. Необходимо, чтобы никто не стѣснялъ жизнь и дѣятельность казаковъ.

Четвертый говорилъ о рабствѣ въ казачьемъ быту... Казакъ—крѣпостной своихъ ноёновъ. Они разорили насъ своими поборами, а суммы ихъ (поборовъ) расходуютъ на такія учрежденія, на содержаніе такихъ лицъ, которыя совершенно безполезны и чужды казачьяго быта. Отъ нихъ денежныя тяготы и бѣдность, и больше ничего. Они что хотятъ, то и дѣлаютъ съ казаками и съ казачьимъ имуществомъ. Почему бы и у насъ не установить выборы членовъ в. п., какъ у другихъ казаковъ. Вотъ тоже непорядокъ и большой: въ составленіи годовой смѣты участвуютъ одни только начальствующія лица. Необходимо, чтобъ въ составленіи ее принимали участіе и выборные отъ рядовыхъ казаковъ.

И т. д.

Въ заключеніи постановили: для всесторонняго изученія казачьихъ дѣлъ—собрать общій съѣздъ всего амурскаго казачества. А приговоръ этотъ (постановленіе) разослать по всѣмъ станицамъ и поселкамъ.

Но, увы! Всѣ участники этого съѣзда были арестованы и присуждены къ каторжнымъ работамъ на 4 года. Осужденнымъ даже запретили подавать просьбу на Высочайшее Имя о помилованіи.

Несмотря на скорбный конецъ этого совѣщанія, во всякомъ случаѣ оно не забудется казаками. Оно доказало, что въ массѣ амурскаго казачества не заглохло сознаніе своего жалкаго положенія плота, въ полномъ смыслѣ этого слова. Казаки сознаютъ гдѣ причина ихъ бѣдности, безправія и рабскаго положенія.

Съ того времени прошло 5-ть лѣтъ. Подъёмъ духа казаковъ не заглохъ окончательно. Онъ проскользнулъ въ это царство тьмы и бѣдствій двумя слабыми лучами. Одинъ пока ничтожный самъ по себѣ. Но, кто знаетъ, не появится ли за нимъ цѣлый пукъ свѣта и не освѣтитъ ли онъ это спящее царство.

Въ поселкѣ Пашковскомъ былъ кабакъ*). Спдѣлецъ такъ старался распродать водку, чтобы заслужить награду и повышеніе, что всѣ казаки—старый и малый, пьянствовали безъ просыпу, позакладывали всѣ свои пожитки. Напрасно казачки, не давая свое убогое имущество, протестовали и пробовали бороться. Казаки ихъ тиранили и выгоняли изъ хатъ. Собравшись за поселкомъ, 18 казачекъ, матерей семействъ, рѣшили подать начальству жалобу и просить о закрытіи кабака... Кабакъ закрыли.

А вотъ и другой отрадный лучъ свѣта.

Въ Екатерино-Никольскѣ кулаки-торговцы забрали все казачье населеніе въ кабалу.

Казаки призадумались. Долго толковали и придумывали „какое“ бы найти средство освободиться отъ этой кабалы“. Нашелся умный человѣкъ познакомилъ казаковъ „съ этимъ средствомъ“. А другой осуществилъ его. И вотъ въ 1906 г. открылась общественная лавка. Дѣло пошло хорошо. Цѣны на товаръ сразу пошли на убыль. Кулаки-торговцы угово-

---

*) Казачьи—общественный.

рили въ 1906 г. поднять цѣны на товаръ на двѣ копѣйки. А сами спустили. Общественная лавка опустѣла. Покупателей ни одного. Учредители смѣнили приказчика, наказавъ новому „ни подъ какимъ видомъ“ не поднимать цѣны. Съ этого времени дѣло пошло отлично въ общественной лавкѣ. Этотъ успѣхъ побудилъ тѣхъ же станичниковъ открыть общественную мукомольню. Собрали капиталъ небольшой и открыли. Просуществовала эта мукомольня уже годъ. Весь дивидендъ этого года ушелъ на ремонтъ ея.

Успѣхъ этихъ кооперативныхъ учрежденій, несомнѣнно, породитъ подражаніе.

Конецъ.

Общее примѣчаніе къ 1-му и 2-му томамъ „По русскому Дальнему Востоку. Люди, ихъ жизнь и нравы“.

Источники:

1. *Барсуковъ.* Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ.
2. *Грумъ-Гржимайло.* Описаніе Амурской Области.
3. *Приамурскія Вѣдомости.*
4. *Амурскій край.*
5. *Бражниковъ.* Рыболовные промыслы на Д. В.
6. *Богдановъ.* Воспоминанія съ 1849 по 1880 гг.
7. *Кауфманъ.* Сибирское переселеніе на исходѣ 19 в. И т. д.

Странствуя по русскому Дальнему Востоку, пишущій эти строки велъ дневникъ. Во многихъ населенныхъ пунктахъ проживалъ по недѣлямъ и даже по мѣсяцамъ. Здѣсь сближался съ нѣкоторыми изъ крестьянъ и казаковъ, преимущественно старожилами. По-сибирски гостилъ и принималъ гостей. За самоварчикомъ или за бутылочкой шли бесѣды о предметахъ, кои интересовали автора. Выслушивая, одновременно записывалъ. При этомъ объ одномъ и томъ же выспрашивалъ по разнымъ мѣстамъ и даже въ одномъ и томъ же, но разныхъ своихъ знакомыхъ пріятелей, хотя объ этомъ уже имѣлъ разсказъ, и не одинъ. Благодаря этому, объ одномъ какомъ-либо предметѣ въ моихъ дневникахъ оказалось болѣе шести разсказовъ, При сличеніи нашелъ ихъ одинаковыми по содержанію...

Другое дѣло разсказы крестьянъ и пріисковыхъ рабочихъ. Ихъ разсказами пришлось пользоваться большей частью единоличными. Зато въ этомъ случаѣ я провѣрялъ ихъ по газетнымъ корреспонденціямъ. Встрѣчая противорѣчіе, придерживался послѣднихъ.

Изучая жизнь и нравы людей, авторъ пытался рѣшить вопросъ: какіе преобладающіе типы населенія на Д. В.? Для рѣшенія этого вопроса старался вести весьма обширное знакомство. Пользовался всѣми, даже малѣйшими поводами, чтобъ увеличить ихъ и изучить. Живя по городамъ по году или по два, мѣнялъ квартиры и столъ весьма часто. На одной и той же квартирѣ не жилъ болѣе одного мѣсяца.

Во II т. читатель найдетъ результаты этого изученія. Предоставляю читателю угадывать, къ какимъ группамъ общества принадлежатъ выведенные мною типы.

Оглавленіе II тома.

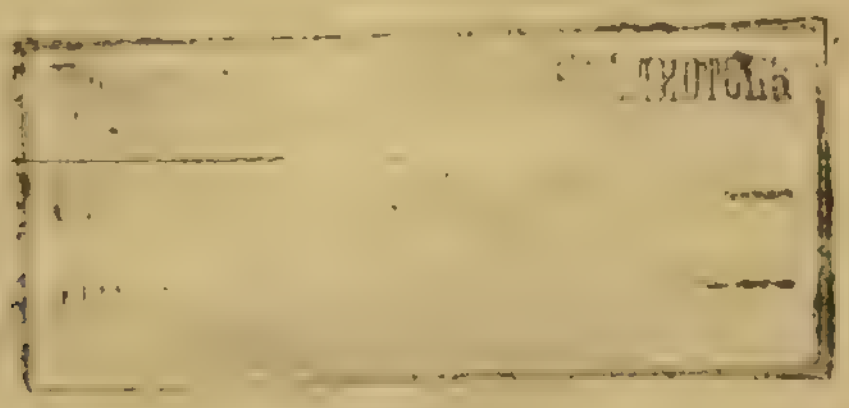
	Стр.
ГЛАВА 1. Нѣсколько словъ о своихъ цѣлахъ. Расположеніе Хабаровска. Климатъ.	3
ГЛАВА 2. Число жителей въ Хабаровскѣ. Рождаемость и смертность. Факторы, вліяющіе на смертность .	14
ГЛАВА 3. Достопримѣчательности города. Музей. Николаевская библіотека и проч.	25
ГЛАВА 4. Рынокъ. Улица. Генеральскій проспектъ	36
ГЛАВА 5. Постройка города. Капиталъ на постройки домовъ служащихъ и пользованіе имъ. Аферы. Кто строилъ дома для служащихъ. Казенныя постройки	43
ГЛАВА 6. Поиски занятій. Три способа найти ихъ. Многочисленные литераторы. Утки въ П. В. Общій фонъ Хабаровской жизни	50
ГЛАВА 7. Мои попытки имѣть уроки. Почему они не удались. Домашнія сцены моихъ учениковъ. Упражненія одного изъ послѣднихъ. Бесѣды прислуги. Мнѣніе олимпійцевъ о сѣрыхъ раб.	59
ГЛАВА 8. Надежды и упованія олимпійцевъ. Ихъ препровожденіе времени. Женщины, карты и вино. Забавы молодежи	71
ГЛАВА 9. Отпрыски столичныхъ чиновныхъ и титулованныхъ особъ въ медвѣжьихъ углахъ Сибири . .	82
ГЛАВА 10. Загадочные люди. Шиковъ	93
ГЛАВА 11. Загадочные люди. Вѣриновъ	102
ГЛАВА 12. Главныя преобладающія группы городскихъ пріамурскихъ обывателей. Скиталецъ	112
ГЛАВА 13. Жаждущіе фарта	121
ГЛАВА 14. Жаждущіе фарта. Ихъ дѣятельность. Немногіе счастливцы, обрѣвшіе фартъ	131
ГЛАВА 15. Счастливцы, обрѣвшіе фартъ	143

Стр.

ГЛАВА 16. Дѣлишки привилегированныхъ. Показная и домашняя стороны современнаго человѣка вообще и пріамурца въ особенности 154
ГЛАВА 17. По пути въ г. Николаевскъ, чрезъ Константиновку 168
ГЛАВА 18. Гольды, ихъ бытъ, нравы и современное положеніе 178
ГЛАВА 19. Продолженіе послѣдней главы 189
ГЛАВА 20. Гиляки, ихъ бытъ, нравы и современное положеніе 195
ГЛАВА 21. Айносы. Гипотеза объ ихъ доисторическомъ переселеніи. Ихъ бытъ и нравы 208
ГЛАВА 22. Устье Амура. Затонувшій казенный милліонный грузъ. Николаевскъ, его обыватели и ихъ жизнь 218
ГЛАВА 23. Кета. Осенній ходъ ея. Рыбопромышленники . 238
ГЛАВА 24. Отъѣздъ изъ Николаевска. Способы ловли кеты и засолъ. Доходы при продажѣ ея промышленниками 250
ГЛАВА 25. Попытки правительства заселить Д. В. рыбаками. Рыбопромышленность въ Японіи и у насъ. Распространеніе кеты, какъ пищевого суррогата. Стоимость ея въ разныхъ пункт. В. С. Факторы, вліяющіе на пониженіе и повышеніе кеты 267
ГЛАВА 26. Другой вопросъ о количествѣ кеты, вывезенной въ разные пункты края 276
ГЛАВА 27. Крестьянское населеніе по низовью Амура. Ихъ переселеніе и современное состояніе. Изолированность населенія въ распутицу и въ зимнее время. Плоды этой изолированности . 291
ГЛАВА 28. Плоды изолированности населенія по низовью Амура. Растрата 308
ГЛАВА 29. Плоды изолированности населенія по низовью Амура. Побѣжденная. Божеское наказаніе . . . 321
ГЛАВА 30. Въ ожиданіи попутчика. Поѣздка на китайскій заводъ сули. Производство, качество и сбытъ его 331
ГЛАВА 31. Поѣздка по Амуру. Долина его отъ устья Стрѣлки до г. Хабаровска. Замѣчательныя мѣста по теченію этой рѣки 338
ГЛАВА 32. Н. Н. Муравьевъ, его жизнь и дѣянія 355
ГЛАВА 33. Продолженіе послѣдней 367
ГЛАВА 34. Начало колонизаціи лѣваго побережья Амура. Сплавы. Заготовка сплавныхъ принадлежно-

Стр.

стей. Отправка сплавного каравана въ путь и ночлеги баржъ въ станицахъ 377
ГЛАВА 35. Ночлеги баржъ въ прирѣчныхъ деревняхъ и ихъ приключенія. Убытки казны „по волѣ Божіей“ 386
ГЛАВА 36. На новыхъ мѣстахъ. Постройки хатъ. Чрезмѣрныя тяготы, болѣзни и хроническія голодовки 396
ГЛАВА 37. Сынки. Ихъ вліяніе на населеніе. Новыя тяготы. Наводненія и перекочевки 409
ГЛАВА 38. Современное положеніе амурскихъ казаковъ. Количество населенія. Прибыль и убыль его. Видъ жилищъ. Количество домашнихъ животныхъ. Земледѣліе. Заработки. Рыболовство . . 419
ГЛАВА 39. Звѣроловство казаковъ. Охота на козъ и бѣлокъ 431
ГЛАВА 40 Школы. Наставники и ихъ положеніе. Суевѣріе казаковъ и дикіе нравы. Казачьи кабаки . 439
ГЛАВА 41. Современное положеніе казаковъ. Ихъ бѣдствіе. Причины его. Игнорированіе казачьей нужды. Эксплоатація казаковъ. Кулаки въ средѣ ихъ и роль первыхъ. Недостатокъ самодѣятельности и отсутствіе самоуправленія Слабыя попытки самодѣятельности казачьяго населенія 452
ГЛАВА 42. Продолженіе послѣдней 462
Общее примѣчаніе 475



Срок возврата книги.

~~SEP 15 1934~~
28/V-2987
18/VI 1788
21/VII 4460
22/VII 544